

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

19
-XIV
Slaw 776.90

**Harvard College
Library**

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910-1928

ОПЫТЪ ИСЛѢДОВАНІЯ

О КУЛЬТУРНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ВИЗАНТІИ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

В. ИКОННИКОВА.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1869.

Въ Университетской типографіи.

Slav 776.90

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ANNIBAL GARY COOLIDGE FUND
Apr. 2, 1932

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1869 года.)

АННОУНЦИОНИ

Глава I.

Въ развитіи научныхъ понятій древняя Россія и западная Европа представляютъ рѣзкій контрастъ: между тѣмъ какъ на западѣ остатки древней образованности послужили основаніемъ, изъ котораго развилась культура новой Европы; а латинскій языкъ, распространенный религіей, облегчилъ доступъ къ пониманію древней науки;—Россія не имѣла подобныхъ условій. Правда, получивъ религію изъ христіанской Византіи, при содѣйствіи греческаго языка, она могла-бы усвоить образованность древней Греціи, во многомъ превосходявшую римскую; но ограниченное вліяніе Византіи и нераспространенность греческаго языка, какъ мы увидимъ ниже, постоянно препятствовали развитію научныхъ знаній. И потому, когда Европа, хотя медленно, но вѣрно шла къ цѣли, постоянно разрабатывая научный матеріалъ, Россія, почти до XVII вѣка, находилась въ одинаковомъ положеніи; такъ какъ сумма знаній оставалась постоянно одна и таже. А когда въ XVIII вѣкѣ, окончательно выведенная изъ прежняго изолированнаго положенія, Россія вошла въ непосредственное отношеніе къ западной Европѣ, то естественно должна была подчиниться болѣе сильной цивилизаціи—европейской, и эта подчиненность сохраняется до сихъ поръ. Для

историка вдвойнѣ важно опредѣлить эти переходы въ исторіи умственнаго направленія: во-первыхъ потому, что умственное состояніе общества, будучи съ одной стороны результатомъ извѣстнаго соціальнаго положенія страны, съ другой—само является руководителемъ въ его жизни; во-вторыхъ, развитіе историографіи находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ состоянію научныхъ знаній вообще.

Такое положеніе историографіи въ особенности оправдывается тамъ, гдѣ страна послѣдовательно переживаетъ степени развитія подъ вліяніемъ болѣе сильной цивилизаціи, какъ напр. у насъ: какъ наши древнія лѣтописи, по своему общему характеру, представляютъ господствующее вліяніе византійскихъ понятій; такъ Синосисъ служитъ отраженіемъ современной польской образованности; Татищевъ — реформы Петра Великаго; Щербатовъ и Болтинъ—вѣка Екатерины II; Карамзинъ—переходнаго литературнаго направленія конца XVIII и начала XIX вѣка. Историкъ есть вѣрное отраженіе или общаго направленія, переживаемаго въ данное время обществомъ, или только извѣстнаго его момента. Безпристрастное отношеніе къ предмету и терпимость мнѣній — есть выраженіе извѣстной степени развитости историка.

Въ странѣ, вступившей въ періодъ образованности, научныя знанія зависятъ отъ состоянія школы, характера книгъ, обращающихся въ обществѣ, и извѣстныхъ преданій страны (политическихъ, религиозныхъ, общественныхъ). Послѣднія часто являются задерживающимъ элементомъ, а въ началѣ гражданственности, по большей части, смѣняются съ новыми понятіями и составляютъ съ ними новый міръ воззрѣній. Но и школа въ отношеніи къ развивающемуся знанію представляетъ элементъ консервативный: такъ въ XVI вѣкѣ, когда началась усиленная борьба съ схоластикой, — университеты и особенно Парижскій — сильно отставали ее ¹⁾; а открытія Коперника вообще распространялись не очень быстро ²⁾. Пока новое ученіе или открытіе одержитъ побѣду — школа упорно сохраняетъ *statu quo*. Въ наше время книга получила могущественное вліяніе и перѣдко замѣняетъ школу; но въ доброе старое время школа давала умственное направленіе об-

¹⁾ Галламъ, Ист. Европ. литер. I, 322, 326.

²⁾ Ib. 395. Уэвелль, Ист. индуктив. наукъ, I, 485 и слѣд.

ществу, и только отдельные умы, создавая новое, разрушали заветный связи с школою, из которой они вышли.

Узкий объем школьного обучения древней России; безусловное доверие къ книгѣ, при недостаткѣ научной критики; наконецъ смѣшеніе древнихъ языческихъ представлений съ новыми христіанскими; переработанными народнымъ понятіемъ въ своеобразную форму, при общемъ недостаткѣ научныхъ знаній, произвели ту особенную культуру, которая такъ отличаетъ нашъ древній бытъ отъ другаго. Продолжительность же этого періода закрепила старыя понятія въ обществѣ такъ сильно, что долго самый выходъ изъ такого состоянія казался невысказаннымъ: отсюда возникаетъ та упорная борьба въ понятіяхъ, которая особенно характеризуетъ XVII вѣкъ, и наконецъ «насильственный» переворотъ начала XVIII вѣка.

Въ строгомъ смыслѣ слова, до XVII вѣка у насъ не было науки; наша литературная дѣятельность до того времени вѣрно характеризуется названіемъ *книжность*. Она стояла въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и была ея результатомъ; книжность должна была удовлетворять только религіознымъ потребностямъ. Это подтверждаютъ характеръ школы, содержаніе книгъ и общій уровень знаній.

Училища въ Россіи начинаются вмѣстѣ съ христіанствомъ. Владиміръ Св. велѣлъ брать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать на ученіе книжное ¹⁾. Забѣлинъ справедливо полагаетъ, что вниманіе послѣдняго состояло въ приготовленіи ихъ—быть наставниками и служителями новой вѣры ²⁾. Этимъ объясняется и свидѣтельство летописца, что матери оплакивали чадъ своихъ, какъ мертвецовъ, потому что не утвердились еще въ вѣрѣ ³⁾. Плачь этотъ не былъ просто результатомъ отбирания дѣтей въ школу; но въ своихъ дѣтяхъ матери-язычницы видѣли будущихъ проповѣдниковъ новой вѣры; а извѣстно, что женщина не такъ скоро расстается съ преданіемъ и прежнимъ положеніемъ; домашній очагъ слишкомъ привязываетъ ее къ старинѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій объ училищахъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, въ разныхъ мѣстахъ: Ярославъ I, прійдя въ Новгородъ, основалъ тамъ (1030 г.) училище на 300 дѣтей,

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

²⁾ Домаш. бытъ русск. царей, Отеч. запис. 1854. № XII, 87.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

вадтыхъ удюловныхъ лицъ и старость новгородскихъ ¹⁾); Романъ Ростиславичъ завелъ училища въ Смоленской области; В. К. Всеволодъ Ярославичъ давалъ подаяннѣ на училища; а его дочь Янка основала училище при кievскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Кромѣ того, упоминаются училища въ Курскѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, въ Галицкой области, заведенныя при монастыряхъ королемъ Галицкимъ Ярославомъ Владиміровичемъ. Позже встрѣчаются еще въ Черни, В. Новгородѣ и Москвѣ ²⁾).

Но въ развитіи научныхъ понятій важно не столько количество школъ, сколько ихъ характеръ, объемъ обученія и направленіе школы; въ особенности въ то время, когда только полагается основаніе образованности и устанавливается ея названіе въ жизни. А въ этомъ отношеніи русская школа до XVII в. неизмѣнно сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, сколько не развиваясь съ теченіемъ времени; напротивъ, въ свидѣтельствахъ XV, XVI и начала XVII в. мы имѣемъ доказательства ея упадка. Характеръ нашей древней школы и грамотности—церковнослужебный: обученіе начиналось *буковаремъ*, за которымъ слѣдовалъ часословъ и наконецъ псалтирь—«вѣнецъ древняго словеснаго ученія и полнаго курса первоначальной науки» ³⁾. Знаніе этихъ книгъ было наиболѣе необходимо въ церковномъ обиходѣ; и потому старались, чтобы онѣ были усвоены цѣликомъ: такимъ образомъ заучиванье наизусть сдѣлалось главною цѣлью въ школьномъ преподаваніи ⁴⁾. Изъ школы и отъ духовныхъ наставниковъ уваженіе къ псалтири перешло въ жизнь: такъ были особенныя дорожныя псалтири; на псалтири гадали о своей судьбѣ; многія стихи изъ нея перешли въ пословицы, а псалмы послужили образцомъ для духовныхъ стиховъ. Иностранцы замѣтили, что русскіе особенно уважаютъ псалмы Давида, и дѣйствительно рукописныхъ и печатныхъ изданій псалтири до насъ дошло болѣе всѣхъ другихъ духовныхъ книгъ ⁵⁾. Если иногда кругъ этого ученія расширялся, то все-таки въ предѣлахъ церковныхъ и

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. V, 136.

²⁾ Татищевъ, III, 239, II, 138, 144, 101, 280 Житіе Θεодосія, Учен. зап. Ак. наукъ по II отдѣл. II, Стоглавъ, гл. 25; Соловьевъ IV, 272.

³⁾ Забѣлинъ, Отеч. записки, 1854, № XII, 88.

⁴⁾ Забѣлинъ, 97, 98.

⁵⁾ Правосл. Собесѣд. 1857 кн. IV. Снегиревъ: Русскія народныя пословицы и притчи. Маржереть. 260.

богослужебныхъ книгъ. О состояніи обученія въ древнихъ школахъ мы имѣемъ безпристрастное сужденіе изъ пачала XVIII вѣка, когда старались создать новую школу. *Издравле, говорится тамъ, русскимъ дѣтводцамъ и учителямъ обычай *быль и есть* учить малыхъ дѣтей въ началѣ—*азбуку*, потомъ *часословцу* и *псалтири*, а также *писати*; потомъ *нѣкоторые* преподають и чтеніе *апостола*. Возрастающихъ же препровождють къ чтенію *библии*, бесѣды евангельскихъ и апостольскихъ, и къ разсужденію высокаго разумѣнія, заключающагося въ тѣхъ книгахъ». Стоглавъ (XVI в.), говоря о бывшихъ училищахъ по городамъ, выражается вообще, что въ нихъ учили грамотѣ: читать, писать и пѣть ¹⁾. Самый методъ ученія состоялъ обыкновенно въ томъ, что учениковъ заставляли читать вслухъ и нараспѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы, а это опять свидѣтельствуеть, что цѣлью книжнаго ученія было только приготовленіе церковнослужителей. На этотъ случай составлялись даже особыя правила какъ пѣть и читать священныя книги ²⁾, которыя помѣщались при самыхъ книгахъ. Конечно въ такомъ ученіи было много механическаго труда и мало сознательной работы. *Старинная грамота, говоритъ Забѣлявъ, являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидакаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой». Этотъ способъ обученія пережилъ свой вѣкъ ³⁾ и долго сохранялся въ той средѣ педагоговъ, которые по преимуществу были руководителями воспитанія древней Руси ⁴⁾.

¹⁾ Забѣлявъ, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи. Отеч. записки 1856 г. № III—IV, стр. 12. Стоглавъ, глава 25.

²⁾ Достопамятности Москвы, изд. Тромонпнымъ. Москва 1845. 16. Описаніе рукоп. Синод. библ. I, № 3, 48, 56, 53. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году началъ учить октоихъ или огласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году *страстное пѣнье*, т. е. пѣсни страстной седмицы. Въ дворцовой казѣ находились между прочимъ стихиры и тріоди *знаменныя*, т. е. писанныя *подъ знамя* или съ крюковыми нотами. Отеч. записк. 1854, № XII, 105 и прилож. V.

³⁾ Забѣлявъ, Домашн. бытъ русск. царей. Отеч. зап. 1851, № XII, 98.

⁴⁾ *Памятно мнѣ, говоритъ Даниловъ (XVIII в.), мое ученіе у брудастаго (пономаря) и до сихъ поръ, по той можегъ быть причинѣ,

Такой объем школьного образования сохранялся до заведения училищъ въ XVII в. и потомъ остался достояніемъ низшихъ школъ до Петра В. Дѣти знаменитаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же книгамъ, какъ и дѣти простолюдина. Начитанность того времени была дѣломъ чисто личнымъ. Даже и въ царскомъ быту объемомъ обученія отличался только количествомъ читанныхъ книгъ, а не качествомъ преподаванія. Въ народномъ быту школьное ученіе оканчивалось псалтиремъ, а во дворцѣ послѣ псалтири учили дѣянія апостоловъ и евангеліе; при чемъ главнымъ образомъ старались, чтобы учитель былъ *кроткій, смиренный и въдуцій божественное писаніе* ¹⁾. Что же касается до судебной части, говоритъ Забѣляевъ, и до впажескихъ канцелярій, то здѣсь даже и старинная книжность не всегда процвѣтала: ее вполне замѣняла практика, *навыкъ*, тотъ навыкъ, который существовалъ и въ торговомъ дѣлѣ, и въ ремесленномъ, и въ земледѣльческомъ, и во всѣхъ другихъ *художествахъ*. Это образованность приказная, навыкъ вести дѣло, составлять бумаги по существовавшимъ образцамъ, подписывать указы, статьи судебныхниковъ или уложенія. Это образованность дѣловыхъ бумагъ, гдѣ всѣ науки, необходимыя въ обществѣ, заключались въ массѣ практическихъ знаній о состояніи, средствахъ, силахъ страны, тѣхъ знаній, которыхъ нельзя было не знать, завѣдывая тою или другою частью управленія; тѣхъ или другимъ приказомъ; тою или другою областью, вообще знаній, которыя приобретались постоянною практикою, а не научно, не изъ школы. Весьма естественно, что въ этомъ разрядѣ лицъ чаще, нежели въ дру-

что часто меня събли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣньность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ брдастаго отпуса ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безвыходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такового всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, въечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція—меня, какъ менонятнаго, съчь. Я думалъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть подлежитъ наказаніе. Записки артиллеріи майора Данилова, написанныя въ 1771 г. М. 1842. 38.

¹⁾ Записки Крещатина, стр. 19.

гихъ, могли являться люди съ болѣшимъ государственнымъ смысломъ, каковы наиряднѣе были думцые дьяки и нѣкоторые изъ бояръ и другихъ сановниковъ»¹⁾. Мы потому сослались здѣсь на авторитетъ Забѣлина, что онъ представляется въ нашей исторической критикѣ защитникомъ строгой *документальности*²⁾, и стоять въ этомъ отношеніи вполне на реальной почвѣ, не увлекаясь личными соображеніями въ объясненіи фактовъ и личными фантазіями³⁾.

Правописаніе древнихъ рукописей показываетъ, что не было даже основательнаго грамматическаго знанія. »Разбирая строго, говорить Забѣлинъ, нѣтъ ни одного памятника изъ древней нашей письменности, который былъ-бы писанъ грамматически правильно, съ строгимъ соблюденіемъ отъ начала до конца принятой орфографіи, вѣрно, отчетливо. Многие изъ нихъ писаны даже мзачно; но нѣрѣдко въ одномъ и томъ же словѣ принята орфографія вовсе не соблюдалась. Здѣсь все заключалось въ болѣшей или менѣшей добросовѣстности переписчика, въ болѣшемъ или менѣшемъ *рабочитномъ перекладѣ* подлинника. Бывальный вѣщность часто оказывался лучше мудреца, передѣлывавшаго по-своему, и чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ болѣе водворялось своеволіе писцовъ»⁴⁾.

Свѣтская мудрость не закрадывалась въ древнерусскую школу. Азбука у тогдашнихъ грамотниковъ надвывается лѣтвицею къ ивученію часовника, псалтири и божественныхъ догматовъ⁵⁾; а грамматика назначалась для того, чтобы знать »какъ писать и читать каждую пословицу во святыхъ книгахъ»⁶⁾. Знатокъ книгъ представлялись современникамъ »великими философами» и »учительными людьми»; но тутъ же вся эта мудрость сводится только на знаніе священнаго писанія или церковныхъ книгъ. Въ этомъ заключалась »вся грамота», по понятіямъ даже начитанныхъ книжниковъ, а выраженіе *книга* означало

1) Забѣлинъ, Отеч. записки, 1854, № VII, 91, 98. Отеч. зап. 1856, III—IV, 18.

2) Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи, Забѣлина, Отеч. записки, 1856, № III—IV, 19.

3) Забѣлинъ, Размышленія о современ. задачахъ рус. исторіи и древностей. Отеч. зап. 1860, № XI. 95—143.

4) Забѣлинъ, Отеч. зап., 1856, III—IV, 13, 14.

5) Ibid. Отеч. запис. 1854, XII, 95.

6) Опис. Рум. музея. 1.

вообще только священную книгу ¹⁾. Знаніе такой мудрости ведетъ непосредственно къ спасенію души, очищенію грѣховъ и благамъ будущей жизни ²⁾.

При такомъ характерѣ книжности, удовлетворяющемъ исключительно церковнымъ потребностямъ, образовалось въ скоромъ времени мнѣніе, что занятіе книгами дѣло не простаго гражданина, а только церковника. Въ XII вѣкѣ говорили: «мы имѣемъ женъ и кормимъ дѣтей», «мы служимъ князю и содержимъ власть», «мы занимаемся ремесломъ», прибавляя при этомъ: «не наше дѣло заниматься чтеніемъ книгъ, а чернецкое» ³⁾. А въ XIII в. многіе не считали нужнымъ заниматься изученіемъ и св. писанія ⁴⁾; потому что для спасенія души можно было обойтись однимъ *слушаніемъ* книгъ, для котораго даже были особые правила ⁵⁾. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ, что лица высокопоставленныя были малограмотны или не знали совсѣмъ грамоты. Такъ Дмитрій Донской не былъ хорошо наученъ книгамъ, Василій Темный былъ неграмотенъ ⁶⁾. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ сказано, что князья и дѣти боярскіе не приложили къ нимъ рукъ своихъ, потому что «не умѣютъ грамотѣ» ⁷⁾. Грамота была низведена на степень ремесла, необходимаго для отправления церковной службы—и только.

Пока религіозная потребность была не велика, то недостатка въ книжныхъ людяхъ не было замѣтно; но съ распространеніемъ христіанства она возрастала: въ Новгородѣ до 1229 г. было построено 69 церквей, а между 1229—1462 г. не менѣе 150 ⁸⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Москвѣ было—по городамъ и селамъ 1½ тысячи церквей и при нихъ 18 тысячъ клира; да кромѣ того у богатыхъ бояръ вошелъ обы-

¹⁾ Патерикъ, листъ 194. Полн. собр. рус. лѣт. I, 65, 66, 79, 188, 190. II, 218. Татищевъ, IV, 70. Никоновская, IV, 111. Шевыревъ, III, 35.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. 65—66. Опис. рукоп. Рум. муз. 231. Опис. рукоп. Синод. библ. II, 623. Правосл. собес. 1858, іюнь, 157, 177, 179; 1862 г. февраль, 135, 140, 151.

³⁾ Рукоп. графа Уварова, II, выпускъ I, стр. 71.

⁴⁾ Обзоръ духов. литер. Филарета, 57.

⁵⁾ Правосл. собес. 1858, іюль. 174, 157.

⁶⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, IV, 349.

⁷⁾ Собр. госуд. грамотъ, I, № 184, 556.

⁸⁾ Соловьевъ, III, 34, IV, 231.

чай имѣть у себя домовныя церкви, за служеніе въ которыхъ попы получали по договору деньгами и натурою ¹⁾. Такимъ образомъ потребность въ церковнослужителяхъ должна была усилить съ одной стороны поступленіе въ клиръ, съ другой—подготовленіе къ церковнымъ обязанностямъ. Но если одни поступали въ клиръ по влеченію, то гораздо болѣе шло въ церковнослужители, желая избавиться отъ гражданскихъ повинностей; такъ какъ большая часть поступающихъ состояла изъ людей простаго званія или крестьянскаго сословія. »*Церквей много наставленно, говоритъ лѣтописецъ во второй половинѣ XV вѣка, и всякій, не желая заниматься рукодѣліемъ, идетъ въ поны, и изъ того живеть*« ²⁾. Очевидно, что ремесленный взглядъ на свои обязанности вносилъ такой же взглядъ и въ подготовку къ этимъ обязанностямъ, т. е. въ обученіе. Добиваясь священства, эти лица заботились не о разумномъ знаніи грамотности, а только о выполненіи, и то съ грѣхомъ пополамъ, церковнаго круга, лишь-бы достигнуть цѣли. Въ слѣдствіе такой нужды явился особый родъ грамотниковъ, которые въ свою очередь *кормились* этимъ выгоднымъ промысломъ, тоже не заботясь объ осмысленіи своей работы. Это были уже *мастера*. Такое печальное состояніе учебнаго дѣла лучше всего видно изъ грамоты Геннадія, архіепископа новгородскаго, къ митрополиту Симону: »*Вотъ, пишетъ онъ, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступитъ не умѣетъ, приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ* (слѣдовательно псалтирь считалась важнѣе). Я отказываю ему, и на меня жалобы: *земля, господине, такова, не можемъ добыть ктобы умѣлъ грамотъ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человека на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктению, а онъ и въ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они, не много поучившись азбукѣ, просятъ прочь, не хотятъ учить ея. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотъ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру вашу да гривну денегъ, за утреню тоже или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера—и ничего не умѣетъ—едва, едва бредетъ по*

¹⁾ Котошихинъ, о Россіи, гл. VI, XIII.

²⁾ Полн. соб. рус. лѣтоп. VI, 186.

книгѣ; и церковнаго порядка вовсе не знаетъ» 1). При этомъ Геннадій хлопоталъ о заведеніи училищъ: очевидно, что ихъ уже не существовало, потому что онъ предлагалъ такой же кругъ ученія, какой былъ въ древнемъ періодѣ 2). Съ тѣхъ поръ, какъ грамотность низошла до простаго ремесла, пригоднаго на извѣстный случай, а мастера захватили въ свои руки этотъ выгодный промыселъ, училища, лишенные постоянныхъ средствъ и поддержки общества, неминуемо должны были пасть. А насколько въ тогдашнемъ обществѣ не доставало болѣе нравственныхъ стремленій — доказывается весьма выдающимся фактомъ изъ второй половины XV вѣка. Когда митр. Θεодосій вздумалъ собирать въ Москвѣ еженедѣльно духовенство для поученія и наставленій, то въ средѣ его поднялся такой ропотъ, что Θεодосій принужденъ былъ оставить митрополию 3).

Но, какъ видно, и вверху скромныя требованія Геннадія не произвели надлежащаго впечатлѣнія, потому что въ половинѣ XVI вѣка, на стоглавомъ соборѣ, было заявлено: когда епископы спрашивали ставленниковъ: »почему они мало умѣютъ грамотѣ? то они отвѣчали: »мы учимся у своихъ *отцовъ и мастеровъ*, и учиться болѣе намъ *неидтъ*; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, на столько и насъ учать«; »а отцы ихъ, замѣчали члены стоглаваго собора, потому такъ мало умѣютъ и силы божественнаго писанія не знаютъ, что *учитъся имъ неидтъ*« 4). Къ какому же результату пришли члены стоглаваго собора? На соборѣ было постановлено завести по городамъ училища, въ домахъ священниковъ и діаконовъ; »которые учили-бы своихъ учениковъ, грамотѣ: *читать, писать и пѣть*, а также *псалтири, наложному чтенію и канонарханію по церковному чину*; чтобы они, прійдя въ возрастъ, могли быть достойными священническаго чина« 5). Слѣдовательно учебный идеалъ и въ половинѣ XVI вѣка оставался тотъ же самый, какъ и въ X. Между тѣмъ, въ это время западная Европа переживала

1) Азты Историч. I, № 105.

2) »Совѣтъ мой, писалъ Геннадій, таковъ: сперва пусть будетъ истолкована азбука съ гранями, потомъ подтительныя; за тѣмъ выучить твердо *псалтирь съ возмѣдованіемъ*; тогда можетъ канонархать и читать всякую книгу«. Ibid.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 186.

4) Стоглавъ, гл. 25.

5) Ibid, гл. 26.

уже эпоху возрожденія и вступила въ борьбу съ схоластикою. Но такъ какъ взглядъ на учебное дѣло у насъ оставался тотъ же, то и результаты новыхъ распоряженій, не осмысленныхъ болѣе живою цѣлью и предоставленныхъ доброй волѣ духовныхъ отцовъ, не могли быть лучше прежнихъ. Правда, Одерборнъ говоритъ, что «въ школахъ при храмахъ учать дѣтей первымъ началамъ»; (при чемъ выражается: *катехизацинъ нѣтъ*); но едвали это извѣстіе имѣеть обширное значеніе, не говоря уже о крайне-незначительномъ преподаваніи; потому что одновременно съ нимъ Кобенцель, самъ бывшій въ Москвѣ (1576 г.), замѣчаетъ: «Во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся *въ обителяхъ*, а потому изъ тысячи едвали одинъ найдется, ктобы умѣлъ читать или писать» ¹⁾. Это извѣстіе подтверждается и свидѣтельствомъ Маржерета (около 1600 г.), который, говоря, что въ его время «одни священники наставляли юношество чтенію и письму», прибавляетъ: «чѣмъ впрочемъ немногіе занимаются» ²⁾.

Между тѣмъ какъ школа въ древней Россіи на первыхъ порахъ утратила образовательное значеніе, такое значеніе приобрѣло другое учрежденіе—*монастырь*. Но, для правильной оцѣнки его вліянія, мы должны прежде прослѣдить характеръ новыхъ идей, выработанныхъ въ византійскомъ обществѣ и которыя были перенесены на русскую почву помимо узкой сферы древней школы.

«Съ періода новой академіи, говоритъ Дрэнеръ, паденіе греческой философіи было непрерывно. Изобрѣтающій геній уже не существовалъ; мѣсто его заступилъ комментаторъ. Не тревожась изслѣдованіями объ абсолютной истинѣ, философы ищутъ поддержки въ возрѣвнѣхъ прежнихъ времени, и дѣйствительныя или воображаемыя мнѣнія Пифагора, Платона и Аристотеля принимаютъ за критеріумъ. Въ этомъ періодѣ старости философіи люди начинаютъ поступать такъ, какъ будто въ человѣческомъ племени никогда не существовало ни самостоятельныхъ изслѣдованій, ни открытій, и какъ будто вся истина, которою обладаютъ люди, была не произведеніемъ мысли, а остаткомъ прежняго откровенія небесъ, откровенія теперь совершенно забытаго, вслѣдствіе грѣховности и паденія человѣка. Есть нѣчто весьма грустное въ этомъ совершенномъ прекращеніи изслѣдованія. Умственный толчокъ, кото-

¹⁾ De legat. ad Moscov. ed. Starcziewsky. pag. 15, 39, 40.

²⁾ Записки Маржерета, 260.

рці об'їцалъ продолжительное существованіе, при содѣйствіи, сообщенной ему столькими вѣками, силы, казалось, вдругъ совершенно истощился. Политика первыхъ цесарей много способствовала такому быстрому наступленію застоя. Принципъ свободы мысли, признанія котораго необходимо требовало существованіе различныхъ философскихъ школъ—этотъ принципъ былъ слишкомъ способенъ заявить себя въ стремленіи къ политической свободѣ. Въ то время, какъ императоры лишили школы Греціи, Александріи и Рима того первенства, на которое онѣ претендовали, и черезъ это относительно возвысились провинціальныя школы, какъ на примѣръ въ Марселѣ, Родосѣ, первая безъ шума и частнымъ путемъ начала то соперничество, которое было предтечею великой теологической распри, происшедшей между ними въ послѣдующіе вѣка за политическую власть* 1).

Общее направленіе философій этого періода, имѣвшего громадное вліяніе на послѣдующее развитіе мысли въ Греціи, представляетъ тѣсную связь философскихъ понятій съ религіознымъ міросозерцаніемъ востока. Еврей Филонъ, жившій во время императора Калигулы, основывалъ философію и всякое полезное знаніе на преданіяхъ о моисеевыхъ временахъ и аллегорически объяснялъ священное писаніе. По его мнѣнію физическія изслѣдованія приносятъ очень мало пользы, а потому человекъ долженъ надѣяться только на безгрѣшную жизнь и пламенную вѣру. Онъ выдавалъ себя за боговдохновеннаго. Міръ представляется ему главнымъ ангеломъ и первымъ сыномъ Бога; всѣ силы божества соединяются въ одну—»логосъ« или св. слово; а высшими проявленіями божества называются—творческая мудрость и правящее милосердіе. Но такъ какъ съ понятіями о Богѣ несогласно происхожденіе зла, то Филонъ выводитъ его отъ этихъ силъ, принимая теорію эманации. Но Филонъ былъ слишкомъ отвлеченъ для простаго пониманія. Аполлоній Тіанскій стоялъ ближе къ жизни. Онъ способствовалъ популярному распространенію оріентализма. Онъ выдавалъ себя за пророка и чудотворца; велъ жизнь аскета въ полномъ смыслѣ слова; стремился преобразовать религіозные обряды и нравственность общества; отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній и замѣнять ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою. Очищая такимъ образомъ религію отъ испорченности виѣшнихъ формъ, Аполлоній падалъ и на постоу,

1) Дрэнеръ, Исторія интеллектуальнаго развитія Европы. I. 179.

которые, по его мнѣнію, оскорбляли ее своими баснями о богахъ. Онъ держался восточнаго ученія о переселеніи душъ. Такова переходная ступень къ наступившему кризису греческой философіи. Плутархъ, послѣдователь платонизма, въ сущности своихъ мыслей имѣетъ много восточнаго. Его Изида—соотвѣтствуетъ »Логосу« Филона. За тѣмъ восточныя черты еще болѣе встрѣчаются у Апулея Нумидійскаго и Нуменія. Послѣдній выводилъ всю греческую философію съ востока. Божество представляется ему съ тремя атрибутами: первый изъ нихъ — разумъ, второй—творческая сила, дающая начало третьему. Ученіе Нуменія непосредственно ведетъ къ неоплатонизму, который распространился тогда по всѣмъ центрамъ умственной жизни древняго міра: въ Римѣ, Константинополѣ, Аѳинахъ, Александріи, гдѣ онъ велъ усиленную борьбу съ возрастающимъ христіанствомъ.

Въ III вѣкѣ, Плотинъ, учившійся въ Александріи, подъ руководствомъ Аммонія Сакоса—основателя неоплатонизма, образовалъ свою школу въ Римѣ. Тамъ онъ пользовался покровительствомъ императора Галліена, а императрица Салонина хотѣла основать для него новый городъ, гдѣ бы онъ могъ приложить къ дѣлу начала платонической республики. Плотинъ проповѣдывалъ презрѣніе къ настоящей жизни и ея благамъ, и даже призираетъ патріотизмъ. Въ частной жизни онъ былъ крайнимъ аскетомъ: не ѣлъ мяса и питался самымъ незначительнымъ количествомъ хлѣба; презиралъ свое тѣло, которое казалось ему призракъ и помѣхою для души. Онъ вѣрилъ обману своего чувства, что ему удалось видѣть Бога собственными глазами и что онъ соединился съ нимъ шесть разъ. При такомъ настроеніи неудивительно, что его сочиненія были проникнуты мистицизмомъ, представляющимъ смѣсь платонизма съ восточными вѣрованіями и египетскими преданіями.

Въ религіи Плотинъ защищаетъ язычество: мифологія полезна для людей, которые не могутъ возвыситься надъ чувственными представленіями; боги и демоны иногда являются видимо; волшебство можетъ быть совершенно закононо и даже не противно философіи; тѣло избранно орудіемъ для наказанія души. Его представленіе о божествѣ основано на платонической идеѣ о троицѣ: 1) Единое и первая сущность; 2) Разумъ; 3) Душа. Самое понятіе о троицѣ опирается на теорію эманаций: такъ, второе начало, посредствомъ эманации, произошло изъ перваго; а третье изъ втораго, подобно солнцу, испускающему свѣтъ, который въ свою очередь даетъ теплоту. »Чувственная жизнь, говоритъ

Плотинъ, есть только театральныя подмостки; всякое бѣдствіе ея только воображаемое; всякое горе только обманъ актера... Душа не участвуетъ въ игрѣ; она есть зритель, и только внѣшній призракъ плачетъ и жалуется. Цѣль существованія есть освобожденіе души отъ внѣшняго міра и обращеніе ея къ созерцанію бога. Это общеніе съ божествомъ описывается у Плотина, какъ опьчненіе души, забывающей все внѣшнее и теряющейся въ созерцаніи Единаго: это состояніе экстаза. Такимъ образомъ здѣсь восточное созерцаніе вполне торжествуетъ.

Ученіе Плотина продолжалъ развивать его ученикъ Порфирій, основавшій свою школу въ Римѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ знатокъ астрономіи, музыки, географіи и другихъ наукъ. Его мистицизмъ лучше всего видѣнъ изъ его теоріи духовъ: тамъ онъ говоритъ о демонахъ безтѣлесныхъ, требующихъ пищи, но не безсмертныхъ; нѣкоторые изъ нихъ управляютъ воздухомъ и могутъ быть сдержаны магіею; некромантія также допускается. Съ другой стороны, Порфирій требуетъ у своихъ послѣдователей чистоты жизни, совершенствованія; такъ какъ человѣкъ чрезъ свое паденіе лишился первой непорочности и прежняго знанія; при этомъ признается необходимымъ и воздержаніе отъ животной пищи. Въ достиженіи совершенства Порфирій ставилъ себя выше Плотина, потому что ему удалось соединиться съ богомъ только одинъ разъ въ восемьдесятъ шесть лѣтъ, а его учитель соединялся шесть разъ въ шестьдесятъ лѣтъ. Философія низошла до магіи и теургіи. О Амблихѣ рассказывали, что онъ силою своихъ молитвъ могъ подниматься на девять футовъ надъ землею, ничѣмъ не поддерживаемый; какъ онъ, при своихъ ученикахъ, вызвалъ двухъ видимыхъ демоновъ. А Проклъ производилъ дождь и землетрясенія (V вѣка).

Общая вѣра въ силу теургіи и магіи какъ нельзя болѣе благоприятствовала такой философіи. Біографъ Прокла изображаетъ его идеаломъ философа. Его добродѣтели онъ раздѣляетъ на физическія, нравственныя, очистительныя, теоретическія и теургическія. Аполлонъ и Минерва посѣщали его во снѣ; Плутархъ и Лизіанъ посвятили его въ таинства неоплатонизма; а дочь Плутарха сообщила ему преданія халдеевъ и приемы теургіи; онъ былъ также допущенъ къ элевзинскимъ таинствамъ. Значительная часть его жизни была посвящена вызываніямъ духовъ, очищеніямъ, постамамъ, молитвамъ, гимнамъ, сношеніямъ съ богами и духами. Философъ, по мнѣнію Прокла, не есть жрецъ одной религіи, но всѣхъ религій, существующихъ на свѣтѣ.

Онъ построилъ полную теологію, основанную на эманации и мистикѣ. Матеріаломъ для нея ему служили орфическія поэмы и халдейскія изреченія. Онъ принялъ титулъ «верховнаго жреца вселенной». Своимъ ученикамъ Проклъ рекомендовалъ читать Аристотеля, но особенно Платона, важнаго въ аллегорическомъ толкованіи. Самое знаніе онъ выводилъ изъ откровенія и сообщеній боговъ.

Изъ религіи и философіи мистика перешла и въ другія науки; числа и геометрическія фигуры давали обширное поле для фантастическихъ построеній. Пифагоръ и Платонъ, върившіе въ религіозное значеніе числа, и здѣсь послужили основаніемъ. У новыхъ платониковъ это ученіе образовало цѣлую систему. Чисто-математическія отношенія чиселъ,—какъ равный и неравный, совершенный и несовершенный, изобильный и скудный,—вслѣдствіе этой фантастической наклонности, были связаны съ понятіями добра и красоты, и эти понятія, переплетенныя между собою, составили обширную и запутанную систему. Проклъ, въ значительной степени, основываетъ свою философію на отношеніяхъ единаго и множества; и отсюда онъ выводитъ причинное дѣйствіе божественнаго духа посредствомъ трехъ триадъ; а въ развитіи одной части этой системы играетъ роль число семь. «Мыслимыя и разумныя божества, говоритъ онъ, создаютъ всѣ вещи способомъ триадъ; потому что монады раздѣляются въ этихъ послѣднихъ смотря по ихъ числамъ, и что въ первомъ было монадой, въ послѣднемъ есть число. Разумные боги создаютъ также всѣ вещи посредствомъ семи; потому что они развиваютъ мыслимыя, и въ то же время разумныя, триады въ разумныя гектомады (седмицы), и развертываютъ ихъ сосредоточенныя силы въ разумное множество». Семь есть то, что у математиковъ называется *первое* число, т. е. такое, которое не можетъ быть произведено помноженіемъ другихъ чиселъ. У неоплатониковъ число семь называется дѣвственницей, не имѣющей матери, и потому посвящено Минервѣ. Число шесть есть совершенное число, и потому посвящено Венерѣ.

Отношенія пространства понимались такимъ же образомъ, и геометрическія свойства связывались съ такими физическими и метафизическими понятіями, какія только могла соединять съ ними неопредѣленная мысль и живое чувство. Основаніемъ для такихъ выводовъ послужили комбинаціи Платона о частицахъ четырехъ стихій. Каждому роду этихъ частицъ онъ давалъ видъ одного изъ пяти правильныхъ твердыхъ

тѣль, относительно которыхъ онъ и его послѣдователи составляли особенныя геометрическія умозрѣнія. Частицы огня—были пирамиды, потому что онѣ остры и поднимаются вверхъ; частицы земли—кубы, потому что онѣ постоянны и совершенно наполняютъ пространство; частицы воздуха—октаэдръ, такъ какъ онѣ всего ближе въ сферической формѣ. Додекаэдръ есть фигура для стихій неба, и онѣ обнаруживають свое вліяніе въ другихъ вещахъ, какъ на примѣръ въ двѣнадцати знакахъ зодіака. Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, замѣчаетъ Уэвелль, какъ неопредѣленны и пусты эти комбинаціи пространства и числа въ этихъ мистическихъ фантазіяхъ ¹⁾.

Подъ конецъ своего существованія, философія вступила въ борьбу съ христіанствомъ. Порфирій написалъ трактатъ противъ христіанства, который вызвалъ на возраженіе Евсевія; Прокль боролся съ христіанами полемическими сочиненіями, и за тѣмъ встрѣчается цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ христіанства. ²⁾ Но религія побѣдила философію. Прокль, возбудившій противъ себя послѣдователей новой религіи, былъ изгнанъ изъ Аѳинъ; а въ 529 г. Юстиніанъ запретилъ обученіе философіи и закрылъ школы въ Аѳинахъ ³⁾.

Соприкасаясь на востокѣ съ различными религіями и философскими системами, христіанство необходимо должно было терпѣть нападенія, а принимая въ число своихъ послѣдователей—людей самыхъ различныхъ мнѣній, оно должно было вести борьбу и въ своей средѣ. Иудей, гностикъ, неоплатоникъ, не могли съ-разу позабыть своихъ прежнихъ вѣрованій и убѣжденій. Оттого, въ первые вѣка своего существованія, христіанство ведетъ такую упорную борьбу съ цѣлымъ рядомъ ересей, значительная часть которыхъ прямо указываетъ на свое философское происхожденіе. Со стороны новообращенныхъ евреевъ было заявлено требованіе объ исполненіи христіанами закона Моисея и обрѣзанія; но обращеніе евреевъ прекратилось еще до воцаренія Константина В. ⁴⁾.

Гораздо глубже было вліяніе на происхожденіе сектъ со стороны гностицизма и неоплатонизма. Гностицизмъ господствовалъ въ первые четыре вѣка и результатомъ его было множество второстепенныхъ

¹⁾ Дрәперъ, I, 180—186. Уэвелль, I, 355—366.

²⁾ Иннокентій, Церковная исторія, I, 13, 78, 158, 249, 310, 311.

³⁾ Дрәперъ, I, 184, 185, 186.

⁴⁾ Ibid. 234.

секты, примѣшавшихъ къ своимъ ученіямъ даже магіанизмъ. По мнѣнію гностиковъ Спаситель былъ эманациею разума, проистекшаго изъ вѣчнаго и самобытнаго духа; а этотъ разумъ былъ Христосъ, который представлялся имъ какимъ-то отвлеченнымъ призракомъ. Съ распространеніемъ христіанства по Египту, оно нашло много послѣдователей въ средѣ неоплатониковъ; потому что изъ всѣхъ философскихъ сектъ платоникъ доставлялъ ему наиболѣе членовъ ¹⁾. Это были главные элементы въ исторіи ересей; но, въ цѣломъ рядѣ ихъ, легко усмотрѣть общее направленіе тогдашней мысли.

Въ II вѣкѣ училъ въ Антиохіи и Сиріи Сатурниъ. Онъ принималъ два начала: Бога добраго и злую матерію съ ея владыкою. Богъ есть творецъ архангеловъ, ангеловъ, силъ и властей. Семь изъ нихъ, въ числѣ которыхъ одинъ есть Богъ іудейскій, безъ вѣдома добраго и противъ воли злаго начала, сотворили міръ и людей, которымъ хорошее начало даровало разумную душу, а злое—злую наклонности. Создателямъ міра Богъ ввѣрилъ правленіе имъ; но, когда они отпали, послалъ Христа, который былъ его *умъ, первоначальный, но не рожденный и безплотный*, съ тѣмъ, чтобы онъ, явивъ на землѣ въ призракъ плоти (а въ мѣсто него рѣшилъ Симонъ Киринейскій), разрушилъ царство злаго начала и открылъ путь къ Богу. Желаящіе возвратиться къ нему должны отказаться отъ мясной пищи, вина, супружества и всѣхъ чувственныхъ удовольствій. Въ этомъ ученіи видны слѣды восточной философіи. Въ то же время, соученикъ Сатурнина Василидъ училъ въ Александріи и находился подъ вліяніемъ египетскихъ воззрѣній. Добраго Бога онъ называетъ таинственнымъ именемъ *ἀβραξάς* или *ἀβρασαξ* (это имя находится на разныхъ іероглифическихъ изображеніяхъ), которое составляетъ число 365, какъ и египетское имя солнца *μίδρας* или *μειδρας*. Отъ этого начала родился Умъ, а отъ него Слово, и такимъ образомъ произошло семь зоновъ. Два изъ нихъ Динамисъ (сила) и Софія (мудрость) произвели ангеловъ; ангелы создали небо и другихъ ангеловъ; всего до 365 чиновъ и небесъ. Жители нижняго неба, близкаго къ злой матеріи, создали изъ нея міръ и людей, которымъ Богъ далъ разумную душу; но они захотѣли быть боготворимы и, споря о владычествѣ, произвели войны. Тогда Умъ—Христосъ, для восстановленія познанія о своемъ Отцѣ, вошелъ въ человѣка Иисуса, который и постра-

¹⁾ Дронеръ, I, 232, 235. Neander, Geschich. der christl. Religion, II, 47—51.

даль. Души, послушныя Сыну Божію, восходятъ къ Богу; остальные переходятъ въ другія тѣла, а тѣла возвращаются въ первобытную матерію. Карпократъ въ этомъ положеніяхъ Василида присоединилъ много волхвованій. Третій гностикъ—египтянинъ Валентинъ—былъ послѣдователь Пифагора и Платона. Онъ создалъ новую систему. По его ученію, въ Плиромѣ или *всепълмѣ*, находится пятнадцать мужскихъ и пятнадцать женскихъ эоновъ, родоначальниками которыхъ были: *любина и молчаніе; умъ и истина; слово и жизнь; человекъ и церковь*; и четыре эона дѣйственныхъ, которые назывались: Предѣлъ, Христось, Духъ святой, Исусъ. Отъ Софіи, послѣдней изъ эоновъ, родилась Ахамоеъ, которая была низвержена изъ Плиромы въ неустроенную матерію, съ помощью Исуса родила Диміурга, сотворившаго изъ *одушевленной* матеріи—небо и изъ *грубой*—землю. Человѣкъ созданъ изъ обѣихъ матерій, а Ахамоеъ присоединила къ нимъ существо духовное. Чтобы усмирить властолюбіе Диміурга, Христось, пройдя сквозь тѣло Маріи, какъ вода чрезъ каналъ, явился на землѣ и, во время его крещенія, соединился съ нимъ Исусъ, которые предъ страданіемъ оба отлетѣли, оставивъ для креста чувственную душу и эфирное тѣло. Если человекъ слѣдуетъ Христу, то его душа, не только разумная, но и чувственная, переходитъ въ блаженное жилище, ближайшее къ Плиромѣ. По очищеніи всѣхъ душъ міръ истребится огнемъ. Ученіе Валентина быстро распространилось по Азіи и Африкѣ. А Коларвазъ, примѣняясь ко вкусу того времени, присоединилъ къ нему еще догматъ о влияніи звѣздъ и планетъ на рожденіе и дѣла людей. Кердонъ распространилъ ученіе Валентина въ Римѣ. Онъ принимаетъ двухъ боговъ: добраго (отецъ Исуса) и злаго (творецъ міра, закона и пророковъ). Признаки злаго начала въ ветхомъ завѣтѣ онъ видѣлъ въ запрещеніи древа познанія добра и зла; въ строгости; въ казни Содома. Ученіе Вардесана также стоитъ на основаніи восточной философіи: доброму началу свѣта онъ противопоставляетъ злое начало тьмы, изъ которыхъ первое создало добрый міръ и людей, одаренныхъ небесною душою и эфирнымъ тѣломъ; а второе повергло ихъ въ грѣхъ и грубую матерію. А потому правдивность и путь къ блаженству должны состоять въ отрѣшеніи душъ отъ грубой матеріи, посредствомъ созерцанія и воздержанія. Секта Вардесана господствовала въ Сиріи. Праксей, проникая въ христіанское ученіе о Троицѣ, слилъ ипостаси и принялъ догматъ вочеловѣченія Отца, почему его послѣдователи называются монархіанами и па-

трипассіанами. Изъ Азіи эта секта распространилась по Італіи. Нозій Смирскій въ трехъ лицахъ Троицы видѣлъ не болѣе, какъ различныя силы одного Бога, кромѣ котораго другой не рождался и не страдалъ. Въ лицѣ Монтана теософическое ученіе пошло еще далѣе: онъ выдавалъ себя за обѣщаннаго Іисусомъ Параклита, посланнымъ для довершенія христіанскаго ученія ¹⁾. При постоянномъ усиленіи христіанства, защитники язычества старались примирить нѣкоторыя его черты съ древнею религіею, и потому наравнѣ съ представителями язычества почитали Христа, и басни о древнихъ богахъ старались приноровить къ евангельской исторіи, а Плотинъ даже изъ соединенія христіанства съ язычествомъ замышлялъ составить одну религію. И какъ неоплатонизмъ далъ христіанству многихъ послѣдователей, такъ многіе христіане, увлеченные подобными соглашеніями, переходили къ какому-нибудь философскому ученію ²⁾.

Въ III вѣкѣ ученіе Праксея и Нозія развивалъ ихъ ученикъ—Савелій, въ Антиохіи. Онъ училъ, что Богъ есть единая сущность, а Троица не иное что, какъ три имени. Сюда же относится и Гермогенъ, который солнце считалъ жилищемъ тѣла Христа; міръ полагалъ предвѣчно поврежденнымъ и въ вещахъ находилъ злыхъ духовъ. Павелъ Самосатскій Сына и Св Духа называлъ такими же сущностями Бога, какъ умъ и сила въ человѣкѣ. Манесъ, родомъ изъ Персіи, занимавшійся философіей, подобно Монтану, явился новымъ Параклитомъ. Его міровая теорія носить общія свойства восточныхъ представленій о борьбѣ свѣта съ тьмою; но къ нимъ онъ примѣшалъ нѣкоторые догматы христіанства. Два начала всѣхъ вещей: тонкая матерія или свѣтъ и матерія грубая или тьма. Владыка свѣта—добрый Богъ; владыка тьмы—демонъ. Оба оны произвели множество подобныхъ себѣ существъ. Но, въ продолженіе безчисленныхъ вѣковъ, царь тьмы не зналъ, что существуетъ страна свѣта. Узнавъ объ этомъ, онъ задумалъ поворить ее себѣ оружіемъ. Вождь небесныхъ силъ—*первый человекъ*, въ слѣдствіе

¹⁾ Инновентій, Церковная исторія, I, 51—59. Neander, II, 82—125, 138, 155, 225.

²⁾ Euseb. Histor. Eccles. lib. III. О неоплатоникахъ Августинъ выражается: »имъ стоило только измѣнить нѣсколько словъ въ своей системѣ для перехода въ христіанство«. De vera religione, VII. О стремленіи представителей язычества къ очищенію языческой религіи и одухотворенію ея, см. статью Николѣ: Древняя языческая реакція. Заграничный Вѣстникъ, 1865 г.

неудачи въ битвѣ съ темными силами, допустилъ имъ похитить часть небесныхъ стихій и *одушевленную свѣта*, которую онѣ смѣшали съ грубою матеріею. Другой вождь свѣта—*живой духъ*, несмотря на успѣхъ, уже не могъ освободить небесной матеріи изъ заключенія въ грубыхъ стихіяхъ. Вождь тьмы, помощью добычи, произвелъ первыхъ людей, родоначальниковъ человѣческаго рода. Поэтому ихъ природа двойственна: изъ темнаго вещества они имѣютъ тѣло и чувственную душу, а разумную и бессмертную изъ очищенной части свѣта. Богъ, посредствомъ живаго духа, изъ поврежденной матеріи, создалъ землю въ жилищѣ человѣку, съ тою цѣлью, чтобы изъ грубой матеріи постепенно извлекать матерію свѣта. Желая помочь душамъ, заключеннымъ въ тѣлахъ, онъ изъ себя родилъ Христа и св. Духа. Первый здѣсь тоже, что у персовъ Митра, и имѣетъ жилищемъ солнце; второй—свѣтлая масса, разливаясь по всему эфиру, оплодотворяющая землю и, возбужденіемъ въ мысляхъ людей искръ свѣта, возвращающая ихъ въ прежнее отечество. Чтобы ускорить возвращеніе душъ на небеса, Богъ послалъ на землю Христа въ человѣческомъ видѣ, который пострадалъ отъ іудеевъ, наученныхъ княземъ тьмы, но только въ призрачѣ, потому что не имѣлъ тѣла. По возвращеніи въ солнце, Христосъ обѣщаль послать Параклита, который и есть самъ Манесъ. Души, принявшія ученіе Христа и Параклита, послѣ борьбы съ страстями и грубою матеріею на землѣ, очищаются послѣ земной жизни водою въ лучѣхъ и огнемъ въ солнцѣ; прочія же, не приготовившіяся въ этому, переселяются въ безсловесныхъ животныхъ и ниже. Поэтому, для освобожденія отъ грубой матеріи, Манесъ предписывалъ изнурять тѣло, какъ произведеніе князя тьмы; жить въ нищетѣ; воздерживаться отъ брака, мяса, вина (почему причащаль только хлѣбомъ), отъ любви и ненависти. Одинъ изъ избранныхъ его учениковъ изображалъ Исуса Христа; за тѣмъ слѣдовали 12 апостоловъ, епископы, пресвитеры, діаконы. Манесъ отвергалъ ветхій заветъ, какъ дѣло тьмы, и считалъ недостаточнымъ существовавшихъ писаній, а потому написалъ свое евангеліе. Иеракъ епископъ въ Египтѣ, согласно тамошнему воззрѣнію, и самый бракъ считалъ мерзостью ¹⁾.

Въ IV вѣкѣ Арій, александрійскій пресвитеръ, положилъ основаніе многимъ толкамъ объ отношеніи второго лица Троицы въ первому

¹⁾ Иннокентій, Церковная исторія, I, 128—133. Neander, II, 186—199, 488,

и третьему. По его учению Христосъ есть Богъ, но меншиій Отца; онъ сотворенъ Отцемъ прежде всѣхъ вещей и послужилъ орудіемъ для созданія міра. Духъ св. не есть Богъ, но твореніе Сына Божія, содѣйствующее ему въ твореніи прочихъ существъ. Это ученіе чистыхъ арианъ. Полуариане признавали Сына Божія только подобнымъ Отцу; третьи принимали, что Сынъ Божій произошелъ изъ ничего. Аполлинарій (въ Сиріи) утверждалъ, что Иисусъ Христосъ принялъ только плоть человѣческую, а не душу, вмѣсто которой имѣлъ божество Слова. Македоній, константинопольскій патріархъ, воснулъ главнымъ образомъ третьяго лица. По его учению Духъ св. не есть Богъ, но сотворенная сила и притомъ служебная Сыну Божію, какъ ангелы. Онъ находится въ каждой твари и дѣлится до безконечности. Авдій, пустынножитель въ Месопотаміи, приписывалъ Богу члены и желанія человѣческія; отсюда ведутъ начало антропоморфиты, распространившіеся изъ Сиріи до Египту, Италіи и Галліи. Мессалиане думали, что во всѣхъ душахъ находится злой духъ, котораго нужно изгонять молитвою и постомъ. Всѣ тѣлесныя движенія они устремляли къ изгнанію духовъ: таковой смыслъ имѣли у нихъ дѣйствія рукъ и ногъ, скачки, круженія и т. п. Лукиферіане принимали вещественность души и иредіаніе ¹⁾.

Въ V вѣкѣ константинопольскій патріархъ Несторій, прибывшій изъ Антиохіи, проповѣдывалъ, что Христосъ родился простымъ человекомъ, а божество послѣ соединилось съ нимъ за святость жизни; что Богъ въ немъ жилъ и дѣйствовалъ, но не рождался, не страдалъ и не умиралъ. Это ученіе, потерпѣвшее, послѣ долгихъ смуть, пораженіе въ Константинополь, долго господствовало въ Арменіи, Месопотаміи, Ассиріи и Вавилонѣ. Евтихій, константинопольскій пресвитеръ, возражалъ Несторію, принималъ такое толкованіе: естество божеское и человѣческое до воплощенія были раздѣлены, а въ воплощеніи человѣчество поглощено божествомъ, какъ капля желчи или меда моремъ; а потому тѣло Христа ни Дѣвѣ Маріи, ни намъ не единосущно, и Христосъ въ рожденіи имѣлъ единую сущность Слова. Это ученіе возмущало многія церкви на востокѣ и приобрѣло себѣ многихъ послѣдователей, съ различными видоизмѣненіями ²⁾.

¹⁾ Иннокентій, Церковная исторія, I, 231—234. Neander, IV, 45.

²⁾ Ibid. I, 293, 294.

Въ VI вѣкѣ распространилось ученіе монофизитовъ, допускавшихъ одно естество въ Иисусѣ и породившее другіе расколы. Юліанъ Галикарнасскій и его послѣдователи утверждали, что отъ божества, въ минуту тѣлеснаго зачатія, все человѣческое естество Христа сдѣлалось нетлѣннымъ или безсмертнымъ; другіе (Северъ) тѣло Христа признавали тлѣннымъ, и потому ихъ называли тлѣннопоклонниками. Возражатели монофизитовъ основывались между прочимъ на *положенія* *Аристотеля*, а это привело къ другому еретическому толку—троебожниковъ, которые стали приписывать каждому лицу Троицы особенную сущность ¹⁾.

Въ VII вѣкѣ изъ Константинополя выпло новое ученіе о лицѣ Иисуса, съ цѣлью примирить сильную распрю по поводу ереси монофизитовъ. Это было—моновелитство, признававшее въ Христѣ единое богочеловеческое дѣйствіе и единую божескую волю, которая двигала его человѣческую природу, какъ орудіе ²⁾. Въ VIII вѣкѣ несторіане и моновелиты все болѣе распространяли свое ученіе, и въ это время оно уже проникло въ Египцію и Абиссинію. Но съ конца этого вѣка стала сильно распространяться ересь павликианъ. Она непосредственно примыкаетъ къ восточному міровоззрѣнію. Міръ, по мнѣнію павликианъ, сотворенъ не верховнымъ существомъ, но низшимъ; начальникъ зла произошелъ изъ огня и тьмы и потому не вѣченъ. Иисусу Христу они приписывали эфирное или небесное тѣло; страданіе и смерть его признавали только явленіями; а писателей ветхаго завѣта считали орудіями творца міра, а не верховнаго существа, а потому и не уважали ихъ ³⁾.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, еретическое движеніе составляло преобладающее явленіе въ умственной жизни Востока и Византійской Имперіи. Восточная мистика и отвлеченныя построенія міра, безъ всякаго знанія его физическихъ законовъ,—вотъ главныя черты въ этомъ броженіи общества, ясно напоминающія его отношеніе къ послѣднему періоду греческой и восточной философіи. Результатомъ каждой ереси были нескончаемые споры, въ которыхъ принимало участіе все общество отъ императора до послѣдняго раба.

¹⁾ Иннокентій, Церковная исторія, I, 345—348.

²⁾ Ibid. 388.

³⁾ Ibid. II, 44. Neander, V, 330—340.

Вотъ какъ изображаетъ это состояніе Григорій Назіанзинъ: «Византія, говоритъ онъ, наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными теологами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣняльцѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ, спечены-ли хлѣбъ? отвѣтитъ, что сынъ сотворенъ изъ ничего»¹⁾. Константинъ В. лично принималъ участіе въ спорѣ о Троицѣ. Когда появилось въ Александріи ученіе Арія—вся страна была взволнована. Въ Египтѣ не было среди христіанъ ни одного мужчины, ни одной женщины, которые бы не старались разрѣшить вопроса о существѣ единства Бога. Броженіе дошло до такой степени, что императорское вмѣшательство сдѣлалось необходимымъ. Былъ созванъ Никейскій соборъ (325 г.). Результатомъ этого ученія были непрерывные теологическіе споры, и въ одномъ IV столѣтіи было 30 соборовъ противъ Арія и пятнадцать за него, всего 45. Императоръ Констанцій объявилъ себя за ученіе Арія. Императоръ Валентиніанъ слѣдовалъ никейскому исповѣданію; а Валентъ опять аріанскому²⁾. Въ Александріи шла упорная религіозная борьба между язычниками и евреями, соединившимися противъ христіанъ, вызвавшая наконецъ вмѣшательство гражданской власти. Въ спорахъ монофизитовъ императоръ Юстиніанъ былъ на сторонѣ еретиковъ, и даже преслѣдовалъ послѣдователей церковнаго мнѣнія. Въ VII вѣкѣ императоръ Ираклій, желая примирить монофизитовъ съ мнѣніемъ церкви о двухъ естествахъ въ Иисусѣ, допустилъ въ своемъ толкованіи вѣры ученіе о двухъ естествахъ, но одной волѣ. Это послужило предметомъ долгихъ споровъ. Внуку Ираклія покровительствовалъ моноелитамъ и гналъ противниковъ. Наконецъ шестой вселенскій соборъ произнесъ проклятіе на эту ересь³⁾. Въ VIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ нападокъ магометанъ, Левъ Исаврянинъ велѣлъ уничтожать иконы, забѣливать стѣны храма и снимать статуи, представляющіе священные предметы. Но онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ духовенствѣ, особенно въ средѣ монаховъ, и въ народѣ. Во

¹⁾ Стасюлевичъ, Опытъ историческаго обзора системъ философіи исторіи, 474.

²⁾ Дрәперъ, I, 241—244, 248, 263 256.

³⁾ Иннокентій, Церковная исторія, I, 347, 388.

всѣхъ частяхъ имперіи вспыхнуло возстаніе. Въ теченіе 120 лѣтъ шесть императоровъ слѣдовали политикѣ Льва. Но въ правленіе жениципъ—Ирины и Θεодоры, прежнее ученіе вновь возстановлено ¹⁾.

Слѣды этой постоянной борьбы сохранились въ исторіи. Результатомъ покровительства аріанамъ со стороны Констанція были страшныя убійства; еретикъ Македоній взомель на патріаршій престоль по трунамъ трехъ тысячъ гражданъ. Конронимъ, въ борьбѣ противъ иконъ, изгонялъ монаховъ, выдавалъ замужъ монахинь, тиранилъ патріарха и на его мѣсто посадилъ внуха ²⁾. Евтихіане отстаивали свое ученіе съ оружіемъ въ рукахъ. Въ царствованіе Θεодоры, въ слѣдствіе указа о соединеніи, погибло отъ огня и меча до 100,000 павликіанъ ³⁾. Эта борьба была тѣмъ пагубнѣе, что являлись секты, считавшія только свое ученіе непреложнымъ и отвергавшія даже кающихся отступниковъ ⁴⁾; и еще тѣмъ пагубнѣе, что самое правительство объявляло себя то за одно, то за другое ученіе: новое правительство приносило съ собою и новое мнѣніе.

Въ еретическихъ мнѣніяхъ на Востокѣ очевидно вліяніе современной философіи; въ нихъ сильно преобладаетъ языческій элементъ. Тогдашнія школы, пропагандируемыя неоплатониками, сдѣлались центрами, гдѣ выработывалась борьба противъ новой религіи—христіанства; а потому, лишь только язычество потеряло значеніе государственной религіи, школы, какъ притоны язычества, были закрыты. Древніе боги были отождествлены съ демонами и поклоненіе имъ равнялось чародѣйству; а потому людямъ, пріѣзжавшимъ для образованія въ Римъ, который долго служилъ представителемъ язычества, запрещалось оставаться тамъ послѣ 21 года. Императоръ Константинъ изгналъ философовъ и закрылъ медицинскія школы или асклепіоны, которые были замѣнены благотворительными заведеніями. Врачи представлялись наиболее упорными представителями языческой науки. Такъ пала и знаменитая книдская школа. Θεодосій В. запрещалъ разсматриваніе внутренностей животныхъ, которое составляло одну изъ принадлежностей язы-

1) Дрәперъ, I, 346—349.

2) Дрәперъ, I, 244, 245, 258, 247.

3) Иннокентій, Церковная исторія, II, 44.

4) Дрәперъ, I, 242, 243.

ческаго богослуженія ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ Юстиніанъ особеннымъ эдиктомъ закрылъ аѳинскія школы, въ которыхъ преподавалась языческая философія. Левъ Исаврянинъ уничтожилъ всѣ школы, въ которыхъ вмѣстѣ съ христіанствомъ преподавались еще и другія науки ²⁾. Во время такой усиленной борьбы сектъ погину много древнихъ рукописей; потому что противники, истребляя сочиненія другъ друга, не обращали вниманія на такія, которыя вовсе не принадлежали къ нимъ. Въ эту эпоху погибла и знаменитая бібліотека въ Александріи, находившаяся при храмѣ Сераписа, основанная Птоломеемъ Фисконемъ и пополненная Маркомъ Антоніемъ, перевезенною для Клеопатры, бібліотекою изъ Пергама, состоявшею изъ 200,000 томовъ. Такимъ образомъ Серапіонъ сдѣался величайшимъ въ свѣтѣ хранилищемъ чело-вѣческаго знанія. Но въ разсматриваемую эпоху здѣсь сосредоточилась пантеистическая оппозиція господствующему ученію, а въ стѣнахъ храма издавна совершались колдовства и сношенія съ злымъ духомъ. Въ его портикахъ были магическіе бронзовые круги и солнечные круги для предсказаній; всѣ говорили, что они прежде принадлежали фараону или волхвамъ, боровшимся съ Моисеемъ; но ими въ древнее время Эратосѣенъ измѣрялъ окружность луны, а Тимохаръ опредѣлялъ движеніе планеты Венеры. Александрійская чернь подозрительно смотрѣла на этотъ мавзолей язычества. Случайно, при постройкѣ церкви на мѣстѣ древняго храма Озириса, нашли обценные символы древняго культа, которые потомъ были выставлены на посмѣяніе народу. Тогда вспыхнуло возстаніе язычниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ философъ Олимпій. Возставшіе сосредоточились въ зданіи Серапіона: они захватывали христіанъ, заставляли ихъ приносить языческую жертву и за тѣмъ убивали у жертвенника. Но, когда появился указъ императора Θεодосія, язычники положили оружіе. Онъ повелѣвалъ немедленно разрушить зданіе. Бібліотека была истреблена. Но Александрія еще оставалась притономъ платоновой философіи, которую въ это время излагала тамъ Ипатія, дочь математика Теона. Она объясняла неоплатониковъ и перипатетиковъ и комментировала произведенія Аполлонія и другихъ геометровъ. Ежедневно у дверей ея академіи стояла вереница

¹⁾ Ibid. I, 256, 257, 258, 318, 319 328.

²⁾ Degerando: Histoire des sciences, IV, 150. Gibbon: Geschichte des Verfalls und Unterganges des röm. Reiches, cap. XL.

экипажей, потому что на ее лекціяхъ толпились самыя богатѣйшіе и фэшенебельныя александрійцы. Однажды толпа фанатиковъ напала на Ипатію, въ то время, когда она шла въ свою академію, и умертвила ее ¹⁾. Въ VIII вѣвѣ, благодаря фанатизму иконоборца Льва Исавряннина, погибла извѣстная константинопольская библіотека: она была сожжена вмѣстѣ съ учеными, занимавшимися въ ней ²⁾. Начало ей, по свидѣтельству Зонары, было положено Константиномъ В.; но при Юліанѣ-отступникѣ она значительно распространилась. Онъ собралъ сюда всѣ произведенія греческой и латинской словесности и философіи. При немъ насчитывали до 120,000 рукописей. На фронтисписѣ библіотеки Юліанъ приказалъ надписать: *Alii quidem equos amant, alii aves, alii feras; mihi vero a puerulo mirandum acquirendi et possidendi libros insedit desiderium.* По кодексу Θεодосія при библіотекѣ полагалось 7 ученыхъ археографовъ: 4 эллиниста и 3 латиниста, обязанность которыхъ состояла въ исправленіи списковъ, составленіи каталоговъ и списываніи рукописей, поврежденныхъ временемъ. При Василискѣ эта библіотека значительно пострадала отъ пожара. Но императоръ Зенонъ возобновилъ ее. Лѣтописцы упоминаютъ о какой-то драконовой кожѣ въ 120 футовъ длины, на которой были написаны творенія Гомера. При Львѣ Исавряннинѣ число рукописей простиралось до 36000, но онъ велѣлъ поджечь библіотеку горючими веществами, за сопротивленіе ученыхъ его мнѣніямъ ³⁾.

Одинъ изъ современниковъ этой борьбы прямо говоритъ: «Не по незнанію того, чѣмъ восхищаются философы, но по презрѣнію къ такимъ бесполезнымъ трудамъ, мы мало думаемъ объ этихъ вещахъ, и обращаемъ душу къ лучшей дѣятельности». Послѣ того, до чего договорила философія послѣдняго періода, она представлялась уже «пустою и ложною» ⁴⁾. Между тѣмъ несторіане, переселившіеся на Евфратъ, основали тамъ халдейскую церковь. При ихъ содѣйствіи возникло эдесское училище и многія школы; на сирійскій языкъ было переведено много греческихъ и латинскихъ сочиненій, между прочимъ Аристотеля

¹⁾ Дрэперъ, I, 257, 260—262, 263—265. Объ Александрійской библіот. сравн. Schöll, *Gesch. der griech. Liter.* III, 8.

²⁾ Bernhardt: *Grundriss der Griech. Liter.* 6-й періодъ.

³⁾ Базили, *Константиноп. библіотеки*, Ж. М. Н. II. 1836 г. IX, 142—144; Schöll, III, 170.

⁴⁾ Дрэперъ, I, 259.

и Плинія. Въ союзѣ съ евреями они основали медицинскую школу. Калифы и знатныя магометанскія фамиліи дѣлали этихъ ученыхъ воспитателями своихъ дѣтей. Благодаря сосредоточенію наукъ въ предѣлахъ азіатскихъ калифовъ, тамъ сохранились многіе переводы на арабскомъ азыкѣ такихъ произведеній, которыя погибли на греческомъ ¹⁾. Отсюда въ послѣдствіи вышло вліяніе арабской учености на средневѣковую Европу.

На сколько закрытіе древнихъ школъ было результатомъ языческой реакціи, на столько развитіе монашества было реакціей современной испорченности нравовъ. Его отечество на востокѣ. Еще до начала христіанства въ Египтѣ было цѣлое общество терапевтовъ, предпочитавшихъ безбрачіе; у евреевъ извѣстны также ессеи — «сотоварищи пальмъ», по выраженію Плинія. Въ первомъ вѣкѣ христіанства вопросъ о безбрачіи былъ уже спорнымъ, и имѣлъ столько защитниковъ, что представителямъ церкви приходилось бороться противъ нихъ ²⁾. Воспитанникъ Палестины—Иеронимъ вѣрно опредѣляетъ общее настроеніе, когда говоритъ: — «хотя бракъ наполняетъ землю, но дѣвственность наполняетъ небо» ³⁾. Даже въ VII вѣкѣ желаніе безбрачной жизни было настолько сильно, что Кесарій принужденъ былъ проповѣдывать «преимущество смиреннаго супружества передъ гордымъ дѣвствомъ» ⁴⁾.

Природа Египта особенно благопріятствовала развитію монашества. «Меланхолическій и торжественный видъ природы Египта, говоритъ одинъ путешественникъ, вѣчно-ясное небо, строгій характеръ пирамидальнаго зодчества, ужасное разрушеніе зданій гигантскихъ, превышающихъ силы человѣка-- все это невольно приводитъ человѣка къ жизни созерцательной» ⁵⁾. Песчанья пустыни по обѣимъ сторонамъ богатой рѣчной долины представляли большія удобства для такого образа жизни: Нитрія была наполнена монахами, такъ какъ климатъ былъ теплый и потребности человѣка могли удовлетворяться безъ труда ⁶⁾. Но когда идея созрѣла, то и препятствія природы были ничто

1) Дрэперъ, I, 319, 320, 333.

2) Иннокентій, Церковная исторія. I, 49; Казанскій, Исторія монашества, I, 24—42.

3) Дрэперъ, I, 354.

4) Иннокентій, Церковная исторія, I, 372.

5) Норовъ, Путешествіе по Египту, II, 350.

6) Дрэперъ, I, 358.

въ сравненіи съ сильною волею и сознательнымъ стремленіемъ къ безконечной дѣли. Избѣгая рынковъ, городовъ и народнаго шума, говорятъ о современныхъ отшельникахъ Іоаннъ Златоустъ, они предпочли жизнь въ горахъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ настоящею жизнью, не подвержена никакимъ человѣческимъ превратностямъ, ни печали житейской, ни горестямъ, ни большимъ заботамъ, ни опасностямъ, ни порочной любви. Они размышляютъ только о царствіи небесномъ, бесѣдуя въ безмолвіи и глубокой тишинѣ съ лѣсами, горами и источниками.... Занятія у нихъ тѣже, какія были въ началѣ и до паденія у Адама. Адамъ не имѣлъ никакихъ житейскихъ заботъ, нѣтъ ихъ и у монаховъ. Едва начинается восходить солнце, или еще до разсвѣта, они встаютъ съ ложа здоровы, бодры и свѣжи, ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дѣлъ. Вездѣ великая тишина, великое безмолвіе. Одежда—у однихъ изъ козьеи, у другихъ изъ верблюжьей шерсти, а нѣкоторымъ довольно одной кожи, и то ветхой. Постелью имъ служитъ трава; многіе спятъ, не имѣя крова, а небо служитъ имъ вмѣсто крова и луна вмѣсто свѣтильника. Отшельника занимаетъ собою только пустыня; онъ видитъ летающихъ птицъ; колеблемыя вѣяніемъ вѣтерка деревья; потоки, быстро текущіе по долинамъ. И такъ, что можетъ возбудить къ гордости человѣка, живущаго среди такой пустыни?... Въ мѣрѣ свирѣпствуетъ буря, а отшельники сидятъ въ пристани спокойно и въ великой безопасности, смотря какъ-бы съ неба на караблекрушенія, постигающія другихъ¹⁾.

Антопій В. служитъ образцомъ пустынника. Заградивши входъ въ свою пещеру, онъ только чрезъ малое отверстіе бесѣдовалъ съ приходившими. Пищею его былъ хлѣбъ съ солью, а питьемъ вода; и то онъ вкушалъ однажды въ день по захожденіи солнца, а иногда черезъ два и даже черезъ четыре дня; одеждой его была грубая власница, ложею сухой тростникъ, а иногда и голая земля. Но когда люди нарушили его покой, онъ удалился въ дикую гору, отдѣленную отъ жилища человѣческаго непроходимую пустынею. Тамъ, у подошвы горы, орошенной ручьемъ, усаженнымъ пальмами, онъ построилъ себѣ келью на столько небольшую, чтобы можно было только лечь. Въ это время отшельничество на столько уже сдѣлалось потребностью, что Пахо-

¹⁾ Казанскій, Исторія монашества, I, 10—24.

мій В. ввелъ общежитіе (IV вѣка). Онъ основалъ девять монастырей. Пищею для монаховъ былъ хлѣбъ съ солью, иногда овощи безъ масла и всякой приправы, посыпаемая пепломъ, для большей неприятности. Употребленіе горячей воды считалось уже роскошью. Вступившій въ монастырь долженъ былъ повергаться ницъ передъ проходящею братією и терпѣть всякое поношеніе, нарочно дѣлаемое для испытанія. Нарушеніе порядка въ церкви, даже релігіозными восклицаніями, считалось преступленіемъ, и потому виновникъ долженъ былъ пролежать простертымъ ницъ на срединѣ церкви. Во время рукодѣлія слѣдовало непрестанно имѣть въ умѣ какое-нибудь мѣсто изъ священнаго писанія. Богомысліе—вотъ главное занятіе отшельника. Обыкновенными предметами ихъ размышленія были: смерть, судъ, муки ада, суетность всего земнаго. Кто отправлялся въ путешествіе, возвратясь въ монастырь, не долженъ былъ рассказывать ничего о видѣнномъ на пути. Если монахъ случайно разобьетъ кувшинъ, или поздно прійдетъ на работу и молитву, или ошибется при чтеніи псалмовъ и заговоритъ съ братомъ изъ чужой келліи; кто возьметъ другаго за руку, видится съ родными, переписывается безъ дозволенія начальника—тотъ во все время богослуженія, простешись ницъ, испрашиваетъ прощенія у братіи. У отшельника нѣтъ собственности, а потому если кто назоветъ книгу или грифель своимъ по ошибкѣ—подвергается эпитеміи. Безъ дозволенія начальника нельзя было взять пальмоваго листа, изъ которыхъ дѣлали корзины. Отдѣльно монахъ не смѣлъ зажечь огня, чтобы обогрѣться, и даже запрещено было въ саду рвать травы, которыя выдавались садовникомъ. Вбушая за общимъ столомъ пищу, монахи опускали на лицо покрывала, такъ что не могли видѣть ничего, кромѣ стола, ни по сторонамъ, что ѣли другіе ¹⁾). Уставъ Пахомія послужилъ образцомъ для другихъ.

Изъ Египта отшельничество распространилось по всему Востоку. Число монаховъ и частныя черты ихъ жизни, лучше всего показываютъ на сколько оно было выраженіемъ духа времени. Павлу Ойвейскому, въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, пальмовое дерево доставляло и пищу, и одежду. Паоунутій подъ дѣятельною жизнію понималъ только отшель-

¹⁾ Regula et instituta Pachom. apud Hieron.; Vita Pach Bolland, Acta Ss. Mens. Majus, d. 14. III. Истор. монашества, I, 47, 52, 68, 125, 134, 135, 140, 141, 144, 248, 150—155, 157. Neander, III, 338—341.

ничество. Ученикъ Пахомія—Феодоръ, не смотря на настоянія самаго Пахомія, не хотѣлъ видѣть матери, а съ своимъ братомъ обращался, какъ съ постороннимъ. Сирра шестьдесятъ лѣтъ прожила на берегу Нила и ни разу не наклонилась, чтобы посмотрѣться въ водѣ. Піоръ ѣлъ только шесть унцій хлѣба и пять маслинъ, и то принималъ пищу ходя. Когда его спросили почему онъ такъ дѣлаетъ, Піоръ отвѣчалъ: «не хочу заниматься пищею, какъ дѣломъ, и потому ѣмъ между дѣломъ и вмѣстѣ для того, чтобы душа не ощущала тѣлеснаго удовольствія». Макарій Александрійскій, въ теченіе трехъ лѣтъ, сдѣлалъ за одинъ разъ не болѣе 5 унцій хлѣба, а потомъ ѣлъ одинъ разъ въ недѣлю. Но когда ему сказали, что ученики Пахомія въ великій постъ не ѣдятъ варенаго, онъ въ теченіе 7 лѣтъ питался только сырыми овощами, размоченными въ холодной водѣ. Въ великій постъ онъ обыкновенно удалялся въ особую келію, на глухо закрытую и безъ оконъ. Однажды, когда Макарій занимался рукодѣліемъ, комаръ укусилъ его въ ногу. Въ порывѣ нетерпѣнія Макарій задавилъ его. Потомъ, раскалявшись въ своей нетерпѣливости, осудилъ себя на шесть мѣсяцевъ сидѣть нагимъ при скитскомъ болотѣ. Здѣсь онъ такъ былъ изѣденъ комарами, что думали не въ проказѣ-ли онъ, и когда онъ возвратился въ келію только по голосу узнали, что это Макарій. Такому же наказанію подвергъ онъ себя и въ другой разъ, когда строго осудилъ одного изъ братій. Рассказываютъ, какъ однажды Макарію прислали кисть свѣжаго винограда, и хотя ему хотѣлось ѣсть, онъ отослалъ ее больному монаху, тотъ послалъ другому, и такъ она обошла всѣхъ, пока снова не возвратилась къ Макарію. Въ Канопѣ хижины иноковъ были изъ древесныхъ вѣтвей. Другіе избирали нарочно мѣста, неудобныя для жизни, по причинѣ вредныхъ испареній; или подальше отъ проѣзжихъ дорогъ, такъ что путь въ этихъ мѣстахъ приходилось направлять по теченію звѣздъ. Одежды носили изъ пальмовыхъ листьевъ. Главною дѣятельностію иноковъ было — созерцаніе Бога, и Макарій однажды до того предался въ теченіе двухъ сутокъ богомыслию въ своей келіи, что не могъ долѣе продолжать этого подвига: ему показалось, что вся комната была объята пламенемъ. Блии пустыняни, которые совершали по триста и по семисотъ молитвъ въ день. У инока Павла было положено совершать 300 молитвъ, а чтобы не ошибиться въ счетѣ—онъ клалъ за пазуху триста камешковъ, и, по окончаніи каждой молитвы, вынималъ по одному. Одинъ инокъ ходилъ по церковнымъ

дѣламъ въ Александрію. По возвращеніи братія спросили его: каковъ городъ? Истинно, отвѣчалъ онъ, я не видѣлъ лица человѣческаго, помысль не увлекъ меня взглянуть на кого-либо. Но болѣе всего избѣгали встрѣчи съ женщинами, и отчасти потому не хотѣли видѣться съ матерями и сестрами. Іоаннъ Ликопольскій, будучи сорока лѣтъ, выстроилъ себѣ келлію на вершинѣ горы и прожилъ здѣсь до девяноста лѣтъ, никого не впуская къ себѣ. Прислужникъ черезъ окно подавалъ ему пищу, которая состояла изъ сырыхъ плодовъ, и во все это время онъ не вкушалъ ничего варенаго, даже хлѣба. А женщинамъ онъ никогда не позволялъ приближаться къ своей келліи. Какъ образецъ нестяжательности объ отшельникѣ Θεодорѣ разсказываютъ слѣдующее. У него было три книги духовнаго содержанія, которыя онъ самъ читалъ и другимъ давалъ. Но вдругъ у него явилось недомысліе—хорошо-ли имѣть эти книги, хотя и приносищія пользу ему и другимъ, или лучше не имѣть. Для разрѣшенія своего сомнѣнія, онъ отправился къ Макарію Египетскому, и, слѣдуя совѣту Макарія, что лучше ничего не имѣть, продалъ книги, а деньги роздалъ нуждающимся. Съ особенною ревностію монахи должны были подвизаться въ отреченіи своей воли и послушаніи: на приказанія старцевъ иноки должны смотрѣть, какъ на слова спасенія и никогда не отрекаться отъ исполненія ихъ; а начальника должно уважать, какъ Господа. Жизнь пустынниковъ дѣйствовала обаятельно на посѣтителей. Нитрійская гора казалась имъ »градомъ Божиимъ«, а въ каждомъ монахѣ они видѣли Христа ¹⁾).

Этотъ общій типъ подвижничества видоизмѣнялся сообразно съ настроеніемъ каждаго, хотя общею цѣлью ихъ было—борьба противъ плоти. Одни жили въ пещерахъ и назывались пещерники (*σπηλαριται*); другіе жили въ дуплахъ и назывались дендриты (*οἱ δενδροιται*); другіе на столпахъ (*στυλῆται*)—столпники; нѣкоторые обрезаали себя ходить нагими (*οἱ γυμνῆται*); другіе—лежать на землѣ (*οἱ χαμῆναι*); третьи—всегда молчатъ, и назывались молчальники (*οἱ σιωῶντες*); иные давали обѣтъ не мыть никогда ногъ и назывались нечистоногими (*ἀνιπτολόδες*); а нѣкоторые, для большаго подвига, проживали всегда въ

¹⁾ Казанскій, Исторія монашества, I, 176, 184, 250, II, 25, 26, 35, 36, 100, 38, 41, 24, 51, 56, 103, 120, 154, 156, 91, 112. Иннокентій, I, 113, 291.

нечистотѣ (*οι ῥολοιτες*), и очень многіе оковывали себя желѣзными веригами и назывались желѣзопосителн (*σιδηρομενος*) ¹⁾. Въ V столѣтіи Симеонъ Столпникъ выстроилъ себѣ столпъ въ шестьдесятъ футовъ вышины и съ вершиной въ одинъ квадратный футъ, чтобы такимъ образомъ дѣйствительнѣе удалиться отъ мірской суеты и приблизиться къ небу. 37 лѣтъ пробылъ онъ на столпѣ, прикованный цѣпью. Проходящій уже издали видѣлъ назидательное зрѣлище неподвижной фигуры человѣка, который стоялъ съ руками, распростертыми на подобіе креста и подъятыми къ небу, или быстро преклонялъ колѣни. Одинъ любопытный зритель насчиталъ тысячу двѣсти сорокъ четыре такихъ движеній и пересталъ считать отъ усталости, хотя неустанная движенія все еще продолжались. Эвагріій называетъ его «святѣйшій воздушный мученикъ». Но когда однажды пустынники потребовали у Симеона сойти со столпа, то онъ, не смотря на обѣтъ, повиновался. Такъ высоко цѣнилось послушаніе! За то онъ имѣлъ могущественное вліаніе на современниковъ. Императоръ Θεодосій повиновался его посланію о запрещеніи Іудеямъ возстановлять синагоги и просилъ его совѣта по дѣлу Халкидонскаго собора. По смерти Симеона, огромная толпа почитателей сопровождала его остатки на гору Теленнису. Далѣе двѣнадцатаго вѣка многіе слѣдовали его образу жизни ²⁾. Въ VII вѣкѣ адріанопольскій епископъ Алипій 70 лѣтъ претерпѣвалъ на столпѣ всѣ воздушныя перемѣны. Для соблюденія чистоты тѣла онъ запрещалъ мужескому полу смотрѣть на женскій и обратно. Въ великій постъ, читая исторію страданій Иисуса Христа, онъ проливалъ множество слезъ, терзалъ лицо и волосы, и молился до кроваваго пота; такъ что Метафрастъ уподоблялъ его Іову, а народъ Христу ³⁾. Другіе принимали на себя юродство, чтобы еще болѣе тѣснымъ путемъ достигнуть цѣли: путемъ крайняго смиренія, поношенія и осмѣянія, нарушая условія общественной жизни. «Между иноками, говоритъ Евагріій, были и такіе, которые, чрезъ добродѣтель достигнувъ безстрастія, возвращаются въ міръ и среди шума подвизаются, притворяясь помѣшанными, и такимъ образомъ попираютъ тщеславіе. Любомудріе научило ихъ ѣсть безъ чувства и въ харчевняхъ, и въ мелочныхъ лавкахъ, не стыдятся ни мѣста,

1) Костомаровъ, Сѣверно-русскія народоправства, II, 418.

2) Дрѣнеръ, I, 353, Церков. исторія Иннокентія, I, 390. Neander, III, 365.

3) Иннокентій, Церковная исторія, I, 383.

ни лицъ, вообще ничего.... Нарѣдко посѣщаютъ они бани, и тамъ бывають и моются большею частію съ женщинами, покоривъ страсти такъ, что имѣють полную власть надъ своею природою и не склоняются на ея требованія ни взглядомъ, ни прикосновеніемъ, ни даже объятіями дѣвы. Съ мужчинами—они мужчины, съ женщинами—женщины, и хотять имѣть не одну, но обѣ природы¹⁾. Съ X вѣка на Востоцѣ приобретаетъ огромное значеніе гора Афонъ, гдѣ устроилъ обитель Аванасій, при содѣйствіи императора Невифора Фоки. Здѣсь развилося ученіе о безмолвіи и умственной молитвѣ, какъ высшей степени созерцательной жизни. Оно развито въ XIV вѣкѣ—Феолиптомъ и Григоріемъ Синаитомъ. »Умъ, говоритъ Феолиппъ, удаляясь всего внѣшняго и собираясь во внутрення, возвращается къ себѣ, т. е. соединяется съ своимъ словомъ, находящимся въ мысли по естеству; черезъ слово соединяется съ молитвою и молитвою восходитъ въ разумъ Божій со всею силою любви и усердіемъ. Тогда похоть плоти погасаетъ; всякое чувственное желаніе сладости исчезаетъ, и всѣ красоты земныя являются неприятными. По Григорію Синаиту, земля обитованія—есть безстрастіе, и святые въ будущей жизни вѣщаютъ другъ въ другу тайно, безъ звуковъ, посредствомъ св. Духа²⁾. Чтеніе молитвъ составляетъ здѣсь главную обязанность монаха и количество ихъ не мѣнялось въ теченіе года никакими исключительными случаями. Ежедневно онъ долженъ былъ прочесть полъ псалтири и 600 разъ *Господи Исусе Христе*, при чемъ сдѣлать 300—500 поклоновъ. Кроме того, сидя, ходя и лежа, а также во время рукодѣлія, безпрестанно слѣдовало говорить ту же молитву. Незнающіе грамотѣ должны были замѣнять означенное правило произношеніемъ наизусть той же молитвы 7000 разъ³⁾

Вліяніе монашества было тѣмъ глубже, что оно въ самомъ началѣ создало воспитательную систему: дѣти, извѣстія о которыхъ часто встрѣчаются въ житіяхъ святыхъ, подчинялись той же монастырской дисциплинѣ, куда они отдавались съ малыхъ лѣтъ. Они воспитывались въ тѣхъ же правилахъ, какъ и взрослые. Духъ благочестія и сокрушенной молитвы внушаемъ имъ былъ прежде всего. Кромѣ чтенія, они

1) Евагрій, Церковная исторія, кн. I, гл. 21.

2) Иннокентій, Церковная исторія, II, 76, 300—302, 305.

3) Твор. св. отцевъ, годъ VI, кн. I, 135.

обучались руководѣніямъ. Наказанія соразмѣрны были съ виною. Если дѣти очень склонны были къ смѣху и играмъ, то ихъ наказывали розгами ¹⁾. Аполосъ и Иларіонъ сдѣлались пустынниками въ 15 лѣтъ; Іоаннъ Лѣствичникъ — въ 16; а Савва ваппадокійскій даже въ 8 лѣтъ. Трульскій соборъ (въ концѣ VII вѣка) постановилъ допускать въ монашество десятилѣтнихъ ²⁾.

Особенно распространилось монашество, когда многіе изъ отшельниковъ стали составлять общины, соединять монаховъ въ монастыри и лавры. Результаты этой реформы обнаружались еще при жизни основателей. Пустыни обращались въ города. На берегу Нила въ монастырѣ Антонія подвизалось нѣсколько тысячъ. Въ монастыряхъ Пахомія — болѣе 10000. У Серапіона арсинойстаго было 10000 отшельниковъ. Въ концѣ IV вѣка въ горѣ Нитрійской жило около 5000. Недалеко отъ Нитрія, на горѣ Фермѣ находилось до 500 подвижниковъ. Въ V вѣкѣ число иночествующихъ въ скитской пустынѣ простиралось до 3500; около Александріи — до 2000. Вокругъ монастырей тянулся цѣлый рядъ келій пустынниковъ, и потому неудивительно, что въ большому празднику иногда собиралось въ главный монастырь до 50000 иноковъ ³⁾.

Кромѣ того въ окрестностяхъ Александріи жило въ одной обители 70 дѣвъ; въ монастырѣ Минъ — 400; въ городѣ Оксиринтѣ — до 20000 инокинь. Нѣкоторыя изъ женщинъ, для большаго подвига, выдавали себя за мужчинъ и поступали въ мужескія обители ⁴⁾. Говорятъ, что въ Египтѣ было въ одно время отшельниковъ не менѣе 76000 мужчинъ и 27.000 женщинъ ⁵⁾. Многочисленность ихъ въ Египтѣ Іоаннъ Златоустъ уподобляетъ множеству звѣздъ небесныхъ; а на востокѣ и западѣ — воинству, превышающему всякое воинство земныхъ царей ⁶⁾.

Во XIV вѣкѣ въ Іерусалимѣ, въ саввинскомъ монастырѣ, было 14000 монаховъ; въ монастырѣ Θεодосія 16000. Въ X вѣкѣ на горѣ Леонъ было 180 обителей ⁷⁾; а въ XVI во всѣхъ монастыряхъ состояло болѣе

¹⁾ Казанскій, Исторія монашества, I, 5, 164, 175.

²⁾ Ibid. II, 165. Иннокентій, Церковная исторія, I, 291, 314, 378

³⁾ Казанскій, Исторія монашества, I, 54, 120, 129, 165, 217, II, 15, 19, 151, 190, 202, 208.

⁴⁾ Ibid. I, 246, 248, 265, 267.

⁵⁾ Дрәперъ, I, 358.

⁶⁾ Иннокентій, I, 275.

⁷⁾ Путѣшество діакона Игнатія. Сахаровъ, Путеш. русскихъ людей, 107.

18000 иноковъ, не считая скитскихъ, о которыхъ сказано: «тѣхъ множество, исчислить мы не можемъ, но число ихъ Богъ вѣсть»¹⁾.

Въ IV вѣкѣ монашество было занесено на западъ, но тамъ оно сперва было встрѣчено непріязненно. Впрочемъ даже когда утвердилось, то оно далеко уступало въ строгости восточному монашеству. Кассіанъ, говоря о послушаніи тавеннскихъ монаховъ, замѣчаетъ: «хотя ихъ было такъ много подъ руководствомъ одного начальника, но они такъ покорны были ему въ продолженіе всей жизни, какъ ни одинъ на западѣ не былъ въ продолженіи немногаго времени... Эта покорность и послушаніе таковы, что мы въ своихъ монастыряхъ (на западѣ) не видывали. никого, кто бы могъ подражать имъ въ теченіе только одного года»²⁾. Въ то время, когда созерцательная жизнь составляла постоянно главную цѣль восточныхъ монастырей, на западѣ они скоро увлеклись практическими соображеніями и ордена стали служить болѣе мірскимъ цѣлямъ. Конечно и естественныя условія страны рано должны были повліять на измѣненіе характера западныхъ монастырей³⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ монашество на Востокѣ стало давать изъ среды себя представителей церкви—оно приобрѣло политическое значеніе въ государствѣ. Этотъ обычай получилъ начало въ первое время его существованія и продолжался постоянно. Иногда, готовящагося къ важному положенію въ церковной іерархіи, нарочно посылали въ пустыню, для утвержденія въ вѣрѣ. Оттого, въ значительной степени, церковь сохраняла отшельническій характеръ⁴⁾. Но съ тѣхъ поръ, какъ еретическое движеніе стало волновать Востокъ, монашество должно было принять участіе и въ борьбѣ противъ еретиковъ. Отшельниковъ стали вызывать на соборы. Благодаря защитѣ монаховъ, имѣвшихъ большое вліяніе на народъ, иконоборчество было побѣждено. Впрочемъ, приобрѣтая себѣ послѣдователей, многія ереси нашли поддержку и въ монастыряхъ: напримѣръ аріанство, антропоморфты, ученіе Несторія, Оригена⁵⁾.

1) Сказаніе о горѣ Аѳонской. Чтен. Моск. общ. ист. 1846, № IV, 18—24. Ср. Чтен. 1847, № VIII, сочин. Паисія, стр. 6.

2) Guizot, Hist. de la civilis. en France, I, Lec XIV. Казанскій, II, 144.

3) Guizot, I, Lec. XIV.

4) Иннокентій, Церковная исторія, I, 250—252, 312—314, 361, 362, II, 300, 302.

5) Исторія монашества, I, 81, 190, II, 19, 281, 292, 209. Иннокентій, Церковная исторія, 425, 426.

Въ монастыри и пустыни являлись языческіе философы и вступали въ состязаніе съ отшельниками. Но ловкая діалектика мало помогала. »Весь земной міръ, говоритъ Макарій Египетскій, и царскія свершвища, и богатство, и слава, и науки (*σοφια, λογοι*) призрачны и не имѣютъ прочнаго основанія, но скоро переходятъ»¹⁾. Признавая полезнымъ знать языческую мудрость, Исидоръ Пелусіотъ замѣчаетъ однако: »Языческіе мудрецы хотѣли рѣшить, что такое справедливость, что приличное, что законное и что истинное? Но длинными, противорѣчащими сужденіями оными водятъ какъ-бы въ лабиринтѣ читателей своихъ, и оставляютъ ихъ еще въ большихъ недоумѣніяхъ. Сволько ученѣйшій Платонъ написалъ разговоровъ, стараясь объяснить, что такое справедливость? Однакоже не только не убѣдить никого, но даже самъ, лишенный свободы, кончилъ жизнь. Сволько написалъ Аристотель противъ Платона, обращая въ шутку мысли его? Но и самъ не принесъ пользы, а только увеличилъ словопрепіе. Какъ много писали стоики, опровергая Аристотеля, но и ихъ ученіе пало. Пусть считающіеся мудрыми сравнивать со всѣмъ этимъ ясность божественныхъ словъ, и да перестанутъ пустословить, и да примутъ ученіе божественное, имѣющее цѣлью не удовлетвореніе тщеславію, но пользу слушателей»²⁾. Если можетъ обмануть и осизаніе, то не слѣдуетъ легко довѣряться даже чувствамъ³⁾. Распространеніе еретическихъ мнѣній заставило Пакомія зорко наблюдать за книгами, на сколько-нибудь подозрительными⁴⁾. Постоянное столкновеніе съ язычниками и еретиками, часто опиравшимися на ученіе древнихъ философовъ, заставило представителей церкви обратить вниманіе на древнюю ученость, чтобы противъ ея защитниковъ дѣйствовать ихъ оружіемъ. Задачу примиренія язычества съ христіанствомъ въ высшемъ образованіи взяла на себя *школа катехетовъ* въ Александріи. Здѣсь, вмѣстѣ съ преподаваніемъ христіанской религіи, занималась классической филологіей и тогдашней электической философіей неоплатонизма, пользуясь всею этою ученостію къ защитѣ христіанства противъ язычества. По этой причинѣ изъ языческихъ писателей установился особый выборъ, опредѣляемый христіанскою точкой зрѣнія на нихъ, такъ что одни изъ классиковъ заняли первое мѣ-

1) Казанскій, Исторія монашества, II, 87.

2) Ibid. 255.

3) Ibid. I, 41.

4) Ibid. I, 142.

сто въ кругѣ тогдашняго учено-христіанскаго образованія, другіе же отодвинулись на второй планъ. Главнымъ предметомъ въ этой школѣ было—истолкованіе священнаго писанія; но рядомъ съ нимъ преподавались философія, геометрія, грамматика и риторика. Методъ обученія состоялъ въ катихизированіи. Оригенъ старался сблизить древнюю поэзію и философію съ христіанствомъ. Но онъ внесъ въ свое толкованіе аллегорію и мечтательность, а потому близко подошелъ къ духу времени и имѣлъ потомъ большое значеніе въ средніе вѣка. Онъ преподавалъ діалектику и естествовѣдѣніе—съ цѣлію вызвать удивленіе къ совершенству природы; далѣе—геометрію и астрономію, которая изучая надаемный міръ, ведетъ человѣка къ возвышенному, небесному. Наконецъ читалъ съ учениками древнихъ поэтовъ и философовъ съ извѣстнымъ выборомъ. Іоаннъ Златоустъ, Василій В. и Григорій Назіанзинъ часто пользовались древнею мудростію для своихъ цѣлей ¹⁾).

¹⁾ Модзалевскій, Исторія воспитанія, I, 202, 203, 205, 211. «Посвятить себя предварительному изученію вѣншихъ писателей, говорить Василій Великій, потомъ уже начнемъ слушать священныя и таинственныя уроки, и какъ-бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ наконецъ взоры къ самому свѣту. Если между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Если же нѣтъ этого сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служитъ въ подтвержденію лучшаго ученія..... Займемъ у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они выхваляли добродѣтель и порицали пороки. Ибо какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и нестротою красокъ, а пчелы собираютъ съ нихъ и медъ: такъ и здѣсь, кто гоняется не за одною сладостію и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запасть въ души нѣкоторою пользою. Поэтому, во всемъ уподобляясь пчеламъ, должны вы изучать эти сочиненія». (Творенія святыхъ отцевъ, 1843, кн IV).

«Меня объяла, говоритъ Григорій богословъ, пламенная любовь къ словеснымъ наукамъ. Я старался обогатить себя языческою ученостію съ намѣреніемъ употребить ее въ пособіе христіанскому просвѣщенію, чтобы знающіе одно пустое и суетное витійство, состоящее въ громкихъ словахъ, не превозносились и не могли опутать меня хитросплетенными софизмами». (Жизнь Григорія богослова, Прибавл. къ Твореніямъ св. отцевъ, 1843, I, 12). Знакомство съ языческими сочиненіями считалось необходимымъ для противодѣйствія язычеству, съ цѣлію противопоставить ему преимущество христіанства. Эта мысль имѣется въ виду у всѣхъ христіанскихъ апологетовъ: Іустина философа, Аппанагора, Тертуліана, Климента Александрійскаго, Оригена, Евсевія Кесарійскаго.

Въ Византійской имперіи, послѣ закрытія древнихъ школъ, забота объ образованіи находилась въ зависимости отъ нѣкоторыхъ, покровительствованныхъ учеными, императоровъ. Они снабжали школы учителями и библіотеками на счетъ государственной казны. Послѣ уничтоженія главной константинопольской библіотеки Львомъ Исаврянномъ, первое мѣсто заняла библіотека, основанная, какъ полагаютъ, Константиномъ Порфирогенетомъ, которая помѣщалась въ императорскомъ дворцѣ (Вуколеонѣ) и называлась *Царскою*. Кромѣ того многочисленныя собранія рукописей хранились у патриарховъ и во всѣхъ почти монастыряхъ ¹⁾. Въ числѣ послѣднихъ заслуживаютъ вниманія аѳонскія библіотеки. Въ Ватопедскомъ монастырѣ подвизались императоры—Андроникъ Палеологъ и Кантакузень, подарившіе ему свои собранія книгъ. Во время бѣдствій Константинополя значительная часть рукописей была передана на Аѳонъ. Съ теченіемъ времени тамъ сосредоточилась вся ученость христіанской Византіи ²⁾. Туда посылали за книгами даже изъ Константинополя, когда греки собирались на соборъ въ Феррару ³⁾. Оттуда Іоаннъ Ласкарисъ вывезъ на западъ до 200 рукописей, преимущественно древнихъ ⁴⁾. Тамъ были отысканы: отрывки изъ 2-й книги Полибія, изъ Девксиппа, Евсевія, историка Приска, разсужденіе Галіена, недостававшее къ полному собранію его сочиненій, новый сборникъ Езоновыхъ басенъ съ біографіей, разсужденіе о гимнастикѣ Флострата, *комментаріи* на разныхъ греческихъ поэтовъ, *сборники* по правамъ гражданскому и каноническому, грамматика и лексиконъ ⁵⁾. Предметомъ обученія въ школахъ были—христіанство и греческіе классики; грамматика, риторика и философія. Но грамматика была низведена на степень сжатаго ученія о формахъ и заключалась въ компендіяхъ, въ сухихъ извлеченіяхъ изъ разныхъ ученыхъ сочиненій, напр. изъ Геродіана. Новыхъ, самостоятельныхъ изсѣдованій въ этой области не являлось. Риторика ограничивалась сухими и отвлеченными комментаріями въ такомъ писателямъ какъ Гермогенъ и Аѳтоній.

¹⁾ Константинопольскія библіотеки, Базили, Журн. мин. нар. проsv. 1833, IX, 144.

²⁾ Благовѣщенскій, Аѳонъ Русск. Слово, 1863, августъ, 75, 78.

³⁾ О сношеніяхъ Русск. церкви съ свитогорс. обител. Твор. св. отц. годъ VI, кн. I, 138.

⁴⁾ Bernhardt, Grundriss der Griech. Liter. I, 533.

⁵⁾ Журн. мин. нар. проsv. 1843, часть XL.

Изъ классиковъ предметомъ обученія и чтенія у людей образованныхъ служили: Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, драмы Эсхила, Софокла и Эврипида, Аристофанъ, Менандръ, Теокрытъ и даже Ликофронъ. Сочиненія Діонисія Періегета употреблялись какъ учебная книга для юношества. Изъ прозаиковъ: Фукидидъ, отчасти Геродотъ, политическія рѣчи Демосеена и Либаній, біографіи Плутарха и Діонъ Кассій. Впрочемъ весь этотъ классицизмъ своеобразно перемѣшивался съ церковнымъ элементомъ. Большинство ограничивалось библіей и твореніями отцовъ церкви, но священное писаніе изучалось обыкновенно буквально и на память. Отсюда произошелъ тотъ двойственный складъ византійской рѣчи, въ которой восточный тонъ ветхозавѣтныхъ книгъ сливается съ изяществомъ аттического стили. Философія ограничивалась комментированіемъ. Представители ея составляли сокращенія или парафразы по Аристотелю и Платону (Георгій Пахимеръ, Теоdorf Метохитъ, Пселль Старшій). Пселль Младшій въ XI в. пытался возстановить ново-платоническую школу. Плодомъ тогдашней учености были извѣстные сборники, въ которыхъ помѣщались изреченія изъ древнихъ писателей, священнаго писанія и отцовъ церкви, безъ всякой общей мысли и системы. Это стремленіе къ энциклопедизму отразилось на многихъ изъ византійскихъ ученыхъ, и примѣромъ ихъ можетъ служить тотъ же Пселль Младшій, переложившій въ стихи гражданскіе законы и писавшій о математикѣ, исторіи, философіи, медицинѣ и поваренномъ искусствѣ. Пселль Старшій былъ учителемъ императора Льва философа и патріарха Фотія, которые старались возстановить въ Константинополѣ изученіе литературы. До нашего времени сохранился сборникъ или библіотека Фотія, которая, подобно сборнику Стобея, показываетъ наклонность того времени къ собиранію, компиляціямъ и извлеченіямъ, т. е. превращенію философской жизненности. О другихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ половинѣ VIII вѣка Іоаннъ Дамаскинъ сдѣлалъ извлеченіе изъ нѣкоторыхъ произведеній Аристотеля и примѣнилъ его къ теологіи¹⁾.

Въ исторію, въ значительной степени, былъ внесенъ сказочный элементъ. Только немногіе ся писатели отличались чистотою стили и

¹⁾ Bernhardt, Grundr. der Griech. Literatur. Уэвелъ, Исторія индуктивныхъ наукъ, I, 343—348. Schöll, Gesch. der griech. Liter. III, 80, 221, 418.

отдѣлкою; остальные по большей части компилировали прежнихъ писателей безъ всякаго плана, критики и выбора; одни служили выраженіемъ партій, другіе были преданы суевѣрію. Многіе предпринимали написать всеобщую исторію отъ сотворенія міра до своего времени; но въ своихъ трудахъ мѣшали рассказы священной исторіи и языческихъ писателей, и переносывали цѣлыя страницы изъ своихъ предшественниковъ, не указывая источника ¹⁾. По большей части они служили тому или другому теологическому мнѣнію, хотя одновременно трактуютъ объ исторіи государства; такимъ образомъ и на исторіи отразилась борьба религиозныхъ сектъ. Лѣтописцы, число которыхъ въ это время («in Zeiten der Barbarei») *увеличилось*, также лишены были правильнаго сужденія. Они списывали одинъ съ другаго и къ старымъ ошибкамъ прибавляли новыя. Въ древней хронологіи они перепутывали самыя простыя вещи, умалчивая о замѣченныхъ пробѣлахъ и противорѣчійхъ и такимъ образомъ затрудняли дѣло. Римское право было обезображено еще при Юстиніанѣ, такъ какъ его юристы, начиная съ Трибоніана, выпускали все, что напоминало принципы древней свободы, и оставляли только то, что было сообразно съ новыми понятіями о правахъ верховной власти. Математика служила только для практическихъ цѣлей. Что же касается естественныхъ наукъ, то за все время существованія Византійской имперіи онѣ не подвинулись впередъ, сравнительно съ результатами древнихъ авторитетовъ. Для писателей этого рода важны были не наблюденія, а мнѣнія Аристотеля и Плинія. Въ астрономіи преобладало астрологическое направленіе, опиравшееся на воззрѣнія Аристотеля, Птолемея и въ особенности мистическаго Прокла. Медицинѣ не доставало изученія природы, потому что врачи византійской эпохи шли не путемъ изслѣдованія и открытій, а ограничивались объясненіями Галена и другихъ древнихъ писателей. Они были, какъ и тогдашніе философы, эвлектиками ²⁾.

Въ такомъ же застоѣ находилось и землѣдѣніе. Оно стоитъ въ тѣсной связи съ упадкомъ другихъ наукъ, близкихъ къ нему по своему

¹⁾ Исключеніе въ нѣкоторой степени составляютъ: Зонара, Агатіасъ, Константинъ Порфирогенетъ, Никифоръ Бріенскій, Анна Комненъ и Іванъ Кипнамъ.

²⁾ Bernhardy, *ibid.* Schöll, III, 246, 436, 471. Узель, 370. Шлейденъ, Этюды, 217.

методу. Одинъ писатель того времени говорить: »Разыскивать причины естественныхъ вещей, изслѣдовать такъ-ли велико солнце, какъ оно кажется, выпукла луна или вогнута, остаются-ли звѣзды неподвижны на небѣ или плаваютъ свободно въ воздухѣ; какъ велико небо и изъ чего оно сдѣлано; остается-ли оно въ покоѣ или движется; какъ велика земля; на какихъ основаніяхъ она повѣшена и находится-ли въ равновѣсіи;—спорить и дѣлать предположенія объ этихъ предметахъ значить совершенно то же, какъ еслибы мы стали разсуждать, что мы думаемъ о какомъ-нибудь городѣ въ отдаленной странѣ, о которомъ мы не знаемъ ничего кромѣ его имени«. Ученіе о шарообразности земли было извѣстно древнимъ грекамъ. Но въ это время оно положительно опровергалось: »Возможно-ли, говорить тотъ же писатель, людямъ быть столь безумнымъ, чтобы вѣрить, что жатвы и деревья на другой сторонѣ земли висятъ внизъ, и что у людей ноги выше головъ? Если вы спросите ихъ, какъ они защищаютъ такія нелѣпости? какъ вещи не падаютъ съ земли на той сторонѣ?—Они отвѣтятъ, что, по природѣ вещей, тяжелыя тѣла стремятся къ центру, подобно ступицамъ колеса, тогда какъ легкія тѣла—облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра къ небу, во всѣхъ сторонахъ«. Другіе опровергали мнѣніе объ антиподахъ, потому что между потомками Адама не упоминается такого племени. Стремленіе къ соглашенію мнѣній, отличающее александрійскую эпоху, сохранилось и у византійцевъ. Извѣстный писатель VI столѣтія Козьма Индикопловъ, въ своей »Христіанской топографіи«, старался согласить съ библіей систему Птолемея. Онъ описываетъ »землю, какъ продолговатую плоскость, окруженную прямыми стѣнами и покрытую сводомъ, подъ которымъ небесныя тѣла совершаютъ свои обращенія, обходя вокругъ какой-то высокой горы, которая занимаетъ сѣверныя части земли и производитъ ночь, закрывая людей отъ лучей солнца«¹⁾.

Такимъ образомъ въ византійскую эпоху филологическое образованіе преобладало надъ остальными; но и въ немъ господствовало риторическое направленіе, которому значительно способствовало полемическое настроеніе общества. Съ такимъ же характеромъ являются греки на западѣ въ эпоху возрожденія.

Вызывающій характеръ азычества, а потомъ множества сектъ,

1) Schöff, III, 324, 328—330. Уэвелль, I, 326, 327.

постоянно возбуждалъ въ обществѣ полемику. Результатомъ ея было множество полемическихъ произведеній, которыхъ насчитываютъ *тысячами* и которыя могли-бы составить порядочную библиотеку ¹⁾. Съ IX вѣка отпаденіе западной церкви отъ восточной было причиною новой полемики, тянувшейся нѣсколько столѣтій и составившей цѣлую литературу о спорныхъ вопросахъ (о Духѣ св., объ опрѣсновахъ, о власти папѣ) ²⁾. Эта полемика особенно усилилась, когда, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, императоры готовы были измѣнить кореннымъ убѣжденіямъ церкви въ пользу политическихъ интересовъ ³⁾. Притязанія папъ на Болгарію (IX в.), ересь евхитовъ и богомиловъ (XII в.) составляли предметъ особыхъ споровъ ⁴⁾. Въ XIV вѣкѣ Николай Кавасила писалъ опроверженія на Ому Аквината, какъ опору латинянь. Въ томъ же вѣкѣ явился въ Солунѣ калабрійскій монахъ Варлаамъ, съ цѣлью дѣйствовать въ пользу латинства, для чего даже принялъ православіе. Узнавши, что аеонскіе пустынники вѣрятъ созерцанію божескаго свѣта тѣлесными глазами, онъ донесъ императору. Въ слѣдствіе этого возникъ споръ—быль-ли еаворскій свѣтъ существенный или отраженіе. По этому поводу было 4 собора въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ императоровъ; а историкъ Никифоръ Григорасъ написалъ 10 книгъ противъ 4-го собора ⁵⁾.

Въ слѣдствіе постоянныхъ религіозныхъ столкновеній, религіозные вопросы сдѣлались стихіей византійскаго общества. Императоръ Левъ

¹⁾ Иннокентій, Церк. исторія, I, 15—20, 82—89, 160—178, 252, 312—316, 320, 321, 362, 384, 402, 404, II, 13—17.

²⁾ II, 19, 20, 31, 110, 115, 120, 121, 136, 160, 171, 177, 183, 187, 237—239, 300, 301, 310, 311, 356, 368, 369, 383, 385.

³⁾ По свидѣтельству Льва Алація, греки въ это время особенно изощряли перо и языкъ на римскихъ первосвященниковъ. II, 311.

⁴⁾ Евхиты отвергали все внѣшнее богослуженіе, даже крещеніе; полагали, что въ каждомъ чловѣкѣ есть злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять молитвою; что должно избѣгать супружества и употребленія мяса. Вѣрили двумъ тройцамъ. Богомилы учили, что міръ созданъ злымъ духомъ, а потому тѣла чловѣческія, какъ темницы божественныхъ душъ, слѣдуетъ умерщвлять постомъ, трудами и созерцаніемъ, чтобы возвратить душѣ потерянную свободу. Поэтому и Сынъ Божій имѣлъ не истинное тѣло, но только видъ его. Они отвергали ветхій заветъ. Монахъ Василій за упорство въ ереси былъ сожженъ. Иннокентій, Церк. ист. II, 196, 197.

⁵⁾ Иннокентій, Исторія церкви, II, 319, 328, 329, 302.

Философы писали рѣчи на церковные случаи и посланіе ко всемъ христіанамъ о благочестіи; сами императоры иногда возбуждали споры, напр. иконоборцы, Михаилъ Палеологъ, Андроникъ Старшій, Мануилъ Комнень. Послѣдній особенно прославился любовью въ подобнымъ диспутамъ. Онъ самъ писалъ огласительныя слова, называемыя селенціями (*σελέντια*), и читалъ ихъ предъ всѣми; онъ составлялъ догматическія формулы и заставлялъ признавать ихъ: виновные въ преступленіи повелѣніи подвергались изгнанію и ссылке. Однажды Мануилъ потребовалъ признать такую формулу: вочеловѣчившійся Богъ, въ произвольномъ принесеніи себя въ жертву, былъ вмѣстѣ и приноситель и приносимый. Для этого онъ созвалъ соборъ въ Константинополѣ. Споръ распространился въ публикѣ. Тогда императоръ велѣлъ начертать это изреченіе на каменной доскѣ и повѣсить въ Софійской церкви. Въ другой разъ онъ потребовалъ отмѣнить существовавшую формулу для обращающихся изъ магометанства въ христіанство: «богу магометову анаеема». Два синода собирались по этому вопросу и когда императоръ не могъ добиться согласія, то сталъ грозить посредничествомъ папы. Тогда измѣнили такъ: «Магомету съ его ученіемъ — анаеема». Для большей части византійскихъ царей, говоритъ Никита Хониатъ, рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ... Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, богомудрыми подобно Соломону, боговдохновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ; однимъ словомъ — непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ... Они сами бываютъ въ одно и тоже время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судьями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается... Иногда какое-нибудь выраженіе проповѣдника перетолковывалось на тысячи ладовъ его противниками и становилось предметомъ жаркихъ споровъ на словахъ и письмѣ. Виновники споровъ окружены были народомъ въ собраніяхъ и на площадяхъ, а мнѣнія ихъ раздѣляли остальныхъ на противоположныя стороны и партіи; такимъ образомъ одинъ и тотъ же диспутъ иногда тянулся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ¹⁾. Очевидно, что распространеніе сев-

¹⁾ Никита Хониатъ, Царств. Ман. Комнена, кн. VII, гл. 5, 6; Царств. Алекс. Комн. III, гл. 3. Иоаннъ Киннамъ, Царств. Иоан. и Ман. Комн.

таторскаго духа развивало полемику, которая отнимала лучшія силы на защиту тѣхъ или другихъ вопросовъ. Церковь же постоянно должна была находиться въ оборонительномъ положеніи.

Между тѣмъ, какъ сектаторство не переставало тревожить спокойствія совѣсти,—имперіи угрожало политическое уничтоженіе. Постоянная смѣна императоровъ; придворныя интриги, подобныя интригамъ азіатскихъ сералей; борьба партій, стоявшая жизни тысячамъ людей; вторженія враговъ, доходившихъ даже до Константинополя; произволъ наемниковъ, господство франковъ и послѣдовавшее за тѣмъ распаденіе областей—вотъ явленія, смѣнявшія другъ друга и, въ своей совокупности, подготовившія паденіе государства. Дальновидные люди заранѣе предвидѣли въ нихъ предсмертную агонію общества¹⁾. Разстройство финансовъ дошло до такой степени, что при Андроникѣ Старшемъ, для пріискаванія средствъ, стали продавать украшенія древнихъ царей²⁾. Въ XIV вѣкѣ бѣдность императорской фамиліи высказывалась даже въ одеждѣ и домашнихъ приборахъ. вмѣсто драгоценныхъ камней виднѣлись фальшивые камни и разноцвѣтное стекло; стѣны были покрыты не золотой и серебрянной парчой, не дорогими коврами, а поволоченной кожей; вмѣсто золотой и серебрянной посуды подавалась оловянная, мѣдная и глиняная; наконецъ въ церквахъ съ иконъ снимали украшения, продавал все, что имѣло въ нихъ какую нибудь цѣнность³⁾. Съ 1370 года платежъ дани туркамъ истощалъ средства страны. Тогда императоры стали искать помощи на сторонѣ. Въ 1400 г. французскій король Карлъ VI обѣщалъ выдавать греческому императору Мануилу около 30000 рубл. ежегодно на его личныя издержки⁴⁾. Надѣясь на вліяніе и помощь папы, императоры стали хлопотать даже о церковной уніи; но она была неудачна и даже бесполезна; потому что государство давно уже лишилось политической жизненности. Когда при дворѣ Михаила Палеолога получили извѣстіе объ отнятіи Константинополя у латинянъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ государ-

кн. II, гл. 10; XIV, гл. 16; кн. VI, гл. 2; Никифоръ Григора: Римск. исторія, кн. XI, гл. 10.

¹⁾ Анна Комненъ, Сказаніе о дѣлахъ Алексѣя Комн. III, гл. 9.

²⁾ Никифоръ Григора, Римская исторія, кн. VIII, гл. 10.

³⁾ Никифоръ Григора,

⁴⁾ Шлоссеръ, IX, 22, 44.

ствѣнныхъ людей, вмѣсто того, чтобы радоваться, стали горько жаловаться, говоря: «Что я слышу? за что такая напасть? какими грѣхами навлекли мы на себя гибель? Теперь, когда Константинополь въ рукахъ грѣковъ, гибнетъ всякая надежда»¹⁾. Это лучше всего характеризуетъ порядокъ вещей. При постоянныхъ тревогахъ въ государствѣ, жители цѣлыми городами переселялись въ другія страны, потому что родина потеряла для нихъ свою цѣну²⁾. Въ числѣ ихъ многіе ученые отправились искать счастья на западъ; оставивъ такимъ образомъ и существовавшую науку на произволъ судьбы³⁾.

Наука требуетъ спокойнаго развитія, а потому понятно, какъ должны были отражаться эти волненія на состояніи знаній. Анна Комненъ говоритъ, что въ ея время образованіе въ Византіи было въ преенебреженіи, а люди, по большей части, нѣжились и забавлялись перепелами и другими играми. При вступленіи на престолъ, ея отецъ напомнилъ, что въ самой столицѣ «просвѣщеніе и всякое разумное знаніе находилось въ жалкомъ положеніи, потому что наука была изгнана». Изъ занимавшихся весьма немногіе оказались «едва стоящими у дверей аристотелевой философіи». Впрочемъ и самъ Алексѣй Комненъ не совѣтовалъ слишкомъ увлекаться науками⁴⁾. Если въ древнюю эпоху Византійской имперіи были въ монастыряхъ люди образованные и считавшіе необходимымъ для своихъ цѣлей научное знаніе; то въ эпоху упадка образованности были монахи, которые съ намѣреніемъ истребляли богатѣйшія бібліотеки, сохранявшія драгоцѣнные произведенія *старой литературы*. Человѣкъ съ образованіемъ, вступивъ въ монастырь, даже навлекалъ на себя зависть, клеветы и гоненія, потому что онъ загоразивалъ имъ дорогу⁵⁾. Когда сербскій деспотъ Стефанъ отыскалъ Паралипоменомъ Зонары, то приказалъ монаху Тимоею отнести его для списанія на *Афонъ*, въ Хиандарскую лавру. «Череписчикъ, желая провѣрить этотъ Паралипоменомъ съ Ксенофонтомъ, Геродотомъ, Апіемъ, Діономъ, Евсевіемъ бесарійскимъ, Панфиломъ епископомъ, Θεодоритомъ вирскимъ и Никитой риторомъ, спрашивалъ

1) Шюссеръ, VII, 189.

2) Никита Хоніатъ, гл. XVII. Излож. событ. по взятіи Констант. и царств. Ман. Комн. кн. VII, гл. 2, Царств. Алексѣя Комн. II, 5.

3) Галламъ, I, 82, 124.

4) Анна Комненъ, Сказан. о дѣл. ц. Алекс. Комн. кн. V, гл. 8, 9.

5) Костомаровъ, Сѣвернорус. народоправства, II, 419.

о нихъ у *остатъ*, вѣдущихъ книжное исправленіе, но многимъ и самыя названія были неизвѣстны¹⁾.

Особенно вредно подѣйствовало на византійскую образованность завоеваніе Константинополя крестоносцами и правленіе необразованной Латинской династіи²⁾. При взятіи города, отъ пожаровъ и грабежа сильно пострадала царская библіотека³⁾. Здѣсь исчезаютъ слѣды многихъ классическихъ авторовъ и оканчиваются компилляціи изъ древней исторіи, дѣлаемыя прилежными византійцами; а въ языкъ и речу вкрадываются латинскіе элементы. Это отразилось и на грамматикахъ, писанныхъ греческими выходцами XV столѣтія и долго служившихъ основаніемъ классическаго воспитанія въ Европѣ⁴⁾. Хотя, до взятія Константинополя Магометомъ II, весь высшій классъ обоюго пола говорилъ по-гречески; но въ провинціяхъ, у простаго народа и на всѣхъ вообще островахъ онъ измѣнился и принялъ ту искаженную форму или новый языкъ, который мы называемъ румельскимъ⁵⁾. Древнѣйшая рукопись на ново-греческомъ языкѣ, на которую ссылается Дю-Канжъ, хранится въ Парижской библіотекѣ и относится къ XII вѣку; но изустный языкъ сталъ портиться нѣсколькими вѣками прежде⁶⁾. По мнѣнію Петрарки, послѣ смерти Леонтія Пилата (XIV в.), въ Греціи не осталось ни одного человѣка, который могъ-бы понимать Гомера. »Можетъ быть, замѣчаетъ Галламъ, слова эти и нельзя при-

1) Паралипоменонъ Зонары, предисл. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № 1. »И еще вопросити кого отъ книжное исправленіе вѣдущихъ бысть о сихъ книгахъ, аще гдѣ суть, съ приреченіемъ заклятія отвѣщаши ми ниже видѣти сихъ, инымже ниже имена слышати прежде«. Стр. 3.

2) Heeren, Geschichte des Studium der Classisch. Liter. 125.

3) Константинопольскія библіотеки. Жур. мин. нар. просв. 1836, часть IX, 144.

4) Галламъ, I, 77.

5) У Евстахія много румельскихъ словъ, а между тѣмъ никто не былъ ученѣе его въ XII вѣкѣ. Къ концу XIV вѣка, по свидѣтельству Колуччіо Салутано, Плутарха переводили de Graeco in Graecum vulgare. Филельфъ, въ одномъ изъ писемъ 1441 г., говоритъ, что языкъ, на которомъ говорили въ Пелопонезѣ »adeo est depravata, ut nihil omnino sapiat priscae illius et eloquentissimae Graeciae«. Въ Константинополѣ было лучше: »viri eruditi sunt nonnulli et culti mores et sermo etiam nitidus«. Галламъ, I, примѣч. 35 къ главѣ 2-й.

6) Du-Cange, praef. in Glossarium mediae et infimae Graecitatis.

нять буквально; но въ нихъ ясно выражается общее хладнокровіе къ поэтамъ и кажется весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ древнихъ писателей, которыхъ бы намъ всего болѣе хотѣлось отыскать, особенно поэты лирическіе дорійскаго и эолійскаго нарѣчій, погибли именно оттого, что они сдѣлались непонятными для переписчиковъ Восточной имперіи, хотя это также приписывали и взыскательности духовенства. Ауриспа свидѣлствуетъ, что вообще онъ нашелъ мало людей, занимающихся древнею литературою ¹⁾).

Обозрѣвая результаты византійской учености, Гиббонъ замѣчаетъ: «Константинопольскіе греки держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о приобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ ихъ достояніе. Въ теченіе десяти вѣковъ они не сдѣлали ни одного открытія. Ни одно историческое, философское или поэтическое твореніе не было свободно отъ недостатка въ красотѣ стиля, чувства и оригинальной фантазіи. Нашъ вкусъ поражается выборомъ исполненныхъ и обветшалыхъ словъ, запутаннымъ построеніемъ періодовъ, дѣтскою игрой съ фальшивыми и неумѣстными украшеніями, наконецъ мучительнымъ трудомъ. Константинопольскіе барды рѣдко подымались выше загадки, эпиграммы, панегирика или разсказа; они забыли даже правила просодіи, и съ мелодіей Гомера, еще звучавшей въ ихъ ушахъ, смѣшали всѣ мѣры стопъ и слоговъ въ своихъ слабыхъ произведеніяхъ, называемыхъ политическими или гражданскими стихотвореніями ²⁾».

Завоеваніе Константинополя турками положило конецъ византійской образованности. «Въ это время, говоритъ Ранке о послѣдующей эпохѣ, для развитія ума совсѣмъ не было простора. Языкъ наполнился словами болгарскими, турецкими, итальянскими. Учиться думать было не у кого за недостаткомъ учителей. Когда не знали законовъ мірозданія, то дѣйствія ихъ конечно отуманивали душу мечтами: *эти греки имѣли совершенно фантастическій взглядъ на вселенную*. Одинъ остался у нихъ элементъ, въ которомъ могла еще проявиться духовная жизнь, — они удержали *юлосъ природы — тьмъ*... Скорбь и радости обыкновенной жизни, смерть и разлука, одиночество, при-

¹⁾ Галламъ, I, 77.

²⁾ Gibbon, 2059.

вѣты лунѣ, порученіе посольства птицѣ, довѣрчивый разсказъ облаку, звѣздѣ и морю, мнимое сообщеніе чувства безжизненному міру— все это составляю предметы пѣсень¹⁾. Господство варваровъ коснулось и библиотекъ: по словамъ Дукаса, «турки продавали десять рукописей платоновыхъ, аристотелевыхъ, богословскихъ и другихъ за одну мелкую монету»²⁾.

Въ паралель съ постепеннымъ упадкомъ образованности, въ обществѣ распространялись суевѣрія. Императоръ Левъ *Философъ* написалъ 17 предсказаній о будущемъ состояніи Константинополя³⁾. Между преподавателями философіи были такіе, которые вѣрили въ переселеніе душъ⁴⁾. Люди изъ высшаго круга имѣли обыкновеніе гадать на тазахъ и лоханяхъ, по полету птицъ и на мутной водѣ; такъ что астрологія считалась уже очень простою забавою. Если кому изъ сановниковъ случалось выпасть съ коня, увидѣть дурной сонъ, услышать таинственный голосъ, выпустить вещь при отправленіи своей обязанности; то все это принимали за предзнаменованіе какого-нибудь общественнаго бѣдствія. На нѣкоторые историческіе памятники города смотрѣли какъ на талисманы, съ которыми связано его существованіе. При дворѣ толпились знахари и чревоушчателі, къ которымъ обращались за разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Разныя загадочныя надписи, знаки и буквы, пущенныя въ обращеніе, имѣли глубокой смыслъ въ глазахъ политическаго чловѣка. Для Мануила Комнена считалось роковымъ окончаніе его имени (*μλ* означаетъ 38, а онъ царствовалъ 38 лѣтъ); Андроникъ Комненъ всегда опасался начальной іоты (Исаакъ), какъ буквы гибельной для его власти. До какой степени вѣрили въ подобную каббалистику видно изъ того, что придворные Андроника младшаго опасались, чтобы, по его смерти, не произошло возмущенія въ пользу деспота Константина, такъ какъ его имя начиналось съ *Κ*, въ пользу которой былъ предубѣжденъ народъ. Готовясь къ какому-нибудь общественному предпріятію, прежде всего прибѣгали къ объясненію предшествовавшихъ предзнаменованій. Исто-

¹⁾ Ранке, Госуд. и народы южн. Европы, I, 26.

²⁾ Базилі, Константинопольскія библиотекы, Ж. М. Н. II. 1836, часть IX.

³⁾ Иннокентій, Церковная исторія, II, 17.

⁴⁾ Лѣтопись Георгія Акрополита, гл. 32.

рикъ Никифоръ Григора называетъ болѣе искусныхъ предсказателей — людьми болѣе разсудительными. Онъ говоритъ: «Нельзя сказать, чтобы отъ оракуловъ была пустая и ничтожная польза, если разсматривать ихъ не поверхностно, а съ должнымъ вниманіемъ... Если же нѣкоторые оракулы и оказываются ложными, то это происходитъ не отъ свойства ихъ, а отъ того, что люди, не дожидаясь времени, забѣгаютъ впередъ и толкуютъ тѣ или другія изреченія въ свою пользу.» Дѣйствительность предзнаменованій въ его время объясняли тѣмъ, что какія-то служебныя силы, однѣ добрыя, другія злыя, обтекаютъ воздухъ и землю, присматриваясь въ тому, что происходитъ здѣсь, и, получивъ свыше знаніе о будущихъ событіяхъ, передаютъ его людямъ то въ сновидѣніяхъ, то при помощи звѣздъ, то съ какого-нибудь дельфійскаго треножника, то при посредствѣ внутренностей жертвенныхъ животныхъ, а иногда посредствомъ голоса, сначала неопредѣленнаго раздающагося, а потомъ раздѣльно въ ушахъ каждого»¹⁾.

При такомъ настроеніи общества неудивительно, что въ его обращеніи было множество книгъ, стоявшихъ въ ложномъ отношеніи какъ къ церковному ученію, такъ и къ наукѣ. Это — литература апокрифовъ Древніе церковные писатели, въ составленіи ложныхъ книгъ, очень часто упрекали еретиковъ²⁾. И дѣйствительно, мистическій характеръ многихъ изъ нихъ указываетъ на связь съ тѣмъ сектаторскимъ движеніемъ, которое мы разсмотрѣли выше и которое въ значительной степени носить на себѣ восточный характеръ. Въ свою очередь апокрифы иногда служили источникомъ для новой ереси. Такъ, своею дорожили откровеніемъ Авраама, секта архонтиковъ — книгою Еноха, боголимы — пророчествомъ Исаи и апокрифическимъ откровеніемъ Іоанна³⁾. Эта ересь, распространившись по Болгаріи, оставила тамъ слѣды своей апокрифической литературы, произведенія которой обыкновенно соединяются съ именемъ богомильскаго ересіарха, попа Іереми. Далѣе она имѣла значительное вліяніе и на Россію, первыхъ ере-

1) Нивита Хоніать, Царств. Ман. Комн. IV, гл. 6; VII, гл. 7; Царств. Алекс. Порфирород. гл. 12; Царств. Андрон. Комн. I, 5, 9. Излож. событ. по взятіи Констант. латин. гл. 15, 17. Никифоръ Григора, III, гл. 4; V, гл. 5, 7; VIII, гл. 5, 11, 14, 15.

2) См. обширное указаніе на еретиковъ и еллинскихъ мудрецовъ въ нашемъ индексѣ. Расколъ, Шапова, стр. 449—452.

3) Пыпинъ, объ отречен. вѣнгахъ, Русск. Слово, 1862, январь, 84.

тивовъ которой также считаютъ богами 1). Къ этой категоріи относятся сказанія: о вѣрномъ дровѣ, какъ Христа въ пощѣ ставили, какъ Христосъ плугомъ орать, вопросы Іоанна Богослова, о триавицахъ, чародѣйскія заклинанія 2). Апокрифы, по своему религіозному характеру, вполне выражаютъ то религіозное движеніе, которое нѣсколько вѣдовъ волновало Востокъ: въ нихъ отразились восточныя преданія, смѣсь языческой мудрости и умственное направленіе отвлеченныхъ сектъ Востока. Поэтому очень рано въ церковной средѣ стали составлять индексы ложныхъ книгъ 3) и разсуждать о нихъ даже на соборахъ 4). Религіозное содержаніе ихъ увлекало и правовѣрныхъ, но не твердыхъ въ церковной догматикѣ, при томъ склонныхъ, какъ мы видѣли, къ каббалистикѣ и гаданіямъ. Таковы апокрифы: Адамъ, Енохъ, Ламеховы книги, Патріархи, Синова молитва, Моисеевъ завѣтъ, Елдадъ, Молдадъ, псалмы Соломона, Ильино обавленіе, Исаино обавленіе, повѣсти Іакова, странствованія апостоловъ, евангелія Варнавы и Фомы, житіе Петра въ пустынѣ 52 года, о продажѣ Христа, о крещеніи архистратига Михаила, хожденіе Богородицы по мукамъ. За тѣмъ идетъ особая литература сказаній о мученикахъ и святыхъ 5). По своему характеру апокрифы, какъ нельзя лучше, подходили къ указанному настроенію общества. Греческіе книжники имя Адама объясняли начальными буквами четырехъ странъ свѣта (arktos, dysis, anatole, mesembria), и поэтому заключали, что въ его имени уже содержалось названіе странъ свѣта, которыя должны были населиться его потомствомъ 6). О Енохѣ говорилось, что онъ былъ на пятюмъ небѣ и исписалъ 300 книгъ; объ адамовомъ лбѣ, что въ немъ сидѣло семь царей; о Макаріѣ Римскомъ, какъ три монаха нашли его и узнали, что въ 30 понрицахъ отъ него находится рай; въ словѣ Меѳодія Патарскаго предсказывалось, что земля будетъ горѣть три года, говорилось о царяхъ Гогъ и Магогъ, запечатанныхъ Александромъ Македонскимъ; въ осо-

1) Рудневъ, О расколахъ и ересьяхъ, стр. 37.

2) Пыпинъ, ib. 94.

3) См. у Монфокона pag. 193—194. Извѣстны индексы Афанасія, Никитора Константинопольскаго и Никона Черногорца.

4) Вопросы Іоанна Молчальника, предложенные на соборѣ патр. Николаю Кормчая 1284 г. Толст. отд. I, № 311.

5) Расколъ, Щанова, 449.

6) Пыпинъ, Рус. Слово, 1862, февр. 48.

бомъ сказаніи помѣщено какъ 300 ангеловъ солнце воротать. Къ этому же роду причислялись книги, наполненыя равнаго рода гаданіями которыя подвергались сильнымъ нападкамъ духовныхъ писателей¹⁾. А въ томъ числѣ и люди, приготовлявшіе разныя волшебныя пояски и талисманы²⁾. Какое вліяніе оказали эти книги на русское міросозерцаніе мы каснемся въ третьей главѣ. Но и въ Византіи онѣ пользовались извѣстнымъ значеніемъ: отрывки изъ Еноха встрѣчаются въ указаніяхъ церковныхъ писателей, а также у Кедрина и Синвелла³⁾.

То же настроеніе византійскаго общества выразилось и въ весьма распространенной тамъ мысли о близкой кончинѣ міра, занесенной въ Византію съ Востока. Она встрѣчается въ апокрифахъ, историческихъ сочиненіяхъ и паскаліяхъ. Кедринъ, писавшій въ XI вѣкѣ, говоритъ о седьмомъ днѣ творенія, какъ о прообразѣ седьмаго тысячелѣтія, когда долженъ окончиться видимый міръ, ссылаясь на Іосифа и апокрифъ малое бытіе. Въ XII вѣкѣ Григорій коринтскій находилъ прообразъ 7000-лѣтняго существованія міра въ 7 воскресныхъ дняхъ пятидесятницы. Въ греческія паскаліи не идутъ далѣ 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра и въ концѣ ихъ иногда говорится о приближающейся его кончинѣ. Въ XIV в. эта мысль встрѣчается уже въ церковныхъ книгахъ. Двѣ греческія рукописи XII и XIII вѣка основывали свои доводы о времени кончины міра на переложеніи въ числа именъ Моисей, Христосъ и слова крестъ (*σταυρός*). Но третья рукопись совѣтовала при томъ обращать вниманіе на событія міра и въ особенности не угрожаютъ ли Константинополю какія-либо бѣдствія⁴⁾. Дѣйствительно, политическія событія были слишкомъ ясны, чтобы не обратить вниманія на приближающуюся бѣду. Константинополь палъ.

Изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Вторженіе восточныхъ идей въ область знанія въ послѣдній періодъ древней науки—увлекло ее въ отвлеченную сферу; а склонность къ примиренію всѣхъ мнѣній лишила науку самостоятельнаго изслѣдованія и развила въ ученыхъ страсть къ комментаторству и ком-

1) Расколъ, Шапова, стр. 449.

2) Шмидтъ, Рус. Слово, январь, 90.

3) Fabricii, Vet. Test. I, 160—199.

4) О паскаліи, Правосл. Собес. 1860, ноябрь. Karls des Grossen Kalendarium. Berlin, 1858.

пиляціямъ. Результатомъ этихъ трудовъ были извѣстные *сборники*. Такое направленіе сохранялось и въ византійскую эпоху, потому что положеніе вещей, въ научномъ отношеніи, нисколько не измѣнилось: византійцамъ мы обязаны собраніемъ древнихъ рукописей, извлеченіями, сокращеніями, однимъ словомъ *сохраненіемъ* древняго матерьяла.

2) Вторженіе языческой философіи послѣдняго періода въ область религіи отразилось также отрицательно: оно породило въ Византійской имперіи множество сектъ, которыя были причиною обширной полемики, сосредоточившей всѣ силы общества на религиозной борьбѣ.—Но

3) Сектаторское движеніе имѣло и *положительный* результатъ: въ борьбѣ съ еретиками восточная церковь выработала ту прочную догматическую систему, которая потомъ всегда въ состояніи была отстоять ея самостоятельность, даже въ то время, когда императоры, изъ-за политическихъ выгодъ, готовы были пожертвовать религиозными интересами. Въ этомъ заключается главное значеніе Византіи. Такъ понимали и греки. Въ спорѣ о раздѣленіи церквей, бывшемъ при Іоаннѣ II Комненѣ, когда Ансельмъ Гавельбергскій сталъ уворать Никиту, епископа никомидійскаго, множествомъ ересей въ греческой церкви, то Никита отвѣчалъ: «Ереси служатъ только въ укрѣпленію вѣры и всегда побѣждаются православіемъ».

Глава II.

Вліяніе греческой образованности возможно было только посредствомъ греческаго языка и переводовъ. Въ теченіе долгаго времени греки занимали высшія мѣста въ русской церкви. Въ періодъ до-монгольскій, когда русскіе митрополиты жили въ Кіевѣ, въ лѣтописяхъ упоминается 23 митрополита, изъ которыхъ три русскіе, три неизвѣстнаго происхожденія и 17—несомнѣнно греки. На епископскихъ кафедрахъ встрѣчается также нѣсколько грековъ: напр. Іоакимъ борсунянинъ въ Новгородѣ, Антоній въ Черниговѣ, Мануилъ въ Смоленскѣ, Косма—въ Полоцкѣ, Иларіонъ—въ Ростовѣ. Полагаютъ, что и влири на первыхъ порахъ былъ частію изъ грековъ, частію изъ болгаръ, образовавшихся подъ вліяніемъ византійскихъ началъ. Съ переселеніемъ митрополитовъ въ Москву, до паденія Константинополя, въ числѣ рус-

связь іерарховъ встрѣчаются греки (Максимъ, Феогностъ, Фотій) и южные славяне (Киприанъ, Исидоръ) ¹⁾.

Въ то же время, мы имѣемъ нѣсколько извѣстій объ изученіи древнихъ языковъ и основаніи библіотекъ. Татищевъ упоминаетъ о Ефремѣ, учившемъ греческому языку въ Новгородѣ (XI в.). Въ XII вѣкѣ внукъ Мономаха, князь Михаилъ Юрьевичъ, съ греками и латинами могъ говорить ихъ языкомъ, какъ русскимъ ²⁾. А Романъ Ростиславичъ смоленскій устроилъ училища, для которыхъ на свой счетъ содержалъ учителей—грековъ и латинистовъ, и не только самъ занимался книгами, но и другихъ понуждалъ къ этому ³⁾. Присканіе греческихъ и латинскихъ наставниковъ, въ то время не могло составлять особенной трудности, когда, по свидѣтельству «Слова о полку Игоревѣ», въ Кіевѣ жили какъ греки, такъ и западные иностранцы, стоявшіе въ весьма близкомъ отношеніи къ русской жизни. По случаю побѣды Святослава кіевскаго надъ половцами и торжества ея въ Кіевѣ, тамъ говорится: «ту нѣмци и венецици, ту греци и моравя поють славу Святославию». Это извѣстіе подтверждается и другими, свидѣтельствующими, что въ то время проживало въ Россіи довольно грековъ ⁴⁾. Въ началѣ XIII вѣка великій князь Константинъ Всеволодовичъ устроилъ училище во Владимірѣ при церкви св. Михаила, гдѣ учили юношей русскіе и греческіе монахи. А умирая онъ завѣщалъ училищу свой домъ, книги и значительныя волости ⁵⁾. Константинъ былъ большой любитель книгъ; держалъ при себѣ ученыхъ людей; покупалъ по высокой цѣнѣ греческія книги и велѣлъ переводить ихъ; собиралъ извѣстія, относящіяся къ исторіи прежнихъ князей и даже самъ писалъ. Результатомъ его дѣятельности была извѣстная библіотека во Владимірѣ, въ которой однѣхъ греческихъ книгъ было болѣе 1000. Эти книги онъ приобрѣлъ отчасти покупкою, отчасти въ даръ отъ патріарховъ, уважавшихъ его любомудріе ⁶⁾. Вѣроятно по старашю же Константина

¹⁾ Макарій, Исторія русской церкви, I, 28; II, 7—11; IV, кн 1-я, 13, 21, 62, 85.

²⁾ Татищевъ, Исторія російская, III, 220, II, 205.

³⁾ Ibid. III, 238.

⁴⁾ Макарій, Истор. церкви, II, примѣч. 513.

⁵⁾ Татищевъ, III, 415.

⁶⁾ Ibid. 416. Константину приписываютъ исторію и описаніе земель, сгорѣвшія во время пожара. Татищевъ, III, примѣч. 625. О его любви къ бесѣдамъ и чтенію книгъ см. также Полн. собр. руск. лѣт. I, 188.

было положено начало библиотекъ въ Ростовѣ, куда онъ посланъ былъ отцомъ на княженіе. Въ первой половинѣ XIII вѣка въ Ростовѣ былъ извѣстенъ богатствомъ, а также и книгами, епископъ Кирилль; но онъ лишился всего имущества въ слѣдствіе одного тяжёлаго дѣла ¹⁾. Быть можетъ изъ этихъ собраній составила извѣстная Ростовская библиотека, о значеніи которой, уже въ XIV вѣкѣ, можно судить по извѣстію житія Стефана Пермскаго. Въ немъ говорится, что Стефанъ потому избралъ для жизни ростовскій монастырь, что тамъ «было много книгъ» ²⁾.

Впрочемъ, судя по достовернымъ извѣстіямъ, знаніе греческаго языка не шло глубоко. Если Лука Жидята переводилъ съ греческаго, а Стефанъ Пермскій научился греческой грамотѣ ³⁾, то ихъ знаніе предназначалось только для духовныхъ трудовъ. Дѣятельность представителей церкви греческаго происхожденія была значительно стѣснена незнаніемъ или плохимъ пониманіемъ русскаго языка ⁴⁾. Въ этомъ соизнается одинъ изъ дѣятельныхъ митрополитовъ грековъ—Нивафоръ ⁵⁾. На это сильно жаловались и русскіе князья ⁶⁾. Вотъ почему, изъ означеннаго числа греческихъ іерарховъ, въ духовной литературѣ встрѣчается всего нѣсколько: Леонтій, Георгій, Іоаннъ II, Нивафоръ, Фотій. Покровительство, оказанное нѣкоторыми князьями,—грекамъ и латинистамъ, зависѣло отъ ихъ доброй воли и, лишённое поддержки со стороны общества, рано или поздно должно было пасть. Романъ Ростиславичъ, на содержаніе училищъ и иностранникъ учителей, растратилъ все свое имущество, такъ что нечѣмъ было его похоронить, и народъ долженъ былъ сдѣлать складку ⁷⁾. Но такихъ князей было мало. Вліяніе училища Константина Всеволодовича и его библиотеки было весьма незначительно, потому что эти учрежденія не пережили и 10 лѣтъ послѣ своего основателя. Въ большомъ пожарѣ, 11 мая 1227 года, сгорѣло 27 церквей, дворъ Константина и церковь Махаила, со всѣми богатствами, при которой было училище. Тогда погорѣли и многія книги ⁸⁾. Но если даже русская грамотность, въ слѣдствіе односторонняго взгляда

1) Полн. собр. рус. лѣт. I, 192.

2) Житіе Стеф. Пермс. въ Русск. свят. Филар. апрѣль, 104.

3) Ibid. 104. Истор. церк. Филар. II, 40. Обзоръ духов. литер. стр. 8.

4) Макарій, Истор. церк. III, 9.

5) Макарій, Церк. истор. II, 161 и примѣч. 283.

6) Акты историч. I, № 39.

7) Татищевъ, III, 238—39.

8) Ibid. III, 446.

и Юсѣдовавшаго за тѣмъ наденія училищъ, не могла вполнѣ привиться, то тѣмъ болѣе—греческая. Уже на Владимірскомъ соборѣ 1274 г. митрополитъ Кириллъ жаловался, что до того времени церковныя прѣвнѣя были невразумительны, по причинѣ греческаго языка, и съ удовольствіемъ указывалъ на новый переводъ Кормчей, присланный ему изъ Болгаріи ¹⁾. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ о невразумительности старыхъ переводовъ, въ которыхъ было много словъ южнославянскихъ и греческихъ; о замѣнѣ ихъ русскими выраженіями и о составленіи лексиконовъ непонятныхъ словъ, именъ и предметовъ. Сами переводчики, иногда не понимая точнаго смысла греческихъ словъ, оставляли ихъ непереведенными или совсѣмъ опускали; другіе замѣняли непонятныя слова по своему соображенію, отчего и самый переводъ выходилъ двусмысленнымъ, неяснымъ или даже превратнымъ ²⁾.

Изъ XVI вѣка сохранилось извѣстіе о замѣчательной библиотекѣ московскихъ князей. Въ хроникѣ рижскаго бургомистра Франца Ніенштедта разсказывается, что лютеранскій пасторъ города Дерпта, Іоаннъ Веттерманъ, взятый въ плѣнъ при Іоаннѣ Грозномъ, видѣлъ эту библиотеку, благодаря тому уваженію, которымъ онъ пользовался у цари, какъ ученый мужъ. По словамъ Веттермана, она состояла изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, и хранилась подлѣ княжескихъ покоевъ, подъ двумя каменными сводами. Она досталась русскимъ князьямъ еще въ давнія времена, отъ константинопольскаго патріарха ³⁾. Карамзинъ полагаетъ, что эта библиотека была собрана отчасти древними князьями, отчасти книги ея были привезены въ Москву вел. княгинею Софіею изъ Рима ⁴⁾. Но профессоръ Кюссіусъ сомнѣвается, чтобы она могла уцѣлѣть отъ древнихъ временъ, при тѣхъ опустошеніяхъ, какимъ вообще подвергались русскіе города, и потому полагаетъ, что основаніе ей положено при Іоаннѣ III, а большая часть книгъ досталась изъ Рима, при бракосочетаніи вел. князя съ греческою царевною Софіею ⁵⁾. И въ спискахъ Веттерманова извѣстія, у

¹⁾ О Кормчей, Балачова, Чтен. Моск. общ. годъ III, № 3, 83.

²⁾ Опис. рукописей Румянц. музей, 3, 161, 146, 31, 34, 753, 269, 717. Опис. русск. синодальн. библиот. I, 19, 36, 37, 68, 198, 203, 249—61, 289, II, 180. Царскій, № 327. Іоаннъ Экзар. Болгар. 103. Обзоръ дух. литер. 144. Истор. церк. Филар. II, 42.

³⁾ Хроника Ніенштедта, Monumenta Livoniae antiqua, 1839, II, 67.

⁴⁾ Карамзинъ, VII, 107.

⁵⁾ Библиот. Вас. IV и Іоанна IV, Ж. М. Н. П. 1834, іюнь.

Ардта и Гадебуша, стоягъ вмѣсто Константинополя—изъ Рима, хотя перваго источника нельзя отвергать безусловно. Кромѣ того, рукописи могли достаться изъ Константинополя черезъ грековъ-выходцевъ, послѣ паденія греческой имперіи.

Максимъ Грекъ, вызванный въ Россію, но долго жившій въ Италіи въ эпоху возрожденія, когда великій князь Василій Іоанновичъ показавъ ему эту бібліотеку, воскликнулъ: »Государь! вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пещель многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя моими единоземцами отъ варваровъ магометовыхъ«¹⁾. Если въ этихъ словахъ сказано очень много, то все-таки бібліотека московскихъ князей составляла замѣчательное явленіе въ древней Руси. На основаніи открытія, сдѣланнаго въ одномъ сборникѣ профессоромъ Дабеловымъ²⁾, оказывается, что въ этой бібліотекѣ хранилось до 800 рукописей, которыя частію были куплены, частію же получены въ даръ съ Востока. Между ними были очень замѣчательныя сочиненія на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Изъ нихъ, въ означенномъ документѣ, упоминаются на латинскомъ: Исторія Тита Ливія, книга Цицерона *De republica* и 8 книгъ *historiarum*, Светоніевы исторіи о царяхъ (въ переводѣ того лица, которому принадлежитъ извѣстіе), Tacitus *Hist.*, *Corpus Ulpiani*, *Papiniani*, *Pauli* и т. д., книга римскихъ законовъ, Юстиновы исторіи, *Codex Constit. imper. Theodosii*, *Virgili Aeneid.*, *Calvi orationes et Poemata* (думаютъ, что это *Cajus Licinius Calvus*, рѣчи и сочиненія котораго утрачены), *Justiniani Codex Constit.* и *Codex Novellar.* По словамъ документа, эти книги достались отъ императора³⁾. Потомъ упоминаются: Война Югурты Саллюстія, сатиры Сира; *Caesar, Comment. de bello gallico* и *Codri Epithalam.* (полагаютъ, что это поэтъ Кодръ, упоминаемый у Ювенала и Вергілія, или *Antonius Urcus Codrus*, умершій въ 1500 г. въ Болоньи). Изъ греческихъ: исторіи Поли-

1) Карамзинъ, VII, 107.

2) Дабеловъ, прибывшій въ Дерптъ въ 1819 г., занимался разысканіями о ливонскомъ правѣ и получалъ документы изъ разныхъ городовъ. Въ числѣ документовъ, относящихся къ Дерпту и Пернову (*Collect. Dorpatensia et Pernaviensia*), находилось извѣстіе одного дерптскаго пастора, который имѣлъ въ своихъ рукахъ рукописи московскаго царя. Кюссіусъ, Ж. М. Н. Просвѣщ. 1834, июль, 407, 408.

3) »Эти манускрипты писаны на тонкомъ пергаментѣ и имѣютъ золотыя переплеты«. Замѣчено въ спискѣ. ib. 113.

бія, комедіи Аристофана, Basilica и Novellae Constitutiones, Pindari Carmina, Haefestion Geographica; Theodori, Athanasii, Zamareti etc. Interpretationes Novellarum, Zamolei Mathematica, Justin. leg. agrar., Эфановъ переводъ пандектовъ. Остальные означены не ясно ¹⁾.

Такимъ образомъ, вромѣ богатаго собранія богословскихъ сочиненій, Великовняжеская бібліотека представляла много интереснаго и въ научномъ отношеніи. Русское извѣстіе выражается вообще, что тамъ было «безчисленное множество греческихъ книгъ ²⁾» а извѣстіе, открытое Дабеловымъ, говоритъ: «большая часть суть греческія; но также много и латинскихъ». Въ ней хранилась и извѣстная толковая псалтирь, для перевода которой нарочно вызвали Максима Грека ³⁾. Она заключала въ себѣ 24 толкователя, изъ которыхъ не было позже Максима исповѣдника (VII вѣка) ⁴⁾. Впрочемъ вызовъ Максима Грека показываетъ, что въ Москвѣ не было людей, которые могли бы взяться за это дѣло. Тоже подтверждаютъ и другія современныя извѣстія о судьбѣ бібліотеки. Максимъ Грекъ выражается, что она была заперта въ теченіе *многихъ лѣтъ* ⁵⁾. Его біографъ говоритъ объ открытіи бібліотеки въ такомъ смыслѣ, какъ будто Василій Іоанновичъ, осматривая сокровища древнихъ князей, былъ изумленъ обширнымъ собраніемъ книгъ; но, замѣчаетъ при этомъ, *никто не могъ разобрать ихъ* ⁶⁾. Изъ того, что, по прибытіи Максима Грека въ Россію, ему поручено было между прочимъ составить опись бібліотеки, видно, что она не имѣла даже каталога. Послѣдующая дѣятельность его не касалась уже бібліотеки; не видимъ мы также и другихъ указаній о томъ, чтобы эта бібліотека имѣла большое вліяніе на литературное движеніе въ Москвѣ, которое было довольно сильно въ XVI вѣкѣ. Извѣстно только, что, по желанію Іоанна Грознаго, царскіе дѣяки предлагали Веттерману и тремъ иностранцамъ — Шрёфферу, Шрёдеру и Бравелю, заняться переводомъ одной изъ книгъ, но они убоялись, что ихъ заставятъ переводить и другія (хотя имъ предлагали приличное вознагражденіе), и потому

¹⁾ Библіотека Василія IV, и Іоанна IV, стат. Клоссіуса, Жур. мин. нар. проsv. 1834, іюнь.

²⁾ Москвитянинъ, 1842 г. № XI, Максимъ Грекъ, 47.

³⁾ См. наше изслѣдованіе «Максимъ Грекъ», 102, 103.

⁴⁾ Твор. св. отцевъ, годъ 17, вл. II, 190.

⁵⁾ Сочин. Макс. Грека. Правосл. собес. 1861, іюль, 299.

⁶⁾ Москвитянинъ, 1842, № XI, 47. Евгений, Слов. духов. писат. II, 389.

отказались от работы недостаткомъ подготовки. Книги были снова спрятаны. Авторъ извѣстія, найденнаго Дабеловымъ, говоритъ, что царь хотѣлъ имѣть переводъ Тита Ливія и кодекса Юстиніана, чего тотъ не въ состояніи былъ сдѣлать; но исторія о царяхъ Светонія была вмѣ переведена ¹⁾. Кюссіусъ полагаетъ, что Московская бібліотека погибла въ смутное время, можетъ быть при соженіи Москвы въ 1611 году ²⁾.

И такъ, непосредственное вліяніе древнихъ языковъ было весьма незначительно. А это усиливало значеніе другой отрасли литературы— *переводной*, характеръ которой обусловливается тѣмъ направленіемъ, какое давала монастырская образованность Византіи и тою потребностью, для которой назначалась первоначально книга въ Россіи. О Ярославѣ I сохранилось лѣтонисное извѣстіе, что онъ собралъ много писцовъ въ Кіевѣ, которые переводили съ греческаго на славянскій и списали много книгъ, которыя были положены въ Софійской церкви ³⁾. Такъ образовалась значительная бібліотека при Софійскомъ храмѣ. Князь Николай Святоша, постригшійся въ Печерскомъ монастырѣ, тратилъ на покупку книгъ свою казну, и просилъ переводить ихъ съ греческаго инокъ Θεодосія, вѣроятно грека. Симонъ свидѣтельствуетъ, что эта бібліотека сохранялась до его времени въ Печерскомъ монастырѣ ⁴⁾. Посредниками въ сообщеніи книгъ, въ значительной степени, были южные славяне. Есть извѣстіе, что на первыхъ же порахъ болгарскій царь Симеонъ, — покровитель письменности, прислалъ въ Россію вмѣстѣ съ духовными и *много книгъ* ⁵⁾. Труды, совершенные подъ его покровительствомъ и при участіи Іоанна, экзарха болгарскаго, перешли въ Россію. Въ XIII вѣкѣ, митрополитъ Кирилль указывалъ на новый переводъ Кормчей, присланный ему изъ Болгаріи ⁶⁾. Книжное вліяніе Болгаріи и Сербіи продолжалось и въ послѣдующіе вѣка. Памятникомъ его осталась многочисленность древнихъ нашихъ рукопи-

¹⁾ Жур. мнн. нар. просв. 1834, іюнь, 404—406, 412, 413.

²⁾ Кюссіусъ, Библіот. Вас. IV и Іоанна IV, Ж. М. Н. П. 1834, іюнь.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣтон. I, 65, 66.

⁴⁾ Шевыревъ, Исторія литер. II, 144, пр. 9; Обзоръ духов. литер. Филарета, 32.

⁵⁾ Татищевъ, I, 38.

⁶⁾ Русскія Достопамят. I, 107.

сей съ правописаніемъ болгарскимъ, сербскимъ или смѣшаннымъ съ русскимъ¹⁾. Поэтому, рядомъ съ греческими словами, въ толкованіяхъ приходилось объяснять слова и выраженія сербскія и болгарскія²⁾.

Но гораздо важнѣе въ образовательномъ отношеніи было непосредственное вліяніе Византіи. Въ Константинополѣ и на Аѳонѣ сосредоточилась обширная книжная дѣятельность: тамъ одни переводили на славянскій языкъ греческія книги, а другіе списывали ихъ. Въ Студійскомъ монастырѣ, пословамъ Стефана новгородца (1300 г.), жили русскіе, искусные въ списываніи книгъ и посылали оттуда въ Россію *много книгъ*: уставы, тріоди и инныя книги. Какъ видно, русскіе имѣли постоянное пребываніе въ Константинополѣ, потому что, долгое время спустя, другой путешественникъ (Игнатій, 1391 г.) говорить, что его упокоили въ монастырѣ Предтечи жившіе тамъ русскіе³⁾. Въ XIV вѣкѣ, въ монастырѣ св. Предтечи, въ Константинополѣ, по волѣ Аѳанасія, игумена Высоцкаго, написанъ сборникъ святоотеческихъ сочиненій⁴⁾. Въ Студійскомъ же монастырѣ жилъ митрополитъ Кипріанъ, который особенно трудился въ переводѣ на славянскій языкъ сочиненій отцовъ церкви. Тамъ онъ перевелъ Лѣствицу съ толкованіями⁵⁾, а въ Степенной книгѣ говорится вообще, что онъ переложилъ *много* святыхъ книгъ съ греческаго на русскій языкъ⁶⁾. Слѣдовательно въ Константинополѣ переводная дѣятельность шла довольно правильно. На Аѳонѣ, гдѣ она была шире, этому содѣйствовало раннее появленіе славянскихъ монастырей. Въ XI вѣкѣ тамъ упоминается русскій монастырь, въ XII—сербскій, въ XIII—болгарскій. Уже въ XII вѣкѣ, въ спискѣ имущества русскаго монастыря Ксилургу, упоминаются русскія книги, именно: апостолы, ирмологіи, синаксары, пареміаки, минологы, творенія Ефрема Сирина и номоканоны⁷⁾. На

1) Напр. Опис. Рум. музея №№ 28, 85, 86, 115, 116, 119, 120—130, 132, 133, 134, 136—140, 150, 195, 196, 201, 210, 273, 275, 356, 380, 402, 472. Опис. рукоп. синод. библ. II, № 107, 111, 120, 123, 129, 131, 142—146, 161, 126, 149, 155, 156, 170, 175.

2) Опис. Рум. муз. 169, и Іоаннъ экз. Болгар. 173.

3) Сахаровъ, Сказ. русск. народа, II, 53, 54. Путеш. Стефана повгородс. и путеш. Игнатія, стр. 160.

4) Опис. рукописей Рум. музея, стр. 516.

5) Филаретъ, Обзоръ духов. литѣр. стр. 78.

6) Степен. книга, I, 588.

7) Русскіе иноки на Аѳонѣ, Христіан. чтеніе, 1853, октябрь, и Опис. Аѳонскихъ монастырей, Чтен. Москов. общ. исторіи, 1846, № 4.

Аѳонѣ заглажились списываніемъ книгъ русскіе монахи: Савва, игумень тверскій, Досиѳей, игумень печерскій, Митрофанъ Бывальцевъ, Іона, игумень угрѣшскій, и особенно Нилъ Сорскій¹⁾. Савва принесъ съ собою съ Аѳона Кормчую, которою пользовался Вассіанъ, архіеп. ростовскій²⁾. Изъ переводовъ, сдѣланныхъ на Аѳонѣ, извѣстны слѣдующіе: въ 1371 году, монахъ Исаія перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ Діонисія Ареопагита, съ толкованіями Максима исповѣдника; въ 1399 монахъ Іоаннъ перевелъ «Пѣвны Іерусалима» и книгу Іосифа Маттаѳіева; Гавріилъ хиландарскій (1412) — толкованіе Олимпіодора на книгу Іова; Венедиктъ и Іаковъ (1426) разныя бесѣды Іоанна Златоуста; Григорій хиландарскій переложилъ Паралипоменонъ Зонары и дополнилъ его изъ Амартога (1408)³⁾. Изъ древнѣйшихъ рукописей получены съ Аѳона: толкованія словъ Григорія богослова и лѣтопись, Георгія инока, писанныя на хлопчатой бумагѣ; въ XIII вѣкѣ — прологъ, писанный на пергаменѣ; въ 1397 г. Тактимонъ, Никона черногорца, списанный въ Новгородѣ⁴⁾. Оны имѣли большое значеніе для русскихъ догматиковъ того времени, потому что заключаетъ въ себѣ много отрывковъ, весьма значительныхъ по объему, изъ отцовъ церкви. Отсюда почерпали свои богословскіе доводы Іосифъ Волоколамскій и Нилъ Сорскій, не указывая источника тѣхъ обширныхъ цитатъ⁵⁾, какія встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ. Аѳонская гора постоянно сохраняла для Россіи значеніе книжнаго источника. Въ XVI вѣкѣ оттуда принесъ съ собою въ Россію *греческія книги* Максимъ Грекъ⁶⁾. Съ его именемъ встрѣчается у насъ и сочиненіе Іоанна Дамаскина: Ихнилать и Стефанать⁷⁾. При патриархѣ Никонѣ, по поводу исправленія книгъ, посылались на Аѳонъ, для пріобрѣтенія греческихъ рукописей; Арсеній Сухановъ: тамошніе монастыри, а въ томъ числѣ

1) Опис. рукоп. Румянц. музея. стр. 587, 590. Прибавл. къ твор. св. отцевъ, 1853, II, 813, 814.

2) Рукоп. Толстаго, I, № 169. Житіе Саввы Вышерскаго. По изд. Филарета, октябрь, 178.

3) Прибавл. къ твор. св. отцевъ, VI годъ, кн. I, 138. Журн. министер. народ. просвѣщ. Указатель матерьяловъ отеч. слов. исторіи, Строева.

4) Правосл. собесѣд. 1859, декабрь, 382, 383.

5) Ibid. 384.

6) Соч. Максима Грека, Т. II, 419.

7) Каталогъ Демидова, Чтен. Моск. общ. истор. 1846, № II, 28.

и русскій, прислали съ нимъ 500 книгъ, вѣсма древнихъ: между ними были такія, которымъ считалось 1050, 700, 600, 500 и 400 лѣтъ ¹⁾.

Результатомъ переводной дѣятельности у южныхъ славянъ, въ Византіи и отчасти въ Россіи было значительное количество переводовъ отцовъ церкви, религиозно нравственныхъ сочиненій и византійскихъ сборниковъ, которые сообщили русской жизни исключительно религиозное направленіе, сохранявшееся во все время древняго періода, подъ преобладающимъ вліяніемъ византійской литературы. Болгарскій царь Симеонъ, прозванный за свою любовь къ просвѣщенію *книголюбецъ*, собралъ около себя цѣлое общество людей, которымъ поручено было перевести на славянскій языкъ необходимыя творенія отцовъ церкви. Самъ онъ перевелъ съ греческаго 136 избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и назвалъ свой сборникъ «Златоструемъ». Его сотрудникъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, перевелъ богословіе и философію (діалектика) Іоанна Дамаскина и написалъ Шестодневъ, или исторію творенія міра по книгѣ Бытія, руководствуясь бесѣдами Василія В. и Іоанна Златоуста. Эти книги встрѣчаются у насъ въ раннюю эпоху (XII—XIII вв.), кромѣ философіи, списокъ которой принадлежитъ XVI вѣку, въ рукописи митрополита Данила ²⁾. По повелѣнію же Симеона переведенъ съ греческаго языка сборникъ, содержащій въ себѣ по преимуществу догматическіе вопросы изъ разныхъ отцовъ церкви (о св. Духѣ, о Троицѣ, объ ипостасяхъ, о правой вѣрѣ, о вѣнгахъ священнаго писанія), отрывки изъ церковной исторіи Евсевія и нѣсколько статей общаго характера: пресвитера Теодора ранскаго о разныхъ философскихъ предметахъ, Георгія хоривскаго *de signis*, Іоанна Дамаскина о мѣсяцахъ: македонскихъ, римскихъ, іудейскихъ, греческихъ, египетскихъ. Этотъ сборникъ былъ списанъ въ 1073 г. для великаго князя Святослава ³⁾. Другой сборникъ Святослава, написанный въ 1076 г., также списанъ съ южной рукописи и содержитъ въ себѣ разные творенія отцовъ церкви ⁴⁾. Пандекты Антіоха, игумена обители св. Саввы, въ болгарскомъ переводѣ, представляютъ собраніе текстовъ свящ. писанія о разныхъ

¹⁾ Опись старопечат. книгъ, Строева. 161, 162.

²⁾ Палаузовъ, Вѣкъ болгарскаго ц. Симеона; Калайдовичъ, Іоаннъ, Экз. Болгарскій, 15, 100, 129, 17, 75, 86, прилож. IV. Опис. рукопис. Синод. бібліотеки, II, № 155, 156.

³⁾ Опис. Руж. музея, № 356.

⁴⁾ Кеппенъ, Спис. русск. памятн. стр. 29.

предметахъ догматическаго и нравственнаго содержанія. Они расположены въ 130 отдѣленіяхъ и встрѣчаются въ рукописяхъ XII—XV вв. Здѣсь помѣщено сказаніе Аптіоха объ инокахъ и о лаврѣ св. Саввы, за тѣмъ идетъ рядъ статей объ иноческихъ добродѣтеляхъ, о воздержаніи плоти, о борьбѣ съ страстями, объ удаленіи отъ женщинъ; о смиреніи, терпѣннн, правосудіи, послушаніи; о трудѣ, ницелюбіи, безмолвіи, повиновеніи и т. п. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ за пандектами слѣдуетъ патерикъ житій, представляющій примѣры духовной жизни восточныхъ отшельниковъ ¹⁾.

Отъ древнѣйшей эпохи (до XIII в.) разными путями достались въ Россію: огласительныя поученія Кирилла іерусалимскаго (XII в.); толкованія разныхъ отцовъ церкви на посланія апостола Павла (XIII в.); 13 словъ Георгія Богослова (XI в.); толкованіе Аѳанасія александрійскаго на псалтирь (XII—XIII в.) и Григорія, папы римскаго (XI в.) на евангеліе; бесѣды на воскресныя евангелія изъ Іоанна Златоуста, Кирилла александрійскаго и Исидора Пелусіота (XIII в.); два сборника отрывковъ и поученій изъ отцовъ церкви ²⁾; Лѣствица Іоанна синайскаго (XII и XIII вв.), пользовавшаяся уваженіемъ въ послѣдующіе вѣка. Переводъ Лѣствицы представляетъ смѣсь болгарскаго нарѣчія съ сербскимъ. Около 1370 г. сербскій князь Георгій Бранковичъ нарочно вызывалъ «многолѣтнихъ старцевъ» изъ аѳонскихъ монастырей въ Смедерево, чтобы они привели въ порядокъ эту книгу ³⁾. Въ XV вѣкѣ при ней помѣщалось сказаніе Григорія Синаита о восьми главныхъ страстяхъ и добродѣтеляхъ ⁴⁾. Въ посланіяхъ Симона и Поликарпа встрѣчаются мѣста изъ патерика скитскаго ⁵⁾. Въ XIII вѣкѣ появились у насъ слова Ефрема Сиряна, а въ одномъ прологѣ того же времени помѣщено его слово о мірской суетѣ и воскресеніи мертвыхъ ⁶⁾. Къ этому же времени относится Анонаписисъ съ толкованіемъ Андрея

¹⁾ Калайдовичъ, Іоаннъ Экз. Болгарс. 12, 95, 96. Опись рукоп. Синодальн. библиот. № 159... и стр. 267, 268.

²⁾ Опис. рук. Синод. библиот. II, № 114, 115; Опис. Рум. музея, 253, 255, 469. Макарій, Исторія церкви, III, 182. II, 167. Калайдов. 87; Кеппенъ 22—24.

³⁾ Вѣнск. Jahrbücher der Literat. 1831, № 53.

⁴⁾ Опис. рук. Синод. библиот. II, № 142, 141—146

⁵⁾ Макарій, Исторія церкви, III, 182.

⁶⁾ Житіе Авраамія, Правосл. собес. 1858, III. Правосл. собес. 1859, дек. 360.

Кесарійскаго, которое, вмѣстѣ съ толкованіемъ Ипполита епископа римскаго, помѣщается иногда при бѣгословіи Дамаскина ¹⁾. Авторъ житія Авраамія смоленскаго дѣлаетъ выписки изъ Сборника «Златая цѣпь», заключающаго въ себѣ творенія разныхъ отцовъ церкви ²⁾. Здѣсь, въ видѣ поученій, предлагаются статьи о правой вѣрѣ (Чада моя милая, первое—имѣйте вѣру праву въ Бога Отца, Сына и св. Духа; потомъ же послушанье св. апостоламъ и св. отцамъ), о пришествіи Христа, о святой службѣ, объясненіе священническаго чина, церковныхъ одеждъ, частей храма, о пьянствѣ, о ветхомъ и новомъ законѣ, о молитвѣ; 100 главъ о томъ, что имѣтъ правую вѣру есть основаніе добрыхъ дѣлъ; слово о томъ, какъ Іоаннъ Предтеча сходилъ въ адъ. Рядомъ съ этими статьями помѣщено нѣсколько словъ о постѣ, поученіе о суетѣ земной жизни, поученіе одного старца о подвигѣ душевномъ; слово Петра Дамаскіа о брѣвности этой жизни (Воздвигнися душе, хотяще взыскати себѣ добра. Въ семь житіи еще суще, не здѣ обрящещи, но индѣ); слово о непостоянствѣ земной жизни; Ефрема Сирина о мірской суетѣ ³⁾.

Въ слѣдующіе вѣка, кромѣ толкованій на разныя части библіи и евангелія, мы встрѣчаемъ еще болѣе сочиненій догматическихъ, нравственныхъ и аскетическихъ. Таковы творенія Діонисія Ареопагита съ толкованіями на нихъ Максима исповѣдника, въ аѳонскомъ переводѣ Исаіи; слова Аѳанасія александрійскаго противъ арианъ, въ переводѣ болгарскаго епископа Константина (X в.); поученія Аввы Дорошея въ четырехъ спискахъ; поученія Ефрема Сирина въ трехъ спискахъ; поученія Исаака Сирина, въ спискахъ XIV и XV вв., съ прибавленіями изъ Петра Дамаскіа, Максима исповѣдника и др. Переводъ сербскаго происхожденія; но есть аѳонская рукопись. Въ XVI вѣкѣ эти поученія пользовались также большимъ уваженіемъ, судя по количеству списковъ (по описи Синод. библиот.—10 рукописей). Діонтра Филиппа Пустыника въ четырехъ спискахъ XV вѣка; постническія слова Василія В. (XV); поученія Θεодора Студита, въ спискахъ XIV и XV в.; подвижническія главы Максима исповѣдника, Θεодора эдесскаго и Нила—вонца XIV или XV в ⁴⁾. Они состоятъ изъ 400 правилъ или главъ Максима,

¹⁾ Опис. рук. Синод. библиот. II, № 156. Опис. Рум. муз. № 8.

²⁾ Житіе Авраамія, Правосл. собес. 1858, т. III.

³⁾ Златая цѣпь, Чтенія Москов. общ. ист. 1846, книжка II.

⁴⁾ Опис. Рум. музея, 161; Опис. рук. Синод. библ. II, № 111, стр.

100 гл. Θεодора и 100 гл. Нила. Въ рукописи Синод. библиотеки, на ряду съ сочиненіями Максима, помѣщены 100 главъ, составляющія *Επιτηριδιονъ стоическаго философа Эпиктета*, передѣланный христіанскимъ писателемъ съ примѣненіемъ къ иноческой жизни; подобная передѣлка встрѣчается и между сочиненіями Нила. Такъ пользовались языческими сочиненіями христіанскіе писатели¹⁾. Далѣе, въ спискахъ XV и XVI вв. встрѣчаются: соч. Нила объ осьми помыслахъ, творенія Симеона новаго богослова и Петра Дамаскина, и различныя слова Григорія Синаита, который пользовался большимъ уваженіемъ у болгаръ и сербовъ²⁾. Отъ XVI вѣка сохранился переводъ сочиненій Меодія Патарскаго, впрочемъ очень древній и важный въ томъ отношеніи, что на греческомъ языкѣ они утеряны. По своему направленію эти сочиненія относятся къ духовно-нравственнымъ. Наконецъ къ XVI же вѣку относятся вопросы и отвѣты Сильвестра и, Антонія о разныхъ богословскихъ вопросахъ, переводъ болгарскаго происхожденія³⁾.

Въ этотъ періодъ встрѣчается нѣсколько новыхъ сборниковъ церковныхъ поученій и бесѣдъ, тоже переводныхъ (сюда относятся: 16 словъ Григорія богослова; Маргаритъ—собраніе поученій Іоанна Златоуста; его же бесѣды къ антиохійскому народу; бесѣды на евангеліе Григорія двоеслова; сборникъ словъ изъ І. Златоуста, Θεοφιλα александрійскаго, Εφрема Сирина, Θεодора Студита, Григорія богослова, Аванасія александрійскаго); но еще болѣе сборниковъ чисто-аскетическихъ и житій, того же характера. Въ 1431 г. на Афонѣ было написано русскимъ монахомъ 25 житій, которыя списаны вскорѣ послѣ этого въ Россіи. Кромѣ того отдѣльно извѣстны: житія Нифонта, Θεодора Студита, Симеона столпника, Епифанія кипрскаго, Панкратія тавроменійскаго, Варлаама и Іоасафа индійскихъ, Іоанна Златоуста и Андрея кюродиваго. Къ этой же категоріи относятся: прологи, въ спискахъ XIII—XV вв., болѣе 20 книгъ; азбучный патерикъ въ нѣсколькихъ спискахъ XIV—XV вв., патерикъ римскій XIV—XV вв. и египет-

224 и № 147, 148; Царскій, 41; Толстова, 117; Синод. библ. № 131—140. Толст. № 23. Синод. библ. № 170—172. Царскій, 25. Толст. 76; Синод. библ. II, 2-я кн. 347.

1) Опис. рук. Синод. библ. II, № 154.

2) № № 164—169.

3) Опис. рук. Синод. библ. II, № 110.

скій патерикъ начала XV вѣка ¹⁾. Отъ XV и XVI вѣка сохранилось еще нѣсколько сборниковъ съ преобладающимъ характеромъ созерцательнымъ и въ духѣ иноческой жизни ²⁾.

Къ религиозно-нравственнымъ сборникамъ слѣдуетъ причислить также «Пчелу», произведеніе Максима исповѣдника, состоящую изъ собранія изреченій св. писанія и греческихъ философовъ, расположенныхъ по разнымъ предметамъ, съ наставительною цѣлю. Появленіе ея въ Россіи относятъ въ XIV вѣку ³⁾. Ниже мы подробнѣе воспоемъ ея содержанія.

Всматриваясь въ содержаніе этихъ книгъ, легко замѣтить, что въ нихъ, въ сильной степени, преобладаетъ созерцательное и аскетическое направленіе. Большая часть переведенныхъ сочиненій принадлежитъ аскетической литературѣ. Распространеніе образованія преимущественно изъ монастырей, чрезъ иноковъ, и общее уваженіе въ иноческой жизни, какъ высшему проявленію на землѣ совершенства христіанскаго, были причиною, что болѣе переводились творенія иноческаго характера ⁴⁾. Тѣмъ болѣе, что эти переводы совершены были на востокѣ и главнымъ образомъ на Афонѣ, такъ какъ преимущественно тамъ были славянскіе монахи, знавшіе греческій языкъ ⁵⁾. Это подтверждается и указанными примѣрами систематическаго списыванія книгъ въ Византіи и на Афонѣ.

Но, перенесенныя въ Россію, эти творенія оказали большое вліяніе на общество. «Патерики синайскій и свитскій, говоритъ Буслаевъ, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI в. и даже до XVII вѣлочительно. Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ, вся основанная на идеализаціи пустынножителства, пользовалась въ древней Руси такою популярностію, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафѣ царевичѣ и о похвалѣ пустыни. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-

¹⁾ Макарій, Исторія церкви, IV, кн. 2-я, 249, 250. Опис. рук. Синод. библ. II, № 117—123, 126, 127, стр. 236, № 125; Рум. муз. 153, 198, 447; Толстова, 273, 62, 315; Царскій, 319, 352.

²⁾ Опис. рукоп. Синод. библ. II, № № 202—208.

³⁾ Временникъ Императ. общ. ист. томъ XXV. Предисловіе къ Пчелѣ.

⁴⁾ Опис. рукоп. Синод. библ. II, предисл. стр. V.

⁵⁾ Правосл. Собес. 1859, декабрь, 381.

русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ, и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынно-жительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли ¹⁾. Преобладающій типъ пустынника въ иконописномъ художествѣ, объясняется господствовавшимъ на востокѣ въ то время въ аскетическомъ чтеніи. А потому юные образы древне-греческаго искусства въ скоромъ времени уступили мѣсто старческому типу ²⁾. Русскій иконописный подлинникъ въ этомъ отношеніи только подражалъ византійскому. «Удаленіе отъ міра и его соблазновъ, говоритъ Буслаевъ, должно было въ циническомъ типѣ отшельника обозначаться такою красотою, которая въ наибольшей мѣрѣ противопоставляется женоподобному безбородію. Потому на полномъ просторѣ отшельническаго суроваго житія, чуждаго всякихъ суетныхъ прикрасъ, борода разрастается до самыхъ громадныхъ размѣровъ; какъ бы те ни были, только именно нѣкоторымъ изъ отшельниковъ, какъ-бы въ награду за чистъ героическій аскетизмъ, подлинникъ даетъ борода чрезмѣрной величины». Напримѣръ въ греческомъ подлинникѣ:

Св. Евонній: старъ, сѣдъ, борода до лядвй.

Павель египетскій: старъ, борода доходитъ до половины туловища.

Петръ аеонскій: старикъ, совсѣмъ голый; борода до колѣнъ.

Давидъ солунскій: старъ, длинныя волосы, борода доходитъ до самыхъ ногъ.

Онупрій: старикъ, совсѣмъ голый, длинныя волосы; борода доходитъ до самыхъ ногъ.

Эти греческія характеристики дополняются русскими такъ:

Павель египетскій: сѣдъ, плѣшивъ, руки молебно сложены у сердца; ризы по колѣни, руки до локтей голы.

Онупрій сѣдъ, борода долгая до глазъ; около пояса листья; руки у сердца. Вѣстѣ съ нимъ Петръ аеонскій: нагъ, сѣдъ, борода чуть не до пояса; также листья. Волосы у обоихъ по плечамъ большіе.

Давидъ солунскій: сидитъ на деревѣ посреди вѣтвей, дерево—широкое и корявое, а около него на деревѣ птицы.

¹⁾ Буслаевъ, Исторія очерки русск. народ. словес. и искусств. II, 231, 232.

²⁾ Буслаевъ, *ibid.* стр. II, 217—221.

О Макаріѣ египетскомъ замѣчено: сѣдъ, нагъ, вѣсь въ волосахъ, руки согнуты у сердца, борода сѣдая до земли, волоса раскинуты по плечамъ, какъ у пророка Іліи.

Такія изображенія дѣлались даже при псалтиряхъ, иногда въ подтвержденіе стиху: «праведникъ, какъ финиисъ, *ароматомъ*»¹⁾.

Поэтому на изображеніяхъ было обращено главное вниманіе на бороду, какъ отличительный физиогномическій признакъ²⁾. Отсюда же вышло то уваженіе къ бородѣ въ древне-русскомъ мірѣ, въ силу котораго она считалась необходимою принадлежностію русскаго и православнаго. Борода сдѣлалась національною принадлежностію, и потому, когда подъ вліяніемъ иностранныхъ обычаевъ, нѣкоторые стали посягать на ея существованіе,—явилась необходимость наложить на ихъ стремленія запрещеніе. Такъ произошло на свѣтъ статьи противъ бродобритія³⁾. А въ XVIII в., подъ знаменемъ бороды, выступили противники реформы Петра В.

Какъ типъ пустынноика былъ идеаломъ человѣческаго изображенія, такъ и пустыня стала предметомъ живописи и поэзіи. Ее представили усаженною деревьями и населенною птицами, а надъ нею сіяли свѣтила небесныя⁴⁾. Въ стихѣ «объ Іосафѣ царевичѣ», Іосафъ обращается къ пустынѣ съ такими словами:

Въ тебѣ, мать-пустыня,
Гнилая колода—
То сахарное мнѣ будетъ яство,
То мнѣ райская пища;
Холодная вода—
То медвяное мое пойло,
То мнѣ тихіе прохлады!
Разгуляюсь я, младъ юномъ
Іосафій царевичъ,
Во зеленой, во дубравѣ;
Тамъ есть частыя древа,

1) Буслаевъ, Очерки, II, 230, 231.

2) Ibid. О древне-русской бородѣ, 222—230.

3) Буслаевъ, *ibid.* II, 233—237. Стоглавъ, гл. 40.

4) Древнія пустыни на сѣверо-востоку Россіи, Правосл. собесѣд. 1860, III, 220.

Со мною будутъ думу думать,
 На древахъ есть мелкіе листья,
 Со мною стануть говорить,
 Прилетятъ птицы райскія, стануть расцвѣвать,
 Меня будутъ потѣшать,
 Христа-Бога прославлять ¹⁾!

Школою русскаго иночества постоянно служилъ Востокъ. Есть извѣстіе, что еще Владиміръ I (1001) отправилъ пословъ въ Египетъ, Іерусалимъ и другія страны, чтобы они на мѣстѣ увидѣли жизнь богоугодныхъ мужей ²⁾. Уже при Ярославѣ I является русскій отшельникъ Иларіонъ, а Антоній отправляется для подвиговъ на Аѳонъ, и оттуда приноситъ на горы кіевскія образъ жизни тамошнихъ отшельниковъ. При Изяславѣ странствовалъ въ Іерусалимъ и Константинополь, для обозрѣнія монастырей и закупки церковныхъ вещей, Варлаамъ, сперва подвижникъ печерскій, а потомъ игуменъ Дмитріевскаго монастыря. Во второй половинѣ XII в. въ тѣхъ же мѣстахъ былъ Антоній Дымскій ³⁾. Въ XII в. странствованія на востокъ распространились до такой степени, что возникъ даже вопросъ: не грѣхъ-ли возбранять нѣкоторымъ эти странствованія? рѣшенный въ пользу запрещенія. Многіе давали даже присягу идти въ Іерусалимъ; и за то была назначена епитимія, ибо, какъ сказано въ запрещеніи, присяга эта *убить нашу землю* ⁴⁾. Тоже самое пришлось повторить и въ началѣ XIV вѣка, такъ какъ и тогда благочестивыя странствованія совершались въ значительныхъ размѣрахъ ⁵⁾. Это настроеніе вѣроятно поддерживалось и восточными странниками, заходившими въ Россію, о которыхъ встрѣчаются извѣ-

¹⁾ Чтенія Москов. общ. ист. 1847. Шевыревъ, III, 204.

²⁾ Степен. книга, I, 270; Никонов. лѣтоп. I, 111; Татищевъ, II, 88.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣт. I, 167. Житіе Θεодосія и Антонія Дымскаго.

⁴⁾ Вопросы Кириѣа, Памят. рос. словес. XII в. 176, 179, 203.

⁵⁾ Обзоръ опредѣл. Константиноп. собора по вопросамъ Θεогноста, епископ. сарайскаго, Правосл. собесѣд. 1863, I, 171. Не побывать на востокѣ для людей благочестивыхъ считалось страннымъ исключеніемъ. *«Ради нужды нѣкія не взыска Сергій (Радонежскій), говоритъ его біографъ Епифаній, царствующаго града, ни св. горы, ни Іерусалима, яко же азъ окаянный и лишенный разума,—о лютѣ мнѣ!—ползая стѣмо и овамо, плавая сюду и оуду, и отъ мѣста на мѣсто прехождая».* Твор. св. отцевъ, годъ VI, кн. I, 137.

стія очень рано ¹⁾, а потомъ постоянно. Центрами, привлекавшими нашихъ путешественниковъ на востокъ, были: Константинополь, Аеонъ и Іерусалимъ съ его окрестностями. Тамъ можно было встрѣтить лицъ даже изъ далекаго Новгорода ²⁾. Путь этотъ былъ спасенъ, потому что перѣдко на путешественниковъ нападали морскіе разбойники или магометане, отъ которыхъ иногда приходилось терпѣть притѣсненія ³⁾. Но вѣра превозмогала всѣ препятствія.

Все вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на религиозныхъ предметахъ и вполне характеризуетъ духъ времени. Съ мельчайшими подробностями передаютъ они о мѣстахъ, освященныхъ религиозными воспоминаніями; записываютъ преданія, сложившіяся о нихъ, и стараются не пропустить ни одного изъ нихъ въ своихъ странствованіяхъ. На пути изъ Константинополя въ Іерусалимъ, игумень Даніилъ только мимоходомъ замѣчаетъ объ островахъ, гдѣ добываются: мастика, вино, овощи, сѣра (Хіосъ, Пилосъ). Ефесъ для него важенъ потому, что тамъ гробъ Іоанна богослова, изъ котораго исходитъ перъ для исцѣленій; а недалеко отъ Ефеса находится пещера семи отроковъ, спавшихъ 372 г. отъ Деція до Θεодосія. Кипръ важенъ потому, что тамъ находится безчисленное множество святыхъ, а на горѣ, гдѣ поставленъ кипарисный крестъ Еленою, являются знаменія и чудеса. »И до нынѣ, прибавляетъ благочестивый игумень, всѣ они на воздухѣ, ничѣмъ неприкрѣпленныя къ землѣ; но только носятся по воздуху«. Здѣсь родится ладанъ - темянъ, который падаетъ съ неба на деревья, какъ роса. Перечисляя острова, которые лежали на его пути, Даніилъ при этомъ указываетъ, какіе святые почиваютъ на нихъ. Но особенно подробно онъ говоритъ о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Тамъ онъ исходитъ »всю землю«: до моря Тиверіадскаго и до горы Оавора; до Назарета, Хеврона и Іордана. Онъ отмѣчаетъ всѣ мѣста, важныя въ евангельскомъ и библейскомъ отношеніяхъ, и рассказываетъ мѣстныя подробности о нихъ. Возлѣ городской стѣны лежитъ плоская гора, которая разсѣлась во время распятія Іисуса, и то мѣсто называется: адъ. На мѣстѣ распятія Христа замѣтна также разсѣлина, чрезъ

1) Житіе Θεодосія.

2) Путешествіе Даніила, стр. 34, Путеш. Стеф. новгородца, стр. 54 По изд. Сахарова.

3) Путешест. Зосимы, 63, 67. Путеш. Даніила, 13. Ibid.

которую пролилась его кровь на главу Адама. Даниилу указывали мѣсто жертвоприношенія Авраама; столпъ Давида, гдѣ онъ составилъ исаитирь; мѣста исцѣленій Иисуса; дома, гдѣ жили извѣстныя лица священной исторіи. Содомское море оттекло далѣе на 4 версты ради крещенія Иисуса. На Иорданѣ показывали мѣсто, чрезъ которое по водѣ прошла Марія египетская, чтобы приобщиться у Зосимы. Даниилу случилось быть на Иорданѣ, во время водоосвященія, и достойные люди, по его замѣчанію, видятъ, какъ исходитъ Духъ св. на воды Иорданскія. Въ Іерихонѣ показывали Даниилу 12 камней, взятыхъ со дна Иордана въ то время, когда равстунились его воды для перехода евреевъ. Онъ видѣлъ дубъ мамврійскій, возлѣ котораго стоялъ шатеръ Авраама, когда онъ принималъ Троицу. Недалеко отъ Сихема, онъ видѣлъ володезь Іакова, гдѣ бесѣдовалъ Иисусъ съ самарянкою. На горѣ Фаворской есть пещера съ трапезою, куда и теперь приходитъ Мельхиседевъ совершать литургію. Особенное же вниманіе Данииль обратилъ на свѣтъ, который нисходитъ съ неба, во время вечерни въ великую субботу, и зажигаетъ кадила. Данииль отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые говорили, что Духъ св. нисходитъ на гробъ Иисуса, а также и другихъ, которые зажиганіе кадилъ объясняли дѣйствіемъ молніи: по его мнѣнію, они зажигаются отъ невидимаго дѣйствія благодати. «Свѣтъ же этотъ, по замѣчанію Даниила, не похожъ на настоящій, но свѣтится какъ-то чудно и особенно, цвѣтомъ своимъ напоминая виноваръ». При томъ не всѣ кадила загораются отъ него, а только православныя; латинскія же горятъ инымъ свѣтомъ и не такъ, какъ тѣ, «нерядно и чудно свѣтятся» ¹⁾. Этотъ свѣтъ обращалъ на себя вниманіе и другихъ путешественниковъ ²⁾. Нѣкоторые изъ нихъ относились къ нему сначала скептически и потому дѣлали надъ нимъ даже опыты. Русскій купецъ Василій Гагара (нач. XVII в.) о своемъ обращеніи рассказываетъ такъ: «Зажегши свѣчу у митрополита, я сталъ палить тѣмъ огнемъ свою бороду и ни одинъ волосъ не сорѣлся; тогда я увѣрился, грѣшныи, что это небесный огонь, а не естественный, который пожигаетъ многія вещи; точно также и во второй, и въ третій разъ: палилъ я свою бороду — и она осталась невредима. Тогда я просилъ прощенія у митропо-

¹⁾ Путешест. Даниила въ изд. Сахарова.

²⁾ Путешествіе Арсенія селунскаго, *ibid.* 75. Путеш. Зосимы, 63, 64; Трифона Коробейникова, 141, 142.

лива въ томъ, что былъ одержимъ невѣріемъ, полагая, что греки злумышленно составляютъ тотъ огонь, а не небесный огонь сходитъ съ неба. Огонь небесный багровидѣнъ и не похожъ на естественный¹⁾.

Въ духѣ путешествія Даніила написаны и другія странствованія по Востоку: какъ Іерусалимъ привлекалъ ихъ своими воспоминаніями, такъ Константинополь—монастырями. Описаніе Константинополя Стефана новгородца—есть описаніе монастырей и ихъ святынь. И здѣсь онъ останавливается преимущественно на тѣхъ предметахъ, которые могутъ удовлетворить чувство вѣры. Рассказывая о мозаическомъ образѣ Іисуса въ Софійскомъ храмѣ, онъ замѣчаетъ, что изъ ногъ его, гдѣ нарисованы язы гвоздичныя, идетъ святая вода, и что здѣсь онъ мазался масломъ и пилъ воду. Увидѣвъ трапезу Авраама, онъ вспоминаетъ о дубѣ мамврійскомъ, видѣнномъ въ Іерусалимѣ: листья его остаются зелеными лѣтомъ и зимою, и останутся навсегда такими. Въ колоннѣ Константина В. Стефанъ видѣлъ сѣкиру Ноя; а въ церкви Апостоловъ 2 столпа: одинъ—къ которому привязанъ былъ Іисусъ, а другой—у котораго плакалъ Петръ, послѣ отреченія. Въ монастырѣ Спаса ему показывали чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Іисусъ претворилъ воду въ вино. Съ патетическимъ чувствомъ описываетъ Стефанъ пошение по городу иконы Богородицы, написанной евангел. Лукою, которое совершалось каждый вторникъ, при множествѣ народа изъ разныхъ городовъ. «Ее держали на своихъ плечахъ одинъ человѣкъ, съ распростертыми руками: странно посмотришь, какъ его метало туда и сюда, а онъ не опомнится, куда его носить иконы. Потомъ подхватить другой, третій и четвертый—и всё такъ носить. Дивное видѣніе! Три человѣка станутъ на плечи одному, и онъ ходитъ какъ обыкновенно, изволеніемъ божіимъ. Много видѣли мы въ Церьградѣ видѣній, замѣчаетъ этотъ путешественникъ, такъ что невозможно всего записать. Такъ Богъ прославилъ святые мѣста, что трудно съ ними разстаться²⁾. Въ Константинополѣ вниманіе путешественниковъ останавливалось на трапезѣ Авраама, ковчегѣ Ноя и сѣкирѣ, которою онъ строилъ его; они видѣли замень, изъ котораго извлекаетъ Моисей воду; тамъ были собраны всё принадлежности страданій Іисуса и остатки хлѣба, который онъ вкушалъ на вечера. Въ монастырѣ Прѣдромѣ хранились во-

1) Путешествіе Гагары, 120, 121, *ibid.*

2) Путешествіе Стеф. новгор. у Сахарова, 52—54.

лосы Богородицы. На Сіонѣ путешественникамъ показывали священные камни, на которыхъ, по преданію, Иисусъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ, и другіе, на которые онъ указалъ, когда говорилъ іудеямъ, что камни возопіють, если онъ заставитъ молчать учениковъ. На Фаворѣ хранились камни, на которыхъ стоялъ Иисусъ во время преображенія. На Сіонѣ, въ армянскомъ монастырѣ, хранился огонь, у котораго грѣлся апостолъ Петръ. Въ Египтѣ указывали знаки перехода израильтянъ черезъ Черное море.—Таково содержаніе записокъ нашихъ путешественниковъ—духовныхъ ¹⁾. Но и записки свѣтскихъ лицъ, каковы дьякъ Александръ и купецъ Гагара, не выходятъ изъ предѣловъ религіознаго описанія. Дьякъ Александръ замѣчаетъ: «невозможно исходить вездѣ и видѣть всѣ монастыри и мощи, или записать это: всего тамъ тысячитысячами, а иныхъ св. мощей и чудотвореній не возможно исповѣдать» ²⁾. Только мимоходомъ наши путешественники касаются описанія зданій, природы, событий ³⁾.

Изъ содержанія этихъ путешествій можно видѣть, что главнымъ побужденіемъ, которое влекло ихъ на востокъ—было желаніе увидѣть собственными глазами то, о чемъ они читали въ своихъ книгахъ или слышали отъ другихъ. Вотъ почему они стараются не пропустить ни одного преданія о какомъ-нибудь древнѣйшемъ предметѣ, и не могутъ удержаться отъ выраженія тѣхъ чувствъ, которыя такъ долго сдерживались въ ожиданіи этой обѣтованной земли. Это чувство, постоянно поддерживаемое новыми впечатлѣніями въ томъ же родѣ, не давало путешественнику успокоиться на столько, чтобы онъ могъ сдѣлаться спокойнымъ зрителемъ человѣческихъ дѣлъ, обрुжавшихъ его въ шумной столицѣ имперіи. «Въ Царьградѣ войти, говоритъ Стефанъ новгородецъ, все равно что въ дуброву, безъ хорошаго проводника ходить невозможно, и бѣдный или скупой не можетъ ни видѣть, ни цѣловать какого нибудь святаго, кромѣ праздника» ⁴⁾. Уваженіе къ востоку, какъ религіозному центру, сохранялось во все время господства религіозныхъ идей, т. е. въ эпоху древней Россіи. На Афонѣ русскіе князья посылали дары для поминовенія предковъ, а Василій Іоанновичъ про-

¹⁾ Путеш. Зосимы, Арсенія селунск., Игнатія, Іоны. Ibid.

²⁾ Путеш. дьяка Александра и Гагары, *ibid.*

³⁾ Стефанъ, 51, 52; Зосима, 51, 61; Игнатій, 101; Гагара, 117. По изд. Сахарова.

⁴⁾ Путешествіе Стефана новгородца, по изд. Сахарова, 55.

силъ тамъ молиться за чадородіе безплодной супруги своей Соломоніи; оттуда присылали ему просфору и святую воду ¹⁾. Задумавъ развестись съ Соломонією, вел. князь опять послалъ на Аѳонъ освѣдомиться о своемъ намѣреніи и получалъ неблагопріятный отвѣтъ, хотя посылалъ туда богатые дары ²⁾. Іоаннъ Грозный, мучимый убіеніемъ царевича Іоанна, посылалъ нарочное посольство съ поминками въ Константинополь, Іерусалимъ, Антиохію и Синайскую гору, и пожертвовалъ на послѣднюю 500 руб. для постройки церкви ³⁾. Со времени турецкаго ига ежегодно посылались изъ Россіи милостыни константинопольскому патриарху. Въ 1643 г. на востокъ было отправлено до 1200 рублей ⁴⁾.

Въ древней Россіи Востокъ имѣлъ такое же образовательное значеніе, какъ въ новой—Западъ. Направленіе умственной и нравственной жизни исходило отъ духовенства и преимущественно изъ монастырей, а они развивались у насъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи. До Ярослава—встрѣчаются извѣстія по крайней мѣрѣ о четырехъ монастыряхъ въ окрестностяхъ Кіева и нѣсколькихъ въ области новгородской. Въ нихъ подвизались греки и русскіе ⁵⁾. Но княженіе Ярослава I было эпохою ихъ распространенія, какъ свидѣтельствуеть древній лѣтописецъ, потому что онъ любилъ монаховъ до *измѣха* ⁶⁾. При немъ явился и первый женскій монастырь. Впрочемъ, настоящее развитіе монастырская жизнь получила только съ основанія Печерскаго монастыря, когда Θεодосій ввелъ въ немъ студійскій уставъ ⁷⁾, который послужилъ образцомъ для другихъ монастырей, вновь открытыхъ, вплоть до XIII вѣка ⁸⁾. По внутреннему устройству, русскіе монастыри

¹⁾ Временникъ Моск. общ. исторіи, № V, смѣсь, стр. 32. Акты историч. I, № 122.

²⁾ Онъ посылалъ на Аѳонъ золотые и серебряные сосуды и оклады для иконъ, а также ризы, украшенныя дорогими каменьями. Кромѣ того на откупъ отъ турокъ посылалъ неизреченную милостыню. О сочетаніи втораго брака. Чтен. Моск. общ. 1847, № VIII, стр. 8.

³⁾ Путешествіе Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, стр. 137.

⁴⁾ Faber, La religion des Moscovites en 1525. Paris, 1860, p. 8. Временникъ, IX, наказъ посламъ, 60--65.

⁵⁾ Макарій, Исторія церкви, I, 151.

⁶⁾ «При семъ (Ярославѣ) черноризцы почаша множитися и монастыре многи почаша быти». Полн. собр. рус. лѣт. I, годъ 1037; II, 267; III, 210; V, 137.

⁷⁾ Жит. Θεодосія, Уч. Зап. Ак. наукъ, II, 148. Пол. собр. рус. лѣт. I, 69.

⁸⁾ Макарій, III, 59, 60.

раздѣлялись на общежительные и необщежительные. Къ послѣднему разряду принадлежала большая часть монастырей, особенно мелкихъ. Въ нихъ монахи сходились вмѣстѣ только на церковныя службы и болѣе не имѣли ничего общаго; каждый самъ заботился о нищѣ, одеждѣ и необходимыхъ потребностяхъ. Къ общежительнымъ же монастырямъ относились самыя извѣстныя и значительныя ¹⁾. Сосредоточенность и большія удобства способствовали ихъ развитію. Это подтверждается позднѣйшею реформою новгородскаго архіепископа Макарія. Необщежительныхъ монастырей было болѣе всего въ новгородской области и при томъ большая часть ихъ принадлежала въ мелкимъ ²⁾. До введенія въ новгородскихъ монастыряхъ общаго житія Макаріемъ, даже въ лучшихъ изъ нихъ было только по шести или по семи монаховъ; со введенія же общежитія число ихъ тамъ увеличилось до 40 и болѣе, а гдѣ было 2 или 3, тамъ стало 12 или 15. Этотъ переходъ объясняется словами самого лѣтописца. Онъ говоритъ, что «прежде каждый держалъ себѣ трапезу въ келліи и былъ одержимъ всякими житейскими печалями» ³⁾. Слѣдовательно новое устройство привлекало цѣлыя десятки лучшею обеспеченностью. Эта мѣра была вызвана злоупотребленіями пустынножительства, противъ которыхъ потомъ ратовалъ Стоглавъ.

Правилами для общежительныхъ монастырей служили наставленія древнихъ отцовъ: Василія В., Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Теодора Студита и другихъ ⁴⁾; но они обыкновенно выработывались своеобразно каждымъ изъ основателей обители, хотя всѣ приняты однимъ духомъ, такъ какъ всѣ предназначались для одной цѣли. Поэтому легко представить общій типъ этихъ уставовъ. Въ монастырѣ и въ келліи не позволялось никому имѣть что-либо свое и даже называть своимъ. Серебро и золото даже не называлось по имени, а находилось только въ монастырской казнѣ. Если кто чувствовалъ жажду, тотъ шелъ въ трапезу и тамъ съ благословеніемъ утолялъ ее, потому что въ келліи не было ни хлѣба, ни воды. Къ трапезѣ шли всѣ по старшинству и каждый садился на своемъ мѣстѣ, при чемъ всѣ

1) Ibid. IV, кн. 1, стр. 204.

2) Макарій, Исторія рус. церк. IV, кн. 1, 214.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 284.

4) Уставн. грам. псков. Снѣтогор. мон. сузд. архіеп. Діонисія и посланіе Фотія, Акты историч. I, 7, 8, 52, 53.

молчали. Вставъ отъ трапезы, всѣ уходили въ свои келліи, не вдаваясь въ разговоры, и никто не заходилъ къ другому, вромѣ важныхъ случаевъ. Если кто приносилъ монаху письмо или поминоу, то и письмо нераспечатанное, и поминоу, относились въ настоятелю. Точно также, если кто желалъ изъ монастыря послать письмо, то долженъ былъ прежде испросить благословіе у игумена ¹⁾. Отрокамъ запрещалось жить въ келліяхъ и на монастырскихъ дворахъ, а женскому полу даже входить въ монастырь ²⁾. «Умъ всегда имѣй горѣ, говорится въ «Завѣтъ юнымъ монахамъ». Все дѣлай съ благословія старца. Не живи для себя, но для Бога, заботясь о жизни вѣчной. Келлія твоя да будетъ для тебя гробомъ. Когда встрѣтишь игумена—поклонись ему до земли и проси у него благословія; а когда встрѣтишь брата—всегда поклонись ему и проси благословія, говоря: «молитвами св. отецъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, аминь». Придетъ-ли братъ изъ другаго монастыря или откуда-нибудь, войдешь-ли съ нимъ въ келлію или нѣтъ, говори ту же молитву. Твоя одежда—простая свита изъ самодѣльнаго сукна, и поясъ простой, кожаный, которымъ опоясывайся не выше чреслъ. Походка твоя пусть будетъ ни сурова, ни лѣнлива, а руки имѣй во время хожденія согнутыми на персяхъ. Съ мірскими не говори, особенно съ юными, не садись и не стой съ ними. Гдѣ случатся игры, кощунства, смѣхъ, бѣги оттуда. Своими руками не прикасайся къ брату и не обнимайся съ нимъ, и къ себѣ не позволяй никому прикасаться и не допускай никого смотрѣть на лицо твое, но поклонись и удались. И самъ всячески берегись смотрѣть на лицо человѣка молодаго и голоусаго... А сну предавайся только когда почувствуешь великую нужду... Когда ляжешь спать, будь препоясанъ въ свитѣ, имѣй влобуецъ на головѣ, а руки сложи на персяхъ и отнюдь не простирай ихъ подъ свиту, во избѣжаніе пагубной страсти... А всегда, и вставая, и ложась, и за трапезою, и ходя, и сидя, произноси ту же молитву. Если монахъ молится только въ назначенное время, то онъ отнюдь не молится, а надобно молиться на всякій часъ» ³⁾.

¹⁾ Уст. Кирилла Бѣлозерск. Авты истор., *ibid.* и житіе Евр. Бѣлоз. Макарій, IV, кн. 1-я, прилож. XXI.

²⁾ Постановл. Саввинс. мон. См. сказ. Іос. Волоколам. Чтен. Мос. общ. ист. 1847, № VII, 10. Лѣтоп. занят. Археогр. коммис. II, 87.

³⁾ Матерьялы для ист. рус. церк. I, 23, 156. Духов. вѣст. Харьк. 1862: Макарій, Ист. рус. цер. IV, кн. I, 218—220.

Въ сборникахъ XIV — XV вв. встрѣчается много поученій и посланій объ иноческой жизни съ признаками русскаго или вообще славянскаго происхожденія ¹⁾. и ясно указывающихъ на значеніе монастырской жизни въ тогдашней Россіи. Къ ней поощряли особыми посланіями и восточные патріархи ²⁾.

Высшимъ образомъ духовной жизни была Аѳонская гора. Тамъ уже въ 1052 г. встрѣчается русскій Пантелеймоновъ монастырь, ктиторами котораго называютъ Владиміра св. и Ярослава I ³⁾. Въ 1080 г., по указу царя Алексѣя Комнена, въ распоряженіе русскихъ былъ отданъ монастырь Ксилургу. Въ XI вѣкѣ русское иночество на Аѳонской горѣ было уже весьма значительно и имѣло самостоятельный бытъ. Это видно изъ того, что въ XII в., по причинѣ многочисленности, русскимъ монахамъ разрѣшено было перейти изъ Ксилургу въ Солунскій монастырь св. Пантелеймона, при чемъ и Ксилургу оставался въ ихъ распоряженіи, только въ видѣ свята ⁴⁾. Въ XIII вѣкѣ, архимандритъ Печерскаго монастыря Досифей рекомендовалъ своимъ монахамъ строгую жизнь Аѳонской горы. Въ это время отсюда брали въ Россію даже епископовъ ⁵⁾. Впрочемъ объ отношеніяхъ къ Аѳону до конца XIV в. сохранилось мало извѣстій; по меньшее количество извѣстій изъ этой эпохи можно объяснить тѣмъ, что отъ нея вообще сохранилось менѣе памятниковъ, нежели отъ позднѣйшей. На Аѳонѣ приобрѣтался тотъ подвижническій закалъ, который такъ рельефно выразился въ стремленіи къ пустынножителству въ сѣверо-восточной Россіи. Отсюда, русскіе иноки постоянно стремились на Аѳонъ, и приносили съ собою отсюда правила полного отрѣшенія отъ міра. Въ XIV и XV вв. тамъ подвизались: сотрудникъ Стефана Пермскаго — Еуифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго; ученикъ послѣдняго — Сергій Нуромскій; Савва, игумень тверской, сложившій съ себя начальство ради Аѳонской горы; Митрофанъ Бы-

¹⁾ Девять такихъ поученій въ Матер. для ист. цер. I, 104—195; Макарій, *ibid.* 220.

²⁾ Посланіе Констант. патр. въ русск. иноку, объ иноческ. жизни, Прав. соб. 1860, I, 448.

³⁾ О Пантелеймоновскомъ монастырѣ, Чтен. Моск. общ. лст. 1846, № I; Карамзинъ, VI, прим. 629, годъ 1497.

⁴⁾ Русскіе иноки на Аѳонѣ, Христіанское чтеніе, 1853, октябрь, 297. 298.

⁵⁾ Твор. св. отцовъ, годъ VI, кн. I, 134.

вальцовъ, котораго Іосифъ Волоколамскій называетъ виликимъ, пребылъ тамъ девять лѣтъ; Іона, игумень угрѣшскій; наводнецъ Нилъ Сорскій съ своимъ ученикомъ Иннокентіемъ Охлѣбнинымъ— бояриномъ и родственникомъ князей Хворостининыхъ ¹⁾. Сергій Нуромскій, Нилъ Сорскій и Иннокентій, возвратившись съ Аѳона, сдѣлались основателями обителей въ духѣ тамошняго отшельничества ²⁾. Арсеній Коневскій провель три года на Аѳонѣ и, возвратясь оттуда, положилъ основаніе безмолвію на Коневскомъ островѣ; но въ старости опять отравился на Аѳонъ ³⁾. Полнымъ выразителемъ аѳонскаго направленія былъ Нилъ Сорскій.

Онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи Майковыхъ (род. 1433 г.) и началъ монашескую жизнь въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго подъ руководствомъ строгаго старца Паисія Ярославова, который былъ потомъ игуменомъ Сергіевой лавры и отказался отъ предложенія Іоанна III—быть митрополитомъ. Самъ Кирилле Бѣлозерскій требовалъ въ своей обители полной нестяжательности и былъ противникомъ монастырскихъ имуществъ ⁴⁾. Тѣхъ же воззрѣній держался Паисій Ярославовъ ⁵⁾, и эта черта сохранилась у Нила Сорскаго. Для упражненія въ духовной жизни, Нилъ странствовалъ по востоку, былъ въ Константинополѣ, на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ ⁶⁾. Въ это время, какъ полагають, и особенно на Аѳонѣ, онъ познакомился съ произведеніями аскетической литературы, какъ-то: Антонія В., Василія В., Ефрема Сирина, Макарія египетскаго, Исаака Сирина, Варсонофія, Іоанна Лѣствичника, аввы Дорофея, Максима исповѣдника Исихія іерусалимскаго, Симеона новаго богослова, Петра Дамаскина, Григорія, Нила и Филофея синайскихъ, Никиты Стифата, Кассіана, Андрея критскаго и друг. ⁷⁾. Постояннымъ занятіемъ Нила Сорскаго, по его собственному

¹⁾ Ibid. 137, 141, и Сказаніе о русскихъ монастыр. Іос. Волокол. Чтен. Моск. общ. исторіи, 1847, № VII.

²⁾ Житіе Сергія Нуромс. 7 окт.; житіе Нила 7 апрѣля; житіе Иннокентія Вологодскаго 19 марта.

³⁾ Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправ. II, 354, 355.

⁴⁾ Житіе Кирилла Бѣлозерскаго.

⁵⁾ Объ отношеніяхъ инововъ Кирилловск. и Іосифовск. монастырей, Твор. св. отцовъ, годъ IX, кн. 3.

⁶⁾ Житіе Нила Сорскаго, 7 апрѣля.

⁷⁾ Предисловіе къ преданію Нила Сорскаго, стр. 3, 4; и Правосл. собесѣд. 1859, III, О древн. перевод. св. отцовъ, 378—381.

свидѣтельству, было чтеніе священнаго писанія, твореній отцовъ церкви и житій святыхъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ извлеченія, послужившія потомъ матерьяломъ для его наставленій ¹⁾. Возвратившись въ Россію, Нилъ Сорскій жилъ нѣкоторое время за оградой Кириллова монастыря, въ уединенной келіи, а потомъ въ 15 верстахъ отъ монастыря, на р. Сорбѣ, гдѣ положилъ начало скитской жизни ²⁾.

Результатомъ его путешествія по востоку и знакомства съ аскетическою литературою было «Преданіе ученикамъ о скитской жизни». Оно представляетъ въ себѣ сводъ мнѣній означенныхъ писателей и только общая идея принадлежитъ Нилу Сорскому. Согласно съ приведенными авторитетами, онъ раздѣляетъ монашескую жизнь на три разряда: въ первому принадлежитъ общежительство; ко второму—скитская жизнь, когда два или три отшельника живутъ вмѣстѣ, имѣя все общее и повинуваясь другъ другу; третій разрядъ—уединенное отшельничество, доступное только совершеннымъ. Наиболее доступнымъ для человѣка Нилъ Сорскій считаетъ второй путь, называемый царскимъ; а потому онъ сильно порицаетъ современныхъ отшельниковъ, которые предпочитали жить каждый особо и руководствоваться во всемъ собственною волею. Въ защиту своей мысли, онъ приводитъ общій голосъ древнихъ подвижниковъ и примѣры аеонскихъ и константинопольскихъ скитовъ. Уединенное отшельничество ведетъ къ высокоумію. Идти одинъ въ пустыню можетъ только тотъ, кто долгою подвижницею жизнію очистился отъ всѣхъ страстей; потому что одна пустыня не можетъ очистить отъ нихъ, а еще болѣе разовьетъ ихъ. Тутъ легко впасть въ сонъ, лѣность и отчаяніе. Но совершенному человѣку пустыня служитъ входомъ въ свѣтлому лицезрѣнію Бога и таинственнымъ видѣніямъ ³⁾.

Согласно съ аеонской теоріей созерцательной жизни, Нилъ Сорскій предлагалъ своимъ ученикамъ умственную молитву. «Умственная молитва выше тѣлесной: тѣлесное упражненіе—листъ, а внутреннее, умственное—плодъ. Кто молится только устами, а объ умѣ не заботится, тотъ молится воздуху; тогда какъ Богъ внимаеъ уму. Упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ человѣка до высшаго духовнаго состоянія, въ которомъ духъ даже не имѣетъ молитвы, ни движенія,

¹⁾ Преданіе Нила, письмо къ Иннокентію, стр. 6.

²⁾ Житіе Нила Сорскаго.

³⁾ Преданіе Нила Сорскаго. 1859. 23, 27, 31, 39, 49, 199.

ни самовластія, а наставляється иною силою. Если не можешь молитися въ безмолвіи, безъ помысловъ, и даже чувствуешь, что они умножаются въ твоємъ умѣ, не малодушествуй, но пребывай постоянно въ молитвѣ. Отшельнику предстоитъ постоянная борьба съ помыслами, а потому Ниль Сорскій представляетъ здѣсь анализъ страстей человѣческихъ и средства для борьбы съ ними. Появленіе въ умѣ какой-нибудь мысли или образа называется *прилогомъ*. Онъ безгрѣшенъ, потому что не въ нашей власти его появленіе: онъ возникаетъ самъ собою, по навѣту дьявола. Но когда человѣкъ предается размышленію о возникшемъ помыслѣ, то уже въ его власти сочувствіе и антипатія къ нему. Въ первомъ случаѣ помыслъ будетъ грѣховнымъ; во второмъ—безгрѣшнымъ. Это дальнѣйшее развитіе *прилога* называется *сочетаніемъ*. Склонность же души къ явившемуся помыслу и готовность осуществить его—есть *сложеніе*. За тѣмъ слѣдуетъ *плпненіе* и наконецъ *страсть*. Послѣднія бывають результатомъ частыхъ разговоровъ и мыслей о томъ или другомъ предметѣ. Человѣкъ долженъ сопротивляться своимъ помысламъ. Побѣдившимъ ихъ—принадлежать вѣнцы въ будущей жизни, а согрѣшившимъ—муки. Ведущимъ упорную борьбу съ своими помыслами и неизнемогающимъ въ ней—сплетаются свѣтлѣйшіе вѣнцы ¹⁾. Такова цѣль борьбы.

Матъ злымъ помысламъ—есть *прилогъ*, а потому лучше всего предотвратить ихъ въ самомъ началѣ, т. е. противодействовать прилогу. Лучшее средство для этой борьбы—молитва. Отшельникъ долженъ сдѣлать умъ свой глухимъ и нѣмымъ. А такъ какъ за добрыми мыслями всегда слѣдуютъ злыя, то лучше всего освободиться отъ всякаго помысла, даже и добраго, и всему сосредоточиться въ глубинѣ сердечной, говоря: Господи Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя! Эту молитву слѣдуетъ повторять безпрестанно, стоя, сидя и лежа; сосредоточивъ умъ свой въ сердцѣ и, на сколько можно, задержавъ дыханіе, такъ чтобы не часто дышать. Опытъ научаешь, что такой способъ весьма способствуетъ къ сосредоточенію ума. Но мысленныя паренія бывають и тогда, когда умъ сосредоточенъ въ сердцѣ и творить молитву, а потому не слѣдуетъ прельщаться даже мечтою ч формою видѣнія. Когда умъ утрудится въ молитвѣ, тогда можно немного предаться пѣнію, потому что многословіе расточаешь умъ, а малословіе собираешь его. Для

¹⁾ Ibid. 69, 72, 75—80, 83.

новых подвижников полезно соединять молитву съ рукодѣлемъ, чтобы разсѣять помыслы. Но ни одна молитва не очищаетъ такъ ума, какъ ночная: она чище всѣхъ дневныхъ дѣяній ¹⁾. Послѣ анализа происхожденія помысловъ и борьбы съ ними, Ниль Сорскій переходитъ къ подробному разбору ихъ.

Мы видѣли, что въ XV в. у насъ появились переводы Григорія и Нила синайскихъ о восьми главныхъ помыслахъ или страстяхъ. Ниль Сорскій держится того же раздѣленія, принимая во вниманіе и другихъ аскетическихъ писателей. Эти главные страсти онъ перечисляетъ такъ: 1) пресыщеніе пищею; 2) блудъ; 3) сребролюбіе; 4) гнѣвъ; 5) печаль; 6) уныніе; 7) тщеславіе, и 8) гордость. Къ первому страстному помыслу, въ обширномъ смыслѣ, относится расположеніе человѣка къ изысканной пищѣ и безмѣрному и безвременному ея употребленію. Чтобы противодействовать этой страсти, человѣкъ долженъ опредѣлить извѣстную мѣру пищи, прибавляя или уменьшая ея постепенно, такъ чтобы только удовлетворять необходимой потребности. Для отшельниковъ Ниль Сорскій предлагаетъ поститься до втораго часа по полудни; а въ день непостный разрѣшаетъ принимать пищу и вечеромъ. Изъ предложенной пищи не слѣдуетъ одно избирать, а другое отлагать, но всего брать понемногу. Немоощнымъ же вѣроу или душою должно воздерживаться наиболѣе отъ сладкихъ яствъ. Но если кому вредитъ какая-нибудь пища, въ слѣдствіе болѣзни или естественнаго состоянія, — пусть принимаетъ другую, болѣе полезную; потому что не слѣдуетъ, по словамъ Василия В., бороться съ тѣломъ тою пищею, изъ которой оно составляется. Если кто имѣетъ здоровое и крѣпкое тѣло, то ему слѣдуетъ по возможности утомлять его, чтобы избавиться отъ страстей. И наоборотъ: немощное и недужное тѣло прилично успокаивать, чтобы оно не до конца отпало отъ дѣла. Въ борьбѣ съ врагомъ слѣдуетъ наиболѣе воздерживаться; потому что многие, не воздержавшись, впади въ постыдныя страсти. Большой подвигъ предстоитъ отшельникамъ въ борьбѣ съ духомъ блуда, такъ какъ она ведется душою и тѣломъ. Чтобы успѣшнѣе бороться съ нимъ, слѣдуетъ постоянно имѣть страхъ божій, вспоминая, что Богу извѣстны самыя тонкія помышленія нашего сердца. Въ этой страсти лучше всего отсѣкать начало ея или *прилогъ*. Поэтому слѣдуетъ беречься отъ бесѣдъ съ женщинами и смотрѣть на нихъ; избѣгать присутствія даже съ тѣми, кто имѣетъ юныя, женоподобныя

¹⁾ Преданіе Нила Сорскаго, стр. 84, 85, 90, 103.

и гладкія лица, а въ особенности остерегаться быть съ ними наединѣ. Это сѣтъ дьявола для иноковъ. Держась того правила, что для успѣшной борьбы съ зломъ, слѣдуетъ придунреждать страсть и уничтожать ее въ самомъ зародышѣ, Ниль Сорскій запретилъ женщинамъ являться въ свой свитѣ и держать въ немъ животныхъ женскаго рода; а также имѣть въ услуженіи отроковъ и воо бще заповѣдалъ избѣгать женоподобныхъ лицъ ¹⁾. Ученикъ его Иннокентій принялъ это правило и въ своемъ уставѣ ²⁾. Оно было заимствовано изъ примѣра аеонскихъ монастырей, гдѣ запрещалось не только постригать безбородыхъ, но и пускать такихъ въ монастырь ³⁾.

Какъ означенныя двѣ страсти тѣсно связаны съ природою чело-вѣка, такъ сребролюбіе происходитъ изъ-внѣ. А потому и не великъ подвигъ—борьба съ нимъ; но, когда укрьпится въ насъ этотъ помысль, злѣе всѣхъ бываетъ. Чтобы избавитися отъ него, инокамъ слѣдуетъ избѣгать всякихъ вещей, кромѣ самыхъ необходимыхъ, какъ въ одеждѣ, обуви, постройкѣ келлій, такъ и въ сосудахъ и всякихъ орудіяхъ. Истинная побѣда сребролюбія состоитъ въ томъ, чтобы не только не имѣть имущества, но и не желать его. И въ этомъ случаѣ Ниль Сорскій былъ послѣдователемъ на практикѣ. Основываясь на словахъ Іоанна Златоуста, который заповѣдалъ серебряные сосуды, принесенные въ церковь, раздать нищимъ, онъ запретилъ въ своемъ свитѣ употреблять золотые и серебряные сосуды въ церкви и келліяхъ, и даже матерьялъ на постройки слѣдовало брать самый простой. Въ примѣръ такого нестачавія, Ниль Сорскій приводитъ Пахомія, который, строя монастырскую церковь въ Махосѣ, поставилъ въ ней великолѣпныя колонны; но потомъ, подумавъ что не слѣдуетъ удивляться дѣлу чело-вѣческихъ рукъ и величаться красотою своихъ зданій, взялъ веревку, обвязалъ столпы и велѣлъ братіи тянуть ее со всею силою, пока они не покосились и не утратили своего вида. Гнѣву Ниль Сорскій противопоставляетъ безусловную любовь и всепрощеніе; печали—надежду; отшельники часто страдаютъ уныніемъ, но это не болѣе какъ испытаніе, за которымъ слѣдуетъ утѣшеніе; тщеславіе слѣдуетъ побѣждать смиреніемъ; гордость—сознаніемъ собственной слабости и уничи-

1) Преданіе Нила Сорскаго, 116—128, 67, 68.

2) Житіе Иннокентія, 19 марта.

3) Посланіе Макс. Грека Вассіану, Сочин. т. III, 245.

женіемъ. Поэтому должно всегда избирать послѣднія мѣста за трапезою; носить худое платье; брать на себя черныя работы; любить молчаніе. Къ гордости относится: хвалиться происхожденіемъ; пребываніемъ въ извѣстномъ и многолюдномъ монастырѣ, которые, *по нынѣшнему обычаю*, владѣютъ многими селами; искусствомъ пѣнія, краснорѣчіемъ или рукодѣліемъ. Особенно же слѣдуетъ скрывать свое происхожденіе. Для подвиговъ отшельника полезно постоянно имѣть передъ собою воспоминаніе о смерти; потому что, хотя мы и весь міръ приобретаемъ, въ гробъ съ собою ничего не возьмемъ, ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести. Увидѣвъ кости обнаженныя, скажемъ: кто здѣсь — царь или нищій, славный или безславный? Какъ источнику мать — бездна, такъ разсужденію — смиреніе: если нѣтъ свѣта — все мракъ; и если нѣтъ смиренія — все суета. Иноку слѣдуетъ плавать, сколько есть силы и крѣпости; потому что плачемъ мы избавляемся вѣчнаго огня и будущихъ мукъ. Если же не можемъ много плакать, то должны принудить себя, даже съ болѣзнію, произвести хотя нѣсколько капель. Ни о чемъ не должны мы заботиться, а умереть для міра ¹⁾). Такому строгому ученію вполне соответствовала и мѣстность, гдѣ основалъ свой скитъ Ниль Сорскій. По образцу аеонскихъ, оно дико, мрачно и пустынно. Рѣчка Сорка, передавшая свое имя Нилу, похожа болѣе на болото, чѣмъ на текущую рѣку, чуть таетъ внизъ; вся мѣстность скита — низменная и болотистая ²⁾). Все скитское общество состояло изъ 12 отшельниковъ ³⁾). На рѣкѣ была устроена небольшая мельница. Для постройки храма, на болотистой почвѣ, были сдѣланы высокія насыпи. Каждая келлія поставлена на возвышеніи, а одна отъ другой и отъ храма на разстояніи брошеннаго камня. По примѣру восточныхъ, отшельники собирались въ храмъ только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ; а въ остальные дни каждый предавался молитвѣ въ своей келліи. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь; а большая часть литургіи читалась протяжно, на распѣвъ ⁴⁾). Въ своемъ завѣщаніи Ниль Сорскій заповѣдалъ, чтобы тѣло его бросили въ пустынь, на съѣденіе звѣрей и птицъ,

¹⁾ Преданіе Нила Сорскаго, 129—152, 65—67, 155, 161, 162, 51, 161, 169, 175.

²⁾ Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилловъ монаст. II, 92, 24.

³⁾ Акті экспедиціи, I, № 161.

⁴⁾ Шевыревъ, Поѣздка въ Кирил. монаст. II, 92—95.

или, выкопавши ровъ, похоронили-бы безъ всякихъ почестей ¹⁾. Онъ умеръ въ 1508 году. И въ памяти потомства остался онъ, какъ строгій блюститель скитской простоты. Сохранилось преданіе, что Іоаннъ Грозный хотѣлъ на мѣстѣ деревяннаго храма построить каменный; но Нилъ Сорскій, явись царю, строго запретилъ ему приводить въ исполненіе эту мысль ²⁾. Еще цѣла одежда Нила: волосы ея колотся какъ иглы.

Быль и другой путь вліянія аеонскихъ идей въ Россіи: какъ многіе отправлялись на Аѳонъ съ цѣлю усовершенствованія въ духовныхъ подвигахъ, такъ нѣкоторые приходили оттуда въ Россію и дѣлались здѣсь распространителями тамошнихъ началъ. Въ половинѣ XIV вѣка прибылъ на Мурманскій островъ Онежскаго озера старецъ Θεодосій, поселившійся тамъ съ константинопольскимъ монахомъ Лазаремъ. Послѣдній, въ своемъ завѣщаніи, отзываясь о немъ, какъ о подвижникѣ строгой жизни: Θεодосій, говоритъ онъ, старецъ св. горы, велъ весьма добродѣтельную жизнь и носилъ на своемъ тѣлѣ тяжелыя вериги; онъ былъ опытенъ въ книжной мудрости. Этотъ Θεодосій содѣйствовалъ устройству монастыря Богородицы муромской. вмѣстѣ съ ними подвизались здѣсь еще два грека—Елеазаръ и Назарій, подробности о которыхъ неизвѣстны ³⁾. Въ княженіе Димитрія Донскаго прибылъ въ Москву съ Аѳона инокъ Діонисій. Получивъ отъ великаго князя монастырь Спасокаменный онъ строгою жизнію привлекъ къ себѣ множество послѣдователей, а въ своей обители ввелъ аеонскій уставъ. Изъ нея вышли потомъ основатели новыхъ монастырей: Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій. При великомъ князѣ Василю Дмитріевичѣ, Діонисій былъ назначенъ епископомъ ростовскимъ (1418—1425 г.) ⁴⁾. Въ половинѣ XV в. пришелъ въ Россію съ Аѳона Пахомій сербъ. Онъ поселился въ Троицкой лаврѣ и былъ авторомъ 15 каноновъ и нѣсколькихъ житій (передѣлалъ житіе Сергія, составленное Епифаніемъ, и написалъ житія: Варлаама Хутынскаго, княгини Ольги, Саввы Вышерскаго, Евѳимія новгородскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и митрополита

1) Преданіе Нила Сорскаго, 203.

2) Исторія іерархіи, V, 212.

3) Ibid. V, 115 и слѣд. О Елеазарѣ и Назаріѣ у Филар. Русск. святые, 4 іюня.

4) Сказанія Паисія Ярославова о Каменномъ монаст. Правосл. собес. 1861, I, 201—205.

Алексія) ¹⁾. Гораздо шире было вліяніе Максима Грека, прибывшаго въ Россію въ 1518 г. Образовавшійся въ Італіи, подъ вліяніемъ идей эпохи возрожденія, онъ сначала увлекся отрицательнымъ направлениемъ итальянскаго общества; но, какъ свидѣтель аскетической реформы Іеронима Савонаролы во Флоренціи, онъ подчинился общему настроенію, господствовавшему тогда въ этомъ городѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы его встрѣчаемъ на Аѳонской горѣ, гдѣ онъ подвизался около десяти лѣтъ ²⁾. Присланный въ Россію, Максимъ Грекъ своею разнообразною и долготѣною литературною дѣятельностію (1518—1556 г.) создалъ цѣлое направленіе. Переводчикъ, исправитель книгъ, обличитель, полемикъ, критикъ—онъ необходимо долженъ былъ стать въ средоточіи тогдашняго общества. Къ нему, какъ знатоку церковныхъ правилъ, обращался Василій Іоанновичъ по вопросу о разводѣ; онъ отвѣчалъ на всѣ современные вопросы, интересовавшіе русское общество XVI вѣка: о соединеніи церквей; объ астрологическихъ предсказаніяхъ; объ апокрифахъ; о монастырскихъ имуществахъ. Его сочиненія имѣли значительное вліяніе на Стоглавый соборъ ³⁾; а въ XVII вѣкѣ ихъ помѣщали рядомъ съ твореніями отцовъ церкви ⁴⁾. Келія Максима Грека была мѣстомъ, куда собирались толковать о книжныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣлахъ—лица, занимавшія видное положеніе въ обществѣ: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ, Юрій Тютинъ, князь Петръ Шуйскій, князь Андрей Холмскій, князь Андрей Курбскій, Иванъ Никитичъ Беклемишевъ-Берсень, дьякъ Жаренный, бояринъ Федоръ Карповъ, большой любитель книгъ; переводчикъ Дмитрій Герасимовъ, Зиновій Отенскій—обличитель ереси Феодосія Косаго; князь Вассіанъ Патрикѣевъ Босой, бывший въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Максиму Греку, какъ по переводному дѣлу, такъ и по образу мыслей ⁵⁾. Самъ Максимъ образовалъ нѣсколько учениковъ, въ числѣ которыхъ называются: Савва, архимандритъ новоспасскій; состоявшіе при немъ переводчики—ионахъ Сильванъ и Ми-

¹⁾ Твор. св. отцовъ, годъ VI, кн. I, 139, 140.

²⁾ Сочин. Максима Грека, II, 365.

³⁾ См. наше исследование «Максимъ Грекъ», II, 338—341.

⁴⁾ Опис. рукоп. Синод. библиот. II, стр. 605.

⁵⁾ Акты ожед. I, № 172 Прав. собес. 1862. Соч. Макс. Гр. III, 117; Соч. Курбскаго, 295; сужд. надъ Вассіаномъ. Чтен. Моск. общ. вст. 1847, № IX.

хайль Медоварцевъ, Ниль Курлятевъ; тотъ же Дмитрій Герасимовъ, Зиновій Отенскій, Германъ, архіепископъ казанскій и князь Курбскій ¹⁾. Не смотря на такую разнообразную дѣятельность Максима Грека, она ясно носитъ на себѣ черты одного направленія: религіознаго. Это направленіе опредѣлялось, какъ преобладающимъ религіознымъ элементомъ въ умственной жизни тогдашняго русскаго общества, такъ и собственнымъ характеромъ Максима Грека. Его идеаль, отдѣльныя черты котораго разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ,—*аскетическій*. Назначеніе человѣка на землѣ оцѣнивается съ религіозной стороны; а отрѣшеніе отъ міра—должно составлять конечную цѣль его стремленій. Таковъ критеріумъ человѣческой дѣятельности у Максима Грека.

«Зачѣмъ мы, говоритъ онъ, созданные ради небесныхъ благъ, безумно привязываемся къ земному? Человѣкъ—образъ божества, и потому будемъ заботиться, чтобы получить первообразную красоту. Для словесной души одно украшеніе—забота о божественномъ, и ее нищѣ всѣмъ сердцемъ. Самое устройство человѣческаго тѣла, стремящагося къверху, показываетъ свойство человѣка—стремиться къ небесному- ²⁾. Но человѣкъ не совершенъ, и потому одна премудрость, одно истинное искусство состоитъ въ томъ, чтобы одолѣть свои страсти; богатство душевное есть единственное богатство истинное, которое даетъ самъ Христосъ; оно заключается въ той наградѣ, которая послѣдуетъ послѣ смерти и которую человѣкъ заслужитъ своими добродѣтелями. Здѣшняя жизнь есть мѣсто усовершенствованія для человѣка, чрезъ которое онъ достигаетъ своего прекраснаго отечества, богосозданнаго едема ³⁾. Основаніемъ нравственной жизни человѣка должно быть убѣжденіе, что вѣра безъ добрыхъ дѣлъ жертва и дѣла безъ правой вѣры—безполезны; добродѣтели же заключаются въ христіанской мудрости, правдѣ, душевномъ мужествѣ и цѣломудріи; ихъ Максимъ уподобляетъ четыремъ столпамъ, поддерживающимъ кровлю дома ⁴⁾. О какъ, восклицаетъ Максимъ, какъ свѣтель, и благодатень, и страшенъ для тебя, душа, подвигъ священныхъ трудовъ, потому что этотъ подвигъ не для жиз-

¹⁾ Карамзинъ, IX, прим. 170; Курбскій, 42, 123; Москвитанинъ, 1842, № XI, 64, 65.

²⁾ Сочиненія Максима Грека, II, 5, 6, 11.

³⁾ Ibid. I, стр. 38, II, 10.

⁴⁾ Ibid. I, 23, 358.

ни и смерти временной, по для славы небесной или мукъ вѣчныхъ. Поэтому онъ совѣтуетъ совершенно не заботиться о тѣлѣнныхъ, земныхъ благахъ, желать только вѣчныхъ, и мысли свои всегда имѣть на небесахъ ¹⁾. Этотъ тонъ все идетъ crescendo и наконецъ переходитъ въ голосъ взывающаго въ покаянію отшельника, напоминающій тонъ рѣчей Іеронима Савонаролы.

«Долго-ли мы еще будемъ порабощены плотскимъ сладострастіемъ, конецъ котораго—червь и огонь неугасимый? Долго-ли мы еще будемъ гоняться за несущественнымъ, какъ за существеннымъ, и прельщаться въ умѣ соблазнительными мыслями? Долго-ли будемъ любить дьявольскую любовью сладкую пищу, какъ будто въ этомъ заключается все блаженство? Долго-ли пустая слава будетъ прельщать насъ, золото—наслаждаться, постыдныя дѣла—осквернять? Здѣшняя жизнь, говоритъ Максимъ, непостоянна; въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго; все исполнено скорбей; слава, пища, богатство и красота, какъ весенній цвѣтъ, временно приходятъ и исчезаютъ. Ты, душа, была возвышена, питалась, наслаждалась, прославилась побѣдами, живешь многіе десяти лѣтъ, а послѣ что?—червь, гніеніе, гнусный смрадъ и множество злыхъ, адскихъ мукъ. Какой пользы ожидаешь ты отъ земныхъ благъ?—черезъ нихъ мы погибаемъ. Не такъ ли, какъ дымъ и сонъ, все исчезаетъ и разсыпается, точно вѣтромъ ²⁾? Все что прекрасно на землѣ—есть гноище и ложь; все бесполезно и суета«. А потому, для полного усовершенствованія, Максимъ Грекъ совѣтуетъ употреблять «худую пищу, какъ бразду бѣсящейся плоти» ³⁾.

Это направленіе составляло отдѣльную категорію по многимъ существеннымъ вопросамъ общественной жизни. Къ послѣдователямъ правилъ Нила Сорскаго принадлежали пустынники бѣлозерскіе, вологодскіе и, какъ мы видѣли, до XVI вѣка въ новгородскихъ монастыряхъ преобладала скитская жизнь. Ученикъ Нила Сорскаго, — Иннокентій Охлѣбининъ, по взаимному соглашенію, отдѣлился отъ него и образовалъ особую пустыню на р. Нурмѣ, завѣщавъ во всемъ слѣдовать уставу Нила ⁴⁾. При жизни Иннокентія въ его пустынѣ не было даже церкви ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. II, 16, 243; I, 182.

²⁾ Сочиненія Максима Грека, II, 7—10.

³⁾ Ibid. II, 11, 17.

⁴⁾ Житіе Иннокентія. Завѣщаніе въ Исторіи іерархіи, IV, 301.

⁵⁾ Въ рукописн. завѣщаніи. См. въ Твор. св. отцовъ, VI, кн. 1, Сношенія русск. цер. съ Аѳон. стр. 143, прим.

Къ Нилу изъ Волоколамскаго монастыря перешли самыя строгіе отшельники: Діонисій, родомъ изъ князей звенигородскихъ, и Нилъ Полевъ—изъ князей смоленскихъ. О первомъ изъ нихъ говорится, что въ пекарнѣ онъ работалъ за двухъ, при чемъ пѣлъ 77 псалмовъ и дѣлалъ по 3000 поклоновъ каждый день¹⁾. Они поселились въ особой пустынѣ; но при Василіѣ Іоанновичѣ, за недоказанный доносъ о ереси бѣлозерскихъ пустынниковъ, были переселены въ Кирилловъ монастырь²⁾. По смерти Нила Сорскаго, защитникомъ его правилъ былъ другой его ученикъ князь Вассіанъ Патрикѣевъ. Онъ сильно нападалъ на богатство монастыря Іосифа Волоколамскаго и проводилъ ту мысль, что не слѣдуетъ украшать даже церковей золотомъ и серебромъ, а лучше раздать эти богатства нуждающимся³⁾. По приѣздѣ Максима Грека въ Россію, князь Вассіанъ, жившій тогда въ Симоновомъ монастырѣ и приближенный къ двору Василя Іоанновича, сошелся съ нимъ. Вассіану былъ порученъ надзоръ за переводомъ книгъ. Отсюда тѣсная связь его съ Максимомъ Грекомъ. Но еще болѣе ихъ сблизила одинаковость убѣжденій. Вассіанъ—ученикъ Нила Сорскаго вполне соотвѣтствовалъ Максиму Греку, отшельнику Аѳонской горы⁴⁾. По просьбѣ Вассіана, Максимъ написалъ для него особую статью о порядкѣ жизни аѳонскихъ монастырей⁵⁾. Сторонники этого направленія были противниками монастырскихъ имуществъ, споръ о которыхъ занимаетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ XVI вѣка.

Въ 1503 г., на соборѣ о вдовыхъ понахъ и діаконахъ, былъ предложенъ Іоанномъ III вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. На этомъ соборѣ присутствовали высшія духовныя лица, игумены и старцы изъ многихъ монастырей. Въ числѣ ихъ были Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій. Они подняли голосъ противъ монастырскихъ имуществъ, проводя ту мысль, что отшельники не должны имѣть отношенія къ міру, а обязаны жить по пустынямъ и питаться трудами рукъ своихъ⁶⁾. Нилъ Сорскій писалъ даже сочиненіе противъ монаховъ, странствовавшихъ

1) Житіе Іосифа Волоколамскаго, Прибавл. къ Твор. отц. X, 153.

2) Отнош. иноковъ Кирил. и Іосиф. монаст. въ XVI в., годъ IX, кн. 3, стр. 507.

3) Полемич. сочин. Вассіана, Правосл. собесѣд. 1863, октябрь, 209.

4) О Вассіанѣ Патрикѣевѣ Косомъ см. подробно въ Русск. общест. дѣят. XVI в. стр. 44—63.

5) Сочиненія Максима Грека, III, стр. 243—245.

6) Отношенія иноковъ Кирил. и Іосиф. монаст. стр. 505.

по міру ради богатства ¹⁾. Его мнѣніе поддерживали на соборѣ цустыянижкі бѣлозерскіе. Но значительная часть членовъ собора, заинтересованная въ этомъ дѣлѣ, вызвала на соборъ Іосифа, игумена богатаго Волоколамскаго монастыря, прославившагося уже въ то время дѣйствіями противъ еретиковъ. Іосифъ, поддерживаемый Серапіономъ, игуменномъ Троицко-сергіевской лавры, тоже богатой обители, отстоялъ монастырскія имуществва. Какъ Нилъ Сорскій держался въ этомъ случаѣ идеальнаго воззрѣнія на монастырскую жизнь; такъ Іосифъ Волоколамскій стоялъ за существующій порядокъ, на почвѣ дѣйствительности: его доказательства основаны на примѣрахъ представителей древняго монашества, допускавшихъ владѣніе селами ²⁾. Здѣсь началась извѣстная въ нашей исторіи борьба между этими двумя направленіями ³⁾, продолжавшаяся въ теченіе XVI вѣка и принявшая политическій характеръ. По смерти Нила Сорскаго, уже въ правленіе Василя Іоанновича, его мысль продолжалъ отстаивать ученикъ его, князь Вассіанъ Патрикевъ, держась основаній своего учителя ⁴⁾. Онъ написалъ рядъ полемическихъ статей противъ Іосифа Волоколамскаго и цѣлую книгу въ защиту своихъ мнѣній ⁵⁾. Въ богословскихъ доказательствахъ и ему служатъ источникомъ Пандекты Никона черногорца ⁶⁾. Образцомъ иноческой жизни Вассіанъ считаетъ правила Нила Сорскаго; причиною паденія монастырской жизни—владѣніе селами, заставлявшее монаховъ принимать участіе въ мірскихъ дѣлахъ. Другое зло, вытекавшее изъ владѣнія селами, было—притѣсненіе крестьянъ, какъ результатъ стремленія монастырей къ обогащенію и пренебреженія личными интересами подвластныхъ, крайняя бѣдность которыхъ часто заставляла ихъ прибѣгать къ большимъ процентамъ, залогамъ и окончательному закабленію себя монастырямъ. Право владѣнія землею Вассіанъ признавалъ только за мірскими церквами и соборами; но и въ этомъ случаѣ назначенію недвижимыхъ имуществъ онъ придавалъ древній характеръ:

¹⁾ О инокахъ кружающихся стаяніа ради. См. Опис. Румянц. муз. 628, Царскій, № 274.

²⁾ Объ отношеніяхъ Кирил. и Іосиф. монаст. въ XVI в., годъ IX, кн. 3, стр. 505.

³⁾ Ibid. 505: «то первая нелюбва».

⁴⁾ Ibid. 505.

⁵⁾ Полемич. соч. Вассіана, Правосл. соб. 1863, III, 97.

⁶⁾ Ibid. 98—100.

за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей вліра, они должны были служить для вспомошествованія бѣднымъ и на выкупъ плѣнницъ¹⁾. Въ Коричую, составленную Вассіаномъ, было внесено замѣчаніе о русскихъ представителяхъ монашества, что они не владѣли селами и вассіанъ давали своимъ ученикамъ жить по евангелію²⁾. Этотъ антагонизмъ дошелъ до того, что Іосифъ запретилъ своимъ ученикамъ имѣть сообщеніе съ учениками Нила и Вассіана, а послѣдній учениковъ Іосифа не пускалъ къ себѣ даже въ келію³⁾. Въ связи съ Вассіаномъ, въ этой полемикѣ стояли другіе послѣдователи ученія Нила Сорскаго и монахи Авонской горы, бывшіе тогда въ Россіи. Между ними первое мѣсто занимаетъ Максимъ Грекъ⁴⁾. Вопросу о монастырскихъ имуществахъ онъ посвятилъ специально два сочиненія: одно озаглавлено «Повѣсть страшная и достопамятная»⁵⁾, въ которой онъ представилъ образъ жизни картезіанскихъ монаховъ, содержавшихся милостынею и имѣвшихъ все общее; другое называется «Состязаніе объ иноческой жизни между двумя людьми: Филокѣймономъ, или любостязательнымъ, и Актимономъ, или нестязательнымъ»⁶⁾. Въ немъ Максимъ Грекъ представилъ разбитіе двухъ противоположныхъ мнѣній, существовавшихъ въ обществѣ по вопросу о монастырскихъ имуществахъ. Въ лицѣ Актимона онъ выражаетъ собственный взглядъ. Изъ этого сочиненія видно, что защитники ихъ опирались на примѣры древнихъ патріарховъ, левитовъ и священниковъ; они утверждали, что и при существованіи имущества, принципъ монашеской жизни все-таки сохраняется, потому что все остается общимъ и никто въ частности не владѣетъ недвижимою собственностью; наконецъ были и такіе, которые въ свою пользу толковали слова евангелія, въ которыхъ за отреченіе отъ отца, матери, дѣтей и селъ, обѣщается награда сторицею не только въ будущей жизни, но и въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Максимъ Грекъ опровергаетъ своихъ противниковъ тѣмъ, что владѣніе имуществами есть нарушеніе обща—

1) Polemich. sochin. Prav. sobes. 1863, III, 102 и дал. 180 и дал. Подробно въ Русск. общест. дѣятел. XVI вѣка, 50—55.

2) Onis. rukop. Tolstago, otдѣл. I, № 168 и табл. № IV.

3) Polemich. soch. Vassiana, 207, 209. Судный списокъ Вассіана, Чтенія Моск. общ. исторіи, 1847, IX, 10.

4) Объ отнош. инок. Кирил. и Іосиф. монаст. 505, 506.

5) Сочиненія Максима Грека, III, 178.

6) Ibid. II, 82—118.

нестязательности; что въ связи съ этимъ соединяются безчеловѣчные поступки съ подчиненными, на которыхъ налагають тяжелыя работы и большіе проценты; что ветхозавѣтные обычаи не могутъ служить примѣромъ для живущихъ въ новомъ завѣтѣ; наконецъ, что евангельскія слова слѣдуетъ понимать духовно, потому что иначе можно допустить, что за одну оставленную жену придется получить многихъ и породить дѣтей болѣе, чѣмъ прежде. Корень всякому злу—есть сребролюбіе, говорятъ онъ. И Максимъ, подобно Вассіану, считалъ церковныя имущества принадлежностію бѣдныхъ, по древнему ихъ назначенію ¹⁾).

Симпатіи и антипатіи этого направленія сообщались нашему политическому писателю XVI в.—князю А. М. Курбскому, какъ ученику Максима Грека. Вассіанъ и Максимъ представляются ему святыми мужами. Въ угожденіи монаховъ свѣтской власти онъ видѣлъ желаніе выманить побольше имѣній; а послѣдователи Іосифа Волоцкаго называются у него не иначе, какъ презлыми и лукавыми іосифлянами ²⁾. Впрочемъ въ этомъ нерасположеніи къ нимъ проглядывала уже политическая сторона, которой мы каснемся ниже. Но авторитетъ Максима Грека и Вассіана пользовался уваженіемъ и въ другой средѣ. Еретикъ Θεодосій Косой въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ ссылался на ихъ доводы ³⁾.

Другой важный пунктъ, котораго держались послѣдователи Вассіана Косаго, въ противоположеніи Іосифу Волоколамскому, состоялъ въ отрицаніи казни покаившихся еретиковъ. Іосифъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько словъ своего Просвѣтителя, направленнаго противъ ереси жидовствующихъ ⁴⁾. Онъ старался доказать, что убить еретика молитвою, проклятіемъ, все равно, что руками; а потому не слѣдуетъ давать имъ пощады даже въ покаяніи, такъ какъ оно ложно и вынуждено. Необходимость казни еретиковъ онъ доказывалъ примѣрами ветхозавѣтныхъ ревнителей. А сотрудникъ Іосифа по преслѣдованію еретиковъ—новгородскій архіепископъ Геннадій рекомендовалъ вел. князю даже испанскую инквизицію ⁵⁾. Замѣчательно, что и Максимъ Грекъ

1) Сочиненія Максима Грека, II, 174.

2) Исторія Іоанна, Курбскаго, стр. 5, 40, 122.

3) Истины показаніе Зиновія, гл. 44.

4) Просвѣтитель, слова 13—16. и посланіе къ в. в. Вас. Іоан. Виліюева, XVI, 423, 424.

5) Акты экспедиціи, I, № 380, стр. 482.

сходится въ этомъ вопросѣ съ Іосифомъ. По случаю обнаружившихся при немъ остатковъ ереси жидовствующихъ, онъ написалъ посланіе къ православному собору на проповѣдника ея Исаака, котораго совѣтуетъ предать гражданской власти для казни и въ образецъ ставить древнихъ ревнителей. 1) Это сходство объясняется тѣмъ, что оба они держатся какъ библейскаго, такъ и церковнаго примѣра; тогда какъ послѣдователи Нила Сорскаго исключительно стоятъ на почвѣ новаго завѣта. Вассіанъ Косой посвятилъ этому предмету особое слово, въ которомъ проводить противоположную мысль. Показавшихся еретиковъ, по претерпѣвшихъ страданіе, онъ называетъ мучениками; казнь еретиковъ считаетъ дѣломъ человѣческимъ и противнымъ духу священнаго писанія; а примѣры ветхаго завѣта совершенно отвергаетъ на томъ основаніи, что повелѣно апостолами ничего не прибавлять къ евангелію и ихъ посланіямъ. Изъ ветхаго завѣта онъ принимаетъ только то, что внесено въ новыи завѣтъ 2). Вологодскіе пустынники и старцы Кирилловскаго монастыря написали особое посланіе противъ Іосифа, въ которомъ также порицали его за защиту казни еретиковъ. Въ его тенденціяхъ они видѣли возвращеніе къ ветхому завѣту, противному Богу. По рѣзкому тону посланія полагаютъ обыкновенно, что оно написано тѣмъ же Вассіаномъ. Приводя примѣры ветхозавѣтной ревности по вѣрѣ, вологодскіе пустынники объясняютъ ихъ духомъ древняго закона, а въ примѣры новозавѣтной заповѣди любви ставятъ извѣстный евангельскій случай прощенія блудницы. За тѣмъ, обращаясь къ Іосифу, они пишутъ: »Апостолъ Петръ волхва Симона молитвою разбилъ, за то что назвался сыномъ божіимъ, и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы недостойныхъ еретиковъ и грѣшниковъ пожрала земля. Если же Богъ приметъ еретика и грѣшника на покаяніе, то твоя молитва не будетъ услышана. Левъ, епископъ катанскій, волхва Геліодора епитрахилью связалъ и сжегъ. А ты, господинъ Іосифъ, почему не испытываешь своей святости? тебѣ слѣдовало мантиею связать архимандрита Кассіана и самому держать его въ пламени, пока онъ не сгоритъ; а мы приняли-бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, вышедшихъ изъ пламени. Подумай, господинъ Іосифъ, какъ много разницы между Моисеемъ, Ильею, апостолами Петромъ и Павломъ и тобою...

1) Сочин. Максима Грека, I, 51.

2) Подземич. сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, 200—205.

Праведныхъ слѣдуетъ любить, а грѣшныхъ мѣловать¹⁾. Видя въ Іосифѣ противника евангельской любви, Вассіанъ сильно началъ на то уваженіе къ нему, въ силу котораго ученики Іосифа еще при жизни почитали его святымъ²⁾. Конечно такое отношеніе не могло нравиться многимъ, когда въ господствующей средѣ преобладали идеи Іосифа. А потому Вассіанъ прослылъ еретикомъ³⁾. Такъ противоположно высказались два направленія по существеннымъ вопросамъ, занимавшимъ тогдашнее общество, различно понимая священное писаніе—пока единственный источникъ теоретическаго знанія.

Исторія развитія монастырской жизни въ древней Россіи объимаетъ въ себѣ главныя стороны общественнаго быта. Прототипомъ монашества было отшельничество, явившееся въ слѣдствіе стремленія отдѣльныхъ лицъ къ уединенной жизни. Но обыкновенно это удаленіе отъ міра продолжалось не долго: вокругъ отшельника собиралось братство, полагавшее начало *монастырю*. Съ теченіемъ времени около монастыря являлись поселенія. Благодаря религиозному уваженію къ монастырю и особенно къ его основателю, прославившемуся въ народной молвѣ чудесами, онъ обогащался, получалъ значительныя влады и земли; а льготы, которыми вообще пользовались монастыри въ отношеніи налоговъ и торговли, привлекали въ его владѣнія значительное крестьянское населеніе. Тогда монастырь становился богатымъ землевладѣльцемъ. Такимъ путемъ въ значительной степени *колонизовалась* сѣверо-восточная Россія. Въ этомъ отношеніи развитіе монастырской жизни на сѣверо-востокѣ имѣетъ историческое значеніе, какъ одно изъ главныхъ средствъ заселенія края и распространенія гражданственности. Съ другой стороны, вторгаясь въ инородческія поселенія на сѣверо-востокѣ, монастыри приняли на себя миссіонерскую дѣятельность—*распространеніе христіанства*. Близкое сопрیکосновеніе монастырей съ общественною жизнью и то уваженіе, какимъ пользовались настоятели знаменитыхъ обителей въ высшей сферѣ, дали этимъ монастырямъ *политическое значеніе*. Это особенно выразилось въ періодъ образованія Московскаго государства. Господствующее значеніе религиозныхъ идей въ эпоху древней Россіи сдѣлало монастыри *воспитательною* школою и средоточіемъ *образованности*. Въ свою очередь образовательное вліяніе монасты-

1) Древняя Россійская Вивліоекка, XVI, 424—428.

2) Полемич. сочин. Вассіана Косаго, Прав. соб. 1863 г. III, 205.

3) Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1847, № IX.

рей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Вотъ тѣ главные моменты въ культурномъ значеніи монастырей, которые мы наибрѣнн прослѣдимъ въ послѣдовательномъ ихъ развитіи.

Иларионъ и Антоній, положившіе начало жизни въ пещерахъ кievскихъ, были отшельники; но уже при Антоніѣ собралось 15 братій. Тогда онъ, какъ воспитавшійся въ безмолвіи на Афонѣ, поставилъ имъ игумена Варлаама, а самъ затворился въ пещерѣ. При Θεодосіѣ братія было уже 100 человекъ. Онъ ввелъ студійскій уставъ, основанный на мачалахъ общежитія. Вліяніе Печерскаго монастыря было обширное. На первыхъ же порахъ между послѣдователями Антонія мы встрѣчаемъ князей и бояръ. Сынъ черниговскаго князя Давида Святославовича—Николай Святоша, управлявшій одно время городомъ Луцкомъ, оставилъ свою семью и княжество, и поступилъ въ Печерскій монастырь. Три года провелъ онъ въ новарнѣ, своими руками рубилъ дрова и на обонхъ плечахъ носилъ воду съ берега. Потомъ приставленъ былъ привратникомъ на три года и наконецъ опредѣленъ былъ въ трапезу. При великіи онъ развелъ огородъ и постоянно занимался руководіемъ, которое доставляло ему одежду. Сынъ боярина Іоанна бросилъ молодую жену и, несмотря ни на какія ухищренія съ ея стороны, остался непреклоннымъ, удалившись въ Печерскую обитель. Самъ Θεодосій долго боролся съ матерью, пока преодолѣлъ всѣ препятствія, мѣшавшія ему на пути въ избранной цѣли; а когда вступилъ въ монастырь, то не хотѣлъ видѣться боге съ нею, и она послѣдовала его призыву. Подобныя стремленія вызывали сначала протнводѣйствія со стороны семьи и свѣтской власти, лишившейся такимъ образомъ лучшихъ членовъ дружины; но идея превозмогла частные интересы. Печерскій монастырь сдѣлался центромъ, дававшимъ направленіе жизни. Собираясь на Альту противъ половцевъ (1067 г.), Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ пришли за благословеніемъ къ Антонію. Николай Святоша, по желанію великаго Всеволода, ходилъ примирять князей, боровшихся за Черниговскую область (1142). Великій князь Изяславъ нерѣдко приходилъ съ своими боярами въ Печерскій монастырь, чтобы поучаться въ беседахъ Θεодосія. «Онъ исполнялъ съ точностію все, что ни повелѣвалъ ему Θεодосій», говоритъ Несторъ въ житіи послѣдняго. Однажды Изяславъ пріѣхалъ въ монастырь въ полуденное время, когда запирались монастырскія ворота, и привратникъ до тѣхъ поръ прідержалъ его у воротъ, пока не донесъ Θεодосію о прибытіи вели-

кого князя. Когда Святославъ черниговскій отнялъ престолъ у Изяслава — Теодосій явился жестокимъ обличителемъ такого поступка: онъ порицалъ его передъ всѣми и писалъ къ нему посланія, въ которыхъ сравнивалъ его съ Канвою и другими братоубійцами. Сначала Святославъ сталъ грозить Теодосію заточеніемъ, но когда тотъ не отступился отъ своихъ обличеній, онъ просилъ у него прощенія и разрѣшенія прійти въ Печерскій монастырь. Съ тѣхъ поръ и Теодосій не разъ ходилъ къ нему въ домъ. Однажды онъ засталъ у князя играющихъ на гуслихъ и органалъ, а также пѣсенниковъ. Долго сидѣлъ Теодосій съ потушеннымъ взоромъ и наконецъ спросилъ Святослава: будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ? Князь велѣлъ перестать играть, и потомъ каждый разъ, когда докладывали Святославу о приходѣ Теодосія, пѣсни и игры прекращались во дворцѣ. Святославъ всегда встрѣчалъ Теодосія у самого входа и однажды заявилъ ему, что онъ радуется его посвѣщенію болѣе, чѣмъ радовался-бы воскресшему отцу. Онъ ощущалъ какой-то страхъ передъ Теодосіемъ. Только когда заходила рѣчь о возвращеніи престола брату — Святославъ упорно молчалъ. Но Теодосій не отступался отъ своихъ требованій и долго не велѣлъ поминать на зѣтенія имени Святослава, и когда уступилъ въ этомъ, то все-таки ставилъ его послѣ Изяслава. Результатомъ общаго уваженія къ Теодосію было обогащеніе монастыря. Многіе стали отдѣлять часть изъ своего имѣнія на его обитель, а другіе записывали волости и села. Особенно способствовалъ ея обогащенію въ первый періодъ ея существованія — вел. князь Изяславъ Печерскій монастырь сталъ разсадникомъ многихъ монастырей въ Россіи. Отсюда вывелъ Изяславъ въ основанный имъ монастырь св. Дмитрія — игумена Варлаама, а послѣ него тамъ былъ игуменомъ Исаія — опять изъ Печерскаго монастыря. По правиламъ Печерской обители, были основаны ея выходцами монастыри: Никономъ въ Тмутаракани и Стефаномъ — Кловскій, въ окрестностяхъ Кіева. Изъ Печерскаго монастыря избирали епископовъ почти во всѣ города тогдашнихъ епархій: въ Переяславль, Ростовъ, Новгородъ, Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ, Полоцкъ, Тмутаракань, Черниговъ, Туровъ, Бѣлгородъ. До 1225 г. насчитываютъ около 50 епископовъ, взятыхъ отсюда¹⁾. Сюда стекались путешественники изъ

¹⁾ Житіе Теодосія, Учен. зап. Акад. наукъ, по 2 отдѣл. II; о Печерскомъ монастырѣ, Лаврент. лѣт. Посланіе Симона къ Поликарпу. Обзоръ редак. печерс. патерика. Извѣс. Ак. наукъ по отд. рус. яз. и словес. V, 130—158.

разныхъ частей Россіи и повсюду распространяли то религиозное уваженіе къ Печерскому монастырю, которое сохранялось до позднѣйшихъ временъ. Одинъ путешественникъ начала XVII в., странствовавшій по востоку, замѣчаетъ, что онъ, сколько земель ни обошелъ, нигдѣ не видѣлъ столько мощей, какъ въ Кіевѣ ¹⁾.

Князья понимали ту нравственную силу, какая сосредоточивалась въ рукахъ монастырей, и потому сами старались покровительствовать имъ. Изъ 80 монастырей, упоминаемыхъ до половины XIII в., по крайней мѣрѣ до 30 основаны по инициативѣ князей. Нѣсколько основано частными лицами. Большая часть ихъ, конечно, были мужскіе; изъ 80 обителей можно насчитать только до 20 женскихъ ²⁾. Уже въ этотъ періодъ монастыри существовали въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Муромѣ, Ростовѣ, Владимірѣ на Клязми, Переяславлѣ-Залѣскомъ, Перемышлѣ, Полоцкѣ, Переяславлѣ южномъ, Смоленскѣ, Рязани, Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Костромѣ, Старой Русѣ, Старой Ладогѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Суздаль, Черниговѣ, Туровѣ и Устюгѣ ³⁾. Главными центрами ихъ были—Кіевъ, гдѣ насчитываютъ 17 монастырей, и Новгородъ, имѣвшій въ своихъ окрестностяхъ 22 обители ⁴⁾, такъ что онъ, можно сказать, былъ опоясанъ монастырями. Нѣкоторые изъ нихъ были любимыми обителями князей: вел. князь Изяславъ покровительствовалъ Дмитріевскому монастырю, Святославъ Ярославичъ—Симеоновскому; Кирилловскій монастырь былъ усыпальницею потомковъ Всеволода; Феодоровскій почитался у потомковъ Мстислава Владиміровича. На высшія іерархическія мѣста обыкновенно избирали изъ монастырей, и потому русская церковь, подобно греческой, сохраняла отшельническій характеръ. Въ XII вѣкѣ епископомъ туровскимъ былъ сдѣланъ Кириллъ, подвизавшійся до того времени на столпѣ. Съ наступленіемъ татарскаго ига, Кіевская область, подвергавшаяся частымъ нападѣніямъ, съ трудомъ поддерживала прежніе монастыри; за то они стали размножаться въ княжествѣ Владиміро-Галицкомъ, болѣе спокойномъ. Здѣсь имъ покровительствовали: Давидъ Романовичъ, сынъ его Левъ и особенно Владиміръ Васильковичъ—основатель многихъ монастырей ⁵⁾. Развитие политической жизни на сѣверо-востокѣ Россіи

¹⁾ Путешествіе Гагары, изд. Сахарова, стр. 121.

²⁾ Макарій, Истор. рус. церкви, I, 150—159; II, 72—76; III, 28—58.

³⁾ Филаретъ, Исторія рус. церк. I, 147, и Макарій *ibid.*

⁴⁾ Филаретъ, I, 146.

⁵⁾ Макарій, IV, кн. I, 169, 170.

и вступленіе русскаго населенія въ міръ инородческій повели за собою умноженіе монастырей въ тамошнихъ предѣлахъ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій (до половины XV в.) тамъ открылось вновь до 180 обителей.

Изъ этого числа на долю новгородскихъ владѣній приходится до 50; остальные находились въ княжествахъ: Московскомъ, Тверскомъ, Рязанскомъ, Нижегородскомъ и странахъ: Муромской, Бѣлозерской, Вологодской, Костромской. Численность мужескихъ монастырей и за это время стоитъ гораздо выше женскихъ: послѣднихъ можно насчитать только до 20. вообще ¹⁾. Конечно это отношеніе опредѣлялось не религіозностью, въ которой женщина никогда не уступаетъ мужчинѣ, но условіями самаго быта: меньшею самостоятельностью ея въ жизни, большею привязанностью къ семьѣ, большими удобствами мужескихъ монастырей и наконецъ, что въ особенности относится къ сѣверо-восточному краю Россіи, трудностью, съ какою должны были бороться женщины, рѣшавшіяся на то одинокое отшельничество, которое было одною изъ главныхъ причинъ размноженія монастырей въ томъ краѣ.

Какъ на югѣ первоначальнымъ покровителемъ монастырской жизни считался Ярославъ I, такъ на сѣверѣ— Андрей Боголюбскій, строитель монастырей ²⁾. Князья тверскіе, рязанскіе, нижегородскіе, бѣлозерскіе, дѣйствовали въ томъ же духѣ. Но особенно покровительствовали монастырямъ— князья московскіе, скоро понявшіе значеніе этого учрежденія въ политической жизни юнаго общества. вмѣстѣ съ возвышеніемъ Московскаго княжества, число ихъ стало быстро возрастать въ средней полосѣ Россіи и особенно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ ³⁾. Іоаннъ Даниловичъ былъ большой любитель монашества. Онъ нарочно отправилъ посольство къ митрополиту Теофносту, жившему тогда на Волынѣ, чтобы испросить благословеніе на построеніе въ Москвѣ Спасскаго монастыря, которому онъ отвелъ собственный дворъ. Калита хотѣлъ постоянно видѣть его передъ собою, возможно чаще посѣщать и легко имѣть сообщеніе съ монахами. Онъ почиталъ свою обитель болѣе всѣхъ другихъ, и потому щедро одарилъ ее вкладами и доходами. Такое уваженіе къ Спасскому монастырю сохранялось и послѣ, пока не возвыси-

¹⁾ Макарій, Исторія русск. церк. IV, книга I, стр. 163—210.

²⁾ Полн. собр. русск. лѣт. I, 156.

³⁾ Макарій, *ibid.* 175.

лась обитель Сергія Радонежскаго ¹⁾. Но монастыри, построенные князьями и основанные въ городахъ, скоро утрачивали свой основной характеръ. Обогащенные на первыхъ порахъ своего существованія, они рано втягивались въ интересы общественной жизни. Это замѣтилъ еще древній лѣтописецъ. По поводу основаннаго въ Кіевѣ Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, онъ говоритъ: »Изяславъ поставилъ монастырь св. Дмитрія, и желалъ сдѣлать его выше Печерскаго, надѣясь на богатство. Много есть монастырей, построенныхъ царями и боярами и основанныхъ на богатствѣ; но они не таковы, какъ основанные слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ« ²⁾. Это постоянно сознавалось и въ послѣдующіе вѣка ³⁾. Недовольные такимъ порядкомъ вещей искали отрѣшенія отъ міра среди пустыни, пока новое преслѣдованіе земной страсти не увлекло ихъ послѣдователей еще далѣе. Стремленіе отрѣшиться отъ земной суеты было главною причиною распространенія монастырскихъ поселеній на сѣверо-востокъ Россіи. Ихъ основатели служили не учрежденію, поддерживаемому мірскими средствами, но идеѣ, вѣрно характеризующей духъ времени. Этому помогли и политическія обстоятельства сѣвера. Въ то время, какъ въ южныхъ степяхъ Россіи долго господствовали дикія и воинственныя орды, постоянно нападавшія на южные города, на далекомъ сѣверѣ жило сравнительно весьма мирное и уступчивое племя финновъ, скоро оставлявшее пустынноика въ покоѣ. А между тѣмъ за нимъ шло русское населеніе....

Ревностные послѣдователи Антонія, Пахомія и восточныхъ пустынноиковъ искали полнаго совершенства внѣ монастыря, вдали отъ людей, даже связанныхъ одинаковыми религіозными интересами. Удаленіе отъ людей и желаніе безмолвія—вотъ общій мотивъ въ ихъ странствованіяхъ по сѣверу Россіи, для пріисканія себѣ пустыннаго мѣста ⁴⁾. Неудовлетворенный шумною жизнію своего монастыря, буду-

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣт. VII, 202; Никон. лѣт. III, 154; Стенен. книга, I, 379, 380. Карамз. IV, 148. Снегиревъ, Памят. москов. древн. 122—125. Агты истор. I, 56.

²⁾ Полн. собр. русск. лѣт. I, 69.

³⁾ Агты историческіе, I, № 253.

⁴⁾ Житія: Діонисія Глушицаго, Александра Куптскаго, Авраамія Чухломскаго, Макарія Желтоводскаго, Германа Соловецкаго, Арсенія Комельскаго, Никандра Псковскаго, Савватія Соловецкаго, Григорія Пельшмскаго, Антонія Сійскаго, Ферапонта Монзенскаго, Павла Обнорскаго.

щій отшельникъ долго странствуетъ отъ одной области къ другой; иногда заходить на Афонъ; но всѣ эти странствованія оканчиваются тѣмъ, что онъ поселяется въ пустынѣ и тамъ начинаетъ новую жизнь. По большей части, замѣчаетъ г. Хрущовъ, странникъ направляется на *сѣверъ* отъ мѣста своего постриженія. Это стремленіе къ сѣверу объясняется тѣмъ, что нашъ сѣверъ былъ *мало населенъ*; отсутствіе же гражданскихъ элементовъ и дѣвственная природа болѣе всего могли привлечь жаждущаго пустынной жизни¹⁾. Въ этомъ краѣ пустыня преобладала надъ поселеніемъ, такъ какъ лѣсъ преобладалъ надъ полемъ. Путешественники постоянно замѣчаютъ о Московіи, что, она покрыта безконечными, непроходимыми и необитаемыми лѣсами²⁾. Герберштейнъ о Вологодской области выражается: «Вся страна болотиста и лѣсиста, отчего путешественники не могутъ въ точности опредѣлять разстоянія, по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ». Бѣлозерскіе лѣса онъ называетъ дремучими³⁾. Въ Тверской и Новгородской областяхъ, не смотря на большую населенность края, цѣлыя рати заблуждались среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ⁴⁾. Тоже самое было и въ двинской части сѣвернаго поморья: непроходимые лѣса тянулись по всему пространству, пересѣкаемые болотами, озерами и рѣками, такъ, что многія села стояли въ лѣсу⁵⁾. Въ этихъ лѣсахъ росли невѣроятной величины сосна, дубъ и кленъ, которые вывозились въ большомъ количествѣ за границу⁶⁾. Остатки пней въ окрестностяхъ Москвы, замѣченные путешественникомъ XVI в., свидѣтельствовали, что даже «эта область была не такъ давно очень лѣсиста⁷⁾». Суровый видъ природы особенно привлекалъ отшельниковъ. Нерѣдко упоминается, что они селились въ глухомъ лѣсу⁸⁾. Пустынники останавливались передъ мѣстностью, поражавшею ихъ, то своею дикостью, то

1) Хрущовъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 6.

2) Барбаро, 57—59; Контарини, 110, 118; Кампензе, 27, 29; Іовій, 23.

3) Герберштейнъ, 121.

4) Полн. собр. рус. лѣтописей, т. V, 206. Никоновская лѣтоп. III, 111.

5) Житіе Антонія Сійскаго.

6) Кампензе, 30.

7) Герберштейнъ, 95.

8) Житія: Діонисія, Глушицкаго, Саввы Крыпецкаго, Лонгина Коряземскаго.

красотою природы. Мѣсто, избранное для подвиговъ Антоніемъ Сійскимъ, было окружено горами, покрытыми лѣсомъ, а въ долинахъ лежало озеро, возлѣ котораго находилась келлія Антонія, окруженная двѣнадцатью березами, бѣлыми какъ снѣгъ. - Весьма плачевно это мѣсто, говоритъ его біографъ, но посѣтившій эту пустыню прійдетъ въ умиленіе, потому что созерцаніе такого мѣста можетъ привести въ чувство. Другіе поражались болѣе мягкимъ впечатлѣніемъ. Мѣсто, избранное отшельникомъ, отличается красотою, и жизнеописатели обыкновенно описываютъ его съ сочувствіемъ. Деревья и вода считались необходимою принадлежностью для умиленія сердца. Кирилль Бѣлозерскій съ высоты горы Млауры плѣнился обширнымъ пространствомъ, покрытымъ озерами и лугами, и орошеннымъ рѣкою Шексною. Филиппъ Ирапскій выбралъ красивое мѣсто на берегу рѣки Андоги, (въ Бѣлозерской странѣ), подѣ развѣсистую сосною. Герасимъ Болдинскій поселился у потока подѣ огромнымъ дубомъ; Кирилль Новозерскій—подѣ елью на крутомъ берегу Новаго озера; Оеранонтъ Можайскій между двухъ озеръ. Кирилль Челмскій избралъ для жительства гору Челмъ въ 50 верстахъ отъ Каргопола. По обѣимъ сторонамъ ея лежали два озера, изъ которыхъ одно выпускало рѣку. Гора была покрыта лѣсомъ. Трифонъ Вятскій избралъ мѣстность на р. Мулянкѣ (возлѣ нынѣшней Перми), окруженную густымъ лѣсомъ и благоухающими цвѣтами. Поселяясь у рѣки, отшельники предпочитали мѣсто у ея устья, гдѣ она впадаетъ въ большую рѣку ¹⁾. Въ мѣстахъ озерныхъ они селились нерѣдко на островахъ. Островъ Палій, на которомъ жили Корнилій и Авраамій пале-островскіе, представляетъ живописную мѣстность. Съ вершины отвѣсной скалы его открывается панорама всего Онежскаго озера, во всей дикой красотѣ ²⁾.

Условія мѣстности вполнѣ удовлетворяли, не слишкомъ заботив-

1) См. житія означенныхъ святыхъ. Симонъ Сойгинскій поселился на устьѣ Сойги, впадающей въ Вычегду; Адрианъ Монзенскій на устьѣ Монзы, впадающей въ Кострому; Кассіанъ Угличскій на устьѣ Учмы, впадающей въ Волгу; Пафнутій Боровскій на устьѣ Протвы, впадающей въ Истерву; Филиппъ Рабанскій на устьѣ Рабанги, впадающей въ Сухону; Пахомій Нерехтскій у впаденія Гридевки въ притокъ Волги, Салоницу.

2) На островѣ Селигерскаго озера—Нилъ Сталобенскій; на Михайловскомъ островѣ, образуемомъ озерами и выходящею изъ нихъ р. Сією,—Антоній Сійскій; на островѣ Ворбозомскаго озера—Зосима Ворбозомскій. См. ихъ житія, а также Корнилія и Авраамія палеостровскихъ.

шлись о тѣхъ, строгихъ подвижниковъ. Павелъ Обнорскій поселился въ дуплѣ большого липоваго дерева; Тихонъ Медвнскій—въ дуплѣ исполинскаго дуба; Леонидъ Усть-недужскій свилъ себѣ хижину изъ хвороста. Пищу отшельниковъ составляли: ягоды, травы, мохъ, корни; иногда сосновая кора. Александръ Свирскій, по его собственнымъ словамъ, семь лѣтъ питался травою, а иногда принужденъ былъ ѣсть сырую землю, отчего впалъ въ совершенное изнеможеніе. Герасимъ Болдинскій вѣшалъ на дорогѣ кузовокъ, чтобы проходящіе клали туда съѣстные припасы ¹⁾. Но лѣса доставляли и другую, болѣе пріятную, пищу—медъ. «Московія, говоритъ Кампензе, очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои этихъ полезныхъ насекомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большемъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ» ²⁾. «Вся страна, замѣчаетъ Ювій, изобилуетъ плодовитыми пчелами, которые кладутъ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревьевъ часто бываютъ усыяны роями пчелъ, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждое дерево, то весьма часто встрѣаются они чрезвычайной толщины, наполненные медомъ». Въ то время были въ ходу даже легенды, указывающія на богатство и легкость добычянн меду безъ всякаго труда ³⁾. Если одни изъ отшельниковъ избирали мѣста по возможности глухія и дикія, то другіе обращали вниманіе на производительныя силы природы. Савватій отправился на Соловецкій островъ, узнавши что онъ богатъ рыбою, разными цвѣтущими деревьями, лѣсомъ, ягодами, громадными соснами, годными для храмовъ и другихъ построекъ, и вообще удобенъ для жизни ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ пустынѣ отшельникъ находилъ убѣ-

¹⁾ См. житія названныхъ лицъ, а также: Кирилла Новозерскаго, Варнавы, Нила Столобенскаго, Сильвестра Обнорскаго, Серапіона Кожеевскаго, Никандра Псковскаго, Кирилла Чамскаго.

²⁾ Кампензе, 30, 31.

³⁾ Ювій, 39, 40.

⁴⁾ Житіе Зосимы и Савватія Соловецкихъ, Правосл. Собес. 1859,

жище отъ людей и мірскихъ заботъ. Въ рѣдкомъ жизнеописаніи не говорится, чтобы онъ, отыскавъ пустыню по сердцу, не произнесъ извѣстныхъ словъ псалма, выражающихъ какъ душа человѣка стремится въ селенія Бога, гдѣ находитъ свое гѣздо, пристанище и покой. Стремленіе въ пустыню было господствующимъ чувствомъ людей, видѣнь усвоившихъ нравственный идеалъ, завѣщанный Россіи—Византією¹⁾. Въ пустынѣ одинокій человѣкъ искалъ общенія съ Богомъ. Долина, окруженная градою горъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ, и орошенная текущею рѣвою или цѣлымъ рядомъ озеръ, при блескѣ свѣтилъ небесныхъ, среди невозмутимой тишины, по временамъ прерываемой ревомъ звѣрей или пѣніемъ птицъ—производила на него умиленное впечатлѣніе. Яркое солнце; голубое небо; безпредѣльное пространство дѣвственной природы; теченіе звѣздъ; блескъ луны, отражающейся въ группѣ озеръ; бншующее море—говорили ему только о величіи, мудрости и силѣ Творца. Грозныя бури и ненастныя вьюги, приводившія въ трепетъ животный міръ,—напоминали пустыннику о покаяніи. А физическія явленія, свойственныя холодной сѣверной пустынѣ, открывали передъ нимъ чудныя видѣнія²⁾. Принося въ пустыню мирное настроеніе души, ошельникъ относился въ томъ же духѣ и ко всему окружающему. Птицы и звѣри скоро привыкаютъ къ новому поселенцу: онъ кормитъ ихъ изъ своихъ рукъ; лисицы и зайцы прыгаютъ вокругъ его жилища; медвѣдь спокойно ждетъ отъ него пищи; птицы садятся у него на плечахъ и головѣ, а иногда даже сторожатъ его пищу. Стада оленей безбоязненно пасутся на глазахъ пустычника³⁾.

т. II и III. Островъ Палій извѣстенъ особенною рыбою, въ родѣ форели, отъ которой получилъ и свое названіе.

1) Древнія пустыни на сѣверо-востокѣ Россіи, Правосл. собес. 1860, III, 204.

2) Древнія пустыни, Правосл. соб. 1860, III, 215, 216, 217.

3) Житія: Сергія Радонежскаго, Макарія Колязинскаго, Никодима Кожезерскаго, Трифона Печенгскаго, Павла Обнорскаго, Герасима Болдинскаго. Это покровительство животнымъ сохранялось потомъ и въ монастырѣ, образовавшемся на мѣстѣ пустыни Пафнутій Боровскій запретилъ убивать птицъ въ рошѣ, окружавшей его обитель. Нарушителей преслѣдовала его кара. Біографъ Пафнутія рассказываетъ, что однажды сынъ воеводы, проѣзжая по лѣсу, пятанулъ лукъ и убилъ ворона; но когда онъ хотѣлъ повернуть голову—уже не могъ этого сдѣлать, она все смотрѣла на сторону. Тогда онъ отправился въ Пафнутію за прощеніемъ. Посмотрѣвъ на него, Пафнутій съ улыбкою сказалъ: »Богъ отмстилъ за кровь ворона», и исцѣлилъ его.

для странниковъ и монастырь въ память Бориса и Глѣба ¹⁾. Въ половинѣ XII вѣка въ предѣлахъ вологодскихъ явился Герасимъ Вологодскій, родомъ кіевлянинъ и постриженникъ гнилецкаго свята. Въ 1147 г. онъ прибылъ на р. Вологду и у ручья Кайсарова основалъ обитель св. Троицы. Въ этихъ предѣлахъ до основанія г. Вологды, былъ глухой лѣсъ ²⁾. Но главными основателями монастырскихъ поселеній на сѣверо-востокѣ Россіи были новгородскія обители, распространившія свое вліяніе въ предѣлахъ новгородскихъ владѣній, и монастыри поволожскіе, особенно содѣйствовавшіе этому со времени основанія Троицко-сергіевой обители. Эти два направленія монастырской колонизаціи сошлись въ Вологодской странѣ, отчего этотъ край былъ особенно богатъ монастырскими поселеніями.

Монастырская колонизація Новгорода открывается Варлаамомъ Хутынскимъ, жившимъ во второй половинѣ XII вѣка. Онъ происходилъ изъ богатой фамиліи и съ дѣтства былъ увлеченъ проходившими странниками къ отшельнической жизни. Сперва онъ поселился въ Лисичьемъ монастырѣ, но недовольствуясь тамошнею жизнью, рѣшился подвергнуть себя совершенному уединенію. Ему понравился уединенный холмъ въ лѣсу, на берегу р. Волхова, въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Хутынский холмъ—самое красивое мѣсто изъ всѣхъ окрестностей Новгорода: съ холма, даже при чащѣ лѣсной, видны окрестности на дальнее разстояніе. Однако недолго Варлаамъ пробылъ одинъ. О немъ скоро узнали окрестные жители и стали приходить къ нему: одни за наставленіемъ, другіе совсѣмъ оставались жить въ пустынѣ, прославленной подвигами невиданнаго отшельника. Тогда Варлаамъ построилъ храмъ Преображенія и нѣсколько келій; въ скоромъ времени мѣсто его уединенія превратилось въ цвѣтущую обитель. Изъ нея вышли потомъ другіе основатели пустынь. Въ концѣ XII вѣка ученикъ Варлаама—Аптоній Дымскій, бывшій послѣ него игуменомъ въ Хутынскомъ монастырѣ, ушелъ на берегъ Дымскаго озера и въ 15 верстахъ отъ г. Тихвина построилъ монастырь, а нѣсколько далѣе основалъ еще Вырдомскую пустынь. Другой ученикъ Варлаама Хутынскаго—Константинъ Косинскій поселился на уединенномъ островѣ возлѣ г. Русы и въ 1220 г. на косѣ.

1) Житіе Ефрема Новоторжскаго, въ прологѣ, 28 января.

2) Житіе Герасима Вологодскаго.

образуемой рр. Полистою и Свѣжною, основать Николаевскій монастырь. Постриженникъ Хутынскаго монастыря—Ксенофонтъ Робейскій въ 1230 году основалъ пустынь на р. Робейкѣ, въ 25 верстахъ отъ Новгорода ¹⁾. Въ XIV в. явились слѣдующія монастырскія колоніи. На островѣ Мучь или Мурманскомъ, лежащемъ на Онежскомъ озерѣ, поселился монахъ Лазарь, родомъ изъ Константинополя, жившій нѣкоторое время въ Новгородѣ и получившій отъ новгородскаго посадника право на владѣніе этимъ островомъ, тогда еще безлюднымъ. Къ нему сошлось много послѣдователей, а въ томъ числѣ два инока изъ Кіева и упомянутый нами выше Θεодосій съ Аѳона Арсеній, постриженникъ Лисичьей обители, долго странствовавшій, по тогдашнему обычаю, по сѣверу Россіи, бывшій на Аѳонѣ и на Валаамскомъ островѣ, основалъ скитъ на Коневскомъ островѣ Ладожскаго озера; но въ 1398 году тамъ была уже обитель. Здѣсь подвизались Теофілъ и Іаковъ омучскіе, основавшіе въ 1398 г. пустынь на р. Омучѣ въ 65 верстахъ отъ Порхова. Подвижникъ новгородскаго монастыря Антонія римлянина, Кириллъ Челмскій поселился въ пещерѣ на горѣ Челмѣ, въ 50 верстахъ отъ Каргополя, гдѣ въ послѣдствіи образовался Богоявленскій монастырь. Корнилій Палеостровскій, постриженный въ Вязицкой обители, основалъ поселеніе на островѣ Палѣ, лежащемъ на Онежскомъ озерѣ. Въ XV вѣкѣ Антоній Краснохолмскій положилъ начало пустыни и обители на р. Мологѣ въ 30 верстахъ отъ Бѣжецка; Евѳимій Корельскій—основатель Николаевскій монастырь на корельскомъ берегу у Бѣлаго моря; Варлаамъ Шенкурскій, бывшій новгородскій посадникъ (Василій Степановичъ Своеземцевъ) и имѣвшій большія владѣнія на р. Вагѣ, построилъ тамъ церковь и обитель, которую снабдилъ значительными помѣстьями. Антоній Леохновскій жилъ отшельникомъ въ 12 верстахъ отъ Новгорода на р. Переходѣ, а потомъ вблизи на Леохновѣ построилъ храмъ Преображенія, гдѣ въ скоромъ времени образовалась обитель ²⁾. Въ томъ же вѣкѣ Савва Вышерскій, монахъ саввиной тверской пустыни, странствовалъ на Аѳонѣ и посѣтилъ новгородскія обители, а за тѣмъ осно-

¹⁾ Житія: Варлаама Хутынскаго, Антонія Дымскаго, Ксенофота Робейскаго, Константина Косинскаго.

²⁾ Истор. іерархіи, V, 115—122, 17, 845. Свѣд. о монастыр. 456. Житія: Кирилла Челмск., Корниля Палеостров., Варлаама Шенкурск., Антонія Леохновскаго.

вать монастырь Вознесенія въ 7 верстахъ отъ Новгорода на р. Вышерѣ. Ученикъ его Ефремъ Перекопскій, подвизавшійся въ его обители 25 лѣтъ, въ половинѣ XV в. удалился на западный берегъ озера Ильменя, къ устью р. Веренды, и въ низи его на берегу р. Чердой основалъ монастырь Николая. Въ XVI вѣкѣ, Мартирій Зеленецкій, постриженникъ великолудской обители Сергія, послѣ семилѣтняго пребыванія тамъ, удалился за 60 верстъ отъ Лукъ. Потомъ мы его встрѣчаемъ въ Тихвинскомъ монастырѣ. Но и тамъ пробылъ онъ не долго. Соскучившись многолюдствомъ, Мартирій удалился на Зеленый островъ. Окрестность острова, какъ нельзя болѣе, была дика и угрюма. Кругомъ него мхи, болота, тани, которыя тянутся отъ самаго Новгорода. Когда собралось сюда общество отшельниковъ, Мартирій, при посредствѣ новгородскаго боярына Сыркова, устроилъ храмъ, келліи и обнесъ ихъ оградой¹⁾.

Валаамскій монастырь былъ разсадникомъ нѣсколькихъ колоній. Въ началѣ XV в. Адрианъ Ондрусовскій удалился изъ него на полуостровъ Ладожскаго озера и устроилъ тамъ Николаевскій монастырь. Другой ученикъ Валаамской обители—Александръ Свирскій, также ища безмолвія, въ 1486 г.—ушелъ на озеро Роцинское, лежащее вблизи р. Свири. Мало-по-малу, какъ обыкновенно бывало, къ нему собралось общество отшельниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ свою очередь сдѣлались основателями новыхъ монастырскихъ колоній. Одинъ изъ его учениковъ—Геннадій основалъ скитъ на Важеозерѣ, а другой—Никифоръ, странствовавшій для наставленій къ Кириллу Новоезерскому и на поклоненіе къ кievскимъ святынямъ, преобразовалъ его потомъ въ обитель съ общежительнымъ уставомъ, введеніе котораго всегда сопровождалось умноженіемъ братіи. Третій ученикъ Александра Свирскаго—Макарій положилъ начало Оредежской пустынѣ. Вблизи р. Свири, на р. Оятѣ, поселились еще семь его учениковъ и образовали тамъ называемую Оятскую пустынь. Сяндемская пустынь считаетъ своимъ основателемъ Аванасія, вышедшаго изъ монастыря Александра Свирскаго²⁾. Евфросинъ иноезерскій, подобно Александру Свирскому, воспитавшійся въ Валаамской обители, принялъ постриженіе въ Тихвинскомъ монастырѣ; но, недовольный шумомъ городской обители, онъ удалился

1) Житія: Саввы Вышерск., Ефрема Перекоп. и Мартирія Зеленецкаго.

2) Житіе Александра Свирскаго. Свѣдѣнія о монастыряхъ, 422, 423. Историческіе Акты, I, № 135: Житіе Адріана Ондрусовскаго.

въ глухой лѣсъ, лежащій за 50 верстъ отъ Устюжны. Тамъ, у Сичьяго овера, среди топей и болотъ, онъ выкопалъ себѣ пещеру, въ которой подвизался два года безмолвно; потомъ къ нему собралось нѣсколько учениковъ—и въ 1602 году въ этомъ мѣстѣ возникла обитель. Евфросинъ былъ убитъ въ 1612 г., во время нападенія на обитель польскаго отряда. И отдаленный Соловецкій островъ, не смотря на свою недоступность, былъ занятъ отшельниками, благодаря влеченію отдѣльныхъ лицъ къ уединенію. Савватій Соловецкій, подвизавшійся на Валаамѣ, узнавъ тамъ объ удобствахъ этого острова для отшельнической жизни, и рѣшился удалиться туда. На своемъ пути онъ встрѣтилъ другаго отшельника—Германа, подвизавшагося на рѣкѣ Выгѣ. Двоемъ прибыли они на островъ въ 1429 г. и поставили свои кущи у горы Сѣкирной. По смерти Савватія сюда пришелъ Зосима изъ Палеостровскаго монастыря. Послѣ этого стали собираться сюда другіе подвижники и было устроено общежитіе. Зосима хлопоталъ о своемъ монастырѣ въ Новгородѣ, и уже при Марѣ посадницѣ весь островъ былъ отданъ въ распоряженіе новой обители. Изъ нея вышли другіе основатели отшельнической жизни. Въ XVI вѣкѣ Филиппъ Колычевъ, бывший митрополитомъ при Иоаннѣ Грозномъ, положилъ начало Филипповой пустыни и сниту на Заяцкомъ островѣ; а Елеазаръ Анзерскій, удалившійся на Соловецкій островъ въ началѣ XVII вѣка, основалъ снитъ на Анзерскомъ островѣ, въ 20 верстахъ отъ Соловецкаго. Одновременно съ нимъ изъ Соловецкаго монастыря вышелъ Діодоръ Юрьегорскій. Онъ поселился въ 25 верстахъ отъ Олонца, при озерѣ Юрьевѣ, на горѣ того же имени. Когда сошлись сюда желавшіе раздѣлаться съ нимъ его образъ жизни, онъ создалъ на этомъ мѣстѣ монастырь Троицы. Бывали и другія побужденія для основанія обители. Современникъ Иоанна Грознаго и уроженецъ новгородскій—Трифонъ, съ цѣлью дѣйствовать на язычниковъ—лапландцевъ, основалъ обитель Троицы на рѣкѣ Печенгѣ; отчего называется онъ печенгскимъ или кольскимъ. Но и послѣ основанія обители Трифонъ по временамъ удалялся въ пустыню, которая также была обращена въ монастырь—Богородицы¹⁾.

Псковскіе монастыри выслали нѣсколько колоній. Маркъ и Іона

¹⁾ Житія: Савватія и Зосимы Соловецкихъ (Правосл. собес. 1859, II и III); митроп. Филиппа, Елеазара Анзерскаго (Правосл. собес. 1860, I), Діодора Юрьегорскаго, Трифона Печенгскаго (1859, II).

псково-печерскіе положили основаніе обители на границѣ Лифляндіи, на рѣкѣ Каменкѣ. Евфросинъ Псковскій, подвизавшійся на Снѣжной горѣ около Пскова,—ушелъ въ 1425 г. за 30 верстъ, на рѣку Толву. Здѣсь сначала образовался скитъ, но, съ умноженіемъ братіи, было устроено общежитіе. Ученикъ его Досифей поселился на Великомъ озерѣ. Другой ученикъ—Иларіонъ Гдовскій основалъ обитель на р. Желчи въ Гдовскомъ уѣздѣ. Третій ученикъ Евфросина—Савва Крыпецкій удался на 15 верстъ отъ Толвы—въ Крыпецкую непроходимую пустынь, и устроился на холмѣ при небольшомъ озерѣ. Никандръ Псковскій обошелъ псковскіе монастыри и постригся у Саввы Крыпецкаго; но вскорѣ переселился на рѣку Демьяну, между Псковомъ и Порховомъ. Въ началѣ XVI вѣка тамъ была уже обитель. Изъ Крыпецкаго монастыря выпшелъ еще Нилъ Столобенскій. Въ 1505 году онъ удался на рѣку Серемлю въ Осташковскомъ уѣздѣ, гдѣ прожилъ 13 лѣтъ у группы вѣковыхъ деревьевъ; а отсюда перешелъ на Столобенскій островъ, лежащій на Селитерскомъ озерѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ около 8 десятковъ пространства и въ XVI вѣкѣ весь былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ. Въ XVI же вѣкѣ Онуфрій основалъ обитель на Малахѣ около Изборска ¹⁾.

Но никто не оказалъ такого обширнаго вліянія на развитіе монастырскихъ поселеній на сѣверѣ, какъ Сергій Радонежскій. Его значеніе на сѣверѣ справедливо сравниваютъ съ значеніемъ основателей Печерскаго монастыря въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. Сергій (род. окол. 1320 года) былъ уроженецъ Ростовской области и происходилъ отъ обидѣвшихъ, но извѣстныхъ бояръ. Спасаясь отъ насилій, какимъ подвергалась Ростовская область отъ воеводы московскаго князя Іоанна Даниловича, семейство Сергія переселилось въ Радонежъ. Въ то время, какъ братья его вступили въ супружество, онъ велъ и дома отшельническій образъ жизни, начитавшись образцовъ ея въ тогдашнихъ книгахъ. Рано задумалъ онъ вступить въ монашество, но пока родители удерживали его отъ этой мысли, указывая на свою старость. Впрочемъ вскорѣ и сами они постриглись въ монашество, какъ часто дѣлали тогда благочестивые супруги, пред-

¹⁾ Житія: Евфросина Псковскаго, Саввы Крыпецкаго, Нила Столобенскаго. О Маркѣ и Іонѣ псково-печерскихъ, Досифеѣ, Иларіонѣ Гдовскомъ и Онуфріѣ см. у Филарета, въ Русскихъ святыхъ, мартъ 29, октябрь 8, июнь 12.

видя близкую смерть. Тогда Сергій отдать все, что досталось на его долю, меньшему брату Петру, а старшаго—Стефана, уже овдовѣвшаго, убѣдилъ отправиться вмѣстѣ съ собою—отыскивать пустыннаго мѣста, удобнаго для подвиговъ отшельника. Долго странствовали они по лѣсамъ, наконецъ остановились на одномъ глухомъ мѣстѣ, имѣвшемъ близинъ воду. Оно лежало въ 10 верстахъ отъ Радонежа. Здѣсь была поставлена церковь и келіи, послужившія основаніемъ будущей Сергіевой лаврѣ. Впрочемъ Стефанъ не долго оставался вмѣстѣ съ Сергіемъ. Глухое мѣсто, вдали отъ жиыя и средствъ жизни, не нравилось ему, и онъ перешелъ въ московскій Богоявленскій монастырь. Но Сергій былъ непоколебимъ, и вскорѣ къ нему стали приходять по два и по три, готовыхъ раздѣлять съ нимъ его образъ жизни. Около трехъ лѣтъ у него было всего 12 братій. Онъ завелъ въ своей обители обычаи Печерскаго монастыря. Въ первое время случалось и такъ, что въ новой обители не было воску для свѣтъ и въ церкви вмѣсто нихъ горѣла березовая или сосновая лучина. Однако слава новаго отшельника произвела необходимое впечатлѣніе, особенно когда распространилась молва о чудесахъ Сергія. Тогда многіе и часто стали посѣщать его обитель, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли ей все необходимое и въ большомъ количествѣ. Въ числѣ посѣтителей были крестьяне, вельможи и князья. Многіе иноки оставляли свои монастыри и переселялись въ обитель Сергія. Еще при жизни его, въ окрестностяхъ ея стали селиться земледѣльцы и возлѣ самаго монастыря была проложена большая дорога изъ Москвы на сѣверные города. Тогда Сергій завелъ правильное обществіе ¹⁾. Троицкій монастырь имѣлъ большое вліяніе на развитіе монастырскихъ поселеній, такъ какъ ученики Сергія и постриженники его обители въ свою очередь сдѣлались разсадниками монастырей на малолюдномъ сѣверѣ. Самъ Сергій содѣйствовалъ устроению нѣсколькихъ монастырей. Во время одного изъ своихъ странствованій по пустынямъ, онъ избралъ красивую мѣстность на рѣкѣ Киржачѣ (во Владимірской губерніи), гдѣ, при содѣйствіи многочисленныхъ своихъ почитателей, князей и бояръ, приносившихъ ему все необходимое и много серебра, онъ вскорѣ могъ построить церковь и келіи и собрать множество братіи. Такъ образовался монастырь Благовѣщенскій на Киржачѣ. По желанію ми-

¹⁾ Житіе Сергія, соч. Епифанія, Истор. церк. Макарія, приложение XIX и XX. Никоновская лѣтопись, IV, 203—239.

трополита Алексѣя, Сергій отправилъ для основанія обители на рѣкѣ Яузѣ ученика своего Андроника. Спасо андрониковъ монастырь сдѣлался потомъ «славнымъ и великимъ». Отсюда вышли многіе игумены въ другіе монастыри и на епископскія кафедрѣ 1). Когда Сергій странствовалъ на поклоненіе въ ростовскимъ святынямъ, два пустынника—Оеодоръ и Павелъ просили его указать имъ мѣсто для основанія обители. Сергій выбралъ мѣсто среди непроходимыхъ дебрей, окружавшихъ тогда Ростовъ, на берегу рѣки Устья. Такъ возникъ Борисо-глубскій монастырь въ 15 верстахъ отъ Ростова 2). На возвратномъ пути изъ Нижняго-Новгорода, куда ходилъ Сергій по извѣстному дѣлу тамошняго князя Бориса, онъ въ 1365 г. положилъ основаніе Георгіевской пустыни въ Гороховскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Клязьмѣ 3). По преемствѣ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича, Сергій заложилъ монастырь въ 2 верстахъ отъ Серпухова у р. Нары, называемый по мѣстоположенію на высокихъ горахъ—Высотскимъ. А по желанію Дмитрія Донскаго еще основалъ три монастыря въ предѣлахъ его княжества: въ 30 верстахъ на юго-востокъ отъ Троицкой лавры—Дубенскій на Стромни, при рѣкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Дубну; Дубенскій на островѣ, въ 40 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Троицкой лавры, при другой рѣкѣ Дубенкѣ, и Голутвинскій, возлѣ Колумны, на урочищѣ Голутвинѣ. Во всѣхъ этихъ обителяхъ были поставлены настоятелями ученики Сергія 4).

Нѣкоторые изъ учениковъ Сергія сами были основателями обителей. Родной племянникъ его Оеодоръ, воспитывавшійся въ его обители съ 12 лѣтъ, послѣ долгаго пребыванія подъ непосредственнымъ руководствомъ Сергія, возымѣлъ желаніе основать особую обитель. Сергій отпустилъ его и съ нимъ нѣсколькихъ монаховъ. Эта колонія утвердилась на р. Москвѣ, гдѣ выплѣ Симоновъ монастырь. Авраамій Галичскій основалъ четыре монастыря въ ростромскомъ краѣ. Одинъ на берегу Галичскаго озера; другой въ 30 верстахъ отъ него; третій на р. Вочѣ, и четвертый въ 13 верстахъ отъ нея, на озерѣ Чухломскомъ. Іаковъ Желѣзноборскій устроилъ монастырь въ 40 верстахъ отъ Галича

1) Житіе Сергія, и Истор. російс. іерар. IV, 382. Степен. кн. I, 459.

2) Истор. рос. іерар. III, 424; Муравьевъ, Житіа свят. январь, 355.

3) Макарій, Ист. церкви, IV, кн. I, 87.

4) Житіе Сергія, Никон. IV, 232, 235. Полн. собр. рус. лѣт. VI, 137, VIII, 21, 33, 34.

близъ селенія Желѣзный-Борокъ; Мееодій Пѣсношскій на р. Пѣсношѣ, въ 15 верстахъ отъ Дмитрова; Савва Сторожевскій на горѣ Сторожѣ, близъ Звенигорода; Павелъ Обнорскій, воспитавшійся подъ непосредственнымъ надзоромъ Сергія Радонежскаго, отошелъ съ его разрѣшенія въ пустыню, въ которой проваль 15 лѣтъ. Долго странствовалъ онъ по сѣвернымъ лѣсамъ, потомъ поселился въ комельскомъ лѣсу, лежащемъ въ вологодской сторонѣ, а отсюда перешелъ на р. Нурму. Когда вѣсть разнеслась о его пребываніи въ этомъ мѣстѣ и къ нему стали сходиться желавшіе подражать его образцу жизни, онъ основалъ обитель Троицы, по уставу Пахомія вел. и Θεодосіа киновіарха. Изъ пустыни Павла Обнорскаго вышелъ Лонгинъ Коряжемскій. Въ первой половинѣ XVI вѣка онъ поселился съ другомъ своимъ Симономъ недалеко отъ Вычегды, въ глухомъ мѣстѣ, на устьи р. Коряжмы. Сильвестръ Обнорскій, ученикъ Сергія, устроилъ обитель въ глухомъ лѣсу, на р. Обнорѣ; а его ученики Сергій и Павелъ основали двѣ обители, въ 20 и 30 верстахъ отсюда. Сергій Нуромскій, также ученикъ Сергія Радонежскаго, поселился въ вологодскомъ лѣсу на р. Нурмѣ, гдѣ въ концѣ XIV вѣка, образовалась обитель Преображенія. Въ началѣ XVI вѣка изъ Троицкой лавры вышелъ Арсеній Комельскій. Онъ основалъ двѣ пустыни: одну въ комельскомъ лѣсу, другую въ шелегонскомъ¹⁾.

Подъ руководствомъ одного изъ учениковъ Сергія Радонежскаго воспитывался Пафнутіи Боровскій, создавшій въ свою очередь иноческую школу. Онъ былъ потомокъ татарскаго баскака, правившаго въ Боровскѣ. На 20 году онъ вступилъ въ боровскій Высокій монастырь и находился подъ началомъ старца Никиты. Въ 1431 г. Пафнутіи былъ сдѣланъ игуменомъ этой обители; но, послѣ тяжелой болѣзни, онъ отказался отъ игуменства, и поселился съ другимъ отшельникомъ въ 2 верстахъ отъ Боровска, въ густомъ лѣсу, расположенномъ въ долинѣ между двумя рѣками. При жизни Пафнутіи на этомъ мѣстѣ была уже знаменитая

¹⁾ Житіе Сергія, *Ibid.* Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 77, 78. Никон. лѣт. IV, 227. Житіе Авраамъ Галичскаго (у Филарета и Муравьева). Житіе Іакова Желѣзноборск. Свѣд. о монаст. 159. Полн. собр. рус. лѣт. IV, 140; Никоновск. V, 56. Житія Мееодія Пѣсношскаго, Саввы Сторожевскаго, Стефанна Махрицкаго, Павла Обнорскаго, Лонгина Коряжемскаго, Сильвестра Обнорскаго, Сергія Нуромскаго и Арсенія Комельскаго. Полн. соб. русск. лѣт. VIII, 15. Никон. IV, 17. Истор. російск. іер. V, 520; VI, 850.

обитель въ честь Богородицы. Пафнутіи образовалъ многихъ учениковъ. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ Іосифъ, положившій начало Волоколамскому монастырю. Мѣсто, которое избралъ Іосифъ для новой обители, съ одной стороны примыкаетъ къ небольшому озеру, съ другой—къ болотистой и лѣсной низменности. Ниже мы подробнѣе коснемся этого, замѣчательнаго въ политическомъ отношеніи, монастыря. Другой ученикъ Пафнутія Боровскаго—Давидъ въ 1515 году построилъ Вознесенскій монастырь на р. Лопасѣ, въ 23 верстахъ отъ Серпухова. Третій—Левкій—основалъ пустыню на р. Рузѣ; а Даніилъ Переяславскій, подвизавшійся въ пафнутіевомъ монастырѣ и у Левкія, построилъ монастырь вблизи Переяславля. Въ немъ началъ свои подвиги Герасимъ Болдинскій, перешедшій отсюда въ Троицкую обитель. Когда же распространился слухъ о его подвижнической жизни—въ 1528 г. онъ удалился въ дорогобужскій лѣсъ, а потомъ на Болдинскую гору. Молва и здѣсь открыла строгаго отшельника, а потому онъ долженъ былъ основать монастырь. За тѣмъ Герасимъ основалъ еще двѣ обители: одну въ Вязьмѣ и другую въ Брянскомъ лѣсу на р. Жыздрѣ¹⁾.

Послѣ Сергія Радонежскаго болѣе другихъ оказалъ вліяніе на развитіе пустынножительства на сѣверѣ—Кириллъ Бѣлозерскій, соборникъ Сергія, представляющій болѣе чистый типъ отшельника. Онъ былъ родомъ изъ Москвы и получилъ по тогдашнему лучшее воспитаніе. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, Кириллъ жилъ у родственника своего боярина Тимофея Васильевича Вельяминова, околичнаго при дворѣ Дмитрія Донскаго. Ему поручено было смотрѣть за управленіемъ боярскаго двора; но, рано начитавшись образцовъ соверцательной жизни, Кириллъ уже не чувствовалъ расположенія къ міру. Посѣщеніе боярскаго дома извѣстнымъ тогда отшельникомъ Стефаномъ Махрицкимъ, основателемъ Махрицкой обители, окончательно рѣшило участь юнаго Кирилла. Имъ овладѣло желаніе немедленно оставить свѣтъ, а самъ Стефанъ принялся убѣждать Вельяминова отпустить юношу съ нимъ, на что, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, тотъ согласился. Стефанъ Махрицкій отвелъ Кирилла въ Симоновскую обитель, гдѣ онъ былъ постриженъ и отданъ подъ начало подвижнику Михаилу. Кириллъ до

¹⁾ Житіе Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго (въ Твор. св. отцовъ) и Герасима Болдинскаго. Пол. соб. русск. лѣт. VIII, 183. Свѣдѣнія о монастыряхъ, 284.

того изнурялъ себя постомъ, что едва ходилъ. Онъ бралъ на себя всѣ обязанности въ хлѣбнѣ и поварнѣ, куда былъ назначенъ на послушаніе. Смотря на пылающій огонь, когда варилась пища, Кириль говорилъ себѣ: «смотри Кириль не попасть-бы тебѣ въ вѣчный огонь». Онъ не могъ вкушать хлѣба безъ слезъ, а повременамъ становился юродомъ. Иногда въ Симоновскую обитель приходилъ Сергій Радонежскій — и всегда заходилъ на бесѣду къ Кириллу. Все это заставило обратить вниманіе на послѣдняго, и въ 1390 г. онъ былъ избранъ игуменомъ. Симоновскую обитель стали постоянно посѣщать вельможи и богачи, чтобы посмотреть на извѣстнаго подвижника и послушать его наставленій. Но извѣстность и многолюдство беспокоили Кирилла, и онъ, отказавшись отъ игуменства, съ другомъ своимъ Ѳерапѣнтомъ, ушелъ на Бѣлоозеро. Долго ходили странники по бѣлозерской сторонѣ, тогда глухой и малолюдной, и наконецъ пришли на гору Мяуру. Это самая высокая гора въ окрестности бѣлозерской. Подошву ея омываютъ волны озера Сиверскаго. Лѣса, луга, воды, соединились здѣсь на огромномъ пространствѣ и образовали одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ Россіи. Съ одной стороны Шексна разливается извилинами по лугамъ необозримымъ; съ другой — нѣсколько синихъ озеръ разбросано среди густыхъ лѣсовъ. Сойдя съ горы на площадь, окруженную лѣсомъ, Кириль поставилъ крестъ, а въблизи его выкопалъ землянку. Не долго пользовался Кириль уединеніемъ: за нимъ послѣдовали нѣкоторые изъ иноковъ Симоновской обители и изъявили желаніе поселиться тутъ. За тѣмъ многіе стали приходять въ Кириллу, упрашивая его постричь ихъ въ монахи. Тогда онъ построилъ храмъ Богородицы, и съ 1397 г. открылась здѣсь обитель, самая знаменитая на всемъ сѣверѣ. Кириль далъ ей общежительный уставъ. Онъ запретилъ принимать въ даръ недвижимую собственность, какъ села, которыя тогда раздавались монастырямъ въ значительномъ количествѣ. Никто не могъ выйти за предѣлы монастыря, и только разъ въ годъ ученикъ Кирилла — Антоній отправлялся закупать необходимое для обители. Строгость устава долѣе другихъ сохранялась въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, и потому въ послѣдствіи онъ очень понравился Іосифу Волоколамскому; въ то время, когда кругомъ онъ видѣлъ упадокъ отеческихъ преданій¹⁾. Другъ Ки-

¹⁾ Житіе Кирилла Бѣлозерскаго, у Фларета; отрывки въ Ист. церк. Макарія, IV, кн. I, прилож. XXI. Карамзинъ, V, пр. 232. Исторія іерар. IV, 285. Полн. собр. русск. лѣт. V, 263, VIII, 94.

рилла Бѣлозерскаго—Ферапонтъ отдѣлился отъ него, и поселился въ 15 верстахъ отъ его обители въ прекрасномъ мѣстѣ, между двухъ озеръ. Въ 1398 г. здѣсь открылась общежительная обитель Князь Андрей Дмитріевичъ Можайскій покровительствовалъ новому монастырю, появившемуся въ его вотчинѣ и даже пригласилъ Ферапонта основать еще обитель вблизи Можайска ¹⁾.

Изъ обители Кирилла Бѣлозерскаго вышло нѣсколько основателей монастырей и пустынь. По смерти Кирилла, Мартиніанъ Бѣлозерскій удалился на безлюдный островъ озера Вожа, гдѣ основалъ обитель Преображенія. За свою строгую жизнь онъ былъ вызываемъ два раза въ игумены: Ферапонтова монастыря и Сергіевой лавры. Въ отшельнической жизни онъ былъ охранителемъ уставовъ Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Александръ Ошевенскій въ половинѣ XV в. основалъ пустынь на р. Чурюгѣ, близъ Каргополя. Третій постриженникъ Кирилловой обители—Игнатій Ломскій удалился за 60 верстъ отъ Вологды, и около города Ломска основалъ Спасскую пустынь (XVI в.). Когда здѣсь образовалась обитель, онъ поручилъ ее игумену, а самъ перешелъ на р. Сарру въ Вадужской волости—и здѣсь устроилъ монастырь Богородицы ²⁾. Между постриженниками Бѣлозерской обители болѣе другихъ пользовались вліяніемъ по своей духовной жизни—Нилъ Сорскій и Корнилій Комельскій. Нилъ Сорскій основалъ скитъ въ 15 верстахъ отъ Кириллова монастыря на р. Сорѣ, а его ученикъ Иннокентій Охлѣбнинъ, по его указанію, отошелъ на р. Еду, лежащую въ 10 верстахъ отъ р. Нурмы и 70 верстахъ отъ Вологды, гдѣ основалъ общежительный монастырь, но въ духѣ своего наставника. Скитское ученіе Нила Сорскаго имѣло большое вліяніе на образованіе пустынь въ вологодскомъ краѣ. Корнилій Комельскій, удалившись изъ Кириллова монастыря, поселился сначала въ пустынь около Новгорода, потомъ въ Савватіевой пустынь Тверской области; но когда и тамъ стали мѣшать ему—онъ удалился въ 1449 г. въ комельскій мѣсъ, лежащій въ 45 верстахъ отъ Вологды. Въ 1515 г. здѣсь уже была обитель Введенія. Ища безмолвія, Корнилій еще разъ удалился отъ общества—за

¹⁾ Житіе Ферапонта Можайскаго

²⁾ О Мартиніанѣ Бѣлозер., Александрѣ Ошевенск. и Игнатіѣ Ломскомъ, см. у Филарета.

70 верстѣхъ на Сурское озеро, гдѣ вскорѣ также основалась обитель. Подъ надзоромъ Корнилія Комельскаго образовалось нѣсколько учениковъ, любителей пустынной жизни, которые въ свою очередь сдѣлались основателями обителей въ безъименованномъ краѣ. Кирилль Новозерскій 7 лѣтъ жилъ въ пустынѣ, и 7 лѣтъ страждовалъ по пустынямъ сѣвера; наконецъ поселился подъ елью на Красномъ островѣ, лежащемъ на Новомъ озерѣ, куда сошлись къ нему искатели пустынной жизни и устроили въ началѣ XVI в. общежитіе. Зосима Ворбозомскій поселился на островѣ Ворбозомскаго озера, въ 20 верстахъ отъ Бѣлозерска. Иродонъ Илозерскій изъ Комельской обители удалился на 15 верстѣхъ отъ Бѣлозерска, и на островѣ Озадскомъ, лежащемъ на Илозерскомъ озерѣ, въ половинѣ XVI в. основалъ обитель Богородицы Филиппъ Иранскій, послѣ странствованій по вологодскимъ лѣсамъ, остановился на р. Андогѣ. Здѣсь образовалась обитель Красноборская. Симонъ Сойгинскій, также ученикъ Корнилія Комельскаго, въ половинѣ XVI в. основалъ обитель на р. Коряжмѣ, близъ Сольвычегодска; а отсюда удалился за 60 верстѣхъ и, при устьи р. Сойги, впадающей въ Вычегду, поселился въ дикой пустынѣ, которая также была превращена въ общежительную обитель. Адрианъ Пошехонскій вышелъ изъ Комельской обители въ сопровожденіи нѣсколькихъ братій. Они остановились въ пошехонскомъ лѣсу на берегу р. Вотки. Въ своей обители Адрианъ Пошехонскій ввелъ уставъ Корнилія Комельскаго, который заповѣдалъ своимъ ученикамъ во всемъ довольствоваться самымъ малымъ и не принимать въ обитель женщинъ. Образецъ этихъ стремленій въ пустыню живо представляется намъ въ Геннадіи Любимскомъ. Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей города Могилева и съ раннихъ лѣтъ получилъ влеченіе къ уединенію. Но его монашескія наклонности только возбуждали родителей, а потому онъ рѣшился тайно оставить свой домъ. Онъ зналъ о сѣверныхъ пустыняхъ и тамошнихъ отшельникахъ, и потому прямо направился туда. Въ рублищѣ нищаго припелъ онъ въ Москву, но городскія обители не приняли юношѣ, еще живо помнившему строгій образецъ пустынной жизни. За тѣмъ онъ обошелъ новгородскія святыни и явился къ Александру Свирскому, вѣроятно предполагая остаться у него въ пустынѣ. Но Александръ направилъ его къ Корнилію Комельскому. Здѣсь Геннадій принялъ монашество. Ища уединенія, онъ удалился вмѣстѣ съ Корниліемъ въ костромскіе лѣса на Сурское озеро. Когда Корнилій возвратился въ Комельскую обитель, а къ Геннадію со-

бралась нѣскольکو пустынниковъ—онъ основалъ обитель и ввелъ обще-
жизніе. Потому она значительно распространилась¹⁾.

Вологодскій край былъ усѣянъ пустынями и монастырями. Въ XIV в. Димитрій Прилуцкій, основатель Николаевскаго монастыря на берегу Переяславскаго озера, въ слѣдствіе многолюдства обители, переселился съ ученикомъ своимъ Пахоимомъ въ вологодскіе лѣса, на луку р. Вологда, гдѣ въ скоромъ времени образовался обширный Прилуцкій монастырь. Стефанъ Махрицкій, киево-печерскій монахъ, прибылъ въ Москву при Іоаннѣ II и поселился сначала въ 35 верстахъ отъ пустыни Сергія (на р. Махрицѣ), но потомъ съ ученикомъ своимъ Григоріемъ переселился въ вологодскіе лѣса и на р. Авнежѣ (Тотемскаго уѣзда) основалъ свою обитель. Θεодоръ, бывшій епископомъ ростовскимъ, пришелъ изъ новгородской стороны и жилъ нѣкоторое время въ Черномъ лѣсу на р. Устьѣ, между Каргополомъ и Москвою. Сергіи Радонежскій, проходя эти мѣста, по его просьбѣ, выбралъ наиболее удобное изъ нихъ для отшельнической жизни, гдѣ возникъ скорѣе Борисоглебскій монастырь. Тогда Θεодоръ, поручивъ управленіе имъ своему собеседнику Павлу, отошелъ на р. Ковжу, впадающую въ Бѣлоозеро и поселился у ея устья. Но и здѣсь еще при немъ образовалась Николаевская обитель. На Каменномъ островѣ Кубенскаго озера подвизался 23 пустынникъ. Въ XV в. въ этомъ крайѣ возникло еще болѣе обителей. Авраамій и Корній основали пустынь на р. Печенгѣ, въ 20 верстахъ отъ Вологды. Евѣимій Сянжемскій, подвизавшійся въ Спасо-каменномъ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ, перешелъ на р. Кубенку, а потомъ, отдавъ свое мѣсто другому пустыннику, поселился на р. Сянжемѣ, въ 80 верстахъ отъ Вологды. Діонисій Глушицкій, тоже постриженикъ Спасокаменной обители, съ ученикомъ своимъ Пахоимомъ обошелъ восточную сторону Кубенскаго озера и основалъ монастырь на Святой луцѣ. Оставивъ въ немъ для управленія Пахоима, Діонисій построилъ себѣ келію за 15 верстъ отъ луки въ глухомъ лѣсу, подъ черемухою. Въ 1412 г. тамъ было два храма. За тѣмъ онъ основалъ еще обитель у огромной сосны и вблизи отъ нея женскій монастырь, чтобы удовлетворить настояніямъ, желавшихъ пустынной жизни, женщинъ. Одинъ изъ учениковъ Діонисія—Григорій Пельшемскій основалъ

1) По житіямъ означенныхъ лицъ.

обитель на р. Пельшииъ, а другой—Филиппъ Рабангскій—на рр. Сухонѣ и Рабангѣ, въ 32 верстахъ отъ Вологды. Въ такомъ же разстояніи отъ города, въ первой половинѣ XVI в. основалъ обитель на р. Комель, у Комельскаго озера, Стефанъ Озерскій, вышедшій изъ Глушицкаго монастыря. Въ XV в. въ этой окрестности было основано еще двѣ замѣчательныя пустыни: у устья р. Кушты—Александромъ Куштскимъ, удалившимся изъ шумнаго Спасокаменнаго монастыря, и Перцовая, въ 35 верстахъ отъ Вологды, гдѣ подвизались Онуфрій и Авсентій¹⁾. Въ XVI вѣкѣ, вологодскій подвижникъ Антоній основалъ пустынь у Чернаго озера, въ Череповецкомъ уѣздѣ; а Иосифъ Веркольскій въ 16 верстахъ отъ Вологды. Θεодосій Тотемскій, постриженникъ Прилуцкаго монастыря, избралъ для своихъ подвиговъ высокій мысъ вблизи Тотмы, образуемый двумя рѣчками, впадающими въ Сухону и осѣненный дѣсомъ и горою. Еще при его жизни, по желанію жителей, здѣсь былъ построенъ монастырь, а вблизи отъ него, въ Ефремовой пустынѣ, Θεодосій учредилъ братство. Агапиль Маркушевскій, подвизавшійся въ Сольвычегодскомъ монастырѣ, основалъ обитель на рр. Маркушѣ и Тарнахѣ, въ 100 верстахъ отъ Тотмы; Вассіанъ Тивсенскій, постриженникъ Тотемской обители, завелъ общежитіе на р. Тивсиѣ, въ 50 верстахъ отъ Тотмы; Севастіанъ Пошехонскій на р. Соготѣ. Антоній Сійскій, постригшійся въ пустынѣ Пахомія, на рѣкѣ Кенѣ, въ 1508 году отошелъ съ нѣсколькими пустынниками на р. Шебснѣ и на островѣ, образуемомъ р. Сіею, построилъ монастырь Троицы, а потомъ самъ удалился на озеро Падунь. Далѣе, къ сѣверу и востоку мы встрѣчаемъ нѣсколько монастырскихъ поселеній. Въ началѣ XVII в. Серапіонъ и Нифонтъ основали обитель на островѣ озера Коже, въ Каргопольскомъ уѣздѣ; Никодимъ Кожеозерскій, чудовскій монахъ, а потомъ подвижникъ Кожеозерскаго монастыря, основалъ монастырь въ 5 верстахъ отъ него на р. Хузьюгѣ, въ которомъ прожилъ 35 лѣтъ безвыходно. Симонъ Володскій, вышедшій изъ Пинежской обители, избралъ мѣсто для своихъ подвиговъ на р. Кичменгѣ, въ лѣсу воломскомъ, лежащемъ въ 80 верстахъ отъ Устюга (1613 г.), а черезъ семь лѣтъ тамъ былъ построенъ монастырь. Филиппъ Янковскій поселился на г. Янковой, въ 2 верстахъ

¹⁾ См. житія означенныхъ лицъ и Свѣдѣнія о монастыряхъ. Сказаніе Паисія Ярославова о Спасокаменномъ монастырѣ, Правосл. собес. 1861, I, 200.

отъ Устюга. (Обитель основана 1654 г.). Леонидъ Усть-вѣдумскій, подвизавшійся въ Кожеозерскомъ монастырѣ и въ Мирожской обители на Двинѣ,—удалился на р. Лузу и основалъ свое пребываніе вблизи отъ нея, на р. Якутицѣ у горы Туриной, въ 80 верстахъ отъ Устюга (нач. XVII в.). Уже въ XV в. встрѣчаются монастырскія поселенія въ восточномъ краѣ. Варнава, родомъ изъ Устюга, положилъ начало пустыни вблизи р. Ветлуги, на р. Красной; а уроженецъ архангельскаго края—Трифонъ Вятскій поселился близъ Перми на р. Мулянкѣ, откуда перенелъ на Чусовую, гдѣ и былъ основанъ монастырь. Кромѣ того онъ еще устроилъ обитель въ Хлыновѣ ¹⁾.

Въ костромской сторонѣ было нѣсколько пунктовъ, заселенныхъ путемъ монастырской колонизаціи. Макарій Желтоводскій изъ Печерскаго монастыря—ушелъ на рѣку Лухъ и основалъ Богоявленскій монастырь. Поручивъ его попеченію другихъ, самъ Макарій переселился на озеро Желтое, лежащее около Волги, гдѣ въ 1435 г. возникъ новый монастырь—Троицы. Но и здѣсь Макарій не долго оставался. Потерпѣвъ разореніе отъ магометанъ, онъ удалился въ окрестности Галича и поселился въ 15 верстахъ отъ города Унжи, возлѣ озера, на красивомъ мѣстѣ, осѣненномъ лѣсомъ. На этомъ мѣстѣ, въ 1444 г. устроилась обитель. Адрианъ Монзенскій, родомъ изъ Костромы, подвизался въ Торгинскомъ монастырѣ, потомъ на Каменномъ островѣ и въ Обнорской пустыни, наконецъ поселился при впаденіи р. Монзы въ Кострому, въ 20 верстахъ отъ города. А недалеко отъ него выбрать мѣсто для своихъ подвиговъ Ферапонтъ Монзенскій, вышедшій изъ костромскаго Воздвиженскаго монастыря. Оба они относятся въ XVI вѣку ²⁾.

Въ средней полосѣ заселеніе шло такимъ же образомъ. Діонисій, бывшій потомъ епископомъ суздальскимъ, прибылъ изъ Кіева и поселился въ пещерѣ на Волгѣ, въ 5 верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Въ 1336 году тамъ была основана обитель Вознесенія. Въ слѣдъ за тѣмъ 12 учениковъ Діонисія положили основаніе особымъ обителямъ въ Суздальской и Нижегородской земляхъ. Евѣмій Суздальскій воспитывался также подъ надзоромъ Діонисія и подвизался у него на Волгѣ. Онъ положилъ начало общегитію въ пустынномъ лѣсу, возлѣ Гороховца. Въ XV в. сюда прибыли: изъ Печерскаго монастыря Козма Яхрен-

¹⁾ Idem.

²⁾ Idem.

свѣтъ, основавши Успенскую обитель на р. Яхроуѣ, въ 40 верстахъ отъ Владимира, и Тихонъ Луковский, удалившійся изъ Литвы на ф. Лухъ, гдѣ вскоре возникла обитель. Нахоиій Нерехтскій изъ Владимира переселился въ глухой лѣсъ, на возвышенный полуостровъ, образуемый р. Гридевою, впадающею въ Салоницу и Волгу ¹⁾. Тихонъ Медынский, постриженникъ одной изъ московскихъ обителей, поселился вблизи Малаго Ярославца.

Наконецъ остается намъ указать на монастырскія поселенія, существовавшія въ означенную эпоху въ Тверской области. Арсеній, тверской уроженецъ, съ дѣтства воспитывался въ Петерской обители и на сѣверъ возвратился (1390) вмѣстѣ съ митрополитомъ Кириіаномъ, жившимъ тогда въ Кіевѣ, который и поставилъ его тверскимъ епископомъ. Но Арсеній стремится въ пустыню и потому оставилъ епископство. Онъ поселился въ 4 верстахъ отъ Твери на р. Тмакѣ, гдѣ при немъ еще возникла обитель. Арсеній построилъ въ ней два храма: одинъ Антонію и Θεодосію, другой Успеніи Богородицы — оба въ память своего пребыванія въ Кіевѣ. Въ 20 верстахъ отъ Твери, Савва Тверской положилъ основаніе Саввинскому монастырю, въ которомъ подвизался онъ съ ученикомъ своимъ Варсоноіемъ. Послѣдній отдался отъ своего наставника и прожилъ 40 лѣтъ въ пустынѣ, куда наконецъ собралась къ нему братія и въ 1397 г. здѣсь возникъ монастырь. Савватій Тверской съ ученикомъ Евфросіемъ поселился въ пустынѣ за 15 верстъ отъ Твери и жилъ тамъ въ пещерѣ. Къ нему приходили изучаться Мориниій Комельскій и Іосифъ Волоколамскій. Евфросинъ прожилъ 60 лѣтъ въ пустынѣ, но частое посѣщеніе этого мѣста людьми заставило его бѣжать на Ладожское озеро; однако и здѣсь онъ не могъ скрыться отъ нихъ. Тогда онъ возвратился обратно и содѣйствовалъ устроению обители въ Савватіевой пустынѣ. Изъ кашинскаго Клобуковскаго монастыря вышла отшельническая колонія подъ руководствомъ Макарія Колязинскаго. Избѣгая городского шума, они поселились въ 18 верстахъ отъ Кашина, въ красивой мѣстности, лежащей между двухъ озеръ. Подаренная земля боярина Коляги дала названіе и основателю тамошней обители (Троицы), и самой обители. (Вблизи отъ Кашина подвизался Кассіанъ Угличскій. Изъ Озеропонтова мона-

¹⁾ Idem.

спря онъ удался въ Угличскій удѣлъ, и въ 15 верстахъ отъ города, на берегахъ Волги и р. Учмы, положили основаніе Богородицкой обители. Последнія три поселенія относятся къ XV вѣку ¹⁾.

Мы представили въ общихъ чертахъ распространеніе монастырскихъ поселеній на сѣверо-востокѣ Россіи. Вообще, монастырская жизнь развивалась прогрессивно. Между тѣмъ какъ съ XI—XIV в. возникло только до 90 монастырей и пустынь, въ XIV и половинѣ XV в. ихъ открылось до 150, при чемъ на XIV вѣкѣ приходится 80, а на одну половину XV в. — 70. Въ XVI в. у насъ вновь возникло до 100 монастырей и пустынь, а въ XVII—220 ²⁾. По-прежнему въ половинѣ XVIII вѣка—всѣмъ монастырей было 966; изъ числа которыхъ 726 мужескихъ и 240—женскихъ ³⁾. XIV и XV вѣка считаются цвѣтущею порою монашества въ Россіи, въ смыслѣ преимущественно религіозныхъ побужденій его распространенія ⁴⁾. Въ XVI и XVII вв. начинаютъ преобладать другіе интересы. Это была эпоха образованія Московскаго государства, настоятельно требовавшаго исправнаго выполненія государственныхъ обязанностей, отчего многіе стали уклоняться въ монастыри. Въ XVII в. реакція раскола выразилась между прочимъ въ распространеніи пустынножительства. Но у основателей пустынь все-таки преобладаетъ стремленіе къ осуществленію религіознаго идеала.

Таинственный свѣтъ, внезапное появленіе зари, какъ будто манищей вдаль, чудное видѣніе, загадочный сонъ, невзвѣстный голодъ—вотъ тѣ побудительныя мотивы, которые вдругъ вызываютъ человека на рѣшительный шагъ отправиться въ пустыню ⁵⁾. Но эта рѣшимость имѣетъ свой процессъ развитія, который совершается то подъ вліяніемъ страдствующихъ отшельниковъ, возбуждающихъ сочувствительно настроеніе въ легко восприимчивыхъ натурахъ ⁶⁾; то подъ вліяніемъ

¹⁾ Тамъ.

²⁾ Указатель въ Исторіи іерархіи, Исторія церкви Макарія, IV, кн. I, 209, 210. Древнія пустыни. Прав. соб. 1860, III, 204.

³⁾ Истор. Рос. іерар. II, стр. LXXX.

⁴⁾ Шаповъ, Русскій расколъ, 207. Древнія пустыни, Правосл. соб. 1860, III, 202.

⁵⁾ Житія: Мартирія Зеленецкаго, Зосимы Соловецкаго, Адріана Монашенкаго, Агалига Маркушевскаго, Авраамія Чудломскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Арсенія Комельскаго, Нила Столобенскаго, Нозмы Яхренскаго.

⁶⁾ Житія: Стефана Махрицкаго, Александра Свирскаго, Варлаама Хуцидзекаго.

внигъ соверпательнаго характера, на которыхъ воспитывались съ дѣтства¹⁾. Иногда эта рѣшимость является вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на будущаго отшельника какою нибудь изреченіемъ, слышаннымъ имъ въ церкви, въ которомъ выражается мысль о суетѣ міра, о необходимости отреченія отъ него для благъ будущаго міра²⁾. Вліяніе аскетическихъ идей путемъ книжнымъ или образовательнымъ замѣтно на томъ фактѣ, что большая часть представителей отшельничества оставила міръ въ юныхъ лѣтахъ, т. е. въ періодъ обученія, и принадлежала еѣ состоятельному классу, имѣвшему средства для домашняго обученія. Въ весьма многихъ біографіяхъ прямо говорится, что желаніе отправиться въ пустыню или въ монастырь явилось въ юности вскорѣ послѣ изученія грамоты и чтенія книгъ. Есть примѣры, что принимали монашество и уходили въ пустыню въ 11—15 лѣтъ³⁾. Среда, изъ которой выходили подвижники, преимущественно дворянская или вообще зажиточная⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ су-

¹⁾ Житія: Моисея, еписк. новгород., Дмитрія Прилудскаго, Серапіона, архіеписк. новгород., Макарія Колязинск., Пахомія Нерехтскаго, Дмитрія Перяссл., Макарія Желтоводскаго, Аванасія Высоцк., Ефрема Перекон., Авраамія Ростовскаго, Козмы Яхренскаго.

²⁾ Житія: Никиты Переяславскаго, Евѣмія Суздальскаго, Трифона Печенгскаго.

³⁾ Житія: митр. Алексѣя, Евѣмія, архіеп. новгород., митр. Іоны, Θεодосія Тотемскаго, Герасима Болдинскаго, Паисія Угличскаго, Корнилія Переяславскаго, Макарія Желтоводскаго, князя Іоасафа, Филиппа Ирапскаго, Θεодора Ростовск., Корнилія Комельскаго, Григорія Пельшемскаго. Никандръ Псковскій—17 лѣтъ.

⁴⁾ Князесваго рода: Михайль Клопскій (родственникъ суздальскихъ князей); Симеонъ еп. тверской (полоцкихъ); Евфросинъ Тверской; Іоасафъ князь; бояре и дворяне: Савва Вышерскій (изъ фамиліи Бороздяныхъ); Кирилль Новозерскій (Бѣлыхъ); Ниль Сорскій (Майковхъ); Иннокентій его ученикъ (Охлѣбинныхъ); Арсеній Комельскій (Сухорусовыхъ); Корнилій Комельскій (Крюковыхъ); Григорій Пельшемскій (Лопотовыхъ); Θεрапонъ Можайскій (Поскочинныхъ); Варлаамъ Шенкурскій (с. посадника Своземцева); Антоній Леохновскій (с. боярскихъ дѣтей Веніаминовыхъ); Макарій Колязинскій (бояръ Кожинныхъ); митр. Филиппъ (Кольчевыхъ); Павелъ Обнорскій, митр. Алексѣй (бояръ черниговскихъ); Мартирій Зеленецкій, Іаковъ Желѣзноборскій, Никита Переяславскій, Паисій Глушицкій, Іона Климецкій, Кирилль Бѣлозерскій, Кассіанъ Авнежскій, Адріанъ Ондрусовскій (Завалишинныхъ), Симеонъ Верхотурскій, Сергій Радонежскій, Антоній Леохновскій, Гурій еп. казанскій, Стефанъ Озерскій, Паисій Угличскій, Геннадій Любимскій, Θεодосій Тотемскій, Даниль Переяславскій. Изъ богатыхъ фамилій проис-

ществовала наклонность къ монастырской жизни ¹⁾; другіе принимали его подъ вліяніемъ родственниковъ, у которыхъ они воспитывались въ монастырѣ ²⁾. Одни увлекались живымъ примѣромъ какого-нибудь отшельника ³⁾; другіе—разсказами объ извѣстномъ подвижникѣ ⁴⁾; третьи—идеальнымъ образомъ, созданнымъ аскетическою литературою Востока ⁵⁾. Житія писались для подражанія ⁶⁾. Однако, при всей религиозности семьи, изъ которой выходилъ юный подвижникъ, она часто становилась во враждебное отношеніе къ его стремленіямъ. Родителямъ и родственникамъ хочется удержать его въ своей средѣ; средствомъ для этого избирается бракъ. Но эта реакція родственнаго чувства только ускоряетъ развязку: нерѣдко юноша бросаетъ свою невѣсту и тайно удаляется въ неизвѣстный монастырь ⁷⁾. Такія лица дѣлаются потомъ основателями пустынь.

Примѣръ отшельниковъ долженъ былъ магически дѣйствовать на общество, жившее главнымъ образомъ въ кругѣ религиозныхъ идей. Ихъ біографіи наполнены аскетическимъ матеріаломъ и служатъ вѣрною характеристикою, какъ собственныхъ воззрѣній подвижниковъ, такъ и взглядовъ біографовъ. На сколько первыя представляютъ практическую сторону, на столько послѣдніе—идеальную, выражая иногда только желанія авторовъ біографій. Подвижники спятъ на землѣ, подкладывая подъ голову камень; другіе спятъ стоя, чтобы болѣе изнурить тѣло;

ходили: Геннадій Важеозерскій, Дмитрій Прилуцкій, Арсеній еписк. тверской, Авраамій Смоленскій, Варлаамъ Хутынский.

¹⁾ Напр. въ семьѣ Саниныхъ, изъ которой происходилъ Иосифъ Волоколамскій (изслѣдованіе Хруцова, стр. 24, примѣч. 41); въ семьѣ Полевыхъ (Родослов. книга во Времен. общ. исторіи, X, 263. Опись книгъ Волокол. монаст., стр. 8, 12. Азты историч. III, 151. Житіе Германа, архіеп. казанскаго); Діодора Юрьегорскаго и др.

²⁾ Θεодоръ Ростовскій, Паисій Угличскій, Даніиль Переяславскій.

³⁾ Герасимъ Болдинскій примѣромъ Даніила Переяславскаго, Адріанъ Ондрусовскій примѣромъ Александра Свирскаго (см. ихъ житія); Никандръ Псковскій.

⁴⁾ Кирилль Новоезерскій слышалъ отъ родителей о Корнилѣ Комельскомъ и пожелалъ удалиться въ пустыню.

⁵⁾ Житія: Θεодора юродиваго, Даніила Переяславскаго, Никодима Кожезерскаго, Трифона Вятскаго.

⁶⁾ Епифаній въ житіи Сергія Радонежскаго.

⁷⁾ Житія: Зосимы Соловец., Александра Ошевенскаго, Адріана Монзенскаго.

или, для большей бодрости, держать въ рукѣ камень, чтобы онъ, своимъ паденіемъ, не давалъ имъ заснуть. Александръ Свирскій всегда спалъ на голой доскѣ, или сидя. Иринархъ Ростовскій спалъ не болѣе двухъ часовъ. Корнилій Комельскій принималъ пищу только три раза въ недѣлю; а во время болѣзни питался водою и сокомъ. Михаилъ Клопскій ѣлъ однажды въ недѣлю. Строгий постъ и подвиги такъ изнурили Корнилія, что онъ совершенно высохъ; у другихъ, какъ говорится, оставались только кости да кожа ¹⁾ Даже въ голодную пору, при недостаткѣ пищи, они совѣтовали сохранять постъ ²⁾. При жизни основателя новой обители—трудъ составляетъ необходимую обязанность братіи. Копаніе земли, вареніе пищи, рубка дровъ, расчистка поля—все это совершается подъ надзоромъ самого основателя, который самъ подаетъ примѣръ въ ручной работѣ, дѣлаетъ вдвое и беретъ на себя работу другихъ. Кирилловскія хлѣбни считались образцомъ тяжелаго труда ³⁾. Но аскетическое настроеніе выражается не въ простомъ воздержаніи только; оно выражается въ нарочво придуманныхъ средствахъ для смиренія плоти. Ношеніе желѣзныхъ веригъ и власницъ было обыкновеннымъ явленіемъ ⁴⁾. Иринархъ Ростовскій сдѣлалъ себѣ 100 мѣдныхъ крестовъ и повѣсилъ ихъ на вериги, а потомъ присоединилъ еще 30. Такъ подвизался онъ 6 лѣтъ! Ему прислали изъ Углича цѣпь въ 3 сажени; онъ прицѣпилъ ее къ своей и такъ провелъ другія 6 лѣтъ; наконецъ, присоединивъ еще третью цѣпь, онъ просидѣлъ на девяти-саженной цѣпи 13 лѣтъ. Никита, епископъ новгородскій, носилъ вериги вѣсомъ въ 14 фунтовъ ⁵⁾; Иона Псково печерскій — кольчатый паяцыр. Князь инокъ Галактіонъ Валогодскій (изъ фамиліи Бѣльскихъ), чтобы лишиться себя удовольствія видѣться съ близкими людьми, приковалъ себя къ стѣнѣ цѣпью. Пищу онъ принималъ только въ окошко. А когда склонялъ его сонъ—онъ становился на колѣни и, держась за

¹⁾ Житія: Кипріана Устюжскаго, Александра Свирскаго, Корнилія Комельскаго, Михаила Клопскаго, Евфросиніи Суздальской, Иринарха Ростовскаго. Истор. іерар. III, 312, 692. Карамзинъ, III, пр. 186.

²⁾ Житіе Макарія Желтоводскаго.

³⁾ Житіе Корнилія Комельскаго.

⁴⁾ Житія: Θεодосія Тотемскаго, Лонгина Коряжемскаго, Корнилія Комельскаго, Арсенія Новгородскаго, Корнилія Палеостровскаго, Трифона Вятскаго.

⁵⁾ Житіе Иринарха Ростовскаго. Опис. новгород. святыни, 1850, стр. 30.

цѣпь, засыпать сномъ легкимъ и перерывистымъ. Трифонъ Вятскій носилъ вмѣстѣ и тяжелыя вериги, и жесткую власяницу ¹⁾. Вериги Варлаама Хутынского вѣсили 8 фунтовъ, а власяница — 18 ²⁾. Вассіанъ Тиксенскій весь былъ въ желѣзной одеждѣ: на тѣлѣ носилъ онъ желѣзныя вериги; на плечахъ—цѣпь; на чреслахъ—желѣзный обручъ, а на головѣ подъ куколемъ—желѣзную шапку. Никита Переяславскій—носилъ каменную шапку. Шляпа Антонія Дымскаго (сохранившаяся до сихъ поръ) была желѣзная: въ ней 15 фунтовъ вѣсу; широкія поля ея прибиты къ тулѣ толстыми гвоздями; шляпки гвоздей и рубцы окранныхъ должны были врѣзываться въ головные покровы, останавливаясь только на твердыхъ черепныхъ костяхъ, а тяжесть шляпы усиливала боль язвъ ³⁾. Одежда Димитрія Прилуцкаго всегда была одинакова: овчинный закорузый тулупъ, подъ которымъ лѣтомъ онъ бывалъ мокрымъ отъ жары, а зимою страдалъ отъ морозовъ ⁴⁾. Одни выходили въ лѣсъ или на болото—и тамъ, обнаженные до половины, отдавали свое тѣло въ жертву насѣкомыхъ; другіе, раздѣвшись до нага, ложились въ тростниковое болото, гдѣ пауки и насѣкомыя до таковой степени терзали ихъ тѣло, что кровь лилась по землѣ ⁵⁾. Туча комаровъ не могла отвлечь пустыяника отъ молитвы ⁶⁾. Случилось одному изъ новгородцевъ проходить мимо того мѣста, гдѣ подвизался Савва Вышерскій. День былъ знойный, а пустыяникъ стоялъ на молитвѣ недвижимый; лицо его открыто было комарами и истерзано до крови, а онъ какъ-бы ничего не чувствовалъ, погруженный въ молитву ⁷⁾.

Для большаго отрѣшенія отъ міра—одни затворяются въ тѣсной келліи, куда только черезъ узкое оконце проникаетъ свѣтъ, чрезъ которое имъ подають пищу; другіе—восходятъ на столпы и тамъ претерпѣвають всякія переменныя погоды; третьи налагають на себя обѣтъ молчанія—и нѣтъ силъ вынудить у нихъ слово. Когда къ Саввѣ Вы-

1) Житіа: Галактіона Вологодскаго и Трифона Вятскаго. Объ Іонѣ у Филарета.

2) Исторія іерархіи, VI, 617; Свѣдѣнія о монастыр. 372.

3) Житіа: Вассіана Тиксенскаго и Никиты Переяславскаго; Владимірскій сборникъ; 25; житіе Антонія Дымскаго.

4) Житіе Дим. Прилуцкаго.

5) Житіа: Александра Свирск., Никандра Псковскаго, Трифона Вятскаго, Антонія Сійскаго.

6) Житіе Александра Куштскаго.

7) Житіе Саввы Вышерскаго.

переходу пришел родной брат—онъ сошелъ со столпа, благословилъ его и молча возвратился на прежнее мѣсто ¹⁾. Удаляясь отъ міра, отшельники еще болѣе убѣгали женщинъ, которыя представлялись имъ не иначе какъ соблазномъ, а слѣдовательно были помѣхою для ихъ подвиговъ. Поэтому, сдѣлавшись основателемъ монастыря, строгій отшельникъ запрещаетъ женщинамъ и входъ въ него. Однако въ біографіяхъ подвижниковъ сохранились рассказы о столкновенияхъ съ ними. Женщина, посмотрѣвшая на полуобнаженнаго Оерапонта Монзенскаго, когда онъ предавалъ себя истязанію комаровъ,—ослѣпла. Дмитрій Прилуцкій былъ весьма красивъ собою, и потому, во избѣжаніе искушеній для посѣщавшихъ обитель,—онъ всегда закрывалъ свое лицо куколемъ. Одной изъ благородныхъ переяславскихъ женщинъ захотѣлось непремѣнно видѣть его, и это ей удалось въ то время, когда Дмитрій готовился къ служенію; но она такъ была поражена имъ, что получила расслабленіе ²⁾. Какъ одни убѣгали отъ людей, желая достигнуть совершенства; такъ другіе, напротивъ, входили въ ихъ среду, но, своимъ пренебреженіемъ общественныхъ условій, старались вызвать побольше несприятностей, чтобы достигнуть той же цѣли путемъ крайняго смиренія. Это были юродивые. Они являлись на улицахъ полу-прикрытые или нагишемъ, съ растрепанными волосами и босыми ногами, не обращая вниманія даже на трескучіе морозы; они дѣлали всякія причуды, за которыя имъ доставались только пинки; носили на тѣлѣ желѣзные кресты въ видѣ цѣпи, на рукахъ—желѣзныя бѣльцы и на головѣ—желѣзный колпакъ (Іоаннъ московскій); а спали обыкновенно на павозѣ или въ нечистомъ мѣстѣ. Такъ проводили они всю жизнь. Василій блаженный, современникъ Іоанна Грознаго, юродствовалъ 72 года. Впрочемъ, такая сила духа вызывала у многихъ уваженіе. Іоаннъ Грозный приглашалъ къ себѣ Василія и посѣщать Николая Псковскаго. Бояре зывали ихъ къ себѣ на пиры. Купцы не прекословили, если они брали что-нибудь изъ ихъ павозовъ, считая это благоволеніемъ божіимъ. Пользуясь свободою въ отношеніяхъ,—эти сатирики обществен-

¹⁾ Житія: Корнилія Комельскаго, Никиты Переяславскаго, Саввы Вышерскаго, Корнилія Переяславскаго, Евѣмія Суздальскаго, а также въ житіяхъ: Сергія Радонежскаго и Ірилла Бѣлозерскаго.

²⁾ Житія: Дмитрія Прилуцкаго, Саввы Тверскаго, Кирилла Новозерскаго, Андріана Пошехонскаго, Евфросинія Псковскаго, Давида Переяславскаго.

ныхъ условій нерѣдко высказывали горькую правду, не стѣняясь передъ сильными. Новгородскіе юродивые: Феодоръ и Николай Качановъ (XIV вѣка), постоянно разыгрывали борьбу двухъ сторонъ—софійской и торговой. Николай Качановъ юродствовалъ на софійской, Феодоръ—на торговой. Когда случалась Феодору переходить волховскимъ мостомъ на софійскую—Николай гналъ его на торговую; тоже дѣлалъ Феодоръ, когда заставлялъ Николая на торговой ¹⁾. Рассказываютъ, когда Іоаннъ Грозный, послѣ сильнаго кровопролитія въ Новгородѣ, отправился въ Псковъ,—тамошній юродивый Николай Салось предложилъ ему кусокъ сыраго мяса, и когда царь сказалъ: я христіанинъ, не ѣмъ мяса въ великій постъ, юродивый отвѣчалъ: ты дѣлаешь хуже, питаешься плотію и кровью человѣческою, забывал не только постъ, но и Бога. Іоаннъ большой колпакъ ходитъ по Москвѣ совершенно голымъ и безпрестанно обличалъ правленіе Бориса Годунова. Встрѣчаясь съ нимъ, онъ громко говорилъ: «умная голова, разбирай божіи дѣла; Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.» Всѣ они были потомъ канонизированы и пользовались огромнымъ уваженіемъ въ народѣ. По смерти Василія блаженнаго, ему была построена церковь вблизи дворца, которая постоянно посѣщалась московскою знатію и царскою фамиліею ²⁾. О другихъ подвигахъ тогдашнихъ отшельниковъ можно судить по ихъ прозваніямъ: неумой, босой, сухой.

Іосифъ Волоколамскій, путешествовавшій по многимъ обителямъ сѣверной Россіи, и въ отдѣльномъ сочиненіи представившій идеальную и отрицательную сторону современной монастырской жизни, говоритъ вообще, что онъ самъ видѣлъ многихъ учениковъ Сергія, Варлаама и Кирилла, вторые, подъ вліяніемъ читанныхъ ими описаній жизни Антонія, Пахомія и другихъ восточныхъ подвижниковъ, старались усвоить себѣ ихъ образъ жизни. Митрофанъ Бывальцевъ, подвизавшійся девять лѣтъ на Афонской горѣ, говорилъ Іосифу о монастырѣ Макарія Колязинскаго: «напрасно трудился я и совершалъ такой далекій путь въ святую гору, мимо Колязинскаго монастыря; можно было и въ немъ

¹⁾ Житія: Михаила Клопск., Максима Тотемск., Феодора юродиваго, Іоанна Устюж., Іоанна Москов., Василія Москов., Лаврентія Калуж., Кипріяна юрод., Андрея Тотем., Симона Юрьевск., Максима юрод., Проконія Вятскаго.

²⁾ Карамзинъ, IX, пр. 298; Fletcher, II, 100, 101. Горсей, о Московіи, житіе Іоанна московскаго юродиваго.

спаслись; такъ какъ здѣсь все дѣлается по образцу афонскихъ монастырей. ¹⁾ Ученикъ Максима Грека — Зивовій Оленскій такъ рисуетъ идеальную сторону монашества XVI вѣка, въ опроверженіе нападокъ Вассіана Косаго на монаховъ: «Руки у нихъ скорчены отъ тяжкихъ страданій, говорятъ они; кожа подобна воловой и истрескалась; лица осунувшіяся; волосы растрепаны; ноги и руки посинѣли и одухли. Иные хромають, другіе валяются. А иждѣи такъ много у нихъ, что и нищіе, выпрашивающіе подаванія, болѣе ихъ имѣють. Обыкновенная пища ихъ — овсяный невѣянный хлѣбъ, ржаные толченые колосыя, и такой хлѣбъ еще безъ соли. Питье ихъ — вода; вареное — листья капусты; зелень достаточныхъ — свекла и рѣпа; если есть овощи, такъ это рябина и калина. А объ одеждѣ, что и говорить ²⁾?». Такіе подвиги возвели ихъ на степень святыхъ. Съ половины X вѣка до половины XV въ русской землѣ насчитывають до 100 святыхъ; во второй половинѣ XV в. до 50 и около 60 въ XVI вѣкѣ ³⁾. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть изъ этого числа приходится на сѣверо-восточную Россію и образовалась путемъ отшельничества. Такіе покровители считались выше всякаго богатства, и потому каждая область, городъ, островъ, имѣли своего патрона, къ которому они обращались, какъ къ высшему заступнику ⁴⁾. Во время нападенія татаръ, поляковъ, шведовъ — русскіе князья и цари обращались къ нимъ молитвамъ. Неудивительно, если каждый новый подвижникъ привлекалъ къ себѣ цѣлыя толпы.

Почти въ каждомъ жизнеописаніи извѣстнаго подвижника говорится, что къ нему на первыхъ порахъ собирается много почитателей: одни приходятъ за наставленіемъ, другіе — глѣчатся, третьи совсѣмъ остаются жить съ нимъ. Родители иногда слѣдуютъ примѣру своихъ дѣтей и постригаются вслѣдъ за ними. Въ этихъ странствованіяхъ упоминаются не только простые люди, но также часто вельможи, князья и бояре. Они способствуютъ устройству обители и постоянно поддерживаютъ ее богатыми вкладами; въ особенности пользуется уваженіемъ

1) Сказаніе объ отцахъ, бывшихъ въ русск. монаст. Лѣтопись археографич. коммис., выпускъ II, 80, 89.

2) Истинны показаніе, слово 45.

3) Словарь святыхъ Россійск. церкви. Спб. 1836.

4) Православ. собесѣд. 1860, III, Древн. пуст., стр. 223, и житіе Проконія Устюжск. у Филарета.

та обитель, которая возникла на мѣстѣ появленія иконы ¹⁾. Въ монастыряхъ Θεодора Ростовскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Иосифа Волоколамскаго было много бояръ и дворянъ ²⁾. Еще при жизни основателя или вскорѣ послѣ него глухая пустыня превращается въ многолюдный монастырь. О числѣ монаховъ въ тогдашнихъ монастыряхъ сохранилось нѣсколько извѣстій. У Сергія Нуромскаго, Серапіона Кожезерскаго и Трифона Вятскаго показано до 40; у Кирилла Бѣлозерскаго—53; въ обители Даниїла Переяславскаго—до 70; у Авраамія Чухломскаго, Трифона Печенгскаго, Корнилія Псковскаго и въ Преображенскомъ казанскомъ монастырѣ было по 100 монаховъ. Въ монастыряхъ, основанныхъ Герасимомъ Болдинскимъ, упоминается: во Введенской обители на р. Жыздрѣ и въ Предтеченской въ Вязьмѣ по 40 инокъ, а въ Болдинской до 140. Въ суздальскомъ Спасо-Евѣиміевскомъ монастырѣ, еще при жизни Евѣиміа, находилось 300 монаховъ. Въ XVI вѣкѣ въ Муромскомъ монастырѣ, на островѣ Мучь — было 35 монаховъ ³⁾. Въ такихъ же размѣрахъ говорится и о женскихъ монастыряхъ. Въ московскомъ Алексѣевскомъ въ концѣ XIV в. было 90 монахинь, а въ нижегородскомъ Зачатіевскомъ, при его основательницѣ — княгинѣ Θεодорѣ, — 100 ⁴⁾. Конечно, по смерти своего основателя, многія обители еще болѣе распространялись. Такъ о монастыряхъ: Троицко-Сергіевомъ, Андрониковомъ, Симоновомъ, Голутвинскомъ, Высоцкомъ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, повоезерскомъ Θεрапѣнтовомъ, Прилуцкомъ, Пошехонскомъ, Валаамскомъ, встрѣчаются общія выраженія,

1) Житія: Мартиніана Бѣлозерскаго, Арсенія Коневскаго, Дмитрія Прилуцкаго, Мартирія Зеленецкаго, Евфросина Тверскаго, Макарія Колязинскаго, Даниїла Переяславскаго, вн. Θεодоры, Зосимы Соловецкаго, Сельвестра Обнорскаго, Діонисія Глушицкаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Александра Куштскаго, Авраамія Чухломскаго, Саввы Крынецкаго, Антонія Леохновскаго, Григорія Авнежскаго. Въ XVI в. новгородскій бояринъ Сырцовъ самъ основалъ 12 монастырей.

2) Житія: Θεодора Ростовскаго и Иосифа Волоколамскаго. Посл. Иоанна Грознаго въ Кирилловъ монастырь, Азты историч. I, № 201,

3) Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, прилож. VI, стр. 174.

4) Житія: Сергія Нуромскаго, Серапіона Кожезерскаго, Трифона Вятскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Даниїла Переяславскаго, Авраамія Чухломскаго, Трифона Печенгскаго, Корнилія Псково печерскаго, Герасима Болдинскаго и Евѣиміа Суздальскаго. Карамзинъ, V, прим. 254, годъ 1393; Никоновск. лѣт. IV, 78. Ист. іерархія, III, 679, IV, 119. Свѣд. о монаст. 494.

что они были велики и въ нихъ находилось множество братіи. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые изъ нихъ (напр. Троицко-Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій, Глушицскій, Сибѣогорскій - псковскій) назывались лаврами¹⁾. Обращеніе пустыни и монастыря въ общежитіе имѣло своимъ результатомъ всегда умноженіе монастырскаго населенія, такъ какъ такія обители привлекали въ свои стѣны ббльшею обезпеченностью²⁾. Въ какомъ размѣрѣ иногда увеличивалось монастырское населеніе можно судить по примѣру Троицко-Сергіевой лавры. Во второй половинѣ XVI в. въ ней уже было около 700 монаховъ, не считая монастырской прислуги³⁾. Населенность тогдашнихъ монастырей лучше всего можно опредѣлить сравненіемъ ея съ населенностью городовъ. Такъ въ половинѣ XVII вѣка во Владимірѣ было около 1000 человекъ; въ Суздаль 1191; въ Муромѣ 1106; въ Ростовѣ около 700; въ Ярославѣ — 3468; въ Вологдѣ — 2073; въ Переяславлѣ-Залѣскомъ — 746; въ Коломнѣ — 528; въ Костромѣ посадскихъ — 1322; въ Калугѣ — 968; въ Галичѣ — 728; въ Кашинѣ — всего 505; въ Можайскѣ — 148; въ Вязьмѣ — 728; въ Рузѣ всего 30 посадскихъ. Въ такомъ же видѣ и другіе, болѣе замѣчательные города; за тѣмъ идетъ длинный списокъ городовъ, въ которыхъ вовсе не было посадскихъ людей⁴⁾. Такимъ образомъ, цифра населенія въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, быть можетъ теперь и незначительная, въ то время представляла большой процентъ въ общемъ населеніи. Это рѣзко бросалось въ глаза иностранному путешественнику; такъ что Флетчеръ, посѣтившій Россію во второй половинѣ XVI вѣка, называетъ ее «страною монастырей». «Тамъ, говоритъ онъ, безчисленное множество монаховъ и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь католической странѣ. Они спуются въ каждомъ городѣ и въ большей части деревень»⁵⁾. Понятно, что становясь такимъ обширнымъ учрежденіемъ, монастырь не могъ оставаться въ тѣсной рамкѣ отшельническихъ правилъ своего основателя. И онъ становился гражданскимъ учрежденіемъ.

1) Макарій. Истор. русск. церкви, IV, кн. I, 210 и прилож. XXII. Житія Кирилла Новосерск., Адриана Пошехонскаго и Діонисія Глушицкаго.

2) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 284, и житіе Дмитрія Прилудскаго.

3) Fletcher, La Russie au XVI siècle, II, 96, 97.

4) Опись городамъ въ 1668 г. См. приложение къ Исторіи Рос. Соловьева, XIII. Ср. Разряд. книгу. 1616 г. Временникъ, II.

5) Fletcher, II, 96, 99.

Когда въ пустыню собиралось достаточное количество братии и ощущалась необходимость устроить монастырь, первымъ дѣломъ основателя было выискать право на занятую имъ землю, лѣсъ, воды и другія угодія, которыя доставляли тотъ или другой участокъ земли. При экономическомъ устройствѣ древней Россіи—надѣль землею былъ единственнымъ способомъ обеспеченія монастыря. Тогдашнее финансовое устройство Россіи было похоже болѣе на частное, нежели на государственное хозяйство, при которомъ важнѣйшимъ источникомъ дохода для правительства служили государственныя имущества и личныя повинности жителей, а явлоги являлись только въ видѣ исключенія и взимаемы были по большей части не деньгами, а натурою. Въ послѣдствіи мы находимъ много церквей и монастырей, содержавшихся *рукою* или жалованьемъ отъ правительства; но система жалованья тѣмъ не менѣе составляла не болѣе, какъ исключеніе ¹⁾. Вотъ почему назначеніе монастырямъ вотчинъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, хотя противорѣчиво основному правилу отшельничества, которая такъ горячо отстаивали представители смитской жизни. Этотъ финансовый мотивъ ясно слышится въ опредѣленіи собора 1681 г. о передачѣ *обстояющимъ монахинямъ*—вотчинъ отъ богатыхъ мужескихъ монастырей, такъ какъ «безъ вотчинъ въ монастыряхъ нечѣмъ провормяться» ²⁾. Признавая, по религиознымъ побужденіямъ, монастырь вполне благотельнымъ учрежденіемъ, правительство само заботилось о поддержаніи каждой вновь возникавшей обители; такъ что постепенное увеличеніе монастырей служить вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ возрастанія монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ. Назначеніе новой обители значительнаго участка земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она возникала, было настолько обыкновеннымъ явленіемъ, что тамъ, гдѣ она по своему положенію соприкасалась съ частными владѣніями или крестьянскими поселеніями—она всегда встрѣчала противодѣйствіе со стороны мѣстнаго населенія, боявшагося вторженія болѣе сильнаго землевладѣльца. Въ біографіяхъ основателей пустынь встрѣчается много примѣровъ подобной борьбы. Кирилла Новозерскаго преслѣдовали рыбаки, боясь его соперничества; Зосимъ Озловецкому противодѣйствовали нов-

¹⁾ Милютинъ, О недвижимыхъ имущест. духовенства въ Россіи, въ Чтен. Моск. общ. ист. и древн. 1859, IV, 58.

²⁾ Авы историч. V, стр. 113, а также: I, № 147, II, 49.

городскіе бояре, имѣвшіе на Соловецкомъ островѣ свои рыбныя ловли; крестьяне, ходившіе въ комельскій лѣсъ для рубки и лова авѣрей, убили келейника Арсенія Комельскаго, когда послѣдній удалился сюда для безмолвія. Даніилъ Переяславскій и Стефанъ Махрицкій постоянно терпѣли нападенія отъ сосѣднихъ владѣтелей; бояринъ Иванъ Болага хотѣлъ убить Макарія Колязинскаго за то, что онъ поселился вблизи его пустошей; но внезапная болѣзнь заставила его одуматься, и онъ подарилъ Макарію всю свою землю. Симонъ Воломскій и Агапиль Маркушевскій были даже убиты за землю¹⁾. Но вообще успѣхъ оставался на сторонѣ монастырей: князья давали имъ дарственные грамоты, а частныя лица уступали имъ свои вотчины и дѣлали богатыя вклады. Изъ жалованныхъ грамотъ, принадлежащихъ въ XIV—XVII столѣтіямъ и дошедшихъ до насъ, не смотря на многочисленныя утраты, въ весьма значительномъ количествѣ, можно съ достовѣрностью заключить, что всѣ вел. князья, какъ московскіе, такъ и другихъ областей, князья удѣльные, цари, царицы, княгини, а въ вольныхъ городахъ и народныя правительства, а также частныя лица, отличались необыкновенною ревностью къ обогащенію церкви вообще и монастырей въ особенности. Тоже самое свидѣтельствуютъ и такъ называемыя кормовыя и вкладныя книги, которыя существовали прежде почти во всѣхъ монастыряхъ, съ обозначеніемъ количества вкладовъ и обязанностей монастыря относительно вкладчика²⁾.

Главнымъ мотивомъ въ этихъ обширныхъ надѣлахъ монастырей была та религіозность, которая проникла во всѣ побужденія древнерусскаго человѣка. Монастырь представлялся ему осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. «Свѣтъ инокамъ—ангелы, говорили обыкновенно; свѣтъ же мірянамъ—иноки»; монашество казалось «лучше царской державы»³⁾. Понятно, какъ этотъ взглядъ долженъ былъ вліять на

¹⁾ Житія: Кирилла Новоезерскаго, Зосимы Соловецкаго, Арсенія Комельскаго, Даніила Переяславскаго, Макарія Колязинскаго, Симона Воломскаго и Агапита Маркушевскаго.

²⁾ Грамоты напечатаны въ Исторіи русск. іерархіи; Собр. госуд. грам. и договоровъ; въ Актахъ археографич. комис. См. изслѣд. Милютина, О недвижим. имущ. духовенства въ Россіи. 1859, IV, стр. 45—51.

³⁾ Акты историч. I, № 204. Чтен. Моск. общ. ист. 1859, III, Разсужденіе, Вассіана, стр. 4.

религиозныя побужденія того времени. Всѣ желанія религіознаго чело-
вѣка направлялись къ будущей жизни, и потому въ большей части жа-
лованныхъ грамотъ и записей говорится, что имущество или вкладъ
даются на поминовение по душѣ ¹⁾. Если умершій не успѣвалъ сдѣлать
распоряженія о назначеніи вклада по душѣ, то родственники его счи-
тали долгомъ назначить часть наслѣдства на помины по немъ ²⁾. Кроме
того въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются обязательства—помянуть
о здравіи, или указывается, что извѣстный вкладъ сдѣланъ по поводу
счастливаго событія или исполненія намѣреній и предприятий ³⁾. У зна-
мыхъ лицъ существовалъ обычай имѣть при нѣкоторыхъ монастыряхъ
навъ-бы родовыя владбища, при чемъ они не упускали случая вознагра-
ждать эти монастыри ⁴⁾. Другое важное побужденіе, заставлявшее
жертвовать въ пользу монастырей, основывалось на томъ обычаѣ, что
пожертвованныя имущества должны-были служить вспомоществованіемъ
для бѣдныхъ ⁵⁾. Такъ понимали ихъ назначеніе Максимъ Грекъ и
Вассіанъ Косой, обличавшіе въ XVI в. злоупотребленія въ монастыр-
ской жизни, происходившія отъ владѣнія богатою поземельною собст-
венностію.

Надѣль монастыря землею первоначально ограничивался тою мѣ-
стностью, на которой онъ возникъ или ближайшимъ окрестнымъ участ-
комъ; но съ теченіемъ времени, когда монастырь получалъ значеніе
въ глазахъ общества, его территория расширялась. Въ составъ мона-
стырскихъ владѣній стали входить не только деревни и селенія, но
даже города, острова и цѣлыя волости. Вскорѣ послѣ основанія оби-
тели на островѣ Мучь—Лазарь получилъ въ Новгородѣ право на владѣ-
ніе имъ и озеромъ Мурманскимъ; Зосимъ былъ уступленъ Соловецкій
островъ ⁶⁾; обитель Иннокентія Охлѣбнина, основанная въ концѣ XV,

¹⁾ Акты истор. I, 54, 84; Допол. I, № 111, II, № 74.

²⁾ Акты истор. I, стр. 268—270; V и V 182, 200. Ак. юрид. № 126.

³⁾ Акты историч. I, № 84; Допол. I, № 111. Вивлюенка, продол-
женіе, V, 140—143.

⁴⁾ Исторія іерархіи, II, стр. VII, VIII.

⁵⁾ Никоновск. лѣтоп. V, 33; Степен. кн. I, 159; Опис. Рум. музея, 281.

⁶⁾ Опис. Троиц. лавры, 151. Завѣщаніе Лазаря въ Истор. іерархіи.
Богатство дворовъ по описи 1662 года. Опис. Солов. монаст. 48.

вѣка.—въ половинѣ XVII вѣка за собою 130 дворовъ; за тремя пустынными монастырями, основанными во второй половинѣ XIV в. Аврааміемъ Духломскимъ, въ половинѣ XVII в. считалось за Успенскимъ 310 дворовъ, неселятъ, за Великою пустошею 82 и за городецкимъ Покровскимъ монастыремъ 310 дворовъ. Чтобы яснѣе прослѣдить развитіе монастырской территоріи путемъ пожалованій, мы обратимъ вниманіе на образованіе монастырскихъ вотчинъ Соловецкаго монастыря. Въ 1459 г. новгородское иѣче, свѣрхъ Соловецкаго острова, пожаловало ему 3 большія острова (Анзерскій, Заяцкій и Мудсамыи) и нѣсколько малыхъ, со всѣми ловами, тѣнями, пашнями, озерами и лѣсами. Иванъ III и Василій Іоанновичъ подтвердили эти земли за Соловецкимъ монастыремъ. Иванъ Грозный отличался особенною щедростію въ немъ. Въ 1539 г. онъ пожаловалъ монастырю деревню, пустошь и два острова съ рыбными ловами и соляными варницами, всего 26 обжа земли; въ 1548 г. — волость въ 9 обжа; 8 соляныхъ варницъ и острова съ 3-мя дворами; въ 1550 г. — деревню съ оброчною обжею и рѣчку Сорочку съ оброчами; наконецъ въ 1553, по пресѣбѣ игумена Филиппа и братіи, половину волости Сумы въ 78¹/₂ обжа земли и съ 33 соляными варницами. Преемникъ его, Теодоръ Ивановичъ, пожаловалъ тому же монастырю; въ 1583 году, остальную половину Сумской волости, со всѣми деревнями, лугами и угодьями, а также съ принадлежащими въ ней по морскому берегу и на островахъ соляными варницами; въ томъ же году четверть волости Ужбы, съ дворами, анбарами, мельницами, соляными варницами, рыбными и звѣриными ловами, лѣсами, покосами, морскими тѣнями и озерами; въ 1590 г. волость въ Новгородскомъ уѣздѣ съ соловарнями и рыбными ловами; въ 1591 г. — четыре волости и находящійся въ одной изъ нихъ Муезерскій монастырь съ крестьянами; наконецъ, въ 1595 г. — Нипцкій приморскій берегъ и мѣста мельничныя и дворовыя, принадлежавшія къ вологодскому подворью. Царь Михаилъ Теодоровичъ пожаловалъ монастырю, въ 1614 году, волость Шую корельскую и два лука между Кемью и Керетью съ крестьянами; въ 1617 г. двѣ волости, Пурнецкую и Лямецкую; въ 1620 г. — рѣчку Вужливую и рыболовную тѣню на р. Онегѣ; въ 1635 году — четыре пустоши, сѣнные покосы близъ Онеги; рѣчку Удрюгу; деревню Исаковскую со всѣми угодьями и Пойтожское озеро съ рѣчкою того же названія; въ томъ же году — Яренскій погостъ съ живущими въ немъ оброчными, бобынскими и боячьими людьми за три четверти

волости Нордети съ жителями и со всеми угодьями; въ 1636 г. нѣсколько морскаяго топей; наконецъ въ 1642 г. Волховскую деревню со всеми угодьями, пожню, дворце и половину Спенскаго озера. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича пожаловано: въ 1616 году три пожни, а въ 1650 во Всадыченскомъ усольи—пожня со всеми угодьями. Федоръ Алексѣевичъ пожаловалъ: въ 1620 въ Устюгъ Великомъ, на Красномъ бору—двѣ пустоши и пашенную землю со всеми принадлежностями и крестьянами. Иванъ и Петръ Алексѣевичи, въ 1683 году, назначили Соловецкому монастырю деревню въ Важскомъ уѣздѣ съ правомъ заводить соляныя варницы; въ 1684 г. дали ему въ оброчное владѣніе деревню въ Яренскомъ уѣздѣ; въ 1686 г. пожаловали въ вѣчное владѣніе Орлецкія угодья съ известковымъ камнемъ, съ лѣсами и сѣнными покосами, а въ 1697 г. приписали къ нему Аврааміеву Чухломскую пустынь съ принадлежащими къ ней землею и крестьянами. Съ царствованія Петра В. пожалованія недвижимыхъ имуществъ въ Соловецкую обитель прекращаются¹⁾. Изъ приведеннаго примѣра можно судить, какъ постепенно распространялась поземельная собственность пустыни, обратившейся въ монастырь, съ гражданскими правами частного землевладѣльца. Такъ было и съ другими известными обителями. Въ этомъ отношеніи можно сдѣлать общее замечаніе: тѣмъ известнѣе были основатели обители или монастыря, тѣмъ обширнѣе были его средства, хотя послѣднее условіе часто расходилось съ личными воззрѣніями самихъ основателей. Кирилль Бѣлозерскій не хотѣлъ принять и одной деревни отъ какого-то боярина; въ обители Сергія Радонежскаго, по недостатку средствъ, писали на берестѣ; а самъ Сергій отказался принять отъ митрополита Алексѣя даже крестъ, потому что онъ былъ золотой²⁾. Между тѣмъ, два столѣтія спустя, Бѣлозерскій монастырь и Троицкая лавра—были самыя богатыя обители въ Россіи³⁾. Такъ измѣнилось помѣще-

1) Акты экспедиціи, I, № 62, 853. Дополн. въ Авт. историческ. I, № 111. Лѣтописецъ солвецк. Москва, 1833., стр. 19, 21, 23, 24, 27, 42, 44, 45, 47, 54—56, 60—62, 65—66, 76, 78, 83, 84. Обширнѣе 126 саж. въ длину и 32 саж. въ ширину. Двѣ обжи составляли лукъ земли. Опис. Солов. монастыря, I, 47.

2) Житіи: Сергія Радонеж. и Кирилла Бѣлозерскаго.

3) На основаніи жалованной грамоты Троицкому монастырю, утвер-

не вещей отъ времени ихъ основателей. Такъ бывало обыкновенно: основатель монастыря служить въ ветхихъ браженннхъ ризахъ, а преемники его уже облакаются въ золото ¹⁾.

Приобрѣтая поземельную собственность, монастырь становился членомъ гражданскаго общества, такъ какъ онъ могъ производить всѣ операціи частнаго землевладѣльца. Въ эпоху татарскаго ига, при не-обезпеченности частной собственности и покровительствѣ церковнымъ имуществамъ ²⁾, многіе укрывались въ монастырь, избѣгая тяжелыхъ повинностей, и скрывали свое имущество подъ его защитою; а другіе просто передавали ихъ туда на сбереженіе. По смерти вступившаго въ монашество, его богатство обыкновенно становилось собственностію

жденной импер. Елисаветою, можно заключить, что до XVIII вѣка ему принадлежало около 1400 сель и деревень. См. Чт. Москов. общ. истор. 1865, IV; смѣсь, 123—151.

²⁾ Соловьевъ, XII, 58. Кромѣ надѣловъ поземельною собственностію, монастыри получали богатые вклады утварью, драгоценными камнями, хлѣбомъ и деньгами. Эти пожертвованія давались обыкновенно съ религиозными цѣлями и главнымъ образомъ на поминъ по душѣ. Съ половины XVI в. до конца XVII Соловецкій монастырь получать отъ правительственныхъ лицъ и извѣстныхъ семей денегами всего 14,257 руб. сереб. и 632 золотыхъ. (Опис. Солов. монаст. стр. 225—230). По какимъ побужденіямъ и въ какихъ размѣрахъ совершалось иногда обогащеніе монастыря—можетъ служить примѣромъ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. При Алексѣѣ Михайловичѣ были открыты мощи Саввы—и потому его обитель сдѣлалась любимрою у дара. Сюда онъ часто ѣздилъ на богомолье, охотиться въ окрестныхъ лѣсахъ и имѣлъ тамъ дворецъ на случай пріѣзда, при чемъ щедро одаривалъ братію. Несчитая вотчинъ, съ 1650—1668 г. онъ пожертвовалъ на монастырь до 36000 руб. и до 10000 роздалъ братіи. Смирновъ, Опис. Сторожевскаго монастыря.

³⁾ Ханы угрожали смертною казнію нарушителямъ церковныхъ правъ. Григорьевъ, О достовѣрности ярыковъ. Милютинъ, О недвиж. имущ. духовенъ въ Россіи. Чт. Моск. общ. истор. 1859, IV, 38, 39, 1860, III, 214—219, 212, 213. Тоже можно сказать и о правленіи Іоанна Грознаго. По поводу замѣтнаго увеличенія монастырскаго собственности Бѣляевъ говоритъ: «Это сильное увеличеніе церковныхъ земель вѣроятно образовалось не изъ однихъ добровольныхъ пожертвованій, а напротивъ, большая доля ихъ составила покунками явными или тайными; ибо частные владѣльцы, по случаю секвестрацій и по другимъ причинамъ, выходя не безопаснымъ владѣть поземельными имѣніями, оче-

монастыря ¹⁾. Удовлетвореніе каждой духовной потребности также осуществлялось съ денежными пожертвованіями и вкладами. Такими образомъ въ монастыряхъ скоплялись денежные богатства, которые отдавались за известныя проценты (обыкновенно за пять шестой): въ пользование частнымъ лицамъ, подъ закладъ частной собственности. Въ такомъ случаѣ писалась закладная, которая, по прошествіи срока, назначеннаго для платежа, обращалась въ купчую; самое же имѣніе, отданное въ закладъ, предоставлялось, по большей части, во владѣніе монастырю, вмѣсто процентов ²⁾. Основываясь на числѣ этихъ закладныхъ XV—XVIII вѣковъ, замѣчаетъ Милютинъ, специально изслѣдовавшій этотъ вопросъ, можно предположить съ вѣроятностію, что довольно значительная часть церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ перешла въ руки духовенства именно этимъ путемъ ³⁾. Но монастыри имѣли право приобретать вотчины и покупкою у другихъ лицъ ⁴⁾.

Въ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ монастырская поземельная собственность въ XVII вѣкѣ уже составляла порядочную цифру въ общей территоріи Московскаго государства. По словамъ Котляревскаго, во владѣніи патриарха, четырехъ митрополитовъ, десяти

видно старались сбывать ихъ продажей въ другія руки, повозмѣст же изъ частныхъ лицъ вѣроятно было немного, ибо таже опасность, которая заставляла продавцевъ сбывать имѣнія, удерживала покупателей отъ приобретения имѣній. А потому главными покупателями поземельныхъ имѣній необходимо были монастыри, ибо имъ не грозили ни сѣмъ вестраціи, ни другія опасности при владѣніи поземельными имѣніями; следовательно: покупка имѣній, за недостаткомъ конкуренціи, была для нихъ прямо выгодною и сходною: они приобретали имѣнія по самымъ дешовымъ цѣнамъ, особенно ежели покупка была тайная; подъ видомъ отказа на поминъ по душѣ, на церковное строеніе и т. п. Этихъ вѣдѣній объясняетъ изданіе указа 1579 г., которымъ запрещалось распространеніе монастырской поземельной собственности, особенно богатыхъ монастырей, которые вѣроятно были обычными покупателями частныхъ земель; ибо въ указѣ бѣдные монастыри, какъ немогшіе повупать большихъ владѣній, не подвергались такому запрещенію. Временникъ Моск. общ. истор. предисл. къ Расход. и Приправоч. книг. № 13, с. VII.

¹⁾ Акты историч. I, № 24.

²⁾ Акты юрид. № 232, 234, 236—288, 241, 243, 249, 254, и т. д.

³⁾ Исслѣд. Милютина, *ibid.* 1859, IV, 402.

⁴⁾ Акты юрид. XXII, XXIV—XXVII, XXIX—XXXII. № 71, 72, 67, 12, 77, 80, 85, 88 — 90. Акты экспед. I, № 20, 36, 68, 246. Акты истор. I, № 74, 215. Карамз. V, 347.

архиепископовъ, одного епископа и монастырей, въ царствованіе Алексея Михайловича, находилось около 118,000 дворовъ ¹⁾, изъ числа которыхъ на монастыри окъ отнестъ 83,000 дворовъ ²⁾. Но сего основанія предполагать, что пространство монастырской территоріи было гораздо шире ³⁾.

¹⁾ Котошихинъ, о Россіи, 114.

²⁾ Ibid. 115.

³⁾ Въ половинѣ XVIII в. (по переписи 1744 г.) т. е. когда монастырская поземельная собственность уже не распространялась, за вышешю іерархію и монастырями считалось 824,599 ревизскихъ душъ (104,414 человекъ за первую и 680,195 человекъ за послѣдними. Исторія іерархіи, VI, 1055—1095). Уменьшая это число на $\frac{1}{4}$, какъ процентъ возрастанія населенія въ столѣтіе (ср. Моро-де-Жоннезъ, Начальныя основанія статистики, стр. 384, и Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 271 и 272), для XVII в. мы получимъ 650, 680 душъ. Принимая же во вниманіе, что въ XVI и XVII вв. количество дворовъ обыкновенно соответствовало числу населенія мужескаго пола и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднее возвышалось на $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{2}{3}$ и нѣ рѣдко было вдвое болѣе (См. Писцовыя новгородскія книги, Временникъ № VI, Переписная окладная книга Вотской пятины, Временникъ, № XI и XII. Приправоч. книга, № XIII. Неволинъ, О пятинахъ новгородскихъ, стр. 45, 46, 74, 164 и друг. Дополн. къ истер. акт. VI, 360, 396. Опись городовъ 1677 года у Соловьева, XIII, прилож. стр. XV. Ср. Лешковъ, Рус. народъ и государ. 271 и 272), мы получимъ, даже при уменьшеніи вдвое, 329,840 дворовъ. Огромная цифра Котошихина объясняется его приблизительною оцѣнкою (стр. 115). Въ половинѣ XVIII вѣка всѣхъ дворовъ въ Россіи полагали до 5,000,000; а чтобы получить общую цифру населенія слѣдуетъ умножить количество дворовъ (Лешковъ, 271, 272). Уже въ XVI вѣкѣ существовало мнѣніе объ обширности монастырской территоріи, конечно принимая во вниманіе не только мѣста заселенныя, но и пустошорожнія, важныя для монастырей по своимъ угодіямъ и временнымъ промысламъ. Таковы именно были земли на сѣверѣ. Адамъ Клементъ, посѣтившій Россію въ 1553 г., говоритъ утвердительно, что въ это время монастырскія имѣнія составляли уже $\frac{1}{3}$ всего государства: «Plurima ibi extantque Basilianorum» coenobia. His magis sunt agrorum redditus. Nam tertiam partem totius imperii tenent manachi». Rec. messoviticar. Commentarii. Scriptores varii. Francof. 1600. Иоаннъ Грозный въ рѣчи въ духовенству, приведенной у Горсея и въ подлинности которой онъ ручается, говоритъ, что «духовенство владѣеть, какъ оказывается, третью частью государства». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это отношеніе въ пользу церкви еще болѣе возрастало. Наприм. въ Горетовомъ станѣ Московскаго уѣзда въ 1586 г. подъ помѣстьями и вотчинами было 5780

Владѣя обширною повешельною собственностью, монастыри оказали большое вліяніе на распределеіе русскаго населенія. Пожалованіе вотчинъ духовенству и въ особенности монастырямъ давало возможность заселить и разработать такіа земли, которые оставались безъ всякаго употребленія, и потому князья, при своихъ пожалованіяхъ, почти всегда ставили, какъ условіе даренія, заселеніе земель купленными людьми, или людьми свободнаго званія. Въ такихъ случаяхъ князья только ограничивали вызовъ изъ своихъ вотчинъ и часто ставили непремѣннымъ условіемъ — приглашеніе людей изъ другихъ удѣловъ: очевидный расчетъ на заселеніе своего края. Съ этою цѣлью, крестьяне, перешедшіе на пустоши и угодья вновь устроеннаго или жауемаго монастыря, освобождались отъ всякихъ повинностей на 3, 5, 10, а иногда и 20 лѣтъ ¹⁾. Ушедшихъ крестьянъ старались перезвать новыми льготами ²⁾; а поселившихся на монастырской землѣ старались удержать платежомъ за прожитое время и пользованіе льготами, положенными и для другихъ землевладѣльцевъ ³⁾. Вместе съ тѣмъ монастыри получали обширныя привилегіи на свои владѣнія: они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ); они пользовались правомъ сбора податей и пошлинъ

четвертей пахатной земли; порожней и оброчноя земли, находившейся въ вѣдѣніи правительства, было 8639 четвер., а церковныхъ земель — 9422 четверти. Приправоч. книга, Временникъ, № XIII. Въ санульскомъ погостѣ Вотской пятины на 144 деревни приходилось 99 монастырскихъ. Временникъ, № XII. Примѣромъ въ надѣлѣ русскихъ монастырей недвижимою собственностью служила восточная церковь, на авторитетъ которой въ этомъ случаѣ постоянно ссылалось русское духовенство. Вскорѣ по смерти Константина В. византійская церковь владѣла уже въ каждой области $\frac{1}{4}$ всей земли (Planck, Gesch. der christlich-kirchl. Gesellsch. Verfassung, I, 281). Даже Аѳонская гора, которая служила для Россіи высшимъ образцомъ духовной жизни, владѣла богатою недвижимою собственностью (см. Указатель актовъ, хранящихся въ общителяхъ Аѳон. горы, Жур. мин. нар. просв. 1847, № 7 и 8). Только представители сѣнтской жизни, какъ мы видѣли, стояли на противоположной сторонѣ. Западная церковь въ XI вѣкѣ владѣла $\frac{3}{4}$ всей государственной территоріи (Laurent, La Parauté et l'Empire, p. 96).

¹⁾ Акты историч. I, № 13, 25, 28, 33; Дополн. къ истор. акт. I, 208, 183, 200, 224, 132; Акты экспед. I, № 17, 18, 20, 21, 23, 79, 99.

²⁾ Акты историч. I, № 25.

³⁾ Акты археогр. экспед. I, № 225; Ср. Судебникъ Іоанна III, Акты истор. I, № 115, стат. 155 и Судебникъ Іоанна IV, *ibid.* № 153, стат. 88.

съ другими, не повѣдомственными: нѣтъ лицъ: они избавлялись отъ необходимости кѣснимъ вѣстанъ, свѣтскихъ и духовныхъ (въ роцѣхъ не вѣхъ); монастыри получали право суда и распраны надъ людьми, живущими на нѣхъ земляхъ (иногда не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ); право—принимать вѣнчанныхъ къ обидѣ нѣхъ во всякій срокъ, а крестьяне нѣхъ могли приниматься только въ опредѣленныхъ; монастыри избавлялись отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происшедшіе въ нѣхъ селахъ. Многие монастыри получали право держать пятна для покуши и продажи лошадей; освобождались отъ проѣзда чрезъ нѣхъ села княжескихъ чиновниковъ, выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ, отъ ипровъ, братчинъ и сконороговъ¹⁾. Въ тотъ вѣкъ, когда слишкомъ рѣзко проявлялъ себя личный произволъ сильнаго²⁾, крестьяне охотно шли на земли богатаго землевладѣльца, подъ защитою котораго они могли освободиться отъ наѣздовъ тогдашнихъ приставовъ и сборщиковъ дани. При бѣдности тогдашняго населенія вообще и случайности его средствъ существованія—для многихъ жизнь подъ кровомъ богача, хоть сколько-нибудь обезпеченная, представлялась лучшимъ исходомъ въ сравненіи съ бѣдственнымъ существованіемъ на собственной землѣ. Въ XVII в. многие продавали себя за три рубля на всю жизнь, а другіе закладывали свои семейства. Число дворянъ у московскаго аристократа того времени иногда доходило до 1000 человекъ. Тѣже побужденія влекли и на монастырскія земли, гдѣ огромныя льготы и привилегіи могли еще болѣе обезпечить крестьянина. Поэтому, «даже люди свободнаго состоянія: посадскіе и уѣздные, охотно записывались закладчиками за монастыри».

Въ распредѣленіи населенія на монастырскихъ владѣніяхъ существовала довольно правильная пропорція въ отношеніи къ самимъ монастырямъ. Чѣмъ извѣстнѣе былъ монастырь, тѣмъ болѣе крупнымъ надѣломъ владѣлъ онъ и тѣмъ болѣе большими правами и привилегіями пользовались его земли. Съ другой стороны, большія привилегіи этихъ монастырей естественно должны были привлекать крестьян-

¹⁾ См. вообще жалованныя грамоты, въ Актахъ историческихъ, Дополненіяхъ къ историч. актамъ и Авт. археографич. экспедиціи.

²⁾ Fletcher, I, 83, 153, 97, 190—132, 136—138, II, 175. Никоновск. лѣт. VII, 48. Курбскій, 182. Полн. собр. рус. лѣт. IV, 304.

свое поселеніе на нѣхъ земли. Въ этомъ случаѣ существовала обычная конкуренція. Указать статистически это движеніе населенія нѣтъ возможности, по недостатку числовыхъ данныхъ; но возможно сдѣлать нѣкоторыя соображенія, приближающіяся къ дѣйствительности.

Общее число крестьянъ на монастырскихъ земляхъ представляетъ замѣчательную градацію.

Троицко-Сергіевъ монастырь имѣлъ за собою	106,600	ревизскихъ	душъ.
Успенскій-Трифоновъ	23,859.	—	—
Кирилло-Бѣлозерскій съ приписными	21,590.	—	—
Саввино-Острожескій	16,047.	—	—
Московскій Симоновъ	12,146.	—	—
Іосифовъ-Волоколамскій	11,422.	—	—
Пафнутьевъ-Боровскій	11,067.	—	—
Суздальскій Спасо-Евѣмиевъ	9,787.	—	—
Троицко-Колязинскій	8,481.	—	—
Борисоглѣбскій на Устьѣ	6,785.	—	—
Нивольскій Корельскій	6,214.	—	—
Хутынский	5,509.	—	—
Соловецкій	5,180.	—	—
Бѣжецкій-Антоніевскій	4,620.	—	—
Псково-печерскій	3,919.	—	—
Сійскій Антоніевъ	3,333.	—	—
Макарьевскій-Унженскій	3,031.	—	—
Высоцкій	2,963.	—	—
Корнилевъ	2,803.	—	—
Спасо-Прилуцкій	2,798.	—	—
Галицкій Пансіевскій	2,443.	—	—
Павловъ-Обнорскій	2,277.	—	—
Новоторжскій-Борисоглѣбскій	2,232.	—	—
Өерапонтовъ	2,151.	—	—
Спасо-Каменный	1,718.	—	—
Московскій Андроніевскій	1,682.	—	—
Андріановскій	1,486.	—	—
Смоленскій Аврааміевъ	1,427.	—	—
Желѣзно-Боровскій	1,361.	—	—
Александро-Свирскій	1,168.	—	—

Бодняль-Троицкій	872	религиознѣ дучѣ.
Кирилло-Новозерскій	816	— — —
Цошехонская-Выисенская пустынь	697.	— — —
Глушицкій	679.	— — —
Алексадро-Ошевенскій	657.	— — —
Блюпскій	649.	— — —
Сольвычегодскій	518.	— — —
Божозерскій	442.	— — —
Спасскій-Инновентіеръ	416.	— — —
Зосимо-Саватіева Олонецкая пустынь	377.	— — —
Крыпецкій	366.	— — —
Лисицкій	343.	— — —
Никандрова пустынь	319.	— — —
Маркушевскій	290.	— — —
Антонія Дымскаго	157.	— — —
Усть - Недумскій	126.	— — —
Саввы Вышерскаго	125.	— — —
Сойгинская пустынь	112.	— — —
Юрьегорскій	103.	— — —
Кенскій	95.	— — —
Александра Куштскаго	60.	— — —
Домовскій	36.	— — —

Итакъ далѣе — общая цифра понижается до 1. Мы представили этотъ рядъ монастырей съ соответствующимъ количествомъ крестьянъ, для примѣра, и потому съ значительными пропусками. Въ женскихъ монастыряхъ эта цифра даже ниже. Больше другихъ имѣлъ за собою крестьянъ московскій Вознесенскій монастырь—и всего только 15,581 ¹⁾. Перевѣсъ численности крестьянъ въ пользу большихъ и извѣстныхъ монастырей очевиднъ. Конечно, здѣсь много значило пожалованіе крестьянъ въ эпоху ихъ закрѣпленія и перевѣсъ поземельной собственности, естественно имѣвшей въ своихъ предѣлахъ и большее населеніе.

¹⁾ По ревизіи 1744 г. Истор. іерар. VI, отд. II, 1055—1095. Ср. съ друг. вѣдомост., приведенными въ статьѣ: «Нѣсколько цифръ изъ статист. русск. церкви XVIII столѣтія». Труды Киев. дух. академіи 1867 г. июнь.

Но движеніе населенія по преимуществу на земли монастырей, пользовавшихся огромными льготами, не подлежит сомнѣнію. XVI и XVII вѣка, время образованія Московскаго государства, были эпохою броженія русскаго населенія. Государственными повинности, случайности войнъ и физическія бѣдствія, при низкомъ экономическомъ состояніи страны и недостаткѣ вѣчныхъ средствъ, тяжело ложились на народъ — и потому мы видимъ, что нѣдѣли станы и посады пустѣли въ однихъ мѣстахъ и возникали новыя поселенія въ другомъ ¹⁾. Намъ Муромскій посады въ 1574 г. имѣлъ: тѣплыхъ черемныхъ дворовъ 111, пустыхъ дворовъ—167 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520; между тѣмъ восемь лѣтъ назадъ тамъ было 587 населенныхъ дворовъ. Правда одна изъ запятыхъ мѣстъ было 202, а теперь только 17—и все пустыя ²⁾. Также замѣчательное колебаніе населенія представляетъ описаніе одного стана Вичугскаго уѣзда: въ 1628 году тамъ было 44 деревни и 28 починокъ; а въ нихъ жилыхъ дворовъ—100 и 106 человѣкъ; въ 1645 г. тамъ оказалось 102 деревни, жилыхъ дворовъ 209 и въ нихъ 1055 чел.; наконецъ въ 1657 г. въ томъ же станѣ было 53 деревни, 44 починокъ, жилыхъ дворовъ—133 и въ нихъ 714 человѣкъ ³⁾. Въ XVI в. по московской дорогѣ изъ Архангельска, на пространствѣ болѣе 100 английскихъ миль, отдѣляющихъ Вологду отъ Ярославля, путешественника встрѣчати не менѣе 50 деревень, одна въ 1½ миль, другія въ двѣ миль длиною, которыя оставались опустѣлыми и безъ жителей. Тоже самое, по замѣчанію Флетчера, было и въ другихъ частяхъ государства ⁴⁾. А послѣ скрутнаго времени, войнъ съ поляками, народныхъ волненій и морскихъ поветрій первой половины XVII в., на пространствѣ 500 верстъ, едва можно было встрѣтити 10 женщинъ и одного мужчину ⁵⁾. При такихъ обстоятельствахъ, свободному населенію естественно было предпочитати мѣстности, въ которыхъ они могли пользоваться болѣе обеспеченнымъ положеніемъ; а между такими первою мѣсто занимали монастыри.

¹⁾ О большомъ передвиженіи населенія въ XVI в. см. Писцовыя книги Новгородъ и Окладную книгу, Воровской пачины. Временникъ, № VI, XI, XII.

²⁾ Соловьевъ, VII, 45.

³⁾ Дополн. къ историч. актамъ, IV, 76.

⁴⁾ Fletcher, I, 136.

⁵⁾ Коллинсъ, 13.

скія вотчины. Дѣйствительно, сюда наиболее стремились не только крестьяне, но и посадскіе. Это яснѣ всего можно видѣть на вотчинахъ Троицкой лавры. Близость ея къ политическому центру — Москвѣ, двукратное уваженіе въ памяти ея основателя и постоянное участіе ея въ судьбахъ Московскаго государства, дали безусловное преимущество этой обители надъ всѣми остальными. Благодаря этому, она сосредоточивала въ своихъ рукахъ наиболее вотчинъ, болѣе другихъ пользовалась льготами и привилегіями, и потому на ея земляхъ селилось наиболее крестьянъ. Даже въ то время, когда стали ограничивать приобрѣтеніе монастырями недвижимой собственности, Троицкая лавра обыкновенно исключалась изъ этихъ мѣръ ¹⁾. Числовые данныя лучше всего показываютъ результаты такого порядка вещей. Въ то время, когда обыкновенно мы встрѣчаемъ деревни, въ которыхъ значилось по три, по два, и по одному двору; а села, даже съ церквями, имѣли всего на всего по десяти дворовъ ²⁾, иныя 17, такъ что, принимая общую цифру дворовъ, можно допустить среднюю населенность ихъ въ 7 или 8 дворовъ ³⁾—вотчины Троицкой лавры представляли весьма замѣчательное исключеніе. На 1400 селъ и деревень, насчитанныхъ нами въ подробномъ актѣ XVIII в. ⁴⁾ и которыя по времени приобрѣтенія почти всѣ относятся до конца XVII вѣка, приходится 100,000 крестьянъ, слѣдовательно по 70 человекъ на каждое селеніе, а, уменьшая на $\frac{1}{3}$, для XVII вѣка получимъ 56 человекъ. Подобный же примѣръ обширнаго заселенія земли подъ влияніемъ монастыря представляетъ Бѣлозерскій край. Это мѣсто, по словамъ біографа Кирилла Бѣлозерскаго, до основанія обители было пусто и скудно для жизни; тамъ былъ большой боръ и лѣсная чаща, такъ что совсѣмъ не было жилищъ. Но когда обитель Кирилла стала извѣстною—въ окрестной пустынѣ образовалось до 393 поселеній. Они преимущественно возникли на монастырскихъ вотчинахъ, пожалованныхъ монастырю князьями и княгинями ⁵⁾. Особенно много деревень основали въ лѣсу первые

¹⁾ О недвиж. имущ. духовен., Чтен. Моск. общ. истор. 1860, III, 137.

²⁾ Временникъ, № XIII, 58.

³⁾ Лешковъ, Русскій народъ и государство, 271.

⁴⁾ Жалов. грам. Троиц. мон. импер. Елисаветы. Чтен. Моск. общ. ист. 1865. IV. Смѣсь.

⁵⁾ Акты историческіе, I, стр. 299.

три игумена, слѣдовавшіе за Кирилломъ ¹⁾). Малонаселенныя деревни, уступленныя монастырю, быстро распространялись. Въ концѣ XV в. на р. Сорокѣ стояла деревня, состоявшая изъ двухъ жильцовъ. Въ 1542 г. Іоаннъ Грозный, по просьбѣ соловецкаго игумена Филиппа, уступилъ ее монастырю, съ правомъ суда для тѣхъ, кто станетъ жить на р. Сорокѣ ²⁾). Въ писцовыхъ книгахъ 1582—1583 г. деревня эта названа уже погостомъ, въ которомъ были деревенные дворы, дворъ монастырскій, принадлежавшій монастырскимъ рыболовамъ и нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Но къ погосту причислялись еще небольшія деревни или выселки, размѣщенныя вокругъ него ³⁾). Въ XVII в. на этомъ мѣстѣ была уже волость, въ которой жили волостные люди: старосты, выборные, тяглые люди, бобыли, козаны и всякіе жильцы ⁴⁾). Это влеченіе на монастырскія вотчины было такъ сильно, что иногда посады и села пустѣли, и правительство принуждено было насильно возвращать крестьянъ, перешедшихъ оттуда на монастырскія земли, такъ какъ оставшимся тяжело было нести повинности ⁵⁾).

Съ богатыми монастырями трудно было спорить частнымъ владѣльцамъ, на земли которыхъ менѣе охотно шли крестьяне; а это непосредственно отражалось на распредѣленіи государственныхъ повинностей. Поэтому еще въ XVI вѣкѣ было положено ограниченіе распространенію монастырской поземельной собственности, пожертвованіе которой было замѣнено выдачею изъ казны соответствующей стоимости ⁶⁾). Но обычай былъ сильнѣе, и надѣль монастырей землями продолжался попрежнему. Тогда же была сдѣлана попытка къ ограниченію льготъ, которыми пользовались монастырскія земли, и изъ которой видно, что исключительное положеніе послѣднихъ имѣло большое вліяніе на прикрѣпленіе крестьянъ. Въ соборной грамотѣ 20 іюля 1584 г. ясно проведено тотъ мотивъ, который потомъ постоянно служилъ поводомъ къ удержанію крестьянъ на мѣстѣ. Въ ней говорится: «Совѣтовались мы

¹⁾ Акты экспедиціи, I, стр. 474.

²⁾ Правосл. соб. 1860, II, 270.

³⁾ Невольникъ, О пятинахъ новгородскихъ, стр. 168. Среднее количество населенія погоста полагають въ 2000 чел. Лешковъ, 271.

⁴⁾ Акты экспедиціи, IV, 232.

⁵⁾ Ibid. I, № 201.

⁶⁾ Указы 1572 и 1581 гг. Акты историч. I, № 154 и Акты экспед. I, № 308.

и перефрели, чтобы вперед тарханамъ не быть; земли митрополиты, архіерейскоцкія, епископскія и монастырскія въ тарханакъ и никакой царской дани и земскихъ налоговъ не платять, а воинство и служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого происходитъ большое запустѣніе въ нихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ; а крестьяне, выйдя отъ служилыхъ людей, живутъ за тарханамъ въ льготѣ, и оттого произошла великая нищета воинскимъ людямъ. И потому, ради великихъ нуждъ и нищеты воинскихъ людей, мы уложили и т. д. ¹⁾). Однако, не смотря на продолжавшееся въ тѣмъ прикрѣпленіе крестьянъ, они постоянно уходили на монастырскія вотчины. Поэтому, въ теченіе всего XVII вѣка, мы встрѣчаемъ безпрестанныя жалобы мелкихъ владѣльцевъ, городскихъ и посадебныхъ жителей на огромныя льготы монастырей, на побѣги въ нихъ крестьянъ и на умышленное укрывательство послѣднихъ, которые такимъ способомъ избѣгали общихъ повинностей. Замѣчательно, что во время этихъ жалобъ монастыри обвинялись наряду съ богатыми владѣльцами ²⁾). Такимъ образомъ между монастыремъ находящимся въ подобныхъ условіяхъ и монастыремъ въ его первоначальномъ видѣ, когда онъ еще былъ подъ руководствомъ своего основателя, — лежала глубокая пропасть. Пустынный, полагавшій основаніе обители — отказывался отъ всякой собственности и отъ людей; а нѣсколько поволовнѣи спустя его обитель стояла на ряду съ богатыми землевладѣльцами и была окружена болѣе многочисленнымъ обществомъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое могло ему встрѣтиться въ мірѣ.

Если такой ходъ вещей отразился современемъ на нравственности самихъ монастырей и народномъ хозяйствѣ; то все-таки нельзя отрицать, что въ общемъ развитіи монастырской собственности была и другая сторона, важная въ колонизаціи сѣверо-восточнаго края Россіи. Монастырямъ доставались, по большей части, земли пустыя, ненаселенныя, необработанныя, сохранившія тотъ самый видъ, въ которомъ онѣ вышли изъ рукъ природы. При первоначальномъ неустройствѣ экономическихъ отношеній, при воинственномъ направленіи тогдашняго общества, при отсутствіи личной и вещественной безопасности — слѣдствіи гражданскаго неустройства и безпрестанныхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, земли эти, по всей вѣроятности, долго не вышли-бы изъ

¹⁾ Собр. государ. грамот. и договор. I, № 202.

²⁾ Акты историч. III, № 92; IV, № 178; V, № 32; Акты арх. экспед. IV, № 33.

своего первобытнаго состоянія, еслибы онѣ не полади въ друи монастырей, которые усердно занялись ихъ заселеніемъ и разработкою. Въ этому ихъ побуждали — собственная выгода и необходимость извлечь какую-нибудь пользу изъ имуществъ, которыя, сами по себѣ, составляли только мертвый, бесплодный капиталъ. Притомъ монастыри скорѣе всѣхъ другихъ могли взяться за подобное предпріятіе и совершить его съ успѣхомъ; они находились въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія сословія. Они были гораздо менѣ отвлекаемы отъ своихъ занятій, нежели другіе классы народа; во-вторыхъ, они спокойнѣе и безопаснѣе другихъ владѣли своими вотчинами и менѣе всѣхъ терпѣли отъ главнаго бѣдствія тѣхъ временъ — отсутствія личной и общественной безопасности. Князья, въ своихъ непрерывныхъ раздорахъ, оказывали болѣе пощадъ церковному имуществу, чѣмъ мірскому; даже монголы шадли вотчины духовенства; а отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ и сильныхъ людей — монастыри, въ слѣдствіе принадлежащихъ имъ привилегій, скорѣе могли защититься, нежели частныя лица. Данное монастырямъ право призывать крестьянъ въ свои вотчины облегчало имъ возможность заселенія принадлежавшихъ имъ пустошей, а многочисленныя привилегіи, которыя предоставлены были крестьянамъ духовнаго вѣдомства, привлекали на монастырскія земли множество людей и содѣйствовали къ прочному и постоянному водворенію ихъ на монастырскихъ владѣніяхъ ¹⁾).

Таковы практическіе интересы, заставлявшіе крестьянъ переходить на монастырскія земли, по преимуществу лежавшія въ мѣстахъ пустынныхъ и еще необработанныхъ; но было и другое побужденіе, увлекавшее туда русскихъ поселенцевъ. Они шли по чувству религиозному, изъ уваженія къ прославившемуся своими подвигами отшельнику, считая мѣсто его подвиговъ предназначеннымъ для жизни, и его избирали своимъ хранителемъ и наставникомъ. Такъ заводились въ пустынь *починки* и *отселки*, обращавшіяся современемъ въ многолюдныя селенія. Вокругъ обители Ефрема, построенной на берегу р. Тверцы, образовалось большое поселеніе Новый Торжокъ, сдѣлавшееся промышленнымъ пунктомъ ²⁾. Возгъ Архангельскаго монастыря въ 1584 г. возникъ городъ Архангельскъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка даже въ Московской области были еще огромныя пустынныя пространства, и въ первый

¹⁾ Ср. Чтен. Моск. общ. ист. 1861, в. I, стр. 393.

²⁾ Маварій, Истор. церкви, I, 160.

18 лѣтъ пустынной жизни Сергія Радонѣжскаго въ его келліи вела только тропинка по лѣсамъ; но потомъ, по словахъ его біографа Енифанія, люди непощадили деревьевъ, образовали селенія и устроили много дворовъ. Тогда была проложена и дорога мимо монастыря изъ Москвы въ сѣверные города ¹⁾. Впрочемъ еще и при преемникѣ Сергія, игуменѣ Никонѣ, лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ ловили бобровъ ²⁾. Но съ постояннымъ возвышеніемъ Троицкой обители, ея окрестности быстро заселялись, такъ что въ XVII вѣкѣ тамъ было уже многолюдное населеніе. »До Сергія здѣсь была непроходимая пустыня, говорятъ троицкій келарь Симонъ Азарыинъ, а теперь всѣ видать вокругъ обители мирскія поля, села и деревни многолюдныя. Прежде здѣсь и тропинки не было для дюдей, а теперь явились большія дороги и проѣзды, открытый для всѣхъ, днемъ и ночью. До Сергія это мѣсто было безводное; но съ тѣхъ поръ множество источниковъ открыто въ окрестности обители. Множество гадовъ и змѣевъ нарушали безмолвный покой Сергія, а теперь вы не встрѣтите ихъ на 10 миль вокругъ нея. И на сколько умножалось населеніе въ обители и слободахъ, на столько и все улучшалось. Прежде не было столько и деревьевъ въ рощахъ, сколько теперь людей въ слободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были обширныя рощи« ³⁾. На сколько это мѣсто служитъ доказательствомъ обширнаго значенія монастырской колонизаціи вообще; на столько подтверждаетъ и проведенную нами выше мысль, что вотчины монастырскія представлялись съ населеніемъ болѣе густымъ, нежели обыкновенныя поселенія. До основанія монастырей Герасимомъ Болдинскимъ — на р. Бергѣ и въ дорогобужскомъ лѣсу не было никакого жилья; но современи основанія ихъ въ этихъ мѣстахъ — возлѣ нихъ стали возникать селенія и деревни. Трифонъ Печенгскій способствовалъ заселенію русскими колоніями р. Печенги. Макарій Желтоводскій, выйдя изъ татарскаго плѣна, привелъ съ собою множество христіанъ на р. Унжу (жизнеописатель его выражается: *нпродѣ*), на которой тогда стоялъ одинъ городъ и мало было селъ и деревень. Соловецкій островъ сталъ заселяться со времени Савватія, а до него тамъ никогда ни жили люди;

¹⁾ Никоновск. лѣтоп. IV, 221.

²⁾ Акты экспедиціи, I, 16.

³⁾ Предисловіе Симона Азарыина въ житію Сергія, Временникъ, № X, смѣсь, стр. 7 и 8.

но только по временамъ посѣщали его рыболовы ¹⁾). Въ біографіяхъ пустынниковъ сѣверной Россіи мы часто встрѣчаемъ извѣстія о томъ, что еще при жизни ихъ вокругъ избраннаго ими мѣста селилось много пришельцовъ. Самое слово *обитель* выражаетъ понятіе о жилищѣ, въ противоположность пустынѣ, которой посвящали себя ея основатели.

Конечно, для новыхъ поселенцевъ важны были условія мѣстности, а мы видѣли, что почти всѣ монастырскія колоніи образовались въ мѣстахъ удобныхъ для жизни: лѣсъ, вода и луга составляли необходимую принадлежность этихъ поселеній. Для дальнѣйшаго же развитія ихъ важно было также, что они основывались при впаденіи одной рѣки въ другую, при устьи или луцѣ рѣки. Иногда избранная мѣстность была окаймлена множествомъ озеръ. Рѣки и озера—доставляли рыбу, а лѣса—звѣрей, два главныхъ предмета торговли древней Россіи. Таковы были первоначальныя условія монастырскихъ поселеній ²⁾). Но уже

¹⁾ Житія: Герасима Болдинскаго, Трифона Печенгскаго, Макарія Желтоводскаго и Савватія Соловецкаго.

²⁾ А такъ какъ основатели сѣверныхъ пустынь весьма часто селились въ лѣсахъ; то имъ нерѣдко приходилось сталкиваться съ прежними обитателями лѣсовъ—разбойниками, для которыхъ такое сосѣдство было невыгодно. Возлѣ Колязина промышляла шайка Воронова, которая напала однажды на Данила Переяславскаго, когда онъ отправлялся въ Новгородъ. Іосифъ основатель Заоніевскую пустынь въ вологодскомъ лѣсу, гдѣ имѣла притонъ шайка извѣстнаго разбойника Аника, о которомъ долго сохранялись преданія и послужили основаніемъ повѣсти Аника - воинъ, встрѣчающейся въ сборникахъ XVI и XVII вв. Кириллъ Новозерскій, поселившійся на Красномъ островѣ, два раза подвергался нападенію разбойниковъ, но оба раза смирялъ ихъ своимъ увѣщаніемъ. Корнелія Комельскаго избили до полусмерти, потому что онъ мѣшалъ ихъ ремеслу. Герасимъ Болдинскій постоянно ходилъ въ лѣсъ уговаривать разбойниковъ оставить свое ремесло и нерѣдко терпѣлъ отъ нихъ побой. Въ 1550 г. шайка разбойниковъ напала на пустынь Адріана Пошехонскаго, требуя денегъ; они его жгли лучиною, кололи ножемъ, и наконецъ задушили. Но какъ только являлось въ лѣсу поселеніе—имъ приходилось оставлять прежнія мѣста. Иногда увѣщанія отшельниковъ производили свое дѣйствіе, и они бросали свое ремесло. Когда Адрианъ Ондрусовскій поселился на полуостровѣ Ладожскаго озера и къ нему сошлись ученики—онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ разбойниками, которые подъ предводительствомъ атамана Ондруса жили на островѣ Салъ, и оттуда дѣлали нападеніе на пловцовъ Ладожскаго озера. Ондрусъ требовалъ, чтобы отшельники удалились; но на каменистомъ мысѣ, который и теперь называется Сторожевскимъ, — жилъ другой предводитель шайки. Онъ соперничалъ съ

на первых порах основатель обители заботился обь обработкѣ почвы. Занятіе земледѣліемъ считается обязанностью братіи; такъ было пока монастырь жилъ собственными трудами. Обработка пашни, чистка лѣса, разведеніе овощей и фруктовъ, копаніе колодцевъ и работа на мельницѣ—вотъ общія занятія братіи ¹⁾. Основатель монастыря подавалъ примѣръ во всемъ. Тихонъ Луховскій самъ впрягался въ соху; Корнилій Комельскій работалъ жерновомъ. По уставамъ Пахомія Нерехтскаго Саввы Крыпецкаго и Севастьянна Пошехонскаго, въ ихъ обителяхъ монахи должны были заниматься земледѣліемъ и жить исключительно трудами рукъ своихъ. Въ обители Ефрема Перекопскаго монахи постоянно занимались полевыми работами, а въ свободное время—по очереди молотили рожь ²⁾. Въ некоторыхъ монастыряхъ занимались плотничествомъ, рѣзбою, плетениемъ и товарнымъ искусствомъ, а сдѣланныя вещи продавали. Отрапонтонъ и Кирилловскій монастыри были извѣстны выдѣлкою корячатыхъ ложекъ, обдѣланныхъ въ козѣ ³⁾; въ богатой Троицкой лаврѣ были свои серебряныхъ дѣлъ мастера. На неблагопріятной почвѣ приходилось прилагать особенныя усилія. Вологжская мѣстность возлѣ Галича, въ костромскомъ и комельскомъ лѣсахъ заставляла Іакова Желѣзноборскаго, Геннадія Любимскаго и Борнилія Комельскаго—копать пруды. Ефремъ Перекопекій, поселившійся на западномъ берегу озера Ильменя, у устья р. Веренды, что-

Ондрусовъ и однажды захватилъ его въ плѣнъ. Раздумывая о своемъ прошломъ, Ондрусь пришелъ въ уныніе, и когда ему удалось освободиться—онъ явился къ Адріану и остался въ его обители до смерти. Въ скоромъ времени пришелъ туда и его соперникъ. Онъ постригся у Адріана подъ именемъ Кипріана, и вслѣдъ за тѣмъ основалъ обитель на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде имѣла притонъ его шайка. Житія: Корнилія Комельскаго, Кирилла Новоезерскаго, Герас. Болдиноск., Даниіла Переяславск., Адріана Ондрусовскаго; Щекатовъ, Георг. словарь. Аннатовицъ, напечат. въ Лѣтоп. рус. литерат. Тихонравова, 1859, I, ср. Русскій архивъ, изд. Бартечевымъ, 1864 года. У Царск. № 410, у Толст. 442.

¹⁾ Житія: Геннадія Любимскаго, Никиты Переяславскаго, Тихона Медвѣдскаго, Сергія Радонежскаго, Евѣимія Сянжемскаго, Александра Ошевѣнск., Адріана Моисеенск., Отрапонта Можайск., Θεодора Ростовскаго, Саввы Вышерскаго.

²⁾ Житія: Тихона Луховск., Корнилія Комельск., Пахомія Нерехтск., Саввы Крыпече, Севастьяна Пошехонскаго.

³⁾ См. прежнія житія и Временникъ, XIII, Расходная книга, 55.

бы уничтожить вредныя дѣйствія болотъ, копать каналы, а чтобы доставить обители чистую воду—онъ провелъ протокъ изъ Веренды въ озеро, оттого и пустынь его въ свое время называлась перекопскою. Въ какихъ размѣрахъ происходили подобныя работы, совершенныя пустынниками, можетъ служить примѣромъ предпріятіе Леонида Усть-недумскаго. Онъ поселился на р. Лузѣ въ 8 верстахъ отъ Устюга; но болота, окружавшія это мѣсто, дѣлали обитель почти неудобною для общежитія. Для осушенія ихъ Леонидъ прокопалъ каналъ отъ р. Лузы до Чернаго озера, отъ Чернаго озера до Святаго и отъ Святаго до Черной рѣчки, всего въ 840 сажень. Каналъ значительно осушилъ болота, но Луза, во время разливовъ, затопляла пустынную обитель, и потому Леонидъ вынужденъ былъ перенести постройки на мысъ, возвышающійся надъ Чернымъ озеромъ¹⁾.

Въ мѣстахъ, неудобныхъ для хлѣбопашества, монастыри обращали вниманіе на другія потребности жизни: рыбную и звѣриную ловлю и добычаніе соли. Въ актахъ упоминаются особые монастырскіе ловцы; въ нихъ опредѣляются правила и время ловли, мѣстные ея предѣлы, а также право передачи въ оброчное содержаніе²⁾. Монастыри: Кирилло-Бѣлозерскій и Кандалакскій торговали кожами, преимущественно олениными и конскими³⁾; а Корецкая волость Соловецкаго монастыря была главнымъ мѣстомъ добычанія слюды⁴⁾. Но гораздо важнѣе въ развитіи общаго хозяйства была разработка соли. Около Тотмы и Чухломы, на р. Вычегдѣ, въ окрестностяхъ Бѣлоозера и на Соловецкомъ островѣ велось добычаніе соли въ обширныхъ размѣрахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ монастырей. Въ XVII вѣкѣ, въ соловарняхъ Кириллова монастыря ежегодно выдѣлывалось по 40000 пудовъ, а иногда больше, за которые монастырь выручалъ по 2000 рублей. Соловецкій монастырь продавалъ ежегодно до 130,000 пудовъ соли⁵⁾.

¹⁾ Житія: Іакова Желѣзноборск., Геннадія Любимскаго, Корнилія Комельскаго, Ефрема Перекопскаго и Леонида Усть-недумскаго; Истор. іерар. VI, 58—583. Свѣдѣн. о монастыр. 76, 77.

²⁾ Акты историч. V, № 65, 191; Дополн. I, № 48, 130, 132, 141, 223; II, 55, 77; Акты экспед. III, № 153.

³⁾ Допол. въ акт. историч. I, 236. Костомаровъ, Торговля москов. госуд. 279.

⁴⁾ Акты историч. IV, 365.

⁵⁾ Истор. іерархія, VI, 417, 419. Акты историч. I, 19, IV, № 228. Дополнен. II, № 77.

Соловареніе сдѣлалось для него главнымъ источникомъ дохода уже во время его основателей, Зосимы и Савватія. Въ ихъ жизнеописаніи говорится: «множество дровъ рубили и черпали воду изъ моря для варенія соли, которую продавали купцамъ, а у нихъ брали всякія орудія, необходимыя для монастыря»¹⁾. Въ XVII в. на соляныхъ промыслахъ монастырь содержалъ болѣе 700 человѣкъ, которые получали отъ него пищу и одежду²⁾. Рыбныя и звѣриныя ловли и соляной промыселъ составляли главныя статьи богатства сѣверныхъ монастырей, «такъ какъ въ поморскихъ странахъ, говорится въ одномъ актѣ, хлѣбъ не родится и пахенныхъ земель нѣтъ»³⁾. При всемъ томъ Соловецкій монастырь принадлежалъ къ самымъ богатымъ⁴⁾. Съ именемъ игумена Филиппа, бывшаго митрополитомъ при Иоаннѣ Грозномъ, связано улучшение хозяйства на Соловецкомъ островѣ. При немъ была устроена мельница; 52 озера были соединены каналомъ и тѣмъ осушены болотистыя мѣста для сѣнокосовъ; проложены дороги въ разныхъ направленіяхъ по дебрямъ и болотамъ. Такъ какъ по уставу запрещалось держать въ обители плодящихся животныхъ, то Филиппъ выхлопоталъ разрѣшеніе содержать скотъ на одномъ изъ острововъ, въ 10 верстахъ отъ монастыря, гдѣ построилъ скотный дворъ и завелъ рогатый скотъ, а въ лѣса пускалъ лапландскихъ оленей. Выписывая изъ разныхъ мѣстъ огромное количество суконъ и кожъ, онъ нашелъ возможность выдѣлывать мѣха и кожи изъ собственныхъ оленей. При немъ открылся и желѣзный промыселъ—въ Солокурбѣ⁵⁾. Іаковъ Желѣзноборскій основалъ

1) Житіе Зосимы и Савватія. Правосл. собесѣд. 1859, т. II и III.

2) Акты арх. экспедиціи, III, № 110.

3) Акты историч. IV, 1⁴⁸. Сѣверныя рѣки и озера доставляли огромное количество рыбы. Точное понятіе о ихъ богатствѣ даютъ современныя свѣдѣнія. Такъ, Белоозеро ежегодно даетъ рыбы на 50000 р.; Кубенское озеро на 150,000 р. и Ладожское на 250,000 руб. сер. На островахъ Онежскаго озера—Сало-сальма и Пало-осенью собирается обыкновенно до 500 лодокъ для ловли рыбы. См. Географич. словарь Россійск. имперіи, Семенова. I, 370; II, 816; III, 8, 654. Островъ Копенецъ на Ладож. озерѣ ежегодно доставляетъ монастырю до 850 пуд. рыбы. Ibid. II, 706.

4) На трехъ главныхъ островахъ, принадлежавшихъ ему (Соловецкомъ, Анзерскомъ и большомъ Муксалмскомъ), находится до 300 озеръ, изобилующихъ прѣсною водою и хорошею рыбою. Опис. Солов. м. 13, 17.

5) Опис. Соловец. мон. III, 12, 17, 25, 74, 75; Соловец. лѣт. 20, 21, 26—29.

обитель также возлѣ желѣзнаго рудника. Сдѣлавшись такимъ образомъ средоточнымъ и промышленнымъ пунктомъ, съ значительнымъ населеніемъ вокругъ, — монастырь современемъ обращался въ городъ: онъ ограждался каменною стѣною и становился стратегическимъ пунктомъ. Такъ, Тихвинскій монастырь Богородицы составлялъ цѣлый городъ съ рвами, палисадомъ, необходимымъ строеніемъ и стражею ¹⁾. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ увѣщленъ лучше многихъ городовъ. Онъ имѣлъ 33 башни вдоль стѣны, тогда какъ въ Астрахани было—10; въ Муромѣ и Смоленскѣ—14; въ Воронежѣ—17. Въ Новгородѣ—въ каменномъ городѣ было ихъ 10; въ земляномъ 9 и въ деревянномъ 37. Въ Кирилловскомъ монастырѣ вышина внѣшней стѣны была до 16 аршинъ, внутренней—10; толщина первой въ 9¹/₂, а внутренней въ 1¹/₂ аршина. Первая была каменная, а вторая, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея,—деревянная; за нею съ внѣшней стороны проходилъ ровъ. Для сравненія замѣтимъ, что въ Астрахани въ XVII в. каменная стѣна въ толщину была въ 1¹/₂ сажени, а въ вышину съ зубцами—4 с. Стѣны Московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ имѣли въ толщину 18 футовъ. Въ концѣ XVI в. Соловецкій монастырь воздвигъ каменную крѣпость ²⁾. Вообще въ то время монастыри были твердынями. Между тѣмъ какъ въ XVII в. во всей Россіи, по достовѣрному извѣстію, каменныхъ городовъ было около 20, а остальные — деревянные; каменное укрѣпленіе въ монастыряхъ было обыкновеннымъ явленіемъ ³⁾. Осады Троицкой лавры, Соловецкаго и Псково-печерскаго монастырей лучше всего показываютъ, какими средствами владѣли въ то время монастыри для своей защиты въ самыя критическія минуты ⁴⁾. Въ Соловецкомъ монастырѣ и принадлежавшемъ ему Сумскомъ острогѣ состояло рабочихъ людей, пушкарей, защитниковъ и стрельцовъ до 1000 человекъ и всѣ они содержались на счетъ монастыря ⁵⁾. Служа постоянно цѣлью бла-

¹⁾ Акты юридическіе, № 365.

²⁾ Шевыревъ, Поѣздка въ Кирил. монастырь, 25, 26. Очеркъ нравовъ великорус. народа, Костомарова, 12—15. Акты истор. IV, 134. Angl. Navig. ed. Starcz. 7. Соловец. лѣтоп. 13. Стѣны Соловец. крѣпости съ 8 огромными башнями существуютъ до сихъ поръ. Опись Солов. монаст. I, 85.

³⁾ Котошихинъ, стр. 106.

⁴⁾ См. Опис. Троиц. лавры Смирнова; Опис. Соловец. монаст. и Повѣсть о Печерс. монаст.

⁵⁾ Акты арх. экспед., III, № 110. Неволіна, О пятинахъ новгород. 168.

гочестивыхъ странствованій, а иногда стратегическими пунктами, — монастыри все болѣе приходили въ сообщеніе съ центрами общественной жизни. Выгодное положеніе пустынь на берегу рѣкъ и озеръ облегчало въ нимъ доступъ и способствовало тому промышленному значенію, съ какимы явились эти обители. Къ нимъ въ различныхъ направленіяхъ прокладывались дороги, а вблизи ихъ устраивались страннопріимницы для пилигримовъ и гостинницы для путешественниковъ¹⁾ Такимъ образомъ основаніе обителей въ пустынныхъ мѣстахъ на сѣверѣ способствовало развитію путей сообщенія и доставляло путешественникамъ возможность имѣть на пути постоянныя пристанища. При недостаткѣ въ то время частной предприимчивости и обширныхъ средствъ даже въ рукахъ правительства, подобныя предпріятія могли быть выполнены только монастырями, которые поэтому имѣютъ важное хозяйственное значеніе въ древнюю эпоху нашей исторіи.

Располагая большими матеріальными средствами и привилегіями, монастыри сосредоточили въ своихъ рукахъ обширную торговлю. Право беспошлинной торговли въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ теченіи продолжительнаго времени — было обмененнымъ явленіемъ. Такъ, монастырь Даниѣла Переяславскаго имѣлъ право на беспошлинную отправку разныхъ произведеній изъ монастырскихъ имѣній въ Нижній Новгородъ и Балахну²⁾. Троицкій монастырь получилъ отъ Іоанна Грознаго привилегію торговать солью и разными товарами³⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ, этотъ монастырь ежегодно посылалъ за солью въ Астрахань. Его судно имѣло право, сверхъ беспошлинной пропорціи, брать неопредѣленное количество соли для торговли, но съ платою пошлины⁴⁾. Симонъ Азарыинъ говоритъ вообще, что обитель Сергія пользовалась беспошлинною торговлею въ многихъ городахъ и даже за моремъ, и потому въ теченіе многихъ лѣтъ она наполнилась всякимъ богатствомъ⁵⁾. Соловецкій монастырь имѣлъ право продавать безошлинно до 130,000 пудовъ соли⁶⁾. Свѣжскій Богородскій монастырь могъ ежегодно на-

1) Житія: Пахомія Нерехтскаго, Евфросина Псковс. и Корнилія Комельскаго.

2) Акты экспедиціи, I, 212.

3) Акты экспедиціи, I, 381.

4) Акты историч. III, 272.

5) Временникъ, № X, стр. 12.

6) Акты экспедиціи, III, 426.

грузить 20,000 пудовъ соли въ Астрахани на собственное судно и продавать ее или мѣнять на товары, необходимые для монастырскаго употребленія. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ это количество было увеличено до 30,000 пудовъ. Монастырь промѣнивалъ эту соль въ Казани, Нижнемъ, Новгородѣ и Москвѣ, и въ замѣнъ за нее получалъ—хлѣбъ, масло, сукна, шѣха, овчины, лошадей и рогатый скотъ—безпошлинно ¹⁾. Подобныя же привилегіи на извѣстное количество имѣли монастыри: Кирилловскій, Архангельскій, Каргопольскій, Симоновъ и Спасо-прилуцкій ²⁾. Усолье между Симбирскомъ и Самарой въ половинѣ XVII вѣка временно было отдано въ распоряженіе монастыря Саввы Сторожевскаго. Многіе монастыри имѣли право безпошлинной торговли на извѣстное количество хлѣба, рыбы, масла, скота, и покупать фабричныя произведенія на монастырскія потребности ³⁾. Но иногда количество груза для безпошлинной торговли неограничивалось, напр. для Иверскаго монастыря на озерѣ Вадаѣ, при Алексѣѣ Милайловичѣ ⁴⁾. Другіе монастыри сами имѣли право на пошлины, собираемыя въ ихъ предѣлахъ. Іоаннъ Грозный въ 1563 г. даровалъ Симонову монастырю, владѣвшему Весьегонскомъ, весь пошлинный сборъ и запретить всякіе торги въ окрестности. Здѣсь имѣли сбытъ: рыба, соль, хлѣбъ и вообще сельскія произведенія. Сюда съѣзжалось множество крестьянъ изъ соседнихъ мѣстъ и купцы изъ Ярославля, Углича, Казани, Рязани, Москвы, Твери и даже Великаго Новгорода ⁵⁾. Сборъ пошлинъ съ извѣстной Макарьевской ярмарки былъ предоставленъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ распоряженіе монастыря Макарія Желтоводскаго. Это право монастырь сохранялъ въ теченіе всего XVII вѣка. Купцы, отправлявшіеся сюда, избавлялись отъ осмотровъ на дорогѣ, а въ теченіе торговаго времени — отъ всякихъ исковъ, отвѣтовъ и тяжбъ. Всякое разбирательство между торговцами и покупателями, за исключеніемъ дѣлъ о разбояхъ и воровствѣ, принадлежало архимандриту и братіи Желтоводскаго монастыря. Эти привилегіи были даны ему въ 1662 г., а въ 1692—снова подтверждены ⁶⁾.

¹⁾ Акты экспедиціи, III, 119.

²⁾ Акты экспедиціи, I, 209.

³⁾ Ibid. III, 120.

⁴⁾ Полн. собр. закон. I, 337.

⁵⁾ Акты экспедиціи, I, 296, 297.

⁶⁾ Акты историческіе, V, 155—161.

Этого мало. Монастыри и ихъ вѣтчины дѣлались торговыми пунктами. »Достоинно замѣчанія, говоритъ Костомаровъ, что большую частью торги отрывались въ монастырскихъ имѣніяхъ, отчасти потому, что жители церковнаго вѣдомства были зажиточнѣе и не такъ стѣснены, какъ жители другихъ вѣдомствъ, а во-вторыхъ потому, что монастыри нерѣдко испрашивали ярмарочные доходы въ свою пользу, и для собственной выгоды старались привлекать къ себѣ торговцевъ. Вообще съ лицами духовнаго званія было удобнѣе и легче имѣть дѣло. Такъ дунія наши ярмарки, и въ томъ числѣ Макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюдениемъ и управлениемъ. Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу престольныхъ праздниковъ, и, слѣдовательно, соединялись съ религиознымъ значеніемъ. Чѣмъ святѣе было мѣсто, тѣмъ болѣе пріѣзжало туда людей и для благочестія, и для мірскихъ интересовъ¹⁾. Въ селѣ Корровѣ (нынѣшнемъ городѣ Владимирской губ.), принадлежавшемъ Евеміевскому монастырю, была ярмарка въ день Рождества Христова²⁾. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ были большія ярмарки три раза въ годъ: на Успеніе, Введеніе во храмъ и на память св. Кирилла Бѣлозерскаго. Сюда съѣзжалось множество торговцевъ и, по обыкновенію, вмѣстѣ съ ними являлись кабацкіе цѣловальники, отчего эти собранія отличались такимъ пьянствомъ, что нерѣдко на нихъ случались смертоубійства. Поэтому игуменъ просилъ перевести торгъ на Словенскій волокъ, въ имѣніе монастыря. Ярмарки проходили и здѣсь въ прежніе сроки. На этихъ ярмаркахъ бывали посадскіе люди и крестьяне изъ уѣздовъ Бѣлозерскаго, Вологодскаго, Каргопольскаго и Новгородскаго, и въ это время изъ Бѣлозерска пріѣзжало таможенное начальство. Бѣлозеро вею обширную торговлю солью, рыбой и хлѣбомъ. Въ городѣ существовалъ большой гостинный дворъ, а въ XVI вѣкѣ Бѣлозеро было перевалочнымъ пунктомъ между Вологдою и Нарвою и вмѣстѣ съ тѣмъ, связью бѣломорской торговли съ балтійскою³⁾. Въ XVII в. столь же извѣстная ярмарка была въблизи Александровской пустыни, куда пріѣзжали и шведскіе бунцы⁴⁾. Весьегонскъ славился

1) Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 134.

2) Акты экспедиціи, III, 445.

3) Акты экспедиціи, I, 225; Дополн. къ истор. акт. III, 327; Насл. 408.

4) Допол. къ историч. акт. IV, 272.

ярмаркою со времени Иоанна Грозного, которая находилась въ распорядженіи Симонова монастыря и открывалась обыкновенно на заговѣнье Петрова поста ⁴⁾. Возлѣ Нижняго Новгорода торговцевъ привлекала Макарьевская ярмарка, открывавшаяся ежегодно въ іюль подѣ монастыремъ св. Макарія Желтоводскаго. Купцы прїѣзжали сюда преимущественно изъ восточныхъ городовъ: Свияжска, Чебоксарь, Казани, Алатора, Симбирска. Товары доставлялись болѣе воднымъ путемъ, нежели сухопутнымъ, и развозились отсюда въ двѣ стороны: на Москву и Казань. Такимъ образомъ Макарьевская ярмарка сдѣлалась посредницею торговаго сообщенія европейской Россіи съ Сибирью—значеніе, остающееся за нею до сихъ поръ ²⁾. Съ XIV до XVII в. на р. Устьѣ, гдѣ Феодоръ и Павелъ ростовскіе основали Борисоглѣбскій монастырь, въ день Борца и Глѣба (2 мая), изъ городовъ и уѣздовъ съѣзжались люди всякаго званія и производили торгъ безплатно. А когда они отправлялись на ярмарку, жители тѣхъ городовъ давали имъ пожертвованія въ монастырь, для совершенія разныхъ церковныхъ требъ ³⁾.

Кромѣ того, во владѣніяхъ нѣкоторыхъ монастырей, происходили обыкновенные торги: напр. въ вотчинѣ Николаевскаго монастыря, въ Бѣвецко-Ворхскомъ уѣздѣ ⁴⁾; въ Торжкѣ, на посадѣ, торгъ принадлежалъ Спасо-прилуцкому монастырю ⁵⁾. Для постоянныхъ торговъ назначался какою-нибудь день недѣли. Такъ, въ селѣ Гравовецкомъ Вологодскаго уѣзда, принадлежавшемъ Введенскому монастырю, торгъ былъ по понедѣльникамъ ⁶⁾. Въ Борисоглѣбскомъ селѣ, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, былъ торгъ по пятницамъ ⁷⁾. Въ одной изъ вотчинъ Ярославскаго Спасо-прилуцкаго монастыря торгъ производился по субботамъ ⁸⁾. Чтобы судить объ обширности постоянной торговли монастырей, мы укажемъ на примѣръ Пышношскаго монастыря, который одинъ въ своемъ селѣ имѣлъ 20 торговыхъ лавокъ ⁹⁾.

1) Акты экспедиціи, I, 296

2) Костомаровъ, Очеркъ торговли Москов. гусудар., 101, 102.

3) Житіе Феодора и Павла Ростовс. у Филарета; октябрь, 247, примѣч.

4) Акты экспедиціи, III, 413.

5) Ibid. II, 275.

6) Полн. собр. зак. II, 88.

7) Акты экспедиціи, II, 64.

8) Ibid. I, 414.

9) Опис. Пышношск. монаст. стр. 105.

Торговая пльота монастырей также приносила и престыль. Монастыри иногда отдавали иль на откупъ свои торговны права ¹⁾. При незначительной въ то время конкуренции, даже нежны льготы дажна были составлять прижанку. Въ XVII вѣкѣ въ Торжкѣ, гдѣ горсть на посадѣ была въ распоряженіи Прилуцкаго монастыря, не позволялось подражаться къ явкамъ и завѣдывать въсамъ винкою, кромѣ престыль этого монастыря ²⁾.

Но монастырская торговля не ограничивалась только прижанками, коньячинями на монастырской территоріи. Монастыри иль и постоянное сношеніе съ другими промышленными пунктами и городами, въ которыхъ иль и свои торговые дворы. Соловецкій монастырь сбывалъ произведенія въ Вологдѣ и Холмогорахъ; Кандагаскій монастырь — въ Холмогорахъ; Бѣжецкій — въ Устюгѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Каргополѣ и Турчасовѣ ³⁾. Пѣчиношскій монастырь иль одно подворье въ Москвѣ, другое въ Дмитровѣ ⁴⁾. Спасо-Евсепіевъ — 5 дворовъ въ одномъ Суздаль; Покровскій Чухломской — одинъ въ Соля Галицкой, другой въ Чухломѣ; Коренскій-Николаевскій — нѣсколько дворовъ въ Неноксѣ; Тихвинскій Успенскій — въ Новгородѣ; Архангелюгородскій — въ Холмогорахъ, Неноксѣ и Унѣ; Сѣвскій Антоніевъ — въ Холмогорахъ, Емецкомъ станѣ, Вологдѣ, Унѣ и Неноксѣ ⁵⁾. Солювецкій монастырь — въ Москвѣ, Новгородѣ, Каргополѣ, Холмогорахъ (съ запасными соляными магазинами), Устюгѣ Великомъ, Тотьмѣ, Ярославлѣ, въ селеніи Сежмакъ (Олонец. губ. для складки соли), въ Кемскомъ городѣ, въ поморскомъ селеніи Сорочѣ и другихъ вотчинахъ, а также при соляныхъ парницахъ ⁶⁾. Болѣе другихъ знакомитъ насъ съ хозяйственнымъ и торговнымъ значеніемъ богатыхъ монастырей въ древнюю эпоху Россіи (до XVIII в.) — жалованная грамота императрицы Елисаветы Петровны Троицкой лаврѣ на дворовыя мѣста въ разныхъ городахъ ⁷⁾. По большей части такіе дворы давались монастырямъ для хозяйственныхъ цѣ-

¹⁾ Ibid. II, 64.

²⁾ Ibid. II, 276.

³⁾ Допол. къ истор. актамъ, II, № 77. I, 236.

⁴⁾ Опис. Пѣчинош. монаст. стр. 47, 105.

⁵⁾ Акты историческіе, I, № 116, 125, 141, II, 60, 78, 77, 86. III.

⁶⁾ Опис. Соловец. монаст. 427--437.

⁷⁾ Въ Чтеніяхъ Москов. общ. исторіи и древностей, 1865, IV, 153--162.

лей, и въ грамотѣ о многихъ изъ нихъ прямо замѣчено, что это дворы, торговые, гостинные, огородные, овощные, дровяные, у соляныхъ амбаровъ и варницъ, на лугахъ или у рѣчныхъ сплавовъ. Въ предѣлахъ Москвы Троицкая лавра имѣла 20 дворовъ; въ Алаторѣ—10; въ Старицѣ—1; въ Нижнемъ Новгородѣ—7; въ Базахѣ—4; въ Астрахани—2; въ Арзамасѣ—10; въ Варзугѣ—10; у Соли-Камской—2; въ Тетюшѣ—1; во Владимірѣ—4; въ Казани—2; въ Суздалѣ—8; въ Муромѣ—6; въ Твери—3; въ Торжкѣ—1; въ Новгородѣ—6; въ Псковѣ—1; въ Холмогорахъ—4; въ Коломнѣ—1; въ Боровскѣ—1; въ Коротоявѣ—2; въ Ельцѣ—1; въ Калугѣ—2; въ Вереѣ—1; въ Ростовѣ—2; въ Ярославлѣ—2; въ городѣ Костромѣ—2 и въ Костромскомъ уездѣ—у Соли малой—3; въ пригородѣ Нерехтѣ—1; въ Угличѣ—7; въ Бѣжецкѣ—2; въ Галичѣ—5; у Соли-Галицкой—11; въ Кашинѣ—2; въ Вологдѣ—5; въ Устюгѣ—4; въ Переяславѣ Залѣскомъ—17; наконецъ въ Юрьевѣ Поволжскомъ—2. О нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчено, что они стоятъ на большихъ или торговыхъ дорогахъ; на торговыхъ и большихъ улицахъ, или на берегу рѣкъ. Въ торговомъ отношеніи важны были также волоки, а потому и тамъ мы встрѣчаемъ монастырскіе дворы. Всѣ эти дворы пользовались разными льготами, какъ наприм. освобожденіемъ отъ сбора повинностей, лежавшихъ на другихъ ¹⁾. Монастырскія подворья бывали иногда очень обширны. Такъ, въ Вологдѣ монастырскій дворъ имѣлъ 60 сажень въ длину и 8 поперекъ, и эта обширность свидѣтельствовала о большомъ размѣрѣ торговли ²⁾. Дворовыя и огородныя мѣста Троицкой лавры на р. Неглинной тянулись: по правую сторону въ длину на 160 сажень и поперекъ на 123, а по лѣвую—въ длину на 174 саж. и поперекъ—на 80 ³⁾.

Монастырскую торговлю занимались старцы, которымъ поручалось это занятіе, купчины или комисіонеры и монастырскіе слуги ⁴⁾. Торговая дѣятельность монаховъ рѣзко бросалась въ глаза иностранцамъ, жившимъ въ Россіи. Монахи, говоритъ Флетчеръ, самые богатые купцы въ странѣ. Они ведутъ торговлю всякаго рода товарами. ⁵⁾

¹⁾ Акты экспедиціи, I, 529.

²⁾ Костомаровъ, Очеркъ торговли Москов. государства, 138.

³⁾ Жалов. грамот. Троиц. лавры, Чтен. Москов. общ. ист. 1865, IV, 155.

⁴⁾ Акты экспедиціи, I, 405.

⁵⁾ Fletcher, II, 97.

Монахи, замѣчаетъ Коллинсъ, торгуютъ солодомъ, хмѣлемъ, разнаго рода хлѣбомъ, лошадьми, рогатыми скотомъ и всѣмъ, что приноситъ имъ выгоды¹⁾. Иногда монастыри находили для себя болѣе удобнѣе отдавать свои промыслы въ оброчное содержаніе. Рыбныя ловли Соловецкаго монастыря въ XVII в. всѣ были отданы на откупъ²⁾. Замѣчательно, что многіе предпочитали брать въ оброчное содержаніе монастырскія ловли даже царскимъ; такъ что правительство сочло необходимымъ наложить на это запрещеніе и приказывало брать въ оброкъ непремѣнно свои промыслы³⁾.

Впрочемъ трудно представить общую цифру промышленной дѣятельности монастырей, по недостатку данныхъ. Для приблизительнаго же пониманія ея намъ придется ограничиться нѣкоторыми числами и сдѣлать выводъ, на основаніи сравнительныхъ соображеній. Уже въ XVI вѣкѣ въ монастыряхъ хранились массы сокровищъ⁴⁾. Когда Іоаннъ Грозный сдѣлалъ поборъ на духовенствѣ, то нѣкоторые епископства и монастыри въ состояніи были уплатить 40,000, 50,000 и 100,000 рублей⁵⁾. Общую сумму этого сбора полагали тогда въ 300,000 стерлинговъ⁶⁾. Что касается монастырскихъ доходовъ, то цифры ихъ представляются различно, смотря по значенію каждой обители. Нѣкоторые монастыри получали съ своихъ земель ежегодно дохода 1000 и 2000 рублей, а Троицкая лавра, владѣвшая громадною поземельною собственностью и привилегіями, собирала ежегодно до 100,000 рублей⁷⁾. Эта цифра не можетъ казаться преувеличенною, такъ какъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда уже лавра не имѣла всѣхъ прежнихъ льготъ, одного поземельнаго дохода насчитывали до 50,000 руб.; притомъ эта цифра поставлена очевидно съ цѣлью оградить обитель

1) Коллинсъ, стр. 9.

2) Кильбургеръ, 28.

3) Акты экспедицій, III, 119.

4) Рѣчь Іоанна Грознаго къ духовенству у Горсей.

5) Fletcher, I, 127. Въ теченіе XVII в. Соловецкій монастырь, на однѣ государственныя нужды, могъ выдать болѣе 60,000 руб. Послѣ Соловецкаго возмущенія въ монастырской казнѣ было найдено 29,268 руб. Опись Соловецкаго монастыря, I, 157.

6) Горсей.

7) Fletcher, II, 97. Патриархъ съ своихъ земель получалъ около 3000 руб., митрополиты и архіепископы до 2500, нѣкоторые епископы 1000, другіе 800, третьи 500 руб. Новгородскій митрополитъ всего получалъ 10—12000 рублей ежегоднаго дохода. Fletcher, II, 88.

отъ большаго налога въ пользу инвалидовъ, который былъ поставленъ въ 40,000, конечно на основаніи приблизительныхъ соображеній о доходахъ лавры¹⁾. Такимъ образомъ, если принять годовою доходъ Троицкой лавры 100,000 р. почти соответствующимъ количеству крестьянъ (106, 600 челов.), то общая цифра монастырскаго дохода въ Великороссіи будетъ равняться 824,599 рублямъ, принявъ число монастырскихъ крестьянъ въ 660,185 человекъ и принадлежавшихъ высшему духовенству, которые пользовались также большими льготами; въ 164,414 человекъ²⁾. Конечно такой расчетъ будетъ весьма скромнымъ. Общій государственный доходъ во второй половинѣ XVI в. равнялся 1,228,000 руб.³⁾, а въ XVII, за исключеніемъ расхода по городамъ и сибирской казны, 1,311,000 рублей⁴⁾.

Примѣняясь къ современной стоимости, тогдашнюю поземельную собственность монастырей можно оцѣнить слѣдующимъ образомъ:

На земляхъ монастырей сѣверо-восточной Россіи было 660,185 крест.

— высшего духовенства 164,414 челов.

Въ епархіяхъ кіевск., черниговск. и новгород.-сѣверск. до 140,000 —

¹⁾ О расходахъ Троицкой лавры. Чтеніе Моск. общ. ист. 1865, IV. 163—166.

²⁾ Исторія іерархіи, VI, стр. 1055—1099. Больше достоверныя данныя о доходахъ монастырей можно получить слѣдующимъ образомъ. Каждый крестьянинъ, занимавшійся земледѣіемъ, платилъ монастырю среднимъ числомъ по 3 деньга и треть изъ хлѣбнаго посѣва. 10 тогдашнихъ новгородскихъ или 20 московскихъ денегъ на нашъ счетъ составляютъ 1 р. сер. Одинъ же человекъ сѣялъ обыкновенно 4 короба ржи, а коробъ (2 четверти) ея стоилъ 10 новгор. денегъ. Окладная книга, Временникъ № XI и XII, а также статья Бѣляева о поземельномъ владѣніи въ Московск. госуд. 80. Въ плодороднѣйшихъ мѣстахъ Москов. государ. въ то время хлѣбъ давалъ отъ 20—30 зеренъ (Герберштейнъ). Такими мѣстами были: Ярославская область, берега Оки и Сѣверной Двины, земля Рязанская и Нижегородская. Барберини, 13, 31, 38; Ювій, 30. Кроме того монастыри отъ крестьянъ получали известное количество сыру, масла, пива, яну, овса, сѣна. См. Оклад. книгу во Временникѣ.

³⁾ Fletcher, I, 120.

⁴⁾ Котошихинъ, 101. Для точнаго заключенія объ этихъ данныхъ приведемъ слѣдующій выводъ о стоимости денегъ въ то время. Въ XVI вѣкѣ изъ 48 золотниковъ серебра дѣлали 3 руб. московскихъ и 1¹/₂ новгородскихъ, а теперь выводитъ 10¹/₂. Слѣовательно московскій рубль по вѣсу былъ дороже настоящаго въ 3¹/₂ раза, а новгородскій въ 7 разъ, причемъ принимаютъ, что металлы въ то время были вдвое дороже нашихъ. Лешевъ, 481.

Слѣдовательно всего 964,599 человекъ. Полагая на каждого человека по 4 десятины, получится одной земли монастырскихъ крестьянъ 3, 858,396 десятинъ. Но къ этому количеству, по меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ прибавить такое же количество земли, находившейся въ непосредственномъ пользованіи монастырей, такъ что всей монастырской земли надобно положить не менѣе 7,716,792 десятинъ. Средняя годовая плата за пользованіе десятиною въ настоящее время не менѣе 2 р. 50 в.; а съ доходами отъ приписныхъ мельницъ, луговъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловель—эту плату необходимо по крайней мѣрѣ удвоить; слѣд. годовой поземельный оброкъ въ настоящую пору могъ-бы ежегодно доставлять 38,583,960 рублей. А если оцѣнить означенное количество монастырской земли по нынѣшней средней продажной стоимости, т. е. по 25 руб. за десятину, то получится весьма крупная цифра: 192,919,800 рублей. Въ Австрійской имперіи, церковныя имущества въ настоящее время цѣнятся въ 185,672,967 гульденовъ (по курсу равныхъ рублямъ), а въ Итальянскомъ королевствѣ (1867 г.) 430,000,000 франковъ, или въ 107,500,000 рублей ¹⁾.

Мы прослѣдили развитіе матеріальной стороны монастырскаго быта въ Россіи до XVIII вѣка; оно находилось въ тѣсной связи съ внутреннимъ складомъ тогдашняго общества. Но богатства монастырей дали имъ возможность принять на себя попеченіе въ тѣхъ обстоятельствахъ народной жизни, когда частная дѣятельность или отказывалась служить обществу, или не имѣла для того достаточно средствъ. Такимъ путемъ нравственное вліяніе монастырей на общество было еще болѣе обезпечено за ними.

Если тогдашнее общество много страдало отъ сильныхъ и личнаго произвола; то неменѣе того оно страдало отъ постоянныхъ войнъ, неурожаевъ и повальныхъ болѣзней, противъ которыхъ употреблялись обыкновенно религіозныя средства—постъ и молитва ²⁾. Въ періодъ 1228.—1462 г. въ Россіи было 232 военныхъ опустошенія; число неурожаевъ на каждое столѣтіе приходится по крайней мѣрѣ по 8-ми ³⁾.

¹⁾ Ср. вѣдомость въ Исторіи рос. іерархіи VI, и Трудахъ Киевск. дух. акад.; 1867, іюнь, статья: Нѣсколько цифръ изъ статистики русской церкви.

²⁾ Лешевъ, Русскій народъ и государ. 486, 489.

³⁾ Ibid. 473. Соловьевъ, VI, 245. Въ періодъ 1059—1240 г. насчитываютъ до 112 междоусобій. Погодинъ, Междоусоб. войны, Временникъ, XIII, 80.

Съ 1228—1462 г. было 10 голодовъ. во всей русской землѣ; принямая же общую цифру съ XII в.—по XVI, на каждое столѣтіе придется по 8¹⁾). Во время голода въ 1230 г. въ Смоленской области было собрано 32,000 труповъ, въ Новгородѣ за два раза: 3030 и 3500. Съ 1228—1462 г. встрѣчается 23 извѣстія о морѣ; но, считая собственно съ половины XIV в., придется по одному извѣстію на каждыя 5 лѣтъ. По извѣстію Кранца, въ Новгородской области въ 1390 г. погибло отъ мору 80000 человекъ; а въ 1458 г., по лѣтописному извѣстію—250,652 чел. и 48,000 въ одномъ Новгородѣ. Въ 1552 и 1553 гг. въ Новгородской и Псковской областяхъ свирѣпствовалъ такой моръ, что умерло болѣе 300,000 человекъ. Въ 1565 г. открылся моръ въ Польшѣ и на слѣдующую весну онъ прошелъ чрезъ Луки, Торонецъ, Смоленскъ—въ Великій Новгородъ, Старую Русу, Псковъ, вплоть до Москвы. А въ 1570 г. моръ свирѣпствовалъ по всему государству²⁾. Въ слѣдствіе воинственнаго направленія времени, недостатка осѣдлости и прочной собственности, большихъ сбереженій не дѣлали, а въ виду нападеній крестьянамъ запрещалось строить житницы и велѣно было держать зерновой хлѣбъ только въ ямахъ³⁾. Оттого неурожаи въ то время слишкомъ тяжело ложились на народъ. Одно бѣдствіе вело за собою другое: непрерывныя войны часто бывали причиною неурожая; неурожаи, при недостаткѣ запасовъ, производили голодъ; голодъ велъ за собою повальныя болѣзни. За недостаткомъ хлѣба, во время неурожая и голода, народъ ѣлъ липовый листъ, березовую кору, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, а дѣтей отдавали даромъ купцамъ. Отъ истощенія силъ многіе падали мертвыми по улицамъ⁴⁾.

Во время такихъ бѣдствій являлись на помощь монастыри. По царственнымъ записямъ на вотчины—они обязывались помогать бѣднымъ; а огромныя богатства, скопившіяся въ ихъ стѣнахъ, давали имъ возможность выполнять это въ обширныхъ размѣрахъ. Сергій Радо-

¹⁾ Лешковъ, 485.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 155, 169; IV, 308, 317. Никольскій лѣтописецъ, Жур. мин. народ. просв. ч. LXXX. Соловьевъ, IV, 236, 250—252; VII, 67, 68.

³⁾ Костомаровъ; Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 34.

⁴⁾ Дополн. къ истор. акт. I, № 221. Беръ (Буссовъ) клянется, что, въ страшный голодъ при Борисѣ Годуновѣ, онъ видѣлъ людей, которые лѣтомъ ѣли траву, а зимою сѣно; у мертвыхъ находили во рту

нежскій завѣщаль въ своей обители никому не отказывать ни въ пищѣ, ни въ пристанищѣ. И до сихъ поръ, замѣчаетъ его біографъ въ половинѣ XVII вѣка, этотъ обычай сохраняется. Не только простые, больные и нищіе получаютъ здѣсь все нужное; но даже князья, бояре и воины. Проходя мимо, они берутъ съ собою въ путь пишу и питье ¹⁾. Во время голодовъ, свирѣпствовавшихъ на сѣверѣ въ XV и XVI вв. въ обителяхъ Михаила Клопскаго, Оерапонта Можайскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Діонисія Глушицкаго и Корнилія Комельскаго, по распоряженію самихъ основателей, выдавали хлѣбъ ²⁾. При Іосифѣ Волоколамскомъ неурожай продолжался нѣсколько лѣтъ, и потому хлѣбъ продавался по высокой цѣнѣ: четверть стоила 48 сребрениць. Люди ѣли то же, что и скотъ: листья, кору, сѣно, а подъ конецъ даже толченныя глинушки и горькій корень ужовника. Тогда Іосифъ открылъ монастырскія житницы, которыя были осаждаемы крестьянами и нищими. По одному извѣстію, въ Волоколамскому монастырю сразу стеклось до 7000 человекъ, не считая дѣтей; а по другому въ монастырѣ ежедневно прокармливалось по 400 и 500 человекъ, тоже не считая дѣтей. Многие изъ крестьянъ оставляли ихъ у монастыря, не имѣя возможности прокормить сами. Узнавъ объ этомъ, Іосифъ велѣлъ розыскивать родителей; но когда ни одинъ изъ нихъ не явился—Іосифъ собралъ всѣхъ дѣтей и построилъ для нихъ особый домъ, гдѣ и содержалъ ихъ до возраста. Когда истощился весь хлѣбный запасъ въ монастырѣ—Іосифъ сталъ продавать скотъ и одежду, пока не оскудѣлъ монастырь. Тогда Іосифъ велѣлъ занять денегъ подъ росписки и сократить расходы на монастырь. Въ праздничные дни монахамъ стали давать, вмѣсто казачей и медоваго квасу, только хлѣбъ, рыбу и хлѣб-

вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ. Родители умерщляли дѣтей, дѣти—родителей, хозяева—гостей, и мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ. Путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Бочва ржи стоила 10—12 гульденовъ. Моск. лѣт., 34. Петрей же говоритъ, что бочва ржи прежде продавалась по 12 грошей, а теперь по 19 талеровъ, 292, 293.

¹⁾ Предисловіе къ житію Сергія, Симона Азарьина. Временникъ, X, 10 стр.

²⁾ Житія: Михаила Клопскаго, Оерапонта Можайскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Діонисія Глушицкаго, Корнилія Комельскаго.

ный квасъ; а въ простые дни—они ѣли одно варево и пили воду. Это вызвало ропотъ въ монахахъ. Но Иосифъ отвѣчалъ роптавшимъ, что они дали обѣтъ терпѣть всякую нужду ради царства небеснаго, а потому и не должны лишать помощи тѣхъ, которые съ женами и дѣтьми скитаются по чужимъ мѣстамъ изъ-за куска хлѣба. Слухъ о помощи Иосифа произвелъ благоприятное впечатлѣніе. Богатые, видя уменьшеніе средствъ монастыря, поспѣшили помочь ему. Болѣе другихъ содѣйствовалъ въ этомъ Иосифу — Андрей, одинъ изъ волоцкихъ вельможъ. Другой благотворитель поспѣшно доставилъ 30 рублей изъ Пскова. Великій князь Василій Іоанновичъ, покровитель Волоколамскаго монастыря, самъ пріѣхалъ туда во время голода и велѣлъ выдать изъ своихъ селъ 1000 четвертей ржи, 1000—овса и 100 рублей деньгами. Братья вел. князя — Семень и Юрій тоже приняли участіе въ этомъ дѣлѣ¹⁾. Въ царствованіе Іоанна Грознаго случился голодъ на сѣверѣ — во всемъ Поморья, продолжавшійся восемь лѣтъ. Причиною его былъ сильный морозъ, уничтожившій овощи и хлѣбъ. Тогда Трифонъ Печенгскій, взявъ съ собою нѣсколькихъ монаховъ, отправился въ область Новгородскую и, странствуя по городамъ и селамъ, въ видѣ нищаго собиралъ подавнія, которыя отсылалъ въ монастырь для голодающихъ²⁾. Въ страшный голодъ 1601 года — нуждающіеся находили помощь въ обители Адриана Монзенскаго, который, по совѣту своего наставника Оерапонта Монзенскаго, заблаговременно наполнилъ монастырскія житницы хлѣбомъ³⁾. А когда Москва была въ рукахъ поляковъ (1610 г.) — толпы народа, лишеныя средствъ, стекались въ Троицкую лавру. Архимандритъ ея Діонисій, извѣстный по участію въ политическихъ дѣлахъ того времени, убѣдилъ монаховъ довольствоваться овсянымъ хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеничный и ржаной хлѣбъ для больныхъ. Разосланы были нарочные отыскивать по лѣсамъ и дорогамъ изнемогшихъ отъ истощенія силъ. Въ подмонастырскихъ слободахъ открыты были дома и больницы для нуждающихся; а велейникъ Діонисія, днемъ и ночью, разносилъ больнымъ и нищимъ полотенца и деньги⁴⁾.

1) Житіе Іосифа Волоцкаго, написанное Саввою, и похвальное слово Тоноркова.

2) Житіе Трифона Печенгскаго, Прав. соб. 1859, II, III.

3) Житіе Адриана Монзенскаго.

4) Житіе Діонисія, 57, 58; Палицынъ, Объ осадѣ Троицкой лавры, 217.

Большая обеспеченность собственности и обширные средства монастырей давали имъ возможность вести болѣе правильное хозяйство. Такъ, на ихъ земляхъ были устроены житницы съ значительными складами хлѣба и очевиднымъ расчетомъ на будущія потребности ¹⁾. Какими запасами располагали въ этихъ случаяхъ монастыри, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Пафнутій Боровскій въ теченіе года ежедневно прокармливалъ въ своей обители до 1000 человекъ; Даниилъ Переяславскій въ теченіе 8 мѣсяцевъ велѣлъ выдавать хлѣбъ всѣмъ нуждающимся ²⁾. Въ 1609 г. въ Москвѣ стояла большая дороговизна хлѣба; но когда былъ доставленъ хлѣбъ изъ житницъ Сергіева монастыря, то этотъ подвозъ заставилъ понизить цѣну отъ 7 до 2 рублей ³⁾!

Принимая на себя попеченіе о низшемъ классѣ и бѣдныхъ, представители монастырской жизни поощряли къ тому и другихъ. По случаю голода, открывшагося въ 1512 г. въ Дмитровскомъ удѣлѣ, Іосифъ Волоколамскій писалъ посланіе къ дмитровскому князю Юрію Ивановичу, въ которомъ указывалъ ему на примѣръ заботливости греческихъ царей и вел. князя Василя о бѣдныхъ во время голода, причѣмъ совѣтовалъ ему установить цѣну на хлѣбъ, чтобы облегчить покупку его для менѣе состоятельныхъ ⁴⁾. Въ другой разъ Іосифъ имѣлъ столкновеніе съ однимъ вельможею. До него дошелъ слухъ, что послѣдній тавъ дурно содержитъ своихъ рабовъ, что они «голодомъ таяли и н готово страдали». Когда Іосифъ лично убѣдился, что этотъ слухъ имѣетъ основаніе—онъ написалъ къ вельможѣ посланіе, въ которомъ проводить мысль, что всѣ люди равны предъ Богомъ, который поэтому взыщетъ за угнетеніе рабовъ на страшномъ судѣ ⁵⁾. Многіе, по извращенному понятію о добрѣ, думали загладить свои пороки приношеніями въ мо-

1) Въ Сумскомъ острогѣ Соловецкаго монастыря было устроено 26 житницъ (по писцовымъ книгамъ 1582 и 1583 гг.). Неволинъ, 0 пятинахъ новгородск. прилож. VI, стр. 168. Въ житницахъ Соловецкаго монастыря въ концѣ XVII в. было собрано разнаго хлѣба 9,661 четверть. Опис. Соловецкаго монастыря, I, 157. Во время пожара (1543 г.) въ одномъ новгородскомъ монастырѣ сгорѣло 2 житницы и въ нихъ 300 коробей или 600 четвертей хлѣба. Полн. собр. русск. лѣт. III, 160.

2) Житія: Пафнутія Боровскаго и Даниила Переяславскаго.

3) Карамзинъ, XII, примѣч. 160.

4) Дополн. къ историч. актамъ, I, № 216.

5) Ibid. № 213.

настыри, и въ то же время не заботились о своихъ домашнихъ слугахъ. И въ этомъ случаѣ обличителями выступали тѣ же лица. Однажды къ Димитрію Прилуцкому какой-то богачъ принесъ съѣстные припасы; но тотъ велѣлъ ему отнести ихъ домой и раздать своимъ же рабамъ, которые у него страдали отъ голода. Это наставленіе произвело свое дѣйствіе ¹⁾. За тѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ обличеній, обращенныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ, но исполнѣ съ религіозно-нравственнымъ мотивомъ, а потому мы и не будемъ касаться ихъ вовсе.

Но благотворительное участіе монастырей древней эпохи не ограничивалось только извѣстными случаями. Изъ писцовыхъ книгъ видно, что на монастырской землѣ или при монастыряхъ жили нищіе даже въ XVI в. ²⁾, когда въ монастырской жизни уже обнаружались многіе недостатки. При монастыряхъ иногда устраивались больницы, открытыя для всѣхъ, нуждавшихся въ помощи ³⁾. Для подобной цѣли монастыри располагали всѣми средствами. Еще въ XVII в. сохранялся обычай распредѣлять раненыхъ на содержаніе по монастырямъ ⁴⁾. Иногда монастыри предоставляли свои средства для общественныхъ предпріятій. Такъ, Соловецкій монастырь въ царствованіе Θεодора Іоанновича на жалованье войску выдалъ 942 руб. Въ 1609 г. тотъ же монастырь послать Скопину-Шуйскому въ Новгородъ 2000 рублей, для найма шведскихъ войскъ, предполагавшихся для защиты государства. Въ то время были взяты всѣ наличныя дѣньги изъ другихъ монастырей. Но когда вслѣдъ за тѣмъ государственная казна была совсѣмъ истощена и израсходована даже сумма, взятая изъ разныхъ монастырей; то Соловецкій монастырь, по просьбѣ цря Василія Шуйскаго, прислать снова изъ своей казны 3150 рублей серебряною монетою; да изъ казны Печенгскаго монастыря было выдано 398 руб. и 150 ефимковъ. Въ 1632 г. на военныя издержки Соловецкій монастырь пожертвовалъ 10,000 руб., а въ слѣдующіе два года еще 3852 руб. серебряною монетою. При Алексѣѣ Михайловичѣ монастырь далъ въ заемъ—разъ (въ 1659 г.) 13,000 р. и въ другой разъ (1664 г.)—20,000 руб. серб. и 200 золотыхъ червонныхъ ⁵⁾.—Эти цифры ясно говорятъ о матеріаль-

¹⁾ Житіе Димитрія Прилуцкаго.

²⁾ Неволицъ, О пятницахъ и погостахъ новгородскихъ, 172, 173.

³⁾ Житія: Корнилія Комельскаго, Филиппа Соловецкаго, Діонисія Радонежскаго. ⁴⁾ Котошихинъ, 114.

⁵⁾ Опис. Соловец. монастыря, 25, 91, 123, 136, 147, 202.

номъ положеніи монастыря и степени его участія въ дѣлахъ общественныхъ.

Таково было этнографическое и экономическое значеніе монастырей въ эпоху древней Россіи. Въ слѣдующихъ главахъ мы обратимъ вниманіе на остальныя стороны ихъ дѣятельности, и тогда сдѣлаемъ общее заключеніе о значеніи ихъ въ исторіи гражданственности Россіи.

Г л а в а IV.

На сѣверо-востокѣ Россіи открывалось обширное поприще для дѣятельности монастырей. Занимая область финновъ и привлекая за собою туда русское населеніе, монастыри естественно должны были сдѣлаться образователями новаго міра—финно-русскаго. Въ области Волги смѣшеніе славянскаго населенія съ финскимъ началось очень рано. По скандинавскимъ сагамъ оказывается, что верховья Волги принадлежали Ильменскимъ славянамъ, а Муромъ, Суздаль, Ростовъ и Бѣлоозеро были богатыми новгородскими колоніями съ своими отдѣльными правителями изъ Новгорода. Новгородъ и вѣроятно Смоленскъ были первоначальными пунктами, откуда предѣлы Волги колонизовались славянскимъ племенемъ. Это было еще въ доисторическія времена русскаго государства. Такимъ образомъ, постепенно Меря, Весь и Муромъ подчинились вліянію колонистовъ и ранѣе другихъ финновъ утратили свою самостоятельность. Съ призваніемъ варяжскихъ князей, Бѣлоозеро досталось Синеусу, а по смерти его перешло въ руки Рюрика, который управлялъ всѣмъ этимъ краемъ посредствомъ своихъ мужей. Съ переселеніемъ княжеской фамиліи на югъ онъ сталъ входить въ подчинительныя отношенія къ южной Руси. Владиміръ св. для управленія отправилъ въ Ростовъ сына своего Бориса, а другому — Глѣбу отдалъ Муромъ. Съ его времени сюда стало проникать христіанство. Самъ Владиміръ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ доходилъ даже до болгаръ. По смерти Ярослава I Муромъ и Рязань отошли къ Черниговскому удѣлу, а Ростовъ, Суздаль и Бѣлоозеро—къ Переяславскому. Южные князья (Святославъ и Всеволодъ) управляли ими посредствомъ своихъ мужей, которые отправлялись туда съ русскими дружинами.

Но при слѣдующемъ поколѣніи здѣсь уже были самостоятельныя князья: въ Муромѣ и Рязани утвердился Ярославъ Святославичъ, отъ котораго пошли князья рязанскіе и муромскіе; а Ростовъ и Суздаль достались младшему сыну Владиміра Мономаха—Юрію Долгорукому, родоначальнику князей суздальскихъ и ростовскихъ. Появленіе на Волгѣ южныхъ князей усилило въ этомъ краѣ элементъ южно-русскій; а образованіе и распространеніе по сѣмъ Волги новыхъ, самостоятельныхъ княжествъ способствовало вообще подчиненію инородческаго племени—пришлomu элементу. Для укрѣпленія за собою этой области русскіе князья обыкновенно строили города, гдѣ размѣщали свои дружины. Множество такихъ городовъ построили Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и ихъ преемники. Но въ этихъ предѣлахъ они столкнулись съ сосѣдними инородческими племенами — мордвою и болгарами. Поэтому Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III и Юрій II предпринимали нѣсколько походовъ противъ нихъ. При послѣднемъ для защиты сѣверо-восточныхъ границъ отъ мордвы и болгаръ была построена крѣпость Нижній Новгородъ, при впаденіи Оки въ Волгу. Пока здѣсь остановилось русское населеніе.

Въ то же время новгородцы вели упорную борьбу съ сосѣдними финскими племенами: Водью, Емью, Чудью, Ливами, Карелами, Заволоцкою чудью. Новгородскія лѣтописи наполнены извѣстіями о столкновеніяхъ съ ними. Уже вначалѣ русской исторіи въ этихъ мѣстахъ началось сліяніе русскаго племени съ финскимъ. Но новгородцы пошли далѣе. Въ XII в. ихъ данщики собирали дань въ Заволочьи, на Печорѣ, у югровъ; а съ XIII в. и въ Лапландіи. Югры платили дань золотомъ и серебромъ. Во второй половинѣ XII в. большая партія новгородцевъ, какъ полагаютъ, недовольныхъ примиреніемъ съ Андреемъ Боголюбскимъ¹⁾, отправилась по Волгѣ и въ области Камы основала Вятскую республику, которая совершенно отдѣлилась отъ митрополи и никогда не управлялась князьями, пока не была завоевана Іоанномъ III. Въ XIII в. Пермь считалась въ числѣ новгородскихъ владѣній²⁾, хотя и управлялась своими князьями.

Постоянныя опустошенія южныхъ княжествъ, терпѣвшихъ отъ нападений тюркскихъ племенъ, кочевавшихъ въ степяхъ южной Россіи,

¹⁾ Костомаровъ, Сѣверно-русск. народоправ. I, 242.

²⁾ Ibid. 411.

а потому въ особенности отъ татаръ, еще болѣе усилили русскій элементъ на сѣверѣ. Возникновеніе же тамъ сильнаго княжества—Московского, подъ покровительство татаръ, и потому болѣе обезпеченнаго отъ разореній, привлекло въ его предѣлы цѣлыя колоніи новыхъ поселенцевъ. Туда переходили съ своими дружинами русскіе бояре изъ южныхъ княжествъ и вступали на службу московскихъ князей, а за ними шли торговые люди и крестьяне, предпочитавшіе для своихъ занятій болѣе мирный край, гдѣ имъ давали даже льготы. Мы имѣемъ мало числовыхъ данныхъ, которыя бы наглядно представляли это движеніе русскаго населенія въ сѣверныя области. Но въ какихъ размѣрахъ совершалось оно можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ. Такъ въ 1301 г. въ Москву переселился черниговскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ и привелъ съ собою 1,700 человекъ—князятъ и дѣтей боярскихъ¹⁾. Извѣстія о переходѣ бояръ на сѣверъ встрѣчаются постоянно. На сколько же выгодно было переселеніе въ мѣста болѣе спокойныя для рабочаго класса видно изъ слѣдующаго примѣра. Когда курскій баскакъ Ахмать построилъ въ 1284 г. двѣ слободы на свое имя, то въ нему, въ надеждѣ на покровительство сильнаго татарина, скоро собралось столько русскихъ поселенцевъ, что въ тѣхъ мѣстахъ открылись торги и слободы наполнились людьми со всѣхъ сторонъ²⁾. При значительномъ переселеніи съ юга неудивительно, что въ сѣверныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ сохранились воспоминанія о южныхъ событіяхъ и постоянно встрѣчаются рассказы о тамошнихъ князьяхъ, богатыряхъ и городахъ—Кіевѣ, Черниговѣ, Волынѣ и Галичѣ. Завоевательныя стремленія Москвы значительно вліяли на движеніе русскаго населенія въ сѣверномъ краѣ. Завоеваніе Твери, Смоленска, Пскова и Новгорода сопровождалось большими переселеніями. Такъ, изъ Новгорода въ низовые города было выведено въ первый разъ 110 семействъ дѣтей боярскихъ и купцовъ; во второй—50 семействъ богатыхъ купцовъ и въ третій разъ болѣе 7000 жителей. Изъ Пскова взято было 300 семействъ. Этотъ выводъ отчасти ограничивался помѣщеніемъ завоеваннаго населенія въ низовыхъ городахъ; отчасти оно было замѣнено жителями послѣднихъ³⁾.

1) Соловьевъ, IV, 132.

2) Полн. собр. рус. лѣт. VII, 176.

3) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 288. Соловьевъ, V, 46, 47.

Другой поводъ къ заселенію сѣверо-восточнаго края русскими колонистами заключался въ торговыхъ интересахъ. И въ этомъ случаѣ прежде другихъ мы встрѣчаемъ здѣсь новгородскихъ выходцевъ. По извѣстіямъ арабскихъ писателей VIII, IX и X вв., на новгородскихъ предѣлахъ по Волгѣ шла торговая дорога въ Камскую Болгарію и Хазарію. Въ послѣдующіе вѣка вѣдѣ по Волгѣ разъѣзжали новгородскіе ушкунники и дѣлали нападенія на дупеческіе караваны и тамошніе города. Болгары на Волгѣ, Чердынъ на Колвѣ въ Черми и Холмогоры въ Заволочьи—были торговыми пунктами, куда пріѣзжали новгородцы. Въ Заволочьи и Югрѣ новгородцы получали дорогіе металлы и мѣха пушныхъ звѣрей; а въ Чердыни и Болгарахъ, куда пріѣзжали персы, бухарцы, арабы, — восточные товары. На всемъ этомъ пространствѣ мы встрѣчаемъ поселенія новгородскихъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ. Морскіе берега, озера и рѣки были постоянно посѣщаемы новгородскими рыболовами; а лѣса—компаніями звѣролововъ. Многіе изъ нихъ и жили въ этихъ мѣстахъ. Еще до основанія Москвы—по рѣкамъ Москвѣ, Яузѣ и Неглинной лежали богатые и многолюдны вотчины новгородскаго колониста, боярина Степана Ивановича Кучки, который вступилъ въ борьбу съ Юріемъ Долгорукимъ. Такъ говоритъ преданіе. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV в. мы дѣйствительно встрѣчаемъ фамилію Кучковичей въ числѣ новгородскихъ бояръ землевладѣльцевъ¹⁾. Рѣка Вага со всѣми ея окрестностями принадлежала боярамъ Своеземцевымъ, изъ фамиліи которыхъ не разъ избирались новгородскіе посадники. Эта область была пріобрѣтена ими въ 1515 г. у чудскихъ старшинъ за 20,000 бѣлокъ и 10 рублей. Она тянулась до ростовскихъ границъ. Потомъ на Вагѣ явилось еще 12 боярскихъ поселеній, менѣе богатыхъ. Своеземцевы первые завели на Волгѣ хлѣбопашество; а до того времени чудь питалась только охотою и рыбною ловлею. Особенно улучшилось положеніе этого края при внуку основателя здѣшняго поселенія, тоже посадникѣ, Василіѣ Степановичѣ Своеземцевѣ (пол. XV в.). Онъ самъ нерѣдко жилъ въ своихъ владѣніяхъ, занимался хозяйствомъ и построилъ Пинежскій городокъ надъ р. Пинежкой, впадающею въ Вагу, въ 16 верстахъ отъ Шенкурска. Для обезпеченія спокойствія своего края, онъ не разъ долженъ

¹⁾ Вѣльевъ, О Великорусск. племена, въ Сборн. антропологич. и этнограф. статей; I.

былъ предпринимать походы против вогуловъ и остяковъ, пинадвинскихъ на эти мѣста. Впрочемъ, за долго до смерти, съ Василиемъ случился обыкновенный въ то время поворотъ въ жизни. Онъ оставилъ жену и дѣтей и поступилъ въ монастырь, основанный имъ на рѣкѣ Вагѣ, которому онъ и назначилъ часть своихъ владѣній. Съ этихъ норъ онъ является уже съ именемъ Варлаама Шенкурскаго ¹⁾. На сѣверномъ Поморьи тянулись небольшія русскія поселенія, такъ называемыя *страдами* (*страда—работа*) *деревни*. Они принадлежали князьямъ, боярамъ, духовенству и купцамъ. Напр. у новгородскаго архіепископа Феофила было 4 села на Бобровой горѣ. У Маронъ посадницы на р. Сугѣ было нѣсколько деревень. Впрочемъ эти поселенія не были многочисленны, такъ какъ они состояли по большей части изъ одного, двухъ дворовъ. Даже новгородскія поселенія тянулись по рѣкамъ Лопѣ, Шурѣ, Солѣ, Варзугѣ, Кумбѣ, Кени и Керети ²⁾. Въ мѣстахъ, болѣе другихъ подвергавшихся новгородскому вліянію, финскій элементъ былъ менѣ замѣтенъ. Заволоцкая чуда, помѣщавшаяся между рр. Двиною и Печорою и составлявшая нѣкогда сильную вѣгву финскаго племени, была вытѣснена отсюда новгородскими дружинами въ великую Пермь или смѣшалась съ новгородцами; такъ что въ половинѣ XV в. въ Двинской области населеніе было уже все христіанское ³⁾. Колонизація сѣвернаго края русскимъ населеніемъ преимущественно обязана новгородцамъ, и это видно изъ того факта, что на всемъ протяженіи его, даже по сѣверной Сибири, преобладаетъ новгородское нарѣчіе ⁴⁾.

Не менѣ важно въ исторіи колонизаціи сѣверо-восточной Россіи развитіе помѣстной системы въ эпоху Московскаго государства. Дѣятельность Строгановыхъ важна не только въ заселеніи пермскаго края, но и Сибири. Съ другой стороны, государственная централизація, потребовавшая отъ населенія слишкомъ большихъ пожертвованій для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, была причиною обширнаго движенія русскаго населенія на сѣверо-востокъ и въ Сибирь, куда

¹⁾ Житіе Варлаама Шенкурскаго, и Историч. взглядъ на Важско-двинскихъ крестьянъ, въ Этногр. сборн. географич. общества V.

²⁾ Русск. церковь на сѣверѣ Поморья, Прав. соб. 1860, II, 4, 5, 11, 13, 20, 21, 22.

³⁾ Акты экспед. I, стр. 73.

⁴⁾ Этнографич. сборн. географич. обществ. VI, статья Потамина: Юго-запад. часть Томской губерніи въ этнографическ. откосахъ, стр. 1.

угодно оно, не желая нести налагаемых на него повинностей. При таких обстоятельствах развивалась колонизация сѣверо-восточнаго края Россіи — русскимъ населеніемъ. И уже въ XVI вѣкѣ обрусѣніе его считается дѣломъ очевиднымъ и рѣшеннымъ. »Всѣ народы Россіи, говоритъ Герберштейнъ, употребляющіе языкъ славянскій и слѣдующіе обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому закону, по народному прозванію руссы, по-латини рутены, размножились до того, что или вытѣснили народы, жившіе между ними, или принудили ихъ принять свой образъ жизни, такъ что теперь всѣ называются однимъ общимъ именемъ руссовъ»¹⁾.

Въ то время, какъ практическіе интересы заставляли русскихъ поселенцевъ выбирать мѣста наиболее доступныя для жизни, монастырская колонизация шла совершенно въ другомъ направленіи: отшельники по преимуществу выбирали глухіе лѣса, очищали ихъ и заводили поселенія въ мѣстахъ неудобнопроходимыхъ. Такимъ образомъ, монастырская колонизация передавала въ руки общества территорію, которая, при другихъ условіяхъ, не была-бы такъ скоро и легко занята населеніемъ. Но, вступая въ предѣлы финскаго племени, основатели пустынныхъ обителей и ихъ послѣдователи приходили въ соприкосновеніе съ языческимъ міромъ, который становился для нихъ предметомъ религіозныхъ заботъ—проповѣди и обращенія въ христіанство. Другіе же изъ нихъ миссіонерскую обязанность сдѣлали цѣлью всей своей жизни. Иностранные путешественники обратили вниманіе на эту сторону дѣятельности русскихъ пустынножителей. »Главная забота духовныхъ, говоритъ Герберштейнъ, состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ приводить въ свою вѣру. Монахи отшельники уже давно обратили въ христіанскую вѣру большую часть идолопоклонниковъ, издавна и часто проповѣдуя у нихъ христіанство. Даже и теперь отправляются они въ разныя страны, лежащія на сѣверѣ и востокѣ, куда достигаютъ только съ величайшимъ трудомъ и съ опасностію чести и жизни. Они не ждутъ и не желаютъ никакой отъ того выгоды, ибо, впечатлѣвая иногда ученіе Христа смертію, они стараются единственно только о томъ, чтобы сдѣлать угодное Богу, наставить на истинный путь души многихъ, совращенныхъ съ него заблужденіемъ, и пріобрѣсти ихъ Христу»²⁾.

¹⁾ Герберштейнъ, Записки о Московіи, стр. 2.

²⁾ Герберштейнъ, 68.

Миссіонерская дѣятельность отшельниковъ началась въ первую эпоху христіанства въ Россіи и развивалась сообразно съ направле- ніемъ монастырской колонизаціи. Прежде другихъ подверглись вліянію христіанскихъ проповѣдниковъ области — Ростовская и Суздальская, какъ болѣе близкія къ религіозному центру. Еще при Владимірѣ св. христіанство проникло въ Ростовъ и тамъ былъ поставленъ особый епископъ — Теодоръ; но на первыхъ порахъ ему пришлось вы- держать упорную борьбу съ язычествомъ и онъ оставилъ Ростовъ. Его преемникъ Иларіонъ, назначенный изъ Константинополя, также не вы- держалъ борьбы съ ними и возвратился въ свое отечество. Но чего не успѣли совершить эти лица, то сдѣлалъ простой отшельникъ, вышед- шій изъ Валаамской обители. Это былъ Авраамій. Дѣятельность его относится ко времени, непосредственно слѣдовавшему за ними. Избѣ- гая того уваженія, какое стали оказывать ему за его подвиги въ Ва- лаамскомъ монастырѣ, Авраамій удалился въ Ростовскую область и здѣсь у озера Неро построилъ себѣ хижину, гдѣ продолжалъ вести прежній образъ жизни. Но въ скоромъ времени для него открылось но- вое поприще. Въ окрестностяхъ Ростова жило чудское племя, вполне преданное языческому культу. Чудь поклонялась каменному богу Ве- лесу¹⁾ и упорно отстаивала свою вѣру. Авраамій низвергъ идола и на его мѣстѣ построилъ монастырь. Тогда дѣятельность его еще бо- лѣе расширилась. Сюда стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ за поученіемъ, и онъ такъ успѣлъ подвѣствовать на язычниковъ, что почти всѣ приняли крещеніе, а многіе, преимущественно отроки, менѣе при- вязанные къ старой религіи, даже вступили въ монастырь. Здѣсь Авраа-

¹⁾ Велесъ былъ богъ стада и имѣлъ большое значеніе у финновъ, жившихъ зѣбровствомъ. Каменные изображенія или просто камни были обыкновенными символами богопочитанія на сѣверѣ, въ соответ- ствіе тамошнимъ сказамъ. (Путешест. Кастрена, 21, 22, 73, 15, 41). Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ еще въ XVII в. боготворили древній ка-мень, и ежегодно собирались къ нему на поклоненіе 29 іюня. (Житіе Ирнарха Ростовскаго). Другой богъ, которому поклонялась здѣшняя чудь, былъ Туръ — богъ сладострастія. Его мѣдный идолъ былъ тоже мужескій, въ стоячемъ видѣ и обѣими руками держался за конечный членъ, который и назывался *туръ*. Въ костромскомъ краѣ многія мѣста имѣютъ въ основаніи это названіе. Чтен. Моск. общ. истор. 1865, IV; Какой народъ населялъ костромскую губер. 171; Историч. сборн. Погодина, I.

мій работалъ на вѣкъ: онъ занимался въ х. вѣкъ, рубить древа, носить воду и мыть платье для братіи, а въ свободное время изучалъ приходящихъ и читалъ имъ книги. Это такъ возвысило его въ глазахъ ростовскихъ князей, что они во всемъ совѣтовались съ Аврааміемъ и приходили въ нему за благословеніемъ, а монастырь надѣлили большими вкладами и землею. Еще при жизни Авраамія монастырь его сдѣлался главнымъ въ Ростовѣ ¹⁾,

По смерти Авраамія пробудились прежнія языческія вѣрованія, нестрѣвчавшія уже болѣе сильнаго порицанія; теперь открыто выступили недовольные новымъ порядкомъ вещей, только принужденные бездѣйствовать подѣ сильнымъ вліяніемъ проповѣдника христіанства. Но они встрѣтили противоудѣвствіе въ продолжателяхъ дѣла Авраамія — двухъ инокахъ Печерскаго монастыря, бывшихъ однимъ за другимъ епископами въ Ростовѣ: Леонтіѣ и Исаяѣ (1051—1090 г.). Какъ видно, и теперь языческая реакція сосредоточивалась въ представителяхъ старой вѣры, воспитавшихся въ ея началахъ ²⁾. Поэтому Леонтіѣ обратилъ все ви-

1) Житіе Авраамія Ростовскаго см. въ Памятникахъ старин. рус. литер. изд. Костомар. I, 221—224. Ср. у Филарета, октябрь 29 и Истор. цер. Макарія, I, 6 и 157—159.

2) На сѣверѣ въ эту эпоху имѣли большую власть волхвы. Въ Новгородѣ они открыто порицали христіанство. И когда епископъ потребовалъ, чтобы граждане раздѣлились: кто на сторонѣ волхва, тотъ чтобы шелъ за нимъ, а кто исповѣдуетъ христіанство, чтобы шелъ къ кресту; то на сторонѣ епископа оказались только князь Глѣбъ и дружина; а къ волхву пошелъ весь народъ. Волхвъ прельщалъ новгородцевъ чудесами, обѣщая перейти по водѣ Волховъ. Весь городъ пришелъ въ волненіе и только умерщвленіе волхва княземъ заставило разойтись народъ. Въ это время новгородцы ходили къ чудскимъ волхвамъ для гаданій. Но въ лѣтописи при описаніи этого факта ясно обозначается борьба старыхъ и новыхъ религіозныхъ понятій. Христіанинъ новгородецъ идетъ волхвовать къ чудеснику язычнику, который въ свою очередь не можетъ призвать своихъ боговъ потому, какъ самъ объясняетъ, что на новгородцѣ есть крестъ. А чтобы все-таки получить разрѣшеніе своихъ вопросовъ, новгородецъ снимаетъ съ себя крестъ и выноситъ его изъ жилища чудесника. Даже во взглядѣ финскаго волхва на своихъ боговъ видно вліяніе новыхъ представленій. Онъ не можетъ успѣшно гадать, потому что здѣсь присутствуетъ крестъ, котораго боятся его боги. Они живутъ подѣ землею; тогда какъ ангелы имѣютъ жилище на небѣ. Языческіе боги черные, крылатые и съ хвостами. Когда умираетъ христіанинъ, то его относятъ на небо; а язычникъ идетъ въ бездну. Если же весь этотъ рассказъ представляетъ мѣтѣніе

ншіе на дѣтей; онъ собиралъ ихъ къ себѣ и настаивалъ въ новой вѣрѣ; но ихъ отцы крайне ожесточились противъ этого, кабили Леонтія и составили было заговоръ, чтобы убить его, только присутствіе дѣла спасло Леонтія: когда они собрались возлѣ церкви, чтобы привести въ исполненіе замыселъ, онъ самъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и своею рѣчью такъ подѣйствовалъ на нихъ, что многіе немедленно крестились. Преемникъ Леонтія—Исаія распространялъ свою дѣятельность далѣе: онъ странствовалъ по городамъ и селамъ Ростовской и Суздальской области, истреблялъ идоловъ и утвердилъ христіанство на предѣлахъ Ростова ¹⁾.

Это чудское племя, жившее въ окрестностяхъ Ростова, по древнему лѣтописцу, называется Мера ²⁾. Введеніе христіанства раздѣлило его на всегда. Одна часть, недовольная распространеніемъ новой религіи, оставила свои мѣста и, перейдя Оку, поселилась въ соседствѣ

самого христіанскаго лѣтописца, вложенное имъ въ уста языческаго волхва; то онъ показываетъ, какъ, при торжествѣ новой религіи, старый міръ—языческихъ боговъ былъ низвергнутъ въ область ада, чтобы уступить мѣсто новымъ понятіямъ. Гаданія финскихъ волшебниковъ совершались подѣ влияніемъ сильной эвзальтаци («кудесникъ же лежалъ *оцпленъ* въ шибѣ имъ бѣсъ»). Таковой же успѣхъ имѣли волхвы и въ области Ростовской. На пути отъ Ярославля до Бѣлоозера за ними послѣдовало до 300 человѣкъ. И здѣсь защитницею новой религіи явилась власть. Янъ, посланный отъ князя Святослава для собранія дани, перехваталъ ихъ, а потомъ ихъ умертвилъ. Янъ тоже интересовался ихъ ученіемъ. Оно представляетъ религію дуализма. Вотъ взглядъ волхвовъ на происхожденіе міра, изложенный лѣтописцемъ. «Богъ мылся въ вупальнѣ (мовницѣ) и, вспотѣвъ, отерся ветошью, которую и сбросилъ съ неба на землю. А сатана вступилъ въ споръ съ Богомъ, кому изъ этой ветоши сотворить человѣка? и сотворилъ сатана тѣло человѣка, а Богъ вдунулъ въ него душу; и потому по смерти человѣка тѣло его возвращается въ землю, а душа идетъ къ Богу». И здѣсь такъ или иначе представляется столкновеніе двухъ религіозныхъ мнѣній. И эти волхвы отводили своимъ богамъ жилище въ безднѣ. (Полн. собр. рус. лѣтопис. I, стр. 75—78). Въ религіозномъ центрѣ—Кіевѣ также являлся волхвъ; но здѣсь большая часть встрѣтила его насмѣшками и онъ исчезъ (Ibid. 75). Успѣхъ волхвовъ на сѣверѣ объясняется близостью финскаго міра, исполненнаго чаръ, волхвованій, превращеній и заклинаній.

¹⁾ Житіе Исаи еписк. ростов. Прав. соб. 1858, I, 432. Полн. собр. рус. лѣтоп. I, 89; Макарій, Ист. рус. церк. II, 15—17 и примѣч. 59 и 60.

²⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 5.

мордвы и черемисъ. До сихъ поръ у мордвы рѣзко различаются два нарѣчія: мокшанское и эрзянское, которыя незнакомы другъ для друга. Полагають, что одно принадлежитъ потомкамъ переселившейся сюда Мери. А такъ какъ эрзяне оказываются древнѣйшими населенцами этого края, то и заключаютъ, что мокшане и есть именно переселившаяся племя. До сихъ поръ у этой отрасли мордвы совершается лѣтній праздникъ богу Велесу. Но не вся Меря переселилась изъ прежнихъ жилищъ. Остатки ея сохранились въ мѣстныхъ названіяхъ, въ таинственномъ языкѣ, употребляющемся въ нѣкоторой части народа, непонятномъ для остальныхъ; въ общихъ съ мордвою обычаяхъ, костюмахъ и даже физиогноміи. Полагають, что этотъ типъ, часто встрѣчающійся въ Костромской и смежныхъ губерніяхъ, принадлежитъ другой части, оставшейся здѣсь, Мери, которая приняла христіанство, и потому не послѣдовала за сторонниками язычества, преданными религіи предковъ¹⁾.

Не менѣе упорно боролось язычество съ христіанствомъ въ землѣ родственной Мери—Муромы. На эту страну имѣли большое вліяніе мордва и болгары, исповѣдывавшіе магометанскую религію, и потому муромцы были проникнуты фанатизмомъ. Первый русскій князь, управлявшій этою страной, Глебъ, сынъ Владиміра св., не успѣлъ распространить здѣсь христіанства. Новая борьба возникла здѣсь, когда Муромская область досталась Константину, сыну Святослава черниговскаго. Но ему пришлось добывать ее оружіемъ. Муромцы долго отстаивали свою независимость, убили даже сына Константина—Михаила, высланнаго къ нимъ для переговоровъ. Тогда Константинъ подступилъ къ городу. Муромцы согласились отдаться въ его руки, но съ условіемъ сохраненія ихъ религіи. Когда Константинъ занялъ городъ, онъ сначала думалъ ввести христіанство мирнымъ путемъ; но это ему не удалось. Язычники составили заговоръ на его жизнь. И на этотъ разъ рѣшимость Константина спасла и его, и его предпріятіе. Результатомъ усмиренія муромцевъ было всеобщее ихъ крещеніе въ р. Ока, по повелѣнію князя²⁾. Но только со времени заведенія тамъ Спасскаго монастыря (ок. 1092 г.) христіанство было утверждено³⁾.

¹⁾ Какой народъ населялъ въ старину Костромскую губернію? Дѣла, въ Чтен. Моск. общ. ист. 1865 г. IV.

²⁾ Житіе Константина Муромскаго. Ср. критич. оцѣнку, Макарій, Ист. церк. II, 17—20.

³⁾ Филаретъ, Ист. церк. I, 23.

Въ сосѣдствѣ съ этими народами жило племя Вятичей, называвшее древними лѣтописцемъ ланскою колоніей¹⁾. По его описанію, оно находилось еще въ первобытномъ состояніи. Вятичи жили въ дѣсахъ, подобно звѣрямъ, ѣли все нечистое, имѣли много женъ, которыхъ похищала²⁾. Еще при Владимірѣ Мономахѣ — они имѣли самостоятельныхъ князей³⁾, которые въ тоже время были жрецами⁴⁾, и потому долѣе другихъ отстаивали свою независимость. Но уже въ началѣ XI вѣка въ Курскѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ было распространено христіанство⁵⁾. А въ XII вѣкѣ оно проникло и въ область Вятичей. Проповѣдникомъ его тамъ явился Кукша, монахъ Печерской лавры, родомъ изъ вятичей, какъ полагають основываясь на его имени⁶⁾. Онъ крестилъ ихъ; но самъ былъ замученъ съ своимъ ученикомъ Никономъ во время миссіонерской дѣятельности. Въ слѣдъ за обращеніемъ этой области въ христіанство, она вошла въ составъ владѣній черниговскаго князя и тамъ явились черниговскіе намѣстники⁷⁾. О дальнѣйшемъ распространеніи христіанства въ эту эпоху можно судить по извѣстіямъ о существованіи монастырей въ предѣлахъ Біарміи (Гледецкій, при слияніи рр. Сухоны и Юга) и возлѣ Вологды, еще до основанія города (монастырь Троицы, основанный Герасимомъ Вологодскимъ, вышедшимъ изъ кievской Глушевской обители)⁸⁾.

Занятіе того или другаго пункта монастыремъ уже служить до известной степени доказательствомъ начала христіанства въ томъ краѣ. Но для нѣкоторыхъ изъ нихъ распространеніе его было главною заботою. Въ половинѣ XIII в. на Кубенскомъ озерѣ жило 23 пустынника, которые занимались обращеніемъ въ христіанство чуди и кареловъ, обитающихъ по сѣверо-восточному берегу озера «Здѣсь было множество язычниковъ, еще не успѣвшихъ⁹⁾ принять крещеніе», говоритъ повѣсть

1) Полн. собр. рус. лѣт. I, 5.

2) Ibid. стр. 6.

3) Ibid. 103.

4) Изслѣд. о древней области Вятичей, Чтен. Моск. общ. истор. 1862, II, 8.

5) Житіе Θεодосія.

6) Изслѣдованіе о древней области Вятичей, стр. 10, и у Филарета, 27 августа.

7) Полн. собр. рус. лѣт. II, 28.

8) Житіе Герасима Вологодскаго, и Истор. церк. Макарія, II, 22.

9) Новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ послалъ (въ 1227 г.)

объ основаніи Спасо-каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ. Пустынники, жившіе въ этихъ мѣстахъ, не имѣли даже храма, а только часовню, гдѣ собирались по временамъ для молитвы. Они терпѣли нападеніе отъ сосѣднихъ финновъ. Случилось что бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильевичъ (1236 — 1278) плылъ по этому озеру, желая рѣкою Сухоною достигнуть Устюга, и былъ захваченъ на немъ страшною грозою. Въ минуту страха, онъ далъ обѣщаніе построить монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пристанетъ. Достигнувъ Каменнаго острова, онъ основалъ здѣсь обитель, а одного изъ пустынниковъ сдѣлалъ въ ней настоятелемъ. Такъ возникъ первый монастырь за Волгою ¹⁾. Въ 1269 г. при устьи Шексны, на берегу Бѣлоозера, явилась другая обитель—Троицы, также взявшая на себя миссіонерскую обязанность ²⁾. Въ первой половинѣ XIV в. карелы называются уже христіанами, хотя нерѣдко случались примѣры отпаденія ихъ ³⁾. Но распространеніе монастырей въ этомъ краѣ свидѣтельствуетъ о постепенномъ утвержденіи христіанства. При Дмитріѣ Донскомъ Каменный монастырь былъ уже многочисленнымъ ⁴⁾. При Василіѣ Дмитріевичѣ на Кубенскомъ озерѣ были основаны еще три обители: двѣ Діонисіемъ Глушицкимъ и одна Александромъ Куштскимъ на р. Куштѣ ⁵⁾. Въ началѣ XV в. тамъ появилось снова два монастыря ⁶⁾.

Одновременно съ дѣятельностью пустынниковъ Каменнаго острова открылась религіозная миссія въ олонецкомъ краѣ. Тотъ же Глѣбъ Васильевичъ, для защиты Бѣлозерскаго княжества отъ нападенія чуди, основалъ въ каркунъ-пуоли или медвѣжьей сторонѣ—городъ Каргополь ⁷⁾, въ окрестности котораго возникъ Спасскій монастырь, построенный Васціаномъ, а спустя 30 лѣтъ послѣ него, въ 43 верстахъ отъ Каргополя, на горѣ Челмѣ поселился Кириллъ Челмскій. Онъ вышелъ изъ монастыря Антонія римлянина, три года странствовалъ по сѣвернымъ пу-

крестить кареловъ и многіе приняли христіанство. Полн. собр. рус. лѣт. I, 191.

¹⁾ Сказаніе Паисія Ярославова о Камен. монаст. Прав. Соб. 1861, I, стр. 199, 200, 205.

²⁾ Филаретъ, житіе Игнатія еп. ростовск., 28 мая.

³⁾ Полн. собр. руск. лѣт. III, 79, V, 221.

⁴⁾ Сказаніе Паисія, 202.

⁵⁾ Ibid. 202, 206.

⁶⁾ Карамзинъ, V, примѣч. 218.

⁷⁾ Архангельск. лѣтоп., 93.

стынямъ и наконецъ избралъ для жизни мѣсто, богатое лѣсомъ и ягодами. Но карелы были недовольны его присутствіемъ и старались избавиться отъ него. Однажды они зажгли лѣсъ; въ другой разъ его хотѣли умертвить, требуя сокровищъ. Долго боролся съ ними Кирилль, пока удалось ему склонить на свою сторону этотъ народъ. «Люди, жившіе въ окрестности, говорятся въ житіи Кирилла, имѣли чудскій языкъ и вѣру, и христіанство въ то время только начинало проникать сюда.» Но, подъ вліяніемъ Кирилла, вся эта страна приняла крещеніе, прибавляетъ его биографъ. Кирилль прожилъ на Челмской горѣ около 52 лѣтъ и умеръ въ 1367 г. 1). Послѣ него притономъ язычества оставался островъ Коневецъ на Ладожскомъ озерѣ. Онъ покрытъ множествомъ валуновъ, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ значительной величины, наприм. Конь-камень, Горбунъ-камень. По мѣстному преданію въ XIII и XIV вв. на островѣ лѣтомъ паслись конскіе табуны окрестныхъ деревень, охраняемые злымъ духомъ, жившимъ подъ скалою Конь-камень, около которой всякую осень оставляли одну лошадь въ жертву духамъ. Всѣ были увѣрены, что божество пожираетъ ихъ. Поэтому жители окрестныхъ мѣстъ съ уваженіемъ и страхомъ смотрѣли на это мѣсто. Но въ концѣ XIV вѣка здѣшняя жизнь получила другое направленіе. Въ 1393 г. прибылъ сюда, послѣ долгихъ странствованій по Аэону и новгородскимъ обителямъ, Арсеній, прозванный, по послѣднему мѣсту жительства, Коневскимъ. Подвизаясь на Коневскомъ островѣ, Арсеній узналъ о суетвѣрномъ уваженіи, какимъ пользуется Конь-камень и рѣшился уничтожить его. Современное извѣстіе передаетъ это дѣло такъ: Арсеній приступилъ къ камню съ молитвою, окропилъ его святою водою и духи отлетѣли въ видѣ вороновъ на выборгскій берегъ въ большую бухту, которая до сихъ поръ называется *Чортова-лахта*. Освященное же мѣсто сдѣлалось предметомъ уваженія у христіанъ. Скитъ Арсенія былъ обращенъ въ общежительный монастырь, пользовавшійся извѣстностью въ Новгородѣ, и новгородцы охотно посѣщали его и приносили въ монастырь богатые вклады 2).

Такимъ образомъ христіанство распространилось по всей Карелии,

1) Житіе Кирилла Челмскаго.

2) Житіе Арсенія Коневскаго; Свѣдѣн. о монаст. стр. 474. Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправ. II, 354—356. Географич. словарь Россійск. имперіи, Семенова, II, 706.

и при царѣ Ѣеодорѣ Іоановичѣ тамъ было учреждено уже особое епископство ¹⁾).

На сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера еще въ половинѣ XIV в. жили финскія поселенцы—лопары и чудь. Поселенія ихъ простирались за р. Онегу, по нижнему теченію Двины и на сѣверъ до р. Печеры. Сюда христіанство стало проникать вмѣстѣ съ распространеніемъ новгородскаго владычества, т. е. съ XI и XII в.; такъ какъ, покоряя финскія племена, новгородцы брали съ собою въ походы и священниковъ ²⁾. Впрочемъ болѣе опредѣленный фактъ распространенія христіанства въ этой области въ первый разъ встрѣчается только въ половинѣ XIV вѣка. Начало его принадлежитъ монаху Лазарю, который поселился на Мурманскомъ озерѣ. «Прійди сюда, рассказываетъ онъ самъ, я никого не нашелъ на этомъ мѣстѣ, а вокругъ озера жили лопары и чудь, страшные сыродцы. Многие скорби, побои и раны претерпѣлъ я отъ этихъ звѣроподобныхъ людей. Много разъ они били и изгоняли меня съ этого острова, а хижину мою предавали огню. Они нарочно поселились возлѣ меня съ своими женами и дѣтьми и стали творить мнѣ пакости. Они требовали, чтобы я оставилъ это мѣсто, хотѣли убить меня и употребить въ пищу». Одинъ случай помогъ Лазарю въ такой бѣдѣ. Онъ исцѣлить, принесеннаго къ нему сына лопарскаго старѣйшины, жившаго на озерѣ Рондо, послѣ чего лопары и чудь перестали гнать Лазаря; этотъ случай доставилъ ему даже послѣдователей. Старѣйшина съ своими дѣтьми не только принялъ христіанство, но и постригся въ монахи. Другіе также приняли крещеніе, а упорные въ язычествѣ удалились къ Сѣверному океану. Со времени основанія обители на Онежскомъ озерѣ люди стали стекаться со всѣхъ сторонъ и селиться около нея. Новгородскіе посадники выдали Лазарю жалованную грамоту на островъ со всею землею, озерами, рѣчками, островками и ловами ³⁾. Въ XVI в. въ тамошнемъ погостѣ было 2 монастырскихъ церкви, 2 въ селеніи и 1 часовня на Тутто-озерѣ; а всего населенія было: 1 село, 191 деревня и жилыхъ починковъ ⁴⁾. Но еще въ половинѣ XV в. Варлаамъ Шенгурскій основалъ монастырь

1) Исторія іерархіи, I, 28.

2) 1-я новгородская лѣтопись, стр. 21.

3) Завѣщаніе Лазаря, Истор. іерарх. V, 115.

4) Неволинъ, О пятинахъ новгородскихъ, VI, 174.

и много цервей на Вагѣ, по рр. Химавевѣ, Усть-Пуѣ и Ледѣ ¹⁾). И уже въ то время все населеніе въ Двинской области было христіанское ²⁾).

Распространеніе христіанства постепенно подвигалось на сѣверъ. Русская колонизація значительно отодвинула финновъ къ сѣверу, а потому финскій элементъ главнымъ образомъ сосредоточился въ этомъ краѣ. Въ купчихъ и жалованныхъ новгородскихъ грамотахъ XV в., которыми опредѣлялось поземельное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, постоянно упоминаются пять карельскихъ родовъ, жившихъ въ Поморья. Даже одинъ берегъ Бѣлаго моря назывался Карельскимъ. Владѣнія ихъ тянулись по рр. Шуѣ, Кеми, Кумбѣ, Варзугѣ и Керети ³⁾). По сосѣдству съ ними жили: ижера, чудь и лопари—финскіе поселенцы; каане—жители Финляндіи, тоже финскаго происхожденія, и мурмане—древніе норманны или позднѣйшіе норвежцы ⁴⁾).

Финскія племена, разсѣянные въ этихъ мѣстахъ, стояли на самой низкой степени развитія. Одна древняя рукопись говоритъ о нихъ такъ: «эти племена жили, какъ дикіе звѣри, въ непроходимыхъ пустыняхъ и каменныхъ разсѣлинахъ, не имѣя жилищъ и ничего, необходимаго для жизни человѣка. Они питались только звѣрьми, птицами и морскими рыбами, а одеждою служила имъ оленья кожа. Всякую вещь, приносящую имъ пользу, они боготворили: будетъ-ли это камень или палка, которыми удалось имъ поразить звѣря. Такое грубое зловѣріе и до сихъ поръ сохраняется у самоѣдовъ, но у лапландцевъ только отчасти» ⁵⁾).

1) Житіе Варлаама Шенкурскаго.

2) Акты арх. экспед. I, стр. 73.

3) Сборн. Соловецк. грамотъ, № 4, 5. См. Русск. церк. на сѣвер. поморья. Прав. соб. 1860, II, 12, 13.

4) Житіе Зосимы и Савватія Соловецк. (Правосл. соб. 1859, II и III). Постоянно тѣснимые русскими, карелы двинулись къ сѣверу и вступили въ борьбу съ лапландцами, постепенно занимая ихъ земли. Память объ этой борьбѣ сохранилась въ пѣсняхъ лапландцевъ. Сосѣдніе финны вели противъ нихъ даже тайную или разбойничью войну. Русскихъ и карель на сѣверъ привлекалъ рыбный промыселъ въ Ледовитомъ океанѣ. Кастрень, I¹, 13, 14, 53, 55, 96.

5) Опис. Соловецк. монаст. Досиѣев, I, 40. Герберштейнъ говоритъ: «Лапландцы платятъ дань рыбою и кожею, такъ какъ ничего болѣе не имѣютъ. Они питаются одною рыбою и дичью; однако, какъ утверждаютъ, очень склонны къ сладострастію. Они употребляютъ платье изъ различныхъ

Уже по внѣшнему своему виду карелы и лапландцы рѣзко выдаются изъ семьи финскихъ племенъ. По очертанію черепа, карелы принадлежать къ длинноголовымъ, что заставляеть нѣкоторыхъ выдѣлять ихъ изъ среды финскихъ племенъ; тѣмъ болѣе что въ курганахъ средней Россіи рядомъ съ короткоголовымъ типомъ попадается и длинноголовый, изъ которыхъ первый приписываютъ финнамъ, а второй древнѣйшему племени, жившему въ тѣхъ мѣстахъ ¹⁾. Карелы же и до сихъ поръ сохраняютъ черты древняго быта, составляющія контрастъ съ сосѣдними финскими племенами ²⁾. Точно также лапландцы, по своему типу, приближаются къ монгольскому племени, тогда какъ остальные европейскіе финны ближе стоятъ къ кавказскому; а финское племя, на основаніи этнографическихъ и филологическихъ наблюденій Кастрена, составляетъ переходную ступень отъ одного къ другому ³⁾.

Лапландцы болѣе другихъ удержали грубыя черты религіи сѣверной Азіи. Въ древнихъ русскихъ памятникахъ Лапландія вообще называется — *дикая лопь*, и съ такимъ же именемъ она встрѣчается у Герберштейна (*Dikiloppi*) ⁴⁾. Они обоготворяли гадювъ, нетопырей и разныхъ пресмыкающихся животныхъ ⁵⁾. Ихъ пенатами были зейды — идолы, сложенные изъ камней, изъ которыхъ одни составляли голову, другіе — плеча, грудь и прочія части тѣла. Къ нимъ обращаются лапландцы съ молитвами при всякомъ случаѣ; но ихъ же и навазываютъ за неисполненіе своей просьбы ⁶⁾. Такими же зейдами считались и скалы, которыя въ особенномъ почетѣ у лапландцевъ. Плыва мимо ихъ, необходимо умилостивить зейда, въ противномъ случаѣ путешамъ грозятъ несчастія на морѣ ⁷⁾. Между божествами лапландцевъ первое мѣсто занимать Укко или Айя, повелѣвавшій силами природы: онъ про-

вѣранныхъ шкуръ, а шалаши свои покрываютъ древесною корою и нигдѣ у нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ. Сохранилось преданіе, что въ Лапландіи былъ король, который жилъ повлѣ Кеми. Кастрень, 56.

1) Богдановъ, Матеріалы для антропол. курганнаго періода Москов. губерніи.

2) Кастрень, 52.

3) Кастрень, 28, 237, 240, 243. Müller, Ugrische Volksstamm, I, 496.

4) Карамзинъ, VII, примѣч. 371; Курбскій, 130; житіе Трифона Печенгскаго; Записки о Московіи. 175, 176.

5) Житіе Трифона Печенгскаго.

6) Кастрень.

7) Герберштейнъ, 176—178.

являетъ себя въ бурѣ, громѣ и молніи, которая называется его мечомъ. Ему поклонялись лопари подѣ видомъ громадныхъ горъ, утесовъ и оверъ. Въ Енаре есть скала, подобно башнѣ поднимающаяся изъ волнъ. Ей въ древности поклонялись какъ божеству, и теперь еще лопари съ ужасомъ указываютъ на ея поверхности—темныя, кровавыя и жирныя пятна, оставшіяся отъ тѣхъ поръ, когда идола мазали жаромъ и кровью. За тѣмъ у лапландцевъ идетъ цѣлый рядъ другихъ боговъ: Акка (супруга Уека), Туона, Лемпо и т. п., завѣдывавшіе разными обстоятельствами жизни. Мифологическія понятія лопарей о богахъ стоятъ на самой низкой степени: они принимаютъ обоготворяемые предметы не за символы божества только, но за самихъ боговъ. Они вѣрили, что ихъ зейды живутъ и ходятъ, пьютъ кровь и ѣдятъ жиръ, которыми ихъ мажутъ. Почитаніе змѣй сильно растрогранено между лопарями. Лопари вѣрятъ въ существованіе змѣйнаго царства, имѣющаго свои законы и учрежденія и управляющагося общимъ начальникомъ и другими, подчиненными ему, которые собираютъ ихъ въ определенное мѣсто для совѣщаній, творятъ судъ и расправу и налагаютъ наказаніе на людей, за оскорбленіе или умерщвленіе кого-нибудь изъ ихъ подчиненныхъ¹⁾. Въ древности лапландцы приносили въ жертву своимъ богамъ даже дѣтей²⁾. Въ каждомъ таинственномъ мѣстѣ и во всемъ, что наводитъ на лопаря страхъ—онъ видитъ присутствіе особеннаго духа, о которомъ даже боится говорить громко. Поэтому шаманы и волшебницы пользуются большимъ уваженіемъ у лапландцевъ. Въ Лапландіи ихъ множество, и еще до сихъ поръ не искоренено тамъ вѣрованіе, что они могутъ превращаться во все: въ олевей, медвѣдей, волковъ, рыбъ, птицъ и т. п. Тамошнія плѣсны наполнены разсказами объ этомъ. Экзальтація и состояніе экстаза составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ волхвованій. Колдунъ ведетъ себя, какъ бѣшеный, рѣчь его становится громкою, и полною силы, у рта плѣсна, зубы стучать, волосы поднимаются дыбомъ, глаза поварачиваются, брови сходятся, онъ часто плюетъ, кривляется тѣломъ, бьетъ ногами объ полъ, прыгаетъ вверхъ и дѣлаетъ другія необыкновенныя движенія. Во время предсказаній колдуны впадаютъ въ магическій сонъ, въ которомъ получаютъ всѣ нужныя имъ откровенія; и лопари думаютъ, что во время

¹⁾ Кастренъ, 25, 44, 73—76.

²⁾ Ibid. 40, 39.

этого сна душа покидает тѣло, страпствуеъ вездѣ и разузнаеъ, гдѣ лежать украденная вещь, отчего случилась болѣзнь и чѣмъ лѣчить ее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, замѣчаеъ Кастрень, что сонъ этотъ большею частію шарлатанство, и никакъ не принадлежитъ къ явленіямъ, объясняемымъ или вѣрнѣе нисколько необъясняемымъ животнымъ магнитизмомъ. Вѣроятно это просто обморокъ, порожденный неестественнымъ экстазомъ, до котораго колдунъ доводитъ себя во время чародѣйствія». Женщины доходятъ въ этомъ случаѣ даже до нѣкотораго рода сумасшествія. Способъ леченія у лопарей имѣеъ символическій характеръ. Вотъ примѣръ, какъ лопарка лечила вывихъ. Она долго водила пальцами по вывихнутому члену, какъ-бы отыскивая боль, и наконецъ, отыскавъ, ухватила ее ногтями, поднесла ко рту, разжевала и выплюнула. Она повторила это нѣсколько разъ ¹⁾. Особенно грубостію отличаются горные лопари ²⁾.

Съ такимъ племенемъ пришлось вступить въ борьбу русскимъ миссіонерамъ на сѣверѣ. Въ началѣ XV в. на Карельскомъ берегу основалъ обитель дѣкто Евѳимій; но она была сожжена норвежцами въ 1419 г.; тогда Евѳимій построилъ новую, при содѣйствіи Марѳы посадницы, имѣвшей тамъ свои помѣстья. Главнымъ запятіемъ Евѳимія было обращеніе въ христіанство сосѣднихъ язычниковъ ³⁾. Въ то же время въ сѣверо-западной оконечности Бѣлаго моря, при впаденіи р. Сороки въ Выгъ — поселился Германъ, который дѣйствовалъ тамъ, вѣроятно, въ томъ же духѣ ⁴⁾. Но рѣшительное вліяніе на распространеніе христіанства на сѣверѣ оказалъ Соловецкій монастырь.

Въ то время, когда Германъ жилъ на р. Выгѣ, въ Балаамскомъ монастырѣ подвизался Савватій. Тамъ узналъ онъ объ удобствахъ для жизни Соловецкаго острова, богатаго рыбою, лѣсами и ягодами ⁵⁾. Побуждаемый желаніемъ отшельничества, пришелъ онъ къ морю, съ цѣлію узнать у мѣстныхъ жителей о свойствахъ острова; и такимъ образомъ встрѣтился на Выгѣ съ Германомъ. Оба отшельника отправились на Соловецкій островъ, поставили крестъ у горы Сѣкирной, вы-

1) Кастрень, 16, 5, 19, 87, 88.

2) *Ibid.* 79, 80.

3) Житіа Евѳимія Карельскаго у Филарета, апрѣль, стр. 79—82.

4) Рус. церк. на сѣверн. Поморья, прав. соб. 1860, II, 15.

5) Начало житія Савватія.

рубили лѣсъ въ окрестности и устроили келліи. Это было въ 1429 г. Спустя шесть лѣтъ, оба они ходили на поморскій берегъ: Германъ для приобрѣтенія жизненныхъ припасовъ, а Савватій, чтобы приготовиться къ смерти, такъ какъ на Соловецкомъ островѣ не было церкви и дѣйствительно вскорѣ умеръ. Во время странствованія Германа, на р. Сумѣ съ нимъ встрѣтился другой отшельникъ—Зосима, уроженецъ Обонежской пятины и постриженникъ Палеостровскаго монастыря. Съ нимъ Германъ возвратился на Соловецкій островъ, и въ 1436 г., построивъ церковь Преображенія, они положили основаніе Соловецкому монастырю. Какъ только былъ устроенъ монастырь, сюда собралось большое братство. Услышавъ о новой обители, цѣлыя толпы народа направились къ сѣверу, чтобы на мѣстѣ увидѣть новыхъ подвижниковъ, и многіе изъ посѣтителей оставались жить съ ними. Такимъ образомъ мѣсто, гдѣ никогда не жили люди, обратилось въ многлюдное поселеніе ¹⁾.

Вида занятіе острова чуждыми людьми, карелы, жившіе на морскомъ берегу, сначала враждебно отнеслись къ основателямъ монастырскаго поселенія. Они стали заявлять свои права на островъ, какъ лежавшій по сосѣдству съ ними, а нѣкоторые изъ нихъ даже отправились на островъ и заняли тамъ мѣста для рыбной ловли. Но отношенія инородцевъ измѣнились, какъ только русское населеніе на островѣ умножилось. По словамъ современника первоначальнаго заселенія острова, тогда многіе изъ инородцевъ приняли христіанство, такъ что оно распространилось на 3000 верстъ въ окружности. Многіе изъ инородцевъ приходили въ монастырь съ тѣмъ, чтобы постричься тамъ въ монахи ²⁾. Распространенію христіанства въ этихъ предѣлахъ значительно содѣйствовали поземельные надѣлы монастыря. Мы видѣли, какъ быстро и въ казыхъ размѣрахъ совершались они по инициативѣ правительства; не менѣе значительны были и записи частныхъ лицъ. Такъ, отъ новгородскихъ землевладѣльцевъ Соловецкій монастырь получилъ вотчины по морскому берегу, отъ Варзуги до Онеги: по рр. Шуѣ, Кеми, Кумбѣ, Варзугѣ и въ предѣлахъ Лапландіи. Кромѣ того, расширивъ свои средства, монастырь самъ сталъ приобрѣтать земли въ этихъ мѣстахъ ³⁾.

1) Житіе Зосимы.

2) Житіе Зосимы и Савватія.

3) Сборникъ грамотъ Соловец. монастыря, № 4 и 5. Русск. церк. въ сѣвер. Помор. Ирав. соб. 1860, II, 20—22.

А мы видели, что крестьяне охотнѣе шли на монастырскія вѣсточины, которыя такимъ образомъ все болѣе подчинялись вліянію христіанскаго населенія. Даже финскіе будесники оставляли свое ремесло и принимали христіанство. Болѣе опредѣленные факты обращенія финновъ видны изъ грамотъ, въ которыхъ иногда обозначаются ихъ прежнія имена рядомъ съ новыми—христіанскими. Уже въ концѣ XV в., икумень Досиной, составляя житіе Зосимы и Савватія, считалъ необходимымъ по возможности упростить его слогъ, чтобы финны, жившіе по морю и вокруг Соловецкаго острова (ижора, чудь, лопари), могли понять смыслъ рѣчи; такъ какъ они еще мало были знакомы съ русскимъ языкомъ ¹⁾. Въ концѣ XV в. здѣшніе карелы (тиврульцы и вымольцы) вмѣстѣ съ новгородцами ходили противъ кареловъ, жившихъ въ Финляндіи, за ихъ набѣги, и послѣ счастливаго похода вмѣстѣ съ новгородцами они сдѣлали пожертвованіе въ Соловецкій монастырь: очевидно это были уже христіане ²⁾. А въ концѣ XVI вѣка, въ жалованной грамотѣ царя Θεодора, лопари, жившіе въ области Кемь, называются также христіанами ³⁾.

Въ дальнѣйшемъ распространеніи своемъ христіанство коснулось кольскихъ лопарей, и въ этомъ случаѣ принялъ участіе Соловецкій монастырь, въ лицѣ ученика своего Θεодорита. Онъ былъ родомъ изъ Ростова. Имѣя только 18 лѣтъ, оставилъ онъ родителей и отправился въ Соловецкій монастырь. Въ 14 лѣтъ Θεодоритъ принялъ уже монашество и за тѣмъ 15 лѣтъ пробылъ въ послушаніи у соловецкаго подвижника Зосимы, ученика основателя обители. Спустя годъ послѣ этого, онъ рѣшился, по обыкновенію того времени, обойти сѣверныя пустыни. Прежде всего Θεодоритъ посѣтилъ извѣстнаго тогда отшельника Александра Свирскаго и нѣсколько времени прожилъ у него, упражнялся подъ его руководствомъ въ подвигахъ *созерцанія*. Отъ Александра Свирскаго, Θεодоритъ отправился въ заволжскіе монастыри и, посѣтивъ всѣ тамошнія обители, поселился въ Кирилловомъ монастырѣ, въ которомъ пробылъ два года, главнымъ образомъ упражнялся въ борьбѣ съ плотию. Склонный въ созерцанію, Θεодоритъ не могъ оставить безъ

1) Житіе Зосимы и Савватія.

2) Собрн. Соловецк. грам. № 5. Русск. церк. на сѣвер. Помор. Прав. соб. 1860, II, 25.

3) Собрн. Соловецк. грам. № 69, 72. Ibid. 22, 22.

вниманія пустынь, которыми былъ усѣянъ заволжскій край. Тамъ онъ нашель известныхъ тогда пустынниковъ—Порфирія, Артемія и Иосафа Блѣбова—противниковъ церковнаго формализма, преобладавшаго въ понятіяхъ большинства. Съ ними прожилъ Ѳеодоритъ около четырехъ лѣтъ. Тогда вызвалъ его въ Соловецкій монастырь прежній его наставникъ—Зосима, предчувствуя приближеніе смерти. Этотъ путь въ 300 миль, по непроходимымъ пустынямъ, Ѳеодоритъ совершилъ пѣшкомъ. По смерти Зосимы онъ рѣшилъ поселиться въ пустынь и избралъ для жизни дикіе лѣса Лапландіи ¹⁾. Рѣкою Колою достигъ Ѳеодоритъ желаннаго мѣста, гдѣ нашель уже одного пустытника, жившаго тамъ пять лѣтъ. Курбскій говоритъ: «мнѣ помнится, что его называли Митрофанъ». Но вѣроятно это былъ Трифонъ Печенгскій ²⁾.

¹⁾ Прибытіе его сюда, на основаніи обстоятельствъ его жизни и лѣтъ, сообщаемыхъ Курбскимъ, полагаютъ въ 1527 году. См. стат. Шестакова: Просвѣтителіи лопарей Ѳеодоритъ и Трифонъ, въ Журн. мин. народ. просвѣщ. 1868, іюнь, 267.

²⁾ Извѣстіе Курбскаго о дѣятельности Ѳеодорита находится въ его Исторіи Іоанна, 126—142. Но о личности сожителя Ѳеодорита мнѣнія расходятся. Одни признаютъ его Трифопомъ (житіе у Филарета 16 декабря; предисловіе къ житію въ Правосл. соб. 1859, II; и Житіа свят. рос. церк. Спб. декабрь, 390—429). Другіе отвергаютъ тожество ихъ и потому раздѣляютъ дѣятельность Трифона и Ѳеодорита. (Шестаковъ, Журн. министер. народ. просвѣщ. 1868 іюль, и Русск. церк. въ сѣверн. Поморьи, Правосл. соб. 1860, II, 28—37). Но слѣченіе фактовъ подтверждаетъ первое мнѣніе. Біографъ Трифона говоритъ, что онъ сначала подвизался и занимался миссією на р. Печенгѣ, а потомъ ходилъ въ Кольскую волость, гдѣ, по словамъ Курбскаго, встрѣтился съ однимъ отшельникомъ Ѳеодоритъ. Далѣе, о каждомъ изъ нихъ говорится, что онъ основалъ монастырь Троицы. Но въ біографіи Трифона указывается, что этотъ монастырь долго существовалъ въ видѣ церкви (Правосл. соб. II, 101—103), которая потомъ была преобразована въ обитель; а изъ сочин. Курбскаго видно, что отшельникъ, котораго засталъ въ этихъ мѣстахъ Ѳеодоритъ, ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Новгородъ, результатомъ чего было устройство монастыря—оба извѣстія соглашаются между собою; такъ какъ есть основаніе предполагать, что это былъ одинъ и тотъ же монастырь (Карамзинъ, IX, 159; X, 63, 95, примѣч. 179; XI, 27. Житіе рус. свят. Спб. 1856, декабрь, 390—429. Историч. словарь о святыхъ россійск. церк.). Наконецъ въ біографіи Трифона упоминается о путешествіи его въ Москву съ другимъ отшельникомъ, который называется выходцемъ изъ Соловецкаго монастыря, а такимъ былъ именно Ѳеодоритъ, который также страствовалъ туда. Слѣдовательно соглашеніе извѣстія Курбскаго съ біогра-

Послѣдній родился въ 1495 г. воелѣ города Торжка и былъ близкихъ лѣтъ съ Теодоритомъ. Услышавъ однажды въ церкви похвалу пустынникамъ, которыхъ ожидаютъ блага будущей жизни, онъ рѣшился и самъ удалиться въ пустыню. Съ этою мыслию онъ отправился на сѣверъ и пришелъ на р. Печенгу. Первое время провелъ онъ въ однихъ аскетическихъ подвигахъ; но, какъ строгій послѣдователь христіанскаго ученія, онъ не могъ сносить кругомъ себя языческаго богослуженія. Подъ видомъ торговыхъ дѣлъ, Трифонъ завелъ сношенія съ лопарями, а потомъ постепенно принялъ на себя роль христіанскаго миссіонера. Это возбудило противъ него языческихъ жрецовъ, которые недовольны были его вліяніемъ на народъ. Они били его, рвали ему волосы, бросали его о землю и наконецъ стали подуцать народъ, чтобы убить его. Но въ средѣ послѣдняго нашлись защитники Трифона, которые предохранили его отъ печальной катастрофы. Впрочемъ не мало времени провелъ онъ въ распространеніи христіанства по рр. Печенгѣ и Пазу, и когда оказалось довольно послѣдователей—онъ устроилъ церковь, для освященія которой вызвалъ изъ Кольской волости монаха Ілію, отъ котораго и принялъ монашество. Одновременно съ Трифономъ, въ предѣлахъ Лапландіи занимались распространеніемъ христіанства

фіей Трифона вполне объясняетъ совмѣстную дѣятельность обоихъ; но Курбскій легко могъ смѣшать два сходныя имени (Трифонъ и Митрофанъ). Что же касается отрицательнаго отношенія въ разсказу Курбскаго, будто бы старавшагося разукрасить дѣятельность Теодорита въ ущербъ Іоанну Грозному (Шестаковъ, *Ibid.* 260), то оно вытекаетъ изъ общаго подозрѣнія въ Курбскому послѣдователей извѣстной теоріи. Курбскій не могъ помѣстить разсказа о Теодоритѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ главы о мученикахъ, такъ какъ передаетъ о немъ только по случаю слуха объ утопленіи его Іоанномъ Грознымъ; но тутъ же заявляетъ, что другіе сообщили ему о естественной смерти Теодорита, и потому онъ не дѣлаетъ своего заключенія. За то, въ сравненіи съ біографіей Трифона, слѣдуетъ отдать предпочтеніе извѣстію Курбскаго. Онъ лично зналъ Теодорита, который былъ его духовникомъ и самъ разсказывалъ ему о лопаряхъ; оттого извѣстіе Курбскаго отличается точностью даже въ означеніи времени событій. Такого достоинства не имѣетъ за собою біографія Трифона Печенгскаго. Древнее житіе его погибло во время разоренія его обители шведами, а новое составлено гораздо позже, по краткимъ извѣстіямъ о немъ. Отсюда объясняется неполнота житія, пропуски и сбивчивость въ изложеніи, что признаютъ и тѣ, которые относятся отрицательно къ разсказу Курбскаго. (Шестаковъ, *ibid.*, 289, 290). По нашему мнѣнію дѣятельность Теодорита и Трифона имѣетъ тѣсную связь.

другіе отшельники, вышедшіе, какъ полагаютъ, изъ Соловецкой обители. Результатомъ ихъ дѣятельности было обращеніе самихъ лапландцевъ (живущихъ вокругъ Кандаджской губы) въ 1526 г. въ Москву, съ просьбою прислать все необходимое для крещенія. А около 1527 г. на берега Воды прибылъ Феодоритъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Трифономъ. Съ этихъ поръ обращеніе лопарей пошло скорѣе. Трифонъ не могъ видѣть обширнаго вліянія на нихъ, такъ какъ онъ былъ малограмотенъ («недѣжда и маловиженъ»). Феодоритъ же принялся за дѣло съ болѣе широкою дѣлюю. Онъ изучилъ лапландскій языкъ, такъ что былъ весьма искусенъ въ немъ (Курбскій), и вслѣдъ за тѣмъ принялся за обученіе лопарей, сдѣлавъ для нихъ переводъ болѣе употребительныхъ молитвъ. Результаты не замедлили обнаружиться вскорѣ. Уже въ 1532 г. вольскіе лопари просили новгородскаго архіепископа Макарія прислать имъ священниковъ для крещенія и тогда же многіе быши крещены. Двадцать лѣтъ провелъ Феодоритъ въ миссіонерскихъ занятіяхъ. Послѣ этого оба миссіонера, на мѣстѣ существовавшей церкви, рѣшились основать монастырь Троицы и съ этою цѣлью отправились въ Новгородъ. Ихъ путешествіе имѣло полный успѣхъ. Пробывъ два года въ Новгородѣ, они получили на дорогу не мало серебра, и многіе изъ новгородцевъ послѣдовали за ними. По возвращеніи въ пустыню Феодоритъ и Трифонъ построили монастырь, въ которой собралось большое братство. Теперь христіанство стало распространяться быстрѣе и однажды за-разъ Феодоритъ крестилъ до 2000 лопарей вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, что, при разбросанности и рѣдкости тамошняго населенія, составляетъ весьма крупную цифру. При этомъ многіе изъ лопарей вступили даже въ монастырь. Впрочемъ дѣло Феодорита значительно облегчалось ихъ характеромъ. По его собственнымъ словамъ, этотъ народъ отличался простотою и кротостью нрава, былъ чуждъ лукавства и потому весьма охотно принималъ христіанство. Это подтверждаютъ и современные путешественники. Кастрень говоритъ, что лопари выше всего цѣнятъ покой, отличаются религіозностью и семейными добродѣтелями, а въ протестантскихъ округахъ они знаютъ наизусть новыя заветы и все богослуженіе. Также съ неистомъ приняты были оба миссіонера и въ Москвѣ, гдѣ Іоаннъ Грозный щедро одарилъ ихъ обитель. По словамъ современника (Максима Грека) въ это время христіанство распространилось уже до предѣловъ Швеціи, на разстояніи 60 верстъ отъ города Варгава.

Но Феодоритъ встрѣтилъ сопротивленіе въ той средѣ, на которую онъ болѣе всего рассчитывалъ — въ монахахъ. Въ своемъ монастырѣ Феодоритъ ввелъ строгій общешительный уставъ; но, какъ защитникъ пустынной жизни, онъ запретилъ принимать въ пользу монастыря недвижимыя имѣнія, которыя въ то время были предметомъ горячихъ споровъ. По уставу Феодорита, монахи должны были добывать хлѣбъ собственными руками. Съ другой стороны, какъ ученикъ Соловецкаго монастыря, онъ, согласно съ уставомъ Зосимы и Савватія, запретилъ пускать въ монастырь не только женщинъ, но и животныхъ женскаго рода. По словамъ Курбскаго, строгость устава была причиною, что монахи возстали противъ Феодорита, избили его безпощадно и изгнали изъ монастыря. Онъ отправился въ Новгородскую область, и былъ сдѣланъ игуменомъ одного небольшого монастыря. Но съ этихъ поръ ему пришлось испытать рядъ невзгодъ. Спустя два года, по ходатайству Артемія, игумена Троицкой лавры, Феодоритъ былъ переведенъ игуменомъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, которымъ управлялъ 4 или 5 лѣтъ. Здѣсь, своими обличеніями, онъ возбудилъ противъ себя монаховъ и суждальскаго епископа, которые воспользовались обвиненіемъ нѣкоторыхъ пустынниковъ, близкихъ къ Феодориту, въ сочувствіи Башкину (1554 г.), преданному суду за мнимую ересь, и донесли на Феодорита. Тогда онъ былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ пробылъ около полутора года. Только благодаря ходатайству Курбскаго и другихъ лицъ, Феодоритъ получалъ свободу. Послѣ этого онъ перешелъ въ одинъ изъ монастырей въ Ярославль и прожилъ въ немъ годъ или два. Отсюда его вызвалъ Іоаннъ Грозный (1560) и отправилъ въ Константинополь за чиномъ царскаго вѣнчанія. Выполнивъ это порученіе, Феодоритъ удалился въ монастырь Дмитрія Прилуцкаго и теперь вспоминалъ онъ о своихъ подвигахъ въ землѣ лопарей. Два раза посѣтилъ Феодоритъ Лапландію. Путь его исполненъ былъ опасностей: онъ шелъ изъ Вологды до Холмогоръ, оттуда рѣкою Двиною до моря, а моремъ до р. Печенги, въ предѣлы кольской Лапландіи. Цѣлью его путешествій было посѣщеніе своего монастыря и обращенныхъ лопарей.

Феодоритъ умеръ въ глубокой старости (болѣе 70 лѣтъ). Но о смерти его говорили различно. По словамъ однихъ, за ходатайство о Курбскомъ, онъ былъ утопленъ въ рѣкѣ, по повелѣнію Іоанна Грознаго; а по свидѣтельству другихъ, умеръ естественною смертію. «Не смотря на все мое стараніе, говоритъ Курбскій, я не могъ узнать истину о смерти

Теодорита; а потому я написала, какъ слышала, будучи въ отсутствіи и на далекомъ разстояніи, внапрасну изгнанный изъ любимого отечества. Между тѣмъ какъ имя Трифона сохраняется въ памяти лопарей, Теодоритъ позабытъ на мѣстѣ своей дѣятельности. Это объясняется, какъ тѣмъ, что Трифонъ оставался на мѣстѣ до конца жизни, а Теодоритъ на долго удался оттуда; такъ и тѣмъ, что Трифонъ причисленъ первою въ святыхъ ¹⁾.

Пребываніе Трифона и Теодорита среди лопарей, кромѣ историческаго значенія, имѣетъ и другое—этнографическое. Они положили начало распространенію русскаго населенія въ тамошнемъ краѣ, такъ какъ до нихъ русскіе колонисты тамъ не бывали ²⁾.

Въ слѣдъ за обращеніемъ вольскихъ и печенгскихъ лопарей, христіанство распространилось у лопарей терскихъ. Сюда оно проникло одновременно съ послѣдними, но не получило сначала одинаковаго приѣма. Впрочемъ въ 1573, по просьбѣ тамошнихъ лопарей, къ нимъ былъ отправленъ старецъ Теоноствъ, которому поручено было построить церковь на р. Поною. Но въ 1581 г. она стояла пуста, по недостатку мира. Тогда попеченіе о ней взялъ на себя Троицкій монастырь, обязавшись доставить все необходимое ³⁾.

О территоріальномъ распространеніи христіанства на сѣверѣ можно судить по количеству монастырей и церквей, которыя по преимуществу были основаны Соловецкимъ монастыремъ. Такія церкви въ XV и XVI вв. находились на рѣкахъ: Унежмѣ, Вирмѣ, Сорокѣ, Выгѣ, Сумѣ, Шуѣ, Кемѣ, Керети, Варугѣ и друг. На островѣ Муѣ, въ Кемской волости Вотской пятины, принадлежавшемъ Соловецкому монастырю и гдѣ жило много кареловъ и лопарей, находился муезерскій Троицкій монастырь съ двумя церквами; а въ Кольской волости, кромѣ Троицкаго монастыря, основаннаго Трифономъ и Теодоритомъ, въ XVI в. была построена соборная церковь. Въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря, по означеннымъ рѣкамъ, въ XV и XVI вв. насчитываютъ 26 церквей ⁴⁾. Съ приобрѣтеніемъ отдаленной вотчины имя съ умноженіемъ

¹⁾ Житіе Трифона Печенгскаго, Курбскій, *ibid.* Статья Шестакова, Журн. мин. нар. проsv. 1868, іюль. Свидѣт. Максима Грека, Правос. соб. 1859 г., II, 216, 217. Кастрень, 28, 33, 39.

²⁾ Житіе Трифона Печенгскаго.

³⁾ Акты экспедиціи, I, № 289, 809.

⁴⁾ Въ Сумскомъ острогѣ—1; въ Кемскомъ городкѣ—1; въ Вирмѣ

поселенія въ прежнихъ поселеніяхъ, результатомъ чего обыкновенно бывало образованіе новыхъ селъ и деревень, Соловецкій монастырь въ этихъ мѣстахъ обыкновенно устраивалъ новые приходы ¹⁾).

Въ двинской части сѣвернаго Поморья въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка былъ основанъ Архангельскій монастырь, волею котораго въ 1584 г. былъ построенъ городъ Архангельскъ. Одновременно съ нимъ, на Карельскомъ берегу, возникъ Николаевскій монастырь. Въ 120 верстахъ отъ Архангельска лежала Пертоминская пустынь; на устьи Лавы, въ 32 верстахъ отъ Архангельска, — Лавленскій монастырь; 2 монастыря въ Емецкомъ станѣ; Чарцова пустынь — въ Мезенскомъ уѣздѣ, основанная нунциациономъ Сальвестромъ. Кроме того, въ Двинскомъ уѣздѣ въ XV и XVI вв. было построено 12 церквей ²⁾).

Такимъ образомъ, распространеніе христіанства на сѣврѣ совершалось непосредственно подъ вліяніемъ монастырей и въ концѣ XVI в. границы его уже совпадали съ границами русскихъ владѣній.

Тѣмъ же путемъ шло его распространеніе и на востокъ Россіи. Мы видѣли, что до нашествія татаръ крайнимъ предѣломъ русскихъ поселеній въ области Волги былъ Нижній Новгородъ; но завоеваніе Россіи татарами задержало на время его дальнѣйшее движеніе. Въ предѣлахъ быдшаго Булгарскаго царства размѣстились татары и подчинили себѣ всѣ финскія племена, находившіяся прежде въ зависимости отъ болгаръ. Здѣсь современемъ (1440 г.) образовалось Казанское царство и сдѣлалось твердымъ оплотомъ противъ русскихъ завоеваній, а торжество магометанства въ этомъ краѣ укрѣпило нерасположеніе къ Москвѣ среди финскихъ племенъ Поволжья. Еще въ X вѣкѣ магометанство было официально признано въ Булгарскомъ царствѣ, и съ тѣхъ поръ оно стало постепенно распространяться въ окрестности. Въ XIII в. папскіе миссіонеры называютъ болгаръ самыми упорными изъ всѣхъ магометанъ. Магометанское духовенство усердно

—1; въ Калезмѣ—2; въ Куше-рѣцкой волости—1; въ Шижнѣ—1; въ Соракѣ—1; въ Шуѣ—1; въ Варзугѣ—1; въ Керети—3; въ Уибѣ—1; въ Нюхчѣ—1; въ Нижмо-озерѣ—2; въ Пурнемѣ—2; въ Дяцѣ—2; въ Золотцахъ—1; въ Пилѣ—1; въ Пурчасовѣ—3; въ Яренгскомъ погостѣ—1. Опис. Солов. монаст. 392, 417.

¹⁾ Древнія пустыни, Прав. соб. 1860, II, 252—272.

²⁾ Древнія пустыни, *ibid.* 272—274. Сказаніе о яренгскихъ и пертомин. чудотворц.; Житіе Антонія Сидскаго. Двинской летописецъ.

принялось за распространение своей религии. Многие из черемисъ, чувашей и башкирцевъ были обращены въ исламъ, а въ мордовскомъ городѣ Буртасъ было устроено двѣ мечети. Магометанская цивилизація нашла сильную поддержку въ татарахъ. Впрочемъ магометанство на Волгѣ главнымъ образомъ коснулось городского населенія, а въ сельскомъ народѣ и въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ городовъ, преобладали языческія вѣрованія или одна формальная сторона магометанства ¹⁾. Вотъ почему эти инородцы иностранныхъ писателей называются иногда язычниками ²⁾. Ихъ религія, исполненная крайняго колдовства, не осталась безъ вліянія и на завоевателей. Финскіе жрецы пользовались уваженіемъ у татаръ, и передъ паденіемъ Казанскаго царства послѣдніе обращались къ ихъ содѣйствію и предсказаніямъ о судьбѣ города ³⁾. До самаго паденія Казани русскіе встрѣчали здѣсь двойную оппозицію: политическую и религіозную. Поэтому русская колонизація временно направилась къ сѣверу отъ Волги и соответственно съ этимъ направленіемъ шло распространение христіанства.

Ближайшими сосѣдями на востокѣ, въ сѣверу отъ Волги, были зыряне и пермь, населявшие страну, извѣстную подъ именемъ Великой Перми и по своему происхожденію входившіе въ составъ финскаго племени. Одни видятъ въ этой странѣ преемницу древней Біарміи ⁴⁾; другіе считаютъ ее отдѣльною страной ⁵⁾. Сами жители Перми называютъ себя Коми ⁶⁾; но въ общеупотребительномъ языкѣ извѣстны болѣе подъ именами пермяковъ (räätä—украина; или пармъ, пермъ—гора) и зырянъ (зыря, тоже украина) ⁷⁾. Названіе Перми уже извѣстно было древнему лѣтописцу, какъ страны, существовавшей до основанія Русскаго государства ⁸⁾. По сосѣдству съ нею жили: на юго-западѣ—вотяки, на югѣ—

¹⁾ Рычковъ, Оренбург. топографія, I, 57; Ойрсовъ, Положеніе инородцевъ въ Москов. государ. 9, 18, 19. Рубруевъ, въ Чтен. Москов. общ. исторіи, 1864, кн. III, Иностран. матер. 173.

²⁾ Guagnini, Moscoviae descriptio, 17.

³⁾ Исторія о Казанск. царствѣ, неизвѣст. сочин. XVI в. Спб. 1791, 125—129.

⁴⁾ Савельевъ, Пермск. губер. въ археологич. отнош. Журн. министер. внутр. дѣлъ, 1852, XXXIX.

⁵⁾ Роговъ, Матер. для опис. быта пермяковъ, Журн. министер. внутр. дѣлъ, 1858, апрѣль.

⁶⁾ Ibid. и Лелехинъ, Дневн. записки, III, 196.

⁷⁾ Савельевъ loc. cit. и Роговъ, ibid.

⁸⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. I, 2.

болгары; на востокъ—остали и вогулы. По общему сходству, зырянъ и пермяковъ обыкновенно считали однимъ народомъ и называли вообще пермью; а Кенпентъ присоединяетъ къ нимъ и вотяковъ. Уже въ XIII столѣтїи Пермь, вмѣстѣ съ Заволочьемъ и Двинской землею, платила дань Новгороду, и, будучи богата звѣрями, привлекала сюда торговыхъ людей. Но полного подчиненія Перми не видно: она платила дань и сохраняла собственныхъ князей и древнюю религію. Вѣрованія жителей Перми представляютъ черты грубыхъ религій средней и сѣверной Азіи. Подобно остальнымъ финнамъ, они поклонялись—стихіямъ, животнымъ и разнымъ предметамъ: камнямъ, деревьямъ и т. п. Главными божествами у пермяковъ считались—Воинель и Золотая Баба. Последняя представляла каменный истуканъ, изображавшій старуху съ двумя младенцами на рукахъ. Въ честь ея убивали лучшихъ звѣрей, кровью которыхъ мазали ротъ и глаза истукана. При ней былъ оркуль, отвѣчавшій на вопросы любопытныхъ ¹⁾. По словамъ Гваньини, Золотой Бабѣ поклонялись югры, вогулы, обдорцы и сосѣдніе народы ²⁾. Пермяки и зыряне обыкновенно дѣлали идолы изъ дерева или камня и обвивали ихъ полотняными пеленами. Ихъ ставили въ кумирняхъ, домахъ, на дорогахъ и въ лѣсахъ. При храмахъ служили волхвы, которые имѣли своего верховнаго жреца, а за ними слѣдовало множество чародѣевъ и волшебниковъ, пользовавшихся большимъ вліаніемъ, какъ у всѣхъ финновъ. Въ XIV вѣкѣ былъ извѣстенъ въ пермской землѣ верховный волхвъ—Пама, считавшійся отцомъ народа, который вѣрилъ, что его волшебствомъ управляется вся Пермь. Есть основаніе полагать, что и здѣсь во взглядѣ на міръ преобладаетъ дуализмъ. У пермяковъ былъ богъ добра Ень, и злое начало—Куль; но въ настоящее время понятіе о нихъ смѣшано съ христіанскимъ взглядомъ. Пермяки, какъ и всѣ финны, отличаются крайнимъ суевѣріемъ: повѣрья, предрасудки и примѣты сопровождаютъ ихъ на каждомъ шагѣ; но особенно опаснымъ у нихъ считается—колдунъ ³⁾.

¹⁾ Житіе Стефана Пермскаго вполне напечат. въ Памятн. старин. русск. литер., IV, 119—171. См. также у Филарета, и въ Истор. церк. Макарія, IV, кн. I, прилож. XVIII. Ср. стат. Рогова, *ibid.* Полн. собр. рус. лѣтоп. V, 250.

²⁾ Gagnini, *Moscov. descript.* ed. Starczewsey, 15.

³⁾ Житіе Стефана Пермскаго, *loc. cit.* Рогова, *ibid.* стр. 99, 94, 95, 74, 61, 62. Савельевъ, *ibid.* 118.

Въ такомъ видѣ была религія Перми до тѣхъ поръ, пока на миссіонерское поприще не выступилъ Стефанъ Пермскій. Онъ былъ, сынъ церковника, родомъ изъ Устюга. Въ дѣтствѣ онъ отличался большими способностями, такъ что скоро научился грамотѣ и прочелъ всѣ книги, бывшія въ церковномъ употребленіи. Въ родномъ городѣ Стефанъ познакомился съ зырянскимъ языкомъ, въ слѣдствіе постоянныхъ сношеній устюжанъ съ зырянами. Но онъ думалъ о дальнѣйшемъ образованіи. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ отправился въ Ростовъ и пострѣлся (ок. 1465) тамъ въ Богословскомъ монастырѣ, потому что при немъ была большая бібліотека. Здѣсь Стефанъ усердно принялся за чтеніе книгъ и сблизился съ тѣми изъ монаховъ, которые отличались бѣльшею начитанностію. Биографъ его Епифаній съ удовольствіемъ воспоминаетъ, какъ они бывало, спорили между собою, то о событіяхъ, то о какомъ-нибудь словѣ или строку. Въ свободное время Стефанъ занимался списываніемъ книгъ, которыхъ много осталось послѣ него въ монастырѣ. Но всѣ эти занятія вносились въ одной цѣли — обращенію язычниковъ въ христіанство: «это у него было давно задумано», и потому, будучи еще въ монастырѣ, Стефанъ составилъ пермскую или точнѣе зырянскую азбуку¹⁾, состоявшую изъ 24 буквъ. Полагаютъ, что при составленіи ея, онъ воспользовался существовавшими у зырянъ чертами и рѣзами на тонкихъ четвероугольныхъ планочкахъ (*масъ*), при помощи которыхъ и теперь они составляютъ себѣ календари, съ обозначеніемъ мѣсяцевъ и дней года и ведутъ счеты²⁾. Послѣ изобрѣженія азбуки, Стефанъ принялся за переводъ на зырянскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Но для большаго успѣха въ своихъ занятіяхъ, онъ изучилъ еще греческій языкъ, такъ что могъ свободно читать и постоянно держалъ у себя греческія книги. Онъ умѣлъ говорить на трехъ языкахъ, говоритъ Епифаній: на греческомъ, русскомъ и пермскомъ. Изученіе греческаго языка въ Ростовѣ не представляло для него особеннаго затрудненія, такъ какъ тамъ въ собор-

1) Саводейтъ, *ibid.*, стр. 119 и Саввантова, *Зырянская грамматика: пермскій языкъ, для котораго Стефанъ изобрѣлъ азбуку, не иное что, какъ зырянскій*. Ср. Роговъ, *ibid.* 68, 64.

2) Этотъ способъ письма и до сихъ поръ сохраняется; Макарій, *Истор. церк. IV*, кн. I, 133, пр. 179. Вологод. вѣдом. 1850 г. № 16. Азбука изобрѣдена у Карамъ. У, пр. 125. Она давно вышла изъ употребленія. Макарій, *ibid.*

ной церкви сохраняется обычай петь по-гречески. Среди таких замѣтнѣйшій Стефанъ пробылъ въ Ростовѣ до 1378 года ¹⁾. Тогда онъ рѣшился выполнить задуманное предпріятіе. Съ этою цѣлью онъ явился въ Москву и, получивъ разрѣшеніе на свое предпріятіе, въ званіи священника отправился въ перискую землю. Изъ Устюга онъ спустился по Обверной Двинѣ до впаденія въ нее р. Вытегды, гдѣ начинались поселенія зырянъ. Первое изъ нихъ было Котласъ (прежнее Пырась). Здѣсь онъ не встрѣтилъ сопротивленія и крестилъ всѣхъ жителей, для которыхъ тогда же построилъ храмъ ²⁾. Дальнѣйшій путь его шелъ по правому берегу Вытегды и вездѣ его дѣятельность обозначалась крестами и часовнями. Наконецъ онъ остановился при слияніи р. Выми съ Вытегдою, гдѣ было главное мѣсто зырянъ, на которомъ стоялъ городъ Усть-Выми. Построивъ и здѣсь храмъ, Стефанъ открылъ въ немъ богослуженіе на зырянскомъ языкѣ. Но здѣсь главнымъ предметомъ почитанія язычниковъ была громадной величины береза, стоявшая на возвышенности и извѣстная подъ именемъ прокудливой (кудеса—волшебство) Оуда стекались зыряне со всѣхъ сторонъ и приносили ей лучшія части добычи и охоты. Она производила громадное впечатлѣніе на суевѣрныхъ жителей, видѣвшихъ въ ней памятникъ старины и божественной силы. Чтобы имѣть возможность чаще сталкиваться съ язычниками, Стефанъ нарочно построилъ себѣ келью вондѣ самой березы. Видя однако благоговѣнное уваженіе въ ней, онъ рѣшился совершенно уничтожить этотъ предметъ обожанія. Онъ срубилъ березу и сжегъ ее. Тогда язычники рѣшились умертвить Стефана; но его мужество, всегда помогающее въ подобныхъ случаяхъ, и страхъ ихъ передъ Москвою помогли ему. Онъ указалъ имъ на безпомощность прежняго божества, которое не можетъ отомстить за себя, и эта рѣчь такъ подѣйствовала на зырянъ, что многіе тогда же крестились, а на мѣстѣ березы — Стефанъ построилъ храмъ. Онъ возмущался тѣмъ, что «дьявольское дѣйство царитъ тамъ» — и съ ревностью христіанскаго миссіонера принялся за истребленія языческихъ предметовъ почитанія. Его ученики и обращенные зыряне рубили священные деревья и уничтожали идоловъ. Но Стефанъ запретилъ своимъ ученикамъ брать дорогіе мѣха, которые были развѣшены вондѣ нихъ въ

1) Житіе Стефана Пермск. loc. cit.

2) Истор. іерар. VI, 567.

вѣдѣ приношеній, а велѣлъ ихъ сожигать. Это возразило зырянѣ, привыкшихъ отдавать все лучшее своимъ жрецамъ, и они еще болѣе расположились въ пользу Стефана.

Но такой способъ дѣйствія вызвалъ реакцію въ средѣ жрецовъ. Во главѣ ихъ выступилъ верховный жрецъ—Пама, жившій вблизи Усть-Выми. Онъ возбуждалъ зырянъ тѣмъ, что Стефанъ пришелъ изъ Москвы, которая угнетаетъ народъ податями; и, желая поддѣйствовать на послѣдній, вызвалъ Стефана пройти съ нимъ черезъ огонь, а потомъ спуститься въ одну прорубь Вычегды, такъ чтобы выйти въ другую. Стефанъ привазалъ зажечь одну хижину, стоящую въ сторонѣ и, когда пламя охватило ее, потребовалъ, чтобы жрецъ отправился съ нимъ. Волкъ испугался. Тогда Стефанъ схватилъ его за одежду и сталъ принуждать идти съ собою. Мужество и рѣшимость помогли Стефану. Видя готовность послѣдняго во что бы ни стало исполнить торжественное обѣщаніе, Пама отказался отъ своего вызова. Это окончательно подорвало довѣріе къ нему народа; его хотѣли умертвить и только заступничество Стефана спасло волхва. Ему позволено было удалиться изъ Перми. Съ своими сторонниками онъ перешелъ на р. Обь и между березовскими остояками основалъ селеніе Алтымъ. На сколько личное мужество помогло Стефану въ борьбѣ съ защитниками язычества; на сколько покровительство народу привлекло къ нему послѣдователей. Онъ уничтожилъ тяжелую повинность, которую должны были нести зыряне своимъ жрецамъ; онъ являлся заступникомъ ихъ передъ московскою властью, боярами и судьями, «избавляя отъ пасмля, работы, тѣлесной продажи и тяжелой дани». Даже новгородскіе ушкуйнши, разбойничавшіе въ этихъ мѣстахъ, подчинялись его увѣщаніямъ. По совѣту Стефана зыряне устроили у себя укрѣпленія ¹⁾.

Все это, какъ нельзя болѣе, расположило ихъ въ пользу Стефана. За это время Стефанъ успѣлъ крестить до 1000 человекъ ²⁾. Въ мѣстахъ утвержденія христіанства онъ ставилъ церкви и продолжалъ переписывать для нихъ книги ³⁾. Вездѣ было заведено богослуженіе

¹⁾ Житіе Стефана во Памятн. старин. рус. литер., IV, Ср. у Филарета и Введеніе. христ. у березов. остояк. Журн. мин. нар. просв. 1851, декабр. 12.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, 129; VIII, 69.

³⁾ Остатки его переводовъ сохранились въ отрывкахъ. См. Лелехинъ, III.

на зырянскомъ языкѣ, и, когда его первоначальные труды достаточно утвердились онъ рѣшился ходатайствовать о назначеніи особаго епископа въ Пермь, и съ этою цѣлью отправился въ Москву. Выборъ палъ на самого Стефана. Это было въ 1383 году. По возвращеніи въ Пермь, онъ поселился опять въ Усти-Вымѣ. Теперь по прежнему его дѣятельность распадается на два рода: отчасти она была продолженіемъ прежнихъ миссіонерскихъ трудовъ; отчасти была посвящена нуждамъ края. Онъ объѣзжалъ предѣлы своей епархіи, разыскивалъ язычниковъ и училъ обращенныхъ грамотѣ и чтенію книгъ, конечно богослужебныхъ. Миссіонерскіе его подвиги совершались на пространствѣ между рр. Вымью, Вычегдою и Вышерою (здѣсь при немъ поставленъ храмъ). Онъ способствовалъ основанію нѣсколькихъ монастырей въ этомъ краѣ, которые должны были содѣйствовать его трудамъ: въ 165 верстахъ отъ Устьсысольска была основана Ульяновская пустынь, а въ 60—Стефановская и 3 обители въ окрестности Яренска. Изъ гражданской его дѣятельности извѣстно нѣсколько случаевъ. Во время сильнаго голода онъ велѣлъ выдавать хлѣбъ изъ собственныхъ житницъ и нѣсколько разъ выписывалъ его изъ Устюга и Вологды. Въ 1386 г. онъ странствовалъ въ Новгородъ съ просьбою остановить нападенія ушкуйниковъ на земли зырянъ, и вѣче уплатило имъ понесенные убытки. Въ 1390 г. онъ путешествовалъ въ Москву для защиты края отъ наслія московскихъ чиновниковъ и въ тотъ разъ получилъ богатые дары, на которые устроилъ страннопріимный домъ. При его содѣйствіи была уничтожена шайба разбойника Кортъ-Айки и вѣсколько разъ онъ устранялъ нападенія вогуловъ и вятчанъ. Этимъ объясняется «Плачь земли пермской» о смерти Стефана, записанный его биографомъ Епифаніемъ, въ которомъ защита отъ насилій московскихъ чиновниковъ и облегченіе повинностей края занимаютъ главное мѣсто. Все это способствовало одной главной его цѣли — обращенію язычниковъ. Стефанъ умеръ въ 1396 г., во время пребыванія въ Москвѣ, послѣ 18 лѣтъ миссіонерской дѣятельности ¹⁾.

При преемникахъ Стефана, уже во второй половинѣ XV в., христіанство распространилось по рр. Вышерѣ, Камѣ и Чусовой; тогда былъ крещенъ пермскій князь и положено начало обращенію вогуловъ,

¹⁾ Житіе Стефана Пермскаго, loc. cit. и Твор. св. отц. Прибавл. 1845; III.

книжки которых также приняли христианство). Въ это время въ окрестности Чердыни встрѣчается четыре обители ¹⁾, изъ числа которых Троицкая пустынь была специально назначена для миссіонеровъ, проповѣдовавшихъ христианство зырянамъ, жившимъ по р. Печорѣ ²⁾. Медленность распространенія его послѣ Стефана въ теченіи цѣлаго столѣтія объясняютъ тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сношеній съ русскими, было сильно язычество и вліяніе жрецовъ ³⁾. Но и послѣ Стефана миссіонерская дѣятельность въ этомъ краѣ принадлежала преимущественно монастырямъ и отшельникамъ. Въ началѣ XVI в. Герберштейнъ писалъ о Перми: «До сихъ поръ многіе остаются здѣсь идолопоклонниками; но монахи и отшельники, отправляющіеся туда, не перестаютъ обращать ихъ отъ суетнаго служенія идоламъ» ⁴⁾.

Покореніе Казани открыло для русской миссіи новую область и дало направленіе русской колонизаціи къ югу. Эти оба явленія здѣсь тѣсно связаны. Война съ Казанью была начата и велась во имя религиозныхъ интересовъ: это была борьба христианства съ язычествомъ, съ поганями, для утвержденія христианской вѣры, т. е. православія, какъ понимали тогда. «Не могу терпѣть погубленія христианъ, вѣрнннхъ мнѣ; хочу страдать за вѣру православную до послѣдняго издыханія. Съ упованіемъ на Бога, на его причистую мать и на великихъ чудотворцевъ — идемъ въ путь» — говорилъ Іоаннъ передъ походомъ на Казань ⁵⁾. Духовенство и народъ видѣли въ этомъ походѣ торжество христианства надъ идолослуженіемъ и самимъ дьяволомъ, направлявшимъ поганыхъ татарскихъ царей на православное царство ⁶⁾. Завоеваніе Казани Іоаннъ приписывалъ самому Богу и молитвамъ св. Сергія ⁷⁾. А потому первымъ дѣломъ послѣ взятія города было основаніе двухъ церквей, собора и монастыря (Зилантова) ⁸⁾. Лѣтописцы рассказываютъ о знаменіяхъ, бывшихъ на р. Свіягѣ, о пророчествахъ и чу-

1) Распротр. христ. въ Пермск. епар. Макарія, Журн. министер. народ. просв. 1857, XCIII.

2) Истор. іерар. V, 550.

3) Ойрсовъ, Положеніе инородцевъ въ Моск. госуд. 210.

4) Записки о Московіи, стр. 129.

5) Никон. лѣтоп. VI, 103. Акты истор. I, № 160.

6) Дополн. въ акт. истор. I, № 37.

7) Софійская лѣтописць.

8) Карамзинъ, VIII, 112—116. Продолж. рос. вивліюе. V, 241.

десяти въ Казани. Напримѣръ, отъ коровы родилось дитя, и вдругъ превратилось въ вооруженнаго человѣка. Сказавши: «повинуйтесь московскому государю!» онъ немедленно исчезъ. Въ другой разъ рыболобы извлекли сѣть и увидѣли въ ней старца, который сказалъ имъ: «исцѣлите умолить московскаго царя!» По современному извѣстiю, когда дьяволъ, читая евангелiе, произнесъ слова: да будетъ единое стадо и одинъ пастырь! грянулъ сильный громъ (*отъ взрыва поджогов*), земля дрогнула, церковь затряслась ¹⁾. Таковы предзнаменования паденiя Казани.

Впрочемъ и здѣсь монастырская колонизацiя, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Россiи, предупредила политическое занятiе края. До завоеванiя Казани границею между казанскими и русскими владѣнiями была рѣка Сура. Но еще въ XIV в. на этой границѣ мы встрѣчаемъ монастырскiя владѣнiя. Отъ рѣчки Курмышки выше по Сурѣ тянулось вотчина Спасо-Евфимiевскаго монастыря, пожалованная ему нижегородскимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ (1393), которая въ XV и XVI вѣкахъ была уже заселена монастыремъ ²⁾. Послѣ взятiя Казани, государственная колонизацiя идетъ одновременно съ монастырскою, при содѣйствiи самаго правительства. Около Казани и Свияжска (построеннаго въ 1551 г.) возникли новые города: на сѣверо-западѣ—Чебоксары и Ковшайскъ, противъ нападения черемисъ; Лажневъ и Тетяши—на югѣ, противъ нагаевъ и крымскихъ татаръ (1555—1557 г.). За тѣмъ, во время втораго черемискаго бунта, являются новые опорные пункты для русскаго населенiя: Козмодемьянскъ, Цивильскъ, Царевоковшайскъ, Уржумъ, Царевосанчурскъ и др. А въ половинѣ XVII в. города строятся уже за Камою (Биларскъ, Старошешминскъ). Возлѣ нихъ группируются русскiя поселенiя ³⁾. Рядомъ же съ ними, утраиваются другiе центры—монастыри. Еще не выходя изъ Казани, Иоаннъ Грозный заложилъ Зилантовъ монастырь и назначилъ мѣсто для Преображенскаго. Нѣмольво ранѣе были основаны Троице-Сергiевскiй и Успенскiй монастыри въ Свияжскѣ. Вскорѣ послѣ завоеванiя Казани построенъ Троицкiй монастырь въ кремлѣ. Въ 1566 г. основанъ Троиц-

¹⁾ Карамзинъ, VIII, 109. и примѣч.

²⁾ Акты экспед. I, № 12, 18, 21.

³⁾ Мѣры Иоанна IV въ одерж. духовной побѣды надъ Казанью. Прав. соб. 1866, сентябрь, 11, 12.

ній монастырь въ Чебоксарахъ. Въ началѣ XVII в. возникаетъ Покровский монастырь въ Тетюшахъ¹.

Не смотря на то, что Іоаннъ Грозный лично не сочувствовалъ развитію монастырской поземельной собственности и положилъ ей ограниченіе, въ этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ исключеніе; имѣя въ виду заселеніе края и утверженіе русскаго владѣчества въ его предѣлахъ. Монастыри строятся вблизи городовъ и окружаются стѣнами и бойницами — очевидно съ стратегическою цѣлью; имъ раздаются земли и угодья, какъ средства для той же цѣли и для заселенія края. Назначенному въ Казань архіеп. Гурію были даны рыбныя ловли на протяженіи отъ устья Казанки до устья Камы, куда не замедлили явиться рыбацкія ватаги, изъ которыхъ современемъ образовались обширныя села²). По писцовымъ книгамъ 1566, 67 и 68 гг. за Казанскимъ архіеп. и двумя монастырями (Преображ. и Зилант.) считалось 4183 чети пашенной земли и 253 человекъ; за Успенскимъ монастыремъ (въ Свіяжскѣ), въ это время (спустя 13 лѣтъ послѣ основанія считалось 83 чел. До 1575 г. казанскій дѣвичій монастырь не имѣлъ вотчинъ, а въ 1585 г. за нимъ было уже 159 крестьянъ. Но если принять во вниманіе, что монастырямъ не давали инородцевъ, то эти цифры составятъ порядочное число крестьянъ, явившихся на новыя земли въ такой короткій срокъ³). Новые монастыри получили обыкновенныя права: перезывать крестьянъ, заселять свои земли, право беспошлинной торговли на извѣстное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ, собственный судъ; а крестьяне ихъ освобождались отъ повинностей на извѣстный срокъ. Притомъ эти земли давались монастырямъ преимущественно въ центрѣ, около Казани и Свіяжска, гдѣ жили татары, вытѣсненные отсюда другихъ инородцевъ; а эта мѣстность, по своей почвѣ, считается самою лучшею въ Казанской губерніи. Отсюда понятна административная цѣль—закрѣпить этотъ край за Московскимъ государствомъ; но также понятно почему крестьяне предпочитали и здѣсь, при всѣхъ указанныхъ условіяхъ, селиться на монастырскихъ земляхъ. И здѣсь дѣло доходило до того, что крестьяне бросали ва-

¹) Ратшинъ, Свѣдѣнія о монастыр., Казанск. губерніа.

²) Вліян. монастыр. на населен. въ Казанск. краѣ, Прав. соб. 1864, февр. 193, 194. Акты истор. I, № 162.

³) Ibid. 195—197.

зенныя земли и переходили на вотчины монастырей, на что пожаловались въ Москву казанскіе воеводы въ 1624 году, такъ что правительство запретило впередъ оброчиться у монастырей. Закрѣпленіе крестьянъ въ концѣ XVI вѣка было также причиною, что они въ значительномъ количествѣ устремились въ этотъ край. По описи 1764 г. на монастырскихъ земляхъ въ Казанской землѣ было уже 12,000 крестьянъ.

Но полное подчиненіе края считалось достижимымъ только съ утвержденіемъ въ немъ христіанства. Такъ смотрѣлъ на дѣло самъ Іоаннъ Грозный. А потому, вскорѣ послѣ завоеванія Казани, онъ образовалъ тамъ особую епархію и назначилъ туда трехъ лицъ, известныхъ уже въ Москвѣ, для устройства церковныхъ дѣлъ. Архіепископомъ былъ избранъ Гурій, а настоятелями монастырей въ Казань и Свияжскъ—Варсонофій и Германъ. Преображенскій монастырь въ Казани и Успенскій въ Свияжскѣ были главными центрами христіанской миссіи. Отправляя этихъ лицъ въ Казань, Іоаннъ далъ свой наказъ Гурію, который долженъ былъ служить ему руководствомъ для его дѣятельности. Въ немъ предписывалось имѣть особое попеченіе объ иноподданныхъ: стараться привлекать ихъ въ христіанству, а потому обращаться съ ними по возможности снисходительно; крестить только тѣхъ, которые добровольно согласятся на это: такихъ посылать для наставленій по монастырямъ, а болѣе знатныхъ—наставлять въ своемъ домѣ. Для привлеченія къ вѣрѣ совѣтуется даже устраивать у себя угощенія и вообще стараться привлекать татаръ участіемъ въ ихъ положенію. Въ этомъ случаѣ архіепископъ имѣлъ право вмешательства даже въ гражданскія дѣла. Виновный въ преступленіи, если соглашался креститься, могъ найти защиту у архіепископа, который ни въ какомъ случаѣ не обязанъ былъ выдавать его гражданскимъ властямъ. Точно также, еслибы татаринъ былъ приговоренъ къ наказанію, а другіе татары пришли-бы къ архіепископу ходатайствовать о немъ, тогда тотъ обязанъ былъ заступаться за виновнаго передъ воеводами. Это было своего рода *ius asylum*. Архіепископъ обязанъ былъ выдвигать у воеводъ, которые изъ татаръ приговорены къ легкимъ наказаніямъ и за этихъ онъ имѣлъ право ходатайствовать безъ всякаго посторонняго побужденія. Такимъ образомъ дѣятельность архіепископа требовала значительныхъ матеріальныхъ издержекъ, а потому, кромѣ земли и угодій, ему было назначено порядочное по тому времени со-

дѣржаніе ¹⁾. Но чтобы и со стороны властей не было поводовъ къ неудовольствію инородческаго края, архіерейскому предоставлялось право высшаго надзора надъ ними. Замѣтивъ уклоненіе съ ихъ стороны, онъ долженъ былъ увѣщевать, устрашать и наконецъ доложить царю ²⁾.

Для болѣе дѣйствительнаго вліянія на инородцевъ, Гурій завелъ школы при монастыряхъ для обученія дѣтей. Полагаютъ, что онъ находился въ Казани при Зилантовомъ монастырѣ, и въ Свіязскѣ при Успенскомъ. Въ біографіи Гурія говорится, что онъ и Варсонофій снѣи занимались обращеніемъ инородцевъ въ христіанство. Самое назначеніе Варсонофія въ Казань вѣроятно основывалось на его знаніи татарскаго языка, которому онъ научился въ плѣну у крымскихъ татаръ. Результатомъ миссіонерской дѣятельности этихъ лицъ было обращеніе въ христіанство значительнаго количества язычниковъ и особенно магометанъ (въ лѣтописяхъ означается нѣсколько тысячъ), которые принимали уже участіе въ усмиреніи возстанія, поднятаго мусульманами въ 1556 г. Впрочемъ открытую враждебность русскіе встрѣтили болѣе въ средѣ финскихъ племенъ, нежели татаръ. Послѣдніе пользовались землею на родовомъ и даже личномъ правѣ; оттого у нихъ было сильно развито владѣніе землями на вотчинномъ началѣ и рабство. Поэтому, въ раздачѣ земель московскимъ правительствомъ частнымъ лицамъ и монастырямъ, они не видѣли ничего особеннаго; а высшій классъ татаръ, составившій сословіе служилыхъ татаръ, даже сочувствовалъ этому. Казанскіе порядки близки подходили къ московскимъ. Вотъ почему татары рѣдко принимали участіе въ движеніи инородцевъ противъ Москвы. У финскихъ же племенъ, — черемисъ, мордвы и чувашей, вполне былъ развитъ общинный бытъ, и потому они враждебно относились ко всякой раздачѣ земли въ частныя руки. Этотъ же бытъ сплотилъ ихъ и въ религіозномъ отношеніи,

¹⁾ Деньгами 1020 р.; 1300 четв. ржи; 500 чет. ржан. муки; 300 четв. пшеницы; 100 четв. пшенич. муки; 105 четв. гречнев. крупъ; 80 четв. солоду; 1000 четв. овса; 120 четв. вонопл. семени; 120 четв. овсян. крупъ; 60 четв. толокна; 50 пудъ коров. масла; 500 пудъ меду; наконецъ разныхъ кореньевъ и приправъ. Акты экспед. I, № 241. Герману: 500 рубл.; 500 четв. ржи; 500 четв. ржан. муки; 200 четв. пшен.; 100 четв. пшенич. муки и т. д. Въ томъ же родѣ и Варсонофій. *Ibid.*

²⁾ *Ibid.*

отчего она меньше поддавалась влиянію миссіонеровъ¹⁾. Въ особенностях древнія черты быта сохранились у черемисовъ, и потому они постоянно проявляли свою самостоятельность, участвуя во всѣхъ буртахъ до временъ Пугачева (1552—57, 1572—84; въ смутное время, при Стенькѣ Разинѣ).

Гораздо даѣе шла монастырская колонизація въ казанскомъ краѣ подъ влияніемъ частныхъ основателей пустынь. Нѣкто Евдокій, прибывъ въ казанскій край, сталъ искать мѣста, удобнаго для уединенія. Такимъ образомъ онъ пришелъ въ Седмизерную пустынь. Послѣ долгаго пути онъ заснулъ, и во снѣ ему представился огненный столпъ, поднимающійся отъ земли къ небу. Тогда онъ рѣшился основать на этомъ мѣстѣ свое жилище. Съ теченіемъ времени къ нему собралось нѣсколько отшельниковъ—и онъ устроилъ монастырь, возлѣ котораго стали селиться крестьяне, а черемисы принуждены были удалиться въ дѣсь. Въ 1613 г. изъ Преображенскаго монастыря отправился въ уединеніе другой отшельникъ—Филаретъ. Онъ остановился въ Ранфской пустыни, мѣстоположеніе которой ему очень понравилось. Возлѣ нея лежало озеро, куда сходились черемисы на поклоненіе. По смерти Филарета здѣсь образовался монастырь, которому Алексѣй Михайловичъ отвелъ пустошь надъ Камой. Въ 1647 г. была основана еще Царевкожшайская пустынь, по случаю явленія образа. Эти пустыни уже отличаются отъ прежнихъ монастырей тѣмъ, что были основаны въ сѣверной части Казанской губерніи, т. е. мѣстахъ менѣе доступныхъ и среди черемисъ, наиболѣе враждебныхъ для русскихъ. И теперь эти пустыни составляютъ крайнія границы русскихъ поселеній въ землѣ черемисъ. Такимъ образомъ въ средоточіи Казанскаго царства и по его окраинамъ лежали монастырскія поселенія. Но Сурѣ табулись земля Спасо-Евѣміевского монастыря; по Ветлугѣ—монастыря Макарія Желтонодецаго; на сѣверѣ—мѣста трехъ означенныхъ пустынь; а вотчины Попронскаго монастыря—по рѣкѣ Черемшанѣ—значить граничили уже на югѣ съ степью²⁾.

1) При патріархѣ Никонѣ былъ посланъ для обращенія татаръ въ Шадромъ и Тамбовскомъ уѣздахъ рязан. еписк. Мисаилъ. Сначала онъ крестилъ 4200 чел., а въ другой разъ 315 чел. мерды; но въ селѣ Конобѣевѣ противъ него возмутились и онъ былъ пронзенъ стрѣлами. (1655 г.) Филаретъ, Истор. церквн, IV, 60.

2) Житія Гурія и Германа казались у Филарета. Названы грам.

Съ падѣніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ открылся путь для русской колонизаціи, какъ въ мѣстахъ, которыя были до тѣхъ поръ заняты татарскими владѣніями, такъ и за предѣлами Европы, на всемъ пространствѣ Сибири и сѣверо-восточной Азіи. И здѣсь заселеніе края совершается промышленными людьми, завоеваніемъ и вольными дружинами, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ донскіе казаки. На сѣверо-востоцѣ Россіи, въ области Перми, уже при Василиѣ Іоанновичѣ имѣли обширныя участки земли—Строгановы, которые сдѣлались здѣсь главными распространителями промышленной колонизаціи. При Іоаннѣ Грозномъ они получили во владѣніе пустыя земли на пространствѣ отъ Камы до Чусовой съ правомъ населять ихъ свободными людьми. Соловареніе составляло главную отрасль промышленной дѣятельности Строгановыхъ. Они принялись заселять свои земли. Но владѣнія ихъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ инородцами, должны были подвергаться постояннымъ нападеніямъ. Поэтому Строгановы стали строить на этомъ пространствѣ города (напр. Канворомъ, Бергеданъ) и защищать ихъ своими людьми¹⁾. Переворотъ, случившійся на Дону, далъ имъ новыя силы для борьбы съ иногородцами. Въ это время московскіе воеводы преслѣдовали и казнили казаковъ за грабежъ московскихъ вунцовъ и восточныхъ пословъ—и они должны были бѣжать съ Дона²⁾. Одинъ отрядъ ихъ выселился на Яикъ и положилъ начало яцкиимъ казакамъ, которые въ XVII вѣкѣ открыли свои нападенія на Бухарію; а другой, подъ предводительствомъ Ермака, являясь къ Строгановымъ и, при ихъ содѣйствіи, положилъ начало завоеванію Сибири³⁾. Съ этого времени казаки постоянно участвуютъ въ завоеваніи племенъ сѣверо-восточной Азіи вмѣстѣ съ московскими отрядами. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, русская колонизація уже успѣла утвердиться на Амурѣ и у Охотскаго моря; а еще прежде, именно въ 1648 г., служилый человекъ Семенъ Дежневъ обогнулъ сѣверо-вос-

Гурію, Ак. экспед. I, № 241. Мѣры Іоанна IV къ одержанію побѣды надъ Казан. въ связи съ миссіонер. дѣят. Гурія и его помощниковъ—Варсон. и Германа. Прав. соб. 1866, сентябрь. Вліяніе монастырей на расселеніе въ казанск. краѣ. *ibid.* 1864, январь и февраль.

¹⁾ Соловьевъ, VI, 412—421.

²⁾ *Ibid.* VI, 424, 425.

³⁾ Ригельманъ, Истор. Донскихъ казаковъ. 10—16.

точную оконечность Азии и открыть проливъ, названный носѣмъ Беринговымъ¹⁾.

Одновременно съ завоеваніемъ этого края шло распространеніе христіанства. Иадавна въ Чердыни было два монастыря—мужескій и женскій, а въ его уѣздѣ двѣ пустыни. Съ поселеніемъ Анны Строганова на Камѣ, на правомъ берегу ея, при устьѣ нижней Пыскорки, возникъ Преображенскій монастырь (1558—60 г.) Онъ имѣлъ большое вліяніе на распространеніе христіанства. Въ то же время Строгановы основали другой монастырь— въ Олѣккамскѣ, а въ слѣдъ за нимъ, въ окрестностяхъ послѣдняго, явилось три монастыря (2 женскихъ) и четыре пустыни. Изъ Пыскорскаго монастыря вышелъ Трифонъ Вятскій, извѣстный миссіонерскою дѣятельностью въ окрестности Перми. Онъ былъ мезенскій уроженецъ (Арханг. губер.) и нѣкоторое время подвизался въ пустынѣ, изъ которой перешелъ въ Пыскорскій монастырь въ послѣдней четверти XVI вѣка. Но не долго пробылъ въ немъ Трифонъ. Выйдя изъ монастыря, онъ отправился внизъ по Камѣ и доплылъ до р. Мулянки, впадающей въ нее. Ему понравилась прекрасная долина, окруженная лѣсами,—и онъ рѣшился остановиться здѣсь. Подъ горою, вблизи остоящаго кладбища, онъ поставилъ себѣ хижину, вокругъ которой жили язычники—вогулы и остяки, приносящіе жертвы у священнаго дерева. Пораженные страннѣмъ пришельцемъ, они донесли о немъ своему старѣйшинѣ—Зевендуку, который, въ сопровожденіи 70 человекъ, пришелъ къ Трифону, чтобы узнать о цѣли его пребыванія въ этомъ мѣстѣ. Трифонъ раскрылъ передъ нимъ сущность христіанскаго ученія и особенно старался подѣйствовать на слушателей картиною страшнаго суда, который всегда производилъ сильное впечатлѣніе на язычниковъ. Послѣ бесѣды съ Трифономъ, остяки дады знать о немъ своему князю Амбалу, который также обѣщалъ познакомиться съ его ученіемъ. Священное дерево, возлѣ котораго собирались язычники, пользовалось уваженіемъ не только у нихъ, но и у христіанъ. Поэтому Трифонъ немедленно срубилъ его. Такой поступокъ еще болѣе поразилъ остяковъ, которые считали его вмѣстѣлищемъ волшебной силы. Нашлись и недовольные, желавшіе умертвить Трифона, объясняя нападеніе черемисъ наказаніемъ боговъ за присутствіе въ ихъ землѣ Трифона. Присутствіе духа

¹⁾ Соловьевъ, XII, 301—330, 311.

и вступничество людей Строганова помогли ему, и въ скоромъ времени семейство князя Амбала и вогульского князя Бебека приняи христианство; тогда ихъ примѣру послѣдовали многіе изъ народа. Послѣ того Трифонъ основалъ монастырь на р. Чусовой на мѣстѣ, гдѣ, по рассказамъ жителей, обиталъ злой духъ, пугавшій ихъ своимъ крикомъ. Но очищая и выжигая лѣсъ въ окрестности, Трифонъ произвелъ большой пожаръ, уничтожившій ближайшія жилища. Тогда жители изгнали его отсюда и онъ удалился въ Хлыновъ, поручивъ монастырь своему ученику. Въ половинѣ XVII вѣка встрѣчаются уже монастыри въ городахъ: Оханскѣ, Осинѣ и въ уѣздахъ Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ¹⁾. Таковы были результаты распространенія христианства въ предѣлахъ европейской Россіи.

По ту сторону Урала, въ концѣ XVI в. и въ теченіе XVII являются уже главнѣйшіе города нынѣшней Сибири. Для заселенія края русскими колоніями вызываются свободные люди съ значительными льготами и пособіями (1597, 1613 гг.) отъ правительства. Но лишь только открылся для русскаго населенія доступъ въ эти мѣста — здѣсь являются монастыри. Для большаго успѣха русскаго вліянія, въ 1621 г. была основана Тобольская епархія и первый архіепископъ ея — Кирианъ былъ распространителемъ въ Сибири монашества и христианства. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ онъ основалъ 6 монастырей: 4 мужескихъ и 2 женскихъ. Его преемникъ — Философъ Лещинскій вызвалъ для миссіонерской дѣятельности кіевскихъ монаховъ, и въ теченіе своего пробыванія въ Сибири крестилъ до 40,000 магометанъ и язычниковъ: татаръ, вогуловъ и тунгузовъ. Но для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ оставилъ епархію, принявъ себѣ и въ качествѣ простаго монаха проповѣдывать христианство. И здѣсь однако не обошлось безъ участія отшельнической колонизаціи. Въ половинѣ XVII в. на р. Исеть пришелъ нѣкто Далматъ, родомъ татаринъ, передъ тѣмъ подейвавшійся въ Верхотурскомъ монастырѣ. На Исети онъ устроилъ пещеру; но, когда молва разнеслась о его пребываніи въ этомъ мѣстѣ, къ нему стали сходитьсь христианскіе поселенцы. Это не нравилось богатому татарину Илигею, имѣвшему здѣсь свою вотчину, и онъ рѣшился умертвить его. Но страшное видѣніе такъ

1) Распростр. христианст. въ Пермск. епар. Макарія, Журн. мнн. вар. проsv. 1857, XCIII, и житіе Трифона Вятскаго, у Филарета.

поразила Илдега, что онъ не могъ исполнить своего пастырства. Это еще болѣе расположило населеніе къ Даймагу, и на мѣстѣ его ищеры образовался многолюдный монастырь, а въ слѣдъ за нимъ и другой ¹⁾. Въ половинѣ XVII в. христіанство проникаетъ уже въ Даурію. Въ 1671 г. возлѣ Албаина, лежащаго на границѣ восточной Дауріи, построены были Спасоѣй монастырь. Въ 1681 г. въ эту область были посланы миссіонеры-монахи, устроены монастыри въ Селенгинскѣ и въблизи Каргинскаго валима—доноцкой монастырь. Во второй половинѣ XVII в. появляются монастыри—въ Якутскѣ, Киремскѣ и Иркутскѣ, а въ началѣ XVIII в. открыта была Иркутская епархія ²⁾. Въ числѣ монастырей въ Сибири къ концу XVII вѣка насчитываютъ 37 ³⁾; но Петръ В. (1698 г.) запретилъ строить ихъ болѣе, такъ какъ и безъ того находилъ ихъ тамъ «довольное число» ⁴⁾. Въ Сибири тобольскій епископъ пользовался правами, равными тѣмъ, какія были даны Гурію Іоанномъ Грознымъ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, одновременно съ политическимъ занятіемъ означенной территоріи, на ней распространилась монастырская система: во многихъ мѣстахъ монастырское вліяніе даже предупредило политическое владычество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это вліяніе: на столько утвердилось, что инородцы охотно наполняли монастыри. Она обуславливалось, какъ тѣмъ, что главными распространителями христіанства въ инородческомъ мірѣ были отшельники; такъ и тѣмъ, что даже въ мѣстахъ, гдѣ миссію христіанства брала на себя власть, миссіонерами являлись по большей части монахи. Не смотря однако на обширность территоріи, занятой христіанскою миссіей, язычество на долее осталось господствующимъ на этомъ пространствѣ не только въ религіи, но: въ нравахъ и понятіяхъ большинства.

¹⁾ Распротр христ. въ Пермск. епархія, Малавія, *ibid.*

²⁾ Филаретъ, Истор. руск. церкви, IV, 53—57.

³⁾ Словцовъ, Историч. обзор. Сибири, I, 332.

⁴⁾ Полн. собр. законовъ, III, 1629.

⁵⁾ Слѣдуетъ однако замѣтить, что такъ какъ основаніе монастырей въ Сибири случилось уже въ ту эпоху, когда всѣми мѣрами старались ограничить распространеніе монастырской недвижимой собственности, то здѣсь она была весьма незначительна, въ сравненіи съ общемою цифрою монастырскихъ крестьянъ и пространствомъ Сибири. Въ Тобольской и Иркутской епархіяхъ было всего 15,526 ревизск. душъ крест. Труды кiev. дух. ак. іюнь, 1867, 489.

Замѣтательно, что тѣже мѣстности, которыя подвергнулись вліянію русской миссіи, подвергались потомъ обличеніямъ со стороны представителей церкви за остатки язычества: онѣ или снова обращались въ языческому культу, или сохраняли его рядомъ съ христіанскими формами религіи¹⁾. Также замѣчаютъ и позднѣйшіе путешественники. «Въ религіозномъ отношеніи, говоритъ Кастрень, русскіе монахи стоятъ на очень низкой ступени. Они не имѣютъ почти никакого понятія объ ученіи христіанскомъ; изъ нихъ никто не умѣетъ читать. Въ обиходной жизни они строго соблюдаютъ предписанія греческой церкви; но подъ этой христіанскою внѣшностью скрывается много суевѣрій. Особенно глубоко уверенилась у нихъ вѣра въ колдовство. Алякские монахи, какъ искушеннѣйшіе колдуны, пользуются великимъ почетомъ. Въ такомъ же видѣ христіанство и среди остяковъ. «Хотя остяки, говоритъ тотъ же путешественникъ, большею частію и крещены, но за тѣмъ они ничего уже не хотятъ знать о христіанствѣ, потому что точно также, какъ и самоѣды, уверены, что нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не едѣвшия русскими». Но такъ какъ русское господство утвердилось прежде всего на Иртышѣ, то иртышскіе остяки болѣе другихъ подвергались вліянію русской цивилизаціи; однако и у нихъ христіанство состоитъ въ строгомъ выполненіи предписаній греческой церкви. Живущіе же по Оби, въ своихъ вѣрованіяхъ, представляютъ значительную примѣсь язычества. Енисейскіе остяки, по вѣроисповѣданію, принадлежатъ къ православной церкви; но до сихъ поръ сплеще придерживаются идолопоклонства и поклоняются прежнимъ богамъ: богу неба, неистощной и земли или медвѣди²⁾. Даже въ мѣстахъ болѣе близкихъ къ центру, между чувашами и шардыю, религіозныя вѣрованія представляютъ постоянную смѣсь христіанства съ древнимъ язычествомъ. «Рѣдко можно найти деревню, въ которой не было-бы остатковъ языческаго богослуженія»³⁾.

¹⁾ Посланія митр. Теодосія и Макарія въ Вотскую пятину, Дополн. въ акты историч. I, № 28 и 43. Посланіе митр. Симона въ Пермь въ 1601 г., Акты историч. 112. Донесеніе Гермогена митр. казанск. въ Москву о состояніи христіанств. въ Казанск. землѣ (1598 г.), Акты экспед. II, № 360.

²⁾ Кастрень, 87, 241, 265, 343.

³⁾ Лепехинъ, Дневныя записки по разнымъ провинціямъ Россійск. госуд. 1768 и 1769 гг, I, стр. 162 168, 169..

Причины такого положенія дѣла кроются въ истинныхъ и общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ развивалась русская миссія. Обращеніе язычников совершалось преимущественно по инициативѣ отдельныхъ лицъ, а потому оно не всегда находило поддержку послѣднихъ¹⁾. Естественно, что продолженіе миссіи въ означенныхъ предѣлахъ должно было вѣять на себя бѣлое духовенство и монастыри, появившіеся среди инородческаго населенія. Но первое, какъ мы видѣли (см. I-ю главу, стр. 9—11), отличалось самымъ ограниченнымъ кругомъ грамотности и крѣпко находилось въ рукахъ монаховъ, которые не всегда пользовались властью умеренно; поповскіе же свѣдѣнія на дѣлѣ были орудіями архіерейской власти. Въ инородческихъ земляхъ экономическая несостоятельность бѣлаго духовенства и зависимость его отъ чернаго были еще сильнѣе²⁾. Что еще касается монастырей, то на первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, они были продолжателями миссіонерской дѣятельности своихъ основателей; но со второй половины XVI в. упадокъ нравственности въ монастыряхъ дѣлается всеобщимъ³⁾ и монастыри все болѣе теряютъ свой первоначальный характеръ. Неудивительно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, въ Сибири нѣрѣдко храмы стояли пустыми⁴⁾. Съ другой стороны, самое пространство, на которомъ были раскинуты инородческая племена, было такъ обширно, что даже формальное утвержденіе христіанства долго не могло имѣть успѣха. Такъ, поописаннымъ книгамъ: 1599—82 г., въ выгозерскомъ станѣ (отъ Кеми до Онежской губы) считалось 8 церквей и 73 деревни, которыя были раскинуты на пространствѣ болѣе 1310 квадрат. верстъ; следовательно среднимъ числомъ на 140 квадрат. версты приходилась по 1 церкви. Въ XVII в. въ Оленецкомъ уездѣ, на протяженіи 6695 версты было 133 церкви, вмѣстѣ съ монастырскими; следовательно на каждую приходилось 672 версты въ округности. Въ поморской части Онежской пятины много было ва-

1) Ср. Фирсовъ, Положеніе инородц. въ Моск. государ. 219, и Шестаковъ, Жур. мин. нар. просв. 1868, июнь, 256.

2) Фирсовъ, *ibid.* 222. На 824, 599 душъ монастырскихъ вѣрстанъ, бѣлое духовенство имѣло 164, 419 чел. Труды кiev. акад. 1867, июнь, 495.

3) См. наши изслѣдованія: Максимъ Грекъ, II, глава 9-я, и Русск. общест. дѣятельн. XVI в.

4) Челобитная митр. Филовея, Чтен. Моск. общ. ист. 1868, № IV.

вахъ округовъ, въ которыхъ на одну церковь полагалось 100—200 деревень. Кольскіе и печенгскіе лопари имѣли свои селѣнія на разстояніи 100 и болѣе верстъ одно отъ другаго; у терчанъ и кандалакскихъ лопарей было по одной церкви. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что все это пространство, на значительномъ протяженіи, было покрыто озерами, болотами, лѣсами, которые, по донесенію тогдашнихъ воеводъ, затрудняли правильное сообщеніе; а по замѣненію духовныхъ лицъ были причиною невыполненія жителями христіанскихъ обрядовъ¹⁾. Еще болѣе это заключеніе приложимо въ Сибирь. Въ такихъ именно мѣстахъ, во время движенія раскола, возникли безновоюцнскія секты²⁾.

Въ предѣлахъ смежныхъ съ магометанскимъ міромъ христіанство встрѣтило противодѣйствіе въ магометанскомъ духовенствѣ. Въ казанскомъ край и въ Сибирь пропаганда послѣдняго среди инородческаго населенія была такъ сильна, что она надолго одержала перевѣсъ надъ христіанскою миссіею³⁾, и только политическія выгоды, предоставленныя инородцамъ, принимавшимъ христіанство, сдерживали многихъ въ официальныхъ границахъ. За то въ этой средѣ вполнѣ преобладалъ церковный формализмъ и языческія понятія.

Но самое сближеніе русскаго населенія съ инородческимъ міромъ предполагаетъ и обратное вліяніе. Это вліяніе имѣетъ важное культурное значеніе. Оно начиналось этнографическимъ смѣшеніемъ и распространялось на образъ понятій и вѣрованій.

Исследователи религіознаго быта Россіи обращаютъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ первые вѣка христіанства въ Россіи, въ вѣдомыхъ памятникахъ оно представляется болѣе чистымъ, нежели въ послѣдующіе: «въ XVI и XVII вв. является множество суевѣрій, искаженій христіанства и какъ будто вновь воскресаетъ умирающее язычество». Одни объясняли это явленіе упадкомъ просвѣщенія, постоянными войнами, татарскимъ игомъ; другіе видятъ въ этомъ фактѣ вліяніе народа, который все болѣе принимаетъ участіе въ религіозныхъ

¹⁾ Неволинъ, О пятинахъ новгородскихъ, прилож. VI, стр. 154; Дополн. къ акт. историч. II, № 64; житіе Трифона Печенгскаго; Русская церк. на сѣверн. поморья, Прав. соб. 1860, II, 275—279.

²⁾ Шановъ, Русскій расколъ, 365—385.

³⁾ Словцовъ, Историч. обзор. Сибири, I, 168; челобит. Филовея, Чтен. Моск. общ. истор. 1863, IV.

дѣлахъ и вносить въ христіанскія понятія собственныя воззрѣнія ¹⁾. Но и прежде школы не имѣли близкаго отношенія къ народу; жеждоусобія перваго періода нисколько не легче были для народа, чѣмъ послѣдующія войны; татары управляли Россіею издали, и только въ сѣверныхъ мѣстахъ на Волгѣ и въ Сибири борьба съ татарскимъ элементомъ имѣетъ значеніе въ смыслѣ непосредственнаго вліянія послѣдняго на русское населеніе. Что же касается вліянія народа на религіозныя понятія, то оно можетъ быть принято какъ частная причина, тѣмъ болѣе, что искаженіе христіанства далеко не было повсемѣстнымъ. Чтобы объяснить это, важное въ культурномъ отношеніи явленіе, необходимо обратиться къ болѣе общимъ причинамъ.

Исслѣдователю нашей исторіи, обратившему вниманіе на культурную сторону ея ²⁾, въ вѣрованіяхъ и понятіяхъ сѣверной и южной Россіи замѣчаютъ рѣзкіе контрасты: на сѣверѣ—человѣкъ опутанъ множествомъ суевѣрій, прямитъ, предрасудковъ, обрядовъ и формулъ, развѣтыхъ самою жизнью; на югѣ въ религіи замѣтно преобладаніе чувства. На сколько въ этомъ слѣдуетъ признать вліяніе климатическихъ условій; на сколько и этнографическихъ причинъ. Въ южной Россіи язычество потеряло свое религіозное значеніе еще въ XIII вѣкѣ и затѣмъ обратилось въ форму обряда ³⁾; на сѣверѣ—оно преобладало въ понятіяхъ общества даже въ XVI и XVII вѣкахъ. Причины этого замѣчательнаго явленія слѣдуетъ искать въ мѣстныхъ условіяхъ.

На югѣ русское населеніе представляло сплошную массу, удобно подчинявшуюся церковному вліянію, какъ вслѣдствіе болѣе сосредоточенности; такъ и вслѣдствіе болѣе удобныхъ сообщеній. Но на сѣверѣ Россіи и въ Сибири славяно-русское племя явилось съ самаго начала въ видѣ колоній и продолжало заселять этотъ край путемъ колонизаціи. Долгое время единственнымъ туземнымъ населеніемъ было здѣсь финское племя, распадавшееся на множество отдѣльныхъ группъ, разединенныхъ иногда значительнымъ пространствомъ. И до сихъ поръ, судя по таблицамъ и картѣ Кеппера, болѣе половины

¹⁾ О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи, Правосл. соборъ 1865, августъ, 300.

²⁾ Костомаровъ, Двѣ русскія народности. Исслѣдов. и монографіи, I; Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русской исторіи, Вѣстникъ Европы, 1865, II.

³⁾ О борьбѣ христіанств. съ язычест. Прав. соб. 1865, августъ, 256.

Россіи или подданныхъ ея носить на себѣ признаки чуждаго племени 1). Въ дальнѣйшемъ движеніи на сѣверо-востокъ русское населеніе столкнулось съ турецко-татарскими племенами. Благодаря физиологическому и интеллектуальному превосходству, русское племя одержало верхъ надъ финскими и татарскими 2). Какъ гѣ, такъ и другія постепенно руссифицируются, особенно болѣе уступчивые финны. Но этотъ процессъ совершался вѣками, по причинѣ низкой культуры старой Россіи 3). Въ первое время, многочисленное туземное населеніе, охватившее со всѣхъ сторонъ разбросанныя русскія колоніи, даже наложилъ на нѣтъ печать своего вліянія. Въ этой мѣтасвѣдѣ заключается причина множества областныхъ нарѣчій 4) и разнообразія физиогномическихъ чертъ и мѣстныхъ особенностей быта на сѣверо-востокѣ Россіи 5).

Сѣверная природа наложила тяжелую руку на понятія финновъ. На необозримомъ пространствѣ этой пустыни гнутся первобытные лѣса, дооблачныя скалы и глыбы камней; непрерывный рядъ озеръ и болотъ покрываетъ почву; до слуха постоянно доносится — шумъ водопада, и приподнятый въ трепетъ ревъ сѣверныхъ бурь и вѣтовъ; а глаза поражаются сѣвернымъ сіяніемъ, блудящими огнями и другими, необъяснимыми для таинскаго дикаря, явленіями, свойственными отдаленному сѣверу. Дерево, камень и вода обратились въ предметы почитанія: ихъ назвали особыми божествами. Той же участи подвергся и животный міръ: медвѣдь и змѣя занимаютъ видное мѣсто въ финской идеологіи. Ужасъ передъ природою вѣдетъ мрачный характеръ и въ религію: боги финновъ скорѣе боги зла, нежели добра. Въ каждомъ камнѣ, деревѣ, звукѣ, ощущается присутствіе особеннаго духа, коварный можетъ подслушать и надѣлать много зла человеку, а потому лучше не проносить даже его имени. При такомъ суевѣрномъ страхѣ передъ духами, наводящими міръ, — является на помощь волшебство. На немъ основывается вся религія финновъ; множество волшебниковъ и волшеб-

1) Даль, въ рецензіи областн. Великорус. словаря. Вѣстн. русск. географич. общест. 1852, VI, 20. Этнографич. карта Россіи, Кенпена.

2) Щаповъ, Этнографич. организація русск. народонаселенія, Библиот. для чтенія, 1864, I, 24.

3) Ibid.

4) Рецензія Дала на областн. словарь. Вѣстн. геогр. общ. VI.

5) См. путешеств. Палласа, Лепехина, Кастрена и друг. Описание народовъ Россіи, Георгий, Раду, Description ethnogr. des peuples de la Russie.

ница управляютъ жизнью финскаго племени; особенно значительны шаманскіе. Они могутъ восходить на небо и превращаться во всевозможные виды; своими чарами они уничтожаютъ враговъ и заводятъ обиліе или голодъ на страну. Звуковое подражаніе вѣтра въ пустыни успокоиваетъ духовъ и склоняетъ ихъ на просьбы человека; поэтому пѣсни, колокольчики и барабанъ составляютъ необходимую принадлежность финскаго богослуженія и ихъ волшебства. Дѣвѣ имѣть чарующее свойство: посредствомъ ея можно достигнуть всего. Оттого шивцовъ между финнами такъ же много, какъ и волшебниковъ. Въ бурѣ наиболее проявляютъ себя духи; въ пустынныхъ пространствахъ главное ихъ мѣстопробываніе. Дикери Ази вѣрятъ, что въ бурю мертвецы и шаманы рыскаютъ по пустынѣ, и потому они также боятся произносить имена умершихъ предковъ, какъ и духовъ. Но такъ какъ не вездѣ можетъ предохранить отъ зла колдунъ, то является необходимость ограждать себя вещественными знаками; талисманы и амулеты находятся въ тѣсной связи съ волшебствомъ. При такомъ настроеніи умственной жизни финновъ, неудивительно, что ихъ мѣлкія и сказки—единственное ея выраженіе, наполнены мнѣологическимъ содержаніемъ¹⁾. Такимъ образомъ вѣра въ духовъ составляетъ отличительную черту религіи сѣвера. Психологическое происхожденіе этого явленія весьма, вѣроятно объяснено Вундтомъ.

Вѣра въ духовъ, говоритъ онъ, распространена у всѣхъ естественныхъ и культурныхъ народовъ. Но иногда она становится на первомъ планѣ всѣхъ религіозныхъ представленій. Въ той обширной странѣ, которая называется большою Татаріей и простирается отъ Уральскихъ горъ до Китайскаго и Японскаго морей, на югъ до Гималаевъ, на сѣверъ—до низменныхъ земель у Ледовитаго моря; съ давнихъ поръ жили народы родственнаго происхожденія. Парсы, буддисты, религія Конфуція и исламъ назвали себя у нихъ пришельцами. Но вѣра въ духовъ все-таки осталась преобладающею чертою въ представ-

1) Кастрень, 5—12, 15, 16, 20—22, 41, 42, 48, 44, 52, 53, 55, 60, 65, 82, 83, 86, 128, 167, 168, 171, 256, 154, 156, 387. Лепехинъ, I, 96, 162, III, 29. Крайнее суевѣріе; множество предрасудковъ и примѣтъ; наконецъ господство демонологіи и до сихъ поръ составляетъ отличительную черту финновъ и смежнаго съ ними татарскаго племени. См. Матеріалы для статист. Россіи, над. генер. штаб. (Пермска, Казанская и Архангельск. губерніи).

леніяхъ этихъ народовъ. Лучше сохранилась она въ теченіи долгаго времени въ первоначальномъ видѣ у нѣкоторыхъ народовъ сѣвера. У вогуловъ, остяковъ и лапландцевъ можно и теперь еще найти поклоненіе духамъ; у финновъ, какъ показываютъ преданія и обычаи, оно имѣло нѣкогда большое значеніе. Въ низменностяхъ сѣверной Сибири живуть нѣсколько почтовыхъ народовъ, которые, по своимъ физическимъ и духовнымъ свойствамъ, приближаются отчасти къ финскому, отчасти къ монгольскому племени: самоеды, энисейскіе остяки, якуты и друг. Религіозный культъ ихъ также повидимому представляетъ нѣчто родственное. Остатки явленій замѣчены и у гринландцевъ, и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ, принадлежащихъ къ эскимосамъ.

Поклоненіе духамъ справедливо называютъ религіей *степей*. Въ длинныхъ степяхъ верхней Азіи, нѣстами прерываемыхъ плодоносными оазисами, живутъ всѣ народы, перечисленные нами. Въ этихъ степяхъ господствуютъ сильныя вѣтры и рѣзкія перемены температуры. Въ пустынныхъ, безводныхъ, песчаныхъ равнинахъ—путника вводятъ въ заблужденіе оптическіе обманы. Неумолимый вой пустынной бури, въ которому примышивается отдаленный ревъ волковъ и тигровъ, наводитъ на него ужасъ. Неопредѣленно, безъ цѣли, блуждаетъ взоръ по степи, между тѣмъ какъ до уха достигаютъ тоны и звуки невидимаго происхожденія, дающіе обильную пищу фантазіи. Пескоструя, въ особенности когда гонимыя и жажда поддерживаютъ истощенное тѣло въ лихорадочномъ возбужденіи, населяетъ необозримыя пустыни фантастическими образами, изумительными для взора въ своей бесконечной игрѣ формъ. Такъ, человекъ видитъ предъ собою непонятный для него міръ, который постепенно ускользаетъ отъ руки, но который человекъ не можетъ считать мечтой воображенія, потому что взоръ и слухъ убеждаютъ его въ существованіи этого міра. Въ Туркестанскихъ пустыняхъ Гоби, говорятъ татары, слышатся духи, продающіе человека въ заблужденіе; они подражаютъ звуку орудія, человѣчьи и животныя голоса, и кто послѣдуетъ за ними, того ожидаетъ смерть.

Можетъ быть крайніе сѣверные народы Азіи и Европы принесли съ собою главныя представленія религіи духовъ еще изъ своей первоначальной рѣдины, но преобладающее пустынное свойство странъ, длинная зимняя ночь, продолжающіяся цѣлые мѣсяцы, не менѣе благоприятствуютъ здѣсь той возбужденной дѣятельности фантазіи, которая поражаетъ вѣрованіе въ духовъ. Къ тому же мы въ особенности у

этихъ сѣверныхъ народовъ находятъ тѣ своеобразные обычаи, посредствомъ которыхъ это вѣрованіе и все соединенный съ нимъ культъ получаютъ независимость отъ вѣннннхъ условій.

-Путешественники сообщаютъ намъ подробныя свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ лапландцевъ и остяковъ. У лапландцевъ, прежде нежели начало вводится христіанство, вѣрованіе въ дуковъ было тѣсно связано съ фетишизмомъ; на ряду съ которымъ еще существовалъ болѣе чистый, чуждый. Но своеобразна была форма ихъ богослуженія. При одушительномъ шумѣ барабановъ, исключительное посвященныя этимъ обрядамъ, они пѣли гимны въ честь боговъ, и эту шумною музикою мало-по-малу приводили себя въ состояніе экстаза. Жрецы были въ то же время колдунами и, въ качествѣ таковыхъ, имѣли громадное вліяніе на всѣ житейскія дѣла. Но мало-по-малу профессія колдуна сдѣлалась независимою отъ профессіи жреца, и даже до сихъ поръ, когда въ самой Лапландіи старыя языческіе обычаи почти совершенно истреблены, колдовство все еще пользуется болѣе или менѣе значеніемъ у финновъ и лапландцевъ. Колдуны исцѣляютъ, въ частностъ, врачей, присутствующихъ и отсутствующихъ, обладаютъ различными волшебными искусствами и желаютъ отгадывать будущее. Съ мѣсякомъ, надѣженными амулетами, они ходятъ изъ одного мѣста въ другое. Чѣмъ далѣе они приходятъ съ сѣвера, тѣмъ болѣе пользуются почетомъ, — вѣроятно потому что на сѣверѣ долѣе существовалъ весь культъ, соединенный съ волшебствомъ. Церемонія колдуновъ называется волшебнымъ пріемомъ; послѣднее мало-по-малу переходитъ въ волшебный крикъ, который, наконецъ, при сбрѣжѣхъ вубовъ и коувульсіяхъ, обращается въ совершенное неистовство. Въ этомъ экстазическомъ состояніи колдуны, по мнѣнію народа, находятъ въ непосредственномъ сношеніи съ духами и получаютъ въ таковыхъ случаяхъ всервозможную власть надъ лицами и вещами.

-У остяковъ есть нарядѣстенное сословіе жрецовъ, называемыхъ шаманами. Обряды этихъ жрецовъ имѣютъ величайшее сходство съ церемоніями финскихъ и лапландскихъ колдуновъ. Шаманъ бьетъ въ барабанъ, и, при страшномъ крикѣ, начинаетъ плясать передъ огнемъ. Всѣ присутствующіе молятся своимъ оружіемъ по чуждому богу и такимъ образомъ производятъ одушительный шумъ. Дойдя до крайней степени бѣшенства, шаманъ бросается на землю; два человѣка накладываютъ ему веревку на шею, и стягиваютъ ее до дѣтъ поръ,

иногда чуть не задушить его. Придя въ чувство, жрецъ объявляетъ, что сообщилъ ему духъ. Вездѣ обряды этихъ жрецовъ имѣютъ цѣлью произвести сильно возбужденное состояніе, въ которомъ они воображаютъ, что находятся въ сношеніи съ сверхчувственнымъ міромъ. Отглушающій шумъ, видъ пламени, страшныя ломанія тѣла, наконецъ сдавливаніе глотки—все это такія процедуры, которыя способствуютъ произведенію экстатическихъ галлюцинацій.

*Есть, очевидно двѣ причины, отъ которыхъ происходитъ шаманизмъ: однообразная природа страны, поддерживающая возбужденную дѣятельность фантазіи, и чрезвычайное раздраженіе мозга, которое приводитъ нервы въ возбужденіе независимо отъ вѣншихъ впечатлѣній. Оба момента вызываютъ, то порознь, то въ соединеніи, обманъ чувствъ. Но въ особенности чрезвычайное раздраженіе мозга, какъ только дѣйствіе его разъ кончилось, становится средствомъ, которое употребляется по произволу для приведенія себя въ мнимое общеніе съ духами. Обманомъ же чувствъ объясняется и то представленіе, которое вездѣ составили себѣ о духахъ: это или невидимыя существа, которыя даютъ знать о своемъ присутствіи только уху, посредствомъ наводящихъ ужасъ звуковъ, или видимые образы, но которые тотчасъ обращаются въ ничто, какъ только ихъ хотить схватить руками. Двѣ главныя формы галлюцинаціи, обманъ слуха и обманъ зрѣнія, легко открыть и въ этихъ продуктахъ ихъ. Важнѣйшая изъ нихъ есть обманъ зрѣнія: Изъ него то и проистекаетъ то основное, повсюду распространенное представленіе, не только о духахъ, но о всемъ духовномъ вообще: духъ представляютъ себѣ какъ тѣнь, какъ существо, видимое для глазъ, но недоступное для осязанія. Неспособный совершенно отказаться отъ пластичности, человекъ приближается къ ней, сколько можетъ, и принимаетъ, что духъ доступенъ только одному изъ чувствъ.¹⁾

По выраженію Розенкранца (Naturreligion), «чувство свободы есть первоначальный источникъ принципа вѣрнаго волшебства,» посредствомъ котораго человекъ стремится подчинить себѣ природу. Но на дальнемъ сѣверѣ и въ степяхъ Азии это стремленіе установилось на первой степенн развитія. Подъ вліяніемъ этого міросозерцанія пришлось развиваться русской колонизаціи. И мы видимъ, что христіанство встрѣтило самый рѣшительный отпоръ на сѣверѣ. Въ Ростовской и

¹⁾ Вундтъ, Души человека и животныхъ II, 1345.—349.

Новгородской области господство жрецовъ и волхвовъ было такъ сильно, что только князь и дружина были на сторонѣ новой религіи; язычники составляли заговоры на жизнь тѣхъ, кто рѣшался поддерживать ее силою. Новгородцы ходили въ чуждую землю для гаданій, не смотря на то, что были уже христіане Новгородская область и въ послѣдующіе вѣка постоянно подвергалась обличеніямъ въ сильно распространенномъ волшебствѣ и суевѣріяхъ. Въ 1410 г. митр. Фотій писалъ, что тамъ пользуются большимъ довѣріемъ волшебницы; что въ обществѣ распространена вѣра въ наговоры, узлы и чудесную силу травъ ¹⁾. Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центровъ гражданственности, смѣсь христіанства съ финскимъ язычествомъ выступала въ рѣзкихъ чертахъ въ понятіяхъ народа. Къ сѣверу отъ Новгорода лежали его земли, извѣстныя подъ общимъ именемъ Вотской пятины, граница которой на востокѣ совпадала съ р. Вожковомъ, на западѣ съ р. Лугою, а на сѣверѣ доходила почти до г. Куоіо ²⁾. Преобладающій элементъ въ ея населеніи составляли финскіи племена: Емь, Водь и Карелы; отчего русское населеніе носило на себѣ черты чуждаго вліянія. Поэтому неудивительно, что противъ Вотской пятины въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ два посланія архіеп. — Макарія и Θεодосія, въ которыхъ обличаются *многіе* христіане въ усвоеніи языческихъ обрядовъ финской религіи и почитаніи волхвовъ. Они поклонялись деревьямъ и камнямъ, и для всѣхъ обрядовъ прывывали прежде чуждскихъ жрецовъ (арбуовъ), а потомъ священниковъ ³⁾. Въ Сибири, въ половинѣ XVII вѣка, волхвы играли важную роль во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ этомъ его обличали на ряду съ остатками славянскаго язычества ⁴⁾. Способъ волшебства финскихъ волхвовъ распространился между русскими. Просвирицы, подобно чуждскимъ арбуямъ, надъ просвирами приговариваются; залозавались представители церкви на Стоглавомъ соборѣ. Гораздо глубже шло вліяніе путемъ естественной метисціи русскаго населенія съ инородцами, т. е. посредствомъ брака. Вольныя компаніи промышленниковъ, сѣлвшіеся среди татаръ и финновъ, и завоевательныя дружины Сибири состояли

¹⁾ Акты экстедиц. I, № 369.

²⁾ Невольнъ, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, 137, 436.

³⁾ Дополнен. къ акт. историч. I, № 28 и 43.

⁴⁾ Акты историч. IV, 85.

исключительно изъ мужескаго населенія ¹⁾, слѣдовательно племенное смѣшеніе здѣсь было неминуемо. Патриархъ Гермогенъ обличалъ, что многіе русскіе, живя между татарами, черемисами и чувшами, женились у нихъ и нерѣдко принимала ихъ религію ²⁾. Патриархъ Филаретъ упрекалъ служилыхъ людей въ Сибирѣ за то, что многіе изъ нихъ жили съ татарами, остячками и вогулками и держались ихъ обычаевъ. ³⁾ Известно же, что женщина, по своей изолированности и сосредоточенности въ семьѣ, составляетъ консервативное начало; она всегда и вездѣ была охранительницею племенныхъ особенностей. Еще болѣе это положеніе примѣнимо къ низшимъ дивидизціямъ. Между тѣмъ, какъ татаринъ, лопарь, карель, чувашъ, остякъ—легко сближаются съ русскими, усваиваютъ ихъ языкъ и привычки—ихъ жены сохраняютъ старыя преданія, суевѣрія, одежду и рѣдко говорятъ по-русски ⁴⁾. Отсюда понятно, какъ міросозерцаніе финновъ и татаръ ⁵⁾, путемъ брака, должно было вліять на русское населеніе. Остатки славянскаго язычества находили здѣсь новую почву. Гдѣ являлась необходимость племеннаго смѣшенія, какъ въ казанскомъ краѣ и Сибирѣ,—тамъ нерѣдко инородческій элементъ брать верхъ, и русскіе колонисты обращались къ религіи и обычаямъ татаръ и финновъ.

Какъ проявлялась эта смѣсь въ обычаяхъ подъ вліяніемъ инородцевъ, можно видѣть на слѣдующихъ, рельефно выдающихся фактахъ. Въ 1501 г. митропол. Симонъ обличалъ жителей Пермской области въ наслѣдственномъ бракѣ, вереніемъ у татаръ и явичишковь. Тамъ, по смерти мужа, его жена переходила, въ качествѣ жены, къ его брату, а по смерти послѣдняго къ слѣдующему брату и т. д. ⁶⁾ Въ XVI в. между русскими распространился обычай брить головы и носить тафян, по примѣру магометанъ ⁷⁾. Но гораздо важнѣе въ развитіи понятій было вліяніе зѣрованій, которыя внесли въ христіанство много грубыхъ

1) Соловьевъ, Опис. Енисейск. губер. II, 98.

2) Акты вѣдѣд. II, № 350.

3) Собр. государ. грамотъ, III, № 60.

4) Шаповъ, Этнографич. организац. русск. насел. 27.

5) Міросозерцаніе финновъ и татаръ стоитъ на одинаковой степени развитія. Вѣра въ колдовство и суевѣрный страхъ передъ окружающими явленіями и предметами природы составляютъ общія черты. Кастренъ, 387—391.

6) Акты историч. Е. 112.

7) Сочин. Мясима Грека, II, 382, и Стоглавъ.

Черть. Русскіе колонисты, живя среди инородцевъ, при гонимости суевѣрій въ своей средѣ, легко впадали въ фетишизмъ, хотя сохраняли форму христіанства. Священное дерево пермаковъ пользовалось религиознымъ уваженіемъ между тамошними русскими; священный камень на Коневскомъ островѣ производилъ суевѣрный страхъ на сосѣдникъ финновъ; но когда тамъ побѣдилъ Арсеній Коневскій и возникли христіанскія поселенія—почитаніе этого камня перешло къ нимъ. Волаѣ Переяславлѣ Залѣскаго еще въ XVII в. въ потокѣ лежалъ большой камень; въ которомъ ежегодно околѣлись христіане и совершали культъ языческаго поклоненія. Когда прѣѣхалъ сюда и узналъ объ этомъ Иринархъ Ростовскій, то велѣлъ діакону вырыть яму и бросить въ нее камень, чтобы христіане не соблазнялись этимъ памятникомъ язычества. Но за такой поступокъ діакона стали преслѣдовать не только граждане Переяславлѣ, но и духовенство¹⁾. Понятно, что при такомъ развитіи послѣдняго, распространенію языческаго суевѣрія предоставлялся полный просторъ. Еще при Петрѣ В. встрѣчаются извѣстія, что духовенство собиралось у священныхъ дубовъ, совершало тамъ богослуженіе, а вѣтви раздавало народу²⁾. Иногда христіанскій храмъ стоялъ рядомъ съ священною березою или таинственнымъ камнемъ³⁾; иногда мѣсто извѣстнаго языческаго божества заступалъ христіанскій святой: такъ мѣсто Велеса занялъ св. Власій, и въ народномъ бытѣ сталъ покровителемъ стадъ. Съ другой стороны, христіанскій святой, подъ вліяніемъ русскаго населенія, нередко являлся чл. одними языческой мифологіи. Извѣстно, какимъ почитаніемъ пользуется въ русскомъ народѣ св. Николай⁴⁾; и на всемъ пространствѣ русской колонизаціи мы встрѣчаемъ поклоненіе ему среди азычниковъ. Кавказскіе татары, чувашы и мордва, будучи язычниками, по временамъ являлись въ русскія церкви, приносили ему дары и ставили свѣчи предъ его образомъ; а сами же считаютъ его своимъ мѣстнымъ богомъ, и обращаются къ нему въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни⁵⁾.

1) Житія: Трифона Вят., Арсенія Конев., Иринарха Ростовскаго.

2) Духовный Регламентъ.

3) О борьбѣ языч. съ христіанст. Прав. соб. 1865, августъ, 286.

4) Въ XVI вѣвѣ сторонники еретика Θεодосія Косаго упрекали православныхъ, что они почитаютъ св. Николая какъ Бога. См. соч. Зиновія Истинны показаніе, гл. 33.

5) Кастрень, 155, 423; Лепехинъ, I, 167.

Вѣра въ духовъ стала господствующимъ настроеніемъ ума и сердца русскаго населенія на сѣверѣ. Возьмемъ для примѣра жителей Архангельской губерніи. Глубокая религіозность, которою отличаются всѣ здѣшніе жители, и грубое суевѣріе, казавось-бы, не могутъ совмѣщаться въ одно и то же время; но въ отношенія къ здѣшнимъ жителямъ это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. На мистическія и таинственныя силы здѣсь смотрятъ не какъ на вымыселъ временъ минувшихъ, которому вѣрить и не вѣрить предоставлялось-бы на произволь, но какъ на истину, существованіе и вѣрность которой доказаны и утверждены ежедневнымъ опытомъ. Здѣшній простодушій, нежелающій себѣ гибели, никогда не пустится въ критическія изслѣдованія и разсужденія о нечистомъ думѣ, и если какое-нибудь происшествіе требуетъ этого, то тихій голосъ, почти шопотъ, рассказчика, частое употребленіе безличныхъ глаголовъ и какой-то угрюмый страхъ на лицахъ слушателей ясно убѣждаютъ насъ, какъ сильно властвуетъ суевѣріе надъ умомъ и воображеніемъ нашихъ сѣверныхъ жителей. Прямымъ доказательствомъ этого служить еще и то, что здѣсь не существуетъ ни одной сказки или легенды, въ которой человекъ являлся-бы побѣдителемъ нечистаго духа: побѣда надъ нимъ, въ преданіяхъ, предоставляется только сынамъ небеснымъ и старцамъ, невѣдомо откуда пришедшимъ и куда исчезающимъ. По народному мнѣнію, нечистый духъ здѣсь не имѣетъ видимой и определенной формы: онъ, такъ сказать, разлитъ повсюду и таинственно проявляется въ явленіяхъ міра физическаго и нравственнаго; онъ выбираетъ людей какъ товарищей и помощниковъ, или какъ слѣпое орудіе своей воли. Вѣтеръ играетъ важную роль въ тамошнемъ волшебствѣ. По волѣ чародѣевъ онъ приноситъ *икоту*, которая представляется нечистымъ духомъ, приводящимъ человека въ бѣшенство, и *стралы*, или болѣзнь, душенную волхвомъ черезъ рогъ вмѣстѣ съ разными веществами и наговорами. Обѣ эти болѣзни приписываютъ чародѣйству самоѣдовъ, которые еще новгородцамъ представлялись злыми волшебниками ¹⁾. Въ сѣверной Россіи была распространена вѣра въ змѣиное царство, которое помѣщали въ печорскихъ горахъ, извѣстныхъ своими чародѣями норманнамъ. Безчисленное множество примѣтъ и знаменаній, существующихъ на сѣверѣ, опутывало человека на каждомъ

¹⁾ О суевѣріяхъ въ нѣкотор. губерніи, см. Карман. книжку, для любителей зем. лѣвѣд., изд. географич. общест. 1848, 305—320.

цалу. Въ обретахъ были распространены волшебныя тетради дѣтвѣ. Въ каждой роду волшебства были особы волхвы ¹⁾. Въ самой Москвѣ была известна колдунья. Всякую болѣзь, голодъ и несчастіе объясняли падшюю волхвою, и потому даже въ царскомъ семействѣ бывали процессы по поводу жрицъ нечисти, жены или дѣтей царскихъ ²⁾. Это полва кликушъ, словъ волшебныхъ въ фидомѣ мірѣ ³⁾.

Вѣра въ волшебныя силы была общаю на сѣверѣ. Псковскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что русскіе весьма падали къ волшебству ⁴⁾. Духовныя лица занимались составленіемъ волшебныхъ тетрадей, и иногда посылали ихъ въ переконныхъ книгъ. Распространеніе такихъ книгъ доставляло имъ значительный доходъ, они брали даже заглавы на сторону и, благодаря своему искусству, пользовались большимъ значеніемъ въ народѣ ⁵⁾. Другіе изъ нихъ сами держали волшебныя зелья и занимались ремесломъ волхвовъ ⁶⁾. Въ монастыряхъ встрѣчались монахи, которые были лавѣсны вымышленіемъ дьявола ⁷⁾. Нѣкоторые изъ нихъ софтывали болынымъ, приходившимъ за помощью къ святымъ, обращаться къ себѣ, обѣщая помощь своимъ волшебствомъ ⁸⁾. Даже Иосифъ Волоколамскій, отличавшійся въ свое время начтатностью, избравъ ерешка Зосима въ митрополита объяснять волшебства, посредствомъ котораго цовали на Юліана III ⁹⁾. Въ такомъ же видѣ вѣра въ волшебство представляется и въ высшемъ кругѣ. Въ присягѣ на вѣрность царю, присягавшій клялся, что онъ не будетъ насмѣяться за юмору и не станетъ выпинать слѣда ¹⁰⁾. Несмотря на то, что Борисъ.

1) Во время поединковъ, допускавшихся судомъ, соперники избирали волхвовъ или ворожей, которые помогали имъ своимъ чародѣйствомъ во время боя. Соч. Максима Грека, Прав. соб. 1861, апрѣль, IX.

2) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 180—201.

3) Кастренъ, 87.

4) Псковск. 1-я лѣтоп. 318.

5) Акты экспед. III, № 176 Дополн. къ историч. акт. III, № 99. Стоглавъ. Въ сельскихъ богослужебныхъ книгахъ перѣдко помѣщались волшебныя молитвы, и попы совершали на престолахъ разныя суевѣрные обряды. Опис. Румянц. Музея, 717, и Стоглавъ.

6) Буслаевъ, очерки, II, 50. Прав. соб. 1863, март. Владим. соборъ, 232.

7) Дополн. къ историч. акт. I, № 151.

8) Житіе Никиты Перелславскаго.

9) Просвѣтитель, стр. 54.

10) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 191.

Годуновъ принадлежалъ въ передовымъ людямъ своего вѣдеша, онъ, по своей подозрительности, сильно боялся волшебства. Присланный ему, клялся не дѣлать зла, ни въ пищѣ, ни въ ругвѣ, ни въ одеждѣ, ни въ роумѣ, ни порчею слѣда, ни посредствомъ волхвовъ и колдуній¹⁾.

Но особенно русскіе питали страхъ и уваженіе передъ финскими волхвами, навѣстными на всемъ сѣверѣ. Василій Іоанновичъ, женившись на Глинской, прибѣгалъ къ чародѣямъ для того, чтобы они помогли ему въ плодотвореніи. Съ этою цѣлью онъ прислалъ за ними во всю сторожу и ему были доставлены волхвы изъ Карелии²⁾. Когда въ 1584 г. появилась чума, Іоаннъ Грозный считъ ее предзнаменованіемъ своей смерти, и потому немедленно велѣлъ собрать волхвовъ изъ Россіи и Лапландіи. Такимъ образомъ ихъ собрали въ Москву до 60, и сл. ними царь совѣтовался о смерти³⁾. Борисъ Годуновъ, передъ возшествіемъ на престолъ, обращался за совѣтами въ волхвы и колдуньи, которыхъ также собирали изъ разныхъ городовъ⁴⁾. Замѣчательно, что летописецъ, перица за это Бориса, въ тоже время утверждаетъ, что они предсказали избраніе его въ цари; но только объясняетъ это дѣйствиемъ дьявольской силы⁵⁾.

Если такъ было въ высшей сферѣ и въ центрѣ общественной жизни, то чѣмъ даѣе было отброшено русское населеніе въ область инородцевъ, тѣмъ сильнѣе должно было ощущаться на немъ вліяніе финскаго міра и религіозныхъ понятій сѣвернаго язычества. Разбросанныя на необозримомъ пространствѣ, русскія населенія должны были неминуемо усвоить многія черты инородческаго быта; смѣшеніе нравовъ и понятій было необходимо въ силу географическихъ условій. Удаляясь все болѣе отъ русской территоріи, эти колоніи вмѣстѣ выходили изъ-подъ вліянія церкви. Многія, по причинѣ мѣстныхъ препятствій и обширнаго пространства, въ религіозномъ отношеніи были предоставлены вполнѣ самимъ себѣ. Но даже тамъ, гдѣ мѣстныя усло-

1) Азты экспедиц. II, 58.

2) Курбскій, 102.

3) Между лапландцами сохранилось преданіе, что два ихъ славныя имени вылѣчили московскаго князя отъ смертельной болѣзни и получили за это—одипъ исключительное право ловить семгу въ Лусманлати, а другой—ловить лисицъ въ Саркинъеми. Кастрень, 55.

4) Карамзинъ, IX, 256; X, 74.

5) Морозовск. лѣтоп. Карамзинъ, X, примѣч. 221.

вія були болѣе благоціятны для христіанства, внутрення сторона его должна была значительно пострадать въ слѣдствіе низкаго уровня образованности низшаго духовенства, какъ мы видѣли выше. Въ XVI в. встрѣчаются извѣстія о сѣверной Россіи, что тамъ не только не говорятъ проповѣдей, но даже онѣ были запрещены какъ болѣзнь разномыслія, которое могло произвести ересь¹⁾. При такомъ положеніи той части духовенства, которая имѣла самое близкое отношеніе къ народу, неудивительно встрѣчать свидѣтельство, что едва третья часть послѣдняго знала Вѣрую и Отче нашъ²⁾. Поэтому его религіозность сосредоточилась главнымъ образомъ на внѣшности и обрядѣ, который составлялъ такую важность въ религіозномъ бытѣ Московскаго государства. Заброшенный на дальній сѣверъ и востокъ, русскій колонистъ естественно терялъ связь съ церковными постановленіями и іерархією; оттого по преимуществу въ глухихъ мѣстахъ возникали самыя крайнія ученія раскола, отвергавшія церковные порядки и іерархію и въ тоже время фанатически отстаивавшія какой-нибудь обрядъ. Это отрицаніе не имѣетъ ничего общаго съ еретическимъ направленіемъ, опиравшимся совсѣмъ на другія основанія. Защитниками подобныхъ ученій раскола являлись по большей части люди неграмотные и невѣжи по уму³⁾. На такой почвѣ былъ полный просторъ образованію частныхъ мнѣній, но неросмысленныхъ разумными основаніями. Мѣстныя условія рѣзко выразились въ расколѣ. Въ то время какъ въ южныхъ частяхъ Волги, на Дону и въ Крыму распространены секты духоборцевъ и людей божіихъ, отличающихся меньшимъ формализмомъ и сравнительною мягкостью ученія, въ сѣверномъ Поморьи сильно распространились сурово-аскетическія секты, и въ концѣ XVII в. образовали въ пудожскихъ лѣсахъ разбойничьи банды для борьбы съ православнымъ народомъ. Живя въ грубомъ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, незнавая даже ни одной изъ 10 заповѣдей, эти полярные сектанты считаютъ себя лучше всѣхъ другихъ христіанъ, и воображаютъ, что Богъ для нихъ предназначилъ свое небо, за то, что они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестомъ, молятся передъ старинными образами, прова-

1) Ульфельдъ, Герберштейнъ и Гваньини.

2) Маржеретъ, 260.

3) Макарій, Исторія раскола, 259—311.

носятъ Ісусъ вмѣсто Іисусъ ¹⁾. Въ то время, какъ одни изъ русскихъ колонистовъ легко переходили къ мѣстнымъ религіямъ, другіе, среди борьбы съ инородцами, иновѣрными и язычниками, приобрѣтали тотъ религіозный фанатизмъ, который одинаково характеризуетъ всѣ секты раскола. При такомъ настроеніи, когда все чужое считалось порожденіемъ зла, вполнѣ послѣдовательно было развитъя ученію о проникновеніи послѣдняго во всѣ части физическаго и политическаго міра и о необходимости очищенія его посредствомъ огня ²⁾. Такъ и поступали многіе раскольники въ XVII и XVIII в.: они сожгали себя поодиночкѣ и цѣлыми общинами въ 160, 200 и болѣе душъ. На сколько ученія раскола почерпнули много чертъ въ средѣ инородческаго населенія, стоявшаго на низкой степени развитія; на столько потомъ и сами находили удобную почву среди того же населенія. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе сосредоточенъ инородческій элементъ, тамъ живутъ и самыя грубые раскольники: напр. въ Карелии, въ окрестности ³⁾Неми, на р. Печорѣ ³⁾. Замѣчательно также, что въ то время, какъ расколъ составляетъ выдающееся явленіе въ жизни сѣверо-восточной Россіи; въ южной онъ существуетъ только по окраинамъ, и то распространился поздне, и имѣетъ самый незначительный процентъ послѣдователей. Олѣдовательно это явленіе стоитъ въ тѣсной связи съ этнографическими особенностями сѣверной Россіи и во многомъ можетъ объясниться только ими.

Такимъ образомъ предѣлы византійскаго вліянія въ Россіи распространялись вмѣстѣ съ государственною территоріею. Среди инородческаго населенія оно проявилось главнымъ образомъ въ религіозной формѣ. И здѣсь распространителями его были монастыри, преимущественно основанные отшельниками. Но здѣсь оно встрѣтило противодѣйствіе первобытнаго язычества и, вслѣдствіе долгаго изолированнаго положенія русскаго населенія въ средѣ инородческаго міра, значительно утратило свои первоначальныя черты. Въ свою оче-

1) Шаповъ, Историко-географическое распредѣл. русск. народонаселенія, Русск. слово, 1864, августъ.

2) Шаповъ, Историч. очерки міросозерц. II, 34.

3) Кастрень, 53, 54, 58, 106, 109, 157, 158; Лепехинъ, IV, 119. Между самоѣдами сильно развита религіозная нетерпимость; а зыряне не стануть вѣсть съ ними, потому что они язычники. Кастрень, 138, 175.

редь, и финская мифология оказала большое влияние на русское население. Оттого на всем пространстве сѣверо-восточной Россіи, тамъ массѣ распространилась смѣсь понятій, которая имѣла большое влияние на религиозный бытъ страны и была одною изъ главныхъ причинъ того своеобразнаго движенія, которое названо въ русской исторіи подъ именемъ раскола. Въ этомъ убѣждаютъ насъ его основныя черты и первоначальное географическое распространеніе.

Продѣлавши территориальное распространеніе византійскаго вліянія, и его столкновеніе съ мѣстными элементами русскаго быта, на сколько и то, и другое выразилось въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ общества, обратимся теперь къ тѣмъ сторонамъ русской жизни, гдѣ оно достигло полнаго развитія.

ГЛАВА V.

Между тѣмъ, какъ школа древней Россіи на первыхъ порахъ утратила свое образовательное значеніе (см. I главу, стр. 11), такое значеніе получилъ монастырь. Во всей Московіи замѣчаетъ Кобенцль (1876 г.), кромѣ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ кромѣ того что *зачесть въ обителлахъ*. Это явленіе обусловливалось характеромъ тогдашней вѣжливости и положеніемъ монастырей въ обществѣ. Въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, господство религиозныхъ идей достигло тамъ полнаго апогея и монастыри давали назрѣваніе обществу. Отсюда распространялось вліяніе византійской образованности на Россіи, и потому она вполне можетъ называться *монашескою*. Такое вліяніе совершалось путемъ вѣжливости, давая *зачесть монастыри сосредоточили въ своихъ стѣнахъ богатія библиотеки, и посредствомъ монастырскаго воспитанія*.

Въ числѣ монастырскихъ вліяній мы постоянно встрѣчаемъ—животность и сивеманіе (книга¹⁾). *Манъ карабъ бѣеъ твоздей не составляется, говорцаи тогда, таъ шювъ не можетъ обойтисъ бѣеъ чтенія книгъ*²). Таковъ взглядъ образовался въ слѣдствіе религиознаго назначенія книги. Велика бываетъ польза отъ ученія, говоритъ древній лѣтописецъ, потому что *внигама мы учимся покаянію; книги учать*

¹) Житія: Корнилія Комельскаго, Діонисія Глушицкаго, Паисія Угличскаго, Авраамія Смоленскаго, Григорія Пельшемскаго, Германа Казанскаго, Данила Нередилавскаго.

²) Правосл. соб. 1832, февраль, 148.

мудрости и воздержанію; это рѣки, напаяющія вселенную; это источники мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина; ими мы утопаемъ въ печали; онѣ—узда воздержанію. Если поищешь прилежно въ книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу для души своей¹⁾. Ясно, что такой характеръ книгъ наиболее соответствовалъ монастырскимъ потребностямъ. Поэтому въ монастыряхъ сосредоточилась вся книжная дѣятельность древней Россіи. Занятіе книгами составляло уже предметъ заботъ въ Печерскомъ монастырѣ. Въ то время, какъ Нилонъ сидѣлъ и переплеталъ книги, Θεодосій сидѣлъ вблизи его и прядъ нитки, нужныя для этого дѣла. Въ числѣ печерскихъ монаховъ былъ весьма искусенъ въ писаніи книгъ — Иларіонъ; онъ каждый день и ночь писалъ книги въ келіи Θεодосія²⁾. Биографъ Авраамія Смоленскаго говоритъ, что онъ выбиралъ необходимыя мѣста изъ разныхъ книгъ, самъ списывалъ ихъ или заставлялъ дѣлать это своихъ писцовъ³⁾. Сергій Радонежскій, а за цѣмъ нѣмъ пергамента, писалъ на берестѣ и особенно покровительствовалъ короннымъ писцамъ. Стефанъ Пермскій собственноручно списывалъ много книгъ⁴⁾. Въ числѣ великихъ санатій Кирилл Бѣлозерскій и Іосифъ Волоколамскій были писцы книгъ; а первый изъ нихъ даже запретилъ своимъ ученикамъ держать въ келіяхъ что-либо кромѣ книгъ⁵⁾. Въ то время, когда, въ слѣдствіе односторонняго назначенія дѣятельности, образованность общества стояла на низкой ступени, въ монастыряхъ дѣльное дѣло велось систематическимъ порядкомъ; такъ какъ тамъ чтеніе и списываніе книгъ составляли обязанность каждаго. Германъ Соловецкій, будучи самъ неписавшимъ, поручалъ списываніе другимъ и собиралъ книги. Когда въ Прилуцкой обители озадалось мало книгъ, то братія ея побуждала Дмитрія Прилуцкаго позаботиться объ увеличеніи монастырской библиотеки⁶⁾. Соловецкая бібліотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досифею (конца XV в.), который на собраніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь. Живя случайно въ Новгородѣ, онъ приискывалъ всѣ

.....

1) Полн. собр. лѣт. I, 65—66.

2) Житіе Θεодосія, въ Записк. Импер. Акад. по II отдѣл. II.

3) Житіе Авраамія Смоленскаго.

4) Житія: Сергія Радонеж. и Стефана Пермскаго.

5) Житія: Кирилла Бѣлозерск. и Іосифа Волоколамск.

6) Житія: Германа Соловецк. и Дим. Прилуцкаго.

цовъ и оттуда посылать книги въ Соловецкій монастырь ¹⁾. Кроме того монастыри имѣли собственныхъ писцовъ, главная обязанность которыхъ состояла въ перепискѣ книгъ для монастыря. Въ обширномъ видѣ эта дѣятельность велась въ Троицкой лаврѣ и Соловецкомъ монастырѣ ²⁾. Другой способъ образованія монастырскихъ библиотекъ состоялъ въ пожертвованіяхъ. Въ числѣ приношеній и завѣщаній на монастыри мы постоянно встрѣчаемъ вклады книгами. Обыкновенно ихъ жертвовали на поминъ по душѣ, и потому въ припискахъ къ нимъ вкладчики помѣщали страшныя заклятія на тѣхъ, кто похититъ или уничтожитъ пожертвованную книгу ³⁾. Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершались эти пожертвованія можетъ служить примѣромъ Соловецкая библиотека: количество пожертвованныхъ туда книгъ насчитывается свыше 350 экземпляровъ, а число вкладчикомъ—до 150 ⁴⁾.

Въ то время книжное дѣло требовало большой опытности отъ лицъ, занимавшихся имъ. Исправность и изящество изданія зависѣли исключительно отъ нихъ. Древнѣйшіе писцы писали *уставомъ*, причѣмъ соблюденіе всѣхъ строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ и украшеніе заставовъ и начальныхъ буквъ разными изображеніями—требовало много времени и большихъ усилій ⁵⁾. Упрощеніе способа письма служить доказательствомъ болѣе потребности на книги, которая усилилась вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства. Въ XIV в., болѣе трудный способъ письма *уставомъ*, облегчается введеніемъ *полууставнаго* письма, а съ половины XVI в. является уже *скоротисъ*, которая становится господствующею ⁶⁾. Трудность работы и добыванія книжнаго матеріала была причиною, что книжное производство въ то время цѣнилось высоко ⁷⁾. Поэтому нерѣдко въ церковномъ обиходѣ, даже въ большихъ

1) О Соловец. библиот. Прав. собес. 1859, январь, 31.

2) Житіе Діонисія Радонежскаго, и Соловец. библиотека, Правосл. собесѣд. 1859, I, 211.

3) См. наше изслѣдов. »Максимъ Грекъ«, I, стр. 17.

4) Соловец. библиот. Правосл. собесѣд. 1859, I, 205—207.

5) Опис. рукоп. Синод. библ. I, 23, 27; Опис. Рум. музея, № 105, 118, стр. 176, 183, 182, № 120, 124.

6) Опис. Рум. музея, введеніе.

7) Галицкій князь Владиміръ Ярославичъ за одинъ молитвенникъ заплатилъ 8 гривенъ кунъ, т. е. 11 руб. сереб. (Полн. собр. рус. лѣт. II, 223. Карамзинъ, III, примѣч. 335). Одинъ вкладчикъ, пожертвовавъ въ монастырь 23 книги, обязалъ при этомъ братію кормить и одѣвать

городахъ (напр. во Псковѣ) ощущался недостатокъ книгъ ¹⁾. Но что было затруднительно для частныхъ лицъ и церквей, то легко удовлетворялось въ монастыряхъ, благодаря ихъ матерьяльнымъ средствамъ и большому количеству свободныхъ рукъ, притомъ лучше знакомыхъ съ дѣломъ. Когда Геннадій, архіеп. новгородскій, во время своей борьбы съ ересью жидовствующихъ, не могъ отыскать даже въ Новгородѣ полного состава библіи и другихъ книгъ (соч. Менандра, Діонисія Ареопагита, логики Іоанна Дамаскина, посланія Фотія къ болгар. князю Борису, слова Козмы противъ богомиловъ), онъ обращался за ними въ монастыри Вѣлозерскій, Отрапонтонъ и Спасокаменный ²⁾. Задумавъ въ сгѣдъ за тѣмъ сдѣлать полное собраніе библіи, онъ опять посылалъ за списками ея по монастырямъ ³⁾. Въ обществѣ существовало мнѣніе, что въ монастыряхъ хранятся всѣ необходимыя книги. Еретикъ Θεодосій Косой, питавшій большое уваженіе къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, объяснялъ ихъ неизвѣстность тѣмъ, что онѣ попрятаны въ монастыряхъ ⁴⁾. Курбскій, жалуясь на недостатокъ книгъ и хорошихъ переводовъ въ свое время, также указываетъ, что лучшіе и древнѣйшіе переводы сохранялись въ монастырскихъ казнахъ ⁵⁾. И въ послѣдующее время, когда встрѣчалась надобность въ книгахъ, обыкновенно обращались за ними въ монастыри. Въ половинѣ XVII в., по поводу возникновенія раскола, посылали въ монастыри за древнѣйшими славянскими рукописями ⁶⁾. Изъ

его съ сыномъ пожизненно. (Опис. Рум. муз. 464). Въ началѣ XVII в. за толковую псалтирь Максима Грека было заплачено 30 рубл.; за одну тріодь—7 руб., а за 2 тріоды—10 руб.; за евангеліе съ серебряною доскою и камнями—60 руб. (Прав. соб. 1859, I, Солювец. бл. 201). Бумага въ Россіи стала извѣстною со времени Симеона Гордаго; но распространилась только въ XV вѣкѣ. Она обыкновенно доставлялась изъ Германіи черезъ Новгородъ, а потому продавалась по высокой цѣнѣ. Но и пергаментъ, употреблявшійся до того времени, вслѣдствіе затрудненій въ доставкѣ, цѣнился высоко. (Карамзинъ, IV, 172). Во время дороговизны, въ XVI в. даже въ Новгородѣ листъ бумаги продавался по $\frac{1}{2}$ деньга; по съ открытіемъ архангельскаго порта цѣна бумаги попизилась до 4 грив. за стопу (ib. VIII, пр. 687; X, 145).

¹⁾ Акты историч. I, № 8.

²⁾ Посл. Геннадія къ Іоасафу, Чтеп. Моск. общест. ист. № VIII, стр. 5.

³⁾ Опис. рукоп. Синод. библ. I, стр. VI—VIII.

⁴⁾ Истинны показаніе Зиновія, стр. 208.

⁵⁾ См. Посланіе Курбскаго въ Правосл. собес. 1863, июнь, 571.

⁶⁾ Макарій, Исторія раскола, 161.

сохранивагося списка видно, что въ 39 монастыряхъ такихъ книгъ было собрано 2,673 ¹⁾. Въ XVIII в., когда Екатерина II задумала изданіе русскихъ лѣтописей, онѣ были высланы изъ монастырей. Такимъ образомъ древнія монастырскія библіотеки заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ единственные центры древней русской образованности и вполне характеризующія ея направленіе. Особенно замѣчательныя библіотеки были въ монастыряхъ: Троицко-Сергіевскомъ, Чудовскомъ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, Ростовскомъ, Соловецкомъ и Волоколамскомъ; менѣе важныя въ Корнилевскомъ, Пафпутьевомъ-Боровскомъ, Ново-спасскомъ, Спасо-Евѣмиевскомъ (въ Суздаль), Спасо-Каменномъ Псково-печерскомъ, Хутынскомъ, Свѣжскомъ, казанскомъ Преображенскомъ, Угрѣнскомъ и др. ²⁾. Для точнаго опредѣленія вопроса, нась занимающаго, мы рассмотримъ составъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

До сихъ поръ въ библіотекѣ Троицкой лавры хранится болѣе 800 рукописей и до 3000 старопечатныхъ книгъ ³⁾. Въ половинѣ XVII, по требованію патр. Никона, этотъ монастырь представилъ отъ себя списокъ древнихъ рукописей, въ которомъ означено 411 книгъ. Въ томъ числѣ библейскихъ книгъ (ветхаго и новаго завѣта) было—101; церковнослужебныхъ—46; сочиненій отцовъ церкви—58; сборниковъ—51; по церковному праву—17; по церковной хронологіи—1; русскихъ лѣтописей—11; общенсторическыхъ—4; географическихъ—3; философскихъ—1; педагогическихъ—1; апокрифическихъ—1. Болѣе всего было сочиненій аскетическихъ: такихъ книгъ въ этомъ списокѣ поименовано 116 ⁴⁾. Чудовская библіотека была извѣстна еще въ XVI вѣкѣ. До сихъ поръ отъ нея уцѣлѣло 136 рукописей харатейныхъ и бумажныхъ и 199 книгъ церковной и гражданской печати. Въ составѣ ея первое мѣсто занимаютъ библейскія и богослужебныя книги; за тѣмъ слѣдуютъ: творенія отцовъ церкви, собранія каноническихъ правилъ, житія святыхъ греческой и русской церкви, мненія, прологи, паторики, пален, сборники, хронографы, космографія (уже позднѣйшія—XVII в.) и пѣ-

¹⁾ Опись книгамъ степен. монастырей, Чтен. Моск. общ. ист. и древн. 1848, № VI.

²⁾ Прав. соб. 1858, апрѣль, стр. 503 и дал. и Опись степен. монаст.

³⁾ Прав. соб. 1858, апрѣль, стр. 503.

⁴⁾ Содѣйств. монастыр. проsv. древ. Рос. Прав. соб. 1858, апрѣль, 503. Опись книгъ степен. монаст. Чтен. Москов. общест. истор. 1848, VI.

сколько сочиненій, относящихся къ языку, гражданскимъ законамъ и врачебному искуству¹⁾. Столь же извѣстная библіотека находилась въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Въ XVII и XVIII вв. туда постоянно обращались за древними книгами, выписывая изъ нихъ двойные и тройные экземпляры или посылали свисывать тамъ рѣдкія рукописи для исправленія церковныхъ книгъ. За исключеніемъ взятыхъ экземпляровъ, въ Кирилловской библіотекѣ сохранилось 1939 книгъ, большею частію рукописныхъ: изъ нихъ библейскихъ книгъ приходится болѣе 250, богослужебныхъ до 560 и столько же сочиненій отцовъ церкви, между которыми есть болѣе 10 и 20 экземпляровъ одного автора (Шестоплева Василія В.—13, Лѣствицы—26). Изъ 473 экземпляровъ, описанныхъ въ половинѣ XVII вѣка, приходится на 160 аскетическихъ книгъ—3 географическихъ и космографическихъ, 6—общенсторическихъ, 11 русскихъ лѣтописей и 1 общаго содержанія. Остальныя принадлежатъ къ библейскимъ, богослужебнымъ и твореніямъ отцовъ церкви²⁾. Библіотека Соловецкаго монастыря состоитъ изъ 1343 № № рукописей и 83 № № старопечатныхъ книгъ—всего 1426 № №, присоединяя сюда и библіотеку Анзерскаго свята, который приписанъ въ Соловецкому монастырю въ 1764 году. Изъ нихъ библейскихъ книгъ—108, сочиненій отцовъ церкви—толкованій и поученій—107; аскетическихъ—219; церковно-служебныхъ—671; каноническихъ—33; историческихъ сказаній—12; по церковной хронологіи—2; русскихъ лѣтописей—7; общенсторическихъ сочиненій—5 экземпляровъ; собраніе русскихъ путешественниковъ—2; иностраннаго лексикона—9 книгъ. Кромѣ того въ Соловецкой библіотекѣ насчитываютъ до 200 сборниковъ, преимущественно аскетическаго содержанія; такого же характера и библіотека Анзерскаго свята, въ которой только весьма незначительное количество относится на долю другихъ отдѣловъ. Мы не касаемся тѣхъ историческихъ сочиненій, которыя при-

¹⁾ Снегиревъ, Памят. москов. древн. IV, 145. Изъ 200 экземпляровъ, внесенныхъ въ опись книгъ степен. монаст., 30 принадлежатъ къ библейскимъ и богослужебнымъ, 51—къ аскетическимъ; русскихъ лѣтопис. 9; общенсторич. 3, географич. 2, гражд. законовъ 1, смѣшан. содерж. 1 (Пчела).

²⁾ Опись книгамъ степенныхъ монастыр. Чтен. Москов. общ. исторіи, 1848, № VI, Правосл., собес. 1858, апрѣль, 505. Опис. рукоп. Кирилла Бѣлозер. Чтеніе Москов. общ. истор. 1860, II.

надлежать уже позднѣйшей эпохѣ (XVIII вѣка) ¹⁾. Въ Волоколамскомъ монастырѣ, по описи конца XVI в. хранилось до 1150 книгъ, изъ которыхъ до начала XIX в., сохранилось 690 рукописей. Въ полномъ составѣ ея библейскихъ книгъ было 30 печатныхъ и 17 рукописныхъ экземпляровъ; сочиненій отцовъ церкви и сборниковъ—354; аскетическихъ произведеній болѣе 200; общенсторическихъ—7; русскихъ лѣтописей—3; географическихъ—1 (по описи XVII в.); по гражданскимъ законамъ—1. Остальныя книги представляютъ собраніе разныхъ церковныхъ правилъ, поученій, посланій, уставовъ и статей смѣшаннаго содержанія ²⁾. Библіотека суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря состояла изъ 281 книги; въ числѣ которыхъ библейскихъ книгъ было 43; церковно-служебныхъ—89; аскетическаго содержанія—86; твореній отцовъ церкви—31 экземпляръ; каноническихъ—3; одно путешествіе на востокъ (Стефана новгородца); одно общенсторическое сочиненіе; русскихъ лѣтописей—2; 1 грамматика; по церковной хронологіи—1; наконецъ 23 книги смѣшаннаго содержанія ³⁾. Въ Свияжскомъ монастырѣ, по исцодовымъ книгамъ, еще при Германѣ (XVI в.) было собрано 152 книги ⁴⁾. Мы не станемъ вѣсаться описанія другихъ монастырскихъ библіотекъ, такъ какъ, по своему составу, онѣ нисколько не отличаются отъ предидущихъ ⁵⁾.

По своей обширности монастырскія библіотеки древней Россіи нисколько не уступаютъ большимъ библіотекамъ западныхъ монастырей; но по характеру книгъ онѣ значительно отличаются отъ нихъ. Такъ, въ аббатствѣ Кройландъ, въ концѣ XI в., хранилось до 3000 книгъ; библіотека аббатства Гластонебури въ XIII в. заключала въ себѣ 400 томовъ; но большая часть изъ нихъ были сочиненія римскихъ классиковъ—историковъ и поэтовъ. Въ томъ же родѣ была библіотека монастыря Пристлянгскаго. Бенедиктинскіе монахи читали Лукана, Горация, Виргилія, Саллюстія; такихъ книгъ у нихъ было до 247 томовъ.

¹⁾ Библіотека Соловецкаго монастыря, Правосл. собес. 1859, кн. I и II.

²⁾ Опись книгъ Волокол. монаст. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VII. Прав. собес. 1858, апрѣль, 507. Опись степен. монастырей, Чтенія, 1848, VI.

³⁾ Опись книгъ Спасо-Евѣим. монаст. Временникъ, № V.

⁴⁾ Журн. министр. народ. просв. часть LXXXIII, отд. III, стр. 10, 11.

⁵⁾ См. Опись книг. степен. монаст. Чтенія Моск. общ. ист. 1848. VI. Опись книг. Калужс. епархіи. Чтен. Моск. общ. 1865, IV.

Библиотека монастыря св. Михаила въ Бамбергѣ главнымъ образомъ состояла изъ римскихъ писателей ¹⁾. У насъ греческіе и римскіе писатели въ монастырскихъ бібліотекахъ встрѣчаются только во второй половинѣ XVII вѣка; а до тѣхъ поръ въ монастыряхъ были извѣстны краткія изреченія ихъ, попадавшіяся въ византійскихъ сборникахъ (напр. Пчелъ и друг.).

Такимъ образомъ въ составѣ русскихъ монастырскихъ бібліотекъ наименьшій отдѣлъ занимаютъ сочиненія общеобразовательныя. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ русскія лѣтописи, которыя встрѣчаются во всѣхъ значительныхъ бібліотекахъ и нерѣдко въ большомъ количествѣ экземпляровъ ²⁾. Чаще всего онѣ помѣщаются подъ общимъ именемъ; но иногда отличаются лѣтописи: кievскія, новгородскія, псковскія, временники, степенныя и царственныя книги. Къ общенсторическимъ сочиненіямъ въ обширномъ смыслѣ слова принадлежатъ хронографы. За тѣмъ болѣе другихъ встрѣчаются византійскіе писатели Георгій Амартолъ (сочиненіе котораго было извѣстно подъ именемъ Краницы) ³⁾; Зонара (Паралипоменонъ) и Манассія (лѣтопись); общія сочиненія по византійской исторіи: О константинопольскихъ царяхъ, Временникъ о греческомъ царствѣ, Временникъ о христіанскихъ царяхъ, греческая царственная книга и греческіе лѣтописцы. По римской исторіи: О началѣ римскаго царства и хронографы. По отдѣльнымъ эпохамъ исторіи: Троя, О троянскомъ плѣненіи, Александрія, Александръ Македонскій, Иосифъ Флавій. Историческое изложеніе библейской исторіи съ дополненіями изъ другихъ источниковъ представляла Палла. Къ географическимъ и космографическимъ сочиненіямъ относятся творенія Георгія Писиды и Космы Индикоплова. Послѣдній встрѣчается почти въ каждой бібліотекѣ и нерѣдко въ нѣсколькихъ экземплярахъ. По гражданскому законодательству мы находимъ тамъ постановленія греческихъ царей (Главы царя Василія), законы Юстиніана, грамоты русскихъ князей, Судебники, Литовскій статутъ, Уложеніе. Къ области

¹⁾ Hurter, Innocent. III und seine Zeitgenossen., Bd. II, Abthell. II, 252—61.

²⁾ См. Описаніе книгамъ степен. монастыр.; Волоколам. монастыр., Соловецк. библиот. и др. Въ бібліотекѣ Бѣлозерскаго монастыря хранилось 11 экземпляровъ русск. лѣтописей.

³⁾ Въ Бѣлозерской библиотекѣ 5 экземпляровъ.

философію относитьъ трудъ Іоанна Дамаскина: Діалектика или философія, въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго. Въ XVII в. встрѣчается систематическое изложеніе правилъ языка и рѣчи (грамматика и риторика) и основныя положенія геометріи (землемѣріе). Изложеніе нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ принциповъ въ формѣ изреченій, заимствованныхъ изъ священнаго писанія и древнихъ поэтовъ и писателей, представляетъ сборникъ «Пчела», весьма распространенный въ монастырскихъ библіотекахъ древней Россіи¹⁾.

За исключеніемъ этихъ произведеній, знакомившихъ съ общественной жизнью, хотя далеко не вполне, останется обширное собраніе рукописей и книгъ, исключительно посвященныхъ духовной литературѣ. Но и между ними рѣзко выдается преобладающее направленіе—аскетическое. Это видно изъ представленнаго нами описанія состава библіотекъ. На 2673 книги, помѣщенные въ описи степенныхъ монастырей, приходится до 1000 экземпляровъ исключительно аскетическаго содержанія²⁾. Судя по количеству сохранившихся рукописей и древнихъ книгъ, болѣе всего цѣнились писатели и сочиненія соверщательнаго характера: Василій В., Діонисій Ареопagitъ, Исаакъ Сиринъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Синаитъ, Лѣтвица и Патерикъ³⁾.

Таковъ кругъ монастырской образованности. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ ея источники, монастыри естественно сдѣлались регулярными центрами въ общественной жизни древней Россіи. Въ ихъ стѣнахъ заключилась почти вся книжная дѣятельность и потому не-

1) См. прежнія описанія библіотекъ.

2) Чтен. Моск. общ. исторіи, 1848, VI.

3) Обыкновенно сочиненій разныхъ писателей мы встрѣчаемъ по 1, 2 и много 3 экземпляра въ каждой изъ означенныхъ библіотекъ; но этихъ писателей было въ гораздо большемъ количествѣ. Такъ сочин. Василія Вел. означено въ Троиц. библиот. 9 экзempl., въ Бѣлозерской—8; Діонисія Ареопаг. въ Бѣлозерск. 6 экз., въ Троиц.—4; Исаака Сирина—въ Троиц. 7 экз., въ Бѣлозерской—17, въ Волоколам.—13, въ Соловец.—8 № №; Ефрема Сирина—въ Волокол. 10, въ Соловец. 7 № №; Іоанна Дамаск. въ Бѣлозерск. 7; Григорія Синаита въ Соловец.—10; Лѣтвицы въ Троиц.—16; Бѣлозер.—28; Волокол.—9; Соловец. 29 № №. Патериковъ разнаго рода: въ Троиц.—10; Бѣлозер.—19; Волоколамск. 11 и Соловецкой—25 № №. Кромѣ того въ огромномъ количествѣ были собраны мины, прологи, соч. Дороея и друг. аскетическія произведенія.

удивительно, что умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ. На 240 писателей, бывшихъ въ Россіи до конца XVII в., не считая принадлежавшихъ къ католической эпохѣ юго-западной Руси, можно насчитать до 190 монаховъ, въ томъ числѣ и лицъ высшей іерархіи, которыя также выходили изъ монастырей; до 20 лицъ бѣлаго духовенства и до 30 свѣтскаго званія. Но и въ числѣ послѣднихъ, исключивъ авторовъ путешествій, описаній посольствъ и т. п. останется значительное количество произведеній, посвященныхъ духовнымъ предметамъ¹⁾. До конца XVII в. вся русская образованность носила на себѣ исключительно духовный характеръ, и свѣтскій писатель, при господствѣ извѣстныхъ понятій, необходимо долженъ былъ идти по той же дорогѣ; по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Пыпинъ, извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣшаго времени таковы, что незная ихъ сочинителей, мы неколеблясь признали-бы ихъ духовными лицами²⁾. Очевидно, что такое исключительное преобладаніе извѣстныхъ понятій обуславливало и самыя формы письменности. Отношеніе монастыря къ обществу выражалось преимущественно съ нравственной стороны или вызывалось извѣстными религиозными явленіями, становившимися въ противорѣчіе съ господствующими вѣрованіями. Сообразно съ этимъ и древняя письменность принимаетъ двойственный характеръ—*поучительный* и *полемическій*, который проникаетъ во всѣ формы ея, будетъ-ли это лѣтопись, посланіе, описаніе путешествія, біографія или отдѣльное изложеніе какого-нибудь факта: вездѣ преобладаетъ тотъ или другой мотивъ, а нерѣдко они находятся въ тѣсной связи между собою. Постоянными образцами для русской письменности служили византійскіе авторитеты. Въ этомъ убѣждаетъ безусловная подражательность наиболѣе крупныхъ писателей въ области духовной литературы. Первый изъ нихъ—*Феодосій Печерскій* представляетъ близкое сходство съ *Феодоромъ Студитомъ*, сочиненія котораго были извѣстны въ Россіи на славянскомъ языкѣ уже въ XI вѣкѣ: у *Феодосія* тотъ же тонъ, тѣже обороты рѣчи и даже сходство въ самомъ содержаніи; такъ что поученія его въ древнихъ памятникахъ постоянно смѣшиваются съ сочиненіями *Феодора Студита*, и ихъ произведе-

¹⁾ См. Обзоръ русской духовной литературы, Филарета, томъ I.

²⁾ Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи старин. повѣстей и сказокъ русск., стр. 17.

нія приписываютъ взаимно другъ другу¹⁾. Кирилль Туровскій—вѣрный образецъ византійской витіеватости и ораторскаго искусства, въ которомъ нерѣдко форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ. »Преданіе ученикамъ« Нила Сорскаго, по его собственному признанію, есть не болѣе, какъ выборъ изреченій и наставленій изъ аскетическихъ писателей византійской литературы²⁾. Другое обширное сочиненіе начала XVI вѣка—Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, направленный противъ новгородскихъ еретиковъ, представляетъ въ томъ же родѣ выборъ догматическихъ писателей. Это самымъ нагляднымъ образомъ подтверждается сравненіемъ сочиненія Іосифа съ его источниками. »Мало сказать, замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ его, что творенія отцовъ церкви имѣли вліяніе на составленіе Просвѣтителя, они произвели его, такъ что Просвѣтитель исполнъ есть плодъ чтенія Іосифомъ отеческихъ твореній«³⁾. Такъ смотритъ на свое сочиненіе и самъ Іосифъ, выражаясь, что онъ »составилъ его изъ различныхъ писателей, чтобы читавшіе ихъ могли припомнить читанное«⁴⁾. До какой степени простиралось это подобострастіе греческимъ образцамъ яснѣе всего видно на поученіяхъ митр. Даніила (XVI в.), который отъ себя придѣлывалъ только вступленіе и заключеніе, а самое изложеніе бралъ цѣликомъ изъ отцовъ церкви. Болѣе самостоятельности и независимости отъ источниковъ представляетъ сочиненіе Зиновія Отенскаго (Истины показаніе), направленное противъ ереси Феодосія Косаго. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ ученикъ Максима Грека, получившаго систематическое образованіе въ Италіи.

Результатомъ монастырской образованности было появленіе въ Россіи особаго рода литературы, важнаго по богатству матеріала для помитической и церковной исторіи,—это житія святыхъ. По своему общему содержанію — они выражаютъ идеализацію монастырской жизни, въ духѣ восточнаго аскетизма. По своему происхожденію—они результатъ книжной дѣятельности въ монастыряхъ; такъ какъ почти всѣ писаны учениками и почитателями тѣхъ лицъ, кому посвящены біографія и примѣру которыхъ старались слѣдовать ихъ авторы. Этотъ

1) О древнихъ переводахъ отцовъ церкви, въ Прав. собесѣд. 1859, III, 367, и Обз. духов. литер. 12.

2) См. предисловіе къ Преданію Нила Сорскаго.

3) Разборъ Просвѣтителя, Правосл. собесѣд. 1859, III, 153—155.

4) Просвѣтитель, 63.

отдѣлъ письменности, по своей обширности, занимает первое мѣсто во многихъ библіотекахъ древней Россіи ¹⁾. Одновременно съ образованіемъ Московскаго государства проявилось стремленіе въ собранію письменныхъ памятниковъ и соединенію ихъ въ одно цѣлое. Результатомъ его было появленіе въ XVI вѣкѣ обширной энциклопедіи, сосредоточившей въ себѣ всю образованность древней Россіи. Мы говоримъ о Четвѣ-Минейхъ митр. Макарія. Онѣ замѣчательны какъ по обширности труда, такъ и по своему содержанію. Составленіемъ Четвѣ-Миней Макарій занимался въ теченіе 12 лѣтъ, будучи архіепископомъ въ Новгородѣ. Трудъ этотъ былъ совершенъ при посредствѣ многихъ переписчиковъ и стоилъ ему большихъ пожертвованій деньгами и милостями. Во всѣхъ 12 книгахъ заключается 27,057 страницъ или 18,528 большихъ листовъ. Въ самой меньшей изъ нихъ (октябрьской) — 1754 страницы или 877 листовъ, а въ самой большей (августовской) — 2992 стр. или 1496 листовъ. Особенную трудность для составителя представляло исправленіе и переводъ иностранныхъ рѣчей, въ большомъ количествѣ сохранившихся въ древнихъ переводахъ. Въ 12 огромныхъ книгахъ этой энциклопедіи заключаются, расположенныя по днямъ мѣсяцевъ цѣлаго года, краткія и пространныя житія святыхъ, торжественныя, поучительныя и похвальные слова на разные праздники, цѣлыя книги священнаго писанія съ толкованіями, творенія отцовъ церкви, церковныхъ писателей, патерики (азбучный, іерусалимскій, египетскій, синайскій, свитскій, печерскій), разныя сказанія и повѣсти, притчи, путешествія, Коричая книга, посланія, грамоты и т. п. Однимъ словомъ, по выраженію собирателя, — «всѣ книги, которыя находятся въ русской землѣ» ²⁾. Таблицъ образомъ Четвѣ-Миней Макарія представляютъ намъ полную характеристику монастырской образованности древней Россіи, развивавшейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи. А распредѣленіе самаго матеріала сообразно съ Прологомъ, заключающаго въ себѣ обширный циклъ сказаній, относящихся къ

¹⁾ Въ XV и XVI вв., по образцу печерскаго Патерика, стали составляться новгородскій.

²⁾ Между прочимъ здѣсь цѣлкомъ помѣщены: Зерцало Михаила Псалма, Георгій Писидъ, Просвѣтитель Іосифа Волоколамскаго, Златая цѣль, Пчела, Козма Индиопловъ, нравоучительныя главы греч. царя Константина своему сыну Льву, дѣло о вдовыхъ побахъ и возраженіе Георгія Скрипицы, О вѣнчаніи на царство греч. царя Мануила, братскій лѣтописецъ.

внутреннему быту монастырей, показывает, какимъ интересамъ должно было служить это твореніе ¹⁾). Элементъ поучительный стоитъ вдѣсь на первомъ планѣ и направленъ къ той же цѣли.

Изъ сдѣланной нами характеристики видно, что наибольшая часть внѣшняго матеріала, сосредоточившагося въ монастырскихъ бібліотекахъ древней Россіи, относится къ нравственнымъ вопросамъ. Поэтому и дѣятельность монастырей носить на себѣ по преимуществу этотъ характеръ. Они берутъ на себя утвержденіе нравственныхъ понятій въ обществѣ, выработанныхъ подѣ влияніемъ византійскихъ образцовъ.

Нравственное вліяніе монастырей на общество совершалось двоякимъ путемъ: посредствомъ монастырскаго воспитанія и вліянія представителей монашества на семью. При нѣкоторыхъ монастыряхъ существовали училища ²⁾). Въ монастыри стекались со всѣхъ сторонъ массы народа различныхъ состояній и возрастовъ съ спеціальною цѣлью—принять наставленіе. Матеріалъ для поученій въ такихъ случаяхъ обыкновенно заимствовался изъ монастырскихъ уставовъ, особенно изъ сочиненія Нила Сорскаго и писателей созерцательнаго направленія ³⁾). Многіе такъ проникались этимъ ученіемъ, что немедленно оставались въ монастырь, чтобы подчиниться той же самой дисциплинѣ ⁴⁾). Такіе

¹⁾ Великія Четвы-Минеи, изд. Археографич. комисіи, и Оглавленіе Четвъ-Миней, въ Чтен. Московск. общ. исторіи, 1848, № IV. О минеяхъ, Ундольскаго, въ Москвитинѣ, 1846, № XI и XII.

²⁾ Ярославъ галицкій отдалъ обученіе въ руки монаховъ. (Татищевъ, III, 280). Новгородскій архіеп. Моисей открылъ училища при монастыряхъ, основанныхъ имъ въ Новгородѣ (Житіе его у Филарета). Еще вѣвѣстны училища, существовавшія въ Зилантовомъ (въ Казани) и Свіяжскомъ монастыряхъ.

³⁾ О русской проповѣди въ XV и XVI в. въ Журн. мин. народ. просв. 1868, февр. 377.

⁴⁾ Житія: Феодосія Печерскаго, Авраамія Смоленскаго, Варлаама Хутынскаго, Сергія Радонежскаго, Павла Обнорскаго, Александра Свѣскаго; а также см. стр. 127, примѣч. 1-е. Вотъ примѣръ подобнаго вліянія. Князь Андрей Голенинъ (родомъ изъ ростовскихъ князей) часто приходилъ къ Іосифу Волоколамскому за наставленіемъ, и запала ему въ душу мысль о будущей жязни и цѣпенѣлъ онъ отъ ужаса, при мысли о страшномъ судѣ и будущей мукѣ. Онъ помогалъ бѣднымъ и былъ милостивъ къ своей прислугѣ, но этого ему было мало. Однажды прѣхалъ онъ въ Іосифу въ монастырь съ множествомъ слугъ и съ отроками въ дорогихъ одеждахъ, на лучшихъ коняхъ; при немъ было множество серебряныхъ вещей. Онъ какъ-будто выѣхалъ на окоту

обыкновенно отдавались подъ надзоръ одному изъ старцевъ, болѣе извѣстныхъ своею строгостью: почти каждый отшельникъ вышелъ изъ подобной школы и въ свою очередь сдѣлался руководителемъ многихъ учениковъ. Какъ въ боярскихъ и дворянскихъ фамиліяхъ, такъ и въ простомъ быту, существовалъ обычай отдавать дѣтей на воспитаніе— въ монастырь¹⁾. Изученіе псалтири и здѣсь составляло основу обученія: знаніе ея наизусть было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ монастыряхъ²⁾. Но, благодаря обширнымъ книжнымъ собраніямъ, здѣсь почерпались тѣ свѣдѣнія по разнымъ предметамъ, имѣвшимъ близкое отношеніе къ современнымъ интересамъ, которыми отличаются писатели, выпедшіе изъ монастыря. Здѣсь пріобрѣталось то направленіе, которое такъ рельефно характеризуетъ понятія и нравы древняго русскаго общества. Любимымъ чтеніемъ въ монастыряхъ были: сочиненія Ефрема Сирина, Діонисія Ареопагита, Исаака Сирина, Василя В., Іоанна Златоуста, Лѣствица, патерики восточные и печерскій³⁾. Оттого въ монастырскихъ бібліотекахъ эти книги встрѣчаются въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ. Уже на первыхъ порахъ монастырь заботился о пріобрѣтеніи книгъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ его жизни. Вскорѣ по смерти Сергія Радонежскаго въ Троицкой лаврѣ были списаны: Лѣствица, Діонтра Филиппа пустынника съ отвѣтами Вареонофія и наставленіями Исихія, сочиненія Григорія Синаита и поученія Дорофея⁴⁾. Вообще естественно, что лица, отданныя въ монастырь, получивъ подобное воспитаніе, оставались въ немъ на всегда. Но его вліяніе, при

съ соколами. хотя и не было въ обычаѣ вывзжать на охоту съ такимъ великолѣніемъ. Но птицы были оставлены въ покоѣ. Князь поѣхалъ прямо въ монастырь. Игумень и братія находились въ главной церкви. Князь входитъ туда, припадаетъ къ игумену съ молитвою— смѣнить его блестящую одежду на монашескую, и тутъ же отдаетъ монастырю все свое имѣніе: серебро, золото, одежды, сосуды, весь скотъ и три села. Онъ былъ немедленно постриженъ, а отрокамъ его была объявлена свобода — идти куда хотятъ; но нѣкоторые такъ были привязаны къ своему князю, что послѣдовали его примѣру. Хрущовъ, 45, 45.

¹⁾ Житія: Θεодора Ростовскаго, Павсія Угличскаго, Давида Переяславскаго, Александра Ошевскаго, Корнилія Комельскаго.

²⁾ Употребленіе псалтири въ древнемъ быту русск. народа, Прав. соб. 1857, IV.

³⁾ Житія: Θεодосія Тотемскаго, Питирима еписк. пермскаго, Саввы Тверскаго, Авраамія Смоленскаго.

⁴⁾ Опис. Серг. лавры, 177.

господствѣ известныхъ идей, не ограничивалось этимъ. Монастырское воспитаніе сообщилось всему строю общественной жизни,

Въ той средѣ, гдѣ книжность была болѣе распространена, оно утверждалось посредствомъ книгъ. До второй половины XVII в. царскія и частныя бібліотеки, по своему составу, нисколько не различались отъ монастырскихъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій общаго содержанія (лѣтописи, хронографы, исторія Александра Македонскаго, рассказы о римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ и т. п.) книжныя собранія бояръ состояли изъ твореній отцовъ церкви ¹⁾. Въ дворцовыхъ бібліотекахъ такой составъ вполнѣ сохраняется до второй половины XVII вѣка ²⁾.

Если такъ было въ высшей сферѣ, то въ народномъ быту эта книжность, посредственно или непосредственно, вполнѣ господствовала. Такой характеръ книжности не остался безъ вліянія на направленіе мысли общества. Было много примѣровъ, что вмѣстѣ съ

¹⁾ Іовій, 47.

²⁾ Библиотека Михаила Ѳеодоровича, за исключеніемъ книги Аристотеля, вся религіознаго содержанія. Въ бібліотекѣ царевича Алексѣя Михайловича встрѣчаются: Нравоучительныя главы греческаго императора Василія сыну своему Льву, грамматика и космографія, остальные религіознаго содержанія. Для болѣе нагляднаго образца мы приведемъ описъ бібліотеки царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ первомъ шкафѣ помѣщались: Новый завѣтъ, Библія, Мечъ духовный, Апостоль толковый, Бесѣды апостольскія, Бесѣды на дѣянія, Шестодневъ Василія В., Ефремъ Сиринъ, Бесѣды на евангеліе, Псалтирь толковая, Трефолой кievскій, Маргаритъ, Патерикъ печерскій, житіе Саввы Сторожевскаго, Соч. аввы Дороея, житіе Александра Ошевенскаго, Святцы, Лѣтописецъ краткій и Описаніе земель. Въ другомъ: Ефремъ Сиринъ, Новый завѣтъ, Мѣрило праведное, Каноникъ, Псалтирь, Цвѣтникъ, Катехизисъ, Грамматика и Лексиконъ. На переходѣ къ другому порядку указываетъ: 20 книгъ на разныхъ языкахъ. Въ третьемъ шкафѣ: Бесѣды апостоловъ на дѣянія, Псалтирь, лексиконы, Новый завѣтъ, Часовникъ, Прологъ, соч. Іоанна Дамаскина, Жезль правленія, Книга о вѣрѣ, Книга Кирила александрійскаго, Катехизисъ большой, Собраніе пророчествъ, соч. Григорія бесѣдовника, Діонисій Арсопагитъ, Исаакъ Сиринъ. Это собраніе книгъ вполнѣ характеризуетъ разсматриваемое нами направленіе; но здѣсь же можно замѣтить поворотъ къ другому направленію общества. Въ числѣ означенныхъ книгъ встрѣчается 86 книгъ на разныхъ языкахъ; книги: размѣрная и цифирная, о монархіи и т. п. См. Домашній бытъ русск. царей, Забѣлина, Отеч. записки, 1854, VI 122—126.

тѣмъ, какъ дѣти начинали учиться (съ 7 лѣтъ) и знакомиться съ произведеніями тогдашней литературы,—у нихъ начиналъ слагаться эстетическій идеалъ, и, едва прійдя въ возрастъ, они спѣшили осуществить его. Тогда нерѣдко можно было встрѣтить отшельниковъ въ 11—13 лѣтъ¹⁾. Рельефный примѣръ подобнаго увлеченія книжнымъ образцомъ представляетъ намъ Даниль Переяславскій. Услышавъ при чтеніи житія Симеона Столпника, что тотъ тайно обвилъ себя веревкою для усмиренія плоти, и Даниль отрѣзалъ себѣ часть веревки, которою рыбаки привязывали къ берегу ладью, обвилъ ею такъ крѣпко свой станъ, что веревка стала вѣдаться въ тѣло. Когда родители его увидѣли этотъ мучительный поясъ и поспѣшили снять его—Даниль бѣжалъ въ монастырь²⁾. Другой способъ подобнаго вліянія на семью состоялъ въ наставленіи. По временамъ отшельники оставляли свои убожища, являлись среди общества, обходили знакомые дома, вездѣ находили ласковый пріемъ, а нерѣдко такъ умѣли подѣйствовать своими разсказами на впечатлительныя натуры, что нѣкоторые изъ членовъ семьи немедленно оставляли домъ и уходили вмѣстѣ съ своими наставниками въ отдаленный монастырь или пустыню³⁾. Но еще глубже было вліяніе духовниковъ. При господствѣ монастыря въ жизни и низкомъ положеніи блага духовенства, строгіе хранители религіозной чистоты любили избирать себѣ духовниковъ въ средѣ монастырской; чѣмъ строже кто относился къ этой сторонѣ дѣла, тѣмъ болѣе строгаго старался избрать себѣ духовника. Въ высшемъ классѣ подобный обычай былъ въ большомъ ходу⁴⁾. Конечно это былъ самый прочный

1) Житія Моисея еп. новгор., Феодора юрод., Дмитрія Прялудъ., Корнилія Псковск., Серап. архіеп. новгород., Макарія Колязинск., Пахомія Нерехтск., Александра Свирскаго, Іоанна еписк. суздальск., Авраам. Ростовск., Іакова, еп. ростовск., Нила Столобенскаго, и выше стр. 120, примѣч. 3.

2) Житіе: Данила Переяславскаго.

3) Житія: Стефана Махрицкаго, Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго. Особенно дѣйствовали они на дѣтей, которыхъ побуждали даже тайно оставлять свои дома и бѣжать въ монастыри, гдѣ ихъ содержали въ келіяхъ игумена и не позволяли видѣться съ родными, приходившими за ними. На жалобы послѣднихъ монахи отвѣчали: «игумень велѣлъ отнимать у родителей дѣтей и отвозить въ монастырь». Житія Діонисія Глушицкаго и Александра Свирскаго. Русск. пропов. XV и XVI вв., Журн. мин. нар. просв. февр. 377.

4) Житія: Паксія Угличскаго, Данила Переяславскаго, въ житія

способъ вліянія монастыря на общественную среду. Образецъ подобныхъ отношеній представляютъ намъ четыре посланія Іосифа Волоколамскаго къ его духовнымъ дѣтямъ, неизвѣстнымъ вельможамъ. Въ нихъ главнымъ образомъ Іосифъ говоритъ объ обрядовомъ служеніи Богу: постахъ, поклонахъ и т. п., предписывая въ какой день что ѣсть и по скольку класть поклоновъ. Въ этихъ наставленіяхъ поражаетъ строгость требованій Іосифа. Въ одномъ изъ посланій онъ налагаетъ такого рода эпитимію на своего духовнаго сына: три дня въ недѣлю ѣсть сухо: хлѣбъ или колачъ, пить воду или квасъ, одно вареное безъ масла, а по нуждѣ—два, класть по 300, 200 и по 100 поклоновъ въ день; не вѣлить три года причащаться, касаться святыни, подходить къ переносу, цѣловать иконы; дозволяетъ святою водою кропиться, но не вкушать ея, и только въ великій четвертъ и въ день пасхи дозволяетъ напиться святой богоявленской воды. Впрочемъ есть путь, которымъ можно избавиться отъ этихъ эпитимій и сразу получить прощеніе грѣховъ: это монашество. Іосифъ всѣми силами старается убѣдить своего духовнаго сына, чтобы онъ принялъ его совѣтъ и поступилъ въ монастырь: «тогда радостью радуйся и веселиемъ веселись, заключаетъ онъ, потому что избралъ тебя Богъ и разлучилъ съ мірскою жизнію и поставилъ тебя, какъ предъ лицомъ своимъ»¹⁾. Такой же тонъ сохраняетъ Іосифъ и въ отношеніи къ вельможѣ, рабъ котораго ушелъ въ Волоколамскій монастырь и принялъ монашество. Владѣлецъ раба хотѣлъ возвратитъ его въ свой домъ. Поэтому поводу Іосифъ высказываетъ свой взглядъ на отношенія къ рабамъ и на монашество. «Господинъ обязанъ заботиться о душевной чистотѣ своихъ рабовъ, а потому когда отроку исполнится 15 лѣтъ, господинъ долженъ испитать его—хочетъ-ли онъ постричься въ монахи, и если хочетъ, то отпустить его въ монастырь, если же нѣтъ, то отрова женить, а дѣвицу выдать замужъ». По понятію Іосифа, живя въ мірѣ, молодому человѣку трудно покаяться и перестать дѣлать все гнусное. Поэтому требованія его идутъ далѣе: онъ совѣтуетъ всякому боголюбивому человѣку давать Богу *десятому* не только отъ имѣнія, но также

митр. Алексѣя, у Филар. февр. стр. 89. Курбскій о Феодоритѣ Кольскомъ въ Исторія Іоанна, 141. Хрущовъ, О сочин. Іосифа Волоколамскаго, 88.

¹⁾ Хрущовъ, 88—90.

отъ дѣтей и рабовъ. »И если тотъ, кто даетъ Богу богатство тлѣнное, получить награду, то тѣмъ болѣе будетъ вознагражденъ тотъ, кто приноситъ въ даръ душу безсмертную, которой недостойнъ весь міръ. Кто хулитъ монашество за то, что не все монахи спасаются, тотъ хулитъ самого Христа, потому что не все изъ учениковъ Его спаслись«. *Монашество есть второе крещеніе*, которое подаетъ Христосъ, желая всемъ спасенія ¹⁾. Ревностный ученикъ Іосифа Волоколамскаго, митр. Давидъ, въ своихъ посланіяхъ, всегда старался проводить его взгляды на монашество и на значеніе его въ общественной жизни ²⁾.

«Монастыри любите, говорилось въ тогдашнихъ наставленіяхъ, это сыновья святыхъ, пристанища сего свѣта» ³⁾. На монаховъ смотрѣли, какъ на свѣтъ для мірянъ, который они сами заимствуютъ только у ангеловъ ⁴⁾. Даже лица съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ, никогда недумавшія сдѣлать монастырь цѣлью своей жизни, противоположныя по характеру и при томъ скептически относившіяся къ современному монашеству, какъ Курбскій и Іоаннъ Грозный, все-таки считали его идеальнымъ явленіемъ въ жизни. Согласно съ Метафрастомъ, Курбскій говоритъ: «пустыня—покой и отдохновеніе ума, наилучшая родительница и воспитательница, клеветъ и тишина мчсли, плодотворный корень божественнаго зрѣнія, истинная помощница духовнаго соединенія съ Богомъ» ⁵⁾. И когда онъ желаетъ поставить на видъ достойную жизнь Вассіана Косаго и Феодорита Кольскаго, то преимущественно рисуетъ ихъ аскетическіе подвиги ⁶⁾. Іоанну Грозному монашество представлялось «лучше царской державы» ⁷⁾. Питая подобное уваженіе къ аскетическимъ подвигамъ, князья и бояре посвящали свои труды описанію житій и похваламъ почитаемыхъ ими подвижниковъ ⁸⁾. Сынъ Іоанна Грознаго—царевичъ Іоаннъ, по семейному уваженію къ Антонію Сійскому, тщательно собиралъ рассказы и ма-

1) Ibid. 90—93, Минея Макарія.

2) Русская проповѣдь въ XV и XVI в. Журн. мин. нар. просв. 1868, февр. 377.

3) Шевиревъ, Истор. русск. литер. III, 45.

4) Разсуд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. истор. 1859, III, стр. 1.

5) Курбскій, 130.

6) Ibid. 5, 126—141.

7) Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирил. монаст. Актн историч. I, № 204.

8) См. въ Сборѣ духов. литер. Филарета. 00 —

теріалы о ёго жизни, на основаніи которыхъ составилъ его біографію и канонъ¹⁾. Наклонность въ монастырской жизни, преобладавшая въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, очевидно сложилась подъ влияніемъ княжести и близкихъ отношеній къ монастырю. Уже въ древнѣйшую эпоху²⁾ стало слагаться убѣжденіе, что живя въ мірѣ и имѣя жену и дѣтей нельзя спастись³⁾. Въ слѣдствіе этого многіе бросали свои семейства безъ пристанища и уходили въ монастырь⁴⁾. Если нельзя было сдѣлать этого явно—дѣлали тайно: мужа постригали въ монахи тайно отъ жены, а жены отъ мужей⁵⁾. Принятіе монашества считалось болѣе вѣрнымъ переходомъ изъ настоящей жизни въ будущую, а потому постриженіе передъ смертію сдѣлалось обычаемъ. Князья и княгини постоянно слѣдовали ему. Въ средѣ великихъ князей этотъ обычай сохранялся до конца XVI в. Василій Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный и Борис Годуновъ умерли монахами⁶⁾. Если не успѣвали совершить обрядъ за-живо, то совершали его уже надъ мертвыми⁷⁾. За противодѣйствіе обѣту угрожали наказаніемъ свыше⁸⁾. Жители Тотмы, въ XVI вѣвѣ, просили царя черезъ Феодосія Тотемскаго—позволить ему основать у нихъ монастырь, чтобы умирающіе имѣли возможность передъ смертію принять постриженіе⁹⁾. Въ связи съ этимъ настроеніемъ мысли находится другой обычай, состоявшій въ томъ, что многіе еще за-живо просили поминать ихъ, какъ умершихъ, и это такъ распространилось, что самой первой пришлось ратовать противъ подобнаго увлеченія¹⁰⁾. Въ эпохи общественныхъ бѣдствій склонность къ монастырской жизни еще болѣе усиливалась¹¹⁾. Это явленіе объясняется тогдашними возрѣ-

1) Ibid. 156.

2) См. выше, стр. 421, пр. 1.

3) Статя Соловьева въ Чтен. Моск. общ. истор. 1846, № 47.

4) Правосл. собесѣд. 1861, февраль, 173. Житія: Феодосія Тотемскаго, Никиты Переяславскаго, Арсенія Новгородскаго, Варлаама Шенкурскаго.

5) Опис. Румянц. музея, 273.

6) См. Указатель личныхъ именъ къ Истор. госуд. Россійск. Карамзина, изд. Строевымъ.

7) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 274. Карамзинъ, IX, 258.

8) Полн. собр. рус. лѣтоп. II, 94.

9) Житіе Феодосія Тотемскаго.

10) Опис. рукоп. Синод. библ. II, 508. Слово о непоминовеніи живыхъ въ Памятн. старин. Русск. литер. IV, 217.

11) Такъ было въ 1237 г. во время осады Владиміра татарами; въ

дѣями на нихъ и условіями жизни. На каждое дѣленіе или бѣдствіе, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, смотрѣли какъ на предзнаменованіе важныхъ событій или какъ на наказаніе свыше за грѣхи людей¹⁾; а многочисленность тогдашнихъ бѣдствій²⁾, всегда содѣнявшихся съ губительными послѣдствіями, при недостаткѣ рациональныхъ средствъ, естественно приводила къ мысли о неминуемой смерти, которую, какъ мы видѣли, старались предупредить общераспространеннымъ способомъ *очищенія*.

Въ дальнѣйшемъ развитіи это понятіе распространилось и на преступныя дѣйствія. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Послѣдній смоленскій князь Юрій Святославичъ (нач. XV в.) отличался жестокостью и потому былъ нелюбимъ народомъ. Потерявъ свое княжество, онъ нѣсколько не измѣнилъ своего нрава и даже сталъ извѣстенъ въ исторіи однимъ изъ тиранскихъ своихъ поступковъ. Василий I, князь московскій, далъ ему въ управленіе Торжокъ, гдѣ вмѣстѣ съ Юріемъ поселился другъ его, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей—Симеонъ вяземскій, супруга котораго Юліанія отличалась рѣдкою красотой. Юрій запалъ страстью къ ней, домогался ея любви, но встрѣтилъ съ ея стороны полное противодѣйствіе. Въ ярости за отказъ, онъ велѣлъ изрубить ее и бросить въ рѣку, а за тѣмъ убить и ея супруга,

1352 и 1426 гг. во время мора и язвы во Псковѣ; въ 1510 г. тамъ же послѣ паденія независимости города, и т. и. Полн. собр. рус. лѣт. III, 51, IV, 60, 287. Акты истор. I, № 30.

1) Этотъ взглядъ рельефно выраженъ въ поученіи Θεодосія Печерскаго «О казняхъ божіихъ». «Если какая-либо страна согрѣшаетъ, говоритъ онъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покалявшись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ черезъ пророка: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и плачѣ. Если-бы мы пребывали въ заповѣдяхъ божіихъ, то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра—жизнь вѣчную. Но мы постоянно возвращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи къ грѣхамъ, во всемъ прогнѣвая Бога.... По сему-то затворяетъ Богъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобы нашихъ: то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ все благое и пошлетъ намъ дождь ранній и поздній, и наполнятся гумна наши ишеницею (Іоан. II, 23—25). Въ Учен. записк. Ав. наукъ, II, вып. 2-й, и Истор. церкви, Макарія, II, 84, 85.

2) См. выше, стр. 160, 161.

Послѣ такого поступка онъ удалился въ Орду, скитаясь по южнымъ степямъ Россіи и наконецъ кончилъ свою жизнь въ одномъ изъ развѣстныхъ монастырей. Среди самыхъ буйныхъ оргій—Іоаннъ Грозный смѣрялъ свою плоть строгимъ монастырскимъ уставомъ Александровской слободы. Даже Стенька Разинъ думалъ современемъ заглядить свои проступки въ монастырѣ Соловецкомъ, куда посылалъ отъ себя приношенія.

Такое значеніе монастыря возвысило его до положенія древнихъ храмовъ, подъ покровительствомъ которыхъ находили защиту преслѣдуемые. Въ эпоху развитія Московскаго государства, опасавшіеся власти—уходили въ монастырь. Сюда относится цѣлый рядъ политическихъ постриженій. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ сильной степени преобладалъ боярскій элементъ¹⁾. Причину такого явленія подмѣтили и иностранные писатели, неограничивавшіеся одними польскими реляціями, но старавшіеся изучить бытъ страны. «Русскихъ, говоритъ Флегчеръ, влекла въ монастырь та безопасность, которую давало монастырское званіе сравнительно съ гнетомъ и поборами, какіе терпѣлъ народъ. Многіе надѣвали монашеское платье, какъ лучшее орудіе противъ подобныхъ ударовъ. Но кромѣ добровольныхъ монаховъ, были тамъ и такіе, которые принуждены были постричься; это были по большей части представители дворянскихъ фимилій. Другіе шли въ монастырь, какъ въ мѣсто убѣжища, и дѣлались монахами, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія и преслѣдованія законовъ, ибо, если кто успѣетъ уйти въ монастырь и пострижется прежде, чѣмъ будетъ взятъ назадъ оттуда, тотъ навсегда остается защищеннымъ отъ преслѣдованія законовъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, кромѣ оскорбленія величества»²⁾. Даже бѣглые рабы, принявшіе монашество, легко находили пріютъ въ монастырѣ и уже навсегда оставались обезпеченными отъ преслѣдованій своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, такое преслѣдованіе считалось преступленіемъ противъ религіи, какъ со стороны ея представителей, такъ и со стороны самихъ владѣльцевъ³⁾.

Вступившій въ монастырь, не смотря ни на происхожденіе, ни на побужденія, долженъ былъ подчиняться общей монастырской дисципли-

¹⁾ См. Житія Феодора Ростов. и Іосифа Волоколамскаго; посл. Іоанна Грознаго, Азты историч. I, № 204.

²⁾ Fletcher, II, 95, 96.

³⁾ Хрущовъ, Исслѣд. о сочинен. Іос. Волоц. 90—93. Истинны показаніе, Зиновія, глава I.

миръ, которая, будучи перенесена изъ Византіи въ эпоху полного развитія монастырской системы, явилась уже на первых порахъ въ формѣ вполне выработанныхъ нравственныхъ правилъ. Также точно и въ общественной средѣ, этотъ идеаль сталъ господствующимъ на всѣхъ ступеняхъ жизни.

Христіанство, перенесенное въ Россію изъ Византіи, на первых порахъ было поставлено здѣсь въ такія отношенія въ существовавшему порядку вещей, какъ и тамъ, въ первоначальную эпоху своего существованія. Рядомъ съ нимъ долго еще сохранялось язычество, и потому, какъ и тамъ, мы замѣчаемъ одинаковое явленіе: борьбу христіанства съ языческою религіею. Отсюда необходимо возникаетъ преслѣдованіе остатковъ послѣдней. Волшебство ¹⁾—важнѣйшая отрасль языческихъ вѣрованій, цѣлый цѣкъ примѣтъ ²⁾, выработанныхъ предвѣдущею жизнію, какъ охранительное средство противъ разрушительныхъ, но непонятныхъ для человѣка низкой культуры, силъ природы; наконецъ остатки языческаго культа, долго сохранявшіеся въ видѣ обряда, хотя и потерявшаго первоначальный смыслъ ³⁾, все это вызвало систематическое порицаніе со стороны представителей новой религіи. Эти явленія обыкновенно относились къ по-

¹⁾ Сюда относится вѣра въ волшебниковъ и волшебницъ и разныя волшебныя средства: узлы, заговоры, зелье, волшебство на ячменѣ, мучныхъ шарикахъ и т. п. Эта вѣра была такъ сильна, что многіе объясняли голодъ и плодородіе дѣйствіемъ волшебства. Шевыревъ, III, 40, Акты вѣспед. I, № 369. Сочин. Макс. Грека, II, Слово VII.

²⁾ Именно: вѣра въ чохъ, встрѣчу; гаданія по полету и голосу птицъ; по движенію и голосу животныхъ, по снамъ и т. п. О гаданіяхъ божіихъ Θεодосія въ Учен. запис. Акад. наукъ II отдѣл., кн. II, выпускъ 2-й, 195. Сочин. Кирилла митр. Чтеніе Моск. обществ. истор. 1847, № 8. Прав. соб. 1859, апрѣль, 474, 1861, мартъ, 339, 342. Архивъ истор. юрид. свѣд., Калачова, II, полов. 1-я, стр. XXXVII. Сочин. Макс. Гр. II, сл. VII. Почти каждый родъ примѣтъ имѣлъ особыя книги, посвященныя объясненію ихъ смысла или служившія для гаданія: таковы «птичьи», «лутиньи», «сонники», «громники» и т. п. Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 184, 185. Отречен. книги, Тихонравова, I, с. VIII, IX, томъ II, 36—379. Стоглавъ, 189.

³⁾ Въ древнихъ обличеніяхъ мы знакомимся съ этими остатками древняго язычества, изъ которыхъ видно, что въ то время, какъ славянскій мѣръ постепенно разлагался, принимая на себя христіанскую форму (Перунъ и Хорсъ называются иногда ангелами, а Георгію храброму, Иліѣ, св. Власію, Іоанну предтечѣ усвоятся черты языческихъ боговъ. См. О борьбѣ христіанств. съ язычест. въ Россіи, Прав. собес. 1865, августъ, 258), языческіе обряды и праздники совершались по-

бужденіямъ дьявола и считались «сатанинскимъ дѣломъ», а потому какъ исполнители волшебныхъ обрядовъ, такъ и ихъ послѣдователи подвергались строгимъ наказаніямъ, церковному отлученію и отдавались въ полное распоряженіе гражданской власти ¹⁾. Иногда, въ слѣдствіе такихъ преслѣдованій происходили печальные случаи сожженія волшебниковъ ²⁾.

Но система запрещеній не остановилась на однихъ формахъ язычества. Какъ въ Византіи въ составъ ихъ вошло все, что имѣло тѣсную связь съ языческимъ міромъ (ристаллица, цирки, театры); такъ и въ Россіи, въ слѣдствіе преобладанія оргическаго характера въ древнихъ языческихъ праздникахъ, они подвергались запрещенію даже и тогда, когда утратили свое первоначальное значеніе и сохранились только въ видѣ народныхъ праздниковъ и воспоминаній, уже соединенныхъ съ христіанскими торжествами. Но въ Византіи при всемъ томъ продолжали существовать наметники древней образованности, которые не могли остатся безъ вліянія на общественную жизнь, и такъ или иначе содѣйствовали смягченію этого строгаго отношенія къ формамъ древняго быта. Славянское язычество не заключало въ себѣ такого образовательнаго элемента и продолжало проявлять себя только въ остаткахъ языческаго культа. Поэтому все, что входило въ составъ послѣдняго или напоминало его по своему характеру, должно было раздѣлять одинаковую съ нимъ участь. Необузданный характеръ языческихъ мистерій ³⁾, въ глазахъ аскетическаго обличителя, бросалъ тѣнь и на мѣсто

всемѣство, не только по селамъ, но и въ городахъ (Купало, Колада, русальная недѣля), а другіе были примѣнены къ христіанскимъ праздникамъ (въ грошскую субботу собирались на могилкахъ; въ великій четвергъ жгли солому, въ первый понедѣльникъ Петрова поста посѣщали роши. Посланіе игумена Панфила къ псковск. мѣстн. Полн. собр. русск. лѣт. IV, 279; Стоглав., гл. 41, 92, 93). Въ отдаленныхъ мѣстахъ и по землямъ продолжали собираться съ религіозною цѣлью у рѣкъ, озеръ и рошъ, поклажались огню, молились у овиновъ. Долѣе другихъ удерживались семейные обряды. Такъ, сохранялся обычай, послѣ совершенія христіанскаго брака, вѣнчаться вокругъ кустовъ и деревьевъ, праздновать роды и роженіи, почитаніе домовыхъ и т. п. О борьбѣ христ. съ язычест. въ Россіи, Правосл. соборѣд. 1865, августъ.

¹⁾ Макарій, Истор. церкви, II, 346; Правос. соборѣд. 1859, апрѣль, 476. Акты экспед. I, №369; Соч. Макс. Грека, II, сл. VII и 369.

²⁾ Полн. собр. руск. лѣт. III, 42; V, 22; Слово Серапіона, Шавыревъ, III, 40.

³⁾ Въ славянскихъ обрядахъ въ честь Ярила (см. у Терещенки въ

опасныя, но подходящія явленія. При господствѣ монастырской образованности, такое понятіе могло получить слишкомъ широкое примѣненіе; такъ какъ трудно было провести раздѣлительную границу между побужденіями, вытекавшими изъ одного и того же источника.

Древніе обличители, въ своихъ поученіяхъ и посланіяхъ, одинаково ратовали, какъ противъ уклоненій отъ нравственнаго закона, суевѣрій и предразсудковъ, такъ и противъ излишняго проявленія веселаго настроенія духа. Ихъ запрещенію подвергались музыкальные инструменты (гусли, сопѣли, бубны, домры и т. п.), игры и увеселенія (игра въ верны, шахматы, качели, охота, вонскія ристанія, птицы, собаки, медвѣди и т. п.), пѣсни, и особенно пляски; но самымъ губительнымъ грѣхомъ почиталась женская пляска, какъ наиболее соблазнительная ¹⁾. Подобно тому, какъ языческіе боги отошли въ область ада, такъ и языческія черты быта были приписаны тому же злему началу. Часто случалось, что народъ предпочиталъ вмѣсто церкви посѣщать общественныя увеселенія ²⁾; поэтому для болѣе вѣрнаго обезпеченія своихъ наставленій, обличители обыкновенно запрещали не только участіе въ весельяхъ собраніяхъ, но даже присутствіе на нихъ въ качествѣ зрителей и до-

опис. Ярила) нѣкоторые видятъ слѣды поклоненія *фаллосу*. Въ привавленіи къ слову «христороубца» (Лѣтоп. русск. литер. IV) находится слѣдующее мѣсто: «когда случится у кого изъ нихъ бракъ, то совершаютъ его съ бубнами, сопѣлами и многими чудесами бѣсовскими. Иногда же и хуже бываетъ: сдѣлавши мужскую срамоту, вкладываютъ въ ведра и чащи и пьютъ, или выдутъ облизываютъ и цѣлуютъ». О борьбѣ языч. съ христіанет. Прав. собес. 1865, августъ, 242. Празднованіе Купала, Кольды и другихъ языческихъ обрядовъ еще въ XVI в. сохраняло черты экзальтированной страсти, охватывавшей все собраніе, подъ вліяніемъ возбуждающихъ тѣлодвиженій, и которая обыкновенно завершалась общимъ половымъ удовлетвореніемъ (мужей, женъ, отроковъ и дѣвицъ) Такому настроенію значительно содѣйствовала таинственность ночи, при которой совершались эти мистеріи. Ibid. 273—276.

¹⁾ Сочин. Феодосія, Учен. запис. Акад. наукъ, II, отд. II, вып. 2-й, 195. Слово Кирилла II, Чтен. Моск. общест. ист. 1847, № VIII. Прав. соб. 1858, январь. Посланіе Панфила, Чтен. Моск. общ. 1846, № IV, 59. Дополн. къ акт. истор. I, № 22. Домострой, 13, 38, 42. Костомаровъ, Очеркъ нрав. Великорус. народа, 141—143. Сочин. Макс. Гр. III, 177.

²⁾ Учен. запис. Ав. наукъ, *ibid.* 195. Опис. Румянъ муз. 688. О борьбѣ языч. съ христ. въ Рос., Правосл. соб. 1865, августъ, 134. Очеркъ Буслаева, II, 59.

малѣнкія бесѣды, выходившія изъ круга религіозной жизни ¹⁾). На сколько въ этомъ отношеніи русскіе моралисты стояли подѣ вліаніемъ византійскихъ образцовъ, видно изъ того, что, вмѣстѣ съ появленіемъ византійскихъ наставленій, названіе «еллинскій» въ скоромъ времени стало означать и русскую языческую мифологію (Родъ—Артемидъ; Рожаница—Артемида; Рожаницы—еллинскіе кумиры; Перунъ—еллинскій старецъ; между славянскими богами встрѣчается Аполлонъ), и славянскіе языческіе праздники, и языческую нравственность. Эпитеты: «еллинская мудрость» и «еллинская прелесть»—стали придаваться такому настроенію челоуѣка, которое наиболѣе удалялось отъ христіанскаго идеала ²⁾).

Въ дѣйствительной жизни указанная требованія нерѣдко находили, обширное примѣненіе. По смерти Дмитрія Самозванца первыми жертвами народнаго преслѣдованія были музыканты и пѣсенники, которые своимъ искусствомъ нарушали обычное теченіе дворцовой жизни: всѣ они, челоуѣкъ до 100, были побиты въ Кремль ³⁾). Правительство, по тѣмъ же побужденіямъ, приказывало воеводамъ истреблять инструменты и маски скомороховъ и подвергать наказанію тѣхъ, кто принималъ у себя пѣсенниковъ. Однажды, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ Москвѣ было сожжено пять возовъ музыкальныхъ инструментовъ, взятыхъ не только у скомороховъ, но и въ частныхъ домахъ ⁴⁾). Когда въ Москвѣ открылся театръ, то Алексѣй Михайловичъ рѣшился посѣтить его не иначе, какъ съ разрѣшенія духовника, которое было дано ему только на основаніи примѣровъ византійскихъ императоровъ ⁵⁾).

Въ противоположность языческой необузданности, жизнь приняла строгій и сосредоточенный характеръ. Въ средѣ, старавшейся усвоить образцы, господствовавшіе въ современной жизни, этотъ характеръ сообщался уже съ раннихъ лѣтъ. По этой теоріи, главнымъ педагогическимъ правиломъ было *воздержаніе*. Въ нѣкоторыхъ семействахъ старались отучить дѣтей на первыхъ же порахъ даже отъ употребленія молока ⁶⁾);

¹⁾ Костомаровъ, Очеркъ нрав. Великорусск. народа, 141—143.

²⁾ Лѣтоп. Русск. литер. IV, слово V, VII, Архив. истор. юрид. свѣдѣній, Калачова, II, полов. 1-я, о Рожаницахъ, Акты экзед. III, № 264.

³⁾ Беръ, Московская лѣтопись, 65.

⁴⁾ Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорусск. народа, 141.

⁵⁾ Оларій.

⁶⁾ Житіе Сергія Радонежскаго,

но, достигнувъ двухъ лѣтъ, всё они уже строго соблюдали посты ¹⁾. Мясная пища допускалась только по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ; а въ понедѣльникъ, среду, пятницу и во время постовъ употребляли все постное и рыбу. Въ большіе посты, какъ великій и усенскій, эти требованія были еще строже: тогда можно было употреблять только капусту, грибы, ягоды и вообще зелень. Но и въ этомъ было положено строгое ограниченіе: во вторникъ, четвергъ, субботу и воскресенье пищу употребляли одинъ разъ въ день, а въ среду, пятницу и понедѣльникъ ничего не ѣли, или довольствовались кускомъ хлѣба съ водой. Этотъ обычай былъ общимъ отъ царя до крестьянина. Иностранцы послы за столомъ царскимъ должны были подчиняться тѣмъ же условіямъ ²⁾. По мнѣнію строгихъ блюстителей, постъ мірянъ ничѣмъ не долженъ былъ отличаться отъ поста монаховъ ³⁾. Нѣкоторые, съ теченіемъ времени, увеличивали строгость въ себѣ въ пищу до того, что никогда не рѣшались вкушать мяса, не смотря ни на старость лѣтъ, ни на изнуреніе тѣла ⁴⁾. Нарушители общепринятыхъ постовъ подвергались наказаніямъ и отлученію отъ церкви ⁵⁾. Но воздержаніе не ограничивалось одною пищею; оно распространялось и на семейную жизнь. Въ тогдашнихъ наставленіяхъ предписывалось по воскресеніямъ, средамъ, пятницамъ, праздникамъ и въ великій постъ сохранять тѣлесную

¹⁾ Коллинсъ, 5,

²⁾ Котошихинъ, 65, 66; Герберштейнъ, 66. Коллинсъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ говоритъ: «Вромѣ постовъ, онъ ничего не ѣстъ мяснаго по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости поста. Можно считать, что онъ постился восемь мѣсяцевъ въ годъ». Стр. 37. Русскіе послы строго соблюдали постъ и при иностранныхъ дворахъ. (Соловьевъ, VI, 397). Аванасій Никитинъ, торговавшій на Каспійскомъ морѣ, случайно попалъ въ Индію, гдѣ долженъ былъ пробыть четыре года. Описывая свое путешествіе и бытъ страны, онъ постоянно высказываетъ скорбь о трудности вынелити религиозныя обряды вдали отъ своего отечества. «О благочѣрные христіане! говоритъ онъ, кто по многимъ землямъ долго плаваетъ, во многіе грѣхи впадаетъ и лишается своей вѣры. Жаль мнѣ стало ея: уже четыре великихъ поста прошло, четыре пасхи, а я не знаю, что такое великій день, или постъ, или рождество; не знаю и другихъ праздниковъ, ни среды, ни пятницы, а книгъ у меня нѣтъ». Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, прибавленія.

³⁾ Правосл. собесѣд. 1861, мартъ: Два древнихъ слова.

⁴⁾ Герберштейнъ, 120.

⁵⁾ Котошихинъ, 66.

чистоту ¹⁾. Дѣвство предпочиталось супружеству и обыкновенно приравнивалось къ состоянію ангеловъ ²⁾.

Въ эпоху распаденія семьи древняго міра взглядъ на женщину не могъ улучшиться. Правдивое, но злое выраженіе Катона о римлянкахъ: «всѣ люди управляютъ женами, мы всѣми, а нами—жены»—было хорошо извѣстно византійскимъ компиляторамъ ³⁾, тщательно собиравшимъ въ одно цѣлое все, что соотвѣтствовало ихъ взгляду. Жизнь придворныхъ женщинъ Византіи вызывала только обличенія. Монастыри, сдѣлавшіяся на долго представителями новой образованности, по своему назначенію, не могли отнестись къ этому вопросу иначе, какъ отрицательно. Составители монастырскихъ уставовъ наиболѣе предостерегали своихъ учениковъ отъ женщинъ, а многіе изъ нихъ запрещали послѣднимъ даже входъ въ монастыри. Въ византійскихъ сборникахъ, вполнѣ характеризующихъ ту эпоху, собранъ богатый матеріалъ для оцѣнки этого вопроса. Образцомъ ихъ обыкновенно считаютъ «Пчелу». Она имѣла въ Греціи нѣсколько редакцій, которыя образовались уже въ слѣдствіе переработки вѣдомыми компиляторами, измѣнявшими составъ ея по собственному взгляду и пронаволу; но въ первоначальномъ видѣ она представляетъ сборники двухъ византійскихъ писателей: Максима и Антонія. Такую же участь потерпѣла «Пчела» и въ Россіи; но при всемъ томъ сохраняетъ для насъ значеніе источника, имѣваго большое вліяніе на развитіе понятій. Главы о женщинахъ, подобно остальнымъ, представляютъ извлеченіе изъ священныхъ книгъ и классическихъ писателей въ видѣ отдѣльныхъ изреченій, разищенныхъ по опредѣленнымъ вопросамъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что сами составители иногда даютъ этимъ изреченіямъ совершенно другой смыслъ, нежели какой они имѣютъ въ цѣломъ изложеніи основнаго источника. Очевидно, что такой выборъ дѣлался съ предвзятою идеею ⁴⁾.

¹⁾ Слово какъ жить христіанамъ, Прав. соб. 1859, I, 146. Домострой, 107. Въ одномъ наставленіи прибавлено: «Если же кто согрѣшитъ съ женою въ пятницу, субботу и воскресенье и родится у него дитя, то будетъ воръ, разбойникъ или блудникъ». Прав. соб. 1861, мартъ, 343.

²⁾ Правосл. соб. 1859, I, 137.

³⁾ Пчела, стр. XXXVI.

⁴⁾ Напримѣръ въ отрицательномъ смыслѣ передается мѣсто изъ бесѣды Иисуса Христа съ самаряновою: «и пришли ученики его и удивились, что онъ говорить съ женщиною». XXXI.

Содержаніе «Пчелы» не представляет стройнаго дѣла; это сводъ отдѣльныхъ изреченій, не связанныхъ даже необходимыми вставками собирателя. Для характеристики взгляда на женщину мы приведемъ нѣсколько изъ нихъ, не стараясь при этомъ собственною системою ни усиливать, ни смягчать впечатлѣнія.

Имѣющій злую жену уже принялъ наказаніе за свои беззаконія. (Іоаннъ Златоустъ).

Нехорошо взять бѣдную жену; не хорошо и богатую: первая вредитъ мужу въ имѣніи, а послѣдняя въ свободѣ (ibid.).

Быть въ подчиненіи жены—самый худшій укорь. (Демокритъ).

Упасть въ огонь и подчиниться женѣ—одно и тоже. (Пифагоръ).

Однажды спросили Секунда, что такое жена? Онъ отвѣчалъ: Мужу—погруженіе; хранинѣ—буря; безпечалію—препона; житію—плѣнь; повседневная нищета; самовольный сваръ; многоцѣнная брань; присутствующая печаль; сплетенная львица; украшенная псица; животное лукавое.

Не отдавай души своей женщинѣ; не встрѣчайся съ блудницею; не подходи къ поющей; на дѣвицу не смотри; съ замужнею не сиди; потому что женская красота соблазняетъ многихъ. (Сирахъ).

Вино и женщины соблазняютъ разумныхъ. (ibid.).

Лучше злора мужская, нежели благотворная женщина. (ibid.).

Легче сварить желѣзо, нежели научить злую жену. (Іоаннъ Златоустъ).

Нѣтъ въ мірѣ звѣря строптивѣй злой жены. (ibid.).

Нѣкто спросилъ философа Аристиппа—полезно ли ему взять себѣ жену? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ: если возьмешь красивую—будетъ общою, а некрасивую не стоитъ. (Аристиппъ).

Жена, гордящаяся красотой, представляет душевное безобразіе (ibid.).

Однажды спросили Демокрита, почему онъ, будучи большаго роста, выдѣлъ себѣ небольшую жену; онъ отвѣчалъ: потому что я старался избрать меньшее зло.

Когда жена заявляетъ, что любить тебя, то остерегайся ея болѣе, нежели когда она говорить дурное. (Сократъ).

Протагоръ, будучи спрошенъ—зачѣмъ онъ отдалъ свою дочь врагу? отвѣчалъ: »потому что не имѣлъ ничего худшаго«.

Филоксена спросилъ: почему Софокль вездѣ приводитъ добрыхъ жепщинъ, а онъ злыхъ? Онъ отвѣчалъ: »Софокль показывасть, какія должны быть женщины, а я—какія онѣ въ дѣйствительности«.

Лучше жить съ львами и змѣями въ пустынѣ, нежели съ женою лукавою и многорѣчивою. (Соломонъ).

Нѣтъ болѣе зла, какъ коварная и злая жена. Когда бьютъ—бѣжится; Бога не боится; закона не слушаетъ; стариковъ не стыдится; но всѣмъ досаждаеть; всѣхъ укоряеть; всѣхъ хулитъ ¹⁾.

Приводить еще подобныя изреченія было бы напрасно, такъ какъ всѣ они въ одинаковомъ родѣ. По временамъ встрѣчаются легкія замѣтки въ пользу женщины (добрая жена—жизнь для дома и спасеніе для мужа; добрая жена въ домѣ, какъ глаза въ тѣлѣ); но онѣ весьма незначительны и вставлены какъ бы нечаянно. Въ общемъ же составѣ эта глава о женщинахъ сохраняетъ вполне выдержанный обличительный тонъ. Оно и должно быть такъ, если принять за основное положеніе собирателя, его признаніе, что »у женщинъ рѣдко можно найти истину« ²⁾. Но »Пчела« представляетъ только одно изъ выдающихся явленій византійской образованности.

Этотъ сборникъ имѣлъ большое вліяніе на понятія русскихъ. Хотя

¹⁾ Пчела, Временникъ, № XXV.

²⁾ Ibid. стр. XLII.

появленіе его въ Россіи, на основаніи сохранившагося списка, отно- сать къ XIV вѣку¹⁾; но большія выписки изъ него встрѣчаются еще въ XII вѣѣ. Въ словѣ Данила Заточника замѣчанія о князѣ, придвор- ныхъ слугахъ и нѣкоторыя поговорки заимствованы оттуда. Ему же приписываютъ «Слово о женахъ», помѣщенное въ сборникѣ Троицкой лавры и которое также основано на «Пчелѣ»²⁾. А въ древнѣйшихъ поученіяхъ мы встрѣчаемъ и прямыя ссылки на нее³⁾. Особеннымъ уваженіемъ пользовались изреченія Пчелы, направленные противъ жен- щинъ, и потому мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ литературныхъ па- мятникахъ послѣдующихъ вѣковъ⁴⁾.

Подобно византійскимъ образцамъ и въ русской письменности сталъ слагаться отрицательный взглядъ на женщину. «Нѣтъ злобы хуже змѣиной, кромѣ злобы женщины», замѣчаетъ одно сочиненіе, направ- ленное специально противъ нея⁵⁾. Женская красота рассматривалась преимущественно, какъ соблазнъ, которымъ руководить виновницъ па- денія первой женщины—дѣволъ⁶⁾. Отсюда постоянныя предостереже- нія противъ женщинъ. Одинъ моралистъ даетъ таковой совѣтъ: «Остере- гайтесь смотрѣть на женскія лица, потому что они и святыхъ соблаз- няли; не бесѣдуй съ замужними, потому что не всѣ жены имѣютъ до- брое нравъ. Это я говорю, прибавляетъ онъ, нисколько нехуля жен- щинъ, но чтобы вы остерегались сѣти дѣвола»⁷⁾. Если женщина была соблазномъ и помѣхою для мужчины, то естественно было удалить ее отъ общества. Конечно, въ простомъ быту этотъ принципъ, въ слѣд- ствіе условій сарой жизни, не могъ найти полного примѣненія; но въ высшей сферѣ большая замкнутость считалась и признакомъ большаго достоинства⁸⁾.

1) Ibid. Предисловіе.

2) Москвитянинъ, 1843, № IX, 150—153. Извѣстія Акад. наукъ по II отдѣл. томъ II.

3) Правосл. собесѣд. 1858, январь, 153.

4) Сравни: Пчела, Временникъ, № XXV, стр. XLIII, XLIV, XLV и Костомаровъ, Очеркъ нрав. Великорус. народа, 103, 110. Слово о алыхъ женахъ (изъ сбор. Волокол. монаст.), въ Лѣтопис. литер. Тихо- правова, V.

5) Тихонравовъ, *ibid.*

6) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 103.

7) Правосл. собесѣд. 1859, январь. Какъ жить христіан. 143.

8) Домострой, Олсарій, гл. VII.

Такая строгость взгляда на женщину пронизала даже въ отноше-
 шенія, которыя, по своей цѣли, должны были быть чужды ей. Цер-
 ковные писатели отмѣчаютъ слѣдующіе факты. По правиламъ того вре-
 мени, священникамъ, не пришедшимъ «въ цѣломудренную старость»,
 запрещалось принимать къ себѣ на исповѣдь лицъ женскаго пола, чтобы
 они «не соблазнялись помышленіемъ, ибо діаволъ посредствомъ женщинъ
 ведетъ брань съ людьми». Священникъ, говорится въ одномъ памятникѣ,
 пришедшій въ старости и идѣющій жену, можетъ исповѣдывать женщинъ;
 юный же отнюдь не долженъ принимать ихъ; но если случилась-бы
 настоятельная нужда исповѣдывать ему женщину, то она должна стоять
 съ покрытою головою и не открывать своего лица; притомъ женщи-
 намъ повелѣвалось исповѣдываться на шапертѣ, а двери наружныя имѣть
 отпертыми— «соблазна ради»¹⁾.

Замкнутая жизнь не благопріятствовала развитію женскаго тѣла.
 Только перѣзда, въ средѣ, гдѣ общественная жизнь была болѣе раз-
 вита (въ Новгородѣ—Марса посадница, Анастасія) или въ позднѣйшую
 эпоху, подъ вліяніемъ новыхъ условій (царевна Софія), она является
 на политическомъ поприщѣ. Женщина могла стать известною другимъ
 путемъ—своими аскетическими подвигами. «Только ореоломъ святости
 женщина могла примирить съ собою робкую фантазію древняго рус-
 скаго грамотника», говоритъ Буславъ. Авторъ біографіи Юліаніи Ла-
 заревской сомнѣвается—возможно-ли описаніе жизни той, которая не
 могла оставить этотъ міръ и промѣнить его на монастырь; но она
 бы успокаивается тѣмъ, что она связана была семейными обязанно-
 стями и при всемъ томъ, со всюю строгостью, выполняла требованія мо-
 настырскаго устава²⁾. Но и этотъ путь не былъ широкъ. Намъ неизвѣ-
 дователи женскаго вопроса въ древней Россіи замѣчаютъ рѣзкій кон-

1) Русская проповѣдь въ XV и XVI в. Журн. мин. народ. просвѣщ. 1868, февр. 346.

2) Буславъ, Очеркъ, II. Юліанія Лазаревская. Въ ней мало любви
 къ міру, но много аскетическихъ достоинствъ. Имѣя на своихъ ру-
 кахъ семью, по причинѣ постоянной отлученности на службѣ, она все-
 таки настаиваетъ—отпустить ее въ монастырь, даже угрожаетъ бѣгст-
 вомъ, и только доводы изъ священнаго писанія убѣдили ее оставить
 эту мысль. Она осталась дома; но съ условіемъ не имѣть супружеской
 связи и жить по монастырскому обычаю. Замѣчательно, что она не
 умѣла грамотѣ, но только слушала книги.

трасть между почитаніемъ мужчины и женщины. Въ тогдашнихъ сборникахъ и библиотекахъ поражаетъ малочисленность житій, посвященныхъ женщинамъ (въ Минехъ Макарія — 2; въ описаніяхъ библиотекъ 2, 3 списка одного и того же житія). Это объясняется отчасти малограмотностью самихъ женщинъ (въ легендѣ о Евфросиніи Суздальской она представляется довольно книжною, а всѣ остальные монахини и вгуменья—безграмотными); отчасти пренебреженіемъ со стороны тогдашнихъ книжниковъ женскимъ типомъ. Женскія житія далеко не отличаются такимъ обиліемъ чудесъ, какъ мужскія, и явились гораздо позже. Житія—княгини Ольги (X вѣка) и Евфросиніи Полюцкой (XII вѣка) появились только въ XV вѣкѣ; житіе Евфросиніи Суздальской (ум. XIII в.)—въ XVI в. Повсемѣстнаго почитанія удостоились только шесть женщинъ и всѣ онѣ княжескаго рода; слѣдовательно болѣе или менше имѣвшія право на извѣстность. Сверхъ того въ нѣкоторыхъ городахъ были свои, мѣстно чтимыя жены, но и изъ нихъ почти всѣ княжескаго рода; а исключенія такъ ничтожны, что кажутся чистою случайностью (Буслаевъ). Замѣчательно, что составитель житія Евфросиніи Суздальской не обнаруживалъ его, а издатель, дѣлая его общеизвѣстнымъ, оговаривается, что не онъ составлялъ его. Житія боярынь появляются уже въ XVII вѣкѣ. И въ этомъ случаѣ составитель считалъ необходимымъ оправдать свой трудъ (Осорбинъ въ житіи Юл. Лазаревской) благовидною цѣлью. Открытое почитаніе женщины иногда встрѣчало несочувствіе. Это одинаково примѣнимо и къ южной, и къ сѣверной Россіи. Хотя Петръ Могила открылъ мощи Юліаніи Ольшанской, но игумень Феодосій Сафоновичъ не хотѣлъ поклониться ей до тѣхъ поръ, пока она не являлась ему во снѣ и не обличила его въ непочитаніи. Въ Москвѣ патриархъ Іоакимъ не признавалъ мощей и житія Анны Кашинской ¹⁾.

Въ супружеской жизни отдавали предпочтеніе сыновьямъ, а тѣхъ женъ, которыя постоянно рождали дочерей, жестоко преслѣдовали не только мужья, но и постороннія женщины ²⁾. Но такъ какъ женщина не могла имѣть непосредственнаго вліянія на общество, то она искала его въ тѣхъ сверхъестественныхъ силахъ, которыя играли тогда огромную

¹⁾ Буслаевъ, Очерки, II, Идеальные женскіе характеры древней Руси. Некрасовъ, Женскій литературный типъ древней Руси, въ Филологич. Запискахъ, 1864, III ²⁾. Ibid.

роль въ понятіяхъ послѣдшаго. Общество, игнорировавшее женщину въ ея нормальномъ положеніи, боялось ея въ качествѣ волшебницы, вѣдуньи и чародѣйки¹⁾. Оттого и въ расколѣ, гдѣ въ значительной степени сохранились суевѣрныя понятія старины, женщина нерѣдко достигаетъ господствующаго значенія и является тамъ въ качествѣ учительницы и основательницы толка.

Такимъ образомъ женщина была изолирована въ обществѣ. Идеальнымъ качествомъ ея сдѣлалось возможно-полное удаленіе отъ свѣта и людей. Она не могла имѣть мѣста въ открытомъ домашнемъ кружкѣ; внѣ дома ея скрывали отъ глазъ въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ коломагахъ. «Вообще, замѣчаетъ Оларій, ихъ весьма рѣдко выпускаютъ изъ дому, въ слѣдствіе чего онѣ даже рѣдко ходятъ въ церковь»²⁾. Но въ высшемъ кругѣ это затрудненіе устранялось существованіемъ домашнихъ церквей. Чѣмъ выше была фамилія по своему положенію въ обществѣ, тѣмъ строже соблюдались эти правила; такъ что царевнамъ доставалась самая непривлекательная участь. Заключенныя въ своихъ теремахъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти замужъ (по недостатку равной партіи, а съ иностранными принцами мѣшало разновѣріе), онѣ, по словамъ Котошихина, день и ночь пребывали въ молитвѣ и лица свои умывали слезами³⁾. Такое отчужденіе женщины не могло остаться безъ вліянія на весь строй общественной жизни: оно внесло раздвоеніе въ домашній бытъ и значительно способствовало огрубѣнію нравовъ. Въ Москвѣ, замѣчаетъ Мейербергъ, никто не увидится, чтобы преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею свѣчки⁴⁾.

Домашняя жизнь располагалась по монастырскому порядку. По правиламъ Домостроя, каждый вечеръ мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами долженъ былъ пѣть вечерню, повечерницу и полунощницу, а въ полночь встать тайкомъ и помолиться сколько можно. Утромъ, вставъ, слѣдовало отпѣть заутреню и часы, а по праздникамъ еще молебенъ съ кажденіемъ. Отецъ семейства не долженъ былъ упускать

1) Стоглавъ, Акты историч. IV, № 35.

2) Оларій, гл. VII. Посѣщая церкви, женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ. Костомаровъ, 206.

3) Котошихинъ, 12.

4) Mayerberg, Voyage en Moscovie. Paris, 1858.

ежедневной службамъ вечерни, заутрени и обѣдни ¹⁾. Наконецъ, на всякомъ мѣстѣ—въ церкви, дома, на рынкѣ, ходя, стоя и сяди, слѣдовало постоянно имѣть въ устахъ молитву Іисуса и четки держать въ рукахъ. Общественныя и домашнія бѣдствія разсматривались какъ испытанія или наказаніе свыше за грѣхи людей; а потому въ этихъ случаяхъ слѣдовало усиливать свои религіозныя обязанности. «Если Богъ пошлетъ на кого-нибудь болѣзнь или скорбь, говорить авторъ Домостроя, то приближай къ врачеванію себя милосердіемъ, слезами, молитвою, постомъ, бѣднотомъ, милостынею и покаяніемъ. Тогда слѣдуетъ просить о молитвѣ духовныхъ отцовъ и монаховъ; пѣть молебны, святить воду на мощахъ и чудотворныхъ образахъ; освящаться масломъ; строго выполнять званіямъ» ²⁾. Но для полнаго удовлетворенія религіознаго чувства необходимо посѣщать пустыни, монастыри, церкви, больницы, тюрьмы, и всегда соединять съ этимъ приношенія и пожертвованія ³⁾. Вотъ образъ жизни царя Федора Іоанновича. Обыкновенно онъ вставалъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется—приходить къ нему духовный отецъ съ крестомъ, въ которому царь прикладывается. За тѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго

¹⁾ Времячисленіе было расположено по церковнымъ службамъ. Сутки дѣлились на дневныя и ночныя часы по ровну (по 12). Седьмой часъ утра былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Богослуженіе начиналось заутреней и оканчивалось вечерней. Богослуженныя часы: первый, третій, шестой и девятый означали дневныя часы. Этотъ счетъ получилъ начало на Востокѣ и перешелъ въ Россію изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 93.

²⁾ Постъ былъ средствомъ умиловленія въ общественныхъ и домашнихъ бѣдствіяхъ. Въ эпоху смутнаго времени наложили постъ на недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду не ѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу—сухомятніе (Акты экспед. II, 247). Въ 1650 г., по поводу саранчи, наводненій, пожаровъ, скотскаго падежа—въ рождественскій постъ было положено соблюдать его строже обыкновеннаго и ежедневно ходить къ церковнымъ службамъ. (Собр. госуд. грам. III, 459). Иногда постъ налагался въ предупрежденіе бѣдствій; такъ въ 1668 г., по случаю слуха о землетрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Терекѣ наложили строгій постъ. Если въ какой-нибудь области или общинѣ происходило несчастіе (падежъ скота, неурожай, болѣзнь), то постъ налагался на всѣхъ жителей ихъ. Отсюда ведутъ начало общныя пятницы. Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа, 210.

³⁾ Домострой, 16—19, 37, 39. 105.

въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа; тогда входитъ опять священникъ съ святою водою, кропитъ ею ниemi и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо-ли она почивала? и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь идетъ въ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы—обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ, и возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и кары мужскаго и женскаго пола, которые кувиркаются и поютъ пѣсни: это самая любимая его забава; другая забава—бой людей съ медвѣдами. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей ¹⁾. Это былъ постникъ и молчаливикъ, по выраженію Карамзина, рожденный болѣе для келии и пещеры, нежели для власти державной. ²⁾ Объ Алексѣ Михайловичѣ Кольинскъ говоритъ: «Царь исповѣдуетъ греческую вѣру и очень строго исполняетъ обряды. Во время богослуженія онъ всегда бываетъ въ церкви, когда здоровъ, а когда боленъ служеніе происходитъ въ его комнатѣ; въ постъ онъ носѣщаетъ всенощныя, стоитъ по пяти или шести часовъ сряду, владеть иногда по 1000 земныхъ вѣселовъ, а въ большіе праздники по полуторы тысячи» ³⁾.

Въ домахъ зажиточныхъ бояръ, для отправленія домашней молитвы, посвящалась особая комната, которая называлась *крестовою* и вся была убрана иконами; но и для остальныхъ комнатъ лучшимъ украшеніемъ служили образа ⁴⁾. Крестовая комната во дворцѣ: была устроена на подобіе церкви. Одна стѣна ея сплошь была занята иконоostasомъ въ нѣсколько ярусовъ. Всѣ болѣе или менѣе важныя событія и случаи жизни сопровождались благословеніемъ разныхъ иконъ, которыя вносились въ хранилище домашней молебни. Онѣ украшались золотомъ,

¹⁾ Соловьевъ, VII, 258.

²⁾ Карамзинъ, X, стр. 5.

³⁾ Кольинскъ, 37.

⁴⁾ Костомаровъ, Очеркъ нравовъ, 50 и дал.

серебромъ и дорогими вещами—каменьями, крестами, серьгами, перстнями, золотыми монетами. Ихъ завѣшивали шелковыми ризами, питыми золотомъ и низанными жемчугомъ. Вдоль другихъ стѣнъ также тянулись ряды иконъ или надписей на доскахъ, оправленныхъ въ волооченныя рамки. Передъ иконами теплились неугасаемыя лампы, а во время молитвы и службы—горѣли восковыя свѣчи. Въ 1682 г. на страстную недѣлю и свѣтлый праздникъ велѣно было приготовить до 450 свѣчъ, а въ 1685 въ празднику донской Богородицы болѣе 350.

»Кромѣ иконъ въ крестовой комнатѣ сохранялись и другіе священные предметы, приносимые изъ мѣстныхъ монастырей и съ востока—паломниками и особенно греческимъ духовенствомъ. Таковы: смирна, ливанъ, свѣчи, которыя были зажжены *отъ огня небеснаго* въ Иерусалимѣ (въ день пасхи), святая вода, чудотворный медъ, частицы мощей. Изъ болѣе рѣдкихъ вещей замѣчательны: ставнякъ точеный и расписанный красками, а въ немъ камень *небеса*, гдѣ стоялъ Христосъ на воздухѣ; ставнякъ точеный, а въ немъ камень съ Голгофы, гдѣ распяли Христа; камень, гдѣ Христосъ постился 40 дней; камень отъ столпа, гдѣ Христосъ привязанъ былъ; камень съ того мѣста, гдѣ Христосъ молился, произнося *Отче-нашъ*; ставнякъ съ іорданскимъ пескомъ; коробочка съ частицею отъ дуба мамврійскаго; восковыя сосуды съ іорданскою водою; травка, называемая ручка Богородицы (изъ Палестины); зубъ Антипія Великаго (исцѣлителя зубной боли). Онъ былъ вдѣланъ въ крестъ, въ которомъ молился Іоаннъ Грозный. Изъ другихъ святынь заслуживаютъ вниманія: часть гроба Александра Свирскаго, два зуба Евонмія Суздальскаго въ вызолоченомъ ковчегѣ; посохъ, часть клубука, башмаки и онучи Пафнутія Боровскаго.

»Въ числѣ этихъ вещей въ крестовой комнатѣ важное мѣсто занимали четки, которыя считались необходимою принадлежностью молитвы; онѣ бывали ременные, деревянные, костяные, янтарныя, каменные и т. п. Издѣліемъ деревянныхъ и костяныхъ четокъ занимались дворцовые токари и дѣлали ихъ большею частію изъ рыбаго зуба (моржовыхъ вѣлковъ). Но особенно знамениты были четки соловецкія, кырилловскія и троицкія. Множество четокъ шелковыхъ и деревянныхъ привозили также въ Москву греческіе монахи и странники, отчего онѣ назывались греческими. Болѣе богатые четки привозились съ запада. Барберини (1565 г.), въ числѣ разныхъ вещей, необходимыхъ для продажи въ Москвѣ, выписывалъ изъ Венеціи и Милана хрустальныя четки

и изъ разныхъ дорогихъ каменьевъ, замѣчая при этомъ: «всего этого нужно въ Москвѣ». Четки хранились въ казнѣ царей, царицъ и царевенъ. У Михаила Федоровича было девять четокъ. Кромѣ богослуженныхъ книгъ, въ крестовой комнатѣ находились сборники душеполезныхъ словъ, расположенныхъ по днямъ всего года, такъ что на каждый день прочитывалось одно или два слова, соответственно значенію дня.

«Съ теченіемъ времени, всѣхъ этихъ вещей набиралось такое множество, что онѣ не помѣщались въ крестовой комнатѣ, и потому ихъ передавали на казенный дворъ въ образную палату. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ ней хранилось болѣе 8200 всевозможнаго вида иконъ, поднесенныхъ во дворецъ разными монастырями и духовными властями. Кромѣ того тамъ хранилось множество иконъ и крестовъ, доставшихся по наслѣдству, между которыми однѣхъ ветхихъ иконъ было болѣе 600-¹⁾).

Подобная же обстановка сохранялась и въ средѣ бояръ, и въ простомъ быту, но только въ меньшихъ размѣрахъ, пригнѣваясь къ матеріальнымъ средствамъ каждаго²⁾). Царскіе послы, отправляясь въ иностраннымъ дворамъ, брали съ собою все, необходимое для выполненія религиозныхъ обрядовъ; они возили съ собою сундуки, наполненные образами³⁾).

Въ домѣ господствовало строгое благочиніе. Дома обыкновенно строились внутри двора и кругомъ ограждались стѣною⁴⁾). Никто не могъ войти въ чужой домъ, не произнеся предварительно обычной въ монастыряхъ молитвы; и только послѣ утвердительнаго *аминь* входъ становился доступнымъ⁵⁾). «Войдя въ комнату, говоритъ Олеарій, русскій ни слова не скажетъ присутствующимъ, хотя бы ихъ было тутъ до 10 человекъ и болѣе; но прямо обращается къ иконамъ, помѣщающимся въ главномъ углу, а если не видятъ ихъ, то спрашиваетъ: есть ли Богъ? тогда начинаетъ креститься, дѣлаетъ три поклона и потомъ обращается къ сидящимъ въ комнатѣ людямъ»⁶⁾). Строгость въ отно-

1) Забѣлинь, Домашній бытъ русскихъ царей, 193—200.

2) Костомаровъ, Очеркъ прав. Великорус. народа, 50, 51.

3) Соловьевъ, VI, 351.

4) Костомаровъ, 40.

5) Домострой, стр. 60.

6) Олеарій, гл. 24.

женіяхъ составляла отличительную черту домашней жизни. «Воспитывай свое дитя въ страхѣ, говоритъ авторъ Домостроя, и найдешь въ немъ покой и благословеніе. Не смѣйся въ нему и не играй съ нимъ, потому что, сдѣлавъ небольшое поущеніе, получишь печаль въ большемъ и только болѣзнь наведешь на душу свою»¹⁾. Исполненіе религиозныхъ обрядовъ составляло главную заботу съ первыхъ дней жизни ребенка, и въ нѣкоторыхъ семействахъ оно соблюдалось такъ строго, что даже дѣтей, неумѣвшихъ еще говорить, подвергали наказанію за нарушеніе обычныхъ требованій²⁾.

Основаніемъ монастырскихъ добродѣтелей было—безусловное повиненіе игумену и полное отрѣшеніе каждаго отъ собственной воли. «Послушаніе—лѣствица на небо, говорится въ одномъ уставѣ; оно выше воста и пустыннаго подвига. Ангелъ ходитъ за послушнымъ, считаетъ шаги послушанія и представляетъ ихъ Богу; если же видитъ капли пота его, то приносить, какъ кровь мученическую»³⁾. По словамъ Василія Великаго и Іоанна Лѣствичника лучше согрѣшить нежели преступить заповѣдь послушанія передъ своимъ духовнымъ наставникомъ. Смирненіе составляетъ идеаль всѣхъ монастырскихъ уставовъ⁴⁾. Неповорныхъ монастырскимъ правиламъ смиряли заключеніемъ, жезломъ и удаленіемъ изъ монастыря⁵⁾. Тотъ же принципъ былъ положенъ въ основаніе домашняго воспитанія. «Болѣе всего имѣйте смиреніе», говорится въ тогдашнихъ наставленіяхъ⁶⁾. «Дѣти должны почитать отца какъ Бога, а мать какъ самихъ себя»⁷⁾. Но Домострой идетъ далѣе. «Не ослабляй ударовъ надъ младенцемъ, говоритъ онъ, ибо если ты бьешь его жезломъ—не умретъ, но еще здоровѣе будетъ; потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти. А если имѣешь дочь, то положи на ней грозу свою—и сохранишь ея тѣлесную чистоту: пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей воли, чтобы отъ неразумія не потеряла дѣвства. Изъ любви въ сыну учадай ему раны, чтобы

1) Домострой, 24.

2) Оларій, гл. 24.

3) Уставъ Евфросина Исковскаго, въ Житіи у Филарета.

4) См. 113 правило Номоканона и Лѣствицу, стр. 59, 60, 85.

5) Объ отцахъ, бывшихъ въ русск. землѣ, соч. Іос. Волокован. въ Лѣтоп. археогр. комис. II, 79, 84.

6) Какъ жить христіанамъ, Прав. собесѣд. 1859, I, 136.

7) Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великоорусск. народа, 109.

потомъ порадоваться о немъ. Не давай ему власти въ юности, но сокруши ему ребра пока растеть, потому что, прійдя въ возрастъ, онъ не станетъ тебѣ повиноваться, а это причинить тебѣ досаду, душевную скорбь, стыдъ дому, погибель имѣнью, насмѣшки враговъ и платежъ передъ властію«. Въ изображеніи характера юноши Домострой основывается на поученіи Василія В. въ юношамъ: »Прежде всего имъ слѣдуетъ имѣть душевную чистоту и тѣлесное безстрастіе. Походка должна быть кроткая; гoлoсъ умѣренный; слово благочинное; предъ старшими они должны сохранять молчаніе; къ премудрымъ—послушаніе; предъ сильными—повиновеніе; лучше мало говорить, а болѣе слушать; не быть дерзкимъ на словахъ; не слишкомъ увлекаться бесѣдою; не быть склоннымъ къ смѣху; увращаться стыдливостію; зрѣніе имѣть долу, а душу—горѣ; избѣгать возраженій; не увлекаться почестями«. Какъ жена, такъ и дѣти должны сохранять полную покорность предъ властію домовладыки, что, на языкѣ Домостроя, значило имѣть *страхъ*. Но если жена, дѣти или слуги не выполняютъ этимъ требованій и правилъ, то отецъ долженъ научить ихъ *наединѣ* и возложить на нихъ раны, смотря по винѣ ¹⁾. Таковы основныя положенія домашней педагогики, заимствованныя изъ Византіи, но примѣненныя къ существующему порядку. Въ Московскомъ государствѣ они нашли соотвѣтствующую почву въ господствѣ родовыхъ началъ въ семейномъ бытѣ и значеніи представителя рода, какъ домовладыки ²⁾.

Въ важныхъ вопросахъ жизни, во время бѣдствій, болѣзни и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своего семейства, по правиламъ Домостроя, слѣдовало постоянно обращаться къ духовнымъ отцамъ и монахамъ. Для этого онъ совѣтуетъ »часто призывать ихъ въ свой домъ, совѣтоваться съ ними во всемъ по совѣсти, какъ учигъ мужу жену и дѣтей своихъ, а женѣ—какъ повиноваться мужу«; при чемъ прибавляетъ: »слушайте отца духовнаго во всемъ, чтите его и бейте челомъ предъ нимъ низко, и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ вашъ учитель и наставникъ«. Это напоминаетъ нѣсколько разъ ³⁾. Но и въ такихъ случаяхъ предпочтеніе отдавалось монастырю. »Наибольшую честь оказывай монахамъ, говорится въ другомъ наста-

¹⁾ Домострой, 21, 64, 25, 50, 57, 67.

²⁾ Мысли о русской исторіи, Кавелина, Вѣст. Европы, 1865, II.

³⁾ Домострой, 5, 10, 20, 21, 79, 105.

вленіи, давай имъ все нужное, ибо это все равно, что ты отдаешь Богу; а если тебя угнетаетъ печаль, то ступай къ нимъ въ келліи, они утѣшатъ тебя»¹⁾). Поэтому и въ домашнихъ молитвахъ предписывалось молиться за нихъ²⁾).

Пользуясь большимъ уваженіемъ въ обществѣ, духовенство и монастыри въ значительной степени содѣйствовали установленію политическаго порядка въ Россіи.

Г л а в а VI.

Въ эпоху среднихъ вѣковъ направленіе обществу давала церковь. Но съ самаго начала политическое развитіе ея на западѣ и востокѣ пошло различными путями. Въ то время, какъ на востокѣ было нѣсколько епископовъ, пользовавшихся равнымъ первенствующимъ положеніемъ (константинопольскій, іерусалимскій, александрійскій и антиохійскій); на западѣ — такимъ значеніемъ пользовался одинъ римскій. Это обстоятельство на первыхъ порахъ дало ему важное положеніе въ церковной іерархіи. Уже въ половинѣ V вѣка (на Халкидонскомъ соборѣ), при сохраненіи равноправности, за нимъ было признано преимущество передъ константинопольскимъ патріархомъ³⁾). Постоянное ослабленіе Византійской имперіи и удаленіе римскаго епископа отъ непосредственнаго вліянія свѣтской власти еще болѣе закрѣпило за нимъ это положеніе. Римскіе папы на первыхъ порахъ заявляютъ притязаніе на признаніе ихъ постановленій и мнѣній «всеобщими»⁴⁾); среди непрерывной борьбы религиозныхъ партій на Востокѣ — какъ представители послѣднихъ, такъ и византійское правительство обращаются къ ихъ посредничеству.

Въ слѣдствіе этого, римскіе папы все болѣе привыкали смотрѣть на свое положеніе, какъ на исключительное; но этому помогло также и состояніе западно-европейскаго міра. Римскій епископъ пользовался значеніемъ уже въ то время, когда новыя государства западной Европы

¹⁾ Правосл. собесѣд. 1859, I, 134.

²⁾ Домострой, 10, 16, 17.

³⁾ Инновентій, Исторія церкви, I, 280.

⁴⁾ Дрэнперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, I, 246.

едва стали образовываться или вовсе не существовали. Съ распространениемъ христіанства среди варваровъ расширилась власть римскаго епископа не только въ территоріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ: германцы были болѣе покорными его волѣ, нежели итальянцы. Короли франковъ обогащаютъ его и поддерживаютъ противъ враговъ. Чѣмъ грубѣе были подвластные народы, тѣмъ обезпеченнѣе было вліяніе авторитета римскаго епископа. Въ то время, какъ на востокѣ постоянно шла борьба релігіозныхъ сектъ, болѣе или менѣе подрывавшая господствовавшее ученіе и вызывавшая необходимость соборнаго соглашенія;—на западѣ, мнѣнія римскаго епископа, при другихъ условіяхъ жизни, получали значеніе безусловнаго авторитета. Такимъ образомъ мало-по-малу утвердилась вѣра въ непогрѣшимость послѣдняго, защитникомъ которой явилось монашество. Духовные ордена на западѣ сдѣлались подпорою папскаго престола, проводя въ общество вѣру въ преобладаніе духовнаго авторитета надъ свѣтскимъ. Вліяніе ихъ было громадное, такъ какъ монастыри на западѣ воспользовались остатками образованности для воспитанія общества въ своихъ началахъ. По всей Европѣ были раскинуты земли, принадлежавшія церкви, и въ то время, какъ въ Византійской имперіи правительство выражаетъ необходимость прекращенія подобнаго порядка вещей, на западѣ церковная территорія достигаетъ громаднаго размѣра ($\frac{3}{4}$ всего пространства)¹⁾. Съ теченіемъ времени положеніе вещей измѣняется до того, что Византія ищетъ опоры въ представителѣ западной церкви и, при содѣйствіи его, думаетъ поддержать свое политическое существованіе. Но въ этомъ случаѣ ихъ раздѣленіе обозначилось слишкомъ рѣзко.

Постоянная борьба, происходившая въ Византійской имперіи, паденіе имперіи Западной и продолжительное броженіе въ германскомъ мірѣ, долго не успѣвшемъ выработать прочной политической системы—были причиною, что римскій епископъ долгое время сохранялъ безусловное господство на западѣ. Время закрѣпило въ обществѣ вѣру въ божественное происхожденіе его власти, на которое постоянно опирались клерикалы. При севѣрномъ направленіи вѣка, авторитетъ папъ могъ встрѣтить серьезное противодѣйствіе только въ равновсильной по матеріальному положенію—свѣтской власти (еретики, по недо-

¹⁾ Laurent, La Papauté et l'Empire, pag. 96.

сигну поддержки, терпѣли поражение), и, когда послѣдняя чувствовала силу, она давала надлежащій отпоръ. Но этой борьбѣ долго недоставало послѣдовательности, и потому все зависѣло отъ характера отдѣльных лицъ.

Столь же важною подпорою для римскаго престола было его территоріальное значеніе. Римскій епископъ былъ во главѣ отдѣльной территоріи, сосредоточившейся возлѣ древняго Рима, на-долго сохранившаго могущественное значеніе въ глазахъ новыхъ народовъ. Поэтому борьба римскаго епископа съ свѣтскою властью не была внутреннею борьбою въ государствѣ; она велась на равныхъ правахъ, самостоятельными территоріальными владѣльцами, хотя ее часто ниводили на степень теоретической борьбы—о правахъ свѣтской и духовной власти. Ставши такимъ образомъ на историческую почву, римская курія перестала преслѣдовать исключительно догматическія цѣли: она была готова на уступки въ пользу другихъ мнѣній, если первыя исходили непосредственно отъ ея власти. Въ такомъ случаѣ основнымъ догматомъ становился послѣдній. Очевидно, что тамъ, гдѣ падаетъ вѣра въ догматическій авторитетъ, подрывается и самый догматъ. Это доказали западныя ереси.

Иначе развивалась восточная церковь. Она постоянно опирается на свою непосредственную связь съ древнею церковью. Дѣйствительно, эта связь существуетъ, какъ по сценѣ дѣйствій, такъ и по преданіямъ. Древняя церковь представляла общину, дѣла которой рѣшались собраніемъ вѣрныхъ. Такой способъ управленія сохранялся до образованія іерархіи; но и въ послѣдствіи коллѣктивная форма осталась принадлежностью высшаго церковнаго учрежденія. Совмѣстное существованіе нѣсколькихъ церквей на востокѣ и непрерывные споры о существенныхъ вопросахъ вѣрованія привели въ необходимости формулировать церковныя постановленія путемъ соглашенія. А такъ какъ уже существовало ученіе о правѣ іерархіи на исключительное руководство церкви въ дѣлахъ вѣры, то и самые соборы имѣли іерархическій характеръ. Но соборное опредѣленіе было поставлено восточною церковью выше личнаго авторитета. Въ политическомъ отношеніи этотъ принципъ имѣлъ противоположные западной церкви результаты; хотя и въ Византійской имперіи взаимныя отношенія церкви и государства имѣютъ свою исторію.

Справедливо полагаютъ, что политическій успѣхъ Константина В. въ значительной степени зависѣлъ отъ соединенія его съ сильною

уже въ то время кристіанскою стороною¹⁾. Поэтому всё его усиліе было направлено къ тому, чтобы дать ей господствующее значеніе въ государствѣ. При немъ церковь получила безусловное вліяніе на религіозную и нравственную жизнь византійскаго общества. Своимъ административнымъ онъ признавалъ «ненарушимость епископскихъ опредѣленій», въ какой бы формѣ они ни были выражены, признавалъ ихъ священными. Поэтому свидѣтельство даже одного епископа считалось достаточнымъ и несомненнымъ въ судебныхъ дѣлахъ²⁾. Онъ даровалъ церкви право широкое, на самыхъ широкихъ основаніяхъ, движимую и недвижимую собственность, и, спустя 50 лѣтъ послѣ этого эдикта, церковь имѣла уже въ каждой области 1/10 всей земли³⁾. Съ теченіемъ времени это отношеніе еще болѣе увеличилось. Юстиніанъ I призналъ каноническія постановленія легальными положеніями въ государствѣ, а епископскія ordinationes — неограниченными⁴⁾. Такое глубокое уваженіе свѣтской власти къ опредѣленіямъ духовенства должно было поставить его высоко въ глазахъ общества. Народъ предпочиталъ обращаться къ духовному суду, а не къ свѣтскому. Цѣлыя толпы обыкновенно сопровождали представителей церкви, ища у нихъ защиты⁵⁾. Дѣятельность епископовъ въ церковномъ судѣ была такъ обширна, что еще первый вселенскій соборъ признавалъ необходимымъ имѣть въ каждой области по крайней мѣрѣ два собора въ годъ⁶⁾. Дѣятельность патріарховъ была еще шире. Они имѣли право апелляціоннаго суда надъ духовными своего округа и могли остановить рѣшеніе гражданскаго суда⁷⁾.

Но въ ряду восточныхъ патріарховъ въ скоромъ времени успѣлъ возвыситься патріархъ константинопольскій. Это явленіе объясняется какъ его положеніемъ, такъ и невыгодными историческими условіями остальныхъ патріарховъ. Пребываніе въ столицѣ давало ему право

1) Дрәперъ, I, 289.

2) Cod. Theod. VI, p. I, pag. 339—340. По словамъ Константина В. Sacerdotum iudicium ita debet haberi, ut se ipse Dominus residens iudicet.

3) Planck, I, 281.

4) Mortreuil, I, 187 и друг. Novellar. 123.

5) Прав. собесѣд. 1860, январь, 52, примѣч. Жизнь Василія В. стр. 35, 36 и д.

6) Дѣян. вселен. соб. Ник. 1-го пр. 5.

7) Дѣян. 1-го вѣдн. 666. Прав. 10, 17; Novellar. 96—137.

имѣть большее вліяніе на ходъ политическихъ событій; а неблагопріятныя политическія обстоятельства Востока и распространеніе магометанскаго владычества ослабили самостоятельное значеніе восточныхъ патріархатствъ.

Еще въ 512 г. константинопольскій патріархъ Іоаннъ II получилъ отъ Константинопольскаго собора титулъ «вселенскій», который окончательно былъ утвержденъ за патріархами константинопольскими въ 538 г., по случаю спора съ патріархомъ антиохійскимъ Григоріемъ. Это званіе было столь важно въ іерархическомъ отношеніи, что папы Пелагій и Григорій В. настоятельно убѣждали константинопольскаго патріарха отказаться отъ него, а остальныхъ патріарховъ побуждали защитить свои права противъ «возрастающаго властолюбія»¹⁾. Власть константинопольскаго патріарха постепенно распространялась не только на округи епископовъ, но и на области другихъ патріарховъ: въ нему могли обращаться недовольные съ апелляціею; между тѣмъ, какъ его рѣшенія были безапелляціонны²⁾. Императоръ Юстиніанъ называетъ его «главою всѣхъ церквей». Въ рукахъ его сосредоточились важныя духовныя преимущества. Находясь въ центрѣ политической жизни, ему приходилось нерѣдко широко пользоваться своими духовными правами. Онъ налагалъ запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ³⁾. Онъ совершалъ посвященіе царей посредствомъ вѣнчанія. Но такое положеніе константинопольскаго патріарха, даже при слабости остальныхъ, не могло имѣть важныхъ послѣдствій; такъ какъ существовали рядомъ съ нимъ другія условія, отчасти каноническія, отчасти политическія.

Представители духовенства оказывали покровительство народу; а народъ искалъ у нихъ защиты. Отсюда объясняется ихъ взаимная связь. Вотъ почему, каждый разъ, когда преслѣдованіе постигало первыхъ, оно вызывало неудовольствіе въ народѣ (Афанасій александрійскій, Іоаннъ Златоустъ, патр. Германъ, Михаилъ Керуларій и друг.). Они оказывали на него вліяніе посредствомъ многочисленнаго монашества⁴⁾,

¹⁾ Neander, III, 245, V, 180—247.

²⁾ Халкид. прав. 9, 17.

³⁾ Шюссеръ, VI, 15, IX, 11, 27. Finlay, History of Byzantine Empires, II, 67, 68.

⁴⁾ При импер. Анастасіѣ, по поводу споровъ съ несторіанами, въ

которое имѣло тѣсныя связи съ народомъ, постоянно охраняя религиозныя вѣрованія, и съ остальнымъ обществомъ черезъ родственныя и другія отношенія ¹⁾). Монастыри, въ силу своего исключительно религиознаго назначенія, заботились объ установленіи религиозныхъ обрядовъ, которые такъ дороги особенно народу. Поэтому на монаховъ послѣдній смотрѣлъ, какъ на защитниковъ по преимуществу своихъ вѣрованій. Отчасти этимъ союзомъ объясняется торжество установившагося порядка противъ всякихъ еретическихъ стремленій. Систематическое преслѣдованіе императорами иконопочитанія потерпѣло поражение, благодаря таковой дружной оппозиціи ²⁾, и въ правленіе двухъ императрицъ (Ирины и Теодоры) было снова возстановлено. Со времени упадка восточныхъ патриархатствъ, религиозное движеніе стало сосредоточиваться въ Константинополѣ, отчего константинопольскій патриархъ пріобрѣталъ все большее значеніе въ ряду остальныхъ. Но въ концѣ VII и въ VIII вѣкѣ развитіе догматическаго ученія завершается. Опредѣленія апостоловъ, отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ составили тотъ краеугольный камень каноническаго права византійской церкви, на которомъ должно было основываться дальнѣйшее ея существованіе и отношенія къ государству. При этомъ запрещено было признавать все, что не принадлежало къ указаннымъ источникамъ ³⁾. Этотъ принципъ, сдѣлавшійся дѣйствительно основаніемъ въ дальнѣйшей исторіи восточной церкви, положилъ конецъ личному произволу и поставилъ преданіе выше временныхъ, историческихъ условій. Этими особенностями византійская церковь рѣзко отличается отъ западной. Тамъ имѣетъ значеніе догматъ, а здѣсь (въ западной церкви) существующій авторитетъ, который даетъ толкованіе догмату. Очевидно, что постояннымъ принципомъ первой будетъ неизмѣняемость; а въ послѣдней возможно и обратное явленіе, подѣ условіемъ признанія авторитета. Въ первомъ случаѣ невозможны никакія сдѣлки и уступки, выходящія за предѣлы тѣхъ положеній, которыми опредѣлилось догматическое ученіе;

Константинополѣ съ всѣхъ сторонъ собралось болѣе 60,000 монаховъ. Le Beau, Histoire du Bas-Empire, VIII.

¹⁾ Шлоссеръ, VI, 4.

²⁾ Дрәперъ, I, гл. XIV.

³⁾ Mortreuil, Histoire de droit Byzantine, I, 409—40 и далѣе. На соборѣ 691 г.

въ послѣднемъ — политическія обстоятельства нерѣдко берутъ верхъ. При широкомъ развитіи на востокѣ дѣятельности соборовъ, ихъ опредѣленія были поставлены выше постановленій отдѣльныхъ епископовъ; а потому и особенное положеніе константинопольскаго патріарха не могло имѣть дальнѣйшихъ результатовъ. По Номоканону, за всякое измѣненіе церковныхъ опредѣленій и постановленій свѣтской власти, патріархъ подлежалъ лишенію сана ¹⁾. Этотъ принципъ служилъ огражденіемъ противъ всякихъ личныхъ притязаній.

Но подобныя притязанія неосуществимы были также въ слѣдствіе постоянного участія свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ. Покровительство, оказанное церкви на первыхъ порахъ свѣтскою властью, приобрѣло послѣдней сильную поддержку. Представители церкви проводили въ общество идею о священномъ значеніи царской власти. Они искали у нея содѣйствія для своихъ требованій. Поэтому императорскіе указы объявлялись въ храмахъ и имѣли такую же силу, какъ и епископскія опредѣленія ²⁾. При содѣйствіи императоровъ, а нерѣдко по ихъ инициативѣ, собирались церковные соборы; они подписывали соборныя рѣшенія и разсылали ихъ въ провинціи. Это дало поводъ *римской партіи* упрекать восточную церковь въ томъ, что соборы бывали подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ константинопольскаго двора ³⁾. Богословскіе диспуты, составлявшіе стихію византійской учености, нерѣдко отвлекали императоровъ отъ политической дѣятельности; мы видѣли, что послѣдніе сами иногда возбуждали въ обществѣ полемику, руководили ею, давали извѣстный тонъ рѣшенію этихъ споровъ; и въ то время, какъ православная сторона рѣшала ихъ сообразно съ толкованіемъ несомнѣнныхъ авторитетовъ; императоры составляли свою партію, которая рѣшала дѣло въ противоположномъ духѣ, сообразно съ ихъ волею. Конечно, такое направленіе дѣла имѣло много вредныхъ послѣдствій, но постоянное участіе императоровъ въ церковныхъ дѣлахъ пріучило ихъ не отдѣлять судьбы церкви отъ государственныхъ интересовъ, а это поставило ихъ совсѣмъ въ другія отношенія, сравнительно съ тѣми, какія существовали на западѣ. По гражданскому законодательству, власть константинопольскаго патріарха

¹⁾ Калачовъ, О Кормчей, 97.

²⁾ Инновентій, Исторія церкви, I, 213.

³⁾ Дрәперъ, I, 248.

была ограничена соборомъ и самодержавною властью императоровъ ¹⁾. А Номоканонъ опредѣленно ставитъ паріарха въ подчиненное положеніе къ императору и запрещаетъ ему дѣлать что-либо противное его волѣ, называя въ такомъ случаѣ отступникомъ отъ вѣры ²⁾.

Рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ государства къ духовенству отмѣчаютъ со времени Льва III Исаврянина. Историки Византіи говорятъ, что съ этого времени духовное вѣдомство перестаетъ составлять особое учрежденіе, а рассматривается какъ центральное управленіе по духовнымъ дѣламъ ³⁾. Это явленіе объясняется личнымъ характеромъ Льва III, который хотѣлъ быть реформаторомъ всего государства ⁴⁾. Онъ даже вздумалъ объявить себя главою духовенства ⁵⁾. Въ его духъ дѣйствовали почти всѣ его преемники изъ исаврійской и македонской династіи до Василія II ⁶⁾. Стольже рѣшительными кажутся дѣйствія императоровъ изъ фамиліи Комненовъ. Исаакъ I ограничилъ епископскія ordinationes ⁷⁾ и, недовольный рѣшительнымъ поступкомъ патріарха Михаила Керуларія, вопреки симпатіямъ народа, свергъ его съ престола, назначивъ на его мѣсто нелюбимаго народомъ Лихуда ⁸⁾. При Алексѣѣ I финансы страны были въ крайне бѣдственномъ положеніи, такъ что императорская фамилія принуждена была перелить въ монету золотыя и серебряныя вещи. Но какъ этихъ средствъ было недостаточно, то императоръ приступилъ къ продажѣ церковныхъ иму-

1) Justin. Novel. III. Basilic. lib. III, tit. 2, cfr. Balsanon. ad. cap. Antioch. 12.

2) Калачовъ, О Кормчей, 96.

3) Finlay, II, 67, 345. -

4) Ibid. I, 4.

5) Le Beau, XIII, 326—328.

6) Поучительные примѣры въ этомъ случаѣ представляютъ отношенія Льва VI къ патр. Фотію и дѣло о его бракѣ съ Зоею. Плюссеръ, VI, 102, 107.

7) Mortreuil, III, 133—134.

8) Это случилось по поводу притязаній императора на церковныя имущества. Историки Византіи рассказываютъ объ этомъ такъ: «Il (патріархъ) porta l'audace jusqu'à dire un jour à l'empereur: *je vous ai donné la couronne, je saurai bien vous l'ôter*. Affectant en toute manière de s'égaliser au prince, il prit la chaussure d'écarlatte, réservée à la Majesté impériale, sous prétexte que les patriarches l'avaient portée autrefois, disant même que s'il y avait quelque distinction à faire entre le sacerdoce et l'empire elle était à l'avantage du sacerdoce». Le Beau, XVII, 182—185; op. Finlay, II, 11—13.

целью, объявивъ, что онъ употребитъ ихъ на пользу государства. Это возбудило неудовольствіе въ средѣ духовенства, причемъ особенно рѣзкими нападами заявилъ себя Леонъ, епископъ халкидонскій; но соборъ низложилъ его, по повелѣнію императора, и онъ былъ отправленъ, въ отдаленную провинцію ¹⁾. Того же взгляда на этотъ вопросъ держался и Мануиль Комнень; но только высказалъ его опредѣленно. Онъ прямо объявилъ, что обязанность монаховъ жить въ уединеніи и питаться собственнымъ трудомъ; богатства же, которыми обладаютъ монастыри, вредно дѣйствуютъ на ихъ нравственность, а потому запретилъ имъ пріобрѣтать имущества и замѣнилъ пользованіе настоящими доходами — выдачею опредѣленнаго содержанія ²⁾. Въ слѣдствіе постоянного религіознаго движенія общества, столкновенія между императорами и духовенствомъ были неминуемы, но византійская исторія обладаетъ обиліемъ примѣровъ удаленія патріарховъ императорскою властью и возведеніемъ новыхъ единственно по волѣ послѣдней.

Судьба византійской церкви, въ противоположность римской, была тѣсно связана съ судьбою государства, и потому она переживала одинаковыя съ нимъ эпохи жизни. Завоеваніе Константинополя латинами и постоянно возрастающее могущество турокъ были одинаково неблагоприятны для ихъ обоихъ. Константинопольскій патріархъ не имѣлъ самостоятельной территоріи, подобно римскому епископу, и уже потому онъ не могъ стать внѣ государства. На западѣ, чѣмъ слабѣе были короли и императоры, тѣмъ большимъ могуществомъ пользовались папы. На востокѣ, политическій упадокъ государства отражался на благосостояніи церкви. Когда постоянныя нападенія турокъ стали угрожать имперіи, то императоры думали путемъ соединенія церквей, при посредствѣ папы, достигнуть помощи со стороны правительствъ западной Европы. Греческіе богословы, по волѣ императора, отправляются въ Итацію, чтобы совершить для цѣлости имперіи актъ соединенія церквей. Нѣкоторые соглашаются; но въ средѣ греческаго духовенства поднимаются защитники преданія, которые находятъ поддержку въ ученыхъ, монастыряхъ и народѣ, и религіозное волненіе потрясаетъ Константино-

¹⁾ Le Beau, XVII, 545—549.

²⁾ Le Beau, XIX, 471; Mortreuil, III, 178

поль кагануи его паденія ¹⁾. Отлученіе постигло сторонниковъ соединенія, неисключая и императора; хотя послѣдній продолжалъ царствовать до смерти.

Въ такомъ видѣ представляется намъ политическое отношеніе свѣтской и духовной власти въ Византіи, въ противоположность теоріи западной церкви. Оно имѣло важныя послѣдствія для Россіи. Последняя пришла въ зависимыя отношенія къ Византіи уже въ то время, когда разрывъ восточной и западной церкви совершился, и между ними возникла борьба за религиозное преобладаніе тамъ, гдѣ ихъ вліяніе сопривасалось. Эта борьба отразилась и на Россіи; но, въ слѣдствіе іерархическаго подчиненія ея Византіи и поддержки этой связи свѣтскою властью, менѣе стѣсненною въ политическомъ отношеніи, нежели при римской системѣ, она окончилась въ пользу Византіи.

По свидѣтельству древней лѣтописи, въ числѣ представителей разныхъ религій, предлагавшихъ Владиміу св. ввести въ Россіи свое исповѣданіе, были представители западной (нѣмцы) и восточной церкви (греки). Греческій проповѣдникъ сильно подѣйствовалъ на суроваго язычника картиною страшнаго суда. Однако Владиміръ отправилъ своихъ пословъ въ разныя страны, чтобы они, при сравненіи богослуженій, могли на мѣстѣ убѣдиться въ превосходствѣ одного передъ другимъ. Русскіе послы плѣнились торжественностью греческаго богослуженія и приѣмомъ грековъ ²⁾. Такимъ образомъ выборъ былъ рѣшенъ. Но домогательство западной церкви было извѣстно въ Византіи; поэтому въ символѣ вѣры, преподанномъ Владиміру послѣ крещенія, было сдѣлано предостереженіе: «Не принимай ученія отъ латинъ, оно развращено»; за тѣмъ, по перечисленіи особенностей западной церкви, снова прибавлено: «остерегайся ихъ ученія; Богъ да сохранитъ себя отъ него» ³⁾; между тѣмъ этотъ символъ есть только переводъ «исповѣданія вѣры» Михаила Сижелла († ок. 835 г.), въ которомъ не было такого добавленія ⁴⁾. Ожиданія грековъ оправдались. Еще во время пребыванія Владиміра св. въ Корсунѣ, отъ папы прибыли къ нему послы

¹⁾ Шлоссеръ, IX, 91, 103, 107.

²⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 46.

³⁾ Ibid. 49, 50.

⁴⁾ Сухомлиновъ, О древн. рус. лѣт. Учен. запис. Акад. наукъ, II отдѣл. 65—68.

съ мощами и за тѣмъ приходили два раза (въ 991 и 1000 гг.) въ Кіевъ. Это заставило греческую іерархію еще болѣе обратить вниманіе на домогательства западной церкви. Дѣйствительно, когда Владиміръ св., въ слѣдъ за посольствомъ отъ папы въ 991 г., отправилъ своихъ пословъ въ Римъ, то константинопольскій патріархъ писалъ князю и митрополиту, убѣждая ихъ не сношаться съ папою, не присоединяться къ злобѣрю западной церкви, которая несправедливо учитъ о св. Духѣ, принимаетъ постъ въ субботу, употребляетъ прѣсный хлѣбъ, вѣритъ въ непогрѣшимость папы ¹⁾. Есть извѣстіе, что императоръ Оттонъ III присылалъ въ Россію миссіонера Бруно, который склонилъ къ латинскому ученію нѣкоторыхъ русскихъ; но *прибышій греческій епископъ* уничтожилъ его успѣхи ²⁾. На сколько послѣдовательна была въ этомъ отношеніи традиція римской церкви, видно изъ цѣлаго ряда папскихъ посольствъ и отношеній къ Россіи, которыя предпринимались или по инициативѣ папы, или были вызваны изъ-внѣ какими нибудь надеждами на успѣхъ. Изъ раннихъ посольствъ извѣстны: Григорія VII Гильдебранда, (1075 г.), вызваннаго къ тому изгнаннымъ изъ Кіева княземъ Изяславомъ; Урбана II (1091), Климента III къ митр. Іоанну II; около 1155 г. назначался въ Россію, въ качествѣ римскаго миссіонера, аббатъ клервоскій Бернардъ ³⁾; а въ 1169 г. опять приходили послы отъ папы ⁴⁾. Послѣ завоеванія Константинополя латинами (1204 г.) надежды на соединеніе церквей усялились въ Римѣ, и потому вскорѣ послѣ этого мы встрѣчаемъ рядъ извѣстій о стремленіи папъ къ осуществленію завѣтныхъ цѣлей. Таковы посольства Иннокентія III къ галицкому князю Роману (1204 г.) и въ Россію съ посланіемъ, въ которомъ онъ убѣждалъ русскихъ присоединиться къ западной церкви. (1207) ⁵⁾. Въ 1214 г., въ слѣдствіе торжества венгерской партіи въ Галичѣ, русское духовенство было изгнано оттуда и замѣнено латинскимъ ⁶⁾. Но въ 1227 г. до папы Гонорія III дошелъ

¹⁾ Никоновск. лѣт. I, 92, 104, 111. Татищевъ, II, 78, пр. 195.

²⁾ Макарій, Истор. христ. въ Россіи, 342, 343.

³⁾ Карамзинъ, II, 47, 62, 186, III, 67. Макарій, Ист. церкви, II, 257, III, 235.

⁴⁾ Никонов. лѣтоп. II, 203.

⁵⁾ Карамзинъ, III, 85; Hist. Rus. monument. V. I: Ut filiam reducat ad matrem et membrum ad caput.

⁶⁾ Полн. собр. рус. лѣт. II, 156; Никонов. II, 315; Татищевъ, III, 377.

слухъ черезъ епископа моденскаго, будто-бы отъ русскихъ пословъ, что Россія готова принять ученіе западной церкви; папа сталъ грозить обдѣтвіями, «если русскіе не возвратятся на истинный путь»¹⁾. Угроза не помогла. Но въ 1231 г. этотъ слухъ снова повторился. Епископъ прусскій сообщилъ Григорію IX, что вел. князь Георгій Всеволодовичъ желаетъ подчиниться папѣ. Поэтому поводу папа написалъ къ нему посланіе, въ которомъ молилъ и увѣщевалъ его, чтобы онъ «смирненно принялъ и сохранилъ обряды и нравы христіанъ латинскихъ, покоривъ изъ любви ко Христу себя и все царство сладостной власти римской церкви»²⁾. Каждый удобный случай служилъ предлогомъ для римскаго двора напомнить русскимъ о необходимости соединенія съ западною церковью. Въѣстѣ съ посольствомъ, отправленнымъ къ татарамъ и въ которомъ участвовалъ Плато-Карпини (1246 г.), были посланы письма отъ имени Иннокентія IV, къ русскимъ епископамъ, съ подобнымъ же предложеніемъ³⁾. Татарское иго казалось ему такимъ событіемъ, которое могло обратить вниманіе русскихъ на значеніе главы римской церкви. Поэтому Иннокентій старался поднять крестовый походъ противъ татаръ и завязалъ сношенія съ Данииломъ галицкимъ⁴⁾. Выдача Софіи Палеологъ, жившей въ Римѣ, за Іоанна III, еще болѣе возбудила надежду папы на счастливый исходъ дѣла⁵⁾; но эта надежда рассыпалась въ прахъ. Впрочемъ съ этого времени начинаются частныя сношенія Россіи съ западною Европою, и потому нерѣдко при дворѣ московскомъ являлись представители католическихъ дворовъ, которые брали на себя защиту папскихъ интересовъ. Въ 1513 г. посоль короля датскаго Іоанна, бывшій въ Москвѣ по шведскимъ дѣламъ, долженъ былъ заботиться и о соединенія церквей⁶⁾. Посевинъ, исполнявшій роль посредника во время борьбы Іоанна Грознаго съ Литвою, главнымъ образомъ преслѣдовалъ ту же цѣль и имѣлъ по этому вопросу длинную бесѣду съ царемъ, которая впрочемъ только повредила солидарности нунція. Особенно выгоднымъ для папы казалось паденіе Константинополя и утвержденіе тамъ турецкаго владычества, которое тяжелымъ

1) Hist. Rus. monum. I, № 21.

2) Ibid. № 33.

3) Карамзинъ, IV, 27.

4) Карамзинъ, IV, 33.

5) Ibid. VI, 38.

6) Ibid. VII, 49.

гнетомъ легло на греческую церковь. Въ слѣдствіе такихъ соображеній былъ отправленъ въ 1519 г. отъ папы льва X—Дитрихъ Шонбергъ, который предложилъ Василию Іоанновичу, подъ условіемъ соединенія церквей, титулъ царя съ тѣмъ, что онъ будетъ короноваться отъ руки папы; а московскаго митрополита обѣщалъ возвести въ санъ патріарха, указывая при этомъ на возможность завоеванія Константинополя ¹⁾. Въ 1525 году г. Климентъ VII черезъ капитана Павла снова предлагалъ Василию Іоанновичу титулъ короля, если онъ отвергнетъ догматы греческой церкви и прибѣгнетъ къ покровительству западной церкви ²⁾. Но московское правительство не слишкомъ дорожило чужими титулами, считая въ собственной власти принятіе того или другаго изъ нихъ, а власть свою непосредственно истекающею отъ Бога; слѣдовательно политическая діалектика не могла удался римскому двору. Успѣхъ перваго самозванца въ Россіи, поддерживаемаго помощію Польши, подавалъ сначала блестящія надежды на исполненіе исторической идеи папъ о соединеніи церквей и подчиненіи Москвы авторитету Рима. Самозванецъ былъ подчиненъ надзору іезуитовъ; а изъ Рима сообщалась программа для его дѣйствій. Но, не смотря на всю его осторожность относительно римской политики, эти данныя послужили въ послѣдствіи главными обвиненіями противъ него самого.

Подобная традиція римскаго двора въ этомъ вопросѣ объясняется тѣмъ политическимъ характеромъ, какой на первыхъ порахъ получила римская церковь. Благодаря этому принципу, предѣлы ея вліянія распространились по всей западной Европѣ; и когда она пришла въ соприкосновеніе съ Россіею, подчинившеюся византійскому вліянію, то и здѣсь не могла отступить отъ своихъ политическихъ цѣлей; но въ слѣдствіе столкновенія съ враждебнымъ элементомъ должна была вступить въ борьбу.

Вліяніе Византіи на Россію началось въ религіозной сферѣ; а потому посредничество въ этомъ отношеніи взяла на себя византійская іерархія. Слѣдовательно прочность ея вліянія зависѣла отъ ея представителей въ Россіи. Въ періодъ до-монгольской, изъ 23 митрополитовъ, было только три русскіе и три неизвѣстнаго происхожденія; но 17—грековъ; изъ 10 митрополитовъ, избранныхъ до 1448 г. было четыре

¹⁾ Ibid. VII, пр. 189.

²⁾ Книга Павла Ювія о посольствѣ, въ Библиот. иностран. писател. 17.

русскихъ, три грека и три изъ южныхъ славянъ (Киприанъ, Григорій Цамвлакъ и Исидоръ), изъ которыхъ два (Киприанъ и Григорій Цамвлакъ) — были вполне представителями восточной церкви ¹⁾. На первыхъ порахъ даже клиръ въ Россіи былъ частью изъ грековъ и частью изъ болгаръ ²⁾, которые также были предметомъ политическихъ стремлений папъ и ожесточенной борьбы съ ними византійскихъ богослововъ ³⁾. Притомъ даже митрополиты, избранные въ Россіи, обязаны были посвящаться въ Константинополь, что давало патриархамъ возможность дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ. Такимъ путемъ русская іерархія вполне усвоила духъ византійской.

Въ отношеніи къ притязаніямъ западной церкви на Россію греки были самыми дѣятельными полемиками. Эта полемика открывается сочиненіемъ кіевскаго митрополита Леонтія «Объ опрѣсновахъ» (X в.) ⁴⁾ и продолжается его послѣдователями: Георгіемъ (+1079) ⁵⁾, Иоанномъ II (+1089) ⁶⁾, Нивифоромъ (XII в.) ⁷⁾, Григоріемъ Цамвлавомъ ⁸⁾, Фотіемъ (XV в.) ⁹⁾. Въ XVI в., вслѣдствіе стараній папскаго посла Шонберга, многіе въ Москвѣ были возбуждены толками о соединеніи церквей, которое поддерживалъ врачъ Василія Іоановича, нѣмецъ Николай Люевъ. Но въ это время жилъ въ Москвѣ извѣстный Максимъ Грекъ. Эти толки вызвали его на ожесточенную полемику и онъ написалъ рядъ сочиненій противъ ученія западной церкви, въ которыхъ особенно вооружался противъ «властолюбія папъ» ¹⁰⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи появляются сочиненія противъ западной церкви, принесенныя изъ Греціи. Они встрѣчаются въ Кормчихъ книгахъ ¹¹⁾, византійскихъ сбор-

¹⁾ Макарій, I, 28, II, 17—11; IV, кн. 1-я, 13, 21, 62, 85.

²⁾ Макарій, I, 29.

³⁾ См. выше, гл. I-я стр. 42.

⁴⁾ Временникъ. Моск. общ. истор. V.

⁵⁾ Стязаніе съ латиною, Истор. церк. Макарія, II, 140, примѣч. 273.

⁶⁾ Посланія Іоанна II къ антипапѣ Клименту, въ Учен. запис. Акад. наукъ, II отдѣл. томъ I и Памят. рос. словес.

⁷⁾ Посланія о латинахъ: 1) къ Владиміру Мономаху, 2) къ неизвѣстному князю, 3) къ Ярославу князю муром. Макарій, II, пр. 277, 281.

⁸⁾ Противъ опрѣсновавъ, Шевыревъ, III, 347. Макарій, V, кн. 2-я.

⁹⁾ Азты историч. I, № 35.

¹⁰⁾ См. наше изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, гл. VI.

¹¹⁾ Макарій, II, 152; Памят. рос. слов. XII в. 155.

никахъ и отдѣльно. Сюда относятся между прочимъ сочиненія Григорія Паламы и Нила Кавасилы, извѣстныхъ въ спискахъ XV вѣка ¹⁾.

Подъ вліяніемъ византійской полемики появились русскія полемическія сочиненія. Θεодосій Печерскій написалъ *»О христіанской и латинской вѣрѣ«* (XI в.) ²⁾; митр. Іона (1448—61) разсылать въ разныя мѣста грамоты, предупреждая русскихъ отъ всякихъ попытокъ въ соединенію съ западною церковью ³⁾. Одновременно съ Максимомъ Грекомъ писалъ сочиненія противъ латинявъ—старецъ Арвадій ⁴⁾.

Эта систематическая полемика не могла пройти безслѣдно для общества. Въ ней слѣдуетъ отличать двѣ стороны: догматическую и нравственную. Одна представляетъ духъ церкви, другая духъ времени, и потому важна для исторіи. Первая конечно сосредоточивается на спорныхъ вопросахъ. Въ основанія ея лежитъ общее положеніе византійской церкви: ничего не принимать болѣе того, что находится въ правилахъ апостоловъ, отцовъ церкви и признанныхъ соборовъ. Это положеніе остается неизмѣннымъ на пространствѣ вѣковъ: оно заключалось и въ символѣ, врученномъ Владиміру, и въ полемическихъ сочиненіяхъ, появившихся въ Россіи, и въ каноническихъ опредѣленіяхъ русской церкви ⁵⁾. Максимъ Грекъ — полный представитель восточнаго ученія вѣры — вполне вѣрно охарактеризовалъ его, когда говоритъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, что малѣйшее измѣненіе чего-либо въ ученія вѣры, даже рѣчи или слога, хотя бы на одну іоту, равняется отрицанію ученія и отпаденію отъ вѣчной жизни ⁶⁾. Главными спорными пунктами въ этой полемикѣ были: 1) ученіе объ исхожденіи св. Духа (*σινοуе*); 2) объ опрѣсновахъ; 3) о чистилищѣ; 4) о непогрѣшимости папъ. Но рядомъ съ ними идутъ обличенія, которыя представляютъ латинявъ оскорбляющими религіозныя вѣрованія припятія русскими («иконъ и мощей не цѣлуютъ» — хотя это обличеніе невѣрно), или касающіяся нравственной стороны ихъ жизни (духовенство, не имѣя женъ, живетъ съ наложни-

¹⁾ Опис. Рум. музея, 293, 307, 311. Опис. Синод. библ. II, 471—485, и описанія библиотекъ, приведенныя выше.

²⁾ Учен. запис. Акад. наукъ, II, вып. II.

³⁾ Акты историч. I, № № 45, 47, 51, 52, 62, 63, 65, 66, 273, 275, Дополн. I, № 13.

⁴⁾ Обзоръ духов. литер. 130.

⁵⁾ См. опредѣленія Владимірск. собора XIII в. въ Правосл. собесѣд. Акты историч. I, № 155. Ав. экспед. I, № 232.

⁶⁾ См. наше изслѣд. Максимъ Грекъ, I, гл. VI.

цами; монахи употребляютъ мясо; остальные ѣдятъ удушенну, медвѣдей, ословъ, бобровъ, ѣдятъ вмѣстѣ съ собаками и кошками, и т. п.)¹⁾. Митрополитъ Георгій представилъ 27 обвиненій противъ латинянъ, а Григорій Цамвлакъ—35. Изъ нихъ очевидно, что въ догматическомъ смыслѣ латинны принадлежатъ къ еретикамъ, общеніе съ которыми пагубно для спасенія душъ (Максимъ Грекъ); а въ нравственномъ они страдаютъ недостатками, которые могутъ быть вредны чрезъ сношенія съ ними. Въ Кормчихъ встрѣчаются запрещенія стоять возлѣ латинскаго храма и ѣсть изъ сосуда послѣ человѣка латинской вѣры, не омывши его предварительно молитвою²⁾. Въ обличеніяхъ совѣтуется не выдавать дочерей за латинянъ; запрещается дружить и цѣловаться съ ними; кляняться имъ (Феодосій Печерскій); ѣсть и пить съ ними (Никифоръ). Псковичи, получавшіе хлѣбъ изъ пѣмецкой земли, не считали себя въ правѣ пользоваться имъ безъ разрѣшенія митрополита; но Фотій разрѣшилъ имъ, подѣ условіемъ очищенія молитвою³⁾. Католицизмъ обыкновенно противопологался христіанству⁴⁾. Новгородскіе путешественники на востокѣ видѣли земной рай, а на западѣ доходили до ада⁵⁾. Въ описаніи страшнаго суда римское царство помѣщалось въ числѣ осужденныхъ⁶⁾. Такимъ образомъ установилось рѣзкое разграниченіе между двумя религіозными ученіями. Религіозное отличіе стало для русскихъ главною національною чертою. Замѣчательно, что причиною отрицательнаго отношенія русскихъ къ Риму иностранцы считали грековъ⁷⁾. Но и русскіе иногда смотрѣли на этотъ вопросъ съ политической стороны. Когда Пимень (по смерти Митяя) дививался въ Константинополь получить митрополию въ Россіи, то его сторонники изъ бояръ, желая вѣрнѣе достигнуть цѣли, угрожали патриарху »на счетъ латинъ«⁸⁾.

1) Преосв. Макарій при этомъ замѣчаетъ, что »у насъ тогда, какъ и на всемъ Востокѣ, судили о латинянахъ преимущественно по слухамъ, и потому могли говорить о нихъ не всегда вѣрно«. II, 145.

2) Щаповъ, Русскій расколъ, 115.

3) Акты историч. I, № 9.

4) Беръ, 77.

5) Посл. архіеп. Василія, Полн. собр. рус. лѣт. VI, 88.

6) Буслевъ, I, 135.

7) Ювій, 41, 42; Оларій, гл. 31; Mayerberg, Relation d'un voyage en Moscovie, Paris. 1858. II, 11.

8) Архивъ истор. юрид. свѣд. о Рос., Калачова. Синодальное дѣяніе о духовн. единствѣ Рос. (1389 г.) III, 11.

Какъ бы то ни было, но при всякомъ случаѣ, когда рѣшался важный вопросъ, въ которомъ сопривасались интересы враждебнаго исповѣданія, исходъ его всегда былъ сомнительнымъ.

Впрочемъ защита религіозной чистоты не ограничивалась противодѣйствіемъ только политическимъ стремленіямъ римскихъ папъ; она имѣла болѣе широкое значеніе. Владиміръ св. обязался не только остерегаться ученія римской церкви, но и вообще *не принимать иныхъ ученій* ¹⁾. Въ слѣдствіе торговыхъ сношеній Россіи съ Востокомъ, въ ней нерѣдко проживали восточные купцы. Въ южной Россіи встрѣчаются армяне и евреи; въ Москвѣ и сѣверныхъ городахъ армяне и разные магометанскіе купцы ²⁾. Имѣя постоянныя отношенія къ нимъ, русскіе иногда вдавались въ религіозные споры и склонялись къ ихъ мнѣніямъ ³⁾. Но армянская ересь считалась самою вредною, и потому съ ними совѣтовали не имѣть никакого общенія, точно также, какъ и съ латинами ⁴⁾. Слѣдовательно международныя отношенія оцѣнивались главнымъ образомъ съ религіозной стороны. Весьма характеристическимъ по тому времени представляется намъ одно молитвенное обращеніе, неимѣющее канонической силы; но важное для насъ въ историческомъ отношеніи, какъ фактъ, представляющій, въ какомъ видѣ припимались господствующія идеи. »Согрѣшилъ я, говорится тамъ, ходженіемъ въ латинскія божницы, и слушаю латинское пѣніе. Встрѣчаясь и стоя, я бесѣдовать съ латинами, армянами и жидами; въ забвеніи я желаю имъ мира и благословенія; прощаясь, я подавалъ имъ правую руку и выражалъ прощеніе (прощай) въ забытій, и отъ нихъ слышалъ тоже. Прости меня, отче» ⁵⁾! Это отрицаніе поддерживалось тѣми мѣстными условіями, среди которыхъ развивалась жизнь древней Россіи. На югѣ, со времени подчиненія ея Польшѣ, постепенно усиливается религіозная борьба двухъ противоположныхъ ученій, изъ которыхъ одно исповѣдывается побѣжденными, а другое побѣдителями, отношенія самыя невыгодныя въ эпоху среднихъ вѣковъ. Но эти отношенія еще болѣе усложняются католическимъ фанатизмомъ. Евреи получаютъ большія права въ Польшѣ, и, при своемъ промышленномъ значеніи, усили-

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 49.

²⁾ Соловьевъ, IV, 237; Карамзинъ, III, 124, 130; V, 6, 34; VII, 82.

³⁾ Сочин. Максима Грека, I, на магометанъ и армянъ.

⁴⁾ Акты историч. I, № 253. Карамзинъ, V, стр. 311.

⁵⁾ Правосл. собесѣд. 1859, августъ, 425.

вають релігійний антогонизмъ въ южной Россіи. На сѣверѣ, въ слѣдствіе колонизаціоннаго распространенія русскаго населенія—оно постоянно вторгается въ магометанскій¹⁾ и языческій міръ, который враждебно относится къ пришельцамъ. При господствующемъ взглядѣ на жизнь,—борьба ведется во имя религіи; но въ слѣдствіе преобладанія языческаго элемента въ странѣ, здѣсь возникаютъ отношенія, напоминающія собою первоначальную борьбу христіанства съ язычествомъ. Языческій міръ отождествляется съ міромъ зла, которымъ руководить общій врагъ человѣческаго рода. При такихъ условіяхъ наиболѣе могли русскіе сознать превосходство своего релігійнаго ученія; а это самое сознаніе, развивавшееся въ теченіе продолжительной борьбы, должно было обратиться въ общую точку зрѣнія.

Все это говоритъ въ пользу важнаго значенія того направленія, какое получила Россія изъ Византіи. Въ періодъ до-монгольскій, власть константинопольскаго патріарха надъ Россіею была такъ обширна, что послѣдняя рассматривалась не болѣе какъ одна изъ епархій²⁾. По церковнымъ правиламъ³⁾, избирать митрополита должны были епископы той области, для которой онъ назначался, а патріархъ только утверждалъ его; но въ первое время для Россіи была необходимость и въ самомъ выборѣ со стороны патріарха. Эту временную необходимость патріархи обратили въ законъ, руководствуясь прежними примѣрами. Греческіе канонисты основывали это право на 28 правилъ четвертаго вселенскаго собора, которымъ предоставлялось константинопольскому патріарху назначать митрополитовъ для трехъ греческихъ областей: азіатской, понтійской и еракійской, и поставлять епископовъ иноплемennыхъ народовъ, прилежавшихъ къ нимъ,—а Россію считали прилежащею къ области еракійской⁴⁾. Но такой способъ дѣйствія скорѣе

¹⁾ Враждебныя отношенія къ магометанству развивались также подъ вліяніемъ монгольскаго ига и притѣсненій греческой церкви турками, напр. въ такомъ видѣ, какъ представляли ихъ греческіе патріархи въ своихъ посланіяхъ, собиратели подаяній въ Россіи и Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ.

²⁾ Русская митрополія, какъ новая, стояла въ патріаршемъ спискѣ на 61 мѣстѣ, и на соборѣ въ Константинополѣ русскій митрополитъ занималъ послѣднее мѣсто. Макарій, II, пр. 515.

³⁾ Апостольск. 1, Никейск. 4, Антиохійск. 9, Халкидон. 28.

⁴⁾ Макарій, Истор. церкви, I, 168.

объясняется расширеніемъ правъ константинопольскаго патріарха. Право избранія митрополитовъ, предоставленное древними канонами областнымъ епископамъ, въ Константинопольскомъ патріархатѣ мало-по-малу перешло къ патріаршему собору, который составлялся при патріархѣ изъ епископовъ, временно проживавшихъ въ Константинополѣ. Этотъ соборъ съ X вѣка избиралъ митрополитовъ для Константинопольской области безъ участія помѣстныхъ соборовъ, и такой способъ избранія былъ приѣмлемъ къ русской церкви ¹⁾. Но онъ былъ важенъ въ политическомъ отношеніи; такъ какъ избраніе митрополитовъ въ Константинополѣ всегда совершалось при участіи императоровъ ²⁾. При назначеніи митрополитовъ патріархи обыкновенно обязывали ихъ твердо сохранять правила, принятыя византійскою церковью, и не допускать въ предѣлахъ своей области никакихъ нововведеній ³⁾. А митрополиты, въ свою очередь, обязывали къ тому же вновь поставляемыхъ епископовъ ⁴⁾. Зная, какое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Россіи можетъ оказывать, по своему положенію, митрополитъ, въ Константинополѣ старались предупреждать всякія попытки къ избранію его изъ русскихъ, послѣднимъ назначеніемъ лицъ, извѣстныхъ тамъ ⁵⁾. Но иногда проходило нѣскольکو лѣтъ, пока являлся митрополитъ изъ Константинополя—и въ Россіи не думали объ избраніи своего ⁶⁾. Въ періодъ до-монгольскій всего было три случая, когда въ Россіи воспользовались назначеніемъ митрополита, помимо константинопольскаго патріарха. Это самое показываетъ, какъ сильно было подчиненіе древнему обычаю. Однако самобытность Россіи требовала церковной независимости, особенно отъ вліянія императоровъ.

Впервые былъ поставленъ митрополитомъ изъ русскихъ, независимо отъ константинопольскаго патріарха,—Иларіонъ. Онъ былъ возведенъ въ этотъ санъ соборомъ русскихъ епископовъ, по инициативѣ вел. князя Ярослава I; по это поставленіе объясняется временнымъ разрывомъ съ Греціею, по поводу жестокостей съ русскими плѣнными во время войны, начатой также для защиты русскихъ интересовъ въ Константинополѣ. При томъ послѣ избранія Иларіона для виду было

¹⁾ Макарій, I, 171.

²⁾ Le Quien, Oriens Christ. I, 137, 141, 143. Макарій, II, 4.

³⁾ Акты историч. I, № 254.

⁴⁾ Ibid. № 18, 64. Акты экспед. № 370, 375.

⁵⁾ Макарій, III, 14.

⁶⁾ Макарій, III, 8.

испрошено утвержденіе его у патриарха¹⁾. Второй случай избранія въ митрополиты изъ русскихъ относится къ Ефрему свопцу, который сначала подвизался подъ руководствомъ Антонія Печерскаго, а потомъ переселился въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей. Отсюда онъ былъ вызванъ епископомъ въ Переяславль (1072); и по смерти митрополита Іоанна III назначенъ на его мѣсто; однако для утвержденія въ повомъ санѣ Ефремъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь²⁾, и въ самомъ назначеніи его можетъ быть имѣло вліяніе его прежнее пребываніе въ Греціи.

Рѣшительнымъ шагомъ къ освобожденію русской церкви отъ зависимости константинопольскаго патриарха можно считать дѣло Климента Смолятича. И въ этомъ случаѣ инициатива принадлежитъ свѣтской власти. Вскорѣ по прибытіи на кievскій престолъ переяславскаго князя Изяслава Мстиславича (1146 г.), умеръ въ Константинополѣ кievскій митрополитъ Михаилъ II. Узнавъ объ этомъ Изяславъ созвалъ въ 1147 г. соборъ въ Кіевѣ, состоявшій, какъ полагають³⁾, изъ девяти епископовъ, съ тѣмъ, чтобы они сами, безъ сношенія съ константинопольскимъ патриархомъ, избрали новаго митрополита. При этомъ Изяславъ указалъ имъ на Климента Смолятича, отличавшагося аскетическими подвигами (въ затворѣ) и книжностью («книжникъ и философъ»)⁴⁾. Но члены собора раздѣлились въ мнѣніяхъ. Черниговскій епископъ Онуфрій отстаивалъ право епископовъ поставлять митрополитовъ собственнымъ собраніемъ и такимъ образомъ поддерживалъ Изяслава. На это новгородскій епископъ Нифонтъ возразилъ: «въ законѣ нѣтъ, чтобы митрополита ставить епископамъ безъ патриарха», и, обратясь къ Клименту, присутствовавшему на соборѣ, сказалъ: «мы не станемъ тебѣ кланяться и не будемъ служить съ тобою; потому что ты не взялъ благословенія у св. Софійи и отъ патриарха; если же исири-вишься и примешь благословеніе отъ патриарха, то мы тебѣ поклонимся». Тогда Онуфрій отвѣчалъ: «я узналъ, что мы имѣемъ право поставитъ митрополита; мы можемъ поставитъ его главою св. Климента, которая находится у насъ, какъ ставятъ греки рукою св. Іоанна пред-

1) Ibid. III, 7.

2) Маварій, II, 6 и примѣч. 10.

3) Ibid. II, 9, 10.

4) Поля. собр. русск. лѣт. II, 29.

течи. Епископы, обсудивъ предложеніе Онуфрія, согласились съ нимъ и 27 іюня поставили Климента митрополитомъ, главою св. Климента, папы римскаго. Но это избраніе не было единогласно. Шесть епископовъ,—русскіе по происхожденію (черниговскій—Онуфрій, бѣлогородскій—Ѳеодоръ, переяславскій—Евѳимій, юрьевскій—Даміанъ, владимірскій—Ѳеодоръ, туровскій—Іоакимъ) согласились съ желаніемъ великаго князя; а три—родомъ греки, смоленскій—Мануилъ, полоцкій—Косма, новгородскій—Нифонтъ) ¹⁾ отказались отъ избранія безъ согласія патріарха. На соборѣ рѣшался вопросъ не объ избраніи только митрополита, который могъ-бы отправиться въ Константинополь за утвержденіемъ; а о томъ—имѣютъ-ли право русскіе епископы, помимо отношенія къ патріарху, сами поставить себѣ митрополита. И когда Нифонтъ предложилъ, чтобы Климентъ по крайней мѣрѣ послѣ избранія получилъ благословеніе у патріарха, то его обонли молчаніемъ. Климентъ остался вѣрнѣ желанію Изяслава, и до конца жизни не только не обращался къ патріарху за благословеніемъ, но и не сносясь съ нимъ. Нифонтъ, напротивъ, сталъ высоко въ глазахъ патріарха. Последній писалъ ему грамоты, въ которыхъ ублажалъ его и уподоблялъ святымъ за его подвигъ ²⁾.

Но успѣхъ Изяслава зависѣлъ вполне отъ тогдашнихъ политическихъ событій, т. е. отъ его собственнаго положенія на кievскомъ престолѣ. На сторонѣ Нифонта былъ соперникъ Изяслава—Юрій Долгорукій, князь суздальскій. Онъ съ честью принялъ у себя Нифонта, когда тотъ былъ въ Суздальѣ, по дѣламъ новгородцевъ. Это вѣроятно ободрило Нифонта. Онъ не сталъ поминать въ церкви Климента; за что былъ вызванъ въ Кіевъ и заключенъ въ Печерскій монастырь. Впрочемъ онъ не долго просидѣлъ въ заключеніи: въ 1149 г. Юрій взял Кіевъ и отпустилъ Нифонта въ Новгородъ; а Климентъ принужденъ былъ удалиться вмѣстѣ съ Изяславомъ во Владиміръ-Волинскій. Но когда Изяславъ снова занялъ Кіевъ—и Климентъ явился тутъ же. На этотъ разъ онъ оставался уже въ Кіевѣ и по смерти Изяслава (1154), при его пріемникѣ Ростиславѣ, пока не сдѣлался вел. княземъ Юрій

¹⁾ Макарій, III, 6, 9, примѣч. 15, 16; Зернинъ, Нифонтъ, еписк. новгород. въ Арх. историко-юридич. свѣд. о Россіи, II, 2-я полов., стр. 115.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. II, 79; Никоновск., II, 96, 153.

отправилъ посла къ патриарху съ просьбою — дать благословеніе Клименту; но тамъ, едва узнали о смерти Теодора, немедленно назначили въ Кіевъ Іоанна IV. Это сильно раздосадовало Ростислава. Между тѣмъ желая задобрить вел. князя, изъ Константинополя прислали богатые дары. Онъ принялъ ихъ, но съ угрозою, что если еще оттуда будутъ назначать митрополитовъ безъ вѣдома великаго князя, то онъ не только не приметъ ихъ, но постановитъ неизмѣннымъ правиломъ избирать митрополита — русскимъ епископамъ¹⁾. Дальнѣйшая судьба Климента Смолятича — неизвѣстна, а Ростиславъ умеръ въ 1166 г.

Въ этой борьбѣ вполне обрисовывается политика константинопольскаго правительства и значеніе грековъ, занимавшихъ въ Россіи высшія іерархическія мѣста. Въ политическомъ отношеніи это была вполне послѣдовательная система, посредствомъ которой въ Константинополь хотѣли имѣть вліяніе на Россію²⁾. Тамъ не довѣряли однимъ русскимъ, которые находились въ зависимости отъ своихъ князей, какъ это обнаружилось въ настоящемъ случаѣ, а потому старались имѣть на высшихъ мѣстахъ въ Россіи нѣсколько лицъ, связанныхъ съ Константинополемъ болѣе близкими интересами. Таковы были именно — греки³⁾. Они составляли прочный союзъ, надеясь всегда найти защиту и убѣжище у своихъ покровителей. Въ

1) Полн. собр. рус. лѣт. II, 92. Татищевъ, III, 142.

2) Такъ видно изъ сводной лѣтописи Татищева, II, 301.

3) Иногда эти лица не отличались даже нравственными качествами. Грекъ Николай купилъ полоцкое епископство у митрополита Никифора; Антоній, епископъ черниговскій, у котораго имѣлъ пристанище митр. Константинъ, извѣстенъ нарушеніемъ клятвы. Когда умеръ черниговскій князь Святославъ Ярославичъ, то его жена, дружина и епископъ рѣшили не извѣщать его соперника Святослава Всеволодовича, пока не прійдетъ сынъ Святослава черниговскаго — Олегъ. Для бѣлаго обезпеченія они рѣшили принести клятву передъ образомъ Спаса. Тысящій объявилъ, что епископу не прилично давать клятву, тѣмъ болѣе, что онъ любитъ своихъ князей. Но Антоній поцѣловалъ образъ первый, сказавъ при этомъ: «я для того свидѣтельствуюсь передъ вами, чтобы мнѣ никакимъ образомъ не извѣщать Святослава; но вы не погубите своихъ душъ и не будьте предателями, какъ Іуда». Однако первый далъ знать Святославу, написавъ ему, что уже послали за Олегомъ, но дружина разставлена далеко по городамъ; всё въ смущеніи; у влягини много товара; а, пока прійдетъ Олегъ, съ нимъ можно будетъ заключить выгодное условіе. Дѣйствительно, Святославъ поспѣшилъ и Олегъ долженъ былъ уступить ему Черниговъ. Но для насъ заслуживаетъ вни-

глазахъ русскаго общества, привыкшаго видѣть въ Константинополѣ религіозный центръ, казались даже неестественнымъ вести церковныя дѣла безъ участія патріарха; поэтому для многихъ Нифонтъ представлялся не только ревнителемъ вѣры, но и поборникомъ русской земли ¹⁾. Противодѣйствіе вліянію византійскаго правительства могло проявиться только тамъ, гдѣ столкновенія были неминуемы, т. е. со стороны свѣтской власти. Отсюда и началось дѣло; но непрочность самой власти и соперничество князей, противодѣйствовавшихъ возвышенію друга друга, и потому перѣдко поддерживавшихъ то, чему они сами не сочувствовали, были и здѣсь главною причиною неудачи. Благопріятный исходъ сдѣлался возможнымъ при другихъ обстоятельствахъ. Въ скоромъ времени константинопольскому патріарху стали грозить новыя смуты. Андрей Боголюбскій, стремясь къ образованію самодержавнаго княжества на сѣверѣ Россіи, хотѣлъ сдѣлать его самостоятельнымъ и въ церковномъ управленіи. Съ этою цѣлью онъ отправилъ посольство къ патріарху Лука Хрисовергу, съ просьбою устроить во Владимірѣ особую митрополию. Но патріархъ не согласился на томъ основаніи, что въ Россіи съ самаго начала положено быть одному митрополиту—кіевскому; а правила апостоловъ и отцовъ церкви запрещаютъ нарушать предѣлы епархій. Но въ этомъ случаѣ повредили Андрею—посольство кіевского митрополита Θεодора, бывший въ это время въ Константинополѣ; епископъ ростовскій Несторъ, изгнанный Андреемъ и искавшій суда въ Константинополѣ; въ епархіи котораго находился Владиміръ, и наконецъ самый взглядъ патріарховъ на раздѣленіе митрополій, о которомъ мы скажемъ ниже. Получивъ отказъ, Андрей сталъ хлопотать о томъ же, что было причиною смуты при Изяславѣ. Онъ отправилъ на кіевскій соборъ (1168) посольство съ предложеніемъ ли-

маніе собственное заключеніе лѣтописца о поступкѣ Антонія: »Епископъ, говоритъ онъ, приносилъ клятву, тая лезть въ себѣ: *потому что родомъ былъ грекъ*«. Стоитъ при этомъ припомнить замѣчаніе другаго древняго лѣтописца: »греки льстивы до сего дня«, чтобы понять, какое мнѣніе составилось о византійской политикѣ—у лицъ, вникавшихъ въ дѣло. Полн. собр. рус. лѣт. I, 165; II, 92, 127. Первый епископъ изъ русскихъ поставленъ въ 1036 г. (Лука Жидата). Во второй половинѣ XII в. почти одновременно было пять епископовъ грековъ; даже въ XIV в., при болышій самостоятельности русской церкви, встрѣчается нѣсколько епископовъ—грековъ. Макарій, II, 12; III, 9, 10; IV, 303.

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. II, 79; Никонов. лѣтоп. II, 96, 153.

нить митрополиі Константина, которымъ были недовольны, а на его мѣсто поставить новаго—соборомъ русскихъ епископовъ, причемъ вообще разсудить, какъ много происходитъ вреда и убытковъ для Россіи отъ власти надъ нею патріарховъ. Можетъ быть этимъ путемъ Андрей думалъ достигнуть осуществленія прежняго намѣренія—отдѣлить Владиміръ отъ подчиненія кіевскому митрополиту; но Мстиславъ кіевскій, изъ опасенія смуты, не согласился съ предложеніемъ Андрея и потому это дѣло не состоялось ¹⁾.

Почему же въ Константинополѣ не сочувствовали раздѣленію, котораго добивался Андрей? Свой взглядъ на этотъ вопросъ патріаршій соборъ выразилъ при поставленіи митрополита Кипріана (XIV в.). «Такъ какъ свѣтской власти въ Россіи въ одномъ лицѣ сосредоточить было нельзя, говорится въ его опредѣленіи, то святые отцы собора установили одну духовную». Поэтому, когда кіевскіе митрополиты перенесли свое мѣстопробываніе въ сѣверную Россію, а князья литовскіе старались приобрѣсть для южной Россіи самостоятельнаго митрополита, то въ Константинополѣ всѣми способами старались воспрепятствовать этому, такъ какъ легче было вліять *черезъ одного человека* ²⁾. Но раздѣленіе все-таки совершилось. Когда южная Россія вошла въ составъ отчасти Литовскаго княжества, отчасти Польскаго королевства, тамошнія правительства смотрѣли подозрительно на пребываніе митрополита въ Москвѣ, который могъ оказывать вліяніе на ихъ подданныхъ; особенно это было неприятно князьямъ литовскимъ, постоянно борющимся съ Москвою. И потому, какъ польское, такъ и литовское правительства принялись хлопотать въ Константинополѣ объ утвержденіи для своихъ областей особыхъ митрополитовъ. Сначала въ Константинополѣ отказываютъ; но, вынужденные угрозами о превращеніи связи и опасности греческому исповѣданію со стороны латинскаго, допускаютъ раздѣленіе: тогда являются въ Россіи два (митр. Алексій въ Москвѣ и Романъ въ Литвѣ) и даже три митрополита (Алексій въ Москвѣ, Антоній галицкій, но настоянію Казимира, и Кипріанъ литовскій, по настоянію Ольгерда). Въ обоихъ случаяхъ однако признаніе авторитета константинопольскаго патріарха было сохранено. Впрочемъ, допуская вынужденное раздѣленіе, патріархи, при удобномъ случаѣ, стараются

¹⁾ Макарій, III, 16—18.

²⁾ Митрополитъ Кипріанъ, въ Правосл. собесѣд. 1862, январь, 4.

установить прежнее единство (при митр. Киприанѣ, Фотіѣ). По смерти Киприана, литовскій князь Витовтъ опять настаивалъ на посвященіи отдѣльнаго митр. въ Литву и, несмотря на то, что для этой цѣли онъ избралъ грека Θεодосіа, въ Константинополь назначили одного митрополита—Фотія (1408), тоже грека, который отправился въ Москву. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Витовтъ выразилъ свое неудовольствіе патриарху на Фотія и два раза хлопоталъ о назначеніи въ Литву Григорія Цамвлака, и когда тамъ не думали выполнять его просьбы, онъ заставилъ русскихъ епископовъ Литвы избрать Цамвлака безъ участія константинопольскаго патриарха. Тогда московскій митрополитъ Фотій отлучилъ Григорія и епископовъ, избравшихъ его, и запретилъ имѣть съ ними сообщеніе не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ пищѣ. Фотій былъ строгимъ защитникомъ правъ константинопольскаго патриарха на русскую церковь. Въ своихъ окружныхъ посланіяхъ по Россіи онъ проводитъ мысль, что единственный источникъ вѣры—есть константинопольская церковь, изливающая се на Россію посредствомъ *одного митрополита*, которому обязаны повиноваться всѣ князья, епископы, духовенство и народъ¹⁾. Смерть Цамвлака опять соединила русскую церковь въ одномъ лицѣ—Фотіѣ.

Въ эпоху раздѣленія Россіи и стремленія въ ней къ самостоятельному избранію лицъ на митрополитскій престолъ, въ Константинополь особенно заботились о сохраненіи вліянія. Тамъ не только спѣшили назначеніемъ своихъ кандидатовъ (вмѣсто предложеннаго Θεодора—Θεогноста, вмѣсто Іоны—Исидора); но даже не признавали иного способа назначенія. Въ актѣ (1354) возведенія въ митрополиты Алексѣя, рекомендованнаго изъ Москвы, сказано: *«хотя не дозволено назначать въ митрополиты кого-нибудь не изъ Константинополя, но на этотъ разъ для епископа Алексѣя сдѣлано исключеніе въ уваженіе свидѣтельства вел. князя и покойнаго митрополита»*²⁾ (грека Θεогноста, который взялъ его къ себѣ для управленія митрополитскимъ дворомъ и у котораго онъ даже научился греческому языку)³⁾. А вновь назна-

1) Акты историч. I, № 19, 40. Полн. собр. русск. лѣт. IV, 116.

2) Архивъ истор. юрид. свѣд. о Рос. II, Учрежд. патриарш. 14.

3) Митрополитъ Алексѣй, въ Твор. св. отцовъ, прибавл. годъ VI, кн. I, 94. Назначеніе не изъ Константинополя патриархъ считалъ даже опаснымъ для церкви и потому запретилъ на будущее время слѣдовать этому примѣру. Acta Patriarchata Constantinopol. I, 336—338.

чаемые епископы, въ своемъ «исповѣданіи», обявлялись «не принимать много митрополита, кромѣ поставляемаго изъ Константинополя»¹⁾—очевидное огражденіе противъ прежнихъ примѣровъ избранія митрополита русскими епископами.

Но въ это время Византія явно клонится къ упадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ бѣдственное положеніе для константинопольскаго патріарха. Уже Андрей Боголюбскій представлялъ кievскому собору объ убыткахъ, какіе происходили для Россіи отъ назначенія митрополитовъ въ Константинополѣ. При посвященіи лица, предлагаемаго изъ Россіи, приходилось удовлетворить въ Константинополѣ тѣхъ, отъ кого зависѣло веденіе дѣла; а митрополиты-греки вѣроятно передавали туда часть своихъ доходовъ²⁾. Мы видѣли въ какомъ разстроенномъ положеніи были финансы Византіи. Съ конца XIV в. она начинаетъ платить дань туркамъ, а императорская фамилія поступаетъ на содержаніе французскаго правительства. Въ такое время сохраненіе вліянія на Россію было особенно необходимо для византійскаго правительства. Въ Россію постоянно приходили съ востока духовныя лица за милостынею и особенно богатые дары доставались на долю константинопольскаго патріарха. Послѣдній иногда лично относился къ русскимъ митрополитамъ съ просьбою содѣйствовать собранію пожертвованій, и въ этомъ случаѣ особенное участіе оказывали лица, присланные изъ Константинополя (Кириіанъ, Фотій). Въ 1398 г. много серебра было отослано въ Константинополь отъ великаго князя Василя Дмитріевича, Михаила тверскаго, Олега рязанскаго, Витовта литовскаго, отъ монастырей, духовенства, купцовъ и народа, за что оттуда прислали иконы и мощи³⁾. Такимъ образомъ русская митрополія обратилась въ сильную поддержку для константинопольскаго двора. Западно-русскіе епископы, при возведеніи Григорія-Цамвлака въ митрополиты (1416), открыто заявляли, что въ Константинополѣ ставятъ митрополитомъ того, кого велитъ императоръ⁴⁾. Постоянная смѣна митрополитовъ въ Рос-

1) Акты историч. I, № 19; Акты экменедіци, I, № 170, 175, 370.

2) На это указываетъ Витовтъ, желавшій имѣть своего митрополита потому, что императоръ и патріархъ продаютъ митрополію тому, кто обѣщаетъ посылать имъ доходы. Акты запад. Россіи, № 25. Пр. Макарій признаетъ его отзывъ справедливымъ. V, 285.

3) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 228; VI, 147; VIII, 71; Ниволов. IV, 272.

4) Акты запад. Россіи, I, № 24.

сія за этотъ періодъ (отъ митр. Петра—до Юны), извѣдшіе однихъ, избраніе другихъ и совѣстное назначеніе нѣсколькихъ — свидѣтельствуютъ, что въ Константинополѣ боролись разные интересы. Изъ существующихъ данныхъ оказывается, что многіе изъ нихъ принуждены были, для достиженія цѣли, прибѣгать къ подкунамъ, а за неимѣніемъ средствъ, занимать въ Константинополѣ большія суммы въ счетъ будущихъ благъ (Романъ, Пименъ, Кипріанъ, Діонисій, архіепископъ Теодоръ)¹⁾; вотъ почему съ ихъ стороны въ послѣдствіи возникали настоятельныя требованія пошлынъ и дани (Кипріанъ). Въ Москвѣ признавали, что успѣха въ Константинополѣ можно достигнуть такимъ путемъ, и потому, когда Дмитрій Донской отпралялъ туда для посвященія своего любимца Митяя, то вручилъ ему нѣсколько благовъ, скрѣпленныхъ княжескою печатью на случай, еслибы ему пришлось прибѣгнуть къ займамъ. Смерть помѣшала Митяю достигнуть цѣли. Но княжескими грамотами воспользовался одинъ изъ его спутниковъ—архимандритъ Пименъ. Пр. Макарій справедливо сомнѣвается, чтобы въ Константинополѣ не знали обмана²⁾, и однако Пимену удалось получить митрополию. Онъ съ своими сторонниками—болрами, бывшими въ свѣтъ Митяя, занялъ, на имя великаго князя, у восточныхъ и итальянскихъ купцовъ до 20,000 руб. серебромъ, чтобы раздать кому слѣдуетъ. Всѣ деньги и богатые дары были розданы, и однако «едва могли они удовлетворить всѣхъ»³⁾. Въ іюнѣ 1380 г. Пименъ былъ провозглашенъ митрополитомъ всей Россіи патриаршимъ соборомъ, а Кипріану предложены были Литва и Малая Россія. Конечно такой поступокъ Пимена не могъ говорить въ его пользу, тѣмъ болѣе что тогда ходили разные слухи о смерти Митяя, и потому назначеніе Пимена было только началомъ новыхъ смутъ и неудовольствій въ Москвѣ; а подобныя рѣшенія въ Константинополѣ все болѣе возбуждали сомнѣнія въ законности существующихъ отношеній⁴⁾. Но тамъ мало обращали вниманія на это. Наванунъ Флорентійскаго собора патр. Іосифъ рассу-

1) Ibid. и Макарій, V, кн. II, 297, 299; IV кн. I, 41.

2) Макарій, IV, кн. I, 69.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 31, 32; Никонов. лѣт. IV, 75, 76.

4) Назначивъ уже двухъ митрополитовъ (Кипріана и Пимена), патриархъ Нилъ, съ согласія императора, рѣшилъ поставить третьяго—Діонисія, который, какъ полагаютъ, достигъ этого обычнымъ путемъ—подарками и деньгами. Макарій, IV, кн. I-я, 73, 74.

дать съ своими приближенными о томъ, какъ хорошо было-бы созвать соборъ не въ Италиі, а въ Константинополѣ. Главное затрудненіе заключалось въ финансовыхъ средствахъ, необходимыхъ для содержанія западныхъ богослововъ, на что потребовалось-бы до 100,000 аспровъ. Интересна раскладка этой суммы на членовъ восточной церкви, которую предлагалъ собрать патріархъ. Архіепископы грузинскій и сербскій, по его мнѣнію, могли-бы внести по 20,000 аспровъ; восточные патріархи по 2,000 или по крайней мѣрѣ по 1,000 флориновъ; изъ богачей константинопольскаго патріархата—одни 1,000, другіе 600, иные 300 и 100 аспровъ; но одинъ русскій митрополитъ могъ-бы привезти всю сумму (т. е. 100,000 аспровъ ¹). »Отсюда можно заключать, справедливо замѣчаетъ пр. Макарій, что русская митрополія считалась богатѣйшею изъ всѣхъ митрополій и епархій вселенскаго патріарха, и что отъ русскихъ митрополитовъ въ Константинополѣ привыкли ожидать огромныхъ приношеній и пожертвованій. *Не здѣсь-ли скрывается самая тайная, но и самая главная причина, почему патріархи такъ домо и такъ упорно держались обычая назначать въ Россію митрополитовъ—грековъ, изъ числа своихъ приближенныхъ» ²)?*

Планъ Іосифа не состоялся; соборъ былъ созванъ въ Италиі. Византійское правительство хлопотало, главнымъ образомъ, объ уніи съ западною церковью, чтобы съ помощью ея сохранить остатки своей имперіи. Но для полнаго успѣха уніи необходимо было участіе представителя русской церкви; а потому во главѣ ея слѣдовало поставить такое лицо, которое сообразовалось-бы съ видами византійскаго правительства. Такимъ оказался Исидоръ. Онъ былъ присланъ въ Москву, не смотря на ходатайство вел. князя о рязанскомъ епископѣ Іонѣ. Вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ Москву, Исидоръ отправился на соборъ, принялъ унію и явился въ Россію съ цѣлію распространить ее здѣсь. Это окончательно возбудило русскихъ противъ дѣйствій константинопольской политики, и Исидоръ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Онъ былъ послѣднимъ митрополитомъ, избраннымъ и назначеннымъ въ Константинополѣ. Его дѣло послужило предлогомъ порвать всякую зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Препжній претендентъ на митрополитскій престолъ—Іона былъ избранъ только соборомъ рус-

¹) Исторія Флорент. собора. Москва, 1847. 23—24.

²) Макарій, V, кн. II, 286.

скихъ епископовъ; хотя потомъ было испрошено ему благословеніе у патриарха, а въ Москвѣ считали необходимымъ объяснить, что его избраніе совершилось не изъ дерзости и гордости, а по нуждѣ, обѣщая при этомъ извѣщать о всемъ патриарха. Такъ трудно было отрѣшиться отъ зависимости, установившейся вѣками! Стараясь сохранить съ патриархомъ мирныя отношенія, вел. князь опирался собственно на два довода противъ поставленія митрополитовъ въ Константинополь—опасность пути отъ турокъ и неудобство совѣщаться о политическихъ дѣлахъ съ митрополитами-греками, съ которыми приходилось говорить черезъ переводчиковъ¹⁾. Видя настойчивость и рѣшительный шагъ со стороны московскаго правительства, патриархъ далъ русскимъ епископамъ право поставлять митрополита, сдѣлавъ его притомъ первымъ послѣ патриарховъ²⁾

Власть патриарховъ надъ Россіею ослаблялась постепенно: раздѣленіемъ русской митрополіи, стремленіемъ московскихъ князей имѣть самостоятельныхъ митрополитовъ и политическимъ паденіемъ Византіи. Со времени ея завоеванія (1453), въ Константинополь усилилась борьба партій, имѣвшихъ вліяніе на избраніе патриарховъ (соперничество константинопольскихъ и трапезунтскихъ грековъ). Участіе императоровъ въ этомъ дѣлѣ перешло теперь на турецкихъ султановъ, которые хотѣли имѣть черезъ патриарховъ политическое вліяніе. Въ 1474 г. въ Константинополь, по повелѣнію султана, для Россіи былъ поставленъ митрополитомъ — Спиридонъ; но его не приняли ни въ Литвѣ, ни въ Москвѣ³⁾. Вѣроятно въ слѣдствіе этого въ »исповѣданіе« епископовъ была внесена клятва не принимать митрополитовъ не только изъ Рима, но даже изъ Константинополя, потому что онъ находится въ рукахъ турокъ. При этомъ поставляемый обязывался—не признавать раздѣленія русской церкви и уніи Исидора, и во всемъ слѣдовать митрополиту, назначенному отъ вел. князя московскаго⁴⁾.

1) Акты историч. I, № 39, 41. Въ первый разъ грамота была послана въ 1441 г., но не дошла до Константинополя; а потому послана второй разъ въ 1448 г., на имя Константина Палеолога.

2) Дополн. къ истор. акт. II, № 76.

3) Карамзинъ, VI, пр. 629.

4) »Отрицаюся и прокливаю Григорія Цамвлакова раздранія, якоже и есть проклито. Такожде отрицаюся Исидорова къ нему приобщенія, и ученика его Григорія раздирателя и ихъ позволенія и соединенія

Послѣ разрыва для константинопольскихъ патріарховъ не оставалось никакихъ средствъ вліять на Россію, а между тѣмъ турецкое владычество для нихъ было крайне обременительно. При своемъ избраніи они обязывались уплатить извѣстную сумму (1000 — 3000 червонцевъ) въ султанскую казну, причемъ еще необходимо было раздать значительные подарки приближеннымъ султана. За невзность платы ихъ подвергали низверженію. Исторія византійской церкви того времени наполнена подобными примѣрами. Со временемъ дань патріарха раздѣлялась на единовременный взносъ (*лесхи́σων*) и постоянный (*χοράζων*), которые постепенно увеличивались¹⁾. Въ такое время важною поддержкою для патріарха могла-бы служить помощь Россіи; но отсюда шла только ежегодная милостыня²⁾, которую притомъ иногда приходилось выпрашивать въ видѣ подаянія. Весьма естественно, что въ такомъ положеніи могла возникнуть въ Константинополѣ мысль о восстановленіи прежняго вліянія на Россію. Этотъ путь казался наиболѣе удобнымъ для достиженія другой цѣли — изгнанія турокъ, о которомъ тогда хлопотали и на западѣ. Выразителемъ этихъ стремленій въ XVI вѣкѣ явился въ Россіи Максимъ Грекъ. Отправляя его въ Москву, въ замѣтъ другаго переводчика, о которомъ писалъ Василій Іоанновичъ, патріархъ Θεολιππѣ, въ посланіи къ митр. Варлааму, изобразивъ бѣдствія греческой церкви, просилъ «поспѣшить ей на помощь *δύλωμъ и сλόσωμъ*»³⁾. Максимъ Грекъ, по пріѣздѣ въ Россію, принялся также хлопотать въ защиту византійскихъ интересовъ. Онъ побуждалъ вел. князя на рѣшительную борьбу съ турками во имя религиозныхъ и политическихъ интересовъ. Освобожденіе греческой церкви отъ «безбожныхъ агарянъ» — онъ выставлялъ какъ дѣло во славу Бога и упрекалъ русскихъ за равнодушіе къ нему; а чтобы болѣе успѣть въ этомъ, — онъ

къ латинству, со ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго въ цариградѣ поставленія, въ области безбожныхъ турковъ поганого царя; такожде и всѣхъ тѣхъ отрицающъ, еже по немъ когда случится пріити въ Кіевъ отъ Рима, латинскаго или отъ Царьграда турецкія державы» и т. д. Твор. св. отц. годъ VI, кн. I, 158, примѣч.

¹⁾ Philippi (Cyprii magnae ecclesiae Const. protonotarii Chronic. Eccles. Graec. p. 346, 379, 364.

²⁾ La religion des Moscovites en 1525, par Jean Faber. 1860. Paris pag. 8.

³⁾ Агты историч. I, № 121.

старался внушить Василію Іоанновичу мысль о возможности образованія новой Византійской имперіи во главѣ одного изъ родственниковъ великаго князя ¹⁾. Но, дѣйствуя въ пользу политической самостоятельности Византіи, онъ не забывалъ и интересовъ константинопольскаго патріарха. Онъ старался устранить предразсудокъ, что отъ константинопольскаго патріарха не слѣдуетъ принимать митрополитовъ потому только, что онъ находится въ области невѣрныхъ; указывая въ опроверженіе этого на древнюю церковь, которая сіяла, какъ солнце, хотя и находилась подъ властью гонителей. Далѣе, выходя изъ той мысли, что «священство выше царства», потому что патріархъ вѣнчаетъ и утверждаетъ царей, Максимъ Грекъ заключаетъ: «хотя и изгнаны греческіе цари, но духовно царствующій не отвергнуть отъ Бога, а потому, какъ похвально отречься еретичествующихъ папъ, такъ неспасительно и заслуживаетъ укора отлучаться отъ православныхъ архіереевъ» ²⁾. Такъ писалъ Максимъ Грекъ въ отдѣльномъ сочиненіи, посвященномъ этому вопросу. Но гораздо рѣзче развивалъ онъ свою мысль въ частныхъ бесѣдахъ. Посвященіе русскихъ митрополитовъ, безъ благословенія константинопольскаго патріарха, онъ называлъ незаконнымъ и произвольнымъ дѣломъ, и приписывалъ это гордости русской іерархіи. Онъ разыскивалъ ту грамоту, которою константинопольскій патріархъ утвердилъ самостоятельность русской церкви, но, по его словамъ, не могъ найти ее, хотя она сохранилась до сихъ поръ ³⁾. На соборѣ Максимъ Грекъ подтвердилъ эти показанія и, подъ вліяніемъ сознанія правоты своего дѣла, вполне высказалъ свои задуманные стремленія. Новый порядокъ церковнаго управленія въ Россіи онъ называлъ «еретическимъ мятежемъ и расколомъ», Россію—Вавилономъ; а русскихъ сравнивалъ съ жидами, еретиками, и древомъ, неприносящимъ плода. Въ сознаніи такой виновности Россіи и гордости русскихъ, не признававшихъ авторитета константинопольскаго патріарха, онъ плакалъ на соборѣ «плачемъ Іереміи на рѣкѣ вавилонской» ⁴⁾.

¹⁾ Сочин. Максима Грека, т. I, слово VII, томъ II, 318.

²⁾ Сочин. Максима Грека, III, сл. XXII.

³⁾ Судное дѣло Максима Грека въ Чтеніи Моск. общ. истор., 1847, года № VII, Граммата патріарха напеч. въ Дополн. къ истор. авт. II, № 76.

⁴⁾ Дѣло Максима Грека.

Но осуществленіе плановъ Максима Грека было немислимо въ Россіи. Осторожная политика московскихъ князей не слишкомъ поддавалась на невѣрныя предложенія о завоеваніи Константинополя и образованіи новой имперіи, подъ управленіемъ одного изъ московскихъ князей. Въ то время турки были еще слишкомъ грозны и заставляли задумываться даже на западѣ; тѣмъ болѣе завоевательное предпріятіе неосуществимо было для одной Россіи, что и показали послѣдующія событія. Но въ этомъ вопросѣ Максимъ Грекъ по крайней мѣрѣ льстилъ самолюбію московскаго князя. Другой же вопросъ не имѣлъ за собою и такого достоинства. Онъ прямо обнаружилъ въ Максимѣ Грекѣ представителя византійской партіи, къ которой относили проживавшихъ тогда въ Россіи афонскихъ грековъ¹⁾. Да и незачѣмъ было отказываться отъ того, что досталось рядомъ долгихъ усилій. Безусловная независимость московскаго князя требовала такой же независимости отъ посторонняго вліянія русской іерархіи. Слѣдовательно мысль Максима Грека не могла понравиться ни московскому правительству, ни русскому духовенству, и потому на судѣ, поднятомъ противъ него въ 1531 г., его старанія въ пользу константинопольскаго патріарха составляли одинъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ²⁾. Такъ неудачна была попытка со стороны защитниковъ византійскихъ интересовъ возстановить прежнее вліяніе Византіи на Россію. Впрочемъ и въ послѣдствіи въ важныхъ вопросахъ (принятіе царскаго титула Иоанномъ Грознымъ, учрежденіе патріаршества при Феодорѣ Иоанновичѣ) въ Москвѣ считали необходимымъ обращаться къ авторитету константинопольскаго патріарха; но они возникали по инициативѣ московскаго правительства и по своей новизнѣ требовали освященія оттуда, гдѣ первоначально существовали; тѣмъ болѣе, что религиозная связь съ восточными патріархатами поддерживалась постоянно.

Въ теченіе продолжительнаго періода непосредственной зависимости Россіи отъ Византіи (998—1448) въ церковномъ отношеніи, византійское правительство постоянно стремилось утвердить за собою политическое вліяніе на Россію. Русскіе митрополиты обязаны были каждые два года являться въ Константинополь и отдавать отчетъ въ свремѣ управленіи; а если болѣзнь или другія обстоятельства мѣшали

¹⁾ Судное дѣло Максима Грека, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VII.

²⁾ Ibid.

этому, то они должны были прислать отъ себя довѣренныхъ лицъ ¹⁾. Въ лицѣ константинопольскаго патріарха сосредоточивался верховный судъ надъ русскими митрополитами и епископами, и патріархъ въ такихъ случаяхъ вызывалъ ихъ въ Константинополь или, для производства слѣдствій, посылалъ отъ себя въ Россію уполномоченныхъ лицъ ²⁾. Патріархъ бралъ на себя разбирательство жалобъ духовенства на свѣтскую власть и не всегда рѣшалъ ихъ въ пользу послѣдней ³⁾; къ нему же поступали для разъясненія сомнительные вопросы изъ области канонической (напр. о бракѣ ярославскаго князя Теодора на дочери татарскаго князя Менгу-Темара) ⁴⁾. Но при этомъ константинопольскіе патріархи старались установить зависимыя отношенія и къ византійскимъ императорамъ. Такъ, въ Россіи существовалъ обычай при церковномъ богослуженіи упоминать имена послѣднихъ, и когда вел. князь Василій Дмитріевичъ запретилъ это, сказавъ митрополиту: «мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ», то патріархъ отправилъ къ вел. князю строгое посланіе съ убѣжденіемъ исправиться и по прежнему чтить царя и патріарха. «Я, пишу тебѣ тамъ, какъ общій учитель всѣхъ христіанъ, необходимымъ считаю, если только гдѣ слышу о чемъ либо, допущенномъ тобою, вредномъ для души твоей, писать тебѣ, и пишу, какъ отецъ и пастырь, съ увѣщаніемъ и убѣжденіемъ, да исправши это. А ты, какъ христіанинъ и сынъ церкви, обязанъ исправить. Отчего ты не уважаешь меня, патріарха, и не отдавая должной чести, какую воздавали твои предки, великіе князья, не считаешь не только меня, но и людей, которыхъ я посылаю къ вамъ, и которые не получаютъ ни чести, ни мѣста, всегда и вездѣ принадлежавшихъ патріаршимъ людямъ? Неужели не знаешь, что патріархъ носить образъ Христа и имъ поставляется на владычній престолъ? Ты не уважаешь не человѣка, но самого Христа, потому что воздающій честь патріарху почитаетъ самого Иисуса Христа. Пусть мы не пользуемся мірскою властью; но христіанство владычествуетъ повсюду, и намъ принадлежитъ та самая честь, которую имѣли апостолы и ихъ преемники... Поэтому, сынъ мой, пишу, убѣждаю и совѣтую благородству твоему, чтобы ты почи-

1) Acta Patriarch. Constantinopol. I, 339.

2) Макарій, IV, вл. I, 18, 43, 74.

3) Макарій, III, 17.

4) Ibid. V, 303.

таль, какъ самого Христа, такъ и патріарха, а вмѣстѣ и слова его, грамматы, указанія и людей, которыхъ онъ посылаетъ. Это я обязанъ возвѣстить и внушить благородству твоему; а ты, какъ сынъ церкви, обязанъ послушаться и исправиться. Кромѣ того я слышу нѣкоторыя слова, которыя произносятъ благородство твое о державнѣйшемъ и благочестивомъ самодержцѣ моемъ и царѣ, и скорблю, что ты воображаешь, какъ говорятъ, митрополиту поминать божественное имя царя на эктеніяхъ: это дѣло не бывалое! Царь, какъ царь святой, имѣетъ большое значеніе въ церкви; онъ не такой царь, какъ другіе начальники и мѣстные правители.... Царь имѣетъ такую власть надъ всѣми, что и сами латины, немѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, воздаютъ ему ту же самую честь и тоже самое уваженіе, какое оказывали въ прежнія времена, когда были съ нами въ единеніи; тѣмъ болѣе православныя христіане обязаны оказывать ему это. А изъ-за того, что народы языческіе стѣснили державу царя, христіанамъ отсюда не слѣдуетъ презирать его.... И такъ очень нехорошо, сынъ мой, что ты говоришь: «церковь имѣетъ, а царя не имѣетъ». *Невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть. Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и невозможно отдѣлять одно отъ другаго.* Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неаостовствовали противъ церкви и вводили догматы, извращенныя и чуждыя ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и благочестивый мой самодержецъ, по благодати божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ церкви, защитникъ и блюститель ея, и невозможно, чтобы нашелся такой архіерей, который бы не поминалъ его. Послушай верховнаго апостола Петра, который говоритъ: «Бога бойтесь, царя чтите!» Не сказалъ: *царей*, чтобы кто не подумалъ объ именуемыхъ царяхъ отдѣльно у каждаго народа, но *царя*, показывая тѣмъ, что одинъ есть каѳолическій царь. Какого же это царя? конечно нечестиваго, который былъ въ то время и преслѣдовать христіанъ. Но святой апостоль, провидя въ будущемъ, что христіане будутъ имѣть и единаго царя, повелѣваетъ чтить даже нечестиваго царя, дабы они научились изъ того, какъ должно почитать царя благочестиваго и православнаго»¹⁾.

¹⁾ Acta Patriarch. Constantinopol. II, 182—192. Макарій, V, приложеніе XI.

Изъ этого видно, что въ Константинополѣ уменьшеніе императорскаго авторитета въ глазахъ московскаго правительства считали тѣсно связаннымъ съ ослабленіемъ вліянія константинопольскаго патріарха; а потому въ восстановленіи одного видѣли успѣхъ другого. Вотъ почему борьба противъ такого вліянія возникала въ Россіи каждый разъ, когда во главѣ ея управленія стояли болѣе самостоятельныя личности. Съ возвышеніемъ Московскаго княжества прекращается и господственное отношеніе Византіи къ Россіи.

Но въ то время, когда Россіи подчинилась вліянію Византіи, она едва выступила на историческій путь; ея развитіе, какъ страны, которая пачинала свое политическое существованіе, далеко уступаю вполнѣ образовавшемуся государству, какъ Византійская имперія, политическія формы которой сдѣлались образцомъ для всѣхъ средневѣковыхъ государствъ, о чемъ хлопотали государи, духовенство и юристы. Исключеніе составляетъ только Англія, гдѣ византійское законодательство проникло въ одни церковные суды или служило пособіемъ въ такихъ случаяхъ, когда въ германскихъ законахъ не встрѣчалось соответствующаго рѣшенія ¹⁾. При слабости политическаго элемента въ Россіи, на первыхъ порахъ, естественно долженъ былъ получить громадное значеніе авторитетъ духовный. Между тѣмъ, какъ политическія формы государства только начали развиваться, во главѣ общества стало духовенство, единственное, вполнѣ сформировавшееся, сословіе, съ своими преданіями и строго опредѣленными цѣлями. Преобладаніе греческаго элемента въ высшей іерархіи еще болѣе способствовало утвержденію византійскихъ началъ. Представители греческой церкви, говорить Калачовъ, вмѣстѣ съ своими учениками изъ болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало-по-малу новыхъ органовъ церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Россіи и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ византійской церкви, утвержденныхъ неподвижно канонами апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, основательно изучившее свѣтское, подробно развитое, право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ

¹⁾ Шлоссеръ, V, 9.

это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно естественно должно было принести съ собою глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и разбивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но — при этомъ возрѣніи, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самые сомнительные начатки гражданственности: въ сферѣ государственной — верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узами подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и родовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной — быть родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной — кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ, и такимъ образомъ даже считать обязанностью своей совѣсти внушать великимъ князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было конечно признать то, чтобы познакомить ихъ съ постановленіями и юридическимъ бытомъ своего прежняго отечества — Византійской имперіи. Обстоятельства помогли ему совершить это дѣло¹⁾.

Духовная зависимость Россіи отъ Византіи начинается вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое обазано своимъ началомъ свѣтской власти, а потому вмѣстѣ съ распространеніемъ княжеской фамиліи, которая подчиняла своему непосредственному вліянію даже отдаленныя области, находившіяся прежде только въ номинальной зависимости отъ вел. князя, расширяется и территорія христіанства. Удѣльные князья, какъ мы видѣли, были постоянными покровителями новой религіи, а это естественно приводило ихъ въ ближайшія отношенія къ духовенству, вліяніемъ котораго они пользуются для установленія юридическаго быта

¹⁾ Калачовъ, О Кормчей, въ Чтеніи Моск. общ. исторіи, 1847, № III, стр. 3.

своихъ гражданъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. При такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Россіи, согласныхъ между собою или враждующихъ, на всемъ ея пространствѣ утверждаются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе Россіи ¹⁾).

Въ силу такого господствующаго положенія въ странѣ, духовенство получаетъ обширныя духовныя и гражданскія права. Духовныя лица становятся ближайшими совѣтниками древнихъ князей. Во время непрерывныхъ войнъ и распръ древней эпохи они являются посредниками и примирителями враждующихъ сторонъ и нерѣдко сами берутъ на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ ²⁾; они берутъ на себя защиту передъ властью—слабыхъ и обиженныхъ (*печалованіе*). Вѣдѣнію духовенства были подчинены всѣ лица, страдавшія какими-нибудь недостатками—умственными или физическими; всѣ живущіе въ богадѣльняхъ и больницахъ; странники и лица, вышедшія изъ духовнаго званія. Они подлежали церковному надзору и духовному суду. Но еще далѣе простиралось непосредственное вѣдѣніе духовенства въ слѣдствіе подсудности ему важнѣйшихъ юридическихъ отношеній. Все, что относилось къ быту религіозному, нравственному и семейному, подлежало духовному суду. Таковы — взаимныя распри родителей и дѣтей, мужей и женъ, господъ и рабовъ; нарушеніе семейной чести; незаконные браки (въ родствѣ кровномъ и духовномъ) и незаконныя дѣти; усыновленіе, раздѣлъ имущества и вообще дѣла о завѣщаніяхъ (последнія сохранялись въ вѣдѣніи духовенства до Петра В.); жалобы духовниковъ на духовныхъ дѣтей и прихожанъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ; дѣла о волшебствѣ, ереси, расколъ и оскорбленіе церковной святости (святотатство). Духовный судъ имѣлъ весьма важную привилегію, распространившуюся на всѣ другія дѣла, въ силу которой каждый истецъ

¹⁾ Ibid. стр. 4, 5.

²⁾ Какъ между удѣльными князьями, такъ и между удѣльными и вел. князьями. См. у Калачова, примѣч. 2.

могъ избрать вмѣсто гражданскаго суда — разбирательство у духовной власти ¹⁾.

Далѣе духовенство пріобрѣтаетъ нравственное вліяніе на общество. Его наставленія служатъ выраженіемъ слова божія, а потому нарушителей ихъ постигаетъ высшая кара ²⁾; другая нравственная сила заключается въ эпитиміяхъ и отлученіи, которыя были для всѣхъ равно обязательны ³⁾. Оскорбленіе духовенства равняется пощипанію церкви ⁴⁾. Одновременно съ развитіемъ его нравственнаго вліянія развиваются его гражданскія права и матерьяльное положеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковь пользовалась десятиною изъ княжескихъ доходовъ ⁵⁾ и сборомъ съ торговаго вѣса ⁶⁾. Весьма часто гражданскія наказанія замѣнялись денежными штрафами (за воровство, похищеніе дѣвицы), которые раздѣлялись между свѣтскою и духовною властью поровну ⁷⁾. Постепенно, по примѣру византійской церкви, въ рукахъ духовенства сосредоточилась обширная территория, подлежащая непосредственному его управленію и суду. Оно владѣло землями на правахъ *вотчинниковъ* съ предоставленіемъ множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало-по-малу сдѣлались почти общимъ правиломъ*. Желая оградить свои права, духовныя лица и монастыри, при каждой переимѣнѣ правительства, спѣшались получить утвержденіе правъ, данныхъ имъ предшественниками,

1) Уставы Владиміра св. и Ярослава I, въ приложен. къ стат. Калачова и въ Православ. собесѣд. 1861, II, III. Разборъ у Макарія, Истор. церкви, I и II. Уставъ Всеволода, кн. новгород. Прав. соб. 1861, III, и Ростислава кн. смоленскаго въ Дополн. къ акт. историч. I, № 4. Въ томъ же родѣ соборн. опредѣл. 1667 въ Акт. экспедиціи, IV, № 155. Другіе указаны у Калачова, прим. 33. Ср. также примѣч. 31.

2) Акт. историч. I, № 7, 9.

3) Калачовъ, 62.

4) Бостомаровъ, Очеркъ нравовъ, 207, 208. Въ другомъ наставленіи говорится: «Епископа, поповъ, діаконовъ, монаховъ и монахинь не осуждайте и ни въ чемъ не подозрѣвайте ихъ. Напротивъ, любите ихъ; потому что они ваши руководители въ Богу». Какъ жить христіанамъ. Прав. соб. 1859, I, 134.

5) Она положена была на Десятинную церковь въ Кіевѣ, на Софійскіе соборы — тамъ же и въ Новгородѣ, на соборную церковь во Владимірѣ. Макарій, II, 223, III, 17.

6) Уставы: Владиміра св. и Всеволода.

7) Уставъ Ярослава I и Ростислава смоленскаго.

или выхлопотать новыя льготы. Поэтому наибольшее количество жалованных грамотъ, находящихся въ древнихъ архивахъ, принадлежитъ духовенству¹⁾. Все это ясно показываетъ, какимъ положеніемъ пользовалось оно въ то время въ русскомъ обществѣ. У духовенства, какъ и у верховной власти, были свои бояре, боярскія дѣти, волостели и тиуны. Своихъ подчиненныхъ и крестьянъ оно судитъ такимъ же порядкомъ, какъ и въ свѣтскомъ судѣ, и пользуется тѣми же постановленіями²⁾. Рѣдко юрисдикція въ вотчинахъ духовенства предоставляется исполнѣннику; между тѣмъ духовенству иногда ввѣряется и судъ уголовный³⁾. Но отъ этихъ правъ еще слѣдуетъ отличать специально духовный судъ, которому подлежали только духовныя лица, независимо отъ участія свѣтской власти. Отсюда исключались только уголовныя дѣла; но въ такихъ случаяхъ свѣтскій судъ долженъ былъ судить ихъ при участіи духовнаго посредника (заказчика), который въ судѣ занималъ высшее мѣсто и притомъ велъ самый процессъ⁴⁾. Участіе мирянъ въ духовномъ судѣ, проявившееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ слѣдствіе отсутствія іерархической власти (во Псковѣ), было встрѣчено неодобреніемъ и запрещеніемъ, какъ противное церковнымъ правиламъ⁵⁾. Духовенство постоянно старалось удержать за собою это право, и потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, заботилось о подтвержденіи его (на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. и на соборѣ 1667 г.)⁶⁾.

Нравственное значеніе духовенства въ общественной жизни и его матеріальное положеніе, какъ богатаго собственника (>недвижимыхъ имѣній духовенства было несравненно болѣе, нежели земель принадле-

1) Такъ изъ 15,000 подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ старшихъ дѣлъ, большая часть ихъ заключается въ жалованныхъ грамотахъ духовенству. А въ одномъ Печерскомъ нижегородскомъ монастырѣ отыскано болѣе 2,000 столбцовъ подобныхъ же актовъ. Калачовъ, примѣч. 6.

2) Стоглавъ и Котошихинъ, гл. XI ст. 2; гл. VII, ст. 45.

3) Калачовъ, примѣч. 7.

4) Акты историч. I, № 155; Акты вѣснад. I, № 171, IV, № 175. Псковск. суд. грам. *ibid.* № 103, IV, № 161, Акты историч. V, № 167.

5) Акты историч. № 9, 26, 24. Митр. Киприанъ по этому поводу писалъ: «Не годится мирянамъ попа ни судить, ни казнить, ни осуждать, ни оскорблять его словомъ, но какъ ихъ ставитъ епископъ, то онъ ихъ и судить, и казнить, и учить». *ibid.* № 9.

6) Полн. собр. закон. I, № 412.

жавшихъ частнымъ лицамъ») ¹⁾ давали ему право на постоянное участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Это участіе началось вмѣстѣ съ появленіемъ его въ Россіи. Владиміръ св. подобно Константину В. ²⁾ отличался уваженіемъ къ духовенству и охотно исполнялъ его требованія. Однажды, когда въ Россіи умножились разбои, епископы пришли къ Владиміру и сказали ему: »вотъ умножились разбойники—почему ты не казнишь ихъ? Онъ отвѣчалъ: »боюсь грѣла«. Епископы замѣтили: »ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милость добрымъ; тебѣ слѣдуетъ казнить разбойниковъ, только съ испытаніемъ«. Владиміръ рѣшился отмѣнить древній народный обычай, по которому за разбой вносилась только плата (вира) и сталъ казнить смертію за убійства. Но въ скоромъ времени, въ слѣдствіе войны, понадобились денежныя средства для покрытія издержекъ, и потому епископы съ старѣйшинами снова пришли къ князю и предложили ему возстановить виру съ тѣмъ, чтобы она шла на оружіе и лошадей. Владиміръ согласился съ ними ³⁾. У древнихъ лѣтописцевъ лучшею похвалою для хорошаго князя обыкновенно служатъ выраженія: »онъ любилъ поповъ и монаховъ сверхъ мѣры и почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа« ⁴⁾. Духовенство давало совѣты князю, какъ управлять и какъ чинить судъ въ странѣ ⁵⁾; къ нему обращались князья за благословеніемъ, передъ походами; съ нимъ свѣтовались передъ важными предпріятіями (Іоаннъ съ митрополитомъ Филлипомъ о покореніи Новгоро-

¹⁾ Калачовъ, стр. 6. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Колинскъ полагалъ количество, подчиненнаго церковнымъ учрежденіямъ, населенія $\frac{2}{3}$. Хотя съ половины XVI в. (когда за монастырями считали $\frac{1}{3}$ всего территорія) оно должно было возрасти, не смотря на запрещенія увеличивать вотчины, что постоянно нарушалось, и хотя церковные писатели допускаютъ до извѣстной степени цифру Колинска (Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 146); но намъ кажется она преувеличенною. Съ другой стороны свидѣтельство монастырскаго приказа 1728 г., что въ его вѣдѣніи состояла въ то время $\frac{1}{6}$ крестьянъ, не вполне вѣрно; потому что въ 1722 г. »отъ его вѣдомства растерялась уже значительная доля того, что онъ принялъ въ 1701 г.« Горчаковъ, *ibid.* 147.

²⁾ Похвала митр. Иларіона Влад. св. въ Твор. св. отцовъ, II, 277.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣт. I, 154.

⁴⁾ *Ibid.* II, 221; IV, 183, 200; V, 5, 8.

⁵⁾ Посл. Кирилла Бѣлозерск. можайск. кн. Андрею Дмитр. Акты, истор. I, № 16.

да); ему представляли на разсмотрѣніе свои законы и постановленія. На земскихъ соборахъ, бывшихъ при Іоаннѣ Грозномъ, духовное сословіе присутствуетъ наравнѣ съ прочими. Съ его благословенія Іоаннъ приступаетъ къ исправленію Судебника (1550) и на него возлагаетъ главную обязанность въ исправленіи нравственныхъ недостатковъ русскаго общества (Стоглавый соборъ). Михаилъ Ѳеодоровичъ призываетъ его на земскій соборъ, чтобы рѣшить вопросъ—отдать-ли туркамъ завоеванный казаками Азовъ или удержать за Россіей¹⁾; Алексѣй Михайловичъ совѣщается съ нимъ объ изданіи Уложенія²⁾; въ дѣлѣ уничтоженія мѣстничества при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ духовенство занимаетъ первое мѣсто. Вообще на чрезвычайныхъ и земскихъ соборахъ духовенство пользовалось большимъ вліяніемъ, по замѣчанію Флетчера³⁾. По волѣ духовенства иногда рѣшались такія важныя дѣла, какъ избраніе царей. Выборъ Бориса Годунова былъ рѣшенъ голосомъ патріарха Іова, а духовенство на этомъ соборѣ составляло порядочную силу по количеству голосовъ (на 473 человекъ—119 дворянъ и 100 духовныхъ лицъ)⁴⁾. На Михаила Ѳеодоровича, за долго до его избранія, указалъ патріархъ Гермогенъ.

Какими же основаніями руководствовалося духовенство въ развитіи юридическихъ понятій въ русскомъ обществѣ? Такимъ руководствомъ для него постоянно служилъ византійскій церковный кодексъ или Номоканонъ, по образцу котораго въ послѣдствіи составлялись русскія Кормчія. Есть основаніе предполагать, что въ Россіи долгое время (до 1274) Номоканонъ употреблялся одновременно въ греческомъ спискѣ: (при господствѣ греческой іерархіи) и въ славянскомъ переводѣ⁵⁾, который, какъ и всѣ древніе переводы, отличался множественствомъ греческихъ словъ и оборотовъ, затемнявшихъ подлинный смыслъ постановленій. Вотъ почему такъ привѣтствовалъ мигрон. Кирилль II новый переводъ Кормчей, присланный ему изъ Болгаріи (1270 г.).

1) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 113.

2) Предисловіе къ Уложенію.

3) Fletcher, I, сар. VIII; pag. 65 и 135.

4) Костомаровъ, Смутное время, I, 32.

5) Въ это время былъ въ употребленіи въ Россіи Номоканонъ въ редакціи патр. Фогія (IX в.) и можетъ быть Номоканонъ Іоанна Схоластика (VI в.), въ переводѣ св. Меоодія. Макарій, I, 415 и примѣч. 230.

Но это, однако, прежде церковныя правила не были доступны для русских, по причинѣ «мудрости греческаго языка», а теперь они были объяснены и понятны для всѣхъ ¹⁾. Последнее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ переводу были присоединены толкованія византійскихъ юристовъ — Зонары и Аристена, появившіяся во второй половинѣ XII в. Благодаря такимъ достоинствамъ, этотъ переводъ скоро распространился въ Россіи ²⁾. Но обширное примѣненіе самаго памятника было причиною, что и въ послѣдствіи приносили изъ Греціи новые списки Номоканона (митр. Кипріанъ принесть изъ Константинополя собственный переводъ; а Савва, игумень тверской — афонскій списокъ) ³⁾ и толкованія къ нему (Бальзана, Пселла, Аталіата и друг.) ⁴⁾. Вместе съ тѣмъ стали извѣстны въ Россіи византійскіе юридическіе сборники (Гарменопола, Матеея Властаря — Сантагма, Нивона Черногорца — Пандекты и Тактивонъ) ⁵⁾ и сборники, въ которыхъ помѣщались извлечения изъ византійскихъ законовъ въ связи съ русскими постановленіями (Мѣрило праведное) ⁶⁾. Во время исправленія книгъ, при патриархѣ Никонѣ, и русская Кормчая подверглась сличенію съ греческимъ Номоканонъ ⁷⁾.

По своему составу, греческій Номоканонъ представляетъ двѣ части: въ первой помѣщены собственно церковныя правила (апостоловъ, семи вселенск. и десяти помѣстныхъ соборовъ, отцовъ церкви), которыя назывались канонами; а во второй заключаются гражданскіе законы касательно церковныхъ дѣлъ, изданные греческими императорами, преимущественно Юстиніаномъ, и называвшіяся указами или узаконеніями (*νόμος*). Отсюда и самое названіе греческаго церковнаго кодекса — *Номоканонъ*. Такое общее названіе этого памятника не случайно: здѣсь постановленія каноническія тѣсно соединены съ свѣтскими и ими подтверждаются; Номоканонъ представляетъ неразрывное соединеніе церковныхъ и свѣтскихъ законовъ. Отъ предметовъ вѣры и нравствен-

¹⁾ Русск. достопамят. I, 107.

²⁾ Макарій, V, 5, 13.

³⁾ Балачовъ, 83; Опис. рукоп. Толст. I, № 169.

⁴⁾ Балачовъ, 71.

⁵⁾ Ibid. и Макарій, V, 21.

⁶⁾ Макарій, V, 21, 3; О Мѣрилѣ праведномъ, Балачовъ въ Архивѣ истор.-юрид. свѣд. о Рос. I, отд. III, 38—40.

⁷⁾ Балачовъ, о Кормчей, 83.

ныхъ ирраціи церковныя законодателя постоянно переводятъ къ самому праву, то гражданскому, то уголовному, то публичному. Свѣтская власть принимаетъ непосредственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, которое въ свою очередь отражается на церковныхъ постановленіяхъ. Такимъ образомъ смѣшеніе правъ свѣтской и духовной власти составляетъ отличительную черту Византійской имперіи. «Слѣдствіемъ такого состоянія восточной юриспруденціи было то, что она, наконецъ, получаетъ одну общую форму, которою отличается отъ западной. Мы видимъ во всѣхъ памятникахъ византійской юридической письменности какое-то органическое соединеніе свѣтскаго и церковнаго права; въ процессѣ исторіи одно съ другимъ срослось и составило наконецъ одно общее законодательство. Настоящій его типъ есть Номоканонъ; иначе нельзя выразить духа и отличительнаго свойства восточной юриспруденціи»¹⁾.

Первая часть Номоканона была цѣлкомъ принята въ Россіи; вторая подвергалась иногда необходимымъ измѣненіямъ, приспособительнымъ къ мѣстнымъ условіямъ (замѣна однихъ наказаній другими и т. п.), но въ совокупности оказала большое вліяніе на развитіе юридическихъ понятій и обычаевъ страны. Не говоря о канонической части, но вообще Номоканонъ оказалъ большое вліяніе на духъ гражданскаго законодательства до Петра В.²⁾

Общее основаніе первой части Номоканона, т. е. соглашеніе общественной дѣятельности съ правдами и востановленіями апостоловъ, соборовъ и отцовъ церкви, сдѣлалось постояннымъ руководствомъ въ рѣшеніяхъ русскихъ церковныхъ соборовъ (Владим. соб. 1274 г.; соборы: 1503 г., 1667) нравственныхъ постановленій (Стоглавъ) и даже гражданскомъ законодательствѣ (Уложеніе). Но въ тоже время духовенство любитъ поддерживать свои доводы постановленіями греческихъ императоровъ. Въ этихъ случаяхъ оно цитируетъ законы Константина В., Юстиніана, Льва философа, Василія Македонянина, Мануила Комнина, Эклогу Леона, Василия и др.³⁾ На основаніи ихъ оно старается склонить впазней къ измѣненію постановленій и обычаевъ древней Рос-

1) Брыловъ, Объ исторіи значенія Римскаго права въ области наукъ юридическихъ, 33.

2) Балачовъ, О Кормчей, 16.

3) Азты истор. I, №82, 285, 289, 290; Азты экспед. IV, № 309; Стоглавъ, гл. 57—62, 88.

сѣ, какъ несогласныхъ съ іосудаственнымъ бытомъ и несогласныхъ съ ученіемъ отцовъ церкви и законами византійскихъ императоровъ. Предлагая Владиміру ввести смертную казнь за разбой, епископы (греки и болгары) основывались въ этомъ случаѣ на греческомъ Номоканонѣ¹⁾; такъ запрещало духовенство супружество въ близкихъ степеняхъ родства и четвертый бракъ; на основаніи постановленій царей Леона и Константина оно рѣшало вопросы: о раздѣлѣ имущества между бездѣтною женою и родственниками умершаго; объ усыновленіи приемышей; о необязательности долговъ умершаго мужа для жены²⁾. По случаю появленія ереси жидовствующихъ (XV в.) былъ возбужденъ вопросъ о средствахъ для прекращенія ея, рѣшенный въ пользу казни, которая предоставлялась гражданской власти, на основаніи законовъ византійскихъ императоровъ³⁾. Другой важный вопросъ, касавшійся интересовъ церкви, состоялъ въ отобраніи монастырскихъ имуществъ въ пользу казни, и въ этомъ случаѣ духовенство отстояло существующій порядокъ, строго стоя на постановленіяхъ каноническихъ и опредѣленіяхъ греческихъ царей; дѣлая отсюда заключеніе, что нарушеніе ихъ будетъ равняться законопреступленію и нарушенію церковныхъ постановленій⁴⁾. Духовенство постоянно получало право руководствоваться въ своихъ дѣлахъ каноническими правилами и законами византійскихъ царей⁵⁾, которые, въ силу такого уваженія, были даже осяцены правомъ неприкосновенности на ряду съ первыми. Упрекая князя Вассіана Патрикѣева за измѣненія въ церковныхъ правилахъ, допущенныя имъ въ своемъ спискѣ, митр. Даніиль на судѣ возражалъ въ защиту непоколебимости какъ каноническихъ правилъ, такъ и постановленій греческихъ царей, внесенныхъ въ Номоканонъ, прибавивъ въ заключеніе: «а изъ той книги никто не могъ измѣнить или поколебать что-либо, начиная отъ седьмаго собора до вращенія Россіи, и въ на-

¹⁾ Именно на Прохиронѣ царя Василія Македонянина, въ Кормчей, II, 161.

²⁾ Калачовъ, 50, 70, 86.

³⁾ Акты историч. I, № 285.

⁴⁾ Отвѣтъ митр. Симона Іоанну III, у Калачова, 41—43 и митр. Макарія Іоанну Грозному, Лѣтоп. русск. литер. изд. Тихонравова, V, 129—136.

⁵⁾ Карамзинъ, V, пр. 106; Акты экспед. I, № 92; IV, 204, 225; Акты историч. IV, № 151.

шей землѣ та книга болѣе 500 лѣтъ сохраняетъ церковь и спасаетъ христіанъ, и до нынѣшняго царя и великаго князя Василя Іоанновича не была ни отъ кого поколеблена¹⁾.

Въ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ греческій Номоканонъ легъ въ основаніе постановленій русскихъ князей по церковнымъ дѣламъ²⁾. По образцу греческаго Номоканона стали составляться русскія Кормчія. Кромѣ каноническихъ правилъ, въ нихъ помѣщались: 1) извлеченіе изъ закона Моисея (въ 50 стат.); 2) Судебникъ, приписываемый Константину В. (въ 32 стат.) съ прибавленіемъ о многоженствѣ; 3) различныя постановленія царя Юстиніана; 4) узаконеніе царя Юстиніана о поставленіи епископовъ и клириковъ; 5) 87 правилъ Юстиніана—(сборникъ, приписываемый Іоанну Схоластику); 6) законы о земледѣльцахъ импер. Юстиніана; 7) Эклога импер. Льва Исаврянина и Константина Копронима (объ обрученіи, о бракѣ и др.); 8) главы о свидѣтеляхъ въ извлеч. изъ элоги; 9) Прохиронъ Василя Македонянина, почти буквальный переводъ съ специальнымъ названіемъ «градскаго закона», который часто приводится въ древнихъ русскихъ памятникахъ; 10) новелла царя Алексѣя Комнена; 11) двѣ другія новеллы того же императора (объ обрученіи); 12) постановленіе о 3 и 4 бракѣ, состоявшееся на соборѣ при импер. Константинѣ и Романѣ; 13) статьи объ усыновленіи, о бракѣ и степеняхъ родства, воспреещающихъ бракъ. Рядомъ съ этими постановленіями въ русскихъ Кормчіяхъ помѣщаются постановленія и статьи, изданныя въ Россіи: Уставы Владиміра, Ярослава I и Святослава новгородскаго; вопросы Кирика Нифонту, правило церковное митр. Іоанна II; Кирилла Туровскаго объ иноческомъ чинѣ; правила митр. Кирилла, изложенныя на Владимірскомъ соборѣ; вопросы Θεогноста, епископа сарайскаго, константинопольскому собору съ отвѣтами; правила митр. Максима о постѣ и о бракѣ; грамота вел. князя Василя Дмитріевича митр. Кипріану о церковныхъ судахъ; церковныя постановленія Іоанна III, о четвертомъ бракѣ царя Іоанна Грознаго; постановленія, касающіяся литовскаго духовенства; Мѣрило праведное и т. п.³⁾. Но мѣстныя постановленія должны были слу-

1) Судное дѣло Вассіана въ Чтен. Москов. общ. ист. 1847, № IX.

2) Уставы: Владиміра св., Ярослава I, Всеволода новгород., Ростислава смоленскаго, вел. кн. Василя Дмитр. Стоглавъ.

3) Калачовъ, 19—28.

жить только дополненіемъ къ византійскимъ источникамъ, для приспособленія ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, стараясь слѣдовать во всемъ или по крайней мѣрѣ въ основной идеѣ принесенному образцу¹⁾.

При постоянномъ сопркосновеніи правъ свѣтской и духовной власти, переходъ византійскихъ постановленій изъ области церковной въ гражданскую былъ вполне естественъ. Изъ гражданскихъ источниковъ византійскаго права въ русской судебной практикѣ имѣли силу слѣдующіе памятники: а) узаконенія императоровъ Константина В., Юстиніана, Льва философа, Исаака и Мануила Комненовъ; б) Эвлога императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима; и с) Прохиронъ импер. Василія Македонянина, который занимаетъ важнѣйшее мѣсто въ ряду указанныхъ памятниковъ, по отношенію къ русскому законодательству²⁾. На сколько византійское право служило руководствомъ для русскаго можно видѣть изъ того, что къ Судебнику Иоанна Грознаго были приложены статьи подъ именемъ: «Древніе законы изъ юстиніановыхъ книгъ», а въ предисловіи къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича прямо высказано, что между прочими источниками редакторы прежде всего пользовались «правилами св. апостоловъ, отцовъ церкви и гражданскими законами греческихъ царей», и въ этомъ убѣждаетъ множество соответственныхъ статей³⁾. Есть извѣстіе, что Алексѣй Михайловичъ, уже по изданіи Уложенія, въ 1654 г. разослалъ ко всемъ воеводамъ выписки изъ греческихъ законовъ Номоканона и велѣлъ судить по нимъ уголовныя дѣла⁴⁾.

Распространеніе въ Россіи юридическихъ понятій Византіи произвело рѣшительный переворотъ во взглядѣ на преступления уголовныя, семейныя, религіозныя и политическія.

Мы видѣли, какъ на первыхъ порахъ произошло измѣненіе въ наказаніи за разбой. Древняя обычная вира была замѣнена смертною казнію. Владиміръ сталъ судить по Номоканону, хотя его христіанское чувство на первыхъ порахъ возмущилось такимъ правомъ: «я не дерзаю казнить разбойниковъ, говоритъ онъ епископамъ, боясь Бога, чтобы онъ не вмѣнилъ мнѣ этого въ грѣхъ. И кто я такой, чтобы осуж-

1) Калачовъ, 78.

2) Ibid. 69.

3) Ibid. 107, 108.

4) Карамзинъ, III, примѣч. 222.

дать человека на смерть? Сами я много согрѣшилъ и виновенъ болѣе всѣхъ людей на землѣ; но если такъ повелѣно Богомъ, скажите мнѣ и я васъ слушаю». Епископы ссылались на божественное значеніе *градскихъ законовъ* ¹⁾, и Владиміръ согласился. Въ Судебникѣ и Уложеніи смертная казнь за разбой удерживается. ²⁾ Подобная же параллель существуетъ и въ другихъ наказаніяхъ. Въ губной грамотѣ, данной селамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (1549), за воровство опредѣляется слѣдующая постепенность наказаній: въ первый разъ—кнутъ и изгнаніе изъ общины; за второе воровство—кнутъ и отсѣченіе руки; за третье—кнутъ и смертная казнь чрезъ повѣшеніе въ томъ же мѣстѣ, гдѣ совершилось воровство ³⁾. Почти такія же наказанія, съ сохраненіемъ той же градации ихъ, положены въ градскомъ законѣ и въ эвлогѣ Леона и Константина ⁴⁾. За святотатство, какъ Судебники, такъ и Уложеніе, полагають смертную казнь ⁵⁾; а соборное опредѣленіе 1667 ссы-

¹⁾ Степен. книга I, 163—166. Впрочемъ столкновеніе мѣстныхъ юридическихъ понятій съ новыми не обошлось безъ борьбы. Лучшимъ примѣромъ этого служатъ судебныя поединки. Въ то время, когда духовенство постоянно обличало ихъ незаконность и несообразность съ христианствомъ, и налагало духовныя заперщенія на виновныхъ (лишеніе причастія и погребенія). Соч. Максима Грека, II, слово IX. Посл. митр. Фотія въ Новгород. Акты экспед. I, № 369; Поуч. митр. Данила, въ стат. Бѣляева: Митр. Даниилъ, въ Истор. чтеніяхъ о языцѣ и словес. III, 412.—Поединки признавались русскимъ законодательствомъ и были въ обычаѣ почти до Уложенія. Калачовъ, О Кормчей примѣч. 22. Конечно, колебаніе во взглядахъ наиболѣе высказывается въ древнѣйшую эпоху. Таково двойное распоряженіе Владиміра св. о разбоѣ; по Русской Правдѣ допускалось убійство, какъ месть родственниковъ за убитаго; но при сыновьяхъ Ярослава I и она была замѣнена пенею. См. изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, I, 109—110. Владиміръ Мономахъ, по чисто христианскимъ побужденіямъ говоритъ: «ни праваго, ни виноватаго не убивайте и неприказывайте убивать». Но въ то же время проникаетъ понятіе о законности смертной казни (Юрій Долгорукій казнилъ боярина Кучка). Впрочемъ полное торжество византійскихъ взглядовъ относится къ московской эпохѣ, когда утверждается государственныи порядокъ.

²⁾ Акты историч. I, № 105. Улож. гл. XXI; Кормчая гл. 49, ст. 8.

³⁾ Акты экспед. I, № 224.

⁴⁾ Кормчая, гл. 48, 49. Ср. соборн. постанов. 1667. Полн. собр. закон. I, 412.

⁵⁾ Акты истор. I, № 105, ст. 149; № 153, ст. 55, 61. Улож. гл. XXI, ст. 14.

дается при этомъ на Уложеніе; но эта статья цѣликомъ заимствована изъ византійскихъ источниковъ¹⁾. Въ 1669 г. смертная казнь была положена только за второе святотатство, а за первое опредѣлено отсѣченіе рукъ, какъ полагаютъ, на основаніи «градскаго закона» (Прохиронъ) и Эклоги²⁾. Но въ 1683 г. встрѣчается боярскій приговоръ о возстановленіи за святотатство смертной казни³⁾. Поджогъ въ городѣ по Уложенію, согласно съ византійскимъ правомъ, наказывается сожженіемъ «безъ всякаго милосердія»; а за поджогъ внѣ города положено отсѣченіе рукъ⁴⁾. За поддѣлку монеты, по Уложенію, было назначено залитіе горла; но на практикѣ, какъ видно изъ лѣтописей и соч. Котошихина, виновные подвергались и другимъ казнямъ, особенно отсѣченію рукъ⁵⁾. Поэтому обращаетъ на себя особенное вниманіе одинъ изъ пунктовъ соборныхъ опредѣленій 1667 г., по которому, согласно съ Синагмой Матѳея Влостаря, фальшивые монетчики подлежали отсѣченію обѣихъ рукъ, а знавшіе объ этомъ—отсѣченію одной руки⁶⁾. Также высоко были поставлены преступленія семейныя: за оскорбленіе отца или матери, будетъ-ли оно выражаться словами или побоями, было положено наказаніе вѣнцомъ; но сравнительно съ Кормчей, оно смягчено, такъ какъ тамъ, за подобное преступленіе, назначается смертная казнь⁷⁾.

Особенной строгости подвергались преступленія религіозныя и политическія. По поводу появленія ереси жидовствующихъ и споровъ возникшихъ о ея истребленіи, уже былъ признанъ принципъ гражданской казни еретиковъ. Уложеніе ставитъ этотъ вопросъ вполне опредѣленно: «Всякій, будетъ-ли это иновѣрецъ или русскій, кто хулитъ Иисуса Христа, Богородицу, св. крестъ и угодниковъ божіихъ, и это подлинно подтвердится; тотъ долженъ быть сожженъ»⁸⁾. Но на соборѣ 1667 г. было заявлено сомнѣніе со стороны свѣтской власти—слѣдуетъ-ли еретиковъ

¹⁾ Полн. собр. зак. I, № 412; ср. № 442 и Ав. экспед. IV, № 161. Калачовъ, 104.

²⁾ Полн. собр. зак. I, 441, ст. 12.

³⁾ Ibid. II, № 1026.

⁴⁾ Улож. гл. II, ст. 4. гл. X, ст. 228; Кормч. гл. 49, ст. 29; гл. 48, ст. 18; гл. 46, ст. 16. Калачовъ, 109, 111.

⁵⁾ Ливовскій, Исслѣд. началъ уголовного права, изложен. въ Уложеніи Алекс. Мих. 41—44.

⁶⁾ Полн. собр. зак. I, № 412, стр. 675.

⁷⁾ Уложеніе, XXII, ст. 4; Кормчая гл. 45, ст. 6.

⁸⁾ Уложеніе, гл. I, ст. 1.

и раскольниковъ подвергать одному только церковному наказанію или же наказывать и «градскимъ закономъ». Члены собора, основываясь на правилахъ вселенскихъ соборовъ¹⁾ и *Гарменопула*, отвѣчали, что такіе преступники должны наказываться также «царскимъ или градскимъ закономъ»²⁾, что было подтверждено соборомъ 1681 г. и принято Феодоромъ Алексѣевичемъ³⁾. На этомъ основаніи, верховная власть опредѣлила подвергать раскольниковъ свѣтскимъ уголовнымъ наказаніямъ⁴⁾. За злоумышленіе на жизнь государя Уложение полагаетъ смертную казнь и конфискацію имущества, вполнѣ согласно съ *Номоканономъ*; точно также смертная казнь опредѣляется за измѣну на войнѣ; при чемъ не считается преступленіемъ убійство измѣнника, опять согласно съ *Кормчею* книгою⁵⁾.

«Сличеніе «градскихъ законовъ» съ русскимъ законодательствомъ, заключаетъ Калачовъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ближайшемъ отношеніи, въ какомъ должны были находиться между собою оба законодательства въ теченіе всего древняго періода русской исторіи»⁶⁾. Уложение же, говоритъ Иловайскій, сравнительно съ судебниками, представляетъ дальнѣйшее развитіе московскаго самодержавія и государственнаго значенія греческой церкви. Самыя тяжкія наказанія назначены за оскорбленіе церкви, за оскорбленіе царскаго имени и за умыселъ противъ государя»⁷⁾.

Глава VII.

Изъ Византіи духовенство принесло высочія понятія о гражданской власти. Уже Владиміра св. епископы величаютъ «царемъ» и «самодержцемъ» и подаютъ ему мысль о божественномъ происхожденіи его власти («ты поставленъ отъ Бога»). Какъ Богъ царствуетъ на небесахъ, говоритъ митр. Никифоръ въ посланіи къ Владиміру Мономаху, такъ князьямъ, съ помощію Его, опредѣлено царствовать на зем-

1) См. Калачова, 76, 107.

2) Полн. собр. закон. I, № 412.

3) Ibid. V, № 75.

4) Акты экспед. IV, 284.

5) Уложение, II, ст. 1, 3, 15, 20. *Кормчая*, гл. 48, ст. 10; I ст. 1, 4, 17.

6) Калачовъ, о *Кормчей*, 105. См. также: О пространствѣ церковнаго суда Неволіна; Объ основныхъ началахъ русск. церк. права, въ Правосл. сбес. 1860, Т. I, и Древнее русск. церк. право въ связи съ правомъ византійскимъ. Ibid. 1862 (т. I, II, III) и 1863 (II, III).

7) Иловайскій, *Очерки русской исторіи*, 203, примѣчаніе.

ѣвъ въ роды и роды». Родство Владиміра Мономаха (по матери) съ греческою императорскою фамилією, даетъ ему поводъ еще яснѣе указать на положеніе послѣдняго между прочими русскими князьями: «теба, говоритъ Никифоръ, Богъ издавна предопредѣлить и отъ утробы матери освятилъ и помазатъ, смѣшавъ отъ царской и княжеской крови»¹⁾. «Царь, по словамъ Максима Грека, есть живой и видимый или одушевленный образъ самого царя небеснаго». А въ обращеніи къ Іоанну Грозному онъ выражается: «ты вмѣсто Его царь, и государь, и властитель, поставленный отъ него»²⁾. Такъ формулировали теорію свѣтской власти духовныя лица греческаго происхожденія, усвоившія эти понятія среди византійскаго общества. Греческій Номоканонъ утверждаетъ «единство» царской власти и ея божественное значеніе («намѣстникъ божій»)³⁾. Русское духовенство съ самаго начала усвоило эти взгляды и старалось проводить ихъ въ общество. Первый изъ русскихъ епископовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ писателей, Лука Жидята, въ своемъ поученіи къ народу, говоритъ такъ: «Бога бойтеса, князя чтите: мы рабы во первыхъ Бога, а потомъ государя»⁴⁾. Въ другомъ древнемъ наставленіи (XIII в.) дается совѣтъ, «наиболѣе питать привязанность къ своему князю и не мыслить противъ него зла, потому что всякая власть установлена отъ Бога, и если кто противится властямъ—тотъ противится повелѣнію божію и повиненъ суду»⁵⁾. Современникъ Максима Грека, князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ ставитъ эту мысль уже вполне опредѣленно: «Добра своимъ государямъ во всемъ желайте, говорить онъ; за нихъ слѣдуетъ и умирать, и жизнь свою полагать, какъ за православную вѣру; потому что Богомъ все предано свыше Его помазаннику—царю и вел. князю, Богомъ избранному, которому Богъ

¹⁾ Памятн. Рус. словесн. XII в. 163 и Русск. достопамят. I, 59. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, греческій импер. Алексѣй Комнень, желая прекратить войну съ Владиміромъ Мономахомъ, прислалъ ему чрезъ Неофита, митр. ефесскаго, въ числѣ дорогихъ вещей, и царскій вѣнецъ, который тотъ возложилъ на него, назвавъ при этомъ царемъ Соловьевъ, II, 85. Какъ видно такое возвышеніе Владиміра Мономаха имѣло значеніе въ глазахъ общества: Даниилъ заточникъ, въ обращеніи къ Юрію Долгорукому, называетъ его сыномъ царя Владиміра.

²⁾ Сочин. Максима Грека, II, 350, 379.

³⁾ Собр. государ. грамотъ, IV, 89, 90; Калачовъ, 96, 97.

⁴⁾ Русск. Достопамят. I, 1—16.

⁵⁾ Какъ жить христіанамъ, Правос. собес. 1859, I, 134.

даетъ власть надъ всѣми и отъ всего міра»¹⁾. Ученикъ Максима Грека — Зиновій Отенскій въ своемъ взглядѣ на этотъ предметъ только повторяетъ его мысль²⁾. Въ устахъ духовенства эти идеи вполнѣ понятны. Они достались ему двоякимъ путемъ: путемъ традиціи, которая шла изъ Византіи, гдѣ эти взгляды существовали на почвѣ дѣйствительности, и путемъ книжнаго образованія, которое заключалось въ такихъ источникахъ, гдѣ идея свѣтской власти развивалась исторически на пространствѣ многихъ вѣковъ и облекалась въ опредѣленіе высшей санкціи. При этомъ ясно высказывается различіе стремленій западнаго и восточнаго духовенства въ ихъ отношенія къ свѣтской власти. Также самыя лица, которыя отстаивали необходимость подчиненія Россіи политическому и іерархическому вліянію Византіи, были жаркими поклонниками утвержденія политическаго единства въ Россіи и авторитета московскихъ князей.

Но, сравнивая развитіе политическихъ понятій Россіи на пространствѣ времени, видно, что они пріобрѣтали болѣе опредѣленную форму вмѣстѣ съ развитіемъ политическаго устройства страны. Сдѣлывая утвержденію въ Россіи такого порядка, духовная власть въ свою очередь дѣйствовала рѣшительнѣе тамъ, гдѣ почва для ея владѣнія была болѣе удобною. Такъ южная Россія уступала въ этомъ случаѣ — сѣверо-восточной; а тамъ Московское княжество возвысилось надъ остальными. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе старыхъ и новыхъ городовъ, на которое уже указываетъ одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ³⁾. Въ первыхъ господствуетъ вѣче; въ послѣднихъ, которые являются по большей части въ слѣдствіе стратегическихъ и экономическихъ соображеній князей, преобладаетъ княжескій авторитетъ. По аналогіи съ указаніемъ лѣтописца, такими городами будутъ тѣ, которые были первоначальными пунктами славянскихъ поселеній въ области Россіи; слѣдовательно — города южной Руси, княжества Полоцкое и Смоленское и сѣверныя общины (Новгородъ и Псковъ), гдѣ (т. е. въ послѣднихъ) княжеская власть совсѣмъ не привилась. Къ противоположному типу городовъ слѣдуетъ отнести — города сѣверо-восточной Россіи, (опять исключая старые города — Ростовъ, Суздаль), гдѣ хотя

¹⁾ Разсужденіе въ Чтен. Москов. общ. истор. 1859, III, стр. 1.

²⁾ Истинны показаніе, 575.

³⁾ Онъ говоритъ: «новгородцы, смольняне, вѣвляне и полочане, какъ»

иногда и проявлялось вѣчевое устройство, но далеко не въ такой силѣ, какъ въ указанной мѣстности. Очевидно, что здѣсь было болѣе условий для развитія княжескаго авторитета. При томъ, строя города по Волгѣ, князья обыкновенно занимали ихъ своими дружинами, которыя должны были отстаивать важный пунктъ среди инородческаго населенія. Въ слѣдъ за тѣмъ сюда, по призыву князей или добровольно, являлись русскіе колонисты. Конечно такое населеніе разрывало свои связи съ мѣстными преданіями и подъ вліяніемъ новыхъ условий пріобрѣтало новыя свойства. Разбросанное на обширномъ пространствѣ сѣверо-восточной Россіи, русское населеніе на первыхъ порахъ представляло рядъ оазисовъ, слабо соединенныхъ между собою общою связью, и потому интересы, господствовавшіе въ центральныхъ пунктахъ—городахъ, не могли вызывать такого общаго противодѣйствія, какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе представляло сплошную массу, соединенную общими воспоминаніями, преданіями и исторіею. Съ усиленіемъ княжескаго авторитета на сѣверѣ—города съ вѣчевымъ порядкомъ представляются уже тамошнему лѣтописцу «вѣчниками—крамольниками». Такъ разошлись они въ понятіяхъ, при господствѣ другихъ условий.

Другимъ важнымъ различіемъ въ политическомъ развитіи южной и сѣверо-восточной половинъ Россіи было преобладаніе одного центра и сосредоточеніе княжеской фамиліи на югѣ и обратное явленіе на сѣверо-востока. Въ первомъ случаѣ постоянное передвиженіе князей и стремленіе ихъ къ Кіеву, какъ городу, дающему право на первенствующее положеніе въ странѣ, было причиною постоянныхъ междоусобій и помѣхою для самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ княжествъ. Пока сохранялось въ княжеской фамиліи сознаніе родственной связи—до тѣхъ поръ еще возможно было хоть какое-нибудь примиреніе интересовъ; но съ развѣтвленіемъ ея—эта связь все болѣе теряетъ свое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются личности, недовольныя своимъ значеніемъ, и потому стремящіяся разорвать существующія отношенія. Сила начинала торжествовать надъ обычаемъ. Впрочемъ Владиміру Мономаху, при содѣйствіи ловкой политики, удалось пріобрѣсть нравственное вѣніе на общество и сосредоточить въ рукахъ своего дома большую часть тогдашней Россіи; но по смерти его прежній порядокъ вещей опять беретъ верхъ. Новыя отношенія возникаютъ на сѣверѣ. на думу, на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положить, на томъ пригороды стануть».

Андрей Боголюбскій уже не дорожилъ Кіевомъ. Ограбивъ его (1169), онъ посадилъ тамъ одного изъ младшихъ братьевъ, а самъ, съ титуломъ великаго князя, поселился во Владимірѣ на Клязьмѣ. Онъ предпочелъ новый городъ не только Кіеву, но и сѣвернымъ вѣчевымъ городамъ (старымъ)—Ростову и Суздаю, давъ такимъ образомъ другое направленіе своей политикѣ. Онъ стремился возвысить Владиміръ не только въ политическомъ отношеніи, но и въ церковномъ, и потому хлопоталъ въ Константинополь объ особомъ епископѣ для него. Онъ не раздавалъ удѣловъ въ своей области, а хотѣлъ быть, по выраженію лѣтописца, «самодержцемъ» въ русской землѣ. Это вызвало противодѣйствіе въ средѣ бояръ—и Андрей палъ жертвою своихъ стремленій (1174). Вполнѣ естественно, что предпочтеніе Владиміра старымъ городамъ вызываетъ борьбу между ними, которая, въ силу даннаго Андреемъ направленія, оканчивается въ пользу Владиміра. Но послѣдній не имѣлъ за собою такихъ историческихъ условій, какъ Кіевъ, и потому сохраняетъ только номинальное значеніе. И на сѣверѣ возникаетъ борьба между князьями, напоминающая южныя междуусобія; но она скоро переходитъ въ борьбу за гегемонію отдѣльныхъ княжествъ. Князья стремятся расширить свои владѣнія и власть; но дорожатъ собственною областью, и потому болѣе заботятся о ея интересахъ. Это тѣсно связываетъ ихъ съ послѣднею, и потому власть ихъ получаетъ здѣсь болѣе значеніе и сосредоточивается въ рукахъ ихъ фамилій. Такимъ образомъ на сѣверо-востокѣ Россіи должна была возникнуть борьба не столько за Владиміръ, сколько за преобладаніе той или другой области. Въ этой борьбѣ рѣзко выступаютъ два соперника: Тверь и Москва. Раздается вопросъ: кому изъ нихъ достанется окончательное торжество? Но здѣсь выступаютъ на сцену новыя обстоятельства, совсѣмъ другаго характера. Прослѣдимъ послѣднюю противоположность южной и сѣверо-восточной Россіи въ развитіи политическаго быта.

Южная Россія со всѣхъ сторонъ подвергалась натиску враждебныхъ сосѣдей: поляковъ, литовцевъ и степныхъ племенъ тюркскаго происхожденія. Нашествіе татаръ окончательно подорвало ея благосостояніе. Народъ разбѣжался по другимъ областямъ; окрестности Кіева представляли пустыню, а княжеская столица обратилась въ ничтожный городокъ; князья черниговскіе ослабили свой удѣлъ кровавыми междуусобіями и онъ распался на нѣсколько частей. Въ это время начала было возникать самостоятельная жизнь на другомъ концѣ—въ

Галицкомъ княжествѣ, благодаря дѣятельности Данила Романовича. Онъ хлопоталъ о сверженіи татарскаго ига, о поднятій крестоваго похода противъ татаръ на Западъ; но это ему не удалось и онъ долженъ былъ признать владычество татаръ; за то борьба съ литовцами доставила ему славу между современниками. Но вмѣстѣ съ внукомъ Данила родъ галицкихъ князей пресѣлся и Галиція досталась польскому королю Казимиру III (1340), а Волынь—Литвѣ.

И сѣверо-восточная Россія подверглась татарскому нашествію; но тамъ скоро дѣла приняли другой оборотъ. Тамъ на первыхъ же порахъ вел. князья ищутъ покровительства у татарскихъ хановъ (Ярославъ Всеволодовичъ странствовалъ къ предѣламъ Амура, чтобы поклониться Гаюку; Александръ Невскій нѣсколько разъ бывалъ въ Ордѣ съ богатыми подарками и по волѣ хана усмирить новгородцевъ), и хотя послѣдніе располагаютъ владимірскімъ престоломъ по произволу; но за то подручникъ ханскій могъ обезпечить свою страну отъ насилій татаръ—вотъ почему южное населеніе стало стремиться на сѣверъ, и по преимуществу въ тѣ области, гдѣ жизнь была болѣе обезпечена. Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей исходъ борьбы между Тверью и Москвою зависѣлъ отъ вліянія изъ-внѣ. Ханъ является рѣшителемъ участи Твери, и Москва получаетъ верхъ, благодаря соединенію политики московскихъ князей съ интересами хановъ. Карамзинъ вѣрно замѣтилъ: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ»¹⁾, хотя въ рукахъ дальновиднѣхъ московскихъ князей татары были только орудіемъ въ подчиненіи остальныхъ княжествъ. Съ этихъ поръ въ рукахъ Москвы сосредоточиваются такіа средства для борьбы съ соперниками, которая даетъ ей окончательный перевѣсъ въ сѣверной Россіи. Московскіе князья получаютъ отъ хановъ право собиранія дани въ Орду съ русскихъ областей, которое даетъ имъ возможность улучшить собственные финансы²⁾. Имъ поручаютъ ханы преслѣдованіе вооруженною силою

¹⁾ Карамзинъ, V, 222—223.

²⁾ Съ одного Новгорода, подъ предлогомъ неисполненія условій, начавша съ Юрия Калиты до паденія города, было истребовано 56,000 новгород. руб., что равняется 784,000 руб. на настоящія деньги. Эта, значительная по тому времени сумма, поступила въ московскую казну. Богатые средства московскихъ князей давали имъ возможность брать на себя чужіе долги (Дмитрій Донской заплатилъ въ Орду долгъ тверского князя Ивана—10,000 р.) и платить за мелкихъ князей дань ханамъ.

непокорных князей и поддерживают в этом случае собственными войсками. Для интересов же Орды выгодно было иметь постоянного посредника, нежели мѣнять его при каждомъ случаѣ; тѣмъ болѣе, что московскіе князья долгое время были вѣрными исполнителями воли хановъ. Такимъ выгоднымъ положеніемъ московскіе князья сумѣли воспользоваться для возвышенія своего княжества. Располагая средствами страны, они стали постепенно скушать города и области удѣльных князей; а распоряжаясь верховнымъ надзоромъ за дѣйствіями князей—они становятся во главѣ русскаго войска и по своему положенію все болѣе приобрѣтаютъ значеніе въ глазахъ народа. Выгодныя преимущества Московскаго княжества многихъ заставляютъ селиться на его земляхъ¹⁾. Но подъ влияніемъ ожесточенной борьбы съ соперниками и отношеній къ ханамъ, у московскихъ князей слагается своя политическая традиція, которую они преслѣдуютъ неуклонно: въ средѣ московскихъ князей мы встрѣчаемъ рѣзко выдающіеся типы—*калиты* (мѣшокъ, наполненный деньгами), *гордыхъ* (Симеонъ) и *врозныхъ* (Иоанъ III и IV).¹⁾

Впрочемъ покровительство хановъ дало Москвѣ не одну матеріальную силу, въ которой такъ пуждалось это ничтожное, сравнительно съ другими, княжество, князья котораго принадлежали къ младшей линіи. Съ этого времени оно приобрѣтаетъ еще силу нравственную, которая сосредоточивалась тогда въ рукахъ вліятельнаго духовенства.

Существованіе въ Россіи одного митрополита, при недостаткѣ общей центральной власти, давало ему важное значеніе въ странѣ. Поэтому перемѣщеніе религіознаго центра вело къ важнымъ политическимъ перемѣнамъ. Сосредоточеніе политической жизни Россіи, послѣ татарскаго пораженія, во Владимірѣ вполне установилось только съ переселеніемъ туда митрополита (1299 г.). Точно также возвышеніе Московскаго княжества стало рѣшительнымъ, когда русскіе митрополиты поселились въ Москвѣ (съ 1325), хотя они продолжали называться кievскими и владимірскими²⁾. Митр. Петръ хорошо понимаетъ наступающій порядокъ вещей, когда предсказывалъ торжество Москвы,

1) Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что съ вступленіемъ на престолъ Иоанна Калиты наступила тишина по всей русской землѣ, на 40 лѣтъ и татары перестали воевать ее. Полн. собр. рус. лѣт. IV, 51. Никон. лѣт. III, 141.

2) Макарій, IV, 70.

соединяя его при этомъ съ собственнымъ пребываніемъ въ ней и обращеніемъ ея въ религиозный центр¹⁾. Большая обезпеченность Московскаго княжества отъ политическихъ потрясеній благоприятствовала интересамъ церкви, точно также, какъ покровительство хановъ, оказываемое постоянно духовенству²⁾ и въ особенности его представителямъ, заставляло сослуживцевъ московскихъ князей желать тѣснаго союза съ послѣдними. Обѣзжая русскія города, митр. Петръ особенно любилъ долго проживать въ Москвѣ у Іоанна Калиты, щедрость котораго къ церкви и любовь къ духовенству были ему извѣстны. Желая ему успѣха во время тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствъ Россіи, Петръ присовѣтывалъ Іоанну построить каменный храмъ Богородицы и самъ поселился въ Москвѣ, гдѣ стали жить его преемники. Это не нравилось остальнымъ князьямъ, потому что они понимали настоящее значеніе совершившагося факта. Теперь духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ возвышеніи московскаго князя и переноситъ на него свои понятія о свѣтской власти.

Проникнутое понятіями о власти царской, говоритъ Соловьевъ, власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей.... Вотъ почему, когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечомъ свѣтскимъ противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный³⁾.

Въ дѣйствительности это проявлялось каждый разъ, когда интересы московскаго князя встрѣчали противодѣйствіе. Еще при предшественникѣ Іоанна Калиты—Георгіѣ возгорѣлась ожесточенная борьба съ Тверью. Георгіѣ претендовалъ на владимірскій престолъ въ то время, когда имѣлъ на него права и получилъ приглашеніе изъ Владимира Михайла Александровичъ тверской. Это произвело всеобщее по-

¹⁾ Никоновск. лѣт. III, 135.

²⁾ Ханы освобождали его отъ всякихъ даней и пошлинь; запрещали, подъ страхомъ смерти, своимъ подданнымъ посягать на церковное имущество и хулить христіанскую вѣру; а митрополитамъ даровали право безотчетнаго церковнаго суда. (Ярлыки Менгу-Тимура и Узбека, Собр. госуд. грам. II, № 2, 7). Особеннымъ уваженіемъ у хановъ пользовались митрополиты Феогностъ и Алексѣй, которые сами ѣздили въ Орду.

³⁾ Соловьевъ, IV, 79.

рѣшеніе въ Суздальской землѣ. Чтобы рѣшить споръ оба соперника отправились въ хану Тохтѣ. Золото помогло Михаилу, но такое рѣшеніе не могло удовлетворить московскаго князя. Между ними вспыхнула ожесточенная война. Но со вступленіемъ на престолъ хана Узбека счастье измѣнилось въ пользу Георгія. Последний, женившись на ханской сестрѣ, получилъ грамоту на великокняжескій престолъ и татарское войско на помощь противъ Михаила. Михаилъ уступилъ Георгію первенство, прося только самостоятельности для своего княжества. Но Георгій хотѣлъ уничтожить противника. Однако при Бортновѣ онъ потерпѣлъ поражение, а его супруга была взята въ плѣнъ и, по свидѣтельству лѣтописцевъ, умерла насильственной смертію¹⁾. Это послужило предлогомъ къ судебному процессу въ Ордѣ, начатому Георгіемъ. Михаилъ былъ приговоренъ къ смерти и замученъ въ Ордѣ. Впрочемъ тамъ вмѣстѣ съ личными симпатіями, которыя пріобрѣтались подарками и угожденіемъ, мѣнялись и партіи, и отношенія ихъ къ Россіи. Очевидно, что со смертію жены Георгія, его шансы въ Ордѣ значительно ослабли; потому что вскорѣ послѣ смерти Михаила великокняжескій титулъ достался его сыну Дмитрію, который рѣшился отомстить за своего отца московскому князю. Георгій, узнавъ о перемѣнѣ въ Ордѣ, снова посидѣлъ туда, но былъ убитъ Дмитріемъ собственноручно²⁾. Тогда престолъ достался Александру Михайловичу, не смотря на всѣ старанія брата Георгія—Іоанна Калиты.

Изъ всего хода этой борьбы видно, что московскіе князья рѣшились не падать средствъ, чтобы достигнуть первенствующаго положенія въ Россіи; но ихъ рѣшительные поступки вызываютъ неудовольствіе въ Ордѣ, и тамъ видимо опасаются этихъ стремленій. Вотъ почему на первыхъ порахъ побѣдительницею вышла Тверь. Но это самое заставило въ Москвѣ еще зорче слѣдить за направленіемъ ханской политики и выжидать удобнаго случая къ перемѣнѣ ея. Іоаннъ Калита, посѣщая часто Орду, успѣлъ составить тамъ себѣ партію, которая готова была поддержать его во время. Случилось, что одинъ изъ родственниковъ Узбека, князь Шевкаль, своими насиліями въ Твери, вызвалъ всеобщее возстаніе, во время котораго большая часть татаръ и онъ самъ были умерщвлены (1327). Узбекъ былъ крайне ожесточенъ такимъ

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 72; IV, 49.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 73; Ныконов. лѣт. III, 125.

поступкомъ — и поручилъ Иоанну Калитѣ наказати тверскаго князя, приславъ ему на помощь сильное татарское войско. Московскій князь ревностно принялся преслѣдовать своего соперника, такъ что Александръ принужденъ былъ оставить свой удѣлъ и бѣжать во Псковъ. Узбекъ остался доволенъ Иоанномъ и вручилъ ему великое княжество, наградивъ за русскими князьями и собираніе дани. Александра же вызвалъ къ себѣ на судъ, и, когда тотъ не явился, онъ снова поручилъ Иоанну наказати его и представить въ Орду. Но псковитяне торжественно поклялись защищать тверскаго князя. Тогда Иоаннъ прибѣгнулъ къ крайнему средству. Онъ убѣдилъ («намъ явилъ», говорятъ летописцы) митр. Феогноста наложить проклятіе и отлученіе на Александра и на весь Псковъ¹⁾. Впрочемъ, Александръ не хотѣлъ подвергаться псковитинь отлученію, а потому разрѣшилъ ихъ отъ клятвы, данной ему, и самъ уѣхалъ въ Литву. Такимъ образомъ московскій князь восторжествовалъ надъ своимъ соперникомъ. Съ тѣхъ поръ онъ усѣлъ пять разъ побывать въ Ордѣ, при чемъ каждый разъ возилъ богатые подарки, жилъ тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, а иногда и по году (1331—32 г.), и посылалъ въ Орду своихъ дѣтей. Все это вполне склонило Узбека на сторону Москвы и по смерти Исакана онъ уже безатрудно отдати престолъ его сыну Симеону; только со вступленіемъ на престолъ Чанибека московскому князю пришлось снова хлопотать о своемъ утвержденіи, тѣмъ болѣе, что въ Орду немедленно отпразднись Константинъ суздальскій и Константинъ тверской. Однако старанія митрополита Феогноста помогли Симеону. Такого же ревностнаго помощника въ своихъ дѣлахъ нацѣлъ Симеонъ и въ преемникѣ Феогноста митр. Алексѣѣ, который былъ сдѣланъ митрополитомъ по ходатайству самого Феогноста. Вотъ почему, умирая, Симеонъ совѣтовалъ своему преемнику «слушати» митрополита Алексѣя²⁾. Последний дѣйствительно былъ вѣрнымъ оплотомъ для Москвы. Въ Ордѣ онъ пользовался славой святаго мужа, и потому къ нему оттуда обращались даже за молитвою, когда заболѣла глазами жена хана Чанибека — Тайдула. Три раза митр. Алексѣй посѣтилъ Орду и своимъ вліяніемъ успѣлъ предотвратить походъ на Россію преемника Чанибека — Бердибека. Внутренняя дѣятельность митр. Алексѣя была направлена для поддержанія власти москов-

1) Полн. соб. рус. лѣт. IV, 51, 185.

2) Собр. госуд. грам. I, № 24.

свято князя. Когда суздальскій князь Дмитрій обратился съ жалобой въ Дмитрію Іоанновичу на своего брата Бориса, который захватил его наследственное владѣніе—Нижегородскую область; то великій князь потребовалъ его на судъ въ Москву; и когда тотъ отказался пріѣхать, то митрополитъ Алексѣй велѣлъ затворить церкви и прекратить богослуженіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, и суздальскій еписк. Арсеній, завѣдывавшій и Нижнимъ-Новгородомъ, за свою приверженность къ Борису, былъ лишенъ Нижегородской области. Это значительно содѣйствовало окончанію дѣла въ пользу московскаго князя ¹⁾ Въ другой разъ митр. Алексѣй предалъ церковному отлученію смоленскаго князя Святослава и другихъ князей, которые, вопреки условію съ Дмитріемъ, не только не помогали ему противъ Ольгерда литовскаго, но даже содѣйствовали послѣднему. О всемъ этомъ московскій князь и митрополитъ дали знатъ константинопольскому патриарху Филоею, который вполне одобрилъ рѣшеніе митрополита, написавъ при этомъ и отлученнымъ князьямъ, что онъ до тѣхъ поръ не сниметъ съ нихъ проклятій, пока они не выполнятъ своего обѣта, и не падутъ къ стопамъ своего митрополита, который долженъ извѣстить его о разплатѣ виновныхъ ²⁾. Одна Тверь продолжала заявлять себя по прежнему самостоятельно, что приводило къ недоуванію Дмитрія, и онъ рѣшился въ 1368 г., съ согласія митрополита Алексѣя ³⁾, завзять къ себѣ, подъ предлогомъ дружбы, Михаила Александровича, и предалъ его суду. Тверской князь обязанъ былъ освобожденіемъ только татарскимъ князьямъ. Снова вспыхнула война между Тверью и Москвою, окончившаяся въ пользу послѣдней. Михаилъ тверской требовалъ у патриарха суда съ митрополитомъ; но тотъ отказалъ ему, советуя покаяться и просить у него прощенія ⁴⁾.

Постоянное участіе митрополита Алексѣя въ гражданскихъ дѣлахъ даю ему важное значеніе въ глазахъ вел. князя, и потому, когда Дмитрій Донской отправился въ Орду (1371), то не смотря на все желаніе митрополита сопутствовать ему, онъ былъ оставленъ въ Москвѣ, чтобы участвовать въ боярскомъ совѣтѣ ⁵⁾. Патриархъ съ своей стороны

¹⁾ Никонов. лѣт. IV, 10; Караянъ, V, 4.

²⁾ Acta Patriarch. Constantinop. I, 518—524. Мазарій, Истор. церкви, IV, прилож. XI, XII.

³⁾ Вешняковъ, Исторія возвыш. Москов. княжества, 90.

⁴⁾ Acta Patriarch. I; 586, 590.

⁵⁾ Полн. собр. русск. лѣт. VIII, 18; Никоновск. IV, 29.

старался поддержать высокое значеніе митрополита въ глазахъ вел. князя, и въ отвѣтъ ему на извѣстіе о происшествіяхъ въ Россіи, писалъ такъ: «митрополитъ, мною поставленный, носить образъ божій и вмѣсто меня находится у васъ, и всякій, кто покоряется ему, и оказываетъ любовь и почтеніе, (оказываетъ это какъ самому Богу, такъ и нашей мѣрности. Всякая, оказываемая ему честь, переходитъ на меня, а черезъ меня къ Богу. И если митрополитъ возлюбилъ кого-либо за что-нибудь доброе: за благочестіе или за поборность; то и я такого благословляю, и Богъ благословитъ; напротивъ, еслибы онъ на кого прогнѣвался и отлучилъ, то и я сдѣлаю то же»¹⁾.

Вполнѣ признавая могущественное значеніе духовной власти въ судьбѣ Московскаго княжества, вел. князя съ своей стороны оказывали ей поддержку въ то время, когда она теряла свое вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ. Такъ поступилъ Дмитрій Донской, когда новгородцы рѣшили отложиться отъ митрополитскаго суда, предоставивъ церковный судъ своему архіепископу, который долженъ былъ руководствоваться только Номоканонъ. Въ другой разъ защитникомъ правъ митрополита явился Василій Дмитріевичъ, когда новгородцы отказали въ церковномъ судѣ Кипріану (1391 г.). Понимая, что «зависѣть отъ митрополита—значитъ зависѣть отъ Москвы»²⁾, Дмитрій и Василій восстановили прежнія отношенія Новгорода силою оружія.

Мы прослѣдили дѣйствія духовной власти въ борьбѣ московскихъ князей съ другими княжескими линиями, которыя считали себя вправе претендовать на соперничество съ Москвою. Но до сихъ поръ не въ стрѣчалось еще борьбы въ средѣ потомковъ Калиты. Она обнаружилась со вступленіемъ на престолъ Василія Темнаго. Условія особенно благоприятствовали этому междоусобию. Въ Москвѣ установился обычай наследованія по нисходящей линіи, которое укрѣплялось завѣщаніемъ. Но Василій Васильевичъ имѣлъ при вступленіи на престолъ только 10 лѣтъ, и потому могъ встрѣтить сильнаго соперника въ дядѣ своемъ Юріѣ Звенигородскомъ, который отличался честолюбіемъ. Предвидя это, митрополитъ Фотій въ ту же ночь, когда умеръ Василій Дмитріевичъ, послалъ за Юріемъ, чтобы заврѣпить престолъ за Василіемъ Ва-

1) Acta Patriarch. Constant. I, 516. Макарій, IV, прилож. XI.

2) Соловьевъ, Объ отнош. Новгор. къ вел. князьямъ, 76; Исторія Россіи, IV, 7.

си *завидать*. Но Юрій не явился, а выѣхалъ въ отдаленный Галичь, откуди потребовалъ перемирія. Завязалась борьба. Въ Москвѣ рѣшили опять прибѣгнуть къ посредничеству Фотія, который и отправился въ Галичь. Но Юрій не хотѣлъ и слышать о мирѣ, а настаивалъ только на перемиріи. Тогда Фотій въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ города, не благословивъ ни князя, ни народъ. Въ это время открылся моръ въ городѣ, который принесли гнѣву митрополита. Въ страхъ Юрій поскакалъ за митрополитомъ и едва успѣлъ со слезами умолить его возвратиться. Фотій возвратился, благословилъ городъ, а Юрій отправилъ своихъ пословъ въ Москву, которые заключили миръ съ великимъ княземъ, причемъ Юрій отказался отъ своихъ притязаній, съ условіемъ положиться на рѣшеніе хана, а въ 1428 г. и совсѣмъ отказался отъ своихъ правъ. Это объясняется тѣмъ, что въ 1427 г. мать великаго князя Софія Витовтовна ѣздила въ Лытву и поручила отцу Московское княжество и своего сына. Но лишь только умеръ Витовтъ (1430 г.), Юрій отказался отъ прежняго обязательства (1431). Теперь рѣшеніе дѣла было перенесено въ Орду. Юрій опирался на *древній обычай* наследованія и свое *старшинство*, причемъ приводилъ въ доказательство *льготы*; а сторонники Василія опирались на *милость* хана. «Эта лесть, говорить Соловьевъ, выражавшая совершенное презрѣніе къ старинѣ, произвела свое дѣйствіе»¹⁾. Ханъ далъ ярлыкъ Василію, а Юрій уѣхалъ опять въ отдаленный Галичь, затанувъ къ себѣ подавленную злобу. Къ этому присоединились еще новыя обстоятельства, ускорившія развязку. Защитникъ Василія въ Ордѣ — бояринъ Иванъ Всеволожскій обманулся въ ожиданіи, что великій князь женится на его дочери и отѣхалъ къ Юрію въ Галичь; а одинъ изъ сыновей Юрія — Василій Косой былъ оскорбленъ на великокняжеской свадьбѣ матерью Василія, которая передъ всѣми сняла съ него дорогой поясъ, поднесенный въ приданое Дмитрію Донскому за дочь суждальскаго князя Дмитрія Константиновича и подмѣненный на свадьбѣ тысяцкимъ Вельяминовымъ, который отдалъ его своему сыну Николаю, женившемуся на другой дочери суждальскаго князя. Переходя изъ рукъ въ руки, въ видѣ приданого, этотъ поясъ достался наконецъ Василію Косому. Эти-то обстоятельства послужили предлогомъ къ междоусобной борьбѣ, которую по

¹⁾ Соловьевъ, IV, 53.

смерти Юрія вели его синовья. Въ продолженіе всей борьбы великокняжескій престолъ переходилъ отъ одного въ другому, то къ Юрію, то къ Василю, то къ Василию Косому, то къ Дмитрію Шемиянѣ. Не самая борьба, напоминающая намъ удѣльныя междоусобицы, соответствующая духу времени, была ознаменована рядомъ жестокостей: Василій Васильевичъ велѣлъ ослѣпить Василя Косого; Дмитрій Шемиянъ—Василія Васильевича. Преслѣдуемый войсками великаго князя—Шемиянъ скрився въ Новгородъ, но туда былъ посланъ изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый, который подговорилъ боярина Шемьяка—Ивана Котова умертвить послѣдняго. Котовъ обратился къ его повару, и цѣль подкинулъ на столъ Дмитрію курицу, напичканную ядомъ, отъ которой онъ и умеръ. Подьячій Василій Беда, прескакавшій съ этимъ извѣстіемъ въ Москву, былъ пожалованъ въ дьяки.

Во все время этой борьбы духовенство безупречно стояло на сторонѣ вел. князя московскаго. Ему Василій Темный отдаетъ на судъ свой споръ съ Дмитріемъ Шемьякомъ; все духовенство пишетъ къ послѣднему грозное посланіе; митрополитъ Иона расшлетъ свои грамоты князьямъ и народу о преступкахъ Шемьяна; митрополитъ и епископы содѣлываютъ московскому князю въ войскѣ претивъ Шемьяна¹⁾. Въ первыхъ строкахъ посланія, духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ грѣхъ отца Шемьяна—Юрія, стремившагося захватить великокняжескій престолъ, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе сравняться съ божествомъ; а Шемьяку, за ослѣпленіе вел. князя, сравниваетъ съ братоубійцами—Канномъ и Свитополкомъ. Точнѣе взглядъ духовенства опредѣляется словами: «кому дано что отъ Бога, того не можетъ отнять у него никто». Въ заключеніе духовенство грозитъ Шемьякѣ, если онъ не обратится къ Богу и вел. князю съ раскаяніемъ, — отлучить отъ церкви и отказываетъ въ благословеніи всякому, кто будетъ помогать Шемьякѣ претивъ вел. князя²⁾. Но Шемиянъ не обращаетъ вниманія на все это, и только новый походъ вел. князя заста-

¹⁾ Соловьевъ, IV, 78, 82.

²⁾ Азты историч. I, № 40. Какъ примѣръ наказанія божія, за гордость и высокомеріе, духовенство приводитъ между прочимъ рассказъ о царѣ Тиридатѣ, обращенномъ въ вепря за гоненіе св. Григорія Великаго.

лишь оно: *выпринимая*. Однако при удобномъ случаѣ онъ снова измѣнилъ, не смогши въ *кромѣшнихъ* грамоты, данныхъ имъ на себя ¹⁾. Поэтому митр. Иона, въ *опружной* грамотѣ къ князьямъ и народу, убѣждать всѣхъ сложиться отъ Дмитрія и покориться вел. князю, гонимъ въ *прогивномъ* судѣи прекратить богослуженіе въ странѣ и затворить всѣ церкви ²⁾. Замѣчательно между прочимъ, что Шемяка укорялъ Василя Темнаго за то, что онъ держалъ при себѣ татаръ и опирается на ихъ помощь; но диканство оправдывало это необходимостью, которая была *звѣдана* дѣйствіями самого Шемяки, и потому приписывало бичу послѣднему. Однако *звѣданныи* не думалъ каяться и вѣшалъ себѣ *притонъ* у новгородцевъ, которые не хотѣли помогать Василю. Въ слѣдствіе этого Иона нѣсколько разъ писалъ въ Новгородъ, чтобы тамъ поберегли себя отъ него ради спасенія души. Новгородцы оправдывались *старинными* своимъ обычаемъ принимать *прѣвнаноцихъ* къ нимъ князей съ честью. Но въ Москвѣ мало были расположены въ новгородской старинѣ, и потому Иона сообщилъ новгородскому архіепископу, что Дмитрій Шемяка отлученъ отъ церкви, и запретилъ новгородцамъ даже ѣсть и пить съ нимъ ³⁾. Смерть виновника прекратила дальнейшія тяжбы. Матриволицъ Иона вполне былъ преданъ интересамъ московскаго князя. Будучи еще епископомъ (рязанскимъ), онъ болѣе другихъ старался въ его пользу, и этимъ въ значительной степени объясняется возведеніе его въ митрополита ⁴⁾. Онъ высоко поставилъ государственный авторитетъ московскаго князя. Не признавая даже формальнымъ *кромѣшное* названіе великаго князя *братомъ* удѣльныхъ князей, Иона величаетъ его только ихъ *господаремъ* ⁵⁾. Взаимное содѣйствіе думаетъ

1) На сколько московскіе князья сознавали необходимость поддержанія своего авторитета религіозными средствами, доказываетъ постоянное употребленіе въ періодъ образованія Московскаго государства такъ называемыхъ *проклитыхъ* грамотъ, которыя давали на себя въ обезпеченіе: вѣрности, какъ удѣльные князья, такъ и бояре, пользовавшіеся въ удѣльный періодъ правомъ отъѣзда отъ одного къ другому князю.

2) Акты историч. I, № 43.

3) Акты экспедиц. I, № 372.

4) Соловьевъ, IV, 72, 80.

5) Акты историч. I, № 56. Постановіе митр. Ионы къ смоленскому епископу. Иоанна III удѣльные князья обыкновенно называютъ уже *господаремъ* (Собр. госуд. грам. I, № 121; II, № 22). Признанія этого титула онъ самъ требовалъ отъ свободнаго Новгорода, что послужило предлогомъ къ окончательному разрыву между ними.

ной и собственной власти в дѣлѣ политическаго возвышенія Московскаго княжества и въ послѣдующее время бы ю постояннымъ средствомъ противъ всякихъ посягательствъ на его преобладаніе. Когда въ Новгородѣ составлялась партія, желавшая отстоять его самостоятельность союзомъ съ Литвою и подчиненіемъ новгородской церкви кіевскому митрополиту, то Іоаннъ III объяснял новгородскому архіепископу Іоаннѣ, что кіевскій митрополитъ Григорій поставленъ въ Римѣ патриархомъ Григоріемъ, признавшимъ унию, и что подобное соединеніе будетъ равняться отпаденію отъ православія въ латинство; при чемъ напешиль ему обязательство покоряться митрополиту московскому¹⁾. А митрополитъ, убѣждая новгородцевъ возвратиться московскому князю, приводилъ имъ въ примѣръ Константинополь, который до тѣхъ поръ стоялъ непоколебимо, пока сохранялъ православіе, а когда нарушилъ его (унію), то впалъ въ руки невѣрныхъ. Тѣмъ болѣе, заключаетъ онъ, слѣдуетъ заботиться о сохраненіи кетны на концѣ вѣковъ (намѣвъ на приближающійся конецъ 7000 лѣтъ), чтобы не восторжествовало латинство²⁾. Сохраненіе церковнаго единства было однимъ изъ главныхъ мотивовъ, удержавшихъ Новгородъ въ союзѣ съ Москвою. Религіозный вопросъ помѣшалъ образоваться тамъ сильной литовской партіи и усилить московскую, стоявшую за подчиненіе московскому митрополиту, а это значительно способствовало успѣху Іоанна III. И завоеванію Ватской республики также предшествовали убѣдительныя посланія митрополита Геронтія о покорности вел. князю, съ обѣщаніемъ, если ватчане не послушаютъ его словъ, вывести изъ нѣхъ области всѣхъ священниковъ и запретъ церкви³⁾.

Сопершивъ патріотическій подвигъ соединенія разрозненныхъ княжествъ въ одно цѣлое и самостоятельное государство, какъ основатель его величія (Даніилъ Александровичъ), такъ и дѣятели его возвышенія (митр. Ногрь, Феогностъ, Алексѣй, Кирилль, Фотій, Іоанн) вѣщались въ памяти прызательнаго потомства ореоломъ святости. Выступая на борьбу противъ враговъ отечества, московскіе государи каз-

¹⁾ Акты экзед. I, № 80.

²⁾ Акты историч. I, № 280, 281.

³⁾ Ibid. I, № 97, 98. Передъ присоединеніемъ послѣднихъ удѣловъ при Василѣ III, по улицамъ Москвы ходилъ юродивый съ метлою—и на вопросъ: зачѣмъ онъ везетъ ее? отвѣчалъ: «государство еще не сохлѣтъ очищено, пора вымести и послѣдній соръ». Союзникъ, V, 407.

дній разъ испрашивали себѣ силу духа, а государству—и необходимую защиту у гробовъ этихъ покровителей русской земли.

Въ томъ же дѣлѣ, какъ и высшая іерардія, въ пользу Московскаго князя дѣйствовали монастыри. Ихъ симпатіи въ этомъ случаѣ, кромѣ побужденій, общихъ всему духовенству, исходила изъ двухъ источниковъ: матеріальной зависимости отъ свѣтской власти и принципа подчиненности, который составлялъ духъ монастырскаго устава. «Князья, говоритъ Милютинъ, изъ существованія монастырскихъ имуществъ извлекали часто политическую пользу, такъ какъ посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать,—держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и влиятельныхъ сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много отъ того, что это сословіе, составлявшее въ прежнія времена главную изъ опоръ, присоединяло къ своему нравственному могуществу—могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и съ воинскими городами, и вообще въ исполненія своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, московскіе князья приобрѣли много содѣйствія и помощи отъ духовенства, и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ изрещено и въ то же время такъ могущественно, если бы съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами московскихъ князей; а съ другой не увеличивало бы вліяніе его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, сказанное духовенствомъ московскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными и въ стремленіи къ водворенію единой державы; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одною изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ московскихъ князей было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было приобрести отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно, при существованіи удѣловъ, духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ великіе, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстныхъ владѣльцевъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе московскихъ князей. Нигдѣ права духовенства не нарушались

такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи, — именно потому, что тамъ покровительство московскихъ князей и митрополита имѣло менѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княжествамъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалась не только неудобствами въ управленіи, но и болѣею трудностью въ сохраненіи приобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно, въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, потому что въ то время всѣ средства вредить врагу считались доволительными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая отъ того многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя въ послѣдствіи для него возникли именно изъ этого сосредоточенія ¹⁾. Примѣръ Іоанна III, взявшаго въ вазну, за отпаденіе Новгорода, половину епископскихъ и монастырскихъ вотчинъ Новгородской области, показываетъ, какъ смотрѣло московское правительство на имущественныя отношенія къ себѣ духовенства и преимущественно монастырей, и чего могли ожидать послѣдніе въ случаѣ нарушенія этихъ отношеній. При этомъ заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что Іоаннъ III взялъ новгородскія вотчины по благословенію того же сѣмюго митрополита Симона, который на соборѣ 1503 г., подъ страшными запрещеніями, не допустилъ его отобрать въ государственную собственность всѣ монастырскія земли.

Чтобы закрѣпить за собою расположеніе монастырей, московскіе князья освобождали ихъ отъ зависимости епархіальнымъ судамъ и подчиняли ихъ собственной власти. Еще Василій Темный принималъ подъ свое покровительство отъ удѣльныхъ князей монастыри Троице-Сергіевъ, Каменскій и Толгскій. Приобрѣтая удѣльные области, московскіе князья оставляли за собою право верховнаго суда надъ монастырскими землями, какъ это существовало прежде подъ управленіемъ удѣльныхъ князей, освобождавшихъ монастыри отъ суда своихъ

¹⁾ Милютинъ, О недвижимыхъ имущ. духовенства, Чтен. Мѣс. общ. истор. 1861, I, 397—398.

намістниковъ и волостей. Московскіе князья принимали подъ свое покровительство монастыри, которые обращались къ нимъ съ жалобою на притѣсненія своихъ удѣльныхъ князей. Они приписывали одни монастыри къ другимъ, которые уже находились подъ ихъ непосредственнымъ судомъ (Іоаннъ Грозный приписалъ 11 монастырей къ Троицкой лаврѣ и 4 къ Бѣлозерскому). Послѣ ограниченій, въ половинѣ XVI в., распространенія монастырскихъ вотчинъ безъ вѣдома государя, когда послѣдній дѣлалъ исключеніе въ пользу какого-нибудь монастыря, то обыкновенно вновь приобретенныя вотчины, въ судебномъ отношеніи, подчинялись юрисдикціи московскаго государя. Не желая въ известныхъ случаяхъ подчиняться суду намѣстниковъ, управлявшихъ областями, монастыри сами охотно обращались въ вел. князю съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство, и такая просьба всегда исполнялась, какъ по религіозному побужденію, такъ и по политическому расчету ¹⁾. Отдаленные монастыри, основанные въ глуши отшельниками, по этой причинѣ, не подлежали надзору ближайшаго епископа; но съ распространеніемъ государственной территоріи, они входили въ непосредственное управленіе московскаго князя. Но монастыри тяготились даже зависимостью отъ епископовъ. «Владѣльческія права архіереевъ сильно высказывались въ церковномъ управленіи XV—XVII вѣка». Епископы «переняли въ значительной степени отъ князей и вотчинниковъ формы, въ которыхъ выражались владѣльческія права». Они имѣли двory изъ бояръ, боярскихъ дѣтей, окольныхихъ, изъ которыхъ избирали десятниковъ, недѣльщиковъ, подводчиковъ. Эти лица завѣдывали управленіемъ, судомъ, расправою, сборомъ податей. Ихъ судъ былъ обременителенъ и не всегда справедливъ. Въ какомъ отношеніи стояли монастыри къ своимъ епископамъ, въ такомъ же отношеніи находились послѣдніе къ митрополиту и патріарху. Вотъ почему рано (еще въ XIV в.) пробуждается стремленіе подчиненныхъ монастырей и епископовъ освободиться отъ правъ высшей инстанціи. Прежде другихъ это стремленіе обнаруживается въ свободной области Новгорода, который постоянно боролся за независимость своей церкви отъ суда московскаго митрополита. Монастыри стараются освободиться

¹⁾ Въ московскомъ архивѣ министер. юстиціи хранятся «десятеи тысячъ» разныхъ грамотъ, въ числѣ которыхъ «множество несудимыхъ». Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 33.

отъ епископейныхъ наместниковъ и самого епископа. Единственнымъ же выходъ для нихъ заключался въ подчиненіи верховному суду великаго князя, и монастырямъ это вполне удавалось. Всѣ дѣла такихъ монастырей съ половины XVI в. до XVII поступали въ вѣдѣніе Царскаго Большаго Дворца, чрезъ который уже докладывались государю. Со временемъ, въ слѣдствіе расширенія вѣнчатій, въ этомъ приказѣ образовалось особое отдѣленіе для монастырскихъ дѣлъ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ оно обратилось въ самостоятельное учрежденіе—Монастырскій Приказъ¹⁾.

Изъ этого видно, что матеріальныя интересы монастырей во всегдъ совпадали съ политическими стремленіями московскихъ государей. А послѣдніе въ этомъ случаѣ легко достигали цѣли при обширности монастырской территоріи, которая тянулась во всея направленіи на пространствѣ Московскаго государства. Соединеніе этихъ интересовъ приводило въ тѣсную связь отдаленныя области съ центромъ государства. Московскіе государи обладали на столько политическимъ тактомъ, что поняли ту нравственную силу, которая руководила самыми высшими побужденіями общества, и потому могла привести его къ такимъ результатамъ, отъ которыхъ они ожидали блага для цѣлаго государства.

Но матеріальныя выгоды, предоставленныя монастырямъ свѣтскою властью, составляли только одну сторону дѣла. Какъ удѣльные князья, такъ и московскіе государи старались приобрести расположеніе монастырей болѣе близкими отношеніями къ нимъ. Оттуда избирали они придворныхъ духовниковъ²⁾ и духовныхъ отцовъ для своихъ дѣтей³⁾; туда обращались они за молитвою по случаю домашнихъ несчастій и

1) Горчаковъ, Монастырскій приказъ, 26—66.

2) У Дмитрія Донскаго духовникомъ былъ племянникъ Сергія Радонеж. — Феодоръ Ростовскій; у Іоанна III—Митрофанъ, архимандр. Андрониковскаго монаст. (Собр. госуд. грам. I, № 144); у Юрія Дмитріевича звенигородскаго — Савра Сторожевскій (см. его житіе).

3) Дѣтей Дмитрія Донскаго крестилъ Дмитрій Прилуцкій (см. его житіе); у Іоанна III—Вассіанъ архіепископъ ростовскій и игуменъ Троицкой лавры Паисій (Василія Іоанновича и Георгія. Соловьевъ, V, 216); у Андрея Васильевича Угличскаго—Паисій Угличскій (двухъ сыновей. Житіе Паисія); у Василия Іоанновича—Кассіанъ Босый и у Даниилъ Переславскій (Іоанна Грознаго. Акты историч. I, 410); у дѣтей Іоанна Грознаго—Геннадій Любимскій и Андрей Ондрусовскій (см. ихъ житія).

радостей¹⁾. Изъ монастырей обыкновенно избирались лица на высшія іерархическія мѣста, при чемъ по преимуществу обращалось вниманіе или на отшельниковъ, извѣстныхъ своими аскетическими подвигами, или на лицъ, заневшихъ себя расположеніемъ въ пользу власти²⁾. Последнее обстоятельство беретъ перевѣсъ въ эпоху образованія Московскаго государства, когда политическіе интересы возобладали надъ остальными (Митрофанъ, Іоаннъ, Даниилъ, Макарій, Леонасій, патріархъ Іовъ).

Нѣкоторые изъ отшельниковъ пользовались особеннымъ благоволеніемъ у московскихъ правителей: Сергія Радонежскій—у Дмитрія Донскаго; Мартиніанъ Бѣлозерскій—у Василя Темнаго; Пафлутій Боровскій и Памсіи Ярославовъ—у Іоанна III; Антоній Сійскій и Геннадій Любимскій въ семействѣ Іоанна Грознаго. Постояннымъ и любимымъ удовольствіемъ для московскихъ государей было посѣщеніе монастырей. Эти путешествія совершались по нѣскольку разъ въ годъ и назывались потому *осенними, летними, осенними и зимними*. Кроме того они были извѣстны по имени монастырей: *троицкіе* походы совершались въ Троицкую лавру; *сазанискіе* или *востанородскіе*—въ монастырь Саввы Осторожевскаго; *каминскіе*—въ монастырь Анны Калининской; *перьяслав*

1) Борисъ Александровичъ Тверской посылалъ свою дочь Марію на назначеніе къ Евфросину Тверскому; въ болѣзни Софіи Витовтовны Василій Дмитріевичъ обращался къ Іакову Желѣзноборскому; Іоаннъ Грозный, по случаю болѣзни сына, ѣздилъ въ Бѣлозерскій монастырь; Михаилъ Ѳедоровичъ, за освобожденіе Филарета, далъ обѣтъ посѣтить монастырь Макарія Унженскаго. Желая имѣть сына, Михаилъ Ѳедоровичъ обращался съ молитвою къ Евлазару Адзерскому, который поэтому пользовался большимъ уваженіемъ у Алексѣя Михайловича. См. житія означенныхъ лицъ.

2) Первый русскій митрополитъ Иларіонъ былъ отшельникомъ. Еврипъ Туровскій—столпникомъ; Кириллъ Смоленчичъ—затворникомъ. Митр. Алексѣй хотѣлъ избрать въ митрополиты послѣ себя Сергія Радонежскаго; Іоаннъ III—Памсіи Ярославова; но они оба отказались. Филиппъ II и патр. Никонъ были извѣстны прежде какъ строгіе отшельники. Какъ въ греческой церкви (Твор. св. отц. т. XIX; Правосл. соб. 1863, II), такъ и въ русской (Макарій, III, 206) существовалъ обычай избирать епископовъ и изъ блага духовенства; но съ развитіемъ значенія монашества—оно получаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе и наконецъ совершенно вытѣсняетъ остатокъ старины. Въ греческой церкви этотъ поворотъ рѣзко обозначается со времени Юстиніана I, хотя и въ послѣдствіи долго еще держался старій порядокъ.

скіе—въ монастыри Переяславля-Залѣскаго; *можайскіе* — въ мощанѣ Николая Можайскаго; *колязинскіе* — въ монастырь Макарія Колязинскаго; *угрѣнскіе* — въ Угрѣнскій монастырь; *кирилловетіе* — въ Бѣлозерскій монастырь; *боровскіе*—въ монастырь Пафутія Боровскаго; *уличскіе*—въ монастырь Пансіа Уличскаго ¹⁾). Особенно часто были посѣщаемы тѣ монастыри, которые пользовались уваженіемъ у князей, или по ихъ личнымъ симпатіямъ, или по временнымъ обстоятельствамъ ²⁾). Троицкіе походы, какъ болѣе близкіе и важные, отличались необыкновенною пышностью. Царская фамилія обыкновенно отправлялась въ сопровожденіи нѣсколькихъ отрядовъ, одѣтыхъ въ богатые уборы, съ военною музыкою и со всѣми принадлежностями для пути (съ казною, оружіемъ, постелями, мастерами, кухнею). Шатры, которые разбивались на ночлегъ, были убраны шолковыми и дорогими тканями и составляли цѣлый городокъ. Свита царя и царицы поражала своею азіатскою пышностью. Сбруя коннаго отряда вся горѣла въ золотѣ и серебрѣ; а лошади изъ царскаго отряда были покрыты персидскими коврами, вытканными серебромъ и золотомъ. Царская вярета ослѣпляла взоръ блескомъ золота и хрусталя. Самое путешествіе, не смотря на близость, тянулось нѣсколько дней (до 4, 5). Выѣзая въ монастырь, царь получалъ отъ игумена посохъ въ знакъ власти надъ монастыремъ на все время пребыванія въ немъ. На пути обыкновенно царь и царица раздавали милостыню нищимъ и больнымъ, а въ монастырѣ щедро надѣляли братію деньгами и вещами. Въ замѣнъ этого монахи подносили имъ деревянную посуду своего издѣлія, раскрашенную разноцвѣтными красками и золотомъ. Иногда впрочемъ царица предпринимала подобное путешествіе, по обѣту, пѣнкомъ. Не смотря однако, что эти походы совершались по монастырямъ, государи и ихъ свита брали съ собою сундуки, наполненные образами и другими вещами, необходимыми для отправленія домашнихъ обрядовъ. Подобныя странствованія двора по монастырямъ продолжались до начала XVIII вѣка ³⁾.

¹⁾ Забѣлинъ, Троицкіе походы, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1846, № V, 27, 28.

²⁾ Василій Іоанновичъ любилъ посѣщать монастыри Комельскій, Бѣлозерскій (Полн. соб. рус. лѣт. VI, 264, 265, 283) и Волоколамскій; Алексѣй Михайловичъ—Сторожевскій.

³⁾ См. описаніе похода 1675 г. Адольфа Лизева, секретаря царскаго посольства. Журн. мин. народ. просв. 1837, ноябрь. Троиц. походы, Забѣлина.

При такихъ близкихъ отношеніяхъ въ вѣсти, монастыри сдѣлались проводниками въ обществѣ идеи порядка и верховнаго значенія свѣтской власти. Основатели монастырей воспитывали своихъ учениковъ и послѣдователей въ повиновеніи власти, что многіе соотвѣтствовали безусловной покорности, которая составляла духъ монастырской жизни ¹⁾. Въ дѣйствительности они всегда являлись защитниками господствующаго порядка вещей; а московское правительство всегда находило въ нихъ вѣрную поддержку. Сергій Радонежскій принялъ на себя полномочіе отъ митр. Алексѣя затворить церковь въ Нижнемъ Новгородѣ, если Борисъ Константиновичъ откажется явиться на судъ въ Москву, и своими рѣшительными дѣйствіями заставилъ его смириться. ²⁾ Въ другой разъ Дмитрій Иоанновичъ избралъ его посредникомъ въ сношеніяхъ съ Олегомъ Рязанскимъ. Не чувствуя себя въ силахъ усмирить рязанскаго князя оружіемъ, московскій князь надѣялся достигнуть цѣли посредствомъ вліянія Сергія, прославившагося тогда уже своими подвигами. По словамъ лѣтописца, Сергій сумѣлъ подѣйствовать на Олега своими «рѣчами» и убѣдилъ его согласиться на вѣчный миръ ³⁾. Григорій Пельшемскій, не смотря на то, что происходилъ отъ галицкихъ дворянъ (Лопотовыхъ), во время (1433 г.) правленія Юрія Дмитріевича (галицкаго) ходилъ въ Москву и убѣждалъ его возвратити престолъ Василию Василіевичу, какъ наследственную собственность. Вскорѣ послѣ того Юрій оставилъ Москву. Но когда въ слѣдующемъ году Дмитрій Шемяка сталъ опустошать Вологодскую область, принадлежавшую Василию, Григорій, побуждаемый народомъ, отправился къ нему. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставилъ онъ обвиненія, внесенныя имъ въ страну, и хотѣлъ за это свергнуть съ моста, но Шемяка принужденъ былъ оставить Вологду ⁴⁾. Еще рѣзче въ эту эпоху выдается дѣятельность Бѣлозерскаго монастыря. Послѣ долгой борьбы съ переменнымъ счастіемъ, Василій Темный принужденъ былъ предоставить московскій престолъ Дмитрію Шемякѣ, и выдалъ ему на себя обычныя въ то время «проклятыя» грамоты. За-

¹⁾ См. наставленіе Геннадія Любимскаго, въ его житіи у Филарета, январь.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. IV, 66.

³⁾ Никон. лѣтоп. IV, 151.

⁴⁾ Арцыбашевъ, Повѣств. о Россіи, II, 182, 183.

руководившись свидетельствами епископовъ, игуменовъ и оставшаго духовенства; Шемяка выпустилъ московскаго князя изъ заключенія, предоставивъ ему въ управленіе Вологду. Отправляясь въ свой удѣлъ, Василій захватилъ въ Кирилловъ монастырь. Въ это время игумень Трѣфонъ съ братією всего монастыря выступили съ убѣдительною рѣчью, чтобъ Василій немедленно старался возвратить свой престолъ. Благословивъ Василя и его дѣтей на престолъ, онъ сказалъ: «тотъ грѣхъ, что ты цѣловалъ крестъ и давалъ на себя грамоты Дмитрію Шемякѣ, пусть будетъ на мнѣ и на всей братіи, а ты, государь, ступай съ Богомъ и своею правдою въ свою вотчину — на великое княженіе». Въ томъ же духѣ въ пользу Василя высказался игумень Фарапетовъ монастыря — Мартиніанъ. Въ слѣдствіе этихъ побужденій, Василій рѣшился дѣйствовать противъ Шемяки ¹⁾. Утвердившись на престолѣ, Василій немедленно вызвалъ Мартиніана въ Москву и одѣвалъ его игуменомъ Троицкой лавры, надѣясь имѣть въ немъ твердую опору ²⁾. Василій не ошибся: имя Мартиніана встрѣчается въ грамотѣ посланія духовенства противъ Дмитрія Шемяки ³⁾. Но когда Василій Темный, вопреки данному слову, заключилъ одного вельможу, ватаго Мартиніаномъ на поруки, въ тюрьму; то послѣдній лишилъ великаго князя своего благословенія, и тотъ принужденъ былъ уступить. Освободивъ заключеннаго, Василій, въ сопровожденіи бояръ, отправился въ разгнѣванному игумену просить прощенія ⁴⁾.

Политическая традиція монастырей въ пользу московскихъ князей ведетъ начало отъ представителя монашества сѣверо-восточной Россіи — Сергія Радонежскаго. Мы видѣли, какъ дѣйствовалъ онъ каждый разъ, когда нарушались интересы московскаго князя. На съ его именемъ соединяется также воспоминаніе объ одномъ изъ па-

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. IV, 146, и Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго.

²⁾ Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго. Мартиніанъ вышелъ изъ Бѣлозерскаго монастыря и былъ ученикомъ Кирилла Бѣлозерскаго. Его биографъ рассказываетъ, что Мартиніанъ пришелъ въ монастырь на 13 году; Кириллъ немедленно озаботился выучить его грамотѣ. Вблизи монастыря жилъ дьякъ Алексѣй Павловъ, который занимался переписываніемъ книгъ и обученіемъ дѣтей. Призвавъ его въ монастырь, Кириллъ поручилъ ему заняться съ Мартиніаномъ, что тотъ и исполнилъ.

³⁾ Акты исторіи. I, № 40.

⁴⁾ Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго.

ціональнихъ событій Россіи—Куликовской битвѣ. Рѣшившись выступить противъ татаръ, Дмитрій Донской отправился сначала въ Троицкій монастырь, чтобы намѣстѣ испросить благословеніе игумена. Сергій совѣтовалъ откупиться отъ Мамаю; но когда узналъ рѣшимость Дмитрія дѣйствовать оружіемъ — благословилъ и далъ ему, по его желанію, двухъ своихъ монаховъ (Ослабю и Пересвѣта), служившихъ прежде въ войскѣ, но, по обычаю того времени, промѣнявшихъ мечъ на четки, и теперь еще выдававшихся въ средѣ братіи мужественнымъ видомъ и силою. Сергій отпустилъ ихъ, и оба они пали въ битвѣ ¹⁾. Стараясь поддержать великаго князя, Сергій во время самой битвы отправилъ къ нему одного старца съ хлѣбомъ Богородицы и посланіемъ, которое произвало на Дмитрія желанное дѣйствіе ²⁾. Все это высоко поставило Сергія въ глазахъ московскихъ государей и народа. Съ тѣхъ поръ московскіе правители не предпринимали ни одного дѣла, ни военнаго, ни государственнаго, ни семейнаго, не побывавъ прежде въ Троицкой лаврѣ. Эта обитель сдѣлалась «моленною» у московскихъ государей; а св. Сергій обыкновенно назывался «заступникомъ, помощникомъ и кормителемъ всѣхъ русскіихъ царей» ³⁾.

Эта политическая традиція перешла и въ ученикамъ Сергія. Во время борьбы Василія Темнаго съ Дмитріемъ Шемякою (1441—51), въ удѣлѣ послѣдняго, близъ Боровска, возникъ новый монастырь, основанный игуменомъ Высоцкаго монастыря (въ Боровскѣ) — Пафнутіемъ ученикомъ тамошняго старца Никиты, который въ свою очередь былъ ученикомъ Сергія Радонежскаго. Современники придавали этой связи большое значеніе ⁴⁾. По своему происхожденію, Пафнутія былъ потомкомъ одного изъ татарскихъ баскаковъ временъ Батия. Боровскій князь Василій Ярославичъ былъ недоволенъ, что Пафнутія перешелъ въ предѣлы Суходола, принадлежавшаго Шемякѣ, и сначала преслѣдовалъ его за это; но послѣ пораженія Шемяки Суходоль достался Василію Боровскому. Однако онъ имъ владѣлъ недолго. По изгнаніи его изъ удѣла, Суходоль вошелъ въ составъ Московскаго княжества. Семейныя преданія перенесли въ Москву почитаніе къ новому монастырю. За Василіемъ Темнымъ была сестра Василія Ярославича—Марія

¹⁾ Костомаровъ, Историч. изслѣд. и моногр. III, Куликовская битва.

²⁾ Сказаніе о мамаевомъ побоищѣ, у Сахарова.

³⁾ Троицкіе походы, 29.

⁴⁾ Юсифъ Волоколамск. въ Связан. о монастыр. русской земли.

которая покровительствовала Пафнутію вкладами и по смерти его сдѣлала даже приношеніе въ Кирилловскій монастырь для поминаній по немъ. Сынъ Василя Темнаго Георгій, слѣдуя примѣру матери, также дѣлалъ пожертвованія въ Боровскій монастырь и часто посѣщалъ Пафнутія, который особенно любилъ его за *безбрачную* жизнь. Самъ Георгій рассказывалъ многимъ, что трепеть и ужась нападалъ на него, когда онъ приходилъ къ Пафнутію.

Пафнутіи съ своей стороны сохранялъ постоянную привязанность къ московскимъ князьямъ. Когда въ 1472 г. Иванъ Васильевичъ уступилъ своему брату Борису Вышегородскую волость съ Суходоломъ, то Пафнутіи не пожелалъ, чтобы его монастырь отошелъ отъ великаго князя, и потому былъ ему челомъ, чтобы послѣдній взялъ его монастырь подъ свою державу. Великій князь согласился.

Пользуясь большимъ уваженіемъ въ семействѣ московскихъ князей, Пафнутіи успѣлъ великолѣпно отдѣлать свой монастырь. Въ немъ была каменная, богато украшенная живописью, церковь, снабженная утварью и книгами, которой удивлялись князья, бояре и простые люди ¹⁾. Съ своими учениками и слушателями Пафнутіи любилъ особенно бесѣдовать о судьбахъ Московскаго княжества, при чемъ сообщалъ имъ много преданій о московскихъ великихъ князьяхъ. Эти рассказы имѣли назидательный характеръ, такъ какъ онъ обыкновенно придавалъ имъ таинственно-религіозный смыслъ. Въ рассказъ «о морѣ» входитъ между прочимъ нѣсколько преданій объ Іоаннѣ Калитѣ и митр. Петрѣ, о воскресшей монахинѣ, которая посѣтила во время смерти загробный міръ и видѣла въ раю Іоанна Калиту.

Московскіе князья высоко цѣнили отношенія Пафнутія Боровскаго къ себѣ. Во время предсмертной болѣзни Пафнутія, посоль за посолью являлись въ его монастырь отъ Іоанна III, супруги его Софьи и матери—Маріи Ярославны. Митр. Геронтіи и верейскій князь Михайлъ Андреевичъ, расположенный къ великому князю, также отлича-

¹⁾ Пафнутіи вообще отличался хозяйственнымъ устройствомъ монастыря, что было необходимо при его богатствѣ и политическомъ значеніи. Иннокентій, ученикъ Пафнутія, рассказываетъ, что послѣдній позвалъ его однажды обойти монастырь. Они пришли къ пруду, устроенному имъ съ большимъ трудомъ. Увидѣвъ, что вода протекала подъ плотину, Пафнутіи сталъ учить Иннокентія, какъ слѣдуетъ преградить теченіе воды.

лись усердіемъ къ нему. Послѣдній изъ нихъ самъ посѣтилъ монастырь, завѣщавъ ему нѣсколько деревень и пожелавъ, чтобы его похоронили въ монастырь Пафнутія. По смерти, Пафнутій сталъ семейнымъ святымъ у московскихъ князей. Іоаннъ Грозный ставилъ его на ряду съ Сергіемъ Радонежскимъ и Кирилломъ Бѣлозерскимъ. Его молитвамъ приписывали рожденіе самого Іоанна. Дѣйствительно, Василій Іоанновичъ избралъ воспріемниками своего перваго сына учениковъ Пафнутія—Данила Переяславскаго и Басіана Босаго, на что обращаетъ вниманіе Степенная книга. Авторъ біографіи Пафнутія величаетъ его «заступникомъ русскаго самодержца» и проситъ его помолиться, чтобы и на будущее время «Богъ вѣнчалъ его потомковъ царскимъ вѣнцомъ и даровалъ имъ побѣды на враговъ». Все это было причиною, что извѣстія о Пафнутіѣ вошли въ русскую лѣтопись ¹⁾.

Въ тѣхъ же началахъ воспитанъ ученикъ Пафнутія Боровскаго—Іосифъ Волоколамскій. Но дѣятельность его была гораздо шире.

Іосифъ родился въ 1489 или 40 году и былъ сынъ вотчинника изъ предѣловъ Волоколамскихъ; а дѣдъ его (Сани—Александръ, откуда фамилія Іосифа—Санинъ) вышель изъ Литвы и умеръ монахомъ. Вообще въ родѣ Саниныхъ была наклонность къ монастырской жизни. Такъ, изъ этой фамиліи упоминается 14 именъ монашескихъ мужескихъ и четыре женскихъ, а мірскихъ—одно мужское и ни одного женскаго. Поэтому вліяніе примѣра на Іосифа вполне понятно; къ тому же на восьмомъ году онъ былъ отданъ учиться грамотѣ въ монастырь. Сохранилось извѣстіе, что уже въ раннихъ лѣтахъ Іосифъ отличался начитанностью и умѣніемъ пѣть. Живя въ монастырѣ, онъ постоянно посѣщалъ церковь, а характеръ книгъ такъ подѣйствовалъ на него, что уже въ эту пору Іосифъ сталъ разсуждать о скоротечности земной жизни. По окончаніи обученія, Іосифъ возвратился въ свой домъ. Къ этому времени относится его дружба съ «вельможнымъ отрокомъ» Борисомъ Васильевичемъ Кутузовымъ, который былъ потомъ окольничимъ при Іоаннѣ III, и принесъ Іосифу большую пользу. Іосифа тянуло въ монастырь. Онъ сталъ спрашивать у путешественниковъ о

¹⁾ Хрущовъ, Изслѣд. о сочин. Іосифа Волоц. 14—23. Акты историч. I, № 210, стр. 382, 392, 410; Степен. книга II, 207. Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 183, 184. Припомнимъ, что еще въ XVII в. въ крестовой комнатѣ русскихъ царей хранились вещи, принадлежавшія Пафнутію Боровскому: посохъ, часть клобука и онучи. См. выше, с. 260.

разныхъ обителяхъ, и выбралъ для себя монастырь св. Саввы (въ Тверской области), гдѣ жилъ строгій отшельникъ Варсонофій Неумой. Но этотъ монастырь не понравился Іосифу: едва онъ пришелъ туда, какъ въ самой трапезѣ услышалъ ругательства. Варсонофій указалъ ему на монастырь Пафнутія Боровскаго и Іосифъ перешелъ туда. Здѣсь, такъ какъ онъ отличался физическою силою, его опредѣлили сначала въ поварню, а потомъ въ пекарню: оба занятія принадлежали въ труднымъ монастырскимъ работамъ, какъ по обширности монастыря, такъ и по многочисленности посѣтителей. Кромѣ того Іосифъ ухаживалъ за больнымъ отцомъ, который, узнавши о бѣгствѣ своего сына въ монастырь, лишился владѣнія рукъ и ногъ. Пафнутіи, видя непреклонность Іосифа остаться въ монастырь, разрѣшилъ ему взять къ себѣ отца. Въ послѣдствіи Іосифъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи монастыремъ: ему поручено было смотрѣть за порядкомъ и за больными, а иногда Іосифъ предпринималъ путешествіе по дѣламъ монастырскимъ. Въ 20 лѣтъ Іосифъ принялъ монашество и 18 лѣтъ пробылъ въ монастырѣ Пафнутія, до смерти своего наставника. Слѣдовательно въ это время ему было около 40 лѣтъ.

По вѣншему виду, онъ былъ средняго роста и чрезвычайно хороши собою, почему сравнивали его съ древнимъ Іосифомъ. Бѣроду онъ имѣлъ не слишкомъ длинную, округленную; волосы—темнорусые; голосъ его былъ—чистый, благозвучный; взглядъ быстрый и свѣтлый. Его искусство читать и цѣть такъ поражаю многихъ, что онъ иногда отказывался отъ этой обязанности, чтобы не думали о немъ слишкомъ много. Но за Іосифомъ было еще большее достоинство: онъ постоянно читалъ книги, и, при своей обширной памяти, такъ усвоилъ ихъ, что могъ во всякое время, не справляясь съ книгою, предложить нужное мѣсто изъ священнаго писанія. Такія достоинства не могли укрыться отъ людей—и Іосифъ сталъ извѣстнымъ даже въ Москвѣ. Умирая, Пафнутіи передалъ свой монастырь вел. князю; а вел. князь никого не хотѣлъ имѣть въ немъ игуменомъ, кромѣ Іосифа. Его вызвали въ Москву и онъ получилъ тамъ этотъ, многозначительный въ то время, санъ «по волѣ державнаго князя» и по благословенію самого митрополита Геронтія.

Теперь характеръ Іосифа выступить въ крупныхъ чертахъ. Поступивъ въ монастырь, онъ не смутился отъ несчастія, которое постигло отца, а потомъ не хотѣлъ, вопреки уставу, видѣться съ матерью.

Отъ такого характера можно было ожидать многого. Дѣйствительно, едва сдѣлавшись игуменомъ, Іосифъ принялся за реформу монастыря. Близко знакомый съ аскетическою литературою, произведенія которой онъ самъ иногда вписывалъ въ монастырскіе сборники, Іосифъ задумалъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ строгое общежитіе по образцу восточныхъ монастырей и Афонской горы. Но онъ встрѣтилъ противодействие въ монахахъ. Непреклонный по характеру, Іосифъ, вонечно, не думалъ отступаться отъ своихъ требованій, и рѣшился уйти изъ монастыря. Посоветовавшись съ своими близкими, онъ отправился обокрѣть другіе монастыри. Его удаленіе произвело смущеніе какъ между братією, такъ и въ Москвѣ, но тамъ рѣшили ждать возвращенія Іосифа.

Это странствованіе имѣло практическое назначеніе. Выработавши въ себѣ опредѣленный взглядъ на монашество, Іосифъ хотѣлъ видѣть примѣры, съ тѣмъ опять, чтобы потомъ приложить ихъ въ дѣлу. Онъ обошелъ монастыри тверскіе, заволжскіе и доходилъ до Кирилевой обители. Онъ познакомился съ ближайшими послѣдователями Сергія и Кирилла; но отмѣтилъ и много недостатковъ въ монастырской жизни, уклоненій отъ заповѣданныхъ преданій. Въ обители Сергія уже былъ нарушенъ уставъ общежитія и введенъ лаврскій обычай. Іосифъ хвалитъ строгость игумена Саввы (въ тверскомъ м.), который нарушителей сажалъ въ заключеніе и усмирять жезломъ. Больше другихъ ему понравились монастыри: Симоновскій, Чудовскій, Мавраи Колявинскаго, не уступавшій въ строгости афонскій, и Кирилло-Бѣлозерскій. Ознакомившись съ дѣйствительностью и придя къ мысли о значительномъ поврежденіи древнихъ уставовъ — Іосифъ рѣшился основать свой монастырь.

Мѣстомъ для новаго монастыря была избрана пустыня, вблизи родовой вотчины Саниныхъ. Изъ Боровскаго монастыря перешли къ Іосифу болѣе строгіе отшельники и въ томъ числѣ два его брата, Василіанъ и Акакій. Опасаясь разныхъ превратностей, какія испытывали другіе пустынники, то отъ крестьянъ, то отъ ближайшихъ вотчинниковъ, — Іосифъ самъ отправился къ волоцкому князю Борису Васильевичу и выхлопотать у него согласіе на постройку монастыря. Борисъ пріѣхалъ въ день основанія церкви, и вмѣстѣ съ своими боярами и отроками участвовалъ въ ея закладѣ. Онъ же на первыхъ порахъ содѣйствовалъ монастырю своими средствами. Черезъ 6 лѣтъ послѣ основанія обители, въ ней, на мѣстѣ деревянной, была построена большая

каменная церковь, расписанная лучшими мастерами. На сколько въ это время увеличились монастырскія богатства, можетъ служить подтвержденіемъ сравнительная цѣнность ея построекъ и недвижимой собственности вообще. На свою церковь Іосифъ изстратилъ болѣе 1000 рублей; между тѣмъ въ болѣе древнемъ монастырѣ (Кирилло-Бѣлозерскомъ) каменная церковь обошлась въ 250 р.; большая волюта Буйгородъ съ деревнями стоила 100 р.; 12 деревень съ угодьями—200 руб.; 6 деревень съ пустошами—80 рублей. Главными жертвователями было семейство волоцкаго князя. Отъ него досталось Іосифу 3 села и 20 деревень; а когда умеръ крестникъ Іосифа, сынъ Бориса—Иванъ, скончавшійся въ монастырѣ на рукахъ Іосифа, то завѣщалъ его обители одно село и 43 деревни. Кромѣ того въ числѣ жертвователей упоминаются князья Хованскій, Бѣльскій, равныя извѣстныя фамиліи. Григорій Собакинъ подарилъ монастырю 2 села и 9 деревень. Другіе давали деньгами: жена князя Бориса внесла 50 р., великая княгиня Марія—300 р., а великій князь—150 р. Біографы Іосифа придаютъ особенное значеніе тому, что въ его монастырѣ постригались богатые и знатные люди. Изъ нихъ извѣстны: князь Андрей Голенинъ, Діонисій—изъ князей звенигородскихъ, Нилъ Полевъ—изъ князей смоленскихъ, Андрей Квашнинъ, Іона Голуба, Епифаній и др. Въ послѣдствіи въ числѣ ихъ встрѣчается и другъ Іосифа—Борисъ Кутузовъ. И самъ Іосифъ придастъ большое значеніе въ исторіи своего монастыря лицамъ, поступавшимъ изъ князей, бояръ и торговыхъ людей. Онъ говоритъ, что при этомъ они мною жертвовали въ монастырскую казну: по 10, 20, 30, 50, 100 и 200 руб. Голенинъ, поступая въ монастырь, отдалъ все свое имѣніе: серебро, золото, одежды, сосуды, весь скотъ и 3 села. Нѣкоторые жертвовали хлѣбомъ, лошадьми, шубами, оружіемъ, сбруями, сѣдлами, сосудами. Важную статью монастырскаго дохода составляли также влады на поминъ по душѣ; притомъ же Іосифъ, по его собственнымъ словамъ, былъ духовникомъ «у многихъ бояръ и князей», которые не забивали поддерживать монастырь, построенный изъ духовнымъ наставникомъ. Князь Иванъ Хованскій завѣщалъ своимъ дѣтямъ давать по себѣ въ монастырь ежегодно по 100 чегвертей хлѣба; Григорій Собакинъ внесъ вклада 40 р., князь Семень Бѣльскій—30 р. Конечно всѣмъ этимъ монастырь былъ обязанъ Іосифу, а Іосифъ—своей прежней жизни и славѣ, которая заставила даже Іоанна III призадуматься, когда ушелъ вгуменъ изъ Боровскаго монастыря.

Но Иосифъ воспитался подъ руководствомъ Пафнутія, который, какъ мы видѣли, отличался хозяйственными качествами; Иосифъ привыкъ у него къ управленію хозяйствомъ. Въ его идеалѣ рисовался большой монастырь, съ строгимъ подчиненіемъ игумену и порядкомъ жизни. Извѣстность Иосифа дала ему много средствъ для устройства такого монастыря, и онъ, со всею заботливостью, принялся за это. Онъ старался дать приличную обстановку обители. Кромѣ богатой отдѣлки церкви, Иосифъ украсилъ ризы жемчугомъ; устроилъ крестные ходы нѣсколько разъ въ годъ, отличавшіеся особеннымъ благолѣпіемъ; заботился о монастырской библіотекѣ, въ которой еще при немъ было много книгъ. Изъ нихъ многія были украшены золотыми и разноцвѣтными узорами, обложены серебромъ и вызолочены. На монастырскомъ дворѣ помѣщались: отдѣльныя строенія («дворцы») для прислуги и мастеровыхъ, амбары для продовольствія, погреба, ледники. Трапеза въ монастырѣ Иосифа была такъ обширна, что помѣщала въ себѣ отъ 600-700 человекъ бѣдныхъ, путешественниковъ и посѣтителей. Такое общество собиралось тамъ ежедневно, изъ чего можно заключить, какъ о количествѣ монастырскихъ посѣтителей того времени, такъ и о средствахъ Волоколамскаго монастыря. Также хозяйственность Иосифа видна и въ распределеніи платы за поминованіе. Княгиня Марія Голенина записала въ монастырь по своему мужѣ и сынѣ 11 рубл. и пару коней, а по другомъ сынѣ шубу и пару коней и потомъ дѣлала вклады отъ времени до времени (до 70 руб.) на вѣчный поминъ. Но чрезъ 15 лѣтъ она узнала, что ея семейство поминается не особо, а вмѣстѣ съ другими и написала объ томъ въ монастырь. Иосифъ совершенно сповойно отвѣчалъ ей, что для этого она должна была заключить особое условіе съ монастыремъ за опредѣленную, на каждый случай, сумму. Онъ не любилъ скрывать монастырскихъ средствъ, и въ своихъ посланіяхъ (тойже Голениной и Борису Кутузову) охотно рассказываетъ о всѣхъ пожертвованіяхъ. Особенно же игуменъ Волоколамскаго монастыря хлопоталъ о приобрѣтеніи селъ и деревень, которыя составляли тогда главное богатство монастырей. Относительно врестьянъ Иосифъ опредѣлялъ, чтобы монастырскіе судья брали съ нихъ только половину судебной пошлины, сравнительно съ Судебникомъ. Конечно такая льгота должна была расположить къ нему новыхъ поселенцевъ. Точно также, совѣтуя владѣльцамъ хорошо обращаться съ рабами, онъ преимущественно указываетъ на ту выгоду, которая произойдетъ для нихъ самихъ отъ такого обращенія.

Но заботы о матеріальной сторонѣ быта не похищали Іосифу заняться нравственнымъ порядкомъ жизни. По его уставу запрещено было держать кувальные напитки по келліямъ; пищу братія могли вкушать только въ трапезѣ, за исключеніемъ праздниковъ, когда дозволялось ѣсть въ келліяхъ. За транезою соблюдалось строгое молчаніе; безъ благословенія нельзя было взять никакой вещи; въ церкви слѣдовало стоять чинно, не переминаясь съ ноги на ногу и не опираясь объ стѣну. За всѣмъ этимъ слѣдили особы надзиратели. Монастырскія ворота крѣпко запирались на ночь; изъ постороннихъ никто не могъ ночевать въ монастырѣ; монахамъ запрещалось ходити въ строенія, расположенныя возлѣ монастыря. Въ монастырѣ монахи могли прогуливаться только по воскресеньямъ; для отправленія мірскихъ дѣлъ назначалась—суббота; въ монастырскихъ стѣнахъ запрещался торгъ; при келліяхъ нельзя было имѣть погребовъ, задѣлкъ выходовъ, большихъ оконъ, садовъ и огородовъ. Послѣ вечерней молитвы были запрещены всякія бесѣды, и Іосифъ самъ обходилъ келліи, чтобы напомнить нарушителямъ о порядкѣ. Въ образецъ безусловнаго послушанія Іосифъ ставитъ Павла Простаго: онъ, по приказанію своего наставника, нѣсколько разъ спивалъ мантию, которую послѣдній каждый разъ снова разрывалъ. Потомъ ему поручено было плести финиковыя вѣтви и снова расплетать. Съ особенною же строгостью Іосифъ закрещивалъ принимать въ монастырь женщинъ и отроковъ, и когда, не за долго передъ смертію, къ Іосифу пришла мать его, монахиня—онъ отказался ее видѣть.

Изъ всего этого видно, какъ настоятельно уже требовались принудительныя мѣры для сохраненія устава. Іосифъ идетъ далѣе. Онъ ставитъ въ примѣръ настоятеля—св. Бенедикта, который былъ жезломъ монаха, бесѣдовавшаго во время пѣнія. За повтореніе преступленія было положено заключать въ желѣзные узы. Однако, требуя отъ своихъ послѣдователей строгаго выполненія устава, Іосифъ далъ и значительныя льготы своимъ монахамъ. Только первый разрядъ ограничивался хлѣбомъ, водою, рубищемъ и лаптями; второй имѣлъ право употреблять вареное, шубу и кожаныя сандалии; а третій пользовался котачами, рыбою, медовымъ квасомъ и тремя шубами. За обѣды и паннехиды священники въ монастырѣ получали по 2 и по 4 деньги. Были и дальнѣйшія уклоненія отъ положеннаго порядка; а такъ какъ монастырь владѣлъ землями, то монахи творили судъ, собирали подати; монахи управляли селами;

жили на монастырскихъ мельницахъ; смотрѣли за скотомъ; огромное хозяйство заставляло отвлекаться и отъ монашескихъ обязанностей.

Благодаря своему игумену, Волоколамскій монастырь пользовался большою извѣстностью. Иосифъ хлопоталъ объ увеличеніи братіи. Монашество казалось ему вторымъ крещеніемъ и, по его мнѣнію, требовало такой же десятины, какая назначалась церкви съ имуществомъ, а потому онъ убѣждалъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ отношенія, не пренебрегать монастыремъ, а искупать въ немъ избавленія отъ всѣхъ предстоящихъ преступленій (см. выше стр. 241, 242). Выходъ же изъ монастыря, по его мнѣнію, не могъ быть оправданъ ничѣмъ. Иосифъ запретилъ своимъ ученикамъ покидать обитель, и для большей убѣдительности представляетъ гибельныя послѣдствія нарушенія этого изъ древнѣйшей эпохи (одинъ монахъ, вышедши изъ монастыря, разразился о камне), свидѣтельствуя при томъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ три монаха, оставившіе монастырь, окончили жизнь горькою смертію. Во второй половинѣ XVI в. въ Волоколамскомъ монастырѣ было уже 130 монаховъ.

Съ 1485 года Волоколамскій монастырь видимо возвышается надъ окружающими обителями. Въ это время былъ назначенъ въ Новгородъ архиепископомъ Геннадій, у котораго въ качествѣ боярина служилъ родной братъ Бориса Кутузова, близкаго друга Иосифа. Этимъ объясняется, что Геннадій назначалъ послѣднихъ начальникомъ надъ окружающими монастырями. По словамъ Иосифа, Геннадій безчисленно благодѣтельствовалъ его монастырю (между прочимъ онъ пожертвовалъ въ монастырь нѣсколько селъ). Иосифъ умѣлъ ладить и съ десятильниками. Когда они являлись въ монастырь, онъ подносилъ имъ кресты и иконы; а въ городъ посылалъ угощенія и подарки.

Возникшая ересь жидовствующихъ поставила Иосифа еще въ болѣе близкія отношенія какъ къ Геннадію, такъ и къ великому князю. Пока при дворѣ боролись двѣ партіи о престолонаслѣдіи по случаю смерти старшаго сына Іоанна III—Іоанна Молодаго, преслѣдованіе еретиковъ не имѣло систематическаго характера. Партія Елены (жены Іоанна Молодаго) и ея сына—Димитрія покровительствовала еретикамъ, пользовавшимся значеніемъ при дворѣ. Геннадій прядужденъ былъ дѣйствовать умѣренно, и Иосифъ не рѣшался возвысить своего голоса. Самъ Іоаннъ III не былъ расположенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но, когда получила перевѣсъ партія Софій и ея сына—Василія, ходъ

дѣль извѣдился. Василій принимаетъ дѣятельное участіе въ релігіозныхъ вопросахъ; а старанія Геннадія и Іосифа дѣйствуютъ успѣшно. Іоаннъ III рѣшается принять репрессивныя мѣры противъ еретиковъ, и въ томъ же духѣ дѣйствуетъ его преемникъ. Ставши разъ въ положеіе чловѣка, дающаго направленіе общественнымъ дѣламъ, Іосифъ постоянно принимаетъ участіе въ важнѣйшихъ вопросахъ того времени (о монастырскихъ имуществвахъ, о вдовихъ попакъ) и имѣетъ вліяніе на ихъ исходъ. Въ это время значеніе Іосифа въ Москвѣ было громадное. Лица, стоявшія за Василя въ борьбѣ о престолонаследіи, были сторонниками Іосифа. При такихъ обстоятельствахъ возникло столкновеніе у Іосифа съ волоцкимъ княземъ и новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ (преемникомъ Геннадія), которое, при помощи московскаго князя, рѣшается въ пользу Іосифа и окончательно утверждаетъ за нимъ господствующее значеніе.

По смерти покровителя Іосифа — волоцкого князя Бориса, его удѣль раздѣлился между двумя еминовьями, и Волоколамскій монастырь долженъ былъ стать въ зависимыя отношенія въ старшему изъ нихъ — Ѳеодору, отличавшемуся завальчивостью и склонностію къ разгульной жизни. Его часть доставляла ему мало средствъ, а потому онъ задумалъ воспользоваться богатствами монастырей. Постепенно онъ обобралъ монастыри Возницкій, Селижаровскій и Левтеевъ; но особенно его привлекалъ монастырь Волоколамскій, извѣстный богатыми вкладами. Сначала онъ взялъ у Іосифа взаймы 100 руб., а потомъ нѣсколько разъ бралъ изъ монастыря, что понадобится. Когда же Іосифъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, послалъ къ нему одного изъ своихъ старцевъ напомнить о долгѣ, то князь угрожалъ посланному втютомъ. Къ этому присоединилась интрига архимандрита Возницкаго монастыря — Алексѣя Палемова, недовольнаго тѣмъ, что монастырь Іосифа превзошелъ его монастырь богатствомъ, хотя послѣдній находился въ самомъ Волоцкѣ. Чѣмъ требовательнѣе становился князь, тѣмъ неуступчивѣе былъ Іосифъ. Когда Ѳеодоръ потребовалъ, чтобы Іосифъ въ его прѣизу всегда гонимъ медъ, а не квасъ, то послѣдній отвѣчалъ, что въ монастырѣ запрещается держать хмѣльные напитки. Съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ не упустилъ случая вымогать отъ монастыря деньги, когда узнавалъ о новомъ вкладѣ. Іосифъ хотѣлъ подѣйствовать на князя другимъ путемъ: онъ послалъ ему пару добрыхъ коней, оружіе и платье своихъ знатныхъ постриженниковъ — и это не помогло. Услышавъ, что Іосифъ вложилъ на 150 руб.

жежду, вѣла потребовалъ его пріобрѣтеніе собѣ на шлемъ. Но Іосифъ предназначалъ его для украшенія на разы. Получивъ отъезъ, Ѳеодоръ сталъ грозить Іосифу вѣднаніемъ изъ своихъ владѣній и наказаніемъ каутомъ остальнымъ монахамъ. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, Іосифъ въ видѣ почитанія, предложилъ братія своей разойтись; но здѣсь онъ встрѣтилъ полное противодѣйствіе. Какъ ни былъ суровъ Іосифъ въ своихъ требованіяхъ, но онъ умѣлъ расположить къ себѣ братію своею заботливостію о ней. Мы, отвѣчали они, отдадимъ себя иречистой Богородицѣ (имя храма) и тебѣ, а не князю, и посоветуемъ ему обратиться къ вел. князю и митрополиту. Іосифъ и самъ хорошо зналъ, что этимъ путемъ онъ скорѣе всего достигнетъ цѣли, а потому немедленно рѣшился на предложенный шагъ. Онъ отправилъ въ Москву своихъ старцевъ, которые просили вел. князя взять монастырь подъ онеку. Рѣшившись на передачу монастыря вел. князю, Іосифъ не считъ нужнымъ снестись съ новымъ архіепископомъ новгородскимъ—Серапіономъ, который, будучи троицкимъ игуменомъ, дѣйствовалъ за одно съ нимъ на соборѣ о монастырскихъ имуществвахъ. (См. выше, стр. 88). Потомъ Іосифъ объяснялъ свое молчаніе тѣмъ, что въ то время, когда онъ сносилъ съ вел. княземъ, былъ большой моръ въ Новгородѣ; однако онъ и не думалъ исправитъ своей ошибкы, когда моръ миновалъ. Василій Іоанновичъ безъ сомнѣнія принялъ богатый монастырь въ свое непосредственное вѣдѣніе, анад какое вліаніе имѣетъ онъ въ томъ краѣ. Но ни Ѳеодоръ, ни Серапіонъ не могли примириться съ этою мыслию. Волоцкій князь, по наущенію Пдѣмова, немедленно далъ знать о всемъ Серапіону. Послѣдній два года ждалъ извѣщенія отъ Іосифа, и когда наконецъ явился посланный—онъ не принялъ его, а Іосифу послалъ грамоту, отлучавшую его отъ священства и причащенія. «Зачѣмъ ты отдалъ монастырь великому князю? писалъ онъ. Черезъ это ты отступилъ отъ небеснаго и пришелъ къ земному»—фраза, надѣлавшая много хлопотъ Серапіону. Іосифъ истолковалъ ее въ политическомъ смыслѣ. Въ Москвѣ думали, что Серапіонъ назвалъ небеснымъ князя Ѳеодора, а земнымъ—самодержца. Предвидя бѣду, Серапіонъ послалъ въ Москву съ просьбою—позволить ему явиться туда для объясненія; но вмѣсто отвѣта къ нему явились посланники изъ Москвы, отобрали у него лошадей и прислугу, а его повезли на соборъ. Известно, что причина такого исхода дѣла заключалась въ жалобахъ Іосифа, который исписалъ по этому поводу

цѣлую тетрадь, въ которой доказывалъ свою правоту на основаніи са писанія, при чемъ приложилъ и отлучительную грамоту.

Соборъ разрѣшилъ Іосифа отъ отлученія, а Серапіона опредѣлить лишить сана и заключить въ монастырь. Но въ Новгородѣ сожалѣли о Серапіонѣ, который успѣлъ расположить къ себѣ своими распоряженіями по случаю пожара и моровой язвы. Кромя того, послѣ преслѣдованій Геннадія—дѣятельность Серапіона могла показаться мягкою. Серапіонѣ рѣшился оправдаться. Въ своемъ посланіи къ митрополиту онъ выставляетъ противузаконность дѣйствій Іосифа и собора, который довѣрился клеветѣ одного и не далъ оправдаться другому: «я не боюсь, го ворить Серапіонѣ, въ правдѣ ни великаго князя, ни множества народа». Іосифа онъ обзываетъ ябедникомъ и все-таки считаетъ отлученнымъ отъ церкви. Грамота Серапіона произвела смущеніе въ Москвѣ. Между сторонниками Іосифа и его противниками завязались споры о еривдвости. Его доброжелатели хотѣли, чтобы онъ объяснился, а нѣкоторые даже настаивали, чтобы онъ просилъ прощенія у Серапіона.

Въ этомъ дѣлѣ много помогла Іосифу его начитанность: каноническія постановленія и предшествующіе примѣры служатъ ему основаніемъ для оправданія (посланія къ Ивану Ивановичу Третьякову-Ховряну, Борису Кутузову, Ивану Головъ). Іосифъ сознаетъ всю неловкость положенія, если онъ, духовный отецъ многихъ князей и бояръ, будетъ отлученнымъ, и потому употребляетъ всѣ средства своей канонической эрудиціи, чтобы устранить даже возможность признанія отлученія, наложеннаго Серапіономъ. Всѣ его доводы можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) священныя правила запрещаютъ просить прощенія у отлученнаго епископа; 2) духовный соборъ снялъ съ него, наложенное Серапіономъ, запрещеніе и отлучилъ Серапіона; 3) митрополиты Кириалъ и Іона и архіепископъ Вассіанъ Рыло, имѣя распри съ игуменами Евонимемъ суздальскимъ, Пафнутиемъ боровскимъ и Нафентомъ бѣлозерскимъ—не рѣшились, однако, наложить на нихъ запрещенія; 4) Серапіонѣ не допустилъ его, Іосифа, до оправданія, вопреки правиламъ; 5) на соборѣ, вмѣсто оправданія, Серапіонѣ сталъ ссориться съ государемъ и епископами; а божественныя правила повелѣваютъ царя почитать. На подобный поступокъ не рѣшались ни древніе епископы, ни патріархи, ни даже римскій папа (!), а когда царь выражалъ свой гнѣвъ—они молили его съ кротостію, смиреніемъ и слезами 6); онъ, Іосифъ, не могъ послать въ Новгородъ съ извѣще-

нѣмъ о передачѣ монастыря вел. князю, такъ какъ, по случаю моря, запрещено было ѣздить туда; 7) церковныя правила, въ случаѣ обидъ церквамъ и монастырямъ, повелѣваютъ обращаться къ князьямъ и царямъ. За тѣмъ идетъ рядъ примѣровъ изъ исторіи восточной церкви, какъ игумены и епископы, недовольные патриархами, обращались на судъ къ царямъ. — По ихъ примѣру и я, говоритъ Іосифъ, обращался къ тому, кто не только князю Ѳеодору и архіепископу Серапіону, но и всѣмъ намъ общій всей русской земли государь-; 8) князь Ѳеодоръ былъ грабитель монастыря, а грабителей церковныхъ постигаютъ ужасныя кары: слѣдуетъ рядъ примѣровъ. Когда одинъ князь хотѣлъ взять богатство изъ монастыря Саввы сербскаго, то святой внезапно явился передъ нимъ, свергъ его съ коня и вонзилъ два гвоздя въ гортань. У другаго за это стало гнить тѣло, внутренности вышли наружу, отпала языкъ и рассыпались зубы; 9) Іосифъ оправдываетъ передачу своего монастыря примѣрами Троицкаго, Спасо-каменнаго и Толгскаго мн., которые нашли защиту у Василия Васильевича, когда удѣльные князья наносили имъ обиды. Но еще болѣе живымъ примѣромъ для Іосифа долженъ былъ служить поступокъ его наставника—Пафнутія Боровскаго; 10) съ осужденіемъ обращается Іосифъ къ поступку Серапіона и советуетъ ему лучше обратиться съ покаяніемъ къ митрополиту; 11) расположеніе къ Серапіону новгородцевъ, Іосифъ объясняетъ заискиваніемъ послѣдняго, который раздалъ много имѣній своимъ ласкателямъ; за что получилъ славу отъ людей, а не отъ Бога. Отсюда Іосифъ дѣлаетъ выводъ, что оправдывать и хвалить Серапіона могутъ только неразумные и незнающіе божественныхъ правилъ ¹⁾).

Епрочемъ, какъ ни была извѣстна ревность Іосифа, общество скорѣе было на сторонѣ его противника. Въ Новгородѣ Іосифъ и его сторонники не пользовались симпатіями ²⁾. Біографы Іосифа гораздо мягче относятся къ Серапіону, нежели біографъ Серапіона къ Іосифу ³⁾. Передъ смертію митр. Симонъ просилъ прощенія у Серапіона.

¹⁾ Матеріалы: Житія Іосифа, изд. въ Москвѣ (Саввы Чернаго и неизвѣстнаго, 1865), житіе (Саввы же) и уставъ монастыря въ Четьи-Миней, изд. Археогр. комис. I. Сказаніе о монастыряхъ, въ Лѣтоп. археогр. комис. II. Акты историч. I, № 290. Борьба съ Серапіономъ у Хруцова. Нѣкоторыя посланія, относящіяся къ указаннымъ обстоятельствамъ жизни, въ Древн. Рос. Вивліоѣ. т. XIV.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 148. Житіе Іосифа, Саввы Чернаго.

³⁾ Хруцовъ, 237.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ заточенія послѣднато вел. князь оказалъ ему милость ¹⁾ и даже просить Іосифа примириться съ нимъ. Іосифъ отвѣчалъ: «какъ ты, государь, велишь, такъ и будетъ, потому что одна надежда у насъ — ты, государь». Князь Ѳедоръ передъ смертію также примирился съ Іосифомъ, и умирая завѣщалъ ему свою вотчину Буѣгородъ со всѣми доходами ²⁾.

Іосифъ хорошо понималъ, что его успѣхъ зависѣлъ отъ великаго князя. Его теоретическіе взгляды на значеніе власти, выработанные подвліяніемъ византійскихъ источниковъ (см. выше, его посланія), получили въ этомъ случаѣ практическое подтвержденіе, и онъ формулируетъ ихъ съ полною отчетливостію. Онъ сознаетъ неприкосновенность церковныхъ учреждений и постановленій, утвержденныхъ каноническими правилами; но въ спорныхъ вопросахъ, возникающихъ изъ взаимныхъ столкновеній между духовными лицами и лицами духовнаго и гражданскаго управленія, — окончательное рѣшеніе должно исходить отъ свѣтской власти.

Въ своемъ «Просвѣтителѣ» и отдѣльныхъ посланіяхъ Іосифъ постоянно развиваетъ идею священнаго значенія ея. «Вы боги и символы Вышняго, говоритъ онъ о царяхъ слѣдуя Константину В., какъ Богъ посадилъ на престолѣ своемъ, вмѣсто себя... Царь, по своему существу, подобенъ всѣмъ людямъ; но по власти подобенъ только Богу» ³⁾ «Ты, государь, отъ десницы Бога поставленъ самодержавцемъ всей Россіи» — говоритъ Іосифъ въ обращеніи къ Василію Іоанновичу; «какъ Богъ избралъ на землѣ вмѣсто себя и посадилъ на свой престолъ, вручивъ вамъ милость и жизнь людей», заключаетъ онъ тоже посланіе ⁴⁾. Въ посланіи къ одному изъ братьевъ вел. князя (какъ полагаютъ Юрію ⁵⁾), просившему поученія, Іосифъ не забываетъ, въ числѣ нравственныхъ обязанностей, упомянуть и о покорности великому князю. Слѣдуя Іоанну Златоусту, онъ говоритъ: «Отъ всего сердца должно имѣть любовь къ богодарованному царю нашему, оказывая ему покорность,

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 148.

²⁾ Хрущовъ, 287, 288.

³⁾ Просвѣтитель, слово 16. Также идея повторяется и въ поученіи князьямъ, изд. въ Памят. стар. рус. литер. IV, стр. 184.

⁴⁾ Посланіе къ Василію Іоанновичу, Хрущовъ, 242—244.

⁵⁾ Хрущовъ, 96.

послушаніе и благодарность, и выполнять все по его волѣ, какъ будто ты дѣлаешь Богу, а не людямъ»¹⁾.

Политическое направленіе Іосифа не укрылось отъ вниманія современниковъ и ближайшаго потомства. При одной изъ рукописей XVII в. (Діонтра Петра пустынника), въ числѣ прибавочныхъ статей, помѣщенъ «Извѣтъ Іосифа Волоколамскаго, новелѣніемъ Вышняго къ московскимъ великимъ князьямъ, какъ одолѣть удѣльныхъ русскихъ князей, напратъ своихъ враговъ, соединить всю русскую землю и распространить ее повсюду»²⁾. Наши изслѣдователи считаютъ его надюмнинымъ³⁾; но въ этомъ случаѣ важно, какъ смотрѣли на Іосифа въ то время и какія идеи принимали ему. Поэтому «Извѣтъ», приписываемый Іосифу, имѣетъ историческое значеніе. Вотъ его содержаніе: «Благоверными, христолюбивыми царямъ и великимъ князьямъ московскимъ, биешь челомъ и завѣщаетъ послѣдній многогрѣшный калугеръ съ Волоколамскаго, *Іосифище*. Милосердые государи цари и великіе московскіе князья! покажите милость ради святыхъ божіихъ церквей, бѣдныхъ сиротъ, нищихъ вдовицъ и дѣвицъ, ради душъ безгрѣшныхъ и младенцевъ, ради слезъ всего міра — порадоуйте за православную христіанскую вѣру и для своего царскаго величества, воздвигните побѣду отъ своей царской руки на помощь своему войску, подымите воинское знамя Іосифа прекраснаго, царя. Писали о томъ оуди наши Сергій и Германъ валаамскіе (намекъ на статью, помѣщенную рядомъ) и великіи извѣстятъ объ этомъ дѣлѣ для приведенія людей отъ соединеніе русской земли. Безъ такого милосердія божія и безъ такой царской добродѣтели не одолѣть враговъ и не соединить земли во едино. Царь, государь, смилуйся, пожалуй, воздвигни и досмотри!»

Близость Іосифа къ Василию Іоанновичу, его личныя отношенія и нерасписка съ нимъ по дѣлу о еретикахъ жидовствующихъ (которому онъ старался придать и политическій характеръ) и по поводу столкновения съ Серапиономъ, гдѣ Іосифъ оказался самымъ преданнымъ лицомъ вел. князю — имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что Василій Іоанновичъ вполне склонился на сторону Іосифа. И послѣдній умѣлъ поль-

1) Посланіе изд. въ Памят. старин. рус. литер. IV, 192.

2) Извѣтъ въ Опис. рукоп. Синод. библ. отдѣлъ II, № 171, с. 464.

3) Горскій и Невоструевъ свѣд. опис. 464, и Хрущовъ, 265.

зоваться своимъ вліаніемъ. Когда вел. князь хотѣлъ скватитъ своего брата Юрія, княжившаго въ Дмитровскомъ удѣлѣ, тотъ прямо отправился къ Іосифу, чтобы онъ вступился за него предъ вел. княземъ. Іосифъ далъ ему совѣтъ: преклонить главу передъ помазанникомъ божіимъ и не противиться брату. Болѣзнь помѣшала Іосифу самому отправиться къ вел. князю; онъ послалъ въ Москву двухъ лучшихъ своихъ монаховъ (Кассіана Босаго и Іону Голову), а Юрій поѣхалъ въ слѣдъ за ними. Сначала Василий сурово отнесся къ посланцамъ; но тѣ смѣло заявили ему, что самодержцу слѣдуетъ съ кротостію говорить съ пришельцами, если онъ не знаетъ за ними вины. Великій князь, улыбнувшись, отвѣчалъ: «простите старцы, что я поглумился», и, снявъ вѣнецъ, поклонился имъ и спросилъ о здоровьи Іосифа. Ходатайство послѣдняго имѣло благопріятный исходъ: Юрій палъ къ ногамъ брата. Тогда вел. князь великолѣпно угостилъ посланныхъ, Юрію задалъ пера, а Іосифу послать благодарность и поклонъ ¹⁾.

Передъ смертію (1515 г.) Іосифъ отправилъ къ вел. князю посланіе, въ которомъ извѣщаетъ его о своей болѣзни и проситъ не назначать въ монастырь игумена изъ другихъ обитателей и вопреки желанію «іосифлянъ». А по духовной грамотѣ онъ передавалъ монастырь въ полное распоряженіе вел. князя ²⁾. Послѣдній охотно принялъ это порученіе. По смерти игумена, Василий пріѣхалъ въ монастырь и объявилъ братіи, что онъ строго будетъ охранять уставъ Іосифа. Съ тѣхъ поръ онъ часто навѣщалъ Волоколамскій монастырь, охотился тамъ и ѣздилъ туда на богомолье.—Съ другою стороною дѣятельности Іосифа мы познакомимся далѣе. Великій князь исполнилъ и послѣднее желаніе Іосифа, утвердивъ игуменомъ его ученика Даніила, родомъ рязанца, избраннаго по желанію братіи.

Даніилъ былъ вѣрнымъ ученикомъ Іосифа и продолжателемъ его дѣятельности, и потому въ Москвѣ скоро полюбили его, что незамедлило обнаружиться. По смерти Симона, митрополитомъ былъ избранъ Варлаамъ, игуменъ Симоновскаго монастыря. Онъ ревностно заботился объ устраненіи церковныхъ безпорядковъ: покровительствовалъ переводной дѣятельности Максима Грека и, близко зная, какъ много вращалось недостатковъ въ среду духовенства и церковную жизнь, поручилъ

¹⁾ Житіе Іосифа Волокол. Саввы Чернаго.

²⁾ Древн. Рос. Вивліюс. XIV, 290 и 147.

Варлааму (Патриарху) пересмотрѣть и исправить царевныя привиліио въ 1521 г. митрополитъ Варлаамъ, по словамъ Бармакина, «благочестивый, твердый и неуступецъ великому князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ соборамъ, долженъ былъ оставить митрополію»¹⁾. Онъ былъ заточенъ въ одномъ изъ северныхъ монастырей²⁾. Тогда выборы въ митрополитовъ шазъ въ цркви Волоколамскаго монастыря Даниила. Биографъ Іоанна поборникъ Даниила въ игумены мотивируетъ строгостью его жизни (любилъ нищету, трудъ, посты и молитву)³⁾. При поборникѣ въ митрополиты былъ избранъ только 30 лѣтъ. Онъ вѣду—это былъ чловкъ молодой, свѣжій, румяный лицомъ, тучный тѣломъ⁴⁾. Благочестіе его повидимому было наружено: Герберштейнъ, знавшій Даниила лично, свидѣтельствуетъ, что онъ всѣмъ ризь, когда готовился служить публично, дѣлалъ свое лицо блѣднѣе посредствомъ сѣрнаго дыма, чтобы не назваться преданнымъ болѣе удовольствіямъ, нежели посту и молитвѣ. Очевидно на него наместили Максимъ Грекъ, когда говоритъ объ одномъ духовномъ сановникѣ, котораго развѣсали по городу на неколькихъ лошадахъ, въ сопровожденіи множества слугъ, окружавшихъ его побѣдъ и разголавшихъ наредѣ бичами; о его страсти въ богатствѣ и вкусныхъ пирамъ и дорогихъ одеждахъ изъ соборей, которую онъ умѣлъ прикрывать долгими молитвами и монашескою властницею⁵⁾. Подобныя слабости были предметомъ толковъ въ обществѣ, которое конечно были известны Даниилу, и потому, въ одномъ изъ своихъ поученій, онъ обличаетъ тѣхъ, которые, услышавъ наставленіе отъ пастырей церкви, подсмѣиваются надъ ихъ недостатками, говоря: «прежде себя научи; зѣвѣи ты учиниша насъ; когда самъ не живешь по писанію? учитель нашъ, какъ фарисей тщеславится; видишь, какъ онъ о себѣ много думаетъ; видишь какъ горъ»

¹⁾ Бармакинъ, VII, 75. Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № IX.

²⁾ Соловьевъ, V, 412. На Белоозеро у Герберштейна, 45.

³⁾ Бѣляевъ, Даниилъ, митр. московскій, въ Чтен. о яз. и словесн. 1856—57 г. 96. «Есть извѣстіе, что онъ, до избранія въ игумены Волоколам. м., замышлялъ перейти игуменомъ въ другой монастырь. Описъ книгъ Волок. м. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, VII, 6, 7».

⁴⁾ Герберштейнъ, 45. Онъ былъ игуменомъ съ 1515 до начала 1522 г.

⁵⁾ Сочин. Макс. Грека, II, сл. I. Максима Грека на судѣ обвиняли, что онъ порицалъ митрополита и епископовъ за страсть къ пирамъ и удовольствіямъ. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VII.

догодъ, и въ доброту, еще устремляетъ веселія: (свѣдѣн. 7). Старшій монахъ Даниилъ жаловался, что онъ не заступился, подобно праматери митрополитамъ, за обвиненныхъ, передъ властью: и обвинилъ его за единую большую подлестрацію къ наследствѣ 1).

Митр. Варлаамъ былъ удаленъ за противодействие дѣлу вел. князя. Даниилъ оказался вполне преданнымъ его слугою; но ему не доставало правственныхъ качествъ. Когда Василий Иоанновичъ заключилъ Верадидѣ Шемакина, князя сѣверскаго, въ вѣнчѣ, и тотъ хотѣлъ ему во оправданіи, то митр. Даниилъ ручался ему премисленною божественности. Но вел. князь все-таки заключилъ Василия въ тюрьму, а Даниилъ, вмѣсто того, чтобы ходатайствовать о немъ, оправдываясь, молчалъ и говорилъ вел. князю, что Богъ избавилъ его отъ злобнаго врага. Этотъ поступокъ произвелъ неудовольствіе въ обществѣ 2). Другой случай возбудилъ еще большее негодованіе противъ митрополита. Благочестивый Василий Иоанновичъ задумалъ развестись съ женою Соломонією, замысливъ жениться на Еленѣ Галицкой (послѣднее доказывается тѣмъ, что бракъ состоялся черезъ два мѣсяца послѣ развода). Причиной развода была выставлена политическая необходимость, что вел. князь желаетъ имѣть наследника престола; но, по каноническимъ правиламъ, чья жена поступаетъ въ монастырь (а Соломонія была пострижена), тотъ и самъ долженъ отделиться отъ брака. Вел. князь хотѣлъ получить благоприятный отвѣтъ отъ митр. Варлаамъ въ этомъ дѣлѣ, и потому обратился за совѣтомъ на Афонъ къ Максиму Греку; однако получилъ рѣшительный отвѣтъ 3). Но митр. Даниилъ рѣшилъ это дѣло въ пользу вел. князя; онъ допущенъ разводъ и благословилъ его на второй бракъ. Въ обществѣ это дѣло у однихъ (строгихъ блюстителей постановленій, какъ Максимъ Грекъ, Вассіанъ Косой и Симеонъ Курбскій) вызвало неудовольствіе 4); у другихъ возбудило желаніе послѣдовать примѣру князя, и потому они обратились за разрѣшеніемъ къ Даниилу. Разрѣшенія конечно они не получили, а это послужило только поводомъ къ толкамъ и пересудамъ о самомъ митро-

1) Бѣглицъ, 106, 108.

2) Акты эксед. I, № 172.

3) Ibid.

4) Сказаніе Паисія о второмъ бракѣ, Чтен. Моск. общ. истор. 1846.

5) Ibid., и Карамзинъ, VII, 83 и примѣч. 379.

помощь, доказательством чего служат три поучения Даниила, в которых он безусловно отвергает развод и брак постъ развода, а свой поступок оправдывает тѣмъ, что отступленія отъ церковныхъ постановленій, допущенныя ради государственныхъ потребностей, не могутъ служить примѣромъ для частныхъ лицъ 1).

Василій Іоанновичъ поворовительствовалъ Волоколамскому монастырю до самой смерти 2) Когда у него родился сынъ — Іоаннъ — онъ повѣлъ въ преставле отцу старца этого монастыря — Кассіана Босаго. Передъ смертію, больной отъ раны, Василій посѣтилъ еще разъ любимый монастырь въ Москвѣ, умирающаго окружаютъ опять монахи Іосифовскаго монастыря: они одѣвали и выносили его тѣло 3). У постели больного происходила ссора. Василій нежелалъ принять монашество. Нѣкоторые (князь Андрей Ивановичъ, Воронцовъ и Шигаю) возражали противъ него, приноси въ примѣръ русскихъ князей, удержавшихъ въ настоящемъ званіи (Владиміръ св., Димитрій Донской, Іоаннъ III). Матр. Даниилъ заступалъ мысль вел. князя; но тѣ продолжали пренятство вать. Тогда Даниилъ сказалъ имъ: «Да не будетъ на васъ моего благословенія: ни въ этотъ вѣкъ, ни въ будущій; хорошъ сосудъ серебряный, а еще лучше позолоченный» 4). Обрядъ монашества былъ совершенъ.

Вполнѣ преданный вел. князю, митрополитъ немедленно привѣлъ его братьевъ къ присягѣ, и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными подданными его сына, и не измѣнить ему ни словомъ, ни дѣломъ. Но сумѣвъ устоять въ самомъ затруднительномъ вопросѣ, когда требовалось примирить интересы политики съ обычаями и каноническими постановленіями (разводъ), Даниилъ не удержался въ тяжелое время, непосредственно слѣдовавшее за смертію Василія, когда безпрерывно боролись боярскія партіи. Соединившись съ Иваномъ Бѣльскимъ, котораго онъ нѣкогда спасъ отъ опалы Василія, чтобы низвергнуть правленіе

1) Вѣстевъ, 114.

2) Въ Обиходѣ Волоколамскаго м., составленномъ однимъ изъ его монаховъ, замѣчено: «Милости его государской (Василія Іоанновича) и великаго жалованья невозможно выразить, ни описать». Чтен. Моск. Об. истор. 1863, IV, 4.

3) Соловьевъ, V, 428.

4) Ibid. 432.

Шуйскому, Даниилъ попалъ въ митрагу и, по приговору бояръ, былъ лишенъ своего мѣста и сосланъ въ Волоколамскій монастырь ¹⁾.

Карамзинъ, передъ нравственнымъ судомъ котораго являюся бытъ пощадъ лицамъ, уклонившимся отъ нравственнаго закона, въ дѣйствіяхъ Даниила не видитъ ничего болѣе «привлорнаго честолюбія и ребодѣпства». «Даниилъ, по его выраженію, думалъ болѣе о политическихъ выгодахъ, нежели о христіанскихъ добродѣтеляхъ»; «былъ внимательнъ болѣе къ міру, нежели къ Духу» ²⁾. Также думаютъ о Даниилѣ и церковныя писатели, которые оцѣнавають его общественную жизнь и отношенія къ защитникамъ неприкосновенности церковныхъ постановленій ³⁾. Но съ юридической точки зрѣнія, оправдывающей эти уклоненія государственною необходимостью и требованіями морали, митрополитъ Даниилъ нашелъ себѣ защиту ⁴⁾.

Политическое значеніе Волоколамскаго монастыря ясно выразилось въ дѣятельности первыхъ его представителей, такъ и въ назначеніи на высшія іерархическія мѣста по преимуществу «іосифлянъ». Еще при князѣ Юзафа братъ его Вассіанъ былъ едѣланъ архіепископомъ ростовскимъ (1506—1516) и т. е. первымъ лицомъ послѣ митрополита; и дѣятельно много помогалъ Юсифу своимъ вліаніемъ, такъ и въ борьбѣ съ ересью, такъ и въ дѣлѣ съ Серапіономъ. Другой его братъ Алексѣй былъ епископомъ тверскимъ (1525—46); третій братъ—Вассіанъ—архіепископомъ ростовскимъ; а родной племянникъ—Вассіанъ Топорковъ—епископомъ волоколамскимъ ⁵⁾. Три послѣдніе очевидно обязаны своимъ возвышеніемъ митр. Даниилу. При Василіѣ Іоанновичѣ еще былъ назначенъ одинъ іосифлянинъ епископомъ въ Смоленскѣ—именно Савва Слѣпушквичъ. При Іоаннѣ Грозномъ эта традиція продолжалась въ Неробродѣ архіепископомъ былъ Феодосій «іосифлянинъ»; епископомъ

¹⁾ Карамзинъ, VII, 33. Даниилъ былъ покровителемъ своего монастыря. Большая часть книгъ Волоколамской бібліотеки относится ко времени митр. Даниила, одного изъ главныхъ ея владѣльцовъ. Хрущовъ 64. Деньгами онъ пожертвовалъ въ монастырь 590 руб. Описъ книгъ Волоколам. и. Чтен. Моск. общ. 1847, № VII, 7, 8.

²⁾ Тамъ же, 75, 83, VIII, 33.

³⁾ Филаретъ, Максимъ Грекъ въ Москвитинахъ, 1842, XI.

⁴⁾ Бѣляевъ, въ статьѣ: Митр. Даниилъ.

⁵⁾ Хрущовъ, 26, и Матеріалы для исторіи Стоглава, въ Дѣлоис. Тихонравова, V, 143.

вруткинами были Иосифляне: Савва Черный, подвизавшийся в Волоколамском монастыре до кончины Иосифа и написавший его житие; Нифонъ, Гамутоны, Симеонъ; въ Рязани—Леонидъ; въ Смоленскѣ—Гурій (Заболоцкий); въ Полоцкѣ—Трифонъ и въ Казани—архиепископъ Гурій, Ферманъ, Лаврентій, Тихонъ и Іеремія ¹⁾. Кроме количества лицъ, выпавшихъ изъ Волоколамскаго монастыря на высшія церковныя мѣста, видѣсь замѣчательно еще то, что іосифляне назначались въ города вновь присоединенныя (Смоленскъ, Полоцкъ и Казань), удѣ требовалось болѣе энергіи для утвержденія политическаго вліянія Росси. Даже при выборѣ другихъ лицъ «іосифляне» обращала вниманіе, на сколько они преданы іосифовскимъ идеямъ. После Серапіона Новгородъ оставался 17 лѣтъ безъ архіепископа; но въ 1520 г. митрополитъ Даниилъ избралъ на его мѣсто архимандрита лужецкаго Макарія ²⁾. Онъ былъ вполнѣ вѣренъ іосифовскимъ преданіямъ. Это обнаружилось уже въ то время, когда Макарій былъ митрополитомъ ³⁾: Макарій доставилъ это савва при помощи Шуйскихъ, съ которыми онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ до того времени и которые обязаны были своимъ возвышеніемъ поддержкѣ новгородцевъ, связанныхъ съ ними историческими воспоминаніями ⁴⁾. Сдѣлавшись митрополитомъ, Макарій назначилъ на свое мѣсто въ Новгородъ «іосифлянина» Теодосія; а когда рязанскій епископъ Касіанъ былъ лишенъ сана, и между прочимъ за порицаніе «Просвѣтителя» Іосифа, то на его мѣсто былъ назначенъ другой іосифлянинъ — Леонидъ. Макарій, какъ любитель книгъ въ свое время (авторъ Четьи-Миней), также заботился о биографіи Іосифа. По его повелѣнію она была написана ученикомъ послѣдняго—епископомъ владимірскимъ Саввою ⁵⁾. А на Стоглавомъ соборѣ, по настоянію Макарія, въ союзъ съ тремя членами—іосифлянами (Леонидомъ, Авакумомъ и Гуріемъ, епископомъ смоленскимъ), былъ рѣшенъ въ духѣ Іосифа напи-

1) Челобит. Леонидъ, еписк. рязанск. въ Лѣтоп. Тихонравова, V, 143.

2) Полн. собр. русск. лѣт. III, 148.

3) Расположеніе Макарія въ іосифовскимъ преданіямъ, а «іосифляне» къ Макарію; объясняется тѣмъ, что послѣдній долго жилъ въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, наставника Іосифа. Такимъ образомъ между ними было духовное родство. Посл. къ Макар. Прав. собес. 1863, III, 412.

4) Словеньевъ, VI, 43; 44.

5) Житіе Іосифа, житис. Саввою Чернымъ, Москва, 1865.

такой экономической и нравственный вопрос того времени — об отобрании монастырских имуществ¹⁾).

71. В царствование Федора Иоанновича возник весьма интересный процесс, являющийся обрисовывающий намъ политическое значение іосифовскаго направления, которое старались удержать за собою ученики Іосифа. Рязанскій епископъ, Леонидъ, былъ челомъ царю на ростовскаго архіепископа Евфимія: «Когда ты пожаловалъ насъ, пригласивъ на Рождество въ царскую столу; то архіепископъ Евфимій не далъ мнѣ ѣсть съ одного съ тѣмъ блюда, при чемъ страшно меня позорилъ; а при отцѣ твоёмъ, я ѣдалъ съ одного блюда съ архіепископъ новгородскимъ (Макариемъ). И о томъ молю тебя, что Евфимій насъ, іосифоблазнилъ постриженничкомъ, называетъ не іосифлянами, а жидовлянами; но преподобнаго Іосифа постригъ Пафнутія, а Пафнутія постригъ Ниница, ученикъ Сергія Радонежскаго; по молитвамъ же Пафнутія далъ Богъ насъ слѣдника дѣду твоему — отца твоего, а нашего государя Іоанна Васильевича (Грознаго); восприемникомъ котораго отъ св. дувели былъ Касіанъ, Босній, ученикъ Пафнутія и собесѣдникъ Іосифа и Даниилъ Нередицкій, другой ученикъ Пафнутія. Затѣмъ Леонидъ, въ подрѣшеніе заслужилъ учениковъ Іосифа, перечисляетъ всѣхъ, вышедшихъ изъ его монастыря на епископскія кафедры, и заключаетъ такъ: «Но при твоёмъ государь, отцѣ (Іоаннѣ Грозномъ) тѣмъ архіепископамъ и епископомъ удоризны никакой не бывало и никто на нихъ не сказалъ такого безчестнаго слова, которое и простимъ людямъ покажется гауонимъ Милостивый государь! Покажи милость, вступишь; оборони домъ Препитой (храмъ Волоколамскаго монастыря былъ по имя Богородицы) отъ такого навѣтнаго и доноснаго слова. Милостивый государь! смилуйся»²⁾. Очевидно Леонидъ шелъ по слѣдамъ Іосифа.

Іосифъ Волоколамскій и его ученики имѣли несомнѣнное вліяніе на убѣжденія Василія Іоанновича. Курбскій постоянно указываетъ на эту связь, называя іосифлянъ, съ своей точки зрѣнія, потаковниками и исполнителями всѣхъ злодѣяній, совершившихся въ то время. Но интересно также для объясненія политической традиціи, что съ именемъ одного изъ іосифлянъ связываются политическія стремленія Іоанна

1) Матеріалы для Стоглава, Лѣтоп. Тихонр. V, 144.

2) Челобитная, въ Лѣтопис. рус. литер. Тихонр. V, 142—143; изъ Сборника Волоколамскаго монастыря; ср. Акты историч. II 410.

Грозного. Мы говорим о Вассиане Топорковъ. Онъ былъ племянникъ Юсифа Волоколамскаго и воспитывался въ его монастырѣ. Вскорѣ послѣ возведенія Данила въ санъ митрополита (1522.), Вассианъ былъ сдѣланъ епископомъ волоколамскимъ (1525.). Онъ пользовался большимъ вниманіемъ вел. князя. По возвращеніи больного Василія Іоанновича изъ Волоколамскаго монастыря въ Москву — Вассианъ былъ приглашенъ, въ числѣ немногихъ, къ великокняжескому столу, и во время ихъ предсмертныхъ страданій вел. князя, находилъ при немъ, вмѣстѣ съ митр. Даниломъ. Во время малолѣтства Іоанна IV Вассианъ былъ лицомъ своей катедры за жестокость (1542) и сосланъ въ Псковскій монастырь ¹⁾. Но и тамъ Вассианъ остался вѣрнѣйшимъ идеологомъ своего направленія и интересамъ княжескаго семейства. Курбскій ²⁾ при свиданіи, что во время побѣды въ Вяземскій монастырь (1568) Іоаннъ Грозный завернулъ къ Вассиану, какъ бы въ уваженіе къ имени отца, зная его преданность къ послѣднему. Вступивъ съ Вассианомъ, Іоаннъ спросилъ его: «Какимъ образомъ я могу быть хорошо царствовать и держать въ покорности своихъ вельможъ и бояръ?» Вассианъ, забывшій преслѣдованія бояръ, по милости которыхъ былъ изгнанъ, отвѣчалъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ совѣтниковъ умнѣ себя, потому что ты лучше всѣхъ ихъ. Когда будешь прочно царствовать и все будетъ въ твоихъ рукахъ: но если будешь держать около себя разумныхъ совѣтниковъ, то будешь въ ихъ власти». Царь подблевая его въ руку, отвѣтилъ на это: «Отецъ мой и отецъ мой былъ живъ, то не давай мнѣ лучшаго совѣта». Въ этомъ совѣтѣ Курбскій ищетъ объясненія тайныхъ побужденій къ измененію характера Іоанна Грознаго, и потому при каждомъ случаѣ не забываетъ упомянуть о политической традиціи ³⁾ и о личномъ умствѣ сторонника ихъ партіи, Вассиана Топоркова ²⁾. Такое взглядъ отразился и на понятіяхъ современниковъ Курбскаго, члѣвскихъ его исторію ³⁾.

Юсифляне составляютъ одно изъ выдающихся явленій политической жизни древней Россіи. Они были продолжателями той политической традиціи, которая сдѣлалась достоинствомъ политическаго значенія ¹⁾.

¹⁾ Карамзинъ, VII, 109; пр. 321, 331; VIII, 134, пр. 680. Устряловъ, Сказ. Курбскаго, примѣч. 61.

²⁾ Курбскій, Исторія Іоанна, 5, 40, 41, 42, 45; Отвѣтъ на 2-е посл. Іоанна, 201. ³⁾ Тамъ же, примѣч. 61.

государств, ставших въ близкія отношенія къ образуемому государству, въ при болѣе широкомъ развитіи политическаго элемента въ средѣ монархическаго (Вологодскаго), — послѣдній, конечно, долженъ былъ обратиться къ представителю опредѣленно направлена, которое даже ясно имѣло египетское значеніе. Отсюда былъ естественный переходъ къ партиі, какъ и смотрѣть на это направленіе Курбскій и разделяющіе его взгляды. Имя «іосифлянъ» — обличеніе, предметомъ гордости для исследователей Досифа — и авторитетнымъ источникомъ для его проповѣдью: ¹⁾

Одновременно съ развитіемъ понятія власти, ея атрибуты принимаютъ все болѣе опредѣленныя формы, соответствующія этимъ понятіямъ. До времени вел. кн. Василія Дмитриевича, государственный гербъ обыкновенно подписывался: «По благословенію отца нашего митрополита»; но Василій Дмитриевичъ впервые употребилъ форму: «Благію митрополита» — такъ подписана его договорная грамота съ тверскимъ княземъ Михаиломъ, Постоянна же эта форма употребляется съ времени Василія Темнаго ²⁾. Иоаннъ III требуетъ признанія его «государемъ» (отъ Новгородца), а Василій Иоанновичъ не считаетъ уже нужнымъ совѣщаться съ боярами и рѣшаетъ дѣла только съ своими приближенными («самъ третей у насъ всякія дѣла рѣшаютъ»); ³⁾ Иностранцы, посѣтившіе Россію въ это время, свидѣтельствуютъ о практическомъ примененіи дѣла, началъ, теоретическую сторону которыхъ мы рассмотрѣли выше. «Власти своею, говорятъ Герберштейнъ, вел. князь превосходитъ едва ли не всякаго монарха дѣлаго міра. Всѣ старыя признають, что для насъ есть одна Божья, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей. Между его совѣтниками никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы смѣлъ вѣчевать, либо противорѣчить ему или быть другого мнѣнія» ⁴⁾. Бодро жаловались, что Василій Иоанновичъ не любитъ противорѣчій.

¹⁾ Въ предисловіи къ переводу соч. Іоанна Дамаскина «Небеса» Курбскій упоминаетъ «іосифлянъ» въ *небывалой ереси*: «они по его слову, отъ него такъ люты, безчеловѣчны, до крайности дурны, и имѣютъ власти и имѣній, что уже потеряли надежду дать надлежащій отвѣтъ на спрашиваемыя судьи; Опис. Румянц. муз. 268.

²⁾ Соловьевъ, IV, 169.

³⁾ Акты вѣстк. I, № 172.

⁴⁾ Герберштейнъ, 27, 28. Передъ думноменіемъ свободы Школовъ,

и уступаетъ въ этомъ случаѣ Іоанну III, который любилъ выслушивать мѣнія другихъ ¹⁾. Іоаннъ Грозный идетъ далѣе: подъ вліяніемъ тогдашней книжности онъ самъ формулируетъ теорію власти. Основаніемъ для его положеній въ этомъ вопросѣ служитъ священное писаніе, примѣръ Византіи и предвѣдущая исторія Россіи. Свой взглядъ на этотъ предметъ Іоаннъ Грозный изложилъ въ посланіяхъ къ Курбскому.

«Богъ нашъ — Троица, Отецъ, Сынъ и св. Духъ, не имѣетъ ни начала, ни конца; имъ мы живемъ, движемся и существуемъ, имъ царствуютъ цари и сильныя пишутъ правду! Такъ начинается Іоаннъ свое первое посланіе къ Курбскому. Мы не похитили ни у кого престола; но царствуемъ по волѣ божіей и благословенію родителей. Всякая душа должна повиноваться властямъ; потому что нѣтъ власти не отъ Бога, и противящійся власти—противится Богу. Развѣ это прокаженная совѣсть, когда все царство держишь въ своей рукѣ, а своимъ рабамъ не даешь властвовать? Развѣ противно разуму, когда не хочешь быть подъ властью своихъ рабовъ? И это-ли пресвѣтлое православіе, чтобы быть подъ ихъ властью? Похититель престола Іероваамъ, отдѣлившійся съ десятью колѣнами израильскими, не могъ образовать прочнаго царства; а царство Іудейское, не смотря на меньшее пространство, существовало пока угодно было Богу. Вспомни великаго Константина, который умертвилъ своего сына (Криспа), когда тотъ стремился захватить престолъ. Давидъ умертвилъ своихъ противниковъ. (Примѣромъ обширнаго вліянія книжности на понятія русскаго общества можетъ служить въ этомъ случаѣ Зиновій Отенскій, который подробно развиваетъ значеніе царской власти на библейскихъ и византійскихъ основаніяхъ. Истины показаніе, 575—576). Какъ можетъ назваться самодержцемъ тотъ, кто не самъ управляетъ государствомъ? Пока Римскою имперіею управлялъ одинъ Августъ—она была нерушима; но какъ только послѣ Константина В. наступаетъ раздѣленіе власти—Византія распадается и слабѣетъ. Злые совѣтники стараются захватить въ свои руки власть, и греческая имперія, бравшая дань прежде съ другихъ народовъ, теперь сама платитъ ее. Наступаетъ господство латинъ; а

всѣхъ псковичей, недовольныхъ московскими намѣстниками, позвали на судъ къ вел. князю въ Новгородъ. Когда они вошли въ палату, то московскіе бояре арестовали ихъ словами: «Вы пойманы Богомъ и вел. княземъ Василюемъ Ивановичемъ».

¹⁾ Акты экспедиц. I, № 172.

потомъ, паденіе имперіи. Тамъ царь былъ послушенъ советникамъ — и привелъ государство въ погибель. Царю дому, въ которомъ господствуютъ женолюбивыи и царебороду, которымъ обладаютъ многие, говорятъ пророкъ. И такъ, многовластіе подобно женскому безумію. Русская земля управляетъ милосердіемъ божіимъ, милостію Богородицы, молитвами всехъ святыхъ, благословеніемъ нашихъ родителей и нами государемъ, а не судьями и воеводами. Если мы овоиъ воеводъ казнили, то съ божіею помощію, еще имѣемъ у себя множество воеводъ и кромѣ насъ дьякиниковъ. Мы же воины жаловать слонкъ рабовъ, воины и казнятъ. Я забочусь со всѣмъ усердіемъ наставить людей на истину, чтобы они познали одного истиннаго Бога, и отъ Бога даннаго имъ государя; чтобы они прекратили междоусобныя войны, отъ которыхъ растѣваются царства. Ибо, если подданные не повинуются царю — навсегда не прекратятся междоусобія. До сихъ поръ русскіе князья вольны были жаловать и казнить своихъ подчиненныхъ, и не судились объ этомъ ни передъ кѣмъ. 1). Этотъ порядокъ Іоаннъ противопоставляетъ всякому другому. Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по божіему изволенію, а не по многоматерскому челоуеческому хотѣнію — писалъ оны въ грамотѣ къ Стефану Баторію 2).

Впрочемъ, въ развитіи политическихъ понятій, имѣли большое значеніе и политическія преданія Византіи. Какъ родство Владиміра Мономаха по матерѣ съ греческою династіею высоко поставило его въ глазахъ современниковъ; такъ и женитьба Іоанна III на Софій Палеологъ придава ему царственнае значеніе. Конечно послѣднее на столько было сильнѣе перваго, на сколько было разницы въ духѣ времени и положеніи московскаго князя. Церковь, говоритъ Соловьевъ, содѣйствуя московскимъ князьямъ въ утвержденіе единовластія, давно уже стараась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ императора византійскаго, явился грознымъ государемъ. Онъ первый получилъ имя *Грознаго*; потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и стро-

1) Отвѣты Кубскому въ изд. Устрялова.

2) Соловьевъ, VI, 377.

го карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной, недосгаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потешель Гюрина и Рединаи, должны были благоговѣнно преклониться варава съ ислѣднимъ изъ подданныхъ; по первому жандевию Грознаго Іоанна—головы бравопыкъ князей и бояръ лежали на плахъ. Современники и близкаити потомки приписали эту перемену влупеліямъ Софіи, а ны не имѣомъ никакого права отвергать ея свидѣтельство¹⁾. Это была женарма необожкованно антрая, говоритъ Герберштейнъ; но ей влупелію великій князь сдѣлалъ много. Така, ей приписывали уничтоженіе восточнаго обычая, изъ время татарскаго ира, когда вел. кн. принудденъ былъ принимать ханскихъ пословъ стон, между тѣмъ какъ ея сидѣли. Для этого она приспособала вел. князю каждый разъ притворяться больнымъ. Въ Кремль стоялъ домъ, въ которомъ жила татарская стронла, надзиравшая за дѣйствіями князя. Софія отправляла богатые абдарки въ Орду съ просьбою—уступить ей этотъ домъ, подъ предюромъ постройки церкви²⁾. Ей приписывали преслѣдованіе и уничтоженіе враговъ московскаго князя тайными средствами³⁾. Ея влупеліемъ обличили недоступность и перемену въ старменіяхъ Іоанна ІІІ⁴⁾. Князь приехалъ сюда греки, говорилъ въ тайной бесѣдѣ Максиму Пруму Берсень-Венлемишевъ (отальный при Василіи Іоанновичѣ), такъ наша земля захваталась; а до тѣхъ поръ наша земля жила въ тишинѣ и мирѣ. Какъ пришла сюда мать вел. князя (Василія), великая влупелія Софіи съ нашими греками, такъ князь земля и захваталась, и наступили большіе беспорядки, какъ и у насъ въ Константинополѣ, при влупеліяхъ царякъ. Онъ жаловался на перемену старыхъ обычаевъ, на наущареніе къ почтеннымъ старцамъ, на шествовое обращеніе къ подшненными и нежеланіе вел. князя совѣтоваться о дѣлахъ съ боярами⁵⁾. Женившись на Софіи, Іоаннъ ІІІ принялъ византійскій гербъ (двуглаваго орла) и ввелъ у себя цншность и недоступность византійскаго двора⁶⁾. Современники рассказывали, что женщина, при встрѣчѣ съ нимъ, трепетала отъ одного его взгляда; а на пирахъ, когда онъ за-

1) Соловьевъ, V, 81, 82.

2) Герберштейнъ, 23.

3) Курбскій, Исторія Іоанна, 87, 129.

4) Ibid. 4; Герберштейнъ, 21.

5) Азты вкспед. I, № 172.

6) Карамзинъ, VI, 45, 46.

сыпалъ, разгоряченный виномъ, нието не смѣлъ нарушить молчанія, пока не очнется вел. князь и своимъ словомъ не подастъ начала прекратившейся бесѣдѣ ¹⁾. Къ концу XVI в. даже думный дворянинъ не могъ войти во дворець безъ подобающаго страха ²⁾.

Паденіе Византійской имперіи произвело потрясающее впечатлѣніе на русское общество. вмѣстѣ съ церковными книгами зашла въ Россію и идея о кончинѣ міра послѣ 7000 лѣтъ его существованія, по счету греческой пасхалии. Въ числѣ главныхъ признаковъ этого событія греческіе писатели ставили судьбу Константинополя; а когда Византійская имперія пала, то этотъ фактъ послужилъ достаточнымъ поводомъ къ ожиданію предсказываемаго событія ³⁾. Поэтому одинъ русскій лѣтописецъ указываетъ на турецкое владычество, какъ на приближеніе кончины міра ⁴⁾. Но 1492 годъ (7000 лѣтъ) прошелъ, какъ и всѣ. Между тѣмъ очевидное возрастаніе Московскаго княжества и его политическіе успѣхи (присоединеніе Новгорода и Пскова, ослабленіе татарскаго ига, паденіе удѣловъ и т. д.) не могли остаться безъ извѣстнаго вліянія на умы современниковъ. Въ такое время въ Россіи сложилась теорія о преемствѣ ея значенія Византійской имперіи, и потому на нее стали переносить всѣ предсказанія о величіи Рима и Византіи. «Всѣ христіанскія царства пали, читаемъ въ памятникахъ XVI в., и сошлись по пророческимъ книгамъ въ одно царство—т. е. русское; два Рима пало, а третій стоитъ—Москва; но четвертому не быть». Теперь особенно стали взывать къ нравственному усовершенствованію русскаго общества (въ религіозномъ смыслѣ); такъ какъ думали, что только отъ русской державы зависитъ предотвратить катастрофу (кончину міра) ⁵⁾. Іоаннъ III первый вѣнчалъ на царство своего внука

¹⁾ Герберштейнъ, 21, 22.

²⁾ Дневникъ Маскѣвича.

³⁾ О пасхалии, Прав. соб. 1860, ноябрь.

⁴⁾ Полн. собр. рус. лѣт. VI, 181.

⁵⁾ Посланія Филоея (старца псков. пещер. монаст.) къ Мунехину и вел. кн. Василию Іоанновичу, въ Правосл. Собесѣд. 1861, май, и 1863, мартъ. Таже мысль, почти дословно вложена въ уста патр. Іереміи, въ его отвѣтъ царю Ѳеодору Іоанновичу, по поводу учрежденія патриаршества въ Россіи: «Ветхій Римъ палъ отъ ереси, Константинополь—отъ турокъ; третій Римъ—Россія—превозмогла благочестіемъ всѣ страны. Всѣ благочестныя царства собрались въ одно—твое, и ты одинъ христіанскій царь во всей вселенной». Прав. собесѣд. 1860, I, О русск. церковн. правѣ, 19, примѣч.

Дмитрія. Въ XVI в. уже старались придать царскому вѣнчанію значеніе политическаго преданія. По случаю вѣнчанія Іоанна Грознаго лѣтописцы говорятъ о завѣщаніи Владиміра Мономаха своему сыну Юрію, который получилъ отъ него вѣнецъ и бармы, присланные изъ Греціи, съ тѣмъ чтобы они хранились въ его родѣ, пока Богъ не даруетъ Россіи самодержца. Но Іоаннъ IV не ограничился однимъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Онъ отправилъ посольство къ константинопольскому патріарху, съ просьбою прислать ему утвердительную грамоту на царство. Въ этой грамотѣ патріархъ Іосифъ ведетъ происхожденіе Іоанна отъ греческой царицы Анны (супр. Владиміра св.) и Владиміра Мономаха, который вѣнчался на царство отъ митрополита ефесскаго. Іоаннъ III и Василій Іоанновичъ назывались иногда царями, но со времени Іоанна Грознаго этотъ титулъ становится общепотребительнымъ ¹⁾, Это величіе такъ магически подѣйствовало на воображеніе тогдашнихъ книжниковъ, что они въ припятіи царскаго титула увидѣли исполненіе пророчества Апокалипсиса о шестомъ царствѣ ²⁾. Дальнѣйшее развитіе этихъ понятій шло въ томъ же направленіи до XVIII в., когда имъ старались придать научное толкованіе, на основаніи современнаго развитія политической науки. Въ заключеніе же разсмотрѣннаго нами вопроса прибавимъ, что въ связи съ уничтоженіемъ мѣстничества находится проектъ, составленный неизвѣстнымъ духовнымъ лицомъ и поданный Ѳеодору Алексѣевичу, о степеняхъ, на которыя должны были раздѣляться высшіе государственные сановники, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ даны названія и должности на основаніи придворнаго штата византійскихъ императоровъ; между тѣмъ какъ другія должности сохранены русскіе. Но этотъ проектъ, неизвѣстно почему, несостоялся ³⁾.

¹⁾ Карамзинъ, VI, 172, 173; VIII, 55—58. Изучивши библію, Іоаннъ хотѣлъ быть Давидомъ и Соломономъ; а начитавшись Римской исторіи — онъ рисовалъ въ своемъ идеалѣ образы Августа, Константина и Ѳеодосія. (Соловьевъ, VI, 46). Онъ связывалъ свое царское происхожденіе съ Римскою имперіею посредствомъ особенной генеалогіи, называя Рюрика потомкомъ Прусса, брата императора Августа, получившаго въ управленіе Пруссію (Соловьевъ, 171, 260, 325). Извѣстно также, что Іоаннъ хотѣлъ имѣть переводъ Римск. исторіи Тита Ливія и Кодекса Юстиніана. См. выше, стр. 58.

²⁾ Псковская лѣтопись, IV, 282.

³⁾ Калачовъ, о Кормчей, 100.

Обозрѣвши результаты отношеній Византіи къ Россіи въ религіозной, общественной и политической сферѣ, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Въ слѣдствіе преобладанія религіозныхъ вопросовъ въ умственной жизни Византіи—ея образовательное вліяніе по преимуществу должно было отразиться съ этой стороны; а такъ какъ подчиненіе Россіи византійскому вліянію началось въ религіозной области, то это отношеніе должно было проявиться въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Поэтому еще въ древнѣйшій періодъ русской исторіи сложился взглядъ на книжность, какъ на исключительную потребность церкви.

2) Представителями этой образованности въ Византіи были монастыри, которые, въ слѣдствіе развитія религіозныхъ вопросовъ, приобрѣли тамъ господствующее значеніе. Книжность въ Россіи распространялась главнымъ образомъ чрезъ нихъ, и потому русская образованность древней эпохи можетъ быть вполне названа *монастырскою*. Преобладаніе аскетическихъ идеаловъ въ литературѣ содѣйствовало развитію монастырской жизни въ Россіи, и монастыри въ свою очередь занимаютъ здѣсь такое же образовательное положеніе, какъ и тамъ; отчего аскетическія идеи приобретаютъ исключительное господство въ обществѣ.

3) Монастырская жизнь въ Россіи развивалась по началамъ, выработаннымъ въ Византіи, и потому русскіе монастыри могутъ быть подведены подъ два направленія: скитское и общежительное, которыя переживалъ почти каждый монастырь въ своемъ историческомъ развитіи, пока эти формы не выработались въ строго опредѣленные типы, изъ которыхъ одинъ сдѣлался достояніемъ преимущественно городскихъ, а другой пустынныхъ монастырей. Эти два направленія представляютъ собою двѣ различныя системы, какъ по образу жизни, такъ и въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ. Крайнее развитіе перваго направленія выражается въ Волоколамскомъ монастырѣ, а послѣднее господствовало въ засоляской пустынѣ (вологодскіе и новгородскіе скиты). На это направленіе оказала большое вліяніе Аѳонская гора, а полнымъ представителемъ его былъ Нилъ Сорскій.

4) Развитіе монастырской жизни на сѣверо-востокѣ Россіи имѣетъ важное этнографическое и экономическое значеніе. Колонизація сѣвернаго края русскимъ населеніемъ въ значительной степени принадлежитъ монастырямъ. Она шла въ другомъ направленіи сравнительно съ

гражданскою колонизаціею; такъ какъ представители пустынной жизни избирали мѣста, наиболее удаленныя отъ центровъ и неудобнопроходимыя; но въ тоже время эти пункты были весьма удобны для жизни по своимъ мѣстнымъ условіямъ, и потому быстро заселялись колоніями.

б) Основаніе монастырей въ этой области оказало большое вліяніе на распределеніе русскаго населенія. Надѣль монастырей землею обусловливался релігиозными побужденіями и экономическимъ состояніемъ древней Россіи, когда поземельный надѣль представлялъ единственный надежный способъ обезпеченія лицъ и учреждений матеріальными средствами; наконецъ пожертвованіе земли свѣтскою властью всегда соединялось съ политическими интересами, такъ какъ князя необходимымъ условіемъ его ставили — заселеніе своего края новыми поселенцами, и съ этою цѣлью надѣляли монастыри обширными льготами, отчего монастырскія вотчины были населены гораздо гуще сравнительно съ остальными.

б) Но владѣніе землею тѣсно связывало монастыри съ общественною жизнью и нарушало первоначальное ихъ назначеніе: они становились своего рода городами и стратегическими пунктами, а съ развитіемъ средствъ — торговыми центрами, и въ этомъ случаѣ, можно сказать, вполне сосредоточили въ своихъ рукахъ промышленныя операціи страны. Релігиозное и экономическое значеніе монастырей въ свою очередь заставляло заботиться о соединеніи ихъ съ городами и между собою постоянными, и болѣе или менѣе удобными, путями сообщенія.

7). Пользуясь правами частныхъ владѣльцевъ и матеріальными средствами, монастыри постоянно заботились о распространеніи своей территоріи, которая въ XVI вѣкѣ достигла громаднаго размѣра: среднюю цифру ея въ это время можно принять въ $\frac{1}{3}$ всего государства; но съ этихъ поръ начинается систематическая реакція противъ поземельной собственности монастырей, такъ какъ она вредно дѣйствовала на ихъ нравственность и нарушала интересы государства. Нравственныя обличенія появляются одновременно съ началомъ монастырской собственности, которая рассматривается, какъ отступленіе отъ основныхъ правилъ монастырской жизни. Правительственное же противодѣйствіе ей начинается со времени образованія Московскаго государства. При всемъ томъ, отдача монастырямъ, по преимуществу, пустынныхъ мѣстъ, лежащихъ въ сѣверной полосѣ Россіи, имѣла вліяніе на заселеніе края и обработку почвы.

8) На сѣверо-востокѣ монастырская колонизація столкнулась съ языческимъ элементомъ, а потому монастыри нерѣдко являются здѣсь съ миссіонерскимъ характеромъ, и во многихъ пунктахъ даже преобладаютъ политическое занятіе края. При низкомъ состояніи блага духовенства и назначенія монастырей такое предпріятіе вполне осуществимо было только для нихъ. Но прочное утвержденіе христіанства среди финновъ было задержано отчасти географическими условіями страны, отчасти повсемѣстнымъ упадкомъ монастырскихъ нравовъ, въкой замѣчается съ исхода XV и особенно съ половины XVI вѣка. Впрочемъ, куда проникло вліяніе монастырей, вездѣ видно вліяніе монастырскихъ понятій. Столкновеніе же противоположныхъ религій не могло остаться безъ вліянія на развитіе понятій вообще; на всемъ сѣверѣ замѣтно смѣшеніе религіозныхъ представленій, и финское міросозерцаніе въ сильной степени отразилось на русскомъ населеніи сѣверо-восточной Россіи. Этимъ вліяніемъ могутъ объясняться крайне суевѣрные представленія, господствующія въ народѣ и принимавшія несомнѣнное участіе въ происхожденіи раскола. Такимъ образомъ финскій элементъ явился задерживающимъ элементомъ въ борьбѣ христіанства съ язычествомъ.

9) При постоянномъ отношеніи монастыря къ обществу, его вліяніе обнаружилось въ смыслѣ педагогической системы: 1) въ порядкѣ и характерѣ домашней жизни и 2) во взглядѣ общества на женщину. Педагогическое же вліяніе монастыря совершалось посредствомъ книжности, монастырскаго воспитанія и нравственныхъ наставленій.

10) Въ дальнѣйшемъ развитіи своего вліянія монастыри приобретаютъ политическое значеніе. Въ средніе вѣка было выработано двѣ системы взаимнаго отношенія духовной и свѣтской власти. На Западѣ, при отдаленіи римскаго епископа отъ центральной власти и территориальной его независимости—онъ получаетъ государственное значеніе, и монастыри, въ видѣ различныхъ орденовъ, являются проводниками въ обществѣ его политическаго авторитета; въ Византіи, при отсутствіи тѣхъ же условій, выработывается теорія господственнаго значенія свѣтской власти въ отношеніи къ духовной, и въ такомъ видѣ она перешла въ Россію.

11) Но Россія подчинилась вліянію Византіи уже въ эпоху раздѣленія церквей, и потому на ней не могла не отразиться возникшая между ними борьба. Вѣрные своей политической традиціи, папы

хлопочуть въ Россіи о соединеніи церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся подчинить ее своему авторитету въ политическомъ отношеніи. Но они получаютъ съ этой стороны надлежащій отпоръ, опять въ силу противоположеній традиціи, постоянно охраняемой представителями византійской іерархіи, занимавшими высшія духовныя мѣста въ Россіи, и отъ свѣтской власти, менѣе стѣсненной въ политическіяхъ дѣлахъ, нежели при римской системѣ. Однако, устранивъ Россію отъ римскаго вліянія, византійское правительство стремилось подчинить ее своему политическому и духовному авторитету, отчего высшія іерархическія мѣста по преимуществу замѣщались лицами греческаго происхожденія. Конечно такое отношеніе Византіи стѣсняло политическую самостоятельность Россіи, и потому здѣсь возникаетъ оппозиція установленному порядку: періодъ зависимаго отношенія Россіи отъ Византіи есть періодъ борьбы между стремленіями къ подчиненію и самостоятельности. Неизвѣстно, чѣмъ окончилась-бы борьба при могуществѣ Византіи, но несомнѣнно, что ея упадокъ, заставившій ее заботиться о финансовыхъ средствахъ, раздѣленіе русской митрополіи и возвышеніе Московскаго княжества были причинами, подорвавшими господственное отношеніе Византіи къ Россіи; такъ что въ XVI вѣкѣ попытка со стороны константинопольскаго патріарха вернуть прежнее вліяніе (Максимъ Грекъ) на Россію окончилась полнымъ пораженіемъ.

12) Преобладаніе въ теченіи продолжительнаго періода греческаго элемента въ высшей іерархіи Россіи, при слабости ея юридическихъ формъ, содѣйствовало широкому примѣненію византійскихъ юридическихъ источниковъ къ русскому законодательству, которое, начавшись въ духовной сферѣ, благодаря смѣшенію церковнаго элемента съ свѣтскимъ, отличающему византійскую юриспруденцію, перешло въ область гражданскую и господствовало въ теченіи всего древняго періода русской исторіи. Введеніе же византійскаго права въ жизнь русскаго общества радикально измѣнило его взгляды на преступленія уголовныя, религіозныя (сюда относились и дѣла семейныя) и политическія.

13) Тѣмъ же путемъ распространились въ Россіи и новыя понятія о верховной власти: ихъ вносятъ въ русское общество—византійское духовенство, у котораго вполне заимствуетъ русское; юридическіе источники Византіи и письменныя памятники, въ которыхъ эти понятія развиваются на библейскихъ началахъ и византійской исторіи. Русскіе мо-

монастыри действуют въ томъ же духѣ, и въ этомъ случаѣ ихъ ясно связываетъ съ властью территориальная зависимость отъ нея.

14) Законченный типъ политическаго значенія монастыря представляеть намъ — монастырь Волоколамскій, господствовавшій въ эпоху возвышенія Московскаго княжества.

15) Такимъ образомъ теорія свѣтской власти утверждается въ обществѣ на византійскихъ преданіяхъ, духовномъ авторитетѣ и источникахъ византійской письменности. Полнымъ же представителемъ этой системы былъ Іоаннъ IV, который отчетливо и сознательно формулировалъ ее въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому.

16) Политическія обстоятельства южной Россіи, а въ Новгородѣ преобладаніе народныхъ началъ въ политическомъ бытѣ — помѣшали утвердиться здѣсь принципамъ византійской политики, которая полного развитія достигаетъ въ Московскомъ государствѣ.

Глава VIII.

До сихъ поръ мы слѣдили за постепеннымъ утвержденіемъ византійскихъ началъ въ русское общество; но ихъ распространеніе не обошлось безъ борьбы. По временамъ возникаютъ ученія, которыя становятся во враждебное отношеніе къ господствующему направленію. Одни изъ нихъ представляютъ открытое противодѣйствіе, развитиесе на почвѣ современной дѣйствительности; другія — были результатомъ уславившагося книжнаго образованія; третьи исходили со стороны представителей того же порядка, неудовлетворенныхъ примѣненіемъ усвоенныхъ ими понятій къ жизни; при чемъ ихъ сочиненія обыкновенно служили источникомъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Наконецъ на нѣкоторыхъ представителяхъ этого направленія замѣтно вліяніе ученій, господствовавшихъ въ то время на Западѣ. Это движеніе замѣчается весьма рано, но вполне опредѣленный характеръ принимаетъ въ XV и XVI вв. Замѣчательно также, что начало его идетъ оттуда, гдѣ существовали болѣе свободныя формы быта, т. е. изъ Новгородской области.

Церковные писатели говорятъ: «Наши предки мало обращали свою мысль къ догмату, а болѣе внимались внѣшней, обрядовой стороною обряда. Все, что имѣло отношеніе къ церковному обряду, стояло у нихъ на первомъ планѣ, было предметомъ перваго вниманія и интереса, догматы же почти всего менѣе обращали ихъ вниманіе... Въ этомъ отношеніи они являлись отчасти отсталыми отъ греческихъ христіанъ, у которыхъ

наклонность къ догматическимъ вопросамъ и соображеніямъ была господствующею и обнаруживалась даже въ народной массѣ¹⁾. Конечно это различіе зависѣло отъ степени образованности того и другаго народа.

Сосредоточенность на обрядѣ проходить въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе укрѣпляется въ понятіяхъ общества. Какіе вопросы занимали общенвенно тогда? это были вопросы и недоумѣнія обрядовые, но весьма рѣдко догматическіе: какіе творить поклонныя, съ чего пошло не ѣсть въ понедѣльникъ и т. п. Вопросы Кирика къ разнымъ іерархическимъ лицамъ касаются не внутренней стороны вѣры, а внѣшней, обрядовой или канонической, и притомъ, по большей части, не въ видѣ общаго порядка, а въ смыслѣ частныхъ положеній, какия даетъ жизнь. Въ числѣ ихъ есть напр. такіе вопросы: если кто, поужинавъ, простоятъ всю ночь на молитвѣ и не уснѣтъ уснуть, то можно-ли ему служить? если дѣтя или взрослый поступить на пѣску яйцомъ въ зубы прежде литургіи, нужно-ли лишать его за это причастія? могутъ-ли мужъ—женѣ, а жена—мужу помогать въ эпитиміи? справедливо-ли, будто десять литургій избавляетъ отъ эпитиміи на четыре мѣсяца, двадцать литургій на восемь, а тридцать на цѣлый годъ? если случится, что женскій платокъ будетъ шить въ одежду священника—можетъ-ли онъ служить въ этой одеждѣ (отвѣтъ: можетъ, ибо члмъ женщина поидна)²⁾? можно-ли служить пантехиду

1) Труды Киевск. духов. акад. 1862, I, 270.

2) Такъ смотрѣли на женщину лица, не зараженные теоретическими воззрѣніями византійскихъ книжниковъ, въ такомъ обиліи разсыпанными въ византійскихъ (Пчела), болгарскихъ (Златоструй) и русскихъ сборникахъ (въ русскій энциклопедіи XVI в.—Четви-Минейхъ есть нѣсколько статей, посвященныхъ женщинамъ, въ духѣ Пчелы, озаглавленныхъ: Не имѣй дружбы съ женою, Слово о томъ, что всякій, посмотрѣвшій на жену, согрѣшаетъ, Поученіе женамъ, чтобы онѣ были молчаливы, Слово о женахъ изъ Пчелы, см. оглавленіе Четви-Миней въ Чтен. Моск. общества истор. 1847, IV). Отрицательный взглядъ на женщину въ христіанскую эпоху кажется тѣмъ болѣе страшнымъ, что въ евангеліи можно найти много мѣстъ, представляющихъ въ идеальномъ свѣтѣ отношеніе къ женщинамъ самого основателя религіи. Конечно скептицизмъ византійскихъ компиляторовъ имѣетъ историческія основанія. Они любятъ цитировать въ этомъ случаѣ классическихъ писателей (см. выше, 251—253); а извѣстно, что женщина у грековъ и римлянъ была замкнута въ своемъ гиндѣѣ, и тѣмъ болѣе считалась нравственною, чѣмъ меньше о ней знали. Солонѣ приписываютъ изреченіе: «мудрѣе еже-

за живаго челоуѣка? слѣдуетъ-ли оскверненному глиняному сосуду давать молитву, или только деревянному? въ какой одеждѣ ходить? (отвѣтъ: хотъ и въ медвѣжьей) ¹⁾. Вообще въ ряду множества подобныхъ вопросовъ нѣтъ ни одного догматическаго ²⁾. Этотъ памятникъ относится къ XII вѣку; но если обратимся въ томъ же направленіи къ XVI вѣку, то особенной разницы не замѣчаемъ. Домострой тщательно передаетъ всѣ мелочи изъ церковной обстановки и обрядности, которыя онъ считаетъ необходимыми для домашней жизни; совѣтуетъ, какъ со-

дневно благодарить боговъ, что онъ челоуѣкъ, а не животное, мужчина, а не женщина, и грекъ, а не варваръ. Платонъ ставитъ женщину по добродѣтели ниже мужчины—и отсюда выводитъ ея зависимое положеніе. У Эврипида Ифигенія говоритъ: «одинъ мужчина лучше десяти тысячъ женщинъ». Его взглядъ на женщину былъ до такой степени проникнутъ отвращеніемъ, что современники прозвали его женоненавистникомъ. По теоріи Аристотеля гражданинъ имѣетъ власть надъ женою, дѣтьми и рабами; относительно жены власть его—государственная; надъ дѣтьми — царская; а надъ рабами—господская. Такъ смотрѣли на женщину представители мысли самаго свободнаго изъ государствъ древняго міра—Аѳинъ. На могилахъ своихъ женъ греки любили изображать эмблемы ихъ лучшихъ качествъ: за молчаніе—намордникъ, за домосидничество—черепаху и т. п. (см. статью профес. Ордынскаго: Греческія женщины, въ Огеч. записк. 1850 г.) Эти отношенія объясняются патриархальнымъ устройствомъ древней семьи. Въ Римѣ они были освящены всевозможною строгостью римскихъ законовъ. Въ эпоху упадка древняго общества семейная жизнь много потерпѣла и женщина переходитъ къ другой крайности: распаденіе семьи было какъ-бы освобожденіемъ женщины; но это самое вызываетъ реакцію современныхъ моралистовъ, которые также пользовались авторитетомъ у византійскихъ составителей нравственныхъ сборниковъ. Далѣе, вторженіе философскихъ понятій Востока, подъ конецъ существованія древняго міра (выше стр. 12—15), вноситъ въ жизнь классическаго общества восточныя взгляды, и къ прежнимъ чертамъ женскаго вопроса прибавляются новыя, весьма непривлекательнаго свойства. Наконецъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ возникаетъ борьба между старымъ и новымъ міромъ: какъ реакція языческой нравственности появляется аскетизмъ, который, стремясь очистить современные нравы, вовсе не пощадилъ женщины, которая и древними моралистами, и новыми обличителями одинаково признавалась виновницею нравственнаго хаоса общества. Теперь мѣсто греческаго гинекея заступаетъ византійскій теремъ. Поклоненіе женщинѣ на Западѣ въ эпоху среднихъ вѣковъ возникаетъ изъ другихъ началъ.

¹⁾ Памят. рос. словес. XII вѣка. Макарій, III, 185—197.

²⁾ Труды Киевс. духов. акад. 1862, I, 277.

хранить иконы от пыли; какъ цѣловать ихъ («задержавъ въ себѣ духъ и не раздѣвая губъ»); какъ вкушать просфору («не кусая зубами и не чавкая губами») ¹⁾ и т. п., но нигдѣ при этомъ не старается указать источниковъ, откуда его читатели могли-бы почерпнуть болѣе важныя свѣдѣнія, касательно внутренней стороны религіи и ея превлущества надъ обрядовою. Напротивъ, все его вниманіе поглощено этою послѣднею; между тѣмъ Домострой написанъ лицомъ (Сильвестромъ) болѣе книжнымъ, нежели другіе его современники. Въ постановленіяхъ Стоглава, имѣвшаго цѣлю восстановленіе нарушеннаго порядка по преданію отцовъ, весьма много удѣлено мѣста вопросамъ «о звонѣ», «о царскихъ дверяхъ», «о зановѣ св. алтаря» — опять вопросамъ чисто обрядовымъ.

«Спокойствіе церковной жизни древняго русскаго общества, говоритъ тотъ же авторъ, нарушали ипогда религіозные споры. Какой же характеръ носили они? Первый изъ такихъ споровъ возникъ около половины XII вѣка (въ сѣверной и южной Россіи) и состоялъ въ томъ, должно-ли соблюдать постъ по средамъ и пятницамъ, если въ эти дни случатся какіе нибудь великіе праздники? Спорили («философы») о томъ два или три раза нѣтъ алілуіа; по солнцу или противъ солнца ходить при совершеніи церковныхъ обрядовъ; двумя или тремя перстами слѣдуетъ креститься; спорили о словѣ *истинный* въ символѣ вѣры, о бритьи бороды и усовъ, но все въ подобномъ родѣ. Вопросы опять обрядоваго содержанія, чтобы не сказать о нѣкоторыхъ менше» ²⁾.

Исправленіе книгъ въ XVI Максимомъ Грекомъ встрѣтило сильное неудовольствіе со стороны приверженцевъ строгой буквализности, и именно на томъ основаніи, что по этимъ книгамъ спасли себя древніе русскіе святые ³⁾. Одновременно съ греческими переводами, въ Россіи распространяются тѣмъ же путемъ произведенія апокрифической литературы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются: Адамъ, Свѣтъ, Мессеиъ завѣтъ, Видѣніе Ісаіа, Повѣсть Іакова; апокрифическіи евангелія; вопросы Іоанна богослова; о двѣнадцати пятницахъ; какъ Христа въ помы ставили; какъ Христосъ плугомъ орать; какъ ап. Петръ крестилъ архистратига Михаила; Хожденіе по мукамъ Богородицы и

¹⁾ Домострой, 3, 4, 8.

²⁾ Труды Кіевск. духов. акад. 1862, I, 276.

³⁾ Слово объ исправленіи книгъ, въ Сочин. Максима Грека, II. 1

апостола Петра; преданія о крестномъ древѣ и т. п. О нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, что они вышли изъ Болгаріи, и потому называются болгарскими баснями. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются индексы, направленные противъ нихъ; но они имѣютъ характеръ запрещеній— не болѣе. При недостаткѣ критики (см. 1-я глава, стр. 3), они получили обширное употребленіе и въ глазахъ многихъ пользовались авторитетомъ, равнымъ каноническимъ книгамъ ¹⁾. Впервые серьезно отнесся къ нимъ Максимъ Грекъ, который свидѣтельствуетъ о ихъ обширномъ распространеніи. Онъ возражалъ противъ мнѣнія, что солнце не заходило во всю недѣлю послѣ воскресенія Іисуса; противъ вопроса кому впервые сослана была съ неба грамота (возникшаго вѣроятно на основаніи апокрифической «бесѣды», въ которой говорится— въ Снеу, что занесъ въ свой словарь даже ученый Свидя); противъ вѣры въ дѣйствительное существованіе *рукомисама* даннаго Адамомъ—дьяволу, распространившейся вѣроятно на основаніи апокрифа *Адамъ*; русскіе же путешественники рассказывали еще о вмиѣ, которой стерегъ это рукомисаніе на берегу Иордана. Подобныя мнѣнія раздѣлялись даже людьми, принадлежавшими къ высшему кругу ²⁾.

Эти явленія ясно показываютъ, какъ послѣдовательно развивалось то направленіе, которое въ XVII вѣкѣ разразилось *расколомъ*. ³⁾

Обращаясь къ древней литературѣ, церковные изслѣдователи находятъ тѣже черты. Церковную литературу нашу, говоритъ одинъ изъ нихъ, составляютъ каноническія правила, посланія, отвѣты на вопросы частныхъ лицъ, иноческіе уставы, житія святыхъ, повѣсти и рассказы о чудесахъ, немного молитвъ и каноновъ, поученія. Но въ правилахъ, посланіяхъ и отвѣтахъ преобладаетъ церковно-обрядовое и церковно-практическое содержаніе... Житія святыхъ, повѣсти и сказанія о чудесахъ, полны интересными свѣдѣніями относительно благочестія, нравственнаго идеала, религиозно-суевѣрныхъ воззрѣній, быта, непосредственныхъ симпатій нашихъ предковъ; но не содержатъ въ

¹⁾ См. Правосл. соборъ. 1858, июль, О чтеніи книгъ въ древней Россіи, 452—461. Этому содѣйствовало, по словамъ Курбскаго, то, что ихъ обыкновенно приписывали какому нибудь изъ отцовъ церкви, особенно Іоанну Златоусту. Прав. соб. 1863, II.

²⁾ См. наше изслѣдов. Максимъ Грекъ, I, гл. V.

³⁾ Макарій, Исторія русскаго раскола; Щановъ, Русскій расколъ, 447—463.

себѣ изложенія догматовъ вѣры. Содержаніе же церковныхъ ученій опять нравственно-обрядовое». ¹⁾ Столь же строгій приговоръ древней литературѣ сдѣлалъ пр. Макарій. »Вообще, говоритъ онъ, мы приходимъ къ заключенію, которое намъ кажется справедливымъ, что если не бѣднѣе была наша духовная литература, не ниже было наше духовное просвѣщеніе въ періодъ монгольскій, чѣмъ въ предшествовавшій, то отнюдь и не богаче, отнюдь и не выше. Въ два новыя столѣтія ни наше просвѣщеніе, ни наша литература нисколько не подвинулись впередъ, а все оставались на прежней точкѣ, или вѣрнѣе все вращались въ одномъ и томъ же, словно заколованномъ, кругѣ.... Въ наши дни, еслибы всѣ эти, большею частію, мелкія и очень краткія сочиненія выдѣлились изъ-подъ пера даже одного писателя, его отнюдь нельзя было бы назвать плодовитымъ. И если извѣстно, что не всѣ писанія того времени сохранились до настоящаго: имѣемъ-ли мы право слишкомъ преувеличивать число недошедшихъ? Да и заслуживали ли они, чтобы быть сохраненными для потомства? Небогатою представляется намъ тогдашняя литература наша и по качеству или достоинству литературныхъ произведеній. Одни писатели были люди едва грамотные, съ самыми ограниченными понятіями и свѣдѣніями, и безъ всякаго навыка излагать свои мысли правильно и въ порядкѣ. Въ другихъ, если замѣтны значительная начитанность и довольно обширныя и разнообразныя познанія, то познанія большею частію поверхностныя, сбивчивыя, плохо усвоенныя и не пронизнутыя самостоятельною мыслию, какія обыкновенно бываютъ у людей, неготовленныхъ научнымъ образованіемъ къ пониманію и усвоенію прочитаннаго.... Только нѣкоторые, весьма немногіе, силою своихъ природныхъ дарованій и долговременнымъ упражненіемъ, умѣли возвыситься надъ массою приобретаемыхъ, чрезъ чтеніе книгъ, свѣдѣній, переработать ихъ, и являлись довольно самостоятельными, отчетливыми и не безъискусственными въ изложеніи своихъ мыслей» ²⁾. Замѣчательно, что, при обиліи нравственныхъ вопросовъ и правилъ, составляющихъ содержаніе этихъ памятниковъ, мы не встрѣчаемъ теоретическаго осмысленія ихъ. Домострой — составляетъ только собраніе правилъ, распределенныхъ по извѣстнымъ вопросамъ.

¹⁾ Труды Киевск. духов. акад. 1862, II, 278.

²⁾ Макарій, Исторія церкви, V, 242—243, 256.

«Была у насъ, продолжаетъ пр. Макарій, другая литература, которая гораздо болѣе пользовалась уваженіемъ и сочувствіемъ нашихъ предковъ, болѣе удовлетворяла ихъ духовнымъ потребностямъ, и далеко превосходила русскую: разумѣемъ литературу иноземную, почти исключительно *переводную*»¹⁾.

Мы думаемъ, что обѣ эти литературы служили разнымъ потребностямъ. Отечественныя произведенія удовлетворяли болѣе нуждамъ той части общества, для которой содержаніе и изложеніе греческихъ писателей было слишкомъ высоко и отвлеченно. Такимъ образомъ, за этою отраслю древней литературы вполне сохраняется ея нравственное значеніе: утвержденіе въ обществѣ новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ²⁾. Сочиненія переводныя служили болѣе образовательнымъ потребностямъ, и были тѣмъ важнѣе, что въ нихъ сохранялись не только свѣдѣнія, касающіяся релігіозныхъ вопросовъ, но и выписки изъ древнихъ писателей, которые такимъ образомъ становились извѣстными хотя въ отрывкахъ.

Но въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ появляются два замѣчательные памятника древней образованности Россіи: Просвѣтитель Іосифа Савина (Волоколамскаго) и Истины повозаніе—Зиновія Отенскаго, свѣдѣтельствующіе о сильномъ потрясеніи русскаго общества въ означенную эпоху и особенномъ направленіи, какое приняла въ это время русская мысль. Впрочемъ начало этого движенія лежитъ гораздо глубже.

Впервые о немъ встрѣчается извѣстіе въ 1376 г. Въ это время казнили въ Новгородѣ трехъ еретиковъ—двухъ діаконъ Никиту и Кариа и одного простаго человѣка за отступленіе отъ церкви: ихъ свергли съ моста. Вотъ первое извѣстіе о ереси стрігольниковъ (получившей названіе отъ Кариа, занимавшагося этимъ ремесломъ)³⁾. Черезъ шесть лѣтъ въ лѣтописяхъ встрѣчается новое извѣстіе о той же ереси и въ тому же времени относятся посланія патр. константиноп. Нила въ Новгородъ и Псковъ⁴⁾. Въ 1394 г. новый констан-

1) Ibid. 243.

2) О русской проповѣди XV и XVI в. Журн. минист. народ. просв. 1868, февраль.

3) Полн. собр. рус. лѣт. I, 191; III, 79; V, 221.

4) Ibid. III, 93; IV 83; Након. лѣт. IV. 180. Acta patriarch; II, 31; Акты историч. I, № 4.

тинецпольскій патр. Антоній отправилъ въ Новгородъ нарочитаго посла, велеемскаго архіеп. Михаила, который привезъ туда между прочимъ и грамоту, касающуюся стригольниковъ¹⁾. Но, не смотря на увѣщанія патріарховъ, ересь продолжала существовать. Въ 1416 и 1427 гг. митр. Фотій писалъ отъ себя во Псковъ, совѣтуя гражданамъ его прекратить всякія сношенія съ еретиками²⁾.

Сущность ученія стригольниковъ заслуживаетъ вниманія. Они отрицали всю іерархію, не только русскую но и греческую, выходя изъ той мысли, что всѣ духовныя лица поставляются на мѣдъ; порицали духовныхъ за то, что они брали плату за всѣ церковныя требы, съ живыхъ и мертвыхъ, собирали себѣ богатства—золото и серебро и вели беспорядочную жизнь. Отсюда еретики дѣлали заключеніе, что не слѣдуетъ принимать ученія у такихъ епископовъ и священниковъ. «Апостолъ Павелъ повелѣлъ учить и простому человѣку» — говорили они, а потому предоставляли избраніе учителей—народу, безъ всякаго посвященія. Въмѣсто покаянія передъ священниками—они предписывали совершать исповѣдь самимъ, обратясь лицомъ въ землѣ, но отрицали причастіе. Въ противоположность духовенству, еретики ставили въ примѣръ добродѣтельную жизнь своихъ наставниковъ; а діаконъ Карпъ даже написалъ сочиненіе, направленное противъ священниковъ, которымъ онъ старался возбудить народъ. Изъ грамоты Фотія видно, что они также проповѣдывали противъ монашества. Отвергая обрядность, еретики высоко ставили духовную сторону религіи. Бога они называли отцомъ своимъ и молились ему, безмолвно взирая на небо. Вѣроятно для большей духовности, нѣкоторые удержали въ своемъ ученіи постъ и выполняли его со всею строгостію. За то другіе доходили въ своемъ отрицаніи до отверженія будущей жизни и воскресенія мертвыхъ, подобно саддукеямъ. Впрочемъ они отличались строгою нравственностью и книжностью, постоянно толкуя о религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ. Вообще, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, ересь приняла обширные размѣры и приобрѣла множество приверженцевъ³⁾.

Такое отрицательное ученіе въ то время, когда русская церковь

¹⁾ Агты историч. I, № 6; Полн. собр. рус. лѣт. III, 97; IV, 194; Никон. лѣт. IV, 255.

²⁾ Агты истор. I, № 21, 33, 34.

³⁾ Просвѣтитель, 596.

еще поддвигалась константинопольскому патриарху, грозило значительным подрывом его авторитету, и этим объясняется, почему патриарх так дѣятельно прицѣлился за опроверженіе возникшей ереси. Вот почему ихъ опроверженія главнымъ образомъ сосредоточиваются на тѣхъ пунктахъ, которые послужили поводомъ къ разрыву, а не на догматическихъ отступленіяхъ. »Внѣ церкви, говоритъ патриархъ Нилъ, невозможно спастись, хотя бы мы жили на землѣ вышнихъ ангеловъ. Злой духъ распространилъ между вами молву, будто-бы церковь совершаетъ рукоположеніе за деньги. Напротивъ, церковь всегда пребываетъ твердою и непоколебимою, и рукополагающихъ за деньги мы ставимъ на ряду съ Сименомъ, Македоніемъ и другими духовборцами. А если бы некоторые архіереи и старались на маѣ, то нѣтъ ва этого несравненно отягчать всю іерархію и отдѣляться отъ церкви«. О такихъ патриархъ совѣтуетъ донести митрополиту, а если онъ не исправитъ виновнаго, то патриарху. Далѣе онъ говоритъ, что слѣдуетъ различать поставленіе на маѣ отъ расходовъ при посвященіи въ санъ. Если посвященный дѣлаетъ отъ себя расходы на свѣчи, на столъ и т. п., то это не преступно, потому что самое посвященіе совершается даромъ. Самыя грамматы патриарха называются: »о проторахъ за поставленіе«. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Новгородъ и Псковъ архіем. суздальскаго Діонисія для убѣжденія стригольниковъ покориться церкви. Дѣйствительно Діонисію удалось на время прекратить возникшій споръ¹⁾. Но грамота патр. Антонія, отправленная въ Новгородъ въ 1394 г. снова трактуетъ о тѣхъ же »проторахъ«. Здѣсь патриархъ старается уже доказать незаконность нападеній стригальниковъ по поводу платы за требы, на основаніи словъ апостола, что служители алтаря должны кормиться отъ него. »Если недостойны патриархъ и митрополиты, то, по вашему, нѣтъ теперь на землѣ ни одного священника. Христосъ не придетъ на землю воплотиться во второй разъ, не сойдетъ и ангель, чтобы освятить вамъ попа. Христосъ, посѣщая дома, принималъ подаянія. Если духовныя лица собираютъ имѣнія, то не вамъ судить ихъ; пусть судятся отъ Бога и высшаго святителя. Вы приказываете человѣку ваяться къ землѣ; но земля тварь бездушная, не слышитъ и не можетъ отвѣчать. Вы хвалитесь постомъ и воздержаніемъ, но таковы были всѣ еретики!« Въ заключеніе патриархъ совѣтуетъ право-

1) Никонов. лѣтоп. IV, 130.

славнымъ изгонять ихъ изъ городовъ. Митрополитъ Фотій, въ свою очередь, приводитъ рядъ постановленій, запрещающихъ отдѣляться отъ епископа или священника, пока они не будутъ лишены своего сана, и указываетъ на постановленія импер. Исаака Комнена и патріарховъ Мхаяла и Николая, опредѣляющія количество платы за поставленія въ духовный санъ. Онъ запрещаетъ псковитянамъ имѣть сообщеніе съ еретиками даже въ пищѣ и совѣтуетъ изгнать ихъ отъ себя. Въ слѣдствіе этого во Псковѣ принялись ихъ обыскивать и нѣкоторыхъ казнили. Фотій благодарилъ гражданъ за ревность, но не совѣтовалъ употребить смертной казни, а просилъ только наказывать заточеніемъ или другимъ способомъ. Тогда, по совѣту князей и духовенства, псковичи перехватили остальныхъ стригольниковъ и засадили ихъ въ темницы до конца жизни ¹⁾.

Изъ какихъ же элементовъ сложилось ученіе стригольниковъ? Очевидно, что оно произошло изъ отрицанія іерархіи, которое, въ дальнѣйшемъ развитіи, судя по исторіи всѣхъ ересей, ведетъ къ большому или меньшему отрицанію обрядной стороны религіи. Но самое происхожденіе ереси стригольниковъ указываетъ, что въ ней не было чуждаго вліянія.

«Ересь строгониковъ, говоритъ пр. Макарій, безъ всякаго сомнѣнія была плодомъ своего времени и произведеніемъ русской почвы. Они вооружались противъ церковной іерархіи, отвергали ее; а за что? За тѣ злоупотребленія и недостатки, которые они видѣли въ духовенствѣ и на которые прямо указывали. Указывали на поставленіе по мздѣ,—и имъ отвѣчали только, что тѣ не мзда за поставленіе, а необходимые проторы при поставленіи, т. е. не отвергали дѣйствительности факта, но давали ему другой смыслъ. А такіе рѣзкіе прищипы символи, какіе случались тогда въ самомъ Константинополѣ, при поставленіи русскихъ митрополитовъ, оглашавшіеся по всей Россіи и сопровождавшіеся многочисленными смутами въ русской церкви, очень естественно могли возбуждать у насъ многихъ и противъ самихъ патріарховъ. Стригольничьи укоры духовныхъ, что они за все берутъ и собираютъ большія имѣнія; въ сожалѣнію, въ подтвержденіе этого, въ Новгородѣ могли указывать на самихъ русскихъ митрополитовъ, а въ Псковѣ на новгородскихъ архіепископовъ. Больше всего тамъ и здѣсь

1) Просвѣтитель, 596.

тяготились мѣсячнымъ судомъ, который въ Новгородѣ производилъ митрополитъ, а въ Псковѣ—новгородскій архіепископъ, и тѣми пошлинами, какіе собирались на судѣ; тѣми поборами особенно съ духовенства, какіе дѣлались по случаю прїѣздовъ митрополита и архіепископа.... Укоряли еще еретики духовенство за нетрезвую жизнь, и обличенія такого же рода самихъ митрополитовъ (Кирилла, Алексѣя, Фотія), обращенныя въ духовенству, а иногда въ монахамъ, достаточно объясняютъ расколъ стригольниковъ и съ этой стороны... Все это осталось-бы непонятнымъ, если-бы тѣ злоупотребленія и недостатки, на какія указывали еретики въ современномъ духовенствѣ, дѣйствительно не существовали¹⁾. Въ этому объясненію нечего прибавлять. Самое положеніе представителей ереси указываетъ на іерархическое происхожденіе ея. Но здѣсь заслуживаетъ еще вниманія то обстоятельство, что это движеніе отерлось въ Новгородской области, а самые еретики были изъ Пскова, откуда они бѣжали въ Новгородъ, вслѣдствіе преслѣдованія. Это обстоятельство важно и потому, что позднѣйшее движеніе въ этомъ родѣ также возникло въ предѣлахъ Новгородской области, и уже оттуда распространилось по сѣверной Россіи.

И такъ, помимо временныхъ условій для развитія ереси, должны были существовать еще условія мѣстныя.

Между тѣмъ, какъ въ Московской области и удѣльныхъ княжествахъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства, — политическая жизнь, подъ вліяніемъ византійскихъ понятій, подчинилась строгой централизаци; въ Новгородѣ и Псковѣ она развивалась на древнихъ народныхъ началахъ. Вѣчевой порядокъ здѣсь сосредоточивалъ въ себѣ всѣ отправленія политической и общественной жизни. Въ Московскомъ государствѣ духовенство было поставлено въ зависимость отъ великаго князя, по его волѣ избираются игумены, епископы и митрополиты. Въ Новгородской области духовенство зависѣло отъ того же вѣча, и было только однимъ изъ органовъ его дѣятельности, сохраняя въ то же время черты церковной іерархіи.

Въ древнѣйшій періодъ исторіи мы встрѣчаемъ примѣры въ разныхъ городахъ (во Владимірѣ, Ростовѣ, Суздаль, Муромѣ), что тамъ выборъ епископовъ подчинялся контролю всѣхъ гражданъ, которые также считали себя въ правѣ удалить ихъ или просто изгнать изъ го-

¹⁾ Макарій, Исторія церкви, IV, 160—162.

рода, если находили ихъ почему нибудь недостойными¹⁾. Но съ возвышеніемъ княжеской власти, это право города мало-по-малу утратили. Въ Новгородѣ, напротивъ, при слабости княжеской власти, оно получило самое широкое развитіе. Пока тамъ шла еще упорная борьба между христіанствомъ и язычествомъ, этого не было замѣтно. Кіевскій митрополитъ былъ полнымъ распорядителемъ въ церковныхъ дѣлахъ Новгорода. Онъ самъ назначалъ туда епископовъ и совершалъ надъ ними судъ (Лука Жидята пробылъ три года въ заключеніи въ Кіевѣ; Климентъ Смоленскій заточилъ Нифонта въ Печерскій монастырь). Но съ половины XII в. епископы въ Новгородѣ дѣлаются выборными, и хотя на первыхъ порахъ высказывается партія, расположенная къ прежнему порядку, но она потерпѣла поражение, и съ тѣхъ поръ выборъ епископовъ (съ 1168 г. они получили санъ архіепископовъ) сдѣлался достоиніемъ вѣча²⁾. Послѣ разсужденій на вѣчѣ, обыкновенно избирали трехъ кандидатовъ, и изъ нихъ уже избирался архіепископъ, посредствомъ жребія. Сдѣлавшись такимъ образомъ однимъ изъ органовъ вѣчеваго порядка, архіепископъ сталъ въ зависимаго отношенія къ гражданамъ. Храмъ св. Софіи былъ центральнымъ пунктомъ политической жизни Новгорода, а архіепископъ новгородскій стоялъ во главѣ каждого общественнаго предпріятія. Въ борьбѣ съ врагами новгородцы сражались за св. Софію и вел. Новгородъ. Даже въ то время когда значеніе Москвы, какъ первенствующаго княжества, ясно обозначилось (при Василии Дмитріевичѣ), новгородскій архіепископъ (Іоаннъ), по требованію гражданъ, благословилъ ихъ на борьбу съ Москвою³⁾. Правда, послѣ этого митрополитъ вызвалъ его въ Москву, обвинилъ въ недостаткѣ смиренія и заставилъ отказаться отъ кафедры. Передъ паденіемъ Новгорода, не смотря на безхарактерность архіепископа Теофила, онъ, до известной степени, участвовалъ въ движеніи, направленномъ противъ Москвы, за что, послѣ завоеванія города Іоанномъ III, былъ лишенъ своего имущества и сосланъ въ Чудовскій монастырь. Патрона Москвы, св. Сергія, въ Новгородѣ стали почитать только при Василиѣ Темномъ, когда архіепископъ Іона, отправившись въ Москву,

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 165, 149; II, 127; Истор. Рязан. княж. Иловайскаго, 149, примѣч.

²⁾ Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 266—267.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 77.

чтобы заступиться за свободу своего города передъ суровымъ княземъ, далъ обѣтъ выстроить въ Новгородѣ первый храмъ св. Сергію ¹⁾.

Главная отрасль дѣятельности новгородцевъ,—торговля, была поставлена подъ покровительство религіи. Какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, составлялись торговыя компаніи, которыя сосредоточивались возлѣ какого-нибудь храма, при которомъ хранились счетныя книги, товары, мѣры, вѣсы. Иногда торговыя корпораціи строили церкви съ нарочною цѣлью (св. Пятницы въ Новгородѣ, Ивановское купечество группировалось около церкви св. Ивана на Опокахъ) ²⁾. При такомъ значеніи церкви въ жизни Новгорода, весьма естественно, что его іерархія отличалась богатствомъ; (кромѣ угодій, звѣриныхъ и рыбныхъ ловаль и населенныхъ земель, архіепископъ владѣлъ городами и волостями ³⁾); но новгородское духовенство не было освобождено отъ обязанности нести общественныя повинности. Важнѣйшими повинностями въ древней Россіи были—военная и городская, и въ обѣихъ икъ участвовалъ новгородскій архіепископъ. У него былъ свой полкъ, съ особымъ знаменемъ, составленный на счетъ софійской казны. Онъ обязанъ былъ мостить дорогу на Софійской сторонѣ чрезъ всю крѣпость и содержать волховскій мостъ въ исправности ⁴⁾. Заботы архіепископовъ о починкѣ моста и городскихъ стѣнахъ постоянно отмѣчаются въ лѣтописи. Для этой цѣли они даже собирали нарочную сумму ⁵⁾. Во время физическихъ и общественныхъ бѣдствій и во время войнъ архіепископы принимали дѣятельное участие въ пожертвованіяхъ, а вѣче нередко прибѣгало къ пособію софійской казны ⁶⁾. Считая духовенство

¹⁾ Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 314.

²⁾ Ibid. 224, 401. Устройство Новгород. іерархіи, въ Правосл. соб. 1863 г. I, 275—277.

³⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 101, 143.

⁴⁾ Малковскій, во Временникѣ, XII, 8—17.

⁵⁾ Полн. собр. рус. лѣт. Новгород. I-я, гг. 6839, 6841—6843; 6998; III-я, гг. 6839, 6872, 6998.

⁶⁾ Въ 1230 г., во время язвы, архіепископъ Спиридонъ построилъ свудельницу для умершихъ; въ 1391 г. соф. казна выдала послучаю пожара 5000 руб.; въ 1428 г., для выкупа плѣнныхъ у Витовта, Новгородъ далъ 5000, а архіепископъ Евонмій отъ себя 1000 р. Въ 1386 г. Новгородъ долженъ былъ заплатить Дмитрію Донскому 8000 р. откупа, изъ которыхъ 3000 взято изъ софійской казны. Полн. собр. рус. лѣт. I, 46, III, 238; IV, 94; 98. Устройств. новгород. іерархіи. Правосл. соб. 1863, I, 263—266.

тѣсно связанности съ гражданской жизнью, новгородцы не принимали въ свои приходы ни поповъ, ни остальнаго причта безъ предварительнаго взноса (15—30 руб.), хотя бы они были и съ хорошею рекомендаціею отъ архіепископа ¹⁾. Отсюда видно, что въ жизни свободныхъ областей привилегированное положеніе духовенства было совершенно неразвито; «здѣсь іерархія совершенно сливается съ земствомъ» ²⁾. Участвуя въ избраніи важнѣйшихъ органовъ своей политической жизни (князя, архіепископа, должностныхъ лицъ), новгородцы распространяли на всѣхъ ихъ равное право отчетности. Недовольные архіепископомъ, они удаляли или изгоняли его точно такъ же, какъ и остальныхъ выборныхъ лицъ ³⁾. Притомъ только въ Новгородѣ сохранялся древній обычай церкви избирать епископовъ не только изъ монаховъ, но и изъ благаго духовенства ⁴⁾.

Еще въ болѣе зависимомъ положеніи отъ вѣча духовенство представляется во Псковѣ. И тамъ средоточіемъ общественной жизни города былъ храмъ—Троицы; но отсутствіе іерархической власти въ противоположность Новгороду (Псковъ завасѣлъ отъ новгородскаго епископа въ силу древняго положенія Пскова, какъ пригорода Новгорода), привело здѣсь къ болѣе крайнимъ результатамъ. «Псковское земство стремилось окончательно разрушить корпоративное устройство духовенства, основанное на канонахъ церкви, обезличить его и подвести подъ общій земскій уровень» ⁵⁾. Распорядителемъ церковныхъ суммъ и церковныхъ дѣлъ былъ староста, избранный общиною и находившійся подъ ея контролемъ; а община считала себя въ правѣ распорядиться церковнымъ имуществомъ по произволу ⁶⁾. За неимѣніемъ отдѣльнаго епископа, Псковъ сосредоточился около собора городского духовенства, съ благословенія котораго велись общественныя дѣла. Въ титулѣ Пскова вмѣсто имени архіепископа стояло священство: намѣстникъ вел. князя, посадникъ псковскіе, все божіе священство и весь Псковъ—вотъ формула, освящавшая рѣшеніе вѣча. Организациа псковскаго духовенства

1) Стоглавъ.

2) Устройство новгород. іерар. Православ. соб. 1863, I, 260.

3) Въ 1211 г. изгнанъ Митрофанъ; въ 1220 г. удаленъ его пріемникъ Антоній; въ 1228 изгнанъ—Арселій, *ibid.* 185, и Костомаровъ, II, 267.

4) Макарій, III, 206. Костомаровъ, II, 279.

5) Устройство новгород. іерархія, Правосл. собес. 1863, I, 284.

6) *Ibid.* 277. Полн. собр. русск. лѣт. IV, 238.

была только подобіемъ земскаго порядка: какъ народъ раздѣлялся на нѣсколько корпорацій, такъ и духовенство распредѣлялось по соборамъ, которыхъ было сначала пять, а потомъ семь, и которые изъ среды себя избирали старшинъ, руководившихъ соборными дѣлами. Когда городское духовенство стало тѣснить сельское излишними налогами (фактъ полов XVI в.), то оно избрало себѣ особаго старшину¹⁾. Мы видѣли, что адѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Новгородѣ, вѣче заявило себя вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. Когда въ 1495 г., во время войны съ вѣнцами, духовенство стало доказывать вѣчу, что съ церковныхъ земель не слѣдуетъ брать воинновъ, то нѣкоторыхъ поповъ и діаконовъ обезчестили на вѣчѣ, а другимъ угрожали даже кнутомъ²⁾. Наконецъ земство дошло до того, что подчинило духовенство общему суду и стало судить духовныхъ лицъ на вѣчѣ. Это побудило митрополита Кипріяна (въ 1395 г.) вступаться за права духовенства³⁾. При земскомъ значеніи послѣдняго, вполнѣ естественно встрѣчать извѣстіе объ участіи псковскихъ священниковъ въ войнахъ съ оружіемъ въ рукахъ⁴⁾.

Стремленіе Новгорода къ утвержденію самостоятельности своей церкви съ одной стороны, а съ другой постоянныя старанія московскихъ митрополитовъ удержать ее въ подчиненіи—естественно вели въ взаимнымъ столкновеніямъ, которыя были тѣмъ чувствительнѣе для новгородской свободы, что московскіе князья въ покорности Новгороду митрополиту видѣли утвержденіе собственнаго вліянія на него. Въ 1341 г. на Новгородъ сдѣлалъ наѣздъ митр. Феогностъ (въ лѣтописи замѣчено: *зрелъ*), съ огромною святою. Его пребываніе въ Новгородѣ дорого обошлось архіепископу и монастырямъ, которые обязаны были доставлять содержаніе всей святи митрополита и поднести ей приличныя подарки⁵⁾. Но въ 1353 г. лѣтописецъ заявляетъ уже о наслѣдствѣ отъ того же Феогноста при собраніи пошлени, въ слѣдствіе чего архіеп. Моисей обращался съ жалобою къ патр. Филоою и импер. Іоанну Кантакузеву. Чтобы задобрить архіепископа, изъ Константинополя прислали ему вращатныя ризы и грамоту съ золотою печатью—въ знакъ почета; хотя

1) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 306.

2) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 269.

3) Акты истор. I, № 9.

4) Полн. собр. русск. лѣт. V, 13.

5) Полн. собр. рус. лѣт. III, 80—81.

изъ дальнѣйшихъ событій не видно чтобы отношенія митрополита къ Новгороду улучшились. При митр. Киприанѣ прежнія столкновенія повторились, послѣ чего новгородцы написали грамоту и подписали торжественную клятву—не принимать суда митрополита, а чрезъ семь лѣтъ отвергли и патриаршую грамоту, подтверждавшую за митр. Киприаномъ право на церковный судъ въ Новгородѣ. За это Киприанъ наложилъ на Новгородъ анафему и отнесся къ патриарху. Новгородцы также обратились къ послѣднему; но патриархъ настойчиво поддерживалъ митрополита, приказавъ имъ во всемъ повиноваться Киприану ¹⁾. Это покровительство объясняется тѣмъ, что Киприанъ и самъ находился въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Константинополю, который нуждался въ его помощи ²⁾. Какъ важно было для Новгорода отстаивать независимость своей церкви, видно изъ того, что въ сношеніяхъ съ патриархомъ новгородцы угрожали ему, на случай неисполненія ихъ требованія, принять католицизмъ. Но патриархъ настоялъ на своемъ и въ 1401 г. архіеп. Іоаннъ поѣхалъ въ Москву для совѣщаній съ митрополитомъ о церковныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало, а напротивъ, митрополиты, по своимъ дѣламъ, сами ѣздили въ Новгородъ. Впрочемъ въ XV в. Новгородъ воспользовался на нѣкоторое время независимостью отъ московской церкви. Раздѣленіе митрополіи на восточную и западную произвело свое дѣйствіе: архіеп. Евѣимій II принялъ въ 1434 г. посвященіе отъ Герасима, митр. западной Россіи, и въ теченіе 20 лѣтъ не сносялся съ Москвою. Но подозрѣніе западныхъ митрополитовъ въ уніи, послѣ Флорентійскаго собора, постоянно служило препятствіемъ къ продолженію отношеній, начавшихся при Евѣиміѣ, и было однимъ изъ поводовъ къ сохраненію церковнаго единства съ Москвою, передъ паденіемъ Новгорода ³⁾.

Обращаясь къ Пскову, мы увидимъ, что здѣсь существовали подобныя же явленія, только въ болѣе крайнихъ формахъ. Замѣчательно, что духовное правительство Новгорода, такъ тяготившееся отношеніями къ московскому митрополиту, поступало въ Псковѣ не лучше

1) Ibid. 86, 228; Никонов. лѣтоп. IV, 146, 195, 200, 201, 252—255; Карамзинъ, V, примѣч. 149. Изъ Никоновской лѣтописи видно, что Новгородцы въ 1394 г. заплатили Киприану 600 руб. и 350 руб. *долгу, сдѣланнаго въ Константинополь ею послами.*

2) См. выше, стр. 290.

3) Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 274—276.

последняго. Вместе съ улучшеніемъ благосостоянія города, псковитяне стараются достигнуть политической и церковной независимости отъ Новгорода. Уже въ началѣ XIV в. упоминается о разрывѣ (1307 г.) между Псковомъ и новгород. архіеп. Феогностомъ. Въ 1337 г. псковитяне отказали въ судѣ архіеп. Василию, который паложилъ за это проклятіе на весь городъ. Эта вражда продолжалась до 1352 г., когда открылся моръ во Псковѣ. Налуганные бѣдствіемъ, псковитяне отправили по сольство въ Новгородъ за благословеніемъ и покорился архіепископу. Они особенно были недовольны тѣмъ, что новгородскіе архіепископы завѣдывали церковными дѣлами во Псковѣ посредствомъ новгородцевъ. Поэтому, не будучи въ состояніи на всегда устранить послѣднихъ отъ управленія при существующемъ порядкѣ, вѣче, по смерти архіеп. Моисея, старалось получить для Пскова отдѣльнаго епископа; но и это предположеніе не увѣнчалось успѣхомъ. Конечно, болѣе всѣхъ тяготилось налогами въ пользу архіеп. новгородскаго—духовенство; но, при земскомъ значеніи послѣдняго, вѣче постоянно защищало его отъ поборовъ. Въ 1111 г. архіеп. Іоаннъ прислалъ отъ себя во Псковъ требовать дани съ поповъ; а граждане отвѣчали ему, что онъ можетъ взять ее, когда самъ прійдетъ, по старому обычаю. При Евѣиміѣ (1434) это неудовольствіе опять окончилось временнымъ разрывомъ. Псковитяне выражали неудовольствіе на то, что онъ управляетъ черезъ своихъ приближенныхъ, которые берутъ съ духовенства лишнее, сажаютъ поповъ и діаконствъ (послѣднимъ доставалось болѣе другихъ) подъ стражу; наконецъ эти споры разразились дракою между псковитянами и свитою архіепископа (софіянами). Евѣимій выѣхалъ изъ Пскова, надѣлавъ много убытка игуменамъ и попамъ ¹⁾. Вотъ почему псковскіе лѣтописцы отмѣчаютъ какъ факты, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ явленій, когда архіепископъ проживалъ во Псковѣ законный мѣсяцъ своего суда ²⁾. При преемникѣ Евѣимія—Іонѣ распри подымались нѣсколько разъ и продолжались даже при архіепископѣ Геннадіѣ, назначенномъ въ Новгородъ уже отъ Москвы. Замѣчательно, что тѣже архіепископы, которые удостоились въ глазахъ Новгорода полного уваженія и священной памяти (Іона), въ псковской лѣтописи представляются, какъ

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣт. III, 78; IV, 53, 201, 209; V, 28.

²⁾ Ibid. IV, 254.

сребролюбцы и притѣснители ¹⁾. Эта ненависть къ новгородскимъ архіепископамъ иногда доходила до того, что вѣче запрещало своимъ попамъ служить съ ними, а просвирницамъ—печь просфоры для ихъ служенія ²⁾.

Очевидно, что пребываніе московскихъ митрополитовъ въ Новгородѣ отражалось во Псковѣ; а новгородскій архіепископъ игралъ здѣсь такую же роль относительно митрополита, какъ послѣдній въ отношеніи къ патриарху Псковитяне обращаются съ жалобами въ Мосеву; они готовы признать непосредственное вліяніе митрополита; добиваются отъ него самостоятельности въ лицѣ отдѣльнаго епископа; а новгородскіе архіепископы, среди этихъ опасеній, ищутъ въ Москвѣ защиты. И какъ патриархи считали для себя неудобнымъ отдѣленіе новгородской церкви отъ московской; такъ московскіе митрополиты постоянно препятствовали отдѣленію Пскова отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи.

Но, при политическомъ устройствѣ Пскова и по преимуществу гражданскомъ положеніи его духовенства, рядъ этихъ неудачъ могъ привести только къ дальнѣйшему развитію существующаго порядка. Получивъ отказъ въ выборѣ отдѣльнаго епископа, псковитяне пришли къ замѣчательному церковному устройству. На вѣчѣ 1469 г. духовенство пяти соборовъ и всѣ монахи предложили установить пресвитерьяльное правленіе. Граждане согласились съ ними и немедленно выбрали на вѣчѣ двухъ священниковъ, которымъ поручили всѣ церковныя дѣла, а для руководства ихъ была составлена, на основаніи Номоканона, подробная грамота. Впрочемъ пресвитерьяльное правленіе просуществовало только годъ. Новгородскій архіеп. Теофиль сообщилъ объ этомъ нововведеніи митрополиту, и при ихъ совмѣстномъ дѣйствіи грамота была уничтожена ³⁾. Но прежній духъ продолжалъ господствовать въ Псковѣ; его не уничтожило и московское владычество. Не смотря на переселенія въ Москву и время, такъ часто стирающее остатки древнихъ учрежденій, прежній духъ часто пробивался тамъ. Уже во второй половинѣ XVII в., когда во Псковѣ была самостоятельная епархія, тамошній мѣтр. Маркелъ два раза (1685 и

¹⁾ Ibid. IV, 234.

²⁾ Ibid. IV, 287.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. IV, 232—233.

1688) жаловался царю, что въ Псковской области архіереи не имѣютъ власти, а всѣмъ владѣютъ мужики; они располагаютъ церковными имуществами; отчета не даютъ; архіерея и его чиновниковъ не слушаютъ и безчестятъ, и отъ того церковная казна пропадаетъ съ давнихъ лѣтъ¹⁾. Вообще до XVIII в. еще видно сильное вліяніе гражданъ на духовенство, доходившее иногда до совершеннаго порабощенія послѣдняго²⁾.

Мы прослѣдили рядъ одинаковыхъ явленій въ болѣе обширныхъ предѣлахъ, чѣмъ это относится къ рассматриваемому нами вопросу, желая съ большею ясностію опредѣлить послѣдній. Политическое устройство Новгорода и Пскова очевидно имѣло большое вліяніе на характеръ ихъ церкви: она приняла черты общественнаго порядка. Въ Новгородѣ, при всемъ томъ, она имѣла вполнѣ іерархическое устройство, въ слѣдствіе существованія тамъ съ древнѣйшихъ временъ іерархической власти; во Псковѣ она принимаетъ иногда болѣе крайнія формы, по причинѣ политическаго соперничества съ Новгородомъ и отсутствія іерархіи. Но и въ Новгородѣ главную статью въ избраніи архіепископа составляетъ самый выборъ. Новгородцы никогда не берутъ епископовъ изъ другихъ областей, а избравши не смѣшатъ съ посвященіемъ, считая съ своей стороны все дѣло оконченнымъ. Бывали случаи, что избранный архіепископъ не посвящался годъ, два, пять лѣтъ (Евѣмій II), а иногда и до конца жизни оставался безъ посвященія (Арсеній, Θεодосій), хотя и въ томъ и въ другомъ случаѣ они иногда избирались изъ простыхъ монаховъ, необлеченныхъ ни въ какой духовный санъ (Арсеній, Евѣмій I). Заслуживаетъ вниманія также, что по большей части епископы избирались изъ лицъ менѣе важныхъ по своему положенію (только одинъ Моисей изъ архимандритовъ) и нерѣдко, какъ мы уже упоминали, изъ блага духовенства³⁾. Изъ этого видно, что въ Новгородѣ далеко не было тѣхъ высокыхъ и опредѣленныхъ понятій о іерархической власти, какія встрѣчаются въ другихъ областяхъ Россіи, что еще болѣе поддерживалось зависимыми отношеніями къ московскому митрополиту. Право мѣсячнаго суда и частыя требованія пошлинъ со стороны послѣдняго тяже-

¹⁾ Акты истор. V, № 122, 172.

²⁾ Акты историч. V, *ibid.*

³⁾ Костомаровъ, II, 279—289.

ло ложились на низшее духовенство и отчасти гражданъ, а это естественно вызывало неудовольствіе какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, и нерѣдко было причиною продолжительнаго разрыва съ митрополитомъ, выражавшагося между прочимъ въ игнорированіи посвященія вновь избранныхъ архіепископовъ. Финансовыя отношенія къ митрополиту были причиною налоговъ и поборовъ со стороны архіепископа на подвластномъ ему духовенствѣ¹⁾. Во Псковѣ эти отношенія чувствовались еще сильнѣе; потому что на его духовенствѣ лежалъ такой же мѣсячный судъ—въ пользу новгородскаго архіепископа, при чемъ новгородцы конечно старались часть своихъ убытковъ, въ пользу московскаго митрополита, переложить на Псковъ. Изъ нѣсколькихъ позднихъ фактовъ видно, что плата за посвященіе съ низшаго духовенства вызвала постоянныя неудовольствія, какъ во Псковѣ, такъ и въ Новгородѣ²⁾. Вотъ та дѣйствительная почва, на которой образовалось ученіе стригольниковъ; а существовавшія понятія о іерархической власти, развившіяся уже на политической почвѣ, дали ему обильную пищу. Этимъ объясняется, почему оно открылось въ Псковѣ, а представителями его были лица, принадлежащія къ нижней іерархіи (діаконы) и простые граждане. Замѣчательно также, что въ Новгородѣ, гдѣ въ этомъ движеніи первоначально могли видѣть подрывъ церковной зависимости Пскова отъ архіепископа, еретики потерпѣли поражение и были казнены; но вслѣдъ за тѣмъ ересь стала быстро распространяться. Даже рядъ преслѣдованій, поднятыхъ противъ нея, не могъ сломить этого движенія, которое только на время скрылось отъ глазъ преслѣдователей.

Во второй половинѣ XV в. толки стригольниковъ снова пробиваются, а современники соединяютъ ихъ съ такъ-называемою ересью жидовствующихъ. Здѣсь очевидна преемственность двухъ ученій, которая еще болѣе уясняется ихъ духомъ. Вскорѣ послѣ завоеванія Новгорода (1490) туда былъ назначенъ архіепископомъ Геннадій, родомъ изъ московскихъ бояръ. Онъ открылъ въ Новгородѣ ересь и нашелъ средство ея съ стригольниками. Дѣло было такъ: Возлѣ Новгорода, въ

¹⁾ Въ житіи Михаила Клопскаго о Евѣиміѣ I замѣчено: «Случалась и нужда монастырю отъ архіепископа: иногда отъ насилія сребролюбія, иногда отнятіемъ монастырскихъ лошадей».

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. III, 170; IV, 234; VI, 244.

одномъ изъ небольшихъ монастырей, былъ игуменомъ — монахъ Захаръ. Однажды донесли на него Геннадію, что онъ не даетъ своимъ монахамъ причастія. Геннадій потребовалъ его къ себѣ. На вопросъ — почему онъ не даетъ имъ причастія — Захаръ отвѣчалъ: »А у кого причащаются? попы поставлены на мзду; да и митрополитъ и епископы также ставятся на мзду«. Геннадій возразилъ ему, что митрополиты не ставятся на мзду; на что Захаръ опять отвѣчалъ: »Когда митрополитъ ходилъ посвящаться въ Константинополь, — онъ давалъ патриарху деньги; а теперь онъ даетъ боярамъ посулы тайно, а епископы даютъ деньги — митрополиту; — такъ у кого причащаются? Изъ этого Геннадій заключилъ, что Захаръ — стрюльникъ, и сослалъ его въ пустыню. Но изъ Москвы пришло рѣшеніе отпустить Захара въ монастырь, взявъ съ него запись, что онъ будетъ исполнять всѣ православные обряды. Захаръ далъ запись; но еще болѣе прежняго заявилъ себя отступничествомъ. Теперь онъ сталъ распространять по городамъ свои грамоты въ которыхъ жестоко издѣвался надъ Геннадіемъ и называть его еретикомъ ¹⁾. И такъ дѣйствовалъ не одинъ Захаръ: еретики, порицая священные предметы, направляли свои насмѣшки по преимуществу на представителей церкви, посылая имъ оскорбительныя посланія и нечестныя подарки ²⁾. Въ составѣ новгородской ереси значительный элементъ принадлежалъ низшему духовенству. Иосифъ Волоцкій насчитываетъ въ началѣ ереси 13 именъ поповъ, діаконовъ и низшаго клира, прибавляя при этомъ, что кромѣ названныхъ въ ней участвовало еще много поповъ ³⁾. Изъ этого видно, что въ новгородской ереси крылись тѣ же причины іерархическія, которыя были выставлены ересью стрюльнянниковъ. Но къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, касавшееся быта низшаго духовенства. Въ теченіе XIV и XV вв. постоянно пробивалось стремленіе лишить вдовыхъ поповъ и діаконовъ права служенія (распоряженія митр. Петра, Фотія, Θεодосія, архіеп. Геннадія). Правда, въ 1468 г. исковитяне потерпѣли неудачу, когда ихъ вѣче ввело у себя эту мѣру, а новгород. архіеп. Іона хотѣлъ даже отлучить ихъ за самовольный поступокъ, и только митрополитъ убѣдилъ его оставить намѣреніе. Вдовцы легко получали прежнее право

¹⁾ Акты экснад. I, 482.

²⁾ Просвѣтитель, 572—573.

³⁾ Ibid. 44, 45.

за известную плату архіепископу¹⁾. Но въ этомъ случаѣ имъ помогли скорѣе церковныя отношенія Пскова къ архіепископу, который хотѣлъ отстаивать свое право. Изъ внимательства митрополита не видно, чтобы самый вопросъ имѣлъ въ то время защитниковъ. Въ началѣ XVI вѣка онъ снова возникъ и получилъ тогда уже всеобщее примѣненіе. На соборѣ 1503 г. было запрещено служить вдовымъ понамъ и діаконамъ, исключая тѣхъ, которые примутъ монашество. Если же взять во вниманіе, что весь соборъ состоялъ изъ представителей монастырей²⁾ съ Іосифомъ Волоколамскимъ во главѣ, взглядъ котораго на очистительное значеніе монашества намъ извѣстенъ, и что противъ рѣшенія этого собора были общіе противники Іосифа—ученики Нила, то легко понять, почему вопросъ о вдовыхъ погахъ былъ рѣшенъ въ этомъ смыслѣ³⁾.

Конечно, тѣ, къ кому относились эти мѣры, не могли быть довольны такимъ рѣшеніемъ. Положеніе блага духовенства, сравнительно съ чернымъ, представляетъ рѣзкій контрастъ. Какъ и всѣ служебныя отношенія въ то время, духовныя обязанности составляли предметъ *кормленія*. Церковныя мѣста, не представляя особенныхъ выгодъ, привлекали только крестьянъ и простыхъ гражданъ («*мужиковъ*»), которые думали этимъ путемъ избѣжать гражданскихъ повинностей. Уже въ XV в. летописецъ жалуется на множество лишнихъ церквей и поновъ, которые бѣгутъ въ духовное званіе отъ работы⁴⁾. Дѣйствительно, въ то время, какъ на далекомъ сѣверѣ чувствовался це-

1) Полн. соб. рус. лѣт. V, 35; IV, 234.

2) См. отнош. Кирил. и Іосиф. монаст. Твор. св. отц. годъ IX, кн. III, с. 505.

3) Поводомъ къ такому распоряженію была выставлена безнравственная жизнь вдовцовъ, которые содержали при себѣ наложницъ. Обличенныхъ въ этомъ велѣно было отрѣшиться отъ должности, а остальнымъ запретить служеніе, съ оставленіемъ за ними права состоять въ клирѣ и получать $\frac{1}{4}$ часть дохода. Но поступленіе въ монастырь сохраняло за ними и право служенія. См. Предисл. къ посл. Скрипицы, Чтен. Моск. общ. ист. 1848, № VI. Рѣшительный голосъ по этому вопросу на соборѣ Вассіанъ Патрикѣевъ приписываетъ Іосифу Волоколамскому. «А ты, говоритъ онъ Іосифу, презрѣвъ святыя правила, по страсти, ради челоуѣкоугодія, приговорилъ всѣмъ вдовцамъ—не служить, и чистымъ, и нечистымъ». Прав. соб. 1863, III, 207. Стоглавый соборъ подтвердилъ постановленіе собора 1503, что сохранялось до собора 1667 г.

4) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 186; Акты историч. I, № 105.

достатокъ въ клирѣ ¹⁾; въ центральныхъ пунктахъ онъ размножился до громадныхъ размѣровъ. Въ концѣ XVII в. бывали приходы, въ которыхъ на 15 дворовъ приходилось по два попа; а при болѣе значительныхъ отъ 6—8 ²⁾. Замѣчательно, что размноженіе клира объяснялось иногда вѣрыстолюбивыми цѣлями со стороны посвящающихъ ³⁾. При такомъ порядкѣ вещей, экономическое состояніе бѣлаго духовенства была крайне незавидно. Въ то время, какъ монастыри владѣли огромною поземельною собственностью, мірскія церкви были обезпечены далеко хуже ⁴⁾, не говоря о другихъ средствахъ, вполне достававшихся на долю монастырей, благодаря глубокому уваженію къ нимъ ⁵⁾. Плохо обезпеченные, попы нерѣдко встрѣчались въ толпахъ просителей милостыни или въ воровскихъ ватагахъ ⁶⁾. Слѣдовательно рѣшеніе собора 1503 г., на долго установившее неблагоприятный взглядъ на вдовыхъ поповъ и діаконовъ (загрѣпленный Стоглавымъ соборомъ), должно было отразиться на послѣднихъ самымъ невыгоднымъ образомъ. Странно было-бы, еслибы такое рѣшеніе не вызвало неудовольствія въ той средѣ, къ которой оно относилось.

Протестъ былъ написанъ вдовымъ попомъ Георгіемъ Скрипицею на имя всего духовнаго собора; и хотя онъ величаетъ здѣсь епископовъ »земными серафимами«, »плотскими ангелами«, »небесными людьми«, но относится къ ихъ дѣятельности съ безусловнымъ порицаніемъ. Рисуя сначала высокое значеніе представителей церкви, онъ почти не находитъ соотвѣтствія ему дѣйствительности. Изложивъ незаконность приведенной мѣры на основаніи буквального толкованія церковныхъ правилъ, подсудимый обращается къ членамъ собора съ смѣлою рѣчью:

¹⁾ См. выше, гл. IV.

²⁾ Грамоты рязан. края. 168. Акты экспед. IV, № 322.

³⁾ Полн. собр. законовъ, V, № 2, 985.

⁴⁾ См. выше, гл. IV, стр. 209.

⁵⁾ Между тѣмъ, какъ монашествующіе, по словамъ Посошкова, носили штофныя и атласныя рясы, бѣлое духовенство ходило въ гнусныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ некрашенныхъ сукнахъ, короткомъ платьѣ и въ лаптяхъ. Иной священникъ надѣнетъ златотканную одежду, а подъ нею видны растоптанные лапти и кафтанъ, имѣющій гнусный видъ. 30, 31, 132. Въ XVII вѣкѣ попы жаловались, что имъ нечѣмъ кормиться, нѣтъ ни лошадей, ни хлѣба, а купить не за что. Акты историч. II, № 126; Грам. Рязан. края, 168.

⁶⁾ Костомаровъ, Очеркъ нравовъ Великорус. народа.

»Вы положили вражду между собою и священниками, и потому какъ вы дерзаете входить въ святой алтарь? Епископъ, священникъ или діаконъ, если имѣеть къ кому вражду,—не имѣеть права войти въ алтарь, а вы посѣяли вражду между многими. По вашему нерадѣнію и невниманію къ своей обязанности случилось, что вдовыя попы и діаконы стали жить съ наложницами. Вы ихъ не обличали и не отлучали отъ сана, и потому они предались еще большому безстыдству; а другіе принимаютъ священство ради выгодъ. Зачѣмъ вы смѣшали злыхъ съ добрыми? Не отдѣливъ злыхъ отъ добрыхъ—велите священствовать, если примуть монашество. И то, и другое противъ постановленій отцовъ церкви. А вы знаете, какая честь воздается священникамъ отъ Бога, если они могутъ своимъ словомъ вязать и разрѣшать. Вамъ извѣстно, господа, что всякій священникъ носитъ на своемъ языкѣ праведный огонь: кого проклянетъ—проклять; кого благословить—благословить. А вы, господа, всѣхъ священниковъ и діаконовъ, безъ испытанія, осудили: который попь имѣеть жену—чистъ, не имѣеть жены—нечистъ, а монахъ, хотя и не имѣеть жены—чистъ. Скажите, господа, какимъ духомъ вы прозрѣли чистыхъ и нечистыхъ? Чѣмъ вы испытывали чистъ-ли попь съ женою или безъ жены, чистъ-ли монахъ или женатый священникъ. Какъ можно звать человека безъ свидѣтелей? Вамъ, господа, прилично обличать явные грѣхи и отлучать виновныхъ отъ священства, а тайнымъ грѣхамъ Богъ судья. Ни правила апостоловъ, ни отцовъ церкви, вдовыхъ поповъ не осуждаютъ¹⁾. Вы же поселили раздоръ въ церкви: попамъ-монахамъ можно служить и въ городахъ и въ селахъ; а вдовымъ, чистымъ попамъ, нельзя служить ни въ пустыняхъ, ни въ городахъ; но у котораго попа есть жена—можетъ служить, потому что священъ онъ чрезъ жену. Послѣ этого кто не удивится и не посмѣется вашему собору даже въ чужихъ земляхъ? Въ латинской вѣрѣ по крайней мѣрѣ положено быть всѣмъ священникамъ безъ женъ; но латины выдумали это правило, помимо церковныхъ постановленій. Отлучивъ вдовыхъ поповъ, вы тѣмъ самымъ обидѣли и остальныхъ: у кого умереть жена, тотъ не можетъ священствовать. Обративъ грѣшника на истинный путь—значить спасти свою душу; а

1) Впрочемъ на Виленскомъ соборѣ 1509 г. подобная мѣра была введена на основаніи примѣра греческой церкви. Предисловіе къ соч. Григор. Скрипицы, Чтен. Моск. общ. истор. 1848, № VI.

погубили всѣхъ до конца». Указавъ незаконность соборнаго рѣшенія и несостоятельность предложеннаго имъ права сохранить санъ черезъ монашество, обличитель переходитъ къ самому управленію епископовъ. »Зачѣмъ вы говорите, продолжаетъ онъ, что вы исполнили свой долгъ, отъ рчи въ вдовыхъ поповъ за то, что они держатъ наложницъ? Отъ кого произошло это зло? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небрежности? Вы не надзираете за священниками и не посылаете по городамъ и селамъ испытывать, какъ его управляетъ своею паствою. Вы управляете духовенствомъ по царскому примѣру, черезъ бояръ—дворецкихъ, недѣльщиковъ, тиуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ, а не по достоинству. Вамъ, господа, прилично управлять церковью черезъ священниковъ, а не посредствомъ войска». Въ заключеніе Григорій Скрипица указываетъ, кто долженъ исправить допущенное злоупотребленіе. »Въ церковныхъ правилахъ сказано: Если кого обидитъ епископъ, пусть исправитъ митрополитъ; если оскорбитъ митрополитъ, пусть исправитъ патріархъ; а если обидитъ кого нибудь патріархъ, или соборъ, то долженъ разсудить царь по правиламъ святыхъ отцовъ»¹⁾. Такъ понимались отношенія духовной и свѣтской власти въ государствѣ, на основаніи принципа, выработаннаго Византіею.

Въ этомъ протестѣ чувствуется глубокое негодованіе на совершившійся фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ при случаѣ задѣваются два другіе вопроса, очевидно лежавшіе на сердцѣ низшаго духовенства; это—безусловное предпочтеніе монашества, и отсюда его первенствующее положеніе, и характеръ духовнаго управленія, принявшаго черты свѣтской администраціи. Но Григорій Скрипица могъ остановиться на одномъ протестѣ; другіе, по склонности человѣческой природы въ дальнѣйшимъ выводамъ, уже заподозрѣвали и самый порядокъ, поддерживающій существующія отношенія. Вотъ почва, на которой развилось анти-іерархическое движеніе въ средѣ низшаго духовенства.

Прослѣдивши рядъ однородныхъ явленій, объясняющихъ одинъ изъ элементовъ цѣлаго движенія, мы должны обратиться къ изслѣдованію другихъ причинъ.

Отвлеченные диспуты, составлявшіе главный элементъ умственной жизни византійскаго общества, далеко не исчерпывали всѣхъ его

¹⁾ Ibid.

интересовъ даже въ той сферѣ, къ которой по преимуществу относились. Поэтому, когда обнаружались недостатки религіозной жизни—ихъ встрѣтили цѣлымъ рядомъ обличеній. Это направленіе усиливается съ XII вѣка (Евстаѳій) и переходитъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ отрицаніе существующихъ формъ (Хризомоль, Нифонтъ). Въ обществѣ появились сатиры на духовенство и ясно обозначилось стремленіе отдѣлить понятіе о духовенствѣ отъ значенія церкви. Обличители того времени упоминаютъ даже объ *атеистахъ*. Сохраняя вполнѣ связь съ церковью, обличители говорятъ о необходимости возвышенія духа религіи надъ *обрядностью*; о преимуществахъ христіанской любви надъ аскетическими подвигами. Хризомоль пошелъ дальше. Онъ признаетъ недостаточность таинствъ самихъ по себѣ, напр. крещенія дѣтей, знанія наизусть священнаго писанія и посѣщенія храмовъ, если человѣкъ не имѣетъ добродѣтели и сознательнаго стремленія къ ней. Касаясь существенныхъ вопросовъ общественной жизни, Хризомоль вооружался также противъ рабской покорности свѣтской власти. Нифонтъ боролся главнымъ образомъ противъ безправственности духовенства и въ пользу преобладанія духовнаго элемента въ религіи надъ формальнымъ. Его идеи нашли большое сочувствіе въ обществѣ, благодаря умственнымъ качествамъ обличителя ¹⁾.

Съ исхода XIV вѣка въ Россіи усиливается книжная дѣятельность, а болѣе частыя сношенія съ Востокомъ расширяютъ предѣлы книжной образованности. Въ это время увеличивается кругъ такъ-называемыхъ *сборниковъ*, которые доставлялись въ Россію русскими путешественниками, странствовавшими на Востокъ съ спеціальною цѣлью книжнаго образованія, и распространялись по Россіи въ большомъ количествѣ, благодаря развитію книжной дѣятельности вмѣстѣ съ распространеніемъ монастырей. Съ этого времени все чаще встрѣчаются въ рукописяхъ сочиненія, представляющія отрицательную сторону религіозной жизни. Въ противоположность существовавшему мнѣнію о происхожденіи зла въ человѣкѣ исключительно отъ діавола—высказывается взглядъ, что злая дѣла слѣдуетъ приписывать волѣ самого человѣка; словесная молитва ставится далеко ниже умственной; неупотребленіе мяса и напитковъ и истомленіе тѣла на жесткой постелѣ и голой землѣ приравняется къ животнымъ, которыя ведутъ такой же образъ

¹⁾ Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ. II, 420—425.

жизни. Постъ долженъ состоять въ удаленіи отъ злыхъ дѣлъ, а не въ отрѣшеніи отъ мяса. Раздача имущества въ монастыри не только не содѣйствуетъ спасенію души, а, напротивъ, вредить ей и противна Богу. Церковь, построенная на богатствѣ, собранномъ насиліемъ,—есть мерзость предъ Богомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ являются переводы обличеній, относящихся къ монастырской жизни (Исаакія, Феодора Студита), въ которыхъ изображаются монахи — сребролюбцы, исполненные гордости и тщеславія; монахи—щеголи, одѣтые въ дорогія ризы и пестрыя ткани, и развѣзжающіе на великолѣпныхъ лошадяхъ въ богатой сбруѣ. Развивая эти мысли далѣе, нѣкоторые уже толковали, что еслибы монашество было угодно Богу, то Иисусъ и его апостолы конечно были-бы монахами. Другія обличенія предостерегаютъ христіанъ отъ безусловной вѣры въ чудеса, знаменія и пророчества, потому что ихъ совершали многіе еретики, и тутъ же, какъ мѣрило добродѣтельнаго челоука, ставятся его добрыя дѣла. Нравственная жизнь предпочитается заступничеству святыхъ, и потому совѣтуется болѣе полагаться на свои дѣла, нежели на однѣ ихъ молитвы. Въ XV в. въ Россіи была уже извѣстна мысль Оригена о несообразности съ милосердіемъ божіимъ вѣчной муки грѣшниковъ, и тогда считали уже необходимымъ опровергать ее ¹⁾.

Одновременно съ утвержденіемъ духовнаго вліянія Византіи на Россію—тамъ господствовали ереси навликіанъ и богомиловъ, составляющихъ отрасль гностиковъ, манихеевъ и мессалианъ. Отсюда онѣ распространились по берегамъ Чернаго моря и въ Болгарію ²⁾, куда занесли съ собою множество апокрифическихъ произведеній. Изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ переводными книгами, апокрифы стали появляться въ Россіи, какъ это видно изъ индекса отреченныхъ книгъ и позднѣйшихъ извѣстій ³⁾; а первыхъ еретиковъ въ Россіи (Адрианъ—XI в. и Дмитрій XII в.) признаютъ также богомилами. При несуществованіи догматической критики, апокрифы, даже съ еретическимъ содержаніемъ, пользовались извѣстнымъ авторитетомъ. Они встрѣчаются въ тогдашнихъ монастырскихъ бібліотекахъ ⁴⁾, и даже такіе поборники православнаго ученія, какъ Ген-

1) Ibid. II, 425—435.

2) Zonara, I, 209. Никонор. лѣт. II, 45.

3) О чтеніи книгъ въ древ. Россіи, Прав. соб. іюль, 1858. Посл. Курбскаго, Прав. соб. 1863.

4) См. Описан. книгъ Степѣн. монаст. въ Чтен. Месѣ. общ. истор.

надій и Макарій, довѣрчиво относились въ апокрифамъ «Снѣгъ» и «Енохъ», принадлежавшимъ сеятамъ снѣганъ и архонтиковъ. Богомильскія апокрифы объ Исаяѣ и Іоаннѣ встрѣчаются также въ Россіи ¹⁾, а въ XIV вѣкѣ появляются уже общія уванія на существованіе еретическихъ сочиненій ²⁾. Вотъ та умственная сфера, въ которой отрицательныя ученія Россіи XV и XVI вв. нашли обильный матеріалъ для своего развитія.

Обращаясь въ содержанію ученія новгородскихъ еретиковъ XV вѣка, мы найдемъ въ немъ соответствующія черты. Эта ересь не имѣетъ определенной системы, такъ какъ въ составъ ея вошли разные элементы. Іоаннъ III, знавшій о еретическихъ толкахъ при дворѣ, свидѣтельствуешь, что не всѣ они были согласны между собою ³⁾. Іосифъ говоритъ, что было много ересей ⁴⁾. И онъ, и Геннадій отличаютъ такимъ образомъ нѣсколько толковъ: саддукейство (которое находили и у стригольниковъ), ученіе маркіанъ, мессалианъ и іудейскій элементъ (жидовство), давшій названіе всей ереси болѣе по внѣшней сторонѣ ея. Извѣстно, что Маркіанъ, вслѣдъ за учителемъ своимъ Кердономъ, видѣлъ въ ветхомъ завѣтѣ злое начало, и, подобно Сатурнину, проповѣдывалъ необходимость умерщвленія плоти посредствомъ поста и воздержанія отъ чувственныхъ удовольствій; мессалиане же, какъ и евхиты, отвергали церковную обрядность, даже крещеніе, и полагали, что въ каждомъ чловѣкѣ есть злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять постомъ и молитвою. Несомнѣнно также, что въ составъ русской ереси вошло ученіе богомиловъ, такъ какъ Геннадій, одинъ изъ обличителей ея, просилъ разыскать ему въ монастыряхъ посланіе патр. Фотія къ болгарскому князю Борису и обличеніе Козмы противъ богомиловъ, которыя были въ рукахъ у ерети-

1848, № VI, вниги Троиц. лавры. Много апокрифич. сборниковъ хранилось въ кирилловск. библ. Правосл. обзор. 1862, июнь, О новгород. еретикахъ, 187, примѣч.

¹⁾ Четыи Минеи Макарія (гдѣ помѣщена книга: Енохъ) и посл. Геннадія къ Іоасафу, Чт. Моск. общ. ист. 1847, № VIII, и ср. выше стр. 49.

²⁾ Въ индексѣ, О чтен. книгъ въ древ. Россіи, Правосл. соб. 1858.

³⁾ Посл. Іосифа къ ярким. Митрофану, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № I.

⁴⁾ Просвѣтитель, 59, 60.

ковъ ¹⁾. Въ самой ереси мы встрѣчаемъ подходящія черты, напр. отверженіе церковной обрядности и таинствъ, и въ то же время строгій постъ, которымъ еретики многихъ привлекали къ себѣ. Но эти черты не составляли общихъ основаній для каждаго, кто слѣдовалъ тому или другому ученію. Въ дѣйствительности скорѣе замѣчается смѣсь ученій, которая была естественна, такъ какъ послѣднія образовались подъ вліяніемъ многихъ, совмѣстно существовавшихъ причинъ. При томъ до насъ не дошли самыя сочиненія еретиковъ, которыя значительно уяснили бы происхожденіе такой смѣси ученій, а обличители только заботились о догматическомъ опроверженіи и потому не всегда вѣрны исторически.

Болѣе другихъ обратилъ на себя ихъ вниманіе—элементъ іудейскій, потому что онъ ближе былъ къ пониманію, по своей внѣшней сторонѣ и историческому происхожденію, тогда какъ остальные требовали философскаго изслѣдованія предмета. Іудейскій элементъ ереси видѣнъ въ включеніи къ ветхому завѣту: нѣкоторые изъ еретиковъ приняли обрѣзаніе, еврейскіе обряды, іудейскій календарь и праздновали іудейскую пасху. Послѣдователи этого толка старались оправдать свое ученіе на основаніи ветхаго завѣта, и потому особенно направляли свои толкованія на пророческія книги и псалмы Давида, какъ наиболѣе важныя для подтвержденія событій новозавѣтной церкви ²⁾.

Начало собственно «жидовствующей» ереси относятъ ко времени возникновенія въ Новгородѣ литовской партіи, незадолго до паденія города. Желая отстоять свою свободу отъ притязаній московскаго князя, новгородцы, съ согласія короля Казимира, пригласили къ себѣ брата кievскаго князя Семѣна—Михайла Александровича, съ которымъ прибыли въ Новгородъ евреи по торговымъ дѣламъ (1471). Ихъ называютъ первыми распространителями «жидовства» между новгородскимъ духовенствомъ (къ нимъ ходили поны Алексѣй и Гавріиль) ³⁾. Мы видѣли, что торговля въ Новгородѣ находилась подъ покровительствомъ церкви: при храмахъ хранились тамъ товары, вѣсы и мѣры. Отсюда объясняется первоначальное сближеніе еврейскихъ купцовъ съ духовен-

¹⁾ Чтенія Моск. общ. истор. 1847, № VIII, Посланіе Геннадія.

²⁾ Ibid.

³⁾ Хроногр. Румянц. музея, № 464. Правосл. обозр. 1862, іюнь, О новгород. ереси, 184. У Іосифа начало ереси полагаетъ Схарій, а потомъ къ нему приходятъ три еврея изъ Литвы.

ствомъ. Но едвали они могли привлечь его къ себѣ однимъ жидовствомъ. Въ тѣхъ же источникахъ говорится, что они учили своихъ послѣдователей *волшебнымъ* бнигамъ—выраженіе самое общее, и потому мало объясняющее настоящій вопросъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что это названіе въ то время примѣнялось ко всякой книгѣ, не находившейся въ спискѣ «истинныхъ» и, какъ извѣстно, иногда получало слишкомъ широкое толкованіе (такъ называли *землемѣріе* и разныя *цифирныя* книги) ¹⁾. Значаніе «жидовства» въ развитіи новгородской ереси получаетъ другой смыслъ, если принять во вниманіе то движеніе въ еврейскомъ мірѣ, которое пробудилось въ XV вѣкѣ.

Однимъ изъ изслѣдователей этой ереси было указано, что евреи, проповѣдывавшіе свое ученіе въ Новгородѣ, не могли быть талмудистами, потому что въ немъ не видно слѣдовъ Талмуда, и на этомъ основаніи авторъ полагаетъ, что представитель евреевъ въ Новгородѣ—Схарій принадлежалъ къ караимскому толку, всегда противодѣйствующему талмудизму, и отъ котораго ему легче было перейти къ извѣстнымъ отступленіямъ ²⁾. А караимы, жившіе въ Крыму, въ началѣ XV вѣка получили отъ Витольда право селиться въ Латвѣ ³⁾. Конечно съ этимъ доводомъ нельзя не согласиться; но личность Схарія указываетъ на болѣе важное явленіе.

Впервые исторія застаётъ Схарія въ Кіевѣ. Его близость къ князю Михаилу, на которую обращаетъ вниманіе Іосифъ ⁴⁾, заставляетъ предполагать, что онъ выдавался изъ среды своихъ собратій. Есть основаніе думать, что Схарій переѣхалъ въ Кіевъ изъ Крыма и происходилъ изъ извѣстной фамиліи. Къ 1487—88 гг. относится переписка Іоанна III съ *евреемъ Захаріемъ Скарою*, жившимъ въ Таманѣ, который просилъ разрѣшить ему переселиться съ семействомъ въ Москву, на что Іоаннъ согласился. Этотъ Скарій называется *княземъ таман-*

¹⁾ Въ спискѣ отреченныхъ книгъ рядомъ съ волшебными помѣщены: *Землемѣріе* и *Астрономія*. Правосл. соб. 1858, іюль, О чтеніи книгъ въ древ. Россіи, 458. Знакомство Максима Грека съ философіей и чтеніе греческихъ и латинскихъ книгъ Ртищевымъ и Матвѣевымъ также признавали еретичествомъ, волшебствомъ и еллинскою мудростью. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, VII. Дѣло Максима; Соловьевъ, X, 168; XIII, 233.

²⁾ Правосл. обозр. 1862, іюнь, 183.

³⁾ Псрлштейнъ, Луцкъ и его древности.

⁴⁾ Просвѣтитель, стр. 43.

скимъ и, какъ видно изъ его письма, владѣлъ богатствомъ: когда онъ ѣхалъ въ первый разъ въ Москву, то на пути его ограбилъ молдавскій воевода Стефанъ. Возвратясь въ Тамань, Скарій продолжалъ хлопотать о переѣздѣ въ Россію. Его привлекало туда покровительство Іоанна III иностранцамъ, а въ Москвѣ онъ вѣроятно думалъ заняться торговыми дѣлами¹⁾. Но этотъ Скарій не одно лицо съ новгородскимъ, который былъ казначей Іоанномъ вмѣстѣ съ защитниками свободы Новгорода (1477)²⁾. Однако связь приведенныхъ обстоятельствъ даетъ основаніе думать, что распространитель ереси въ Новгородѣ принадлежалъ въ тойже фамиліи Скаріевъ, которые жили возлѣ Крыма.

Во второй половинѣ XV вѣка между караимами обнаруживается замѣчательное движеніе. Главнымъ мѣстопробываніемъ караимскихъ евреевъ были: Крымъ, Византія и вообще Востокъ. До XV вѣка они стояли на весьма низкой степени развитія. Но съ этого времени усиливается приливъ еврейскаго населенія въ предѣлы Византіи, въ слѣдствіе предшествовавшихъ преслѣдованій ихъ на Западѣ. Особенно же оказалъ большое вліяніе на улучшеніе быта евреевъ милостивый эдиктъ Магомета II, предоставлявшій имъ права гражданства. Получивъ значительныя льготы, константинопольскіе евреи стали переселять своихъ единовѣрцевъ изъ Германіи въ Турцію. Въ числѣ этихъ переселенцевъ появились въ Константинополѣ еврейскіе ученые: въ нихъ турки приобрѣли медиковъ, оружейниковъ, типографчиковъ. Евреи стали издавать въ Константинополѣ книги на языкахъ еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ и сирійскомъ. Спокойствіе, наступившее съ этого времени для евреевъ, значительно облизало караимовъ съ приплытыми учеными, хотя они принадлежали къ талмудистамъ. Подъ ихъ руководствомъ образовалось нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ изъ караимовъ, а научныя занятія сдѣлались преобладающимъ элементомъ въ ихъ обществѣ.

Въ этому времени принадлежитъ дѣятельность раввина Мардекаа Куматяно, имѣвшаго многихъ учениковъ въ Константинополѣ и Адрианополѣ. Его научныя занятія относились преимущественно къ математическимъ предметамъ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ трактуетъ объ ариметикѣ, геометріи, астрономіи, механикѣ, которыя онъ изучалъ по

¹⁾ Переписка помѣщена въ Записк. Одес. общ. истор., V, 272—274.

²⁾ Татищевъ упоминаетъ объ этомъ подъ 1491 годомъ. См. IV, 109.

греческимъ и арабскимъ источникамъ. Его комментаріи на «Пятикнижіе» Моисея показываютъ знакомство автора съ логикою, этикою, естественными науками, философіей и популярной медициной. Куматано составилъ объясненія къ употребленію астрономическихъ таблицъ персовъ, гдѣ старается опровергнуть мнѣнія «новогреческихъ» писателей, полагавшихъ, что онѣ не основаны на строгихъ астрономическихъ законахъ, а представляютъ только рядъ случайныхъ выводовъ. Астрономію Куматано называетъ важнѣйшею изъ математическихъ наукъ. Далѣе, ему принадлежатъ трактаты объ астрологіи, объ устройствѣ инструмента для опредѣленія широты, объ устройствѣ солнечныхъ часовъ. Но, какъ и большая часть тогдашнихъ ученыхъ, Куматано считалъ математику необходимою для священнаго писанія. Только значеніе послѣдняго онъ опредѣляетъ иначе, чѣмъ его современники. Онъ неудовлетворился предшествовавшими толкованіями священ. писанія: грамматическими, каббалистическими, метафизическими, аллегорическими и буквальными, а потому внесъ въ свои комментаріи—объясненія, основанныя на началахъ философій, естественныхъ наукъ, астрономіи и математики. Пользуясь какимъ-нибудь выраженіемъ, онъ объясняетъ явленія природы, законы движенія свѣтилъ, общія основанія астрологіи. Но вездѣ онъ руководствуется *здравымъ смысломъ*, а потому не стѣсняется *преданіемъ*. Это литературное движеніе для насъ важно потому, что въ немъ особенное участіе приняли караимы ¹⁾. А караимская синагога въ Крыму имѣла постоянныя и непосредственныя отношенія съ греческими караимами и можетъ назваться только «отраженіемъ» послѣднихъ. При постоянныхъ сношеніяхъ крымскихъ караимовъ съ константинопольскими, легко объяснить, какъ разсмотрѣнное нами движеніе должно было отразиться на ихъ понятіяхъ; а это значительно облегчаетъ пониманіе того элемента, который сообщилъ новгородской ереси XV в. названіе жидовствующей. Это не былъ чисто іудейскій элементъ, который, при торговыхъ отношеніяхъ Новгорода къ Литвѣ и Германіи, могъ-бы оказать вліяніе на него гораздо прежде. Умственное движеніе въ еврейскомъ мірѣ сообщилось современемъ и евреямъ, поселившимся въ Литвѣ и Польшѣ ²⁾. Но Схарія,

¹⁾ Гурляндъ, Новые матерьялы для исторіи еврейской литературы XV в. стр. 8, 10, 13, 16, 17, 29—32, 35, 36, 40—42, 96, 98.

²⁾ Такъ въ 1507 г. въ Краковѣ неизвѣстный еврей держалъ дис-

по его торговымъ занятіямъ, слѣдуетъ считать прибышимъ изъ Крыма, а его происхожденіе даетъ право полагать, что онъ получилъ соотвѣтствующее образованіе. Это подтверждаютъ обличители ереси, которые отзываются о Схаріѣ, какъ о человѣкѣ начитанномъ и образованномъ.

Іосифъ говоритъ, что Схарій былъ наученъ всякому изобрѣтенію, чернокнижію, чародѣйству, звѣдозаконію и астрологіи—эпитеты, придавшіеся въ средніе вѣка какъ на западѣ, такъ и у насъ всѣмъ, кто занимался наукою ¹⁾. Изъ самой исторіи ереси видно, что Схарій хорошо изучилъ священное писаніе и даже отцовъ церкви. Геннадій говоритъ, что еретики сильно дѣйствовали на христіанъ астрономическою рукописью «Шестокрылія», предсказывая на основаніи ея небесныя явленія ²⁾; а эта рукопись заключаетъ въ себѣ астрономическія таблицы, составленныя еврейскимъ астрономомъ Иммануиломъ - бенъ-Іаковомъ ³⁾. Въ то время, когда на каждое физическое явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, смотрѣли, какъ на явленіе вполне случайное, которое было только предзнаменованіемъ общественныхъ бѣдствій, возможность предсказывать явленія должна была сильно дѣйствовать на общество. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ, что астрологія подрывала вѣру въ промыслъ; отчего нѣкоторые стали презирать свящ. писаніе, какъ ненужное для жизни человѣка ⁴⁾. вмѣстѣ съ астрологическими книгами у еретиковъ были въ употребленіи математическія рукописи (землѣріе или геометрія) ⁵⁾, которыя, по своимъ замысловатымъ фигурамъ и начертаніямъ, могли казаться волшебными тетрадами. Изъ одного, близкаго по времени, лѣтописца видно, что учителя-евреи образовали около себя большое общество изъ духовныхъ лицъ и гражданъ, которые учились у нихъ волшебнымъ книгамъ ⁶⁾. Съ такимъ же характе-

путь противъ христіанства и опровергалъ его на основаніи св. писанія, за что былъ сожженъ. Густынская лѣтоп. въ Полц. собр. рус. лѣт. II, 365.

¹⁾ Просвѣтитель, 55.

²⁾ Посланіе Геннадія къ Іоасафу, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, VIII, 4.

³⁾ Гурляндъ, *Ibid.* и Описаніе математич. рукопис. въ Труд. восточн. отдѣл. археолог. общест. 1866, 19—21.

⁴⁾ Просвѣтитель, 43.

⁵⁾ Посланіе Геннадія, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, VIII.

⁶⁾ Хроногр. Рум. муз. № 461. Прав. обозр. 1862, іюнь, 184.

ромъ представляется и дальнѣйшее распространеніе ереси. Ей сочувствовали лица, занимавшія видное мѣсто въ обществѣ. Первые ученики Схарія—священ. Алексѣй и Денисъ отличались умомъ и образованіемъ и такъ съумѣли понравиться великому князю, что Іоаннъ, будучи въ Новгородѣ, взялъ ихъ съ собою въ Москву (1480). Здѣсь Алексѣй былъ опредѣленъ протопопомъ въ Благовѣщенскій соборъ, а Денисъ—въ Архангельскій. Имъ удалось образовать около себя кружокъ изъ грамотныхъ людей. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ извѣстный дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, бывавшій посломъ въ Венгрію и въ Литвѣ. Курицынъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ занимались «астрологіею, чародѣйствомъ и чернокнижіемъ»¹⁾—выраженія, которыя, какъ мы видѣли, слѣдуетъ понимать далеко не въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимало большинство тогда. Ѳеодоръ Курицынъ славился въ свое время книжностью: ему приписываютъ переводъ повѣсти о Дракулѣ Волошскомъ²⁾ и апокрафического Лаодокійскаго посланія, изъ котораго ясно видно направленіе самого Курицына: тамъ встрѣчается выраженіе—«душа человека свободна, но преграда ей вѣра». Къ этому же обществу применили: братъ Курицына—Иванъ, крестовые (придворные) дьяки—Истома и Сверчокъ, купецъ Кленовъ, архимандритъ Зосима, пѣто Иванъ Черный (это вѣроятно братъ архимандрита Кассіана—Иванъ Самочерный), занимавшійся *перепискою книгъ*. По свидѣтельству Іосифа³⁾, въ Москвѣ еретики нашли обильную жатву; имъ удалось даже склонить къ своему ученію невѣстку великаго князя Елену, дочь Стефана молдавскаго. Это общество собиралось у Курицына, а предметомъ его бесѣдъ были религиозные вопросы⁴⁾. Отношенія Курицына къ Еленѣ объясняются его посредничествомъ въ сватовствѣ ея за сына Іоанна III, послѣ чего онъ привезъ ее въ Россію. Видно также, что вліянію этого кружка поддакъ и самъ вел. князь. Іосифъ говоритъ, что Ѳеодоръ Курицынъ и протопопъ Алексѣй имѣли такой къ нему доступъ, какъ никто другой, и тутъ же связываетъ эту близость съ занятіемъ ихъ астрологіею: «потому что они были преданы звѣздозаконію, астрологіи, чародѣйству

1) Просвѣтитель.

2) Востокъ въ Опис. Рум. музея, стр. 512. Повѣсть помѣщена въ Памят. старин. русск. литературы, II.

3) Просвѣтитель, предисловіе.

4) Посланіе Геннадія къ собору, Хрущовъ, 116.

и чернокнижию¹⁾. Самъ Іоаннъ въ послѣдствіи сознавался, что онъ зналъ какую ересь держалъ Алексѣй, какую Ѳеодоръ Курицынъ и какую его братъ, Иванъ, и Мавсимовъ²⁾. Очевидно, что эти мнѣнія имѣли въ себѣ много привлекательнаго помимо религіозныхъ сомнѣній. Этимъ отчасти объясняется, почему Іоаннъ III вовсе не былъ расположенъ къ крутымъ мѣрамъ противъ еретиковъ и съ трудомъ согласился на ихъ казнь. Іосифъ говоритъ, что еретики только простѣйшихъ учили іудейству, а многіе вовсе не принадлежали къ нему, но только научились у еретиковъ порицать священное писаніе³⁾. Геннадій же замѣчаетъ: »у нихъ не одно іудейство, а десятью заповѣдями они только прельщаютъ людей, представляясь, будто-бы вѣрятъ имъ«. Іудейство само по себѣ едва ли могло привлечь такое множество послѣдователей и притомъ изъ среды болѣе образованной. Извѣстная доля іудейства должна была войти потому, что руководителями этого движенія сдѣлались евреи; но и сами они далеко не принадлежали къ чистому толку. Когда Алексѣй и Діонисій хотѣли принять обрѣзаніе, то Схарій запретилъ имъ это и ограничился только переименованіемъ Алексѣя въ Авраама, а жены его въ Сарру. Схарій даже совѣтовалъ имъ сохранять всѣ христіанскіе обряды и они ихъ удержали, иначе Іоаннъ не перевелъ бы обоихъ учениковъ Схарія священниками въ Москву. Вообще еретики отличались мягкостью обращенія и воздержаніемъ, чѣмъ многихъ привлекли на свою сторону. Едва ли даже можно заподозрѣть въ этомъ случаѣ ихъ искренность, потому что маска не долго удержалась-бы на ихъ лицахъ и только повредила-бы ихъ дѣлу.

Общій характеръ еретическихъ мнѣній представляетъ смѣшеніе различныхъ понятій. Одно оспаривалось на основаніи толкованій іудейскихъ комментаторовъ; другое на основаніи обличеній, существовавшихъ въ русскихъ источникахъ, которыхъ мы касались⁴⁾. Одни

1) Просвѣтитель, *ibid.*

2) Посл. Іосифа къ духовн. Іоанна III Митроф. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № I.

3) Просвѣтитель, 59, 60.

4) Напр. какъ принимать трехъ странниковъ, явившихся Аврааму, — простыми людьми, ангелами или прообразомъ Троицы. Просвѣтитель, слово 5-е, ср. Гурляндъ, Матер. для евр. литер. XV стол. стр. 42. Монашество отвергали потому, что Христосъ и апостолы не были монахами (ср. выше, стр. 396), и тутъ же приводили слова Моисея, что проклятъ всякій, кто не оставитъ сѣмени въ Израилѣ.

признавали только нѣкоторыхъ святыхъ; другіе образцомъ для себя во всемъ считали только Іисуса Христа и даже соглашались поклоняться его иконѣ, отрицая прочія изображенія¹⁾). Очевидно, что ересь представляла рядъ отрицательныхъ мнѣній, усвоенныхъ изъ разныхъ данныхъ, а не религиозное ученіе, объединенное строгою системою. Еретики отличались книжностью; у нихъ были такія книги, которыхъ не могъ достать архіепископъ Геннадій даже въ Новгородѣ, и принужденъ былъ выписывать ихъ изъ отдаленныхъ монастырей²⁾); но самое собраніе этихъ книгъ указываетъ, какой разнообразный матеріалъ сосредоточился въ рукахъ еретиковъ для нападеній на господствующее ученіе. При разнообразіи еретическихъ мнѣній и самыхъ обличеній ихъ не имѣютъ опредѣленной системы. Первые три слова «Просвѣтителя» Іосифа очевидно направлены противъ «жидовствующихъ»; такъ какъ въ первыхъ двухъ онъ излагаетъ догматы о Троицѣ и личности Іисуса Христа, исключительно основываясь на ветхомъ завѣтѣ; а въ третьемъ онъ специально касается обрѣзанія и іудейскихъ жертвъ. Четвертое слово посвящено догмату о воплощеніи Іисуса Христа; но все основано на новомъ завѣтѣ и даже отцахъ церкви, и потому едва ли касается чисто «жидовствующей» стороны, для которыхъ эти авторитеты не имѣли значенія. Въ пятомъ словѣ, посвященномъ иконописцу, опровергаются сомнѣнія о возможности символически изображать Троицу. Шестое слово направлено противъ тѣхъ, которые всѣ священныя изображенія, а также мощи, подносили подъ разрядъ идоловъ и главнымъ образомъ опирались на запрещенія ветхаго завѣта. Седьмое свидѣтельство, напротивъ, что еретики отвергали храмы и видимые священныя знаки, на основаніи словъ апостола Павла, что человекъ есть храмъ, въ которомъ живетъ св. Духъ. Въ словахъ 8, 9 и 10 Іосифъ специально рассматриваетъ вопросъ о кончинѣ міра послѣ 7000 лѣтъ его существованія (1492), который особенно возбуждалъ еретиковъ противъ отцовъ церкви (св. Ефрема и друг.), когда ожидаемая кончина міра не исполнилась. Еретики совѣтывали даже съечь за это творенія св. отцовъ. Но Іосифъ объясняетъ, что выраженіе *оуж* не слѣдуетъ пони-

¹⁾ Просвѣтитель, слова 6 и 11.

²⁾ Посланіе Геннадія къ Іоасафу, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VIII. Именно: Библия, соч. Діонисія Ареопагита, Сильвестра папы римскаго, Мепандра, посл. Фотія къ болгарскому царю Борису, слово Козмы противъ богомилловъ, Логика.

мать непременно въ смыслѣ числа лѣтъ ¹⁾). Слово одиннадцатое написано въ защиту монашества; 12-е—рѣшаетъ отрицательно вопросъ—имѣтъ-ли значеніе проклятiе еретика митрополита (Зосимы), а отъ 13—16 идетъ трактатъ о казни еретиковъ, о значеніи ихъ покаянія и вообще объ отношеніи къ еретикамъ—вопросы, возникшіе уже на почвѣ политической.

Изъ этого видно, что ересь имѣла различные отгѣнцы; но въ своихъ крайнихъ выводахъ она прямо вела къ раціонализму: 1) Еретики отвергали св. Троицу: Слово, которымъ называется второе лицо, они понимали въ смыслѣ обыкновеннаго слова божiя; а Духа св. называли только духомъ, исходящимъ изъ устъ Бога и разливающимся въ воздухъ; 2) Иисуса Христа они признали простымъ человѣкомъ, котораго распяли іудеи, но который не воскресалъ; 3) еретики не признавали будущей жизни и суда; 4) отвергали воплощеніе Бога и не допускали даже его необходимости при могуществѣ и благодати Творца; 5) отсюда исходить уже отрицаніе всей внѣшней стороны христіанства: храмовъ, иконъ, мощей; 6) еретики отрицали христіанское значеніе Богородицы и святыхъ, наконецъ 7) скептически относились къ твореніямъ отцовъ церкви, а нѣкоторые даже къ священному писанію.

Впрочемъ не видно, чтобы на первыхъ порахъ ересь приняла фанатическій характеръ. Въ теченіе 10 лѣтъ (до 1480) она распространялась спокойно и тѣмъ предохраняла себя отъ преслѣдованія. При томъ далеко не всѣ послѣдователи ея отличались крайностію ученія, иначе ихъ не потерпѣли-бы при дворѣ. Но, съ постепеннымъ распространеніемъ, ересь принимала болѣе широкіе размѣры и наконецъ такъ охватила общество, что религіозные вопросы сдѣлались предметомъ дня: «такое наступило смущеніе между людьми, говоритъ Іосифъ, что теперь и въ домахъ, и на улицахъ, и на площадяхъ всѣ—и монахи, и міряне,—сомнѣваются въ вѣрѣ, спорятъ о ней и послѣдуютъ болѣе еретикамъ, нежели апостоламъ и св. отцамъ» ²⁾). Въ Новгородѣ еретичество совпало съ защитою свободы противъ притязаній московскаго князя. Самъ Схарій палъ вмѣстѣ съ защитниками самостоятельности города. Послѣ паденія Новгорода этотъ антагонизмъ еще болѣе усилился.

¹⁾ Однако изъ Богородичника Іосифа видно, что онъ и самъ прежде вѣрилъ въ 7000-лѣт. существованіе міра.

²⁾ Просвѣтитель, стр. 58—61.

Архієпископы, назначаемые изъ Москвы, не могли нравиться ни духовенству, ни народу. О первомъ изъ нихъ, Сергіѣ, извѣстно, что онъ не отдавалъ должной чести новгородскимъ святымъ, наложилъ на духовенство и монастыри тяжелую дань, собраніе которой отдалъ на откупъ. Новгородцы отказали ему въ повиновеніи. Эти отношенія такъ подѣйствовали на Сергія, что онъ помѣшался и былъ отвезенъ въ Москву ¹⁾. Преемникъ его, Геннадій, сталъ разыскивать еретиковъ и также вызвалъ неудовольствіе противъ себя, допустивъ, по совѣту своего дьяка, брать плату съ посвящаемыхъ въ духовный санъ ²⁾. Все это было обильнымъ матеріаломъ для нападеній еретиковъ. На Геннадія посыпались съ ихъ стороны пасквили. Въ Москвѣ ересь успѣшно развивалась въ высшемъ кругѣ. Придворнымъ покровителямъ ея удалось даже на время возвести на митрополитскій престолъ архимандрита Зосиму, который, говорятъ, открыто отвергалъ безсмертіе души и будущую жизнь; а его келлія была притономъ для еретиковъ ³⁾.

Не смотря на свой отрицательный характеръ, это умственное движеніе принесло пользу и для противоположной стороны. Возбужденіе новыхъ вопросовъ заставило серьезнѣе заняться книжностью. Со второй половины XV в. замѣчается напряженное движеніе въ книжныхъ кружкахъ, нерѣдко пробивавшееся настоятельными требованіями улучшенія общества. Борьба съ ересью заставила Геннадія подумать объ училищахъ, и хотя при немъ еще не видно результатовъ его хлопотъ; но нѣсколько времени спустя Стоглавый соборъ дѣлаетъ распоряженія о заведеніи ихъ по городамъ. Порча еретиками ветхозавѣтныхъ книгъ заставляеть того же Геннадія приступить къ полному кодексу Библии, а немного спустя для перевода толковой псалтири вызывается нарочный переводчикъ изъ Греціи (Максимъ Грекъ ⁴⁾). Иосифъ Волоколамскій, побуждаемый на борьбу съ ересью, выступаетъ

¹⁾ Полн. соб. рус. лѣт. V, 41, 42; Лѣт. Львова, 190, Хроногр. Рум. муз. № 457.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, 244. Этотъ фактъ записанъ во 2-й Софійск. лѣт., источникъ по преимуществу Московскаго государства, слѣд. здѣсь нельзя подозрѣвать автора въ пристрастіи, такъ какъ Геннадій и самъ былъ изъ Москвы, а потому оправданіе послѣдняго тѣмъ, что это извѣстіе находится только въ позднѣйшихъ запискахъ (Львова, Арх. лѣт. Прав, обзор. 1862, іюль, 300.) не имѣетъ мѣста. Карамзинъ согласенъ съ лѣтописью. VI, стр. 624.

³⁾ Просвѣтитель, 59, 60.

⁴⁾ См. наше изслѣд. »Максимъ Грекъ«, I, гл. I,

сь своимъ «Просвѣтителемъ» — первымъ опытомъ системы вѣры, выработаннымъ въ Россіи. Геннадій жаловался на недостатокъ даже самыхъ необходимыхъ книгъ — и вотъ новгородскій архіепископъ Магарій хлопотеть о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древней письменности, которые появляются въ его Четьи-Минеехъ. Положительное значеніе скептическаго направленія, распространившагося тогда въ Россіи, признають и церковные писатели ¹⁾.

Иерархическіе беспорядки въ Новгородѣ до Геннадія и покровительство новому ученію со стороны самаго духовенства было причиною, что ересь долго была предоставлена самой себѣ. Но когда въ лицѣ Геннадія она встрѣтила строгаго защитника существующаго порядка, то легко могла перейти въ открытое противодѣйствіе. Іосифъ изображаетъ намъ Геннадія, какъ льва, который своими когтями терзалъ утробы еретиковъ, сокрушалъ ихъ своими зубами и разбивалъ о камень. Открывши ересь, Геннадій принялся обыскивать еретиковъ, а это вызвало съ ихъ стороны всѣ крайности озлобленныхъ сектаторовъ. Называя себя открыто христіанами, они распространяли злыя пасквили на Геннадія и другихъ епископовъ, сокрушали кресты и иконы и бросали ихъ въ нечистыя мѣста, или привязывали деревянные и мѣдные кресты къ хвостамъ воронъ — и пускали ихъ на свободу. Единственный путь для прекращенія этого зла Геннадій видѣлъ въ истребленіи еретиковъ, и потому разослалъ множество посланій — къ вел. князю, митрополиту и епископамъ, съ настоятельнымъ требованіемъ «очистить церковь божію» и не вѣрить заявленію еретиковъ, что они христіане. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отправилъ къ вел. князю и розыскное дѣло о еретикахъ. Но въ Москвѣ не думали серьезно приниматься за него. Митроп. Геронтій совѣтовалъ Геннадію размысливать и наказывать однихъ духовно, другихъ, болѣе опасныхъ, отсылать къ намѣстнику для наказанія гражданскою казнію ²⁾. Отчасти здѣсь видно

¹⁾ Свящ. Булгаковъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи («Іосифъ Волоколамскій»), говоря, что скептическое направленіе проявилось, какъ противодѣйствіе преобладанію въ обществѣ одной религіозной вѣрности и обрядности, замѣчаетъ, что это направленіе при всѣхъ своихъ крайностяхъ, было лучше существовавшаго. Стр. 15.

²⁾ Посланія Геннадія, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, VIII, (къ Іоасафу). Къ Прохору Сарскому, Хрущовъ, XVI; Нифонту еписк. суздальскому (Ibid. XII); Зосимъ, Акты экзед. I, № 38; собору (Прав.

личное нерасположеніе Геронтія къ Геннадію; ¹⁾ но Юсифъ видитъ въ этомъ также боязнь Геронтія передъ «державнымъ». Если такъ, то вел. князь находился подъ сильнымъ вліяніемъ противоположной стороны. По смерти наслѣдника престола Іоанна Молодаго (1490), симпатіи Іоанна III перешли на внука—Дмитрія, возлѣ котораго группировались самыя вліятельныя лица—Патриѣевы, Раполовскіе; Бурицкыи, находившіеся въ родствѣ между собою ²⁾ и въ близкихъ отношеніяхъ къ Еленѣ, матери предполагаемаго наслѣдника, которая также была склонна къ новому ученію. Благодаря содѣйствію митр. этого направленія, еретикамъ удалось возвести въ митрополию отступника Зосиму и послать въ Новгородъ архимандритомъ Юрьевскаго монастыря еретика Кассіана. Въ Москвѣ были недовольны даже строгостью мѣръ Геннадія и неодобряли его попытки; такъ что онъ принужденъ былъ оправдываться въ своихъ дѣйствіяхъ ³⁾. Все, чего могъ онъ достигнуть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своихъ стараній,—это проклятія нѣкоторыхъ еретиковъ на соборѣ 1490 г. и устроить для другихъ постыдную процессію въ Новгородѣ. По рѣшенію собора еретиковъ отправили въ Новгородъ къ Геннадію. За четырнадцать верстъ отъ города онъ велѣлъ посадить ихъ на лошадей, лицомъ назадъ, чтобы они смотрѣли на *западъ* въ приготовленный имъ адъ; на головы ихъ велѣлъ надѣть берестяные шлемы, какъ изображаютъ бѣсовъ, и соломенные вѣнки, смѣшанные съ сѣномъ; на шлемахъ же было написано чернилами: «се есть сатанино воинство». Въ такомъ видѣ онъ велѣлъ водить ихъ по городу и плевать на нихъ, приговаривая:

соб. 1863, I). Грам. вел. князя и митр. Геронтія Геннадію (Агтм. встор. I, № 285.)

¹⁾ Будучи еще архим. Чудовскаго монастыря, Геннадій имѣлъ столкновеніе съ Геронтіемъ: разъ за разрѣшеніе братіи въ богоявленскій сочельникъ (въ воскресенъе) пить воду поѣвши, въ другой разъ онъ поддерживалъ вел. князя, заявившаго митрополиту свое неудовольствіе за то, что онъ, при освященіи Успенскаго собора, ходилъ противъ солнца.

²⁾ Соловьевъ, V, 87; Хрущовъ, 163.

³⁾ Посланіе къ собору. Въ посланіи къ Зосимѣ Геннадій писалъ, что вел. князь долженъ позаботиться очистить русскую землю отъ еретиковъ по примѣру испанскаго короля (введеніе инквизиціи Фердинандомъ Католикомъ), о чемъ рассказывалъ ему императорскій посолъ, проѣзжавъ черезъ Новгородъ. Списокъ съ его словъ объ этомъ Геннадій отправилъ въ Москву.

«Вотъ Общинъ враги и христіанскіе хульники». Въ заключеніе на вѣхъ головахъ были сожжены вѣвны 1).

Счастливыи исходъ дѣла ободрилъ еретиковъ. Между тѣмъ приближавшійся исходъ 7-й тысячи лѣтъ, по принятому счету отъ сотворенія міра, волновала общество. Конецъ пасхали (доведенной, по образцу греческой, только до 1492 г. или 7000 л.), паденіе Византійской имперіи и разныя бѣдствія усиливали вѣру въ близкую кончину міра 2). Считаая уже жизнь поконченою, многіе оставляли свои записки и предавались однимъ толкамъ о предстоящей катастрофѣ 3). Смущеніе народа было тѣмъ сильнѣе, что даже люди вѣрные вополнѣ вѣрили мистическимъ толкованіямъ иносказательныхъ выраженій святи писанія и политическихъ событій міра. Въ Новгородѣ эта мысль находила подтвержденіе въ паденіи самостоятельности города. Между тѣмъ еретики опровергали ходячія мнѣнія, доказывая неправильность церковнаго лѣтосчисленія и несостоятельность самой мысли. Ихъ нападки только усиливали раздраженіе общества. Въ виду таковыхъ обстоятельствъ, Геннадій обратился за объясненіемъ къ Паисію Ярославову, Нилу Одрскому и Димитрію Герасимову, извѣстному сотруднику въ переводѣ Максима Грека 4). Конечно сомнѣнія самаго Геннадія еще

1) Пресвѣтитель.

2) Подробнѣе см. въ нашемъ изслѣд. «Максимъ Грекъ» II, гл. VIII. Въ древнихъ памятникахъ, особенно съ XIV—XVI вв., эта мысль встрѣчается постоянно, причемъ главное вниманіе обращается на совпаденіе важнѣйшихъ событій въ мартѣ (созданіе Адама, исходъ израильтянъ, прибытіе ихъ въ обѣтованную землю, благовѣщеніе, распятіе Ис. Хр), и потому его считали роковымъ мѣсяцемъ (житіе Стеф. Нерисск.). Въ 1459 г. благовѣщеніе пришлось на пасху, и потому думали, что это роковой день (Полн. собр. рус. лѣт. VI, 181). Въ русской пасхали послѣ 1492 г. была слѣдующая приписка: «Здѣ страхъ, здѣ скорбь, аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концѣ ався, въ немъ же чаемъ всемірное твое пришествіе». Архив. ист. юрид. свѣд. о Рос. I, отд. III, стр. 7.

3) Житіе Севастіана Пошехонскаго, у Филарета.

4) Посланіе Геннадія къ Іоасафу. Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № VIII, и посланіе Герасимова въ Правосл. собес. 1861, январь. Отвергая пунктуальность въ ожиданіи кончины міра, Герасимовъ придаетъ однако большое значеніе числу 7: если преставленіе міра не совершилось послѣ 7000, то можетъ случиться въ другія седмицы—700-70-7 лѣтъ, даже мѣсяцевъ дней и часовъ. Изъ житія Іосифа Волокол. (Твор. отц. V, кн. II. прибав. 255.) видно, что Геннадій вѣрилъ общему предразсудку о 7-й тысячѣ, а составляя новую пасхалию, отъ

богѣ подрывали довѣріе въ нѣму, а когда 1492 годъ ¹⁾ прощель безслѣдно.—со стороны еретиковъ послѣдился сильный нападѣніи на тѣхъ отцовъ церкви, въ которыхъ опирались заступники существовавшаго мнѣнія. Съ другой стороны благополучный исходъ заставилъ Геннадія заботиться составленіемъ продолженія прежней пасхалии, гдѣ онъ уже прямо выражаетъ мысль, что пасхалия имѣетъ круговое движеніе, а кончина міра неизвѣстна для смертныхъ ²⁾.

Предоставленный самому себѣ и не будучи въ состояніи одолѣть еретиковъ силою, Геннадій рѣшился вызвать на борьбу мѣлѣстнаго непреклоннымъ характеромъ и начитанностью—Іосифа Волоколамскаго. Тогда послѣдній сказалъ себѣ: «настало время труда» ³⁾ и выступилъ противъ еретиковъ во всеоружіи своей діалектики. «Характеръ Іосифа, говоритъ Костомаровъ, на сколько онъ высказывается въ его дѣйствіяхъ и сочиненіяхъ, есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Это была совсѣмъ не одна изъ тѣхъ многочисленныхъ въ его кругѣ натуръ, краткихъ, мягкихъ и мечтательныхъ, которыя уходили въ монастыри или пустыни, когда ихъ сердце оскорблялось людскими неправдами или слишкомъ дрожало отъ мірскаго треволненія, когда у нихъ недоставало воли, чтобы возложить на себя тягость житейской добродѣтели и вступить въ борьбу съ неправдой посреди людскаго общества. Это была также не одна изъ тѣхъ пламенныхъ, поэтическихъ натуръ, которыхъ увлекало обаяніе созерцанія, нужда духовной свободы, допускающей приближаться къ тому, что, по илѣ мнѣнію, мѣшаетъ видѣть земныя отношенія. Іосифъ былъ человѣкъ дѣла и разсудка, но никакъ не чувства и воображенія. Въ наше время съ подобнымъ характеромъ, человѣкъ менѣе всего могъ юнать въ монастырь, развѣ тогда, когда монашество служило-бы ему

написалъ ее только на 70 лѣтъ. Въ XVI вѣвѣ мнѣніе о кончинѣ міра продолжаетъ высказываться, но оно переносится на 8-й вѣкъ (8-ю тысячу. Рукопис. Кормчая, Прав. Соб. 1860, іюль). Псковскій лѣтописецъ видѣлъ предзнаменованіе его въ паденіи Пскова (Полн. собр. рус. лѣт. IV, 282); Макоимъ Грекъ въ постоянныхъ войнахъ, притѣсненіяхъ грековъ турками и перадѣніи духовенства. (Полн. собр. сочин. Макс. Г. I, слово на Магомета; II, 335); а Курбскій—въ тираниі Іоанна Грознаго (Сказанія и посланіе, въ Прав. соб. 1883, II).

¹⁾ Т. е. 7000 годъ отъ сотворенія міра, по принятому счисленію.

²⁾ Архивъ истор. юрид. свѣд. Балачова, I, отд. III, о пасхалии.

³⁾ Посланіе къ Нифонту, епис. суздальскому.

для иныхъ цѣлей. Въ наше время, такой человѣкъ скорѣе всего сдѣлался-бы публицистомъ, и всего вѣроятнѣе консервативнымъ, или ораторомъ, при условіяхъ существованія парламентарности. Въ XV вѣкѣ когда монашество было наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для умственной дѣятельности вообще, такая личность явилась въ званіи игумена, берущаго за преданія церкви, организаторомъ монашескаго общества. Быть тому, что уже есть, но быть ему такъ, какъ ему должно быть, совершенно давно признаннымъ авторитетамъ; повиноваться тому, что указано и установлено, и карать безъ всякаго снисхожденія непокорныхъ—таковъ былъ духъ понятій и дѣйствій этого человѣка. Сердечности у него было мало, или совсѣмъ не было. Поучаетъ-ли онъ вельможу о милостиваніи рабовъ, или князя кормить народъ во время голода—его наставленія вѣютъ холодомъ. «Страданія рабовъ не на столько возбуждали сожалѣніе у Іосифа, какъ отвѣтственность передъ Богомъ за дурное съ ними обращеніе». Точно также въ обращеніи къ князю Іосифъ не подражаетъ въ тонѣ Амвросію или Іоанну Златоусту, а приступаетъ къ вельможѣ съ тою робостью, какую долженъ ощущать передъ высшими низшій. Его побужденія помогать голодающимъ отличаются крайнею сухостью: онъ не старается подѣйствовать на сердце князя, но указываетъ ему только на долгъ и примѣры греческихъ императоровъ ¹⁾.

Обращаясь къ характеру литературной борьбы Іосифа съ еретиками, мы замѣчаемъ рѣзкій контрастъ между изложеніемъ словъ 1—12-го и отъ 13—16. Въ первыхъ разсматриваются исключительно вопросы догматическіе; въ послѣднихъ рѣчь идетъ объ отношеніи къ еретикамъ; т. е. борьба переносится изъ теоріи на практичку и замѣтно переходитъ отъ слова къ дѣлу. Конечно такая перемѣна въ тонѣ Іосифа не была случайною. Первые 12 словъ писаны до рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ со стороны правительства, пока еще при дворѣ господствовали ихъ покровители; а остальные—принадлежатъ уже эпохѣ казни (послѣ 1504 г.) ²⁾. Въ 1494 г. митр. Зосима лишился своего сана, за нерадѣніе въ церковныхъ дѣлахъ и пядство ³⁾. Сомнительно впрочемъ, чтобы онъ былъ такой крайній еретикъ, какъ

¹⁾ Вѣстн. Европы, 1868, № IV, литер. извѣст. стр. 970.

²⁾ Хрущовъ, 189.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. IV, 164.

представляют его обличители, которые могли сдѣлать свое заключеніе на основаніи его нерасположенія въ строгимъ преслѣдованіямъ и сочувствія нѣкоторымъ изъ мнѣній еретиковъ. Тѣмъ болѣе, что и въ послѣдствіи мы видимъ его исполняющимъ православные обряды и пользующимся регалиями своего сана ¹⁾. Но замѣчательно, что онъ былъ удаленъ въ монастырь во время отлучки изъ Москвы Ѳеодора Курікина, Семена Ряполовскаго и Вас. Ив. Патрикеева. Они были отправлены послами въ Литву ²⁾. Мѣсто Зосимы занялъ архим. Троицкой лавры—Симонъ, который оказывается въ послѣдствіи сочувствующимъ всѣмъ мѣрамъ, проводимымъ противоположною стороною. Въ 1497 г. былъ открытъ заговоръ на жизнь внука Іоанна—Димитрія, результатомъ котораго была опала, постигшая Софію, ея сына Василя и всѣхъ ихъ приверженцевъ; а Димитрій удостоился вѣнчанія, какъ наследникъ престола. Но въ 1499 г. Семенъ Ряполовскій былъ казненъ, а оба Патрикееви пострижены въ монахи. Съ этихъ же поръ начинается возвышеніе Василя, окончившееся въ 1502 г. совершеннымъ торжествомъ: Елена и сынъ ея Димитрій были заключены. Вполнѣ справедливо, что всѣ эти опалы и перемѣны зависѣли отъ успѣха въ политической борьбѣ придворныхъ партій ³⁾. Съ возвышеніемъ Василя и его партіи, къ которой преимущественно принадлежали лица менѣе значительныя, начинается поворотъ и въ отношеніи къ ереси. Къ этому времени относится возвращеніе изъ ссылки Челяднинныхъ и другихъ покровителей Іосифа, а самого Іосифа вызываютъ на соборъ въ Москву (1503). Соборъ былъ созванъ по поводу вдовыхъ поповъ и монастырскихъ имуществъ; а между тѣмъ послѣ него Іоаннъ III имѣлъ бесѣду съ Іосифомъ о еретикахъ. Іоаннъ вовсе не принадлежалъ къ мягкимъ натурамъ: объ этомъ свидѣлствуютъ казни въ Новгородѣ и Москвѣ ⁴⁾, заключеніе малолѣтнихъ дѣтей брата Андрея Васильевича и семейства

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. XV, 503.

²⁾ Хрущовъ, 163.

³⁾ Соловьевъ, V, 83—90.

⁴⁾ Шестерыхъ заговорщиковъ на жизнь Димитрія казнили лютою смертю: имъ отсѣкали руки, ноги и головы, а ворожей утопили въ рѣкѣ. Стороннику Димитрія—Семену Ряполовскому отсѣкали голову. Лаварю Леону, залгившему старшаго сына вел. князя—Іоанна, также оксѣкали голову. Полн. собр. рус. лѣтоп. VI, 239, 279, 243. Лиха Матиаса и князя Лукомскаго сожгли въ кѣтвѣ за посягательство на жизнь государя. Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 225.

сына (Елены и Дмитрія). Если онъ долго не казнилъ еретиковъ, то благодаря тому, что его окружали другіе люди, отъ которыхъ онъ получилъ благопріятный взглядъ на нихъ, и ему казалось, что преслѣдованіе за религиозныя мнѣнія не можетъ имѣть ничего общаго съ политическими обвиненіями. Такъ думали не одни еретики; но и защитники церковныхъ интересовъ, только смотрѣвшіе на нихъ болѣе духовно, нежели Іосифъ. Это были строгіе пустынники—Пансіѣ Ярославъ (котораго вел. князь хотѣлъ сдѣлать митрополитомъ послѣ Геронтія) и его ученикъ Нилъ Сорскій. Они также присутствовали на соборѣ 1503 г. ¹⁾, слѣдовательно пользовались еще расположеніемъ Іоанна III. Но предложенные вопросы были рѣшены согласно съ мнѣніемъ партіи Іосифа. Защитникамъ противоположнаго мнѣнія оставалось только удаляться, а вел. князь могъ изъ этого убѣдиться на чьей сторонѣ нравственная сила. Какъ ни желательно было для Іоанна отобраніе монастырскихъ имуществъ, но онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія. Такимъ образомъ въ духовномъ мірѣ восторжествовало противоположное прежнему направленіе. Послѣ собора началось сближеніе Іоанна съ Іосифомъ. Передъ нимъ вел. князь казнилъ за послабленіе оказанное еретикамъ и просилъ у него одного—прощенія въ этомъ грѣхѣ, заявивъ при томъ, что владыки уже простили его. «Государь, отвѣчалъ Іосифъ, если подвигнешься на нынѣшнихъ еретиковъ, то Богъ проститъ тебя и за прежнихъ!» Въ другой разъ Іосифъ сталъ настаивать, чтобы вел. князь послалъ по городамъ разыскать еретиковъ. Іоаннъ общалъ и сознался при этомъ, что онъ зналъ о ереси и каковаго мнѣнія держался каждый изъ еретиковъ, и какъ совратили они къ ереси его невѣсту.

Послѣ этихъ свиданій Іосифъ былъ позванъ къ столу вел. князя. Но и теперь Іоаннъ задать ему вопросъ—нѣтъ-ли грѣха казнить еретиковъ? Конечно для Іосифа не было сомнѣнія въ его рѣшеніи. Онъ сослался на ап. Павла, который писалъ къ евреямъ: «Если кто отвержется закона Моисея при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ и—заслуживаетъ смерти, то тѣмъ болѣе, кто попираетъ Сына Божія». Іоаннъ не далъ ему продолжать и прекратилъ разговоръ. Изъ этого Іосифъ убѣдился, что вел. князь не рѣшается казнить еретиковъ; ясно, что Іоаннъ

¹⁾ Отношенія Кирил. и Іосиф. монаст. въ Твор. св. отц. годъ IX, кн. III.

еще стоялъ на прежней точкѣ зрѣнія ¹⁾. Подъ вліяніемъ этой неудачи у Іосифа потомъ вырвался косвенный упрекъ: «Если царь, царствующій надъ людьми, находится подъ властью скверныхъ страстей и грѣховъ, изъ которыхъ самыя злѣе — *невѣріе* и *хула*, такой царь не божій слуга, но діавола, и не царь, но *мучитель*» ²⁾. До такого противорѣчія въ логическихъ выводахъ могъ дойти въ своемъ увлеченіи человекъ, протѣвдававшій самъ необходимость преслѣдованія другихъ.

Однако, по возвращеніи своемъ въ монастырь, Іосифъ не забылъ обѣщанія вел. князя произвести розыскъ еретикамъ. Весною 1504 г. онъ написалъ посланіе къ духовнику Іоанна — архим. Митрофану. Напоминалъ ему объ обѣщаніи вел. князя, Іосифъ замѣчаетъ: «нѣтъ пользы въ томъ, если государь на словахъ испросилъ прощеніе, а на дѣлѣ не ревнуетъ о вѣрѣ. Если государь забыть объ этомъ за множествомъ дѣлъ, то обязанность духовника напомнить ему, чтобы не пришелъ на него божій гнѣвъ, а черезъ него и на всю землю; *потому что за церковное созрѣшеніе Божіе казнитъ всю землю*». Рассказывая въ посланіи о своихъ бесѣдахъ съ Іоанномъ, Іосифъ опять касается вопроса — не грѣхъ-ли казнить еретиковъ — и тутъ же проситъ духовника напомнить государю, *какъ поступили въ такихъ случаяхъ благочестивые цари* (конечно византийскіе) и приводитъ *примеры* жестокаго преслѣдованія еретиковъ (отсѣченіе головы, дѣлети ранъ ремнемъ, урѣзываніе языковъ). Въ заключеніе Іосифъ угрожаетъ Митрофану за неисполненіе обязанности страшнымъ гнѣвомъ божіимъ; а эта обязанность состоитъ въ томъ, чтобы докучать государю о еретикахъ: «*пусть для божьяго дѣла онъ оставитъ все дѣла, потому что божіе дѣло важнѣе всѣхъ*» ³⁾.

Потерявъ надежду обратить на истинный путь сакаго Іоанна, Іосифъ рѣшился дѣйствовать черезъ Василія Іоанновича, которому старался доказать, что грѣшнѣе и еретика убить руками или молитвою — все равно, для чего, по обыкновенію своему, приводитъ рядъ *примеровъ* ревности по вѣрѣ ветхозавѣтныхъ (Моисея, Иліи) и новозавѣтныхъ мужей (ап. Петра, епис. катанскаго Льва) ⁴⁾. Но эти хлопоты о преслѣдованіи еретиковъ вызвали съ противоположной стороны (отъ послѣдо-

¹⁾ Хрущовъ, 177—183.

²⁾ Просвѣтитель, стр. 325.

³⁾ Чтен. Моск. общ. наукъ, 1847, № I.

⁴⁾ Древ. Рос. Вивлио. XVI, 424.

телей. Нила Сорскаго и Вассіана Косаго—заволжскихъ монастырей). грозное обличіе: въ примѣрахъ Іосифа его противники видятъ духъ ветхаго завета и противолагаютъ ему духъ евангельской любви, которая относится къ грѣшнику съ полнымъ всепрощеніемъ ¹⁾). Замѣчательно, что въ то самое время, когда возгорѣлась такая ожесточенная борьба между двумя направленіями, когда для Іосифа наиболѣе нужно было знатокъ ереси, а вел. князь по крайней мѣрѣ общалъ Іосифу свое содѣйствіе—Геннадій былъ лишенъ своего престола и заключенъ въ Чудовъ монастырь, какъ обвиненный въ поставленіи духовныхъ лицъ на маѣ. И здѣсь видно еще колебаніе Іоанна.

Но Іосифу удалось достигнуть цѣли чрезъ Василія Іоанновича, котораго мы видимъ предсѣдателемъ на соборѣ 1504 года ²⁾). Теперь участь еретиковъ была рѣшена: дьяка Волка Курячина, Ивана Максимова и Дмитрія Пустоселова—сожгли въ кѣльяхъ; Некраса Рукавова отправили въ Новгородъ и сожгли тамъ вмѣстѣ съ архим. Кассіаномъ, братомъ Кассіана—Іваномъ Самочернымъ и многими другими ³⁾). Остальнымъ разослали по монастырямъ. Въ числѣ ихъ Семень Кленовъ былъ отправленъ съ еретическими книгами въ Волоколамскій монастырь. Іосифъ сломилъ такимъ образомъ продолжительное противодѣйствіе Іоанна Васильевича: онъ сумѣлъ втолковать *состаршемуся* царю, что не только не грѣхъ казнить за ересь; но что этимъ способомъ можно даже покрыть и собственные грѣхи ⁴⁾). Такой исходъ дѣла вызвалъ новое возраженіе заволжскихъ старцевъ, въ которомъ они проводятъ мысль, что еретиковъ не слѣдуетъ разписывать, если они не обнаруживаютъ своей ереси; а еретиковъ покаявшихся даже слѣдуетъ принимать въ церковь. Іосифъ, отвѣчая на это, стоитъ на самой крайней точкѣ зрѣнія. Онъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ противодѣйствіи свящ. писанію; настаиваетъ на разпискѣ еретиковъ (инокѣго), при чемъ допускаетъ даже хитрость, для открытія лжеученія (*примѣръ*: патр. Флавіанъ, позвавъ къ себѣ Адельфія, въ дружеской бесѣдѣ выпыталъ у него сущность мессалианской ереси), ко-

1) См. выше стр. 91.

2) Пол. собр. рус. лѣт. IV, стр. 278.

3) Ibid. VI, 49, 244, VIII, 244. Феодоръ Курячинъ, вѣроятно умеръ передъ тѣмъ, такъ какъ о немъ болѣе не упоминается.

4) Миллеръ, О направ. Іосифа Волоколамскаго, Журн. мин. народ. просвѣщ. 1868, февр. 340.

тору называетъ «богопремудрымъ художествомъ» и «богонаученнымъ коварствомъ». Онъ согласенъ, что *еретиковъ* можно допускать къ причащенію, послѣ покаянія; но не *отступниковъ*. Еретикъ есть случайно зараженный, а отступникъ—упорный еретикъ, и потому не заслуживаетъ пощадъ; новгородскіе же еретики именно отступники. Вотъ способъ діалектики Іосифа для доказательства любимой мысли. Въ заключеніе Іосифъ убѣждаетъ защитниковъ гуманнаго обращенія съ еретиками повернуться рѣченію собора, иначе грозитъ отлученіемъ отъ причастія; потому что простые иноки не облечены никакой церковною властію, и не должны разсуждать о соборномъ опредѣленіи ¹⁾. Среди этой борьбы написаны Іосифомъ 13—16 слова Про-

¹⁾ Хрущовъ, 194. Въ «Просвѣтителѣ» есть цѣлыя страницы о такъ называемомъ у Іосифа «коварствѣ божіемъ». Возражая еретикамъ, которые говорили, что воплощеніе Сына Божія, для спасенія рода человѣческаго, несогласно съ мудростію и силою Творца, который могъ спасти падшаго человѣка одною властію своею, а не «перехищреніемъ» діавола чрезъ воплощеніе; Іосифъ представляетъ рядъ *примѣровъ*, гдѣ Богу угодно было совершить дѣло не одною своею волею, но «перехищреніемъ». Господь могъ прямо передать богатство египтянъ въ руки евреевъ; но не сдѣлалъ такъ, а повелѣлъ Моисею перехитрить Фараона, чтобы онъ отпустилъ ихъ въ пустыню на три дня помолиться Богу, съ тѣмъ что они возвратятся. Развѣ не имѣлъ Богъ власти, чтобы открыто помазать на царство Давида? но онъ прежде перехитрилъ Саула: Самуилъ, возвратившись отъ Давида, на вопросъ Саула, куда ходилъ онъ, отвѣчалъ, что онъ приносилъ жертву. Развѣ не могъ Богъ открыто погубить Олоферна? а онъ «перехищреніемъ» устроилъ, что Юдиѣ погубила его. Развѣ не могъ Богъ явственно спасти дѣтей израильскихъ отъ убійства египтянъ и дать благословеніе Іакову? Между тѣмъ онъ не сотворилъ этого одною божественною властію, а «перехищреніемъ». Онъ повелѣлъ бабамъ сказать Фараону, что жены еврейскія не такъ раждаютъ дѣтей, какъ египетскія, и перехитрилъ Фараона. Онъ умудрилъ Ревекку, чтобы благословеніе досталось вмѣсто Исава—Іакову.... Такъ и теперь божественною премудростію и «перехищреніемъ» онъ спасъ человѣческій родъ и освободилъ его отъ ада. И много есть подобныхъ въ священномъ писаніи «перехищреній и коварствъ», которыя сотворилъ самъ Богъ; а святые божи, дѣлая по божественному повелѣнію, думали, что они творятъ не доброе, Богу же эти дѣла весьма угодны, суть». Стр. 176—178. «Въ этихъ страницахъ, говоритъ профес. Миллеръ, такъ и слышится что-то вѣющее тѣмъ духомъ, который развѣнчивъ на западъ орденомъ Іисуса». О: направленіи Іосифа Волокол. въ Журн. мин. народ. просв. 1868, февр. 589.

свѣтлѣе, которыя должны были служить только разъясненіемъ его слабой мысли о законности и необходимости преслѣдованія еретиковъ. Давъ 12 слова видно, что еретики въ свою защиту говорили почти тѣми же словами, какъ и заволжскіе возражатели Іосифа. Защищая терпимость, еретики ссылаются на Евангеліе («не осуждайте, да не будете сами осуждены») и Іоанна Златоуста. Іосифъ не отвергаетъ толкованія евангельскаго текста, но отсылаетъ за объясненіемъ его къ 39 слову Никона Черногорца, который собралъ въ одно цѣлое объясненія равныхъ отцовъ церкви. Особенно замѣчательно діалектическое направленіе Іосифа въ толкованіи Іоанна Златоуста. Златоустъ говоритъ «не достойно намъ убивать еретиковъ». Іосифъ объясняетъ, что здѣсь сущность дѣла заключается въ словѣ *намъ*, которое относится въ епископамъ, священникамъ, монахамъ, и потому они не должны совершать наказанія сами; но это вовсе не значитъ, что не должны дѣлать того дари и судьи; въ такомъ случаѣ І. Златоустъ не сказалъ-бы *намъ*. Іосифу необходимо было защитить свою ревность отъ нареканій еретиковъ, которые особенно нападали на монаховъ, говоря, что имъ не слѣдуетъ мѣшаться въ споры, такъ какъ они отреклись отъ міра и всего, что есть въ немъ; и что имъ нужно быть внимательными только къ себѣ, а не осуждать другихъ ¹⁾. Іосифъ защищаетъ право духовныхъ осуждать еретиковъ, по *примѣру* св. мужей; но по осужденіи они должны передавать виновныхъ въ руки гражданской власти для надлежащей казни ²⁾.

Шестнадцатое слово представляетъ крайнее развитіе высказанныхъ Іосифомъ мыслей. Въ немъ Іосифъ трактуетъ объ обязанностяхъ гражданской власти относительно еретиковъ. Единственное средство противъ ихъ лжеученія—уничтожить ихъ самихъ, потому что покаяніе еретиковъ всегда бываетъ вынужденное, а не добровольное. Для боль-

¹⁾ Просвѣтитель, стр. 527, 550.

²⁾ Здѣсь Іосифъ представляетъ нѣсколько *примѣровъ* изъ отношеній къ еретикамъ свѣтской и духовной власти: Мелсей, Илія, Іуда Маккавей, противники божіихъ предавали мечу; царь Іосія такъ распоряжался о вѣрѣ, что велѣлъ даже выкопать кости умершихъ отступниковъ и сжечь ихъ, разбѣивъ прахъ по вѣтру. Ап. Петръ уничтожилъ волхва Симона молитвою; Іоаннъ богословъ молитвою потопилъ волхва; ап. Филиппъ архіерея, хулившаго Іис. Хр., повелѣлъ поглотить землѣ.

шаго убѣжденія у Іосифа всегда слушать примѣры. *Примѣры* въ этомъ случаѣ могутъ быть азиатскіе императоры: Θεодосій, Марціанъ, Юстиніанъ, Константъ, вступъ Іракліа, которые отправляли еретики въ темницы и ссылки и предавали проклятію. Ересь строгониконъ была уничтожена только тогда, когда всѣхъ ихъ свергли въ темницы до вонна жизни. Царства армянское, египетское и римское погибли отъ ересей, но небреженію тогдашнихъ царей и епископовъ которые будутъ осуждены за это на страшномъ судѣ. Намонецъ Іосифъ приводитъ назидательное наставленіе изъ востановленій Константина В., который повелѣлъ казнить мотомъ всѣхъ, кто не вѣрять въ св. Троицу, и Юстиніана, опредѣлявшаго еретиковъ предавать самымъ страшнымъ мученіямъ. Въ распространеніи ереси Іосифъ видитъ гибель отечества.

Полное торжество Іосифа наступило только съ возмещеніемъ на престолъ Василя Іоанновича (1505), въ которомъ Іосифъ и его сторонники видѣли второго Константина, по его дѣйствіямъ противъ еретиковъ ¹⁾. Симпатіи Василя къ Іосифу не замедлили обнаружиться въ первые мѣсяцы новаго правленія брата Іосифа—Вассіанъ былъ сдѣланъ архіепископомъ ростовскимъ. Онъ оказалъ большое содѣйствіе Іосифу. Преслѣдованіе еретиковъ заставило ихъ на нѣкоторое время притихнуть. Но изъ *жестокихъ* послѣдователей ереси, о которыхъ говоритъ Іосифъ, избѣжавшіе наказанія минимы раскаяніемъ рано или поздно должны были высказаться. Едва вступилъ на престолъ Василій, какъ Іосифъ уже засыпалъ его цѣпкамъ рядомъ новыхъ посланій, убѣждая его—не вѣрять покаянію еретиковъ, которые въ древнія времена погубили много царствъ, а заключить ихъ на всю жизнь въ темницы, или казнить по *примѣру* прежнихъ царей, такъ какъ другимъ способомъ нельзя избавиться отъ этой заразы ²⁾. Но въ 1511 г. скончался митр. Симонъ, поддерживавшій сторону Іосифа (по вопросу о вдовьихъ понахъ, монастырскихъ имуществахъ и колѣно вассальство еретиковъ), а на его мѣсто былъ избранъ Варлаамъ, ревностно принявшійся за исправленія въ церкви. Быть можетъ при его содѣйствіи былъ вызванъ въ Москву (въ Симоновъ монастырь) представитель святаго направленія (заволжскихъ монастырей: вологодскихъ, бѣлозерскихъ) и ученикъ Нила Сорскаго—Вассіанъ Косой (Патришевъ), кото-

¹⁾ Посланіе къ Вад. Ів. Хрущовъ, 242, и посл. Макарія архіепископа новгородскаго. Дополн. въ ист. акт. № 25.

²⁾ Житіе Іосифа, Саввы Чернаго.

рый получилъ отъ митрополита порученіе заняться исправленіемъ церковныхъ правилъ. Конечно это говорить въ пользу начитанности Вассіана. Отчасти это обстоятельство, отчасти родство—сблизили его съ вел. княземъ, противъ котораго онъ прежде дѣйствовалъ, когда былъ еще придворнымъ вельможею при Іоаннѣ III. Между Василиемъ и Вассіаномъ заведись частныя бесѣды ¹⁾, и Вассіану удалось, вмѣстѣ съ нѣкоторыми епископами, заступиться за преслѣдуемыхъ. Ободренные удачею, ихъ защитники стали громко и сильно порицать дѣйствія Іосифа, такъ что его біографъ даже не рѣшается передать всѣхъ выраженій о немъ ²⁾. Впрочемъ не долго продолжался ихъ успѣхъ. Іосифу донесли, что одинъ изъ раскаявшихся еретиковъ, получивъ санъ священника, послѣ служенія бросилъ потиръ въ домашнюю печь (а жена его увидѣла на томъ мѣстѣ отрока, который погрозилъ ей за это вѣчнымъ огнемъ, послѣ чего отверзлась кровля избы и двѣ прилетѣвшія птицы унесли отрока на небо). Снова Іосифъ со всею силою ополчился противъ ложнаго покаянія еретиковъ, что произвело надлежащее впечатлѣніе на вел. князя, и онъ повелѣлъ всѣхъ ихъ заключить въ темницы на всю жизнь. Услышавъ объ этомъ, «Іосифъ воздалъ славу Богу», заключаетъ его біографъ ³⁾.

Строгой систематикъ, какъ въ устройствѣ своего монастыря, такъ и въ борьбѣ съ ересью, Іосифъ умѣлъ сообщить тотъ же духъ и своимъ ученикамъ. Они были вѣрными блюстителями его мнѣній въ теченіе всего XVI вѣка, пока велась борьба съ остатками новгородскихъ еретиковъ. При жизни Іосифа было два такихъ случая. Съ разрѣшенія Іосифа, два его ученика—Нилъ Полевъ и Діонисій Звенигородскій удалились въ бѣлозерскую пустыню, гдѣ сосредоточивалось оппозиціонное направленіе воложскихъ пустынножителей. Зная взглядъ Іосифа на удавленіе изъ мѣста постриженія ⁴⁾ и принявъ во вниманіе ихъ новое мѣсто-пробываніе, трудно согласиться, чтобы этотъ фактъ былъ случайнымъ. Очевидно Іосифъ наблюдалъ за своими противниками, хотя и не еретиками, но особенно защищавшими ихъ. Наше предположеніе тѣмъ бо-

¹⁾ Сказаніе о втор. бравѣ, Чтен. Моск. общ. ист. № VIII; Судное дѣло Вассіана, ib. 1847, IX.

²⁾ Житіе Саввы Чернаго, 36—37. Заступничество Вассіана объясняется также его прежнею дружбою съ Ѳеодор. Курлицкимъ.

³⁾ Житіе Іосифа, Саввы Чернаго.

⁴⁾ См. выше, стр. 345.

же подтверждается, что выходцы «иосифляне» действительно заявили себя усердием къ Иосифу. Узнавши, что одинъ изъ пустынниковъ (Германъ) порицаетъ ихъ духовника за то, что онъ даетъ имъ причастіе, когда Иосифъ отлученъ Серапіономъ (архіеп. новгород.), а «иосифляне» за преслѣдованіе еретиковъ—Нилъ, «не стерпѣвъ шипѣнія совѣтниковъ Германа (т. е. заволжскихъ старцевъ), написалъ послѣднему два грозныхъ посланія въ защиту Иосифа, въ которыхъ по примѣру послѣдняго, упрекаетъ его за то, что онъ *иома*—простой чернецъ, необлеченный саномъ, посмѣлъ порицать епископовъ и *масу* всѣхъ—митрополита, простившихъ Иосифа (по дѣлу съ Серапіономъ) и признавшихъ необходимость казни еретиковъ¹⁾. Въ другой разъ Иосифу дать знать Діонисій, что у скитниковъ онъ открылъ ересь: прійдя съ однимъ попомъ въ келію пустытника, они увидѣли у послѣдняго крестъ подъ постелею; другой же пустытникъ читалъ *кнму*, и когда увидѣлъ приближающагося Діонисія (значить существовали подозрѣнія противъ него),—бросилъ ее въ огонь²⁾. Иосифъ немедленно сообщилъ объ этомъ своему брату Вассіану, который былъ тогда въ Москвѣ, а послѣдній доложилъ вел. князю. Василій Іоанновичъ, призвавъ Вассіана Косаго, защитника заволжскихъ пустытниковъ, сказалъ ему: «хорошо-ли дѣлають твои пустытники»? На это Вассіанъ отвѣчалъ: «грамота написана съ лукавствомъ; въ ней все солгано». Онъ просилъ допросить попа; попа пытали, но тотъ подтвердилъ написанное. Видно однако, что вел. князю надоѣли эти столкновенія. Онъ разсердился на доносчиковъ—Діонисія и Нила, велѣлъ съечь ихъ келіи а самихъ перевести въ Кирилловъ монастырь³⁾. Но этотъ случай послужилъ новымъ поводомъ въ борьбѣ между «иосифлянами» и ихъ противниками. Вассіанъ снова вступилъ въ полемику съ Иосифомъ, въ которой упрекалъ послѣдняго за то, что онъ въ осужденіи еретиковъ руководствовался ветхимъ завѣтомъ, который противенъ Богу, и, вы-

1) Отношенія иноковъ Кирил. и Иосиф. монаст. Прибавл. къ Твар. св. отц. годъ IX, кн. 3, стр. 522—26. Хрущовъ, 238.

2) Этотъ примѣръ показываетъ, какъ еретики возбуждали интересъ къ чтенію. У нихъ были собранія книгъ. Купецъ Кленовъ былъ заточенъ въ Иос. монаст. съ *книгами*; чернецъ Захаръ возбуждалъ къ ереси своими посланіями. Конечно писали и другіе; но всѣ ихъ сочин. вѣроятно погибли во время преслѣдованій, и потому мы знакомы съ ересью только по описаніямъ обличителей, не всегда вѣрнымъ.

3) Ibid.

ходя изъ основаній Евангелія, проводить идею терпимости къ другимъ. Разбирая мнѣнія Іосифа, онъ уподобляетъ его Нояту, который также отвергалъ покаяніе еретиковъ ¹⁾. Этого мало: Вассіанъ, встрѣчаясь съ «іосифлянами», открыто оскорблялъ ихъ, называя по іосифовски «отступниками». Привывши обращаться къ власти, Іосифъ писалъ въ Москву, къ своимъ покровителямъ (Челяднину), жалуясь на Вассіана и упрашивая доложить объ этомъ вел. князю, чтобы тотъ защитилъ его отъ морщаній Вассіана. вмѣстѣ съ тѣмъ Іосифъ выражаетъ снова надежду на рѣшительный шагъ вел. князя противъ еретиковъ ²⁾. Известно также, что Іосифъ выступилъ съ отдѣльнымъ сочиненіемъ противъ Вассіана, въ которомъ разбираетъ его сомнѣнія относительно вѣчнаго завѣта и его мнѣніе о безконечномъ милосердіи Бога, который проститъ однократное, какъ еретиковъ, такъ и отступниковъ, называемыхъ у Вассіана, за ихъ страданія, — мучениками. Систематически развивавшійся антагонизмъ двухъ направленій разрѣшился наконецъ тѣмъ, что Іосифъ запретилъ своимъ ученикамъ имѣть сообщеніе съ учениками Нила и Вассіана, а послѣдній «іосифляны» не пускалъ даже въ свою келію. И въ то время, какъ ученики Іосифа еще при жизни величали его святымъ и чудотворцемъ—Вассіанъ подводитъ эти качества подъ запрещеніе 43 главы Никона Черногорца, о ложныхъ чудесахъ: «это бжеовскія чудеса и знаменія, говорится тамъ, и намъ не слѣдуетъ въ нихъ вѣрять» ³⁾.

¹⁾ Полемич. соч. Вассіана, Прав. соб. 1863 г.

²⁾ Хрущовъ, 246.

³⁾ Полемич. сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, 200—210. Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, № IX, 10. Ср. выше, стр. 87—92. Личность Вассіана заслуживаетъ вниманія. Въ мѣстѣ онъ назывался Василиемъ Ивановичемъ Патриковичемъ. По своему происхожденію онъ былъ потомокъ Гедимины. Сынъ послѣдняго, Наримундъ, получилъ отъ Новгорода (1333 г.) въ удѣлъ нѣсколько городовъ: (Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ и друг.), которые послѣ него перешли къ его сыну Патрикію, вступившему на службу къ вел. кн. моск. Василию Дмитриевичу. Юрій Патриковичъ женился на дочери Василия—Аниѣ и былъ главнымъ воеводою при Василиѣ Темномъ, а Иванъ Юрьевичъ Патриковичъ занималъ важное мѣсто при дворѣ Іоанна III. Такимъ же уваженіемъ пользовался и сынъ его Василий, который отличался воинскими способностями и прославился въ битвѣ подъ начальствомъ Давида Щени. По случаю сватовства дочери Іоанна—Елены, за литов. князя Александра, Василий участвовалъ въ посольствѣ вмѣстѣ съ Сем. Рязполовскимъ и Фед. Курицынымъ, фамиліи которыхъ были въ родствѣ съ Патриковичами. Но какъ сторонники Дмитрія въ вопросѣ о престолонаслѣдіи

Въ такихъ противоположныхъ заключеніяхъ приходилъ лица, пользовавшіеся въ своей борьбѣ однимъ и тѣмъ же источникомъ.

Патриархъ былъ приговоренъ былъ къ смерти, и только заступничество митрополита Симона и нѣкоторыхъ епископовъ замѣнило ее монастыремъ. Отецъ былъ постриженъ въ Троицкомъ, а сынъ, съ именемъ Вассіана, — въ Кирилло-Бѣлозер. монастырѣ, вблизи котораго жилъ Нилъ Сорскій. Здѣсь Вассіанъ усвоилъ себѣ его взгляды на монашескую жизнь, а богатая бібліотека Бѣлозерскаго монастыря доставила ему обильный матеріалъ для книжнаго образованія. Изъ Новгорода еретическое направленіе легко распространилось на сѣверъ и сосредоточилось между прочимъ около Бѣлоозера. Эти толки возбудили напряженную книжную дѣятельность въ тамошнемъ монастырѣ. Замѣчательно, что здѣсь проявляется оппозиція «іосифлянамъ», и здѣсь въ послѣдствіи обнаруживается ересь Θεодосія Косаго. Самъ Вассіанъ, подъ вліяніемъ еретическихъ толковъ, сталъ слѣдить за современными мнѣніями. Въ Бѣлозерскомъ монаст., а потомъ въ Симоновскомъ, онъ задумывался надъ однимъ мѣстомъ толковаго Евангелія (о Самарянахъ): «тварь поклоняется твари». Очевидно это мѣсто относилось къ словамъ Іисуса Христа, обращеннымъ къ самарянкамъ: «Вы не знаете чему кланяетесь, а мы знаемъ, чему кланяемся»; потому что, на основаніи этой бесѣды, въ толковомъ Евангеліи Іисусъ называется «тварью». Можно думать, что это была одна изъ книгъ, имѣвшихъ значеніе у еретиковъ и можетъ быть заключала въ себѣ собраніе толкованій древнихъ еретиковъ, помѣщенныхъ рядомъ съ опроверженіями церковныхъ писателей. Для еретиковъ же бесѣда Іисуса съ самаряною могла имѣть значеніе и потому еще, что въ ней проводится идея о поклоненіи Богу «духомъ и истиною». Другое мѣсто, занимавшее Вассіана, касалось опять современныхъ споровъ. Одни говорили, что Богъ, сказавъ: «сотворимъ человека по образу нашему» — относилъ это къ себѣ; а другіе видѣли въ этомъ ветхозавѣтномъ текстѣ указаніе на Троицу. Въ послѣднемъ смыслѣ «понималъ» Іосифъ Волоколамскій, а Вассіанъ принималъ первое мнѣніе. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что споръ съ Вассіаномъ велъ ученикъ Іосифа — Досноей. Въ третьемъ пунктѣ уже ясно высказалась борьба лицъ, принадлежащихъ въ двумъ противоположнымъ лагерямъ. Досноей доносилъ, что Вассіанъ однажды говорилъ ему: «какъ твой Іосифъ писалъ, что на семи соборахъ отцы святыя Духомъ писали; мой старецъ Нилъ того не писалъ». Конечно Нилъ Сорскій не могъ говорить того, что здѣсь ему приписывается, а Вассіанъ вообще отрицалъ показанія Досноей, которыя были сдѣланы въ видѣ обвиненія долго спустя послѣ бесѣды его съ Вассіаномъ. Правда, Вассіана обвиняли еще въ непочитаніи св. Макарія Брлявнскаго и митр. Іоанн; но они канонизированы были только при митр. Макаріѣ, а до тѣхъ поръ имъ поклонялись, какъ и многимъ другимъ, которые за долго до канонизаціи удостоивались общаго уваженія. Изъ мнѣній Вассіана видно только, что еретическое движеніе выдвинуло (на ряду

Едва-ли можно согласиться, чтобы Геннадій, въ своихъ требова-
ніяхъ казни еретиковъ, увлекся однимъ примѣромъ испанскаго

критику религиозныхъ вопросовъ, которая, при недостаткѣ догматиче-
скаго знанія, нерѣдко приходила къ отрицательнымъ результатамъ, хотя
сами лица, раздѣлявшія ихъ, не всегда считали себя непремѣнно про-
тивниками господствующаго ученія. Притомъ было много вопросовъ, ко-
торые сопривасались между собою. Нилъ Сорскій, съ точки зрѣнія еван-
гельской нищеты, отрицательно относился къ порядку общежительныхъ
монастырей, а еретики, строго опираясь на Евангеліе, — отрицали даже
ихъ необходимость. Еретики, защищая себя, проповѣдывали терпимость
мнѣній; а послѣдователи Нила Сорскаго, строго держась евангельскихъ
правиль, настаивали на всепрощеніи. Вассіанъ же ясно заявилъ себя
противникомъ духа вѣтхаго завѣта и потому никакъ не можетъ подойти къ
тому направленію, которое Іосифъ называетъ «жидовствующимъ», и подъ
которое подводили Вассіана на судѣ. Вассіанъ до конца остался вѣ-
ренъ Нилу. По смерти послѣдняго онъ покровительствовалъ его скиту.
Максимъ Грекъ и Курбскій, строгіе послѣдователи догматическаго уче-
нія — вполне благоволили въ Вассіану, который приписывалъ даже Ма-
ксиму вліяніе на утвержденіе въ немъ прочныхъ религиозныхъ понятій
(«мы Бога познали Максимомъ и его ученіемъ»); въ пустынь онъ велъ
строгую жизнь (Курбскій); ему митр. Варлаамъ поручаетъ исправить
церковныя постановленія и слѣдить за переводчиками при Максимѣ
Грекѣ; онъ былъ постояннымъ собесѣдникомъ Василія Іоанновича, стро-
гаго преслѣдователя еретиковъ. Не забудемъ, что и Максимъ Грекъ
былъ объявленъ еретикомъ. Конечно причиною, какъ въ обвиненіи по-
слѣдняго, такъ и въ нападкахъ на Вассіана, было то, что они, въ сво-
ихъ взглядахъ на религиозные вопросы, расходились съ понятіями гос-
подствующаго направленія и задѣвали существующій порядокъ вещей.
Родственное отношеніе съ Фед. Курицынымъ, посольскія обязанности,
заставившія соприкасаться Вассіана, съ иностранцами, и современное
движеніе — должны были оказать вліяніе на мнѣнія Вассіана. Его пре-
жняя политическая дѣятельность и послѣдовавшая за тѣмъ неудача раз-
вили въ немъ рѣзкость тона и непримиримую антипатію къ противни-
камъ. Переводчики опасались его «какъ великаго временнаго человѣка».
Обширное литературное движеніе оказало на Вассіана также свое влія-
ніе: въ его церковныхъ правилахъ мы встрѣчаемъ выписки изъ Гомера,
Платона, Аристотеля и др. греческихъ писателей, вѣроятно заимство-
ванныя изъ тогдашнихъ сборниковъ. Это опять показываетъ, что кру-
жокъ Курицына оказывалъ вліяніе на общество своими умственными
интересами, а вовсе не «жидовствомъ», котораго не потерпѣлъ-бы около
себя и самъ Іоаннъ III, а тѣмъ болѣе его преемникъ. При томъ ожес-
точенная борьба должна была наложить много темныхъ тѣней на обѣ
враждующія стороны. Устряловъ, Сказ. вн. Курбскаго, 4, 5, Сказаніе о
втор. бракѣ, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № VIII, Судное дѣло Вассіана, *ib.*,
№ XI. О рус. пропов. XV и XVI в. Ж. М. Н. проsv. 1868, февр. 864.).

короля. Какъ у него, такъ и у Іосифа, уже существовали мотивы, сочувственные дѣйствіямъ послѣдняго. Еще до свиданія съ «цесарскимъ посломъ» Геннадій хлопоталъ объ «очищеніи русской земли». Разсказъ воссла только пробудилъ въ немъ надежду подѣйствовать на вел. князя примѣромъ такого громаднaго учрежденія, какое устроилъ Фердинандъ. А у Іосифа не видно и этого вліянія ¹⁾. Къ этимъ двумъ голосамъ въ послѣдствіи присоединился еще голосъ Максима Грека, представляющаго противоположность съ ними по другимъ вопросамъ. Видя остатки прежней ереси, Максимъ Грекъ написалъ «совѣтъ къ православному собору». Здѣсь онъ прежде всего представляетъ рядъ *примѣровъ* ревности по вѣрѣ (Моисей, повелѣвшаго убить всѣхъ, уклонившихся въ идолослуженію; Финееса, умертвившаго 23,000 «ради одного грѣха блуднаго»); не забываетъ и Льва еп. катанскаго (предавшаго сожженію волхва Геліодора), цитируемаго Іосифомъ. За тѣмъ, обращаясь къ собору, онъ совѣтуетъ подражать «древнимъ ревнителямъ» и предать виновнаго (Исаака) въ руки *гражданской* власти ²⁾. Такимъ образомъ «совѣтъ» Максима Грека вѣтъ тѣмъ же духомъ, которымъ пронизаны посланія Геннадія и Просвѣтитель Іосифа.

Различіе между заволжскимъ направленіемъ и стремленіями «іосифлянъ» объясняется ихъ основными источниками. Послѣдователи Нила Сорскаго стоятъ на евангельской точкѣ зрѣнія и другой не признаютъ, а Іосифъ Волоколамскій и Максимъ Грекъ руководствуются и ветхимъ завѣтомъ, и древними *примѣрами*, которые у нихъ служатъ надежною

¹⁾ Исслѣдователи этого вопроса находятъ признаки нетерпимости еще въ древнѣйшемъ періодѣ. Такъ, у Θεодосія Печерскаго встрѣчается мысль, что, прощая своимъ врагамъ, мы не въ правѣ прощать врагамъ божіимъ. Существовало и эпическое представленіе Бога земнымъ владыкою, откуда слѣдовало понятіе о врагахъ божіихъ, какъ о супротивномъ воинствѣ. (Миллеръ, О направленіи Іосифа Волокол. 539). Митр. Нивифоръ (XII в.), рассматривая дѣятельность душевныхъ силъ, говоритъ, что вторая изъ нихъ—чувство проявляется въ ревности по Богѣ, а при неправильномъ употребленіи обнаруживается въ злобѣ, зависти и т.п. Такъ, Каинъ злоупотребилъ чувствомъ и по зависти убилъ брата своего Авеля; а Моисей, Финеесъ и Илія ревновали по Богѣ, когда первый убилъ египтянина, второй—иноплеменницу, согрѣшившую съ израильтяниномъ, третій—жрецовъ Ваала. Убиваютъ и разбойники, но по злобѣ и своекорыстію. (Русск. Достопамят. I, посл. къ Влад. Моном. о постѣ; Макарій, II, 158).

²⁾ Сочиненія Макс. Грека, I, 51.

опору для подтвержденія основной мысли. Въ осужденіяхъ неслѣдователей Македонія, Несторія, Оригена и др. ¹⁾ уже были применены тѣ принципы, которые проводятъ Іосифъ и Максимъ; а въ постановленіяхъ Константина, Феодосія В. и Юстиніана была выработана и самая теорія «градскихъ» законовъ, на которые ссылается оба защитника религиозной чистоты. (Іосифъ обыкновенно ссылается на правила древнихъ отцовъ и соборовъ и на повелы Юстиніана. Слова 12 и 13). Отсюда ясно, что вмѣстѣ съ «градскими» законами въ Россію долженъ былъ проникнуть и принципъ гражданской казни еретиковъ.

Но, ведя борьбу преимущественно противъ «жидовствующихъ», Іосифъ весь углубился въ изученіе ветхаго завіта и вполнѣ проникся его духомъ. «Духъ Библии имѣлъ на него сильное вліаніе; на Библии воспиталъ онъ строгость своихъ приговоровъ и пророческую ревность о Богѣ» ²⁾. Законъ возмездія за отступленія такъ укрѣпилъ въ Іосифѣ, что онъ для большей убѣдительности указываетъ на бѣдствія, постигавшія современныхъ отступниковъ ³⁾; а его ученики на столько усвоили этотъ мотивъ, что въ біографіяхъ Іосифа представляютъ даже примѣры бѣдствій, постигавшихъ его противниковъ ⁴⁾, какъ-бы въ наказаніе за противодѣйствіе ему.

Въ связи съ рассмотрѣнною нами борьбою Іосифа стоитъ вопросъ о монастыряхъ. Еще въ началѣ XIV в. новгородскій протопопъ Сентъ съ такимъ рвеніемъ проповѣдывалъ противъ монашества, что многіе оставили монастыри и вступали въ бракъ ⁵⁾. Стригольники, отрицающіе внѣшнюю сторону религіи, включали сюда и монашество. Послѣдователи новгородскихъ еретиковъ отвергали монашество, какъ учрежденіе человѣчес-

¹⁾ Калачовъ, о Коричей, стр. 76. Эти опредѣленія помѣщались обыкновенно въ Коричей.

²⁾ Хрущовъ, V.

³⁾ Смерть еретиковъ у него описывается ужасными красками: «скверное сердце адова пса (Истомы), жилище семи духовъ, сгнило и чрезо его проткнуто». Понъ Деписъ, посланный въ заточеніе, цѣлый мѣсяцъ пробылъ «возлогласуя и испуская гласы звѣрскіе, скотин всякихъ птицъ и гадовъ,—такимъ образомъ извергъ скверную и еретическую душу свою». Просвѣтитель, предисловіе.

⁴⁾ Недоброжелатели Іосифа, несочувствовавшіе его дѣятели, почитатели его сочиненій и его ученики, оставившіе обитель,—въ потернѣяхъ должное возмездіе «отъ Бога и государя». говорятъ біографы Іосифа.

⁵⁾ Татищевъ, IV, 95. Никонов. III, 135.

кое, которое противно Евангелію, и въ подтвержденіе своей мысли привели доказательство, что Іисусъ, апостолы и первые отцы церкви не обмыслили монашества своимъ примѣромъ. Воздержаніе же отъ мяса и супружества еретики, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ свѣдѣній, считали даже противнымъ Богу и потому осуждали. Насколько этотъ вопросъ близокъ былъ Іосифу, какъ истинному монаху, видно изъ того, что слово, посвященное опроверженію мнѣній еретиковъ, поэтому предмету одно изъ самыхъ пространныхъ, раздѣлено, по пунктамъ, на четыре главы и отличается строгою последовательностью. Здѣсь ничто не забыто: даже одежда монаха объясняется символически, какъ вѣнчикъ отроченія человека отъ мірскихъ дѣлъ. Сначала Іосифъ слѣдуетъ исторически за развитіемъ преимущественнаго значенія дѣвства и отшельничества (Мельхиседекъ, Илія, Елисей, Іеремія, Данииль, ессеи, дѣвство Маріи; многіе апостолы, оставившіе свои семейства), которое, по своему обыкновенію, отъ подтверждаетъ множественный примѣровъ. Онъ соглашается, что можно усовершенствоваться и въ мірѣ; но не вполнѣ. Это доказывается тѣмъ, что никто изъ мирянъ, кромѣ аскетовъ, не совершилъ чудесъ, а известнѣйшіе дѣятели церкви всѣ принадлежали къ монашеству. Вотъ почему на 6 соборѣ постановили, чтобы епископы не имѣли женъ, такъ какъ бывшіе до тѣхъ поръ не совершили ничего замѣчательнаго ¹⁾.

Но тотъ же Іосифъ даетъ матеріалъ для оцѣнки другой стороны вопроса. Его «Связаніе объ отцахъ, бывшихъ въ русскихъ монастыряхъ», представляетъ намъ вмешеченную борьбу, возникшую въ русскихъ монастыряхъ между защитниками древнихъ уставовъ и ихъ нарушителями ²⁾. Жалобы на упадокъ монастырской жизни замѣтно усиливаются съ конца XV и въ XVI вв. ³⁾. Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что паденіе монастырскихъ уставовъ совершалось постепенно. Борьба въ Кирилловскомъ м. началась вскорѣ по смерти его основателя; но, при помощи удѣльнаго князя, защитникамъ преданія удалось

¹⁾ Просвѣтитель, слово XI.

²⁾ Лѣтоп. Археогр. комис. вып. II. Іосифъ говоритъ о борьбѣ въ монастыряхъ: Кирилловскомъ, Симоновскомъ, Сивинномъ—тверскомъ. Сюда же слѣдуетъ присоединить борьбу Іосифа въ Пафнутьевомъ монастырѣ; Палсія и Артемія въ Троицкой лаврѣ, Теодорита Кольскаго въ Кольскомъ и Спасо-Евѣнгеліевскомъ мн. (житіе Іос. Волок. и Курбскій, Исторія Іоанна).

³⁾ Макарій, Истор. церк. IV, 224—226, наше издѣд. «Максимъ Грекъ», т. IX.

отстоять неприкосновенность устава, и еще Иосифъ, странствующій по монастырямъ, ставитъ въ образецъ этотъ монастырь, на ряду съ Чудовскимъ (1478 г.); но въ половинѣ XVI вѣка Иоаннъ Грозный представляетъ оба монастыря въ примѣръ паденія монастырской жизни и присоединяетъ къ нимъ еще—Симоновскій («только по одеждѣ иноки, а все дѣлаютъ по мірскому»), Троицкій («благочестіе изсавло») и Сторожевскій («до чего дошли! уже некому и затворить монастыри; на трапезѣ трава растетъ») ¹⁾. Феодоритъ (игум. Кольск. и Спасо-Евф. мм.), Паисій, Артемій (Троиц. игум.) и Иосифъ Волоколамскій (игум. Пафнут. м.) должны были совсѣмъ оставить монастыри, въ которыхъ они начальствовали, потому что не могли возвратитъ монаховъ къ прежней жизни. Причинами такого порядка вещей слѣдуетъ признать, какъ нравственные мотивы, которые понятны сами собою, такъ и социальными условіями того времени. Тяжелыя общественныя отношенія, при обеспеченности монастырской жизни и легкости поступленія въ монастырь, значительно содѣйствовали распространенію монашества. Оттого множество монаховъ сосредоточивалось по преимуществу въ нѣкоторыхъ городахъ; такъ какъ городскіе монастыри не представляли такихъ неудобствъ, какъ пустынные ²⁾. Очевидно, что эти лица были далеки отъ той жизни, которая требовала переносить много лишеній. Далѣе, къ тому же результату приводили политическія обстоятельство. Вмѣстѣ съ образованіемъ Московскаго государства увеличивались государственныя потребности, которыя тяжело ложились на народъ, и потому монастыри въ значительномъ количествѣ стали наполняться изъ низшаго класса. Конечно здѣсь рѣчь идетъ о монастырскомъ населеніи вообще, а не объ основателяхъ пустынь (см. выше, стр. 120), и притомъ по преимуществу съ исхода XV вѣка. Петръ В. говоритъ (о позднѣйшей эпохѣ), что тогдашніе монахи были почти все изъ *поселянъ* ³⁾. Этотъ элементъ вносилъ въ монастырскую жизнь грубость нравовъ ⁴⁾.

¹⁾ Акты историч. I № 204. Посл. въ Бѣлозер. монастырь.

²⁾ Во время моровой язвы въ Новгородской области (1467), въ одномъ Новгородѣ было собрано (конечно и изъ окрестныхъ монастырей) 7,650 труповъ монаховъ и монахинь; въ старой Русѣ 1,300 монаховъ. Журн. мин. нар. просв. 1868 г. февр. 354. Въ первой половинѣ XVI в. въ Троицкой лаврѣ было 3000 монаховъ (Олеарій); между тѣмъ во второй половинѣ XVI ихъ было только 700 (Флетчеръ).

³⁾ Полн. собр. закон. № 4,450.

⁴⁾ «Я видѣлъ, говоритъ Иоаннъ Грозный, по четкамъ м лагутъ, что въ тѣхъ четкахъ?» Акт. истор. I, № 204. О разныхъ сценахъ въ

Съ другой стороны, вмѣстѣ съ развитіемъ Московскаго государства и возникновеніемъ его борьбы съ боярствомъ—замѣчается значительное количество политическихъ постриженій, въ слѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ монастыряхъ рѣзко выдается боярскій элементъ (см. выше, стр. 245). Монахи-бояре, при томъ невольно постриженные, конечно не оставляли своихъ обычаевъ и въ монастыряхъ. Они пробавлялись по волюямъ «постылами, коврижками и пряними овощами»; за монастыремъ держали дворы, гдѣ помѣщались всякіе запасы на цѣлый годъ, а ихъ мірскіе пріятели доставляли имъ и «фряжскія (иностранныя) вина». Шереметьевъ, замѣчаетъ Іоаннъ Грозный, сидитъ въ келліи, какъ царь ¹⁾. Эти лица требовали себѣ льготы и давали чувствовать свое происхожденіе. Писій Ярославовъ оставилъ игуменство въ Троицкомъ монастырѣ потому, что не могъ исправить монаховъ; а не могъ исправить потому, что тамъ были князья и бояре, которые не хотѣли повиноваться. Они задумывали даже убить его ²⁾.

Отступленія отъ монастырскихъ порядковъ болѣе всего обнаруживались въ многочисленныхъ и богатыхъ монастыряхъ. Здѣсь монахи пользовались болѣе разнообразною и вкусною пищею ³⁾; ихъ одежда постепенно утратила прежнюю простоту: вмѣсто самодѣльнаго сукна появились шелковыя ткани и мягкія платья, подбитыя у нѣкоторыхъ соболемъ; монастырскія зданія приняли видъ каменныхъ палатъ, внутри украшенныхъ узорами, золотыми карнизами и пестрыми красками ⁴⁾. Въ большихъ монастыряхъ—монахи стали уклоняться отъ об-

монастыряхъ см. Сказаніе Іосифа объ отцахъ, бывш. въ русск. монаст. Лѣтоп. Археогр. ком. II. Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, III, 15. Соловьевъ, IX, 434—439. Грамоты въ Саввин. монаст. о казначей Никитѣ (Алекс. Михайл.), Запис. рус. и слав. археолог. II, 684—698.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. VI, 236.

³⁾ На обѣдъ и ужинъ монахамъ (въ XVI в.) подавали: пшеничный хлѣбъ, разныя ботвы, уха, молочныя кушанья, пироги съ айцами и сыромъ, куличи, лососину, семгу, икру, осетрину, судаки, леши, разныя кисели, съ медомъ и молокомъ, ягоды, изюмъ, орѣхи. Изъ напитковъ медъ, пиво, вино. По словамъ пр. Филарета, уклоненіе отъ древнихъ уставовъ выразилось особенно въ томъ, что икра и рыба стали допускаться по субботамъ и воскресеньямъ вел. поста. Истор. церкви, III, 164, Уставы Тихвин. и Троицкаго монаст. Акты истор. I, № 135.

⁴⁾ Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, III. Соч. Макс. Грека, II, 260—276 и Бесѣда ума съ душею.

шей трапезы и обзаводятся своимъ хозяйствомъ: у нѣкоторыхъ можно было найти въ келіяхъ по 1000 серебряницъ и болѣе ¹⁾. Прежнюю монастырскую тишину смѣнили широкіе приемы и угощенія, приготовляемыя для друзей пѣзъ мірянъ. Но наклонность къ довольству не ограничивалась монастырскими стѣнами: обѣды и правдники мірянъ въ свою очередь не обходились безъ участія монаховъ ²⁾. Зацѣпенки скитской жизни видѣли главную причину этихъ умѣреній въ существованіи монастырскихъ вотчинъ. Дѣйствительно мы имѣемъ множество примѣровъ, что монастыри всеми способами старались расширить свою территорию. Они хлопотали, чтобы умирающіе записывали свои имущества на монастыри; входили съ частыми просьбами къ правительству о пожалованіи новыхъ земель; присоединяли къ себѣ сосѣднія владѣнія; составляли отъ себя акты въ пользу монастыря на инаицѣ, умершихъ безъ завѣщанія; наконецъ дѣйствовали на многихъ доводами и толкованіями разныхъ мѣстъ въ отцовъ церкви, а нѣрѣдко вписывали въ книги подъ ихъ именемъ такія правила, какихъ вовсе не было въ ихъ твореніяхъ ³⁾. Эти хлопоты о богатствѣ такъ возбуждали представителя скитскаго направленія—Ила Сорскаго, что онъ написалъ обличительное сочиненіе о монахахъ, страйствующихъ для собранія богатства ⁴⁾.

Поземельное владѣніе въ то время было самымъ надежнымъ обезпеченіемъ, а доходы монастырей изъ этого источника составляли значительный процентъ въ сравненіи съ общимъ государственнымъ доходомъ ⁵⁾. Но въ этому слѣдуетъ еще присоединить до

¹⁾ Зиновій, Истипы показаніе.

²⁾ Акты истог. I, № 204.

³⁾ Подроб. съ указан. источник. въ нашемъ изстѣд. *Максимъ Грекъ*, II, 267—269.

⁴⁾ Опис. Рум. муз. 628; Царскій, № 274.

⁵⁾ На стр. 159 мы представили общій поземельный доходъ въ 824,599 руб., соответствующій съ цифрою крестьянъ, основываясь на данныхъ относящихся къ Троиц. лаврѣ. Но приведенная цифра еще не даетъ полнаго представленія. Если даже предположить, что территория Троиц. м. не распространялась съ XVI до XVIII, в., то принимая во вниманіе процентъ возрастанія населенія на $\frac{1}{2}$ въ столѣтіе, для XVI вѣка изъ 100,000 (106,600) человекъ (XVIII в.) получится только 65,000 (но вѣдь территория его въ XVI в. была менѣе обширна нежели въ XVIII, слѣд. и населенія было менѣе), которые даютъ дохода, по Флетчеру, 100,000 р. (а не 100,000 чел. какъ мы взяли для примѣра, желая по возможности быть умѣренными). Сдѣлавъ же надлежащее вычисленіе на-

ходъ отъ произведенныхъ операций и множество частныхъ пожертвованій¹⁾.

Монастырская обстановка свидѣтельствовала о значительныхъ богатствахъ монастырей²⁾. Конечно не всѣ въ нихъ могли одинаково

селенія для предыдущихъ столѣтій, на основаніи данныхъ XVIII с., мы получимъ, что въ XVI вѣкѣ (по предложенному только-что разсчету) 527,724 чел. приносило доходу до 800,000 руб.; въ XVII в. 659,530, чел. — 900,000; въ XVIII же в. 824,599 ч. — 1,200,000 руб. Впрочемъ только часть доходовъ монастыри собирали деньгами; остальное доставлялось натурою и потомъ уже сбывалось посредствомъ торговли. Натуральный же взносъ (см. стр. 159. примѣч. 2) предполагаетъ эту цифру еще выше. При всѣхъ денежныхъ разчетахъ слѣдуетъ помнить значеніе тогдашней монеты; стр. 159, пр. 4). Въ концѣ XVII в. весь государственный доходъ равнялся 1,750,000 р., а въ 1710 г. 3,834,418 руб. Гюжневъ, Дѣян. Петра В. VIII, 525. Соловьевъ, XVI, 44.

¹⁾ Ср. цифры, показанныя на стр. 134, 150, 158, 162, 163, 166. Что касается пожертвованій на поминъ и др. религиозныя потребности, то нѣтъ возможности представить даже приблизительную ихъ цифру. Въ обиходѣ Волоколамского м. за все XVI столѣтіе записано только 4,000 р., а о большихъ вкладахъ не считали нужнымъ упоминать, потому что они велики (напр. Іоанна Грознаго, Скуратова). Чит. Моск. общ. истор. 1863, IV. Между тѣмъ жертвы Іоанна Грознаго всегда записывались въ синодики, что необходимо безъ вкладовъ. Его сынъ — Іоаннъ пожертвовалъ въ Вѣлзерскій м. 1,000 р. Богатые постриженники, при поступленіи въ монастырь, давали по 300 и 400 руб., а нѣкоторые и до 1000, не считая земель. Есть извѣстіе, что въ XVI в. даже не принимали никого безъ вклада, и потому, по религиознымъ побужденіямъ, богачи считали необходимымъ помогать несостоятельнымъ. (Pletscher, II, 95, 96). Каждое придворное торжество (свадьбы, крестины) или печальное событіе (похороны) не обходилось безъ пожертвованій на монастыри. Въ такихъ случаяхъ, говоритъ Котошихинъ, денегъ расходится множество тысячъ (вмѣстѣ и нищимъ). За погребеніе высшее духовенство получало изъ казны 60—100 р., настоятели монастырей 30—50, остальные участвующія лица—5—20 р.; глава I.

²⁾ Сохранившаяся опись Вѣлзерскаго монастыря (полов. XVII в.) наглядно представляетъ намъ эту сторону монастырскаго быта. Въ ней описано 63 образа серебряныхъ, визолоченныхъ и золотыхъ, украшенныхъ драгоценными камнями: яхонтомъ, жемчугомъ, лазами, бирюзой, топазомъ, изумрудомъ, алмазомъ и т. п., въ ризахъ съ подобными же украшениями и увѣшанныхъ разными мелкими дорогими вещами; 457 образовъ—серебряныхъ или визолоченныхъ; 50 образовъ, покрытыхъ золотомъ; 20 золотыхъ стихарей, до 60 атласныхъ и бархатныхъ ризъ, до 30 ризъ, усаженныхъ дорогими камнями; 20 пеленъ, усаженныхъ жемчугомъ; 8 жемчужныхъ поясовъ; до 90 церковныхъ вещей (ерсудовъ, подивѣчниковъ и т. п.) золотыхъ и серебряныхъ; болѣе 30 книгъ, оправленныхъ въ золото и серебро и усыпанныхъ камнями; множество

пользоваться этими средствами, а потому въ монастырской жизни эпохи упадка замѣчается стремленіе къ достиженію высшихъ сановъ,

кусковъ бархата и атласа; наконецъ главные двери были обложены чеканнымъ серебромъ, а помѣстамъ вызолочены. Многія изъ серебряныхъ вещей также сдѣланы изъ чеканнаго серебра или подъ чернію. Эта опись помѣщена на 217 страницахъ (см. Записки отдѣл. рус. и слав. археологін, II, 126—343). Не менѣе значительными представляютъ я и богатства высшихъ духовныхъ лицъ. Еще въ началѣ XVI в. главное достоинствѣ ихъ состояло въ дорогихъ мѣхахъ (соболяхъ, горносталяхъ, бѣлгахъ), шубахъ, сосудахъ и домашнихъ вещахъ (Соловьевъ, V, 483—484). Но въ XVII в. преобладаютъ уже металлическія издѣлія и значительныя денежныя собранія. По смерти патр. Іосифа осталось множество серебряной посуды, тщательно сбереженной, и 13,400 р. деньгами (Соловьевъ, X, 209, 210.) Казна патриарха Никона нисколько не уступала царскимъ богатствамъ (Ср. опись домовою казны патр. Никона, во Временникѣ, № XV, стр. 1—136, и опись домашняго имущества царя Іоанна Васильевича, Временникъ, № VI, стр. 1—46). Въ описи ея означено: 140 образцовъ въ томъ же родѣ, какъ и въ описи Бѣлозер. мон.; 48 золотыхъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ крестовъ, украшенныхъ камнями; 3 ковчега, обитыхъ бархатомъ и серебромъ; 12 панатій—золотыхъ, серебряныхъ и вызолоченныхъ, съ камнями; 22 церковныхъ сосуда—золотыхъ, съ камнями; 13 пелень бархатныхъ и атласныхъ съ камнями; 18 серебряныхъ окладовъ для иконъ; 5 серебряныхъ большихъ лампадъ; 16 посоховъ (сандальныхъ, раковинныхъ, финиковыхъ, чернаго дерева—въ серебрѣ и золотѣ, съ камнями); 10 бархатныхъ и атласныхъ подушекъ, шитыхъ золотомъ; 7 шубъ, подбитыхъ куницами, соболями и горностаемъ; 98 серебр. кубковъ; 1 золотая братина и 22 серебр.; 70 серебр. стакановъ; 94 серебр. ковша; 1 золотая чаша и 15 серебр.; 48 серебр. чаровъ; 8 серебр. кружекъ; 2 серебр. кувшина; 5 сер. фляжекъ; 12 серебр. россольниковъ; 3 сер. судковъ; 5 сер. солоновъ; 28 серебр. блюды; 13 серебр. тарелокъ; 12 серебр. сковородъ; 15 серебр. ложекъ; 5 серебр. шандаловъ; 7 серебр. рукомойниковъ; 27 штукъ золотнаго бархата; 43—простаго бархата; 10—золотнаго атласа; 44—гладкаго атласа; 39 кусковъ камня; 12—тафты; 9 сороковъ соболей; 44 куска суена; 17 турецкихъ и персидскихъ ковровъ. За тѣмъ перечисляется множество одеждъ, драгоценныхъ камней, куски золота и золото въ листахъ; шелкъ, кружева, тесьмы, краски, оружіе, часы, и т. п. вещи. Въ мѣшкахъ было найдено 16,696 руб. сер., 2,449 золот. ефимковъ и 751 золот. монета разнаго сорта; наконецъ въ казнѣ хранились долговыя записки на 3,000 руб. Денежный сборъ по большей части составлялъ доходъ съ вотчинъ, принадлежавшихъ патриарху (ib.). Отдѣлка одной иконы патр. Никонъ (въ золото и драгоценныя камни) обошлась ему въ 44,000 руб. сер. см. Шушеринъ, жизнь патр. Никона, 44. По описи драгоценныхъ вещей Никона, хранившихся въ Воскресенскомъ м. значится: золотой крестъ съ 46 алмазами; золотая запона въ камняхъ въ 300 руб.; зо-

дни чего прѣбывали въ подаркахъ, обѣщаніяхъ и посредничествѣ¹⁾. Достигши цѣли эти лица окружали себя родственниками и друзьями; съ которыми жили по селамъ и проживали монастырское достояніе²⁾. Управление же монастырскихъ крестьянъ въ эту эпоху представляется далеко не въ привлекательномъ видѣ. Бѣдственное экономическое положеніе, при частомъ разстройствѣ домашняго хозяйства, заставляло ихъ прѣбывать къ займамъ, за которые (хлѣбъ и деньги) приходилось платить большіе проценты монастырю или монахамъ; имѣвшимъ въ то время право держать собственное хозяйство. Частыя разоренія были причиною накопленія значительнаго количества долговъ, которые въ концѣ концовъ приводили къ полному забаланію, такъ какъ въ этомъ случаѣ переводъ съ монастырской земли становился невозможнымъ въ слѣдствіе требованія уплаты всѣхъ долговъ и вознагражденія за прожитое время на монастырской землѣ. При такихъ отношеніяхъ монастырское управленіе принимало всѣ черты воеводскаго, тѣмъ же и вообще свѣтскаго управленія и суда. Василіакъ, Максимъ Грекъ и Іоаннъ Грозный представили намъ эти отношенія въ крупныя чертахъ, но съ значительною долей сатирическаго элемента³⁾. Исполнились предостереженія монашества, какъ Іосифъ Волоколамскій и Діонисій Радомскій, во

лотая панагія съ большимъ яхонтомъ и 24 малыми; золотая запона; турецкій работъ, съ большимъ алмазомъ и 20 мал., 4 изумруда въ 200 р. каждый; 2 изумруда въ 700 руб.; 2 изумруда въ 300 р.; изумрудъ въ 50 р.; нѣсколько камней яхонта лаза, изумруда, топаза, жемчуга, алмаза. (Записки рус. и славян. археологій, II, 612—613). Постройка патриаршаго дома въ Москвѣ стоила Никону 20,000 р.; насадинъ заводъ — 10,000; на подъемъ войска въ польскій походъ онъ потратилъ 10,000; потомъ еще затратилъ на насадъ 9,000 р.; на 3,000 руб. купилъ лошадей, а шапка архіерейская обошлась ему въ 5—6,000 р. Соловьевъ, XI, 302.

¹⁾ Посланіе Іоанна Грознаго въ Вирл. мон. Азтн истор. I, № 204. Сочин. Макс. Грека, II, Слово о покаяніи. «Едва умретъ игуменъ для экономъ, говоритъ Іоаннъ Грозный, уже многіе стараются занять ихъ мѣсто, такъ другъ отъ друга о своихъ стараніяхъ, хотя многимъ извѣстны эти старанія. Одни добиваются подарками, другіе ласками. А затѣмъ? Явно, что ради шкурки». Максимъ Грекъ повѣряетъ, что они достигали сановъ черезъ дьяковъ, которымъ платили за это золотомъ и серебромъ. Сочин. III, Повѣсть страшная.

²⁾ Соч. Макс. Грека, *ibid.* Стоглавъ.

³⁾ См. подробности въ нашихъ изслѣд. «Максимъ Грекъ», II, гл. IX; Русск. общ. дѣятели, гл. IV.

время бѣдствій, постигавшихъ страну, когда являлась настоятельная необходимость въ содѣйствіи монастыря, приходилось уже бороться съ большинствомъ братіи, не желавшимъ отступаться отъ своихъ привычекъ и удобствъ.

Съ другой стороны, излишняя довѣрчивость къ обществѣ въ религиознымъ побужденіямъ обнаружилась въ рассматриваемую эпоху рядомъ отрицательныхъ явленій. Легкость основанія часовень или монастырей была причиною, что многіе брались за это исключительно по материальнымъ расчетамъ: избравъ удобное мѣсто въ лѣсу, они отправлялись съ иконами по селамъ и городамъ за собираніемъ приношеній, а потомъ проживали ихъ на себя. Другіе странствовали по домамъ и на площадяхъ, гдѣ обывляли свои видѣнія и пророчества, сопровождаемыя эстетическими движеніями. Отсюда естественно было прийти къ заключенію, что многіе идутъ въ монастырь только ради новаго тѣлеснаго-¹⁾ Но монастырскіе безпорядки еще усилвались тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ существовали общіе монастыри, въ которыхъ жили вмѣстѣ монахи и монахини, противъ чего постоянно возмущались представители церкви XV и XVI вв. Всѣ остальные нравственные недостатки монастырей были только результатомъ этихъ общихъ причинъ. Одновременно съ упадкомъ монастырской жизни монастыри утрачиваютъ прежнее значеніе школы. Уже въ сборникахъ XVI в. встрѣчаются поученія, въ которыхъ проводится мысль, что монахамъ не прилично заниматься обученіемъ дѣтей.²⁾

Существующія явленія естественно приводили къ мысли о необходимости реформы монастырей. Одни думали достигнуть цѣли строгимъ требованіемъ выполненія древнихъ уставовъ (Іосифъ Волоколамскій) и введеніемъ общежительнаго порядка (Макарій, архіеп. новгородскій) вмѣсто пустынной жизни. Но эта мѣра привела только къ расширенію монастырей, что само по себѣ уже дѣйствительно отрицательно на монастырскую жизнь³⁾. Другіе, напротивъ, видѣли единственный выходъ въ совершенномъ обособленіи монашества отъ общественной жизни—т. е. въ скитской жизни (Нилъ Сорскій). Первые были защитники поземельной собственности монастырей, а вторые считали ее не-

1) Стоглавъ.

2) Прав. соб. 1662, февраль, Слѣсск. книга, 167.

3) См. выше, стр. 74.

согласенъ съ монастырною жизнью. Столкновеніе двухъ направленій въ рѣшкѣ чертахъ обнаружилось на соборѣ 1563 г.

Этотъ соборъ собственно предназначался для рѣшенія вопроса о вдовыхъ понахъ; но на немъ были затронуты и вопросы о монастырскихъ имуществѣхъ. Впрочемъ нельзя думать, чтобы послѣдній былъ вызванъ случайными обстоятельствами. Изъ житія Іосифа Волоколамскаго видно¹⁾, что его сторонники, опасаясь, чтобы вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ не привелъ къ отрицательному результату, вызвали его на соборъ. Изъ того же источника видно, что инициатива самого вопроса принадлежала защитникамъ скитской жизни (Пансіи Ярославовъ и Нилу Сорскіи), которые побудили Іоанна III рассмотреть его на соборѣ. Нилъ дѣла²⁾ живѣе, что онъ былъ предложенъ собору Іоанномъ III. Оба извѣстія легко примиряются. Пансіи Ярославовъ и Нилъ Сорскій до этого времени были весьма близки къ Іоанну³⁾ и, вѣроятно, подали ему мысль, опираясь на нравственные побужденія, а Іоанну III она могла понравиться изъ политическихъ видовъ⁴⁾. Ему нужны были земли для раздачи служащимъ людямъ, а примѣръ съ новгородскими церковными имуществами подавалъ надежду на отъстанный исходъ, и потому онъ охотно предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе собора. Соборъ состоялъ исключительно изъ представителей монастырства; но въ числѣ его членовъ были Пансіи, Нилъ и его сторонники. Послѣ рѣшенія дѣла о вдовыхъ понахъ—Нилъ Сорскій предложилъ собору, чтобы у монастырей сель не было, а монахи чтобы жили по пустынямъ и питались руководѣлемъ. Его поддерживали блжженіе пустынники. Такимъ образомъ Нилъ Сорскій остался вѣренъ своему отрѣшенному ученію; но противъ него выступилъ съ рѣчью Іосифъ оловолапскій. Примѣры древнихъ греческихъ и русскихъ монаховъ тырей послужили ему матеріаломъ. Но Іосифъ далеко не былъ теоретикъ. У него были наготовѣ и практическіе интересы. «Если у

1) Житіе Іосифа, въ Твор. св. отцовъ.

2) Балачовъ, о Кормчей, примѣч. 15.

3) Житіе Іосифа, ibid. 11.

4) Вассіанъ говоритъ: «Вел. князь велѣлъ быть на Москвѣ святителямъ, и Нилу, и Іосифу поповъ ради, паче же рещи *восхотѣ* отъимати села у святыхъ церквей и монастырей». Какъ будто одинъ вопросъ приврывается другимъ для предосторожности. Подем. соч. Вас. Прав. соб. 1863, III, 206.

монастырей не будет ося, прибавилъ онъ, то намъ встрѣтся чужбому и благородному человеку (въ его монастырѣ было много бояръ). А если не будетъ честныхъ старцевъ—откуда взять въ митрополиты, архіепископы, епископы и на другія власти? Если же не будетъ честныхъ и благородныхъ старцевъ, тогда вѣрѣ будетъ попомощіе! Соборъ согласился съ Іосифомъ ¹⁾. Результатомъ его разсужденій былъ отъѣздъ митр. Симона Іоанну III. Самый же тонъ отъѣзда ясно говорить, что на составленіе его имѣлъ большое вліяніе Іосифъ. Онъ полностью прибѣгнулъ къ вековому (о левитахъ) и нововведенію восточн. въ псалму посемельной собственности церкви. Далѣе отъѣзду прибѣжили, взятыя изъ жизни греческихъ и русскихъ монастырей и посѣноленія соборовъ и греческихъ императоровъ (Константинъ, Юстиніанъ). Наконецъ приводятся узаконенія русскихъ князей и ханскіе указы. Всѣ эти данныя подведены подъ одну общую мысль о неприкосновенности нравъ, дарованныхъ монастырямъ, съ уваженіемъ на дѣйствительную неприкосновенность монастырской собственности въ теченіе десятихъ вѣковъ, которая отражена на вѣки строгими запрещеніями древнихъ уставовъ и постановленій. Отсюда слѣдуетъ окончательный выводъ, что соборъ не смѣетъ ихъ отдать, потому что всѣ они посвящены Богу и должны сохраняться нетронутыми до конца вѣковъ ²⁾. Осторожный Іоаннъ уступилъ настояніямъ собора, вполне понимая, что въ противномъ случаѣ онъ возбудитъ противъ себя нравственную силу общества. Однако вопросъ о монастырскихъ имуществѣ продолжалъ развиваться въ литературѣ.

Предомыслителемъ мѣстной Нила Сорскаго современными называють князь-инока Вассіана Патрикѣева (Косаго) ³⁾. А Іосифъ Волоколамскій приписываетъ ему инициативу въ вопросѣ о монастырскихъ имуществѣ при Василіѣ Іоанновичѣ, что принаеетъ и самъ Вассіанъ ⁴⁾. Въ борьбѣ съ іосифовскимъ направленіемъ онъ написалъ отдельную книгу въ 10 главъ и рядъ полеическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно представляетъ въ діалогической формѣ его борьбу съ Іосифомъ (лица: Іосифъ и Вассіанъ). Въ нихъ относительно настоящаго вопроса Вассіанъ

¹⁾ Объ отнош. Кирил. и Іосиф. монастырей.

²⁾ Калачовъ, прим. 15.

³⁾ Письмо объ отн. Кирил. и Іос. мон. Твор. св. отц. годъ IX, кн. III, 505.

⁴⁾ Полеи. сочин. Вассіана, 207.

демонстрация несогласия монастырских имуществъ съ душою Блаженнаго и жизнью представителей древняго монашества, ч. строго разнвая основную мысль, доходит до отрицанія всякаго укрѣпленія въ церквахъ. По его мнѣнію церковныя вещи не должны быть изъ золота и серебра. «Лучше, говоритъ онъ, раздать богатство нищимъ и убогимъ, нежели укрѣпить ихъ церквами». Рядомъ съ полемическими сочиненіями Вассіана обильно въ сборникахъ помѣщаются увещанія и держанія изъ Навдеговъ Нивона Черногорца, сравненіе которыхъ съ его мнѣніями о казни еретиковъ и монастырскихъ имуществвахъ убеждаетъ въ безусловномъ влияніи послѣдняго какъ источника на Вассіана ¹⁾.

По смерти Іосифа (1515 г.) Вассіанъ велъ не менѣе упорную борьбу съ его увѣщаніями ²⁾; но въ это время онъ приобрѣлъ себѣ поддержку въ лицѣ Максима Грека (1510), съ которымъ онъ сошелся по поводу переводнаго дѣла. Съ этихъ поръ они дѣйствуютъ вмѣстѣ противъ несогласныхъ стремленій стороны Іосифа. Въ обличеніяхъ Максима Грека и Вассіана важна социальная сторона. Они представляютъ намъ въ крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ взаимныя отношенія двухъ сословій — владѣльцевъ и подвластныхъ имъ крестьянъ: съ одной стороны передъ нами яснуюся — довольство, просвѣтъ, признаніе во всемъ отношеніяхъ законъ и пренебреженіе чуждыми правами; съ другой — бѣдственное экономическое и нравственное состояніе, доходящее до полнаго рабства; физическое угнетеніе и хладный трудъ, мало дающий для себя ³⁾. Но въ обличеніяхъ Максима Грека видна общая точка зрѣнія на существующія отношенія; къ полемикѣ Вассіана вслѣдъ присоединяется видъ «лукаваго іосифляна». И Вассіанъ, и Максимъ Грекъ общими причинами подобнаго состоянія считаютъ орабстволюбіе и властолюбіе. Оба они обращаются къ власти, которая должна исправить эти недостатки, и оба предлагаютъ рѣшительную мѣру для уничтоженія ихъ.

Вассіанъ и Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ постоянно зваются защитниками низшаго класса, а заботу о немъ считаютъ высшею обязанностью царей; церковныя имущества въ древнѣйшую эпоху церкви составляли принадлежность бѣдныхъ, и съ тою же цѣлью дѣлались

¹⁾ Полемич. сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, предисл.

²⁾ Ibid 210.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ въ нашихъ исслѣд. «Максимъ Грекъ, гл. IX, и Русск. общ. дѣят. гл. I, III, IV.

пожертвованія въ монастыри, по крайней мѣрѣ это назначеніе имуществомъ достойно имѣлось въ виду. А потому оба противника существовавшихъ отношеній требовали коренной реформы въ церковной жизни—уничтоженія поместной собственности монастырей. Но мнѣнію Максима Грека, монастырскія имѣнія должны были получить прежнее свое назначеніе, т. е. служить вспоможеніемъ для нищихъ, вдовъ, сиротъ и вообще обдѣленныхъ судьбою въ имущественномъ отношеніи. Вассіанъ, отрицая право владѣнія землею за монастырями, допускаетъ его только для церквей и соборовъ; но и въ этомъ случаѣ, въ удовлетвореніемъ потребностей клира, они должны идти для вспоможенія бѣдныхъ и на выкупъ плѣнныхъ (согласно съ 20 словомъ Ниліона Черниговскаго). Идеаломъ монашества въ главахъ Максима и Вассіана представляется кустинничество, но они далеки отъ мысли, подобно Юсифу, видѣть его цѣлующее состояніе въ огромномъ братствѣ. Максимъ Грекъ постоянно проводитъ мысль, что главная обязанность человека состоятъ въ добрыхъ дѣлахъ; что хорошій мирянинъ лучше дурнаго монаха; что нравственная жизнь среди мірскихъ искушеній болѣе значитъ, нежели добродѣтель въ тиши; что вся разниа между миряниномъ и монахомъ—внѣшній видъ. Но ни черныя ризы, ни лишеніе мяса не спасутъ человека, если онъ не будетъ заботиться объ усовершенствованіи нравственности. Въ монастырь можетъ идти тотъ, кому трудно спастись въ мірѣ. Въ особомъ посланіи Максимъ Грекъ опровергаетъ мысль, господствовавшую тогда въ обществѣ о предпочтеніи монашеской жизни супружеству, и совѣтуетъ жнцу, обратившемуся къ нему съ такимъ вопросомъ, отвѣтаться отъ дѣленія оставить семейную жизнь. И Максимъ Грекъ, и Вассіанъ возражали также противъ запрещенія вдовъ и поповъ и диаконовъ. Не ратуя противъ недостатковъ монастырской жизни, они еще болѣе обращаютъ вниманіе на высшихъ лицъ, которые подавали въ этомъ случаѣ примѣръ низшимъ. Наклонность ихъ въ пышности, блеску (въ одеждѣ, икрахъ, экипажахъ, обстановкѣ), церковной внѣшности (драгоценныя украшенія иконовъ, шумныя колокола) и недоступность—они постоянно противопоставляютъ бѣдственному состоянію низшаго класса, принимающаго отъ голода, которому въ отвѣтъ на просьбы—бросаютъ кусокъ гнилаго хлѣба. У Максима Грека эти обличенія не были пустыми фразами: съ такимъ же тономъ обращается онъ и къ остальному обществу, въ которомъ интересы высшаго класса слишкомъ подавляли власть, подчиненный ему; а злоупотребленія, возникшія изъ этихъ отношеній, при-

кривляясь молочники выделеніи съ религиозныхъ обрядовъ: Маломъ Грекъ возбуждать людей, идущимъ служить молельни, радеть дождемъ вместо «зерновъ» — нуждающимся бѣднякамъ. Онъ являлся на мѣстномъ обращеніе Іисуса Христа въ представникъ на страшный судъ—Максимъ Грекъ говоритъ, что только милость и любовь къ ближнему имѣетъ значеніе въ глазахъ Бога, а о постахъ, долгихъ молитвахъ, пустыннскихъ подвигахъ ничего не сказано въ этомъ обращеніи потому, что онъ требуетъ милости, а не жертвъ, компенсируемыхъ въ оправданіи съ первою ипостасью достоинства ¹⁾. Вотъ общественное значеніе дучинки представителя той эпохи.

Однимъ и Максимъ, и Вассіана неслыханно горькая участь. Вассіанъ говоритъ, что Іосифъ Водокосамедій не хотѣлъ примириться съ учениками Нила Серогого ²⁾. Его антипатии прѣвѣкомъ передали къ его ближайшему ученику—Даніилу, который въ эту эпоху былъ уже митрополитомъ. Гордый и истинный (онъ не хотѣлъ примириться съ Максимомъ даже къ то время, когда былъ лишенъ сана), онъ не могъ отнестись благодушно къ противоположному направленію. Мы видѣли, что многие были недовольны несправедливымъ истребленіемъ книгъ Максима Грека. Въ его *Суммаріумъ* отступленій отъ прѣвѣныхъ переводовъ (амѣсто Христова сына едескую Отца, сына едескую Отца, было написано сына, сына дѣшного) и въ *Суммаріумъ* ихъ съ греческимъ текстомъ (исключеніе слова «истинный» въ символѣ) они являли явную ересь. Но митр. Даніилъ, принявъ сторону обвинителей; повсѣдаль, что онъ несколько не стоитъ выше темной массы приверженцевъ буквы. По всей вѣроятности эти и другие послужили только предлогомъ въ удаленію Максима. Онъ былъ санникомъ извѣстенъ по своему догматическому образованію и долго служилъ авторитетомъ въ глазахъ современнаго общества, а потому для обвинителей важны были такіе пункты, которые являли заподозрѣвали его авторитетъ въ этомъ отношеніи. Маломъ Грекъ былъ два раза приваженъ къ суду—въ 1525 и 1531, а Вассіанъ только въ 1531 г. Въ дѣлѣ Максима Грека всѣ обвиненія главнымъ образомъ вражда-

¹⁾ Подробнѣе въ вѣдѣннхъ изслѣд. Максимъ Грекъ, гл. IX, X, XI (стр. 336). Особенно въ сочин. Максима Грека, II, слова I, III, V, X, XI, XIII, XV, XVI, XX, XXII, XXXVI. Полѣнич. сочин. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, и Русск. сбл. дѣл. IV.

²⁾ Полемич. соч. Вассіана, Прав. соб. 1863, III, 210.

ютея около двух пунктов—его стараний въ пользу константинопольскаго патриарха и интересовъ Греціи и на вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ, въ связи съ обязанностями высшей іерархіи. Общитолковныя пункты Вассіана, на исключительномъ вопросѣ о переводѣ «житія Басиліады» Метафраста (сдѣланномъ Максимомъ)—опять важнаго по будущаго толкованію, и нѣсколькимъ отступленій, постоянно сбаваясь на вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ. Означено, что послѣдній составлялъ здѣсь наибольшую статью. Споръ съ обвиненными велъ самъ мѣтр. Давидъ, и своими длинными цитатами изъ священнаго писанія, церковныхъ писателей и каноническихъ правилъ, искусно подобранными подъ одну общую мысль, приводящую въ обвинительному приговору, ясно показавъ, что онъ вполнѣ усвоилъ приемы діалектики Іосифа. Въ полемикѣ Вассіана и Максима Грека противъ монастырскихъ имуществъ—онъ видитъ порицаніе самихъ чудотворцевъ и представителей древняго монашества, которые владѣли земельною собственностью. Сильный способъ веденія дѣла показываетъ, что въ то время судъ мало предоставлялъ гарантій для обвиненныхъ. Образанія доносителей, видявшихъ на видъ всю прежнюю жизнь обвиненныхъ и ихъ домашнія бесѣды, ясно говорятъ, что въ то время болѣе всего заботились о количествѣ обвиненій, а не о возможности оправданія подсудимаго лица¹⁾. Даже строго догматическія мнѣнія, высказанныя Вассіаномъ и Максимомъ Грекомъ въ ихъ сочиненіяхъ, не были приняты во вниманіе.

Въ первый разъ Максимъ Грекъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь и отданъ подъ надзоръ двухъ «фрисиитинъ»—Іоны и Тилона Леньвова, въ послѣдствіи игумена того же монастыря. Максиму запрещено было даже писать. Эти надсмотрщики были свидѣтелями противъ Максима на второмъ соборѣ, а его бесѣды съ двумя «іосифлянами» послужили обвинительными пунктами противъ него самого. Въ волоколамской темницѣ Максимъ Грекъ много потерялъ отъ тяжелыхъ оковъ, дыма, холода и голода, отчего по временамъ впадалъ даже въ оцепенѣніе²⁾. Послѣ втораго собора, когда была осуждена Вассіанъ;

1) У Судновъ: дѣла Максима Грека и Вассіана, Изгн. Моск. общ. истор. 1847, VII, IX и нагл. послѣд. Максимъ Грекъ, II, гл. XI и Русск. общ. дѣла, XVI и гл. IV.

2) Ibid и Курбскій, стр. 39. Сочин. Макс. Гр. II, 561. Сказаніе о Максимѣ, Опис. русск. Синод. Библ. II, 379.

Максимъ Грекъ былъ переведенъ въ тверской — Отрочъ монастырь, подъ надзоръ роднаго брата Іосифа Волоколамскаго, епископа Акакія, а въ Волоколамскій монастырь былъ помѣщенъ Вассіанъ, гдѣ онъ умеръ отъ дурнаго содержанія ¹⁾. Замѣчательно также, что на его судѣ, кромѣ общихъ обвиненій, ему были поставлены въ вину прежнія его сомнѣнія, свидѣтелямъ которыхъ, совершенно неожиданно для Вассіана, явился «іосифлянинъ» Дослоей ²⁾. Послѣ втораго суда вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ были разсланы по монастырямъ его ближайшіе ученики и сотрудники (Савва, Зиновій Отенскій, Михаилъ Медоварцевъ); а наиболѣе близкій изъ нихъ Сильванъ былъ посаженъ подъ стражу въ итронцолитокомъ доми, гдѣ, черезъ нѣсколько дней, печально окончилъ свою жизнь ³⁾. Впрочемъ Акакій оказывалъ покровительство Максиму Греку, а въ 1553, по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, его перевели въ Троицкую лавру ⁴⁾.

Дѣянія собора на Максима Грека и Вассіана характеризуютъ Данила, какъ начетчика и книжника, взглядъ котораго не идетъ далѣе предвзятой мысли, подкрѣпленной свидѣтельствомъ отъ священныхъ книгъ, разогрѣтой ненавистью къ подсудимому и непреклонной отъ сознания своей силы и власти ⁵⁾.

Современный авторъ безыменнаго письма, объясняющаго намъ внутренніе мотивы полувѣковой борьбы «іосифлянъ» съ послѣдователями Нила Сорскаго, вполне вѣрно замѣчаетъ: «всѣмъ бѣдамъ матеръ — мнѣніе; мнѣніе — второе паденіе». Но тутъ же даетъ намъ понятіе отношеніе двухъ враждебныхъ сторонъ, прибавляя: «Іосифъ все благоченіе снималъ съ Кириллова монастыря». Это замѣчаніе тѣмъ болѣе важно, что, судя по тону письма, авторъ самъ былъ ученикомъ или сторонникомъ Іосифа ⁶⁾.

Но мнѣнія менѣе всего поддаются требованіямъ регламентации.

¹⁾ Курбскій говоритъ: «Они же (іосифляне) умориша его вскорѣ» — выраженіе слишкомъ общее. Стр. 5.

²⁾ Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1847, N. IX.

³⁾ Курбскій говоритъ, что онъ умеръ «злою смертию». Стр. 42. Сильванъ занимался переводомъ книгъ вмѣстѣ съ Максимомъ и отличался образованіемъ по тому времени, какъ свидѣтельствуесть Курбскій.

⁴⁾ Карамзинъ, VIII, пр. 386.

⁵⁾ Хрущовъ, 254.

⁶⁾ Объ отношен. Іосиф. и Кирил. монастыря въ Твор. св. отц. годъ IX, вн. III, 508.

Остановившись въ данный моментъ, они снова пробиваются при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, Едва успѣли сойти со сцены представители двухъ направлений, уморенно боровшихся между собою, какъ снова подымается борьба съ характеромъ прежней. Въ ней мы встрѣчаемъ отчасти знакомыя черты; отчасти новые элементы.

Прибывши въ Россію (1518), Максимъ Грекъ засталъ нѣкоторыя явленія, напоминавшія, по своему характеру, черты ереси «шидоиствующей». Онъ посвятилъ особую статью разбору явленія еврея Самуила (XI в.), которое было переведено съ латинскаго языка на русскій языкъ Василія Іоанновича, Николаемъ Любимымъ. Сочиненіе Самуила написано въ защиту іудейства. Разсѣянные по всѣмъ странамъ, евреи ожидали, что спустя 1000 лѣтъ послѣ разоренія Иерусалима—они снова возвратятся въ отечество, и потому, когда ихъ ожиданія не исполнились, Самуилъ старался доказать, что, не смотря на разсѣяніе евреевъ,—они все-таки составляютъ народъ, избранный Богомъ. За тѣмъ, возражая противъ христіанства, онъ проводитъ параллель между великимъ и новымъ заветомъ, причемъ выражаетъ мысль, что вознесеніе Іисуса Христа на небо ничѣмъ не различается отъ вознесенія Еноха и Иліи ¹⁾. Вѣроятно это сочиненіе пользовалось авторитетомъ у тѣхъ изъ русскихъ еретиковъ, которые были склонны къ юдаизму. Другія двѣ статьи Максима Грека посвящены защитѣ иконъ и почитанію Богородицы. Обѣ онѣ преимущественно основаны на ветхомъ заветѣ, а въ послѣдней изъ нихъ мнѣнія еретиковъ онъ прямо называетъ «іудейскими умисловіемъ». Наконецъ, четвертая статья также указываетъ на свое отношеніе къ разсмотрѣннымъ нами еретическимъ мнѣніямъ. Она посвящена объясненію догмата о воплощеніи Іисуса Христа и направлена противъ тѣхъ, которые отвергали божественность Іисуса, необходимость его страданія въ человечествѣ и ожидали другаго Мессію, который явится въ царской славіи ²⁾. Во всѣхъ возраженіяхъ Максима Грека видно отношеніе къ современной дѣйствительности и явленіямъ, происходившимъ на его глазахъ. Около половины XVI вѣка замѣчается сильное религиозное движеніе въ Литвѣ и Польшѣ. Въ 1548 году въ Польшѣ поселилось до 1000 семействъ богемскихъ братьевъ, изгнанныхъ изъ чеховъ. Они нашли пріютъ у польскаго магната Андрея Горки. Поль-

¹⁾ Сочин. Макс. Грека, I, 58—62.

²⁾ Ibid. I, слова: II, XXII, XXIV.

ское общество, предрасположенное уже ¹⁾ къ реформационному движению, сочувственно отнеслось къ учению Лютера и других реформаторов. Подъ покровительствомъ Сигизмунда Августа учение Лютера приобрѣло множество послѣдователей. Его вліяніе быстро распространилось въ высшемъ слоѣ. Польскіе и литовскіе магнаты выписывали въ свои дома нѣмецкихъ учителей, а дѣтей своихъ отправляли учиться въ нѣмецкіе университеты, откуда они возвращались крайними противниками католицизма. Сеймъ 1552 г. призналъ за дворянствомъ право свободного вѣроисповѣданія ²⁾, отчего въ предѣлахъ государства появилось множество религіозныхъ обществъ. Въ Польшѣ складывалось тогда всё ученическое возмущеніе евангелическую Европу: учение Лютера развилось рядомъ съ учениемъ Кальвина, Цвинглія, Беа и унитаріевъ. По свѣдѣтельству Скарги въ это время насчитывали на польской территоріи до 2,000 протестантскихъ церквей, а по извѣстію Нарбута въ Польшѣ было тогда до 70 разныхъ сектъ ³⁾. Это антикатолическое движеніе выразилось въ обширной литературѣ, закрытіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастырей и костеловъ и въ открытой проповѣданіи протестантскихъ началъ, причемъ болѣе смѣлые наставляли даже на реформу государственной церкви, считая ее враждебною интересамъ страны ⁴⁾. При такомъ свободномъ направленіи общества, послѣднее легко уловляло себя крайнія ученія. Съ появленіемъ XVI вѣка въ Польшѣ и Литвѣ встрѣчаются уже ученія Социна, Сервета и Станислава, занимавшягося введеніемъ реформы въ помѣстныхъ магнатовъ. Ихъ послѣдователи проповѣдывали противъ ученія о Троицѣ, а Евангеліе объясняли, какъ собраніе однихъ нравственныхъ правилъ. Главнымъ центромъ социнианъ былъ—городъ Пинскъ, и уже въ то время въ члѣхъ проповѣдниковъ его мы встрѣчаемъ людей съ славянскими именами (Сижонъ Будный и Мотовило).

Въ слѣдствіе безпрестанныхъ войнъ и дипломатическихъ сношеній Россіи съ Польшею, возникшихъ съ исхода XV вѣка, это религіозное движеніе не могло пройти безслѣдно для Россіи. Въ дѣлѣ Башкина

1) Въ XV вѣкѣ въ Польшѣ замѣтно сильное сочувствіе къ учению Вильгефа и Гусса. Krasinski Histoire religieuse des peuples Slaves, 43, 143; Кондратовичъ, Истор. польск. литер. томъ I, 106—162.

2) Krasinski, Histoire religieuse des peuples Slaves, 125, 126.

3) Narbut, Dzieje narodu Litewskiego, IX, 428.

4) Krasinski, 136—138 (Оржиховскій и Янъ Ласко).

упоминается, что на него имѣли вліяніе аптеварь Матосей литвинъ и латвіянинъ Андрей Хотѣвъ¹⁾. Въ 1570 при дворѣ Іоанна Грознаго появляется въ польскомъ посольствѣ пасторъ божескихъ братьевъ Рокита, съ которымъ спорилъ царь о необходимости добрыхъ дѣлъ для спасенія и обрядовой стороны религіи, не соглашаясь съ его мнѣніемъ о спасеніи посредствомъ одной вѣры. Этотъ споръ, по приказанію Іоанна, былъ изложенъ потомъ письменно. Въ другой разъ онъ велъ споръ о значенія лютеранства съ пасторомъ Боггорномъ²⁾. Во второй половинѣ XVI в. нѣмцы, проживавшіе въ Россіи, получили право имѣть въ Москвѣ свою церковь. Это разрѣшеніе объясняется тѣмъ, что они служили тамъ въ качествѣ ремесленниковъ; между тѣмъ Поссевинъ не могъ добиться таковой льготы для католиковъ³⁾, потому что въ нихъ всегда видѣли защитниковъ политическаго вліянія папства и даже избѣгали вывѣзывать ихъ въ Россію⁴⁾. Другимъ путемъ вліяніе протестантскихъ идей шло въ Россію изъ Ливоніи; оно особенно усилилось со времени вывода оттуда плѣнныхъ (при Іоаннѣ Грозномъ). Но на границѣ это вліяніе обнаруживалось также въ слѣдствіе частыхъ сообщеній. Изъ дѣла Башкина видно, что троицкій игуменъ Артемій, живя во Псковѣ, нарочно ѣздилъ въ Нейгаузъ, гдѣ имѣлъ бесѣду объ ученіи Лютера⁵⁾.

Въ половинѣ XVI в. въ Москвѣ былъ открытъ кружокъ, толковавшій о важныхъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ.

Между духовенствомъ ходили неодобрительные слухи о Матосѣе Башкинѣ; такъ же говорили о немъ придворные поны Сильвестръ и Симеонъ; ему приписывали неправильныя сужденія о Троицѣ и церкви. Это случилось въ то время, когда Іоаннъ Грозный былъ въ Кирилловомъ м., и потому Башкина пока не трогали, но когда царь возвратился—ему донесли о случившемся. Изъ дѣла Башкина видно, что источниками для его разсужденій служили Евангеліе и Апостолъ, который у него

¹⁾ Акты истор. I, стр. 250—253.

²⁾ Oderborni Vita Iohannis Basilidis, 204, 205.

³⁾ Филаретъ, Исторія церкви, 90.

⁴⁾ Олсарій, кн. III, гл. 31.

⁵⁾ Акты экспед. I, № 239. И прежде нерѣдко встрѣчаются извѣстія о религіозныхъ спорахъ на границѣ (въ Псковѣ, Дерптѣ), русскихъ съ католиками (Акты истор. I, 286; Соловьевъ, VII, 236), что даетъ право предполагать о подобныхъ столкновеніяхъ и въ послѣдующую эпоху.

былъ весь измѣченъ воскомъ. Иоаннъ рассматривалъ книгу; но ничего не сказалъ о Башкинѣ. Только новые слухи заставили арестовать его и его сторонниковъ (двухъ братьевъ Борисовыхъ, и еще двухъ лицъ—Игнатія и Фому), хотя обвиненные объявили, что они православные христіане.

Судъ состоялся подь предсѣдательствомъ митр. Макарія, изъ шести епископовъ, игуменовъ и протопоповъ. Изъ допросовъ видно, что Башкинъ вовсе не отвергалъ Троицы, а главное обвиненіе въ этомъ пунктѣ основывалось на томъ, что онъ написалъ молитву къ Богу Отцу, которую члены собора считали неприличною послѣ пришествія Іисуса Христа. Другихъ показаній противъ Башкина по этому вопросу не было приведено, а обвинительный актъ, составленный прежде суда, не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ. Судя, по приговору, — обвиненныхъ слѣдовало-бы причислить къ рационалистической сектѣ, имѣющей непосредственную связь съ предвѣдущимъ направлениемъ. Но есть данныя, требующія ограниченія такого заключенія. Въ своей оправдательной запискѣ (жалобницѣ), попъ Симеонъ, духовникъ Башкина, одинъ изъ свидѣтелей противъ него, представляетъ намъ его мнѣнія въ такомъ видѣ, что они вполне говорятъ противъ приговора суда. Матеей Башкинъ, пишетъ Симеонъ митр. Макарію, былъ у меня въ великій постъ на исповѣди и сказалъ мнѣ: »Я Христіанинъ, вѣрую въ Отца, Сына и св. Духа, поклоняюсь образу Іисуса Христа, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Онъ умолилъ меня подь великою клятвою—принять его на исповѣдь, и я его принялъ. На исповѣди онъ мнѣ говорилъ: »Ваше дѣло великое; въ Евангеліи написано: имѣть большей любви, какъ положить душу свою за друзей своихъ, и вы полагайте за насъ души свои, и бдите о душахъ нашихъ, чтобы вамъ воздать слово въ день суда«. Послѣ того Башкинъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ и читалъ евангельскія бесѣды. »Бога ради пользуй меня душевно, говорилъ онъ; надобно читать то, что написано въ Евангеліи, но на слово не надѣяться, а совершать на дѣлѣ. Все же начало отъ васъ, священниковъ; вы покажите намъ примѣръ и насъ научите. Въ Евангеліи написано о кротости; будьте же кротки и насъ научите«. Наконецъ въ третій разъ Башкинъ послалъ за Симеономъ, и у себя въ домѣ говорилъ ему: »Въ Апостолѣ написано: весь законъ заключается въ словахъ: »возлюби ближняго своего, какъ самъ себя, если же вы себя грызете и поѣдаете, то берегитесь, чтобы вы не были

свидѣны другъ отъ друга. А мы рабовъ держимъ у себя. Христосъ войхъ называетъ братьями, а у насъ на однихъ кабальные выноки, у другихъ—бѣгле рабы, у третьихъ фальшивыя обязательства, а четвертые живутъ въ полномъ рабствѣ. И, благодаря Бога, сколько ни было у меня кабальныхъ и полныхъ записей, ¹⁾ всѣ изодралъ и держу у себя людей добровольно—хочетъ жить, а не нравится, пусть идетъ, куда хочетъ. Вамъ же, отцамъ, прилично посѣщать насъ часто и во всемъ наставлять, какъ намъ жить и людей держать у себя нестатейтельно. Я видѣлъ то въ правилахъ, и мнѣ показалось хорошо. Башкинъ со- вѣтовалъ Симеону побесѣдовать съ Сильвестромъ, замѣча при этомъ «а тебѣ, я знаю, нѣтъ времени въ суетѣ мірской; ни днемъ, ни ночью, покоя не знаешь». Симеонъ дѣйствительно доложилъ Сильвестру, но имъ обоимъ рѣчи Башкина показались необыкновенными, непонятными и недобрими ²⁾. Однако, разсматривая ихъ безпристрастно, мы не найдемъ въ нихъ ничего противнаго догматическому ученію: на исповѣди Башкинъ ясно выразилъ свои религіозныя убѣжденія; въ бесѣдѣ съ Симеономъ онъ требуетъ согласія дѣятельности человека съ духомъ Евангелія, которое должно начаться съ духовенства, и открыто протестуетъ противъ соціального положенія рабовъ, собственнымъ примѣромъ показывая, какъ онъ понимаетъ примѣненіе слова къ дѣлу. Заявленіе Симеона объ убѣжденіяхъ Башкина съ обвинительнымъ тономъ, и въ то время, когда послѣдній уже былъ заподозрѣнъ въ ереси, скорѣе оправдываетъ Башкина, нежели Симеона. Вотъ почему въ нашей исторической критикѣ нѣсколько разъ была выражена мысль о несправедливости суда противъ Башкина и важномъ значеніи его протеста въ защиту рабовъ ³⁾. Между тѣмъ условія современной жизни вели къ

¹⁾ Изъ этого видно, что Башкинъ былъ изъ состоятельныхъ лицъ. Судя по его фамиліи (Башкинъ или Башкинъ), нѣкоторые считаютъ его (напр. Костомаровъ) татаринномъ по происхожденію. Современныи этимъ событіямъ нѣкто Бакшей служилъ при дворѣ князя Семена Лобанова-Ростовскаго, который хотѣлъ (въ 1554) бѣжать въ Литву. Никонъ. лѣт. VII, стр. 212.

²⁾ Житіе Симеона, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № III, 22—23; Азты экспедиц. I, № 239 (Судный списокъ).

³⁾ Аксаковъ, Историч. сочиненія, стр. 159. Погодинъ въ отвѣтѣ Костомарову, Архивъ истор. практич. свѣд. Калачова, 1859, III, критика; стр. 60. Костомаровъ, Великорус. вольнодум. XVI вѣка, въ Историч. моногр. I.

противоположному результату, и потому мысли Башкина могли показаться тогда для большинства странными и даже предными, а въ связи съ вопросом о монастырскихъ имуществахъ, рѣшеннымъ пока въ пользу монашеству, они могли быть приняты за отраженіе мнѣній Максима Грека и Вассіана, уже пострадавшихъ за нихъ.

Вмѣстѣ съ Башкинымъ были привлечены въ суду: бывшій троицкій игуменъ Артемій и Порфирій, жившіе въ пустынѣ Нила Сорскаго, Феодоритъ Кольскій и Іосифъ Бѣлобазъ, монахи Соловецкаго монастыря. Объ Артеміѣ современники отзываются въ большихъ похвалахъ, называя его человекомъ книжнымъ и добродѣтельнымъ, потому онъ нравился весьма многимъ. Свидѣтели противъ него на судѣ были преимущественно монахи Троицкаго и Ферапонтова монастырей, гдѣ предлежало ему болѣе всего ставиться, а мы видѣли, что онъ принужденъ былъ оставить Троицкій монастырь по причинѣ неудовольствій монаховъ за его строгость ¹⁾. Артемія обвиняли сначала въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ и Башкина, но вызванныя лица, на которыхъ основались свидѣтели, не подтвердили ихъ показаній. Замѣчательны другіе пункты, которые проливаютъ свѣтъ на самыя убѣжденія Артемія и обличаютъ намъ все направленіе этого общества. Артемій сознался, что онъ отвергалъ силу заупокойныхъ молитвъ, если человекъ велъ безразличную жизнь, слѣдовательно онъ признавалъ преимущественное значеніе добрыхъ дѣлъ человека. Онъ возставалъ противъ формальнаго пониманія религіи, говоря: «въ канонѣ читаютъ: Иисусе сладчайшій, а заповѣди Іисуса имъ горько исполнять; и въ канонѣ Богородицы все читаютъ: радуясь да радуясь встань, а о чистотѣ вовсе не заботятся, знаешь только наружно молятся». Изъ дѣла видно, что Артемій, переходя изъ одного монастыря на другой (онъ былъ въ Троицкомъ, Перкинскомъ, Ферапонтовомъ и Кирилловомъ), вездѣ ратовалъ противъ надменной при-

¹⁾ Артемій и Порфирій (также бывшій игуменъ Троицкой лавры), Феодоритъ Кольскій и Іосифъ Бѣлобазъ жили одновременно въ Нилской пустынѣ и потому всѣ были замѣчаны въ ересь. Но отзывъ Курбскаго объ этихъ лицахъ, человека строго-православнаго, и дружественныя отношенія Максима Грека къ Артемію опровергаютъ обвиненіе. Артемій козель мысль Курбскому о переводѣ отцовъ церкви съ греческаго на славянскій языкъ и предложилъ ему свое содѣйствіе. Курбскій, 127—135, 256. Жалоба Сильвестра, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, III, смѣсь, 19.

верности въ религиозной вѣрности и обрядѣ; и этимъ объясняется, почему на судѣ явилось противъ него такъ много свидѣтелей изъ разныхъ монастырей. Артемій успѣлъ даже составить религиозное общество, очевидно для распространенія своихъ мнѣній («наше дѣло колеблется», — сказалъ онъ при встрѣчѣ съ Порфиріемъ). Остальныя пункты дополняютъ намъ характеристику этого общества. Артемій не признавалъ авторитета Юсифа Волоколамскаго и порицалъ его книгу. Странными казались ему аллегорическія толкованія Юсифа о догматѣ Троицы; на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ ветхаго заветъа (напр. Юсифъ объяснилъ, что ангелы, посланные Богомъ въ Лоту, для объявленія ему участи Содома, на самомъ дѣлѣ были Сынъ Божій и св. Духъ). Онъ не одобрялъ и казни еретиковъ, выражаясь: «вотъ сожгли Курицына и Рувакова, а сами до сихъ поръ не знаютъ, за что ихъ сожгли». Изъ всего этого можно заключить, что кружокъ Артемія непосредственно примыкалъ къ ученикамъ Нила Сорскаго и, какъ мы видѣли, сосредоточивался въ его пустынь¹⁾. Такимъ образомъ, онъ представляется намъ съ опредѣленною и рѣзкою фязіогномією: цѣлью его было—соглашеніе евангельской нравственности съ жизнью; борьба противъ господствующаго преобладанія обрядовой стороны религіи, вѣротерпимость и уничтоженіе рабства. Вопросъ о положеніи рабовъ занимаетъ видное мѣсто въ обличительной литературѣ XVI в. (Вассіанъ, Максимъ Грекъ); но то, что у предыдущихъ представителей этого направленія было высказано въ формѣ обличенія и исторической постановки вопроса, у Башкина перешло въ дѣйствительность. Вліяніе реформаціонныхъ идей на Башкина и Артемія (имѣя въ виду ихъ сообщенія съ указанными выше лицами) возможно допустить въ оферѣ нравственныхъ вопросовъ религіи. Оппозиція католической нравственности со стороны реформаторовъ XVI вѣка выразилась именно въ тѣхъ пунктахъ, которые могли быть сочувственными строгимъ послѣдователямъ Нила Сорскаго. Но догматическаго вліянія нѣмецкихъ и литовскихъ реформаторовъ на общество Башкина не видно. Что же касается судебныхъ списковъ (Вассіана, Максима, Башкина), то по нимъ нельзя дѣлать заключенія о виновности лицъ: они такъ официальны, что заставляютъ предполагать даже въ личныхъ мнѣніяхъ писавшаго, постоянно пробывающихся въ изложеніи, предметованные взгляды самихъ судей, которыми въ добавокъ были не независимыя лица, а также адми-

¹⁾ Дѣло Башкина, Акты экспед. I, № 289. Курбскій, 130.

нистрація. И на соборъ противъ Башкина и Артемія борьба направле-
 ній Нила и Иосифа высказалась въ рѣзкихъ чертахъ. Снова былъ по-
 нятъ вопросъ о преслѣдованіи еретиковъ; судьи велѣли принести книгу
 Иосифа Волоколамскаго. Царь, митр. Макарій и остальные члены вырази-
 лись о ней въ лестныхъ выраженіяхъ, величая ее свѣтиломъ православія
 (отсюда Просвѣтитель). Одинъ Кассіанъ, епископъ муромскій и рязан-
 скій (ученикъ Іоасафа Бѣлозерскаго), защищалъ осужденныхъ и порицалъ
 книгу Иосифа, доказывая, что въ ней собраны невѣрные свидетельства.
 Но, по словамъ автора извѣстія о соборѣ, его постигло наказаніе свы-
 ше: Кассіанъ потерялъ языкъ и способность владѣть рукою и ногою.
 Принужденный оставить епископство, онъ удалился въ монашество, гдѣ
 его постигло новое сѣдствіе: у него повернулась назадъ голова и въ
 такомъ видѣ онъ скончался ¹⁾.

Осужденныхъ разослали по монастырямъ: изъ нихъ — Артемій былъ
 назначенъ въ Соловецкій м., Теодоритъ въ Бѣлозерскій, гдѣ были уче-
 ники его врага, суздальскаго еписк. Афанасія. Впрочемъ черезъ 1½ года
 Теодоритъ, по ходатайству, былъ освобожденъ; а Артемій въ послѣд-
 ствіи встрѣчается въ Луцкѣ ²⁾. Главный виновникъ всего дѣла Башкинъ
 былъ сосланъ въ *Волоколамскій* монастырь ³⁾. Такъ твердо сохраня-
 лись Іосифовскія преданія.

Въ связи съ Башкинскимъ разсматривалось дѣло дьяка Ивана Вис-
 ковцова. Поводомъ къ нему было слѣдующее обстоятельство. Послѣ
 большаго пожара, бывшаго въ Москвѣ, когда догорѣли церкви въ Бре-
 млѣ, было приказано привезти образа изъ разныхъ городовъ. Нѣкто-
 рымъ не нравилась живопись, до тѣхъ поръ невиданная въ Москвѣ;
 другіе же дѣлали отсюда заключеніе о характерѣ религиозной живописи
 вообще. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ дьякъ Висковцовъ. По его
 мнѣнію, не слѣдуетъ изображать божества и ангеловъ въ видимомъ

¹⁾ Москов. соборы на еретиковъ, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, III; статья 1-я.

²⁾ Курскій, 157.

³⁾ Въ Волоколамскомъ часовникѣ № 134 сказано: «Дѣла 7061 (1553), мѣсяца июля, явился еретикъ Матвей Башкинъ и иже; осудили ихъ соборомъ въ глго 7062, декабря, и въ заточеніе ихъ разослали... При-
 везли его (Башкина) въ Іосифовъ монастырь декабря 22, въ пятницу, привезъ Германъ архимандритъ, тамошній игумень, бывший на соборѣ, а потомъ архіеп. казанскимъ. См. житіе его у Филарета, ноябрь, стр. 337.

образъ; онъ негодовать на изображеніе Іисуса въ видѣ ангела, на олицетвореніе добродѣтелей и другихъ аллегорическихъ предметовъ, особенно же на изображеніе неприличныхъ картинъ (блудницы и т. п.). Въ замѣнъ изображенія невидимаго божества, Висковатовъ совѣтовалъ помѣщать на отдѣльныхъ доскахъ изреченія и тексты изъ священнаго писанія (что допускалъ и Кальвинъ). Изъ этого видно, что прежніе толки о церковныхъ изображеніяхъ, проявившіяся въ эпоху ереси жидовствующей, имѣли еще мѣсто, и хотя Висковатовъ не пускался въ крайніе выводы, но несомнѣнно отступалъ отъ существующаго порядка. Мнѣнія Висковатова казались тѣмъ опаснѣе, что онъ излагалъ ихъ публично и письменно; а на судъ онъ показалъ, что на него имѣли вліяніе бесѣды литвина Матіаса (вѣроятно того же, который упоминается въ дѣлѣ Башкина). Читая книгу Іонна Дамаскина, Висковатовъ выписалъ для себя мѣсто о Христѣ: «чюдотворіа пріа, распяся»; между тѣмъ въ книгѣ оказалось: «чюдотвори, пріа страсти, распяся». Первое выраженіе составляло еретическое уклоненіе; но къ такому результату иногда приводило измѣненіе или пропускъ словъ совершенно неумышленный. Въ числѣ русскихъ еретиковъ оказывались, между прочимъ, такіе, которые основывали свои мнѣнія на выраженіяхъ еретиковъ, вычитанныхъ въ полемическихъ сочиненіяхъ церковныхъ писателей; поэтому Максимъ Грекъ не хотѣлъ переводить церковной исторіи Феодорита, такъ какъ въ ней было подробное изложеніе ересей. Въ сужденіяхъ Висковатова объ изображеніяхъ божества соборъ видѣлъ галатскую ересь. Онъ покался, написалъ объясненіе и подвергся эпитиміи на 3 года. На соборѣ ему было сказано, чтобы онъ впередъ не разсуждалъ о божественныхъ дѣлахъ, а зналъ-бы свое дѣло — не разронять списковъ, потому что вселенскій долженъ знать свой чинъ: овца не должна дѣлать изъ себя пастыря и нога не должна думать, что она голова; міряне не должны учить о заповѣдяхъ божіихъ и восхищать на себя санъ учительства.¹⁾

Съ инымъ характеромъ представляется намъ ученіе Θεодосія Косаго. Оно было открыто одновременно съ обществомъ Башкина и, до своей крайности, можетъ быть было причиною, что въ некоторыхъ мнѣніяхъ Косаго были приписаны разсмотрѣнному нами направленію. Несомнѣнно, что многочисленныя колоніи, выведенныя внутрь Московскаго государства изъ Новгорода и Пскова, должны были распространить въ

¹⁾ Соборъ на еретиковъ, 8, 15.

Москвѣ и другихъ городахъ свои понятія, а реформаціонное движеніе въ сосѣдней Литвѣ и Ливоніи могло усилить существовавшее броженіе.

Теодосій Косой былъ рабомъ у одного изъ московскихъ бояръ, отъ котораго онъ бѣжалъ (1552) въ Бѣлозерскій монастырь и принялъ тамъ монашество. Впрочемъ, узнавши о его мѣстопробываніи, прежній владѣлецъ Косаго оказывалъ ему покровительство. Вскорѣ послѣ осужденія Башкина и Артемія, Косой былъ схваченъ, преданъ суду¹⁾ и посаженъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей, откуда онъ бѣжалъ въ Литву. Ересь его преимущественно распространилась на сѣверѣ: самъ Косой жилъ въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, а его ученики, пришедшіе къ Зиновію Отенскому для бесѣды о новомъ ученіи, были изъ Хутынскаго монастыря. По ихъ же словамъ ученіе Косаго пользовалось большимъ уваженіемъ и имѣло многихъ послѣдователей. Сами клирошане, спорившіе съ Зиновіемъ объ ученіи Косаго, старалась защитить его. Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе способъ полемики. Послѣдователи Косаго придають большое значеніе тому, что онъ училъ по книгѣ и постоянно обращался съ книгою; между тѣмъ какъ епископы и попы все излагали наизусть. Даже бѣгство Косаго они оправдывали тѣмъ, что онъ освободилъ себя *разумомъ*. Зиновій возражаетъ, что ученіе Косаго *новое*, и потому не можетъ быть истиннымъ; притомъ же онъ рабъ, а рабы, по градскимъ законамъ (по византійскому праву), не пользуются довѣріемъ и даже не могутъ быть свидѣтелями на судѣ.

Ученіе Косаго представляетъ крайній рационализмъ: 1) онъ отвергаетъ божественность Иисуса Христа, опираясь на тѣ мѣста священнаго писанія, гдѣ Иисусъ называется человѣкомъ сотвореннымъ (напр. у ап. Петра); 2) не признаетъ догмата искупленія, основываясь на неизмѣняемости человеческой природы послѣ пришествія Иисуса, и 3) безсмертія души; отвергаетъ иконы, называя ихъ идолами, храмы, посты (на основаніи священнаго писанія и словъ Иисуса, что не то свершить человѣка, что входитъ въ уста, а что изъ устъ); чудеса, мощи (на основаніи патр. Никифора и Антонія В., запрещающихъ наружное погребеніе тѣлъ) и внѣшніе обряды, какъ человѣческія преданія, введенныя духовенствомъ и которыхъ не одобряетъ Василій В. Мнѣніе Теодосія Косаго о Словѣ и св. Духѣ, о воплощеніи, искупленіи, иконахъ и поминовеніи умершихъ безусловно сходны съ ученіемъ новгородскихъ еретиковъ и представляютъ

¹⁾ О дѣлѣ его упоминается въ Акт. экспед. I, стр. 351.

только преемственное развитие его. Вотъ почему Зиновій имѣлъ право сказать, что ересь Θεодосія обличается Просвѣтителемъ Іосифа, какъ въ зертлѣ 1). Положительная сторона ученія Косаго сводится къ почитанію единого Бога-Отца, и потому онъ рекомендуетъ особенно читать ветхія заветы, впрочемъ не изъ сочувствія къ юдаизму, а для подкрѣпленія мысли о единобожїи, какъ дѣлалъ это Аріій. Косой не отвергаетъ значенія новозавѣтныхъ книгъ: онъ не совѣтуетъ только читать книгъ богослужебныхъ, аскетическихъ и молитвъ, потому что отвергаетъ внѣшность христіанства; но чтеніе Евангелія, апостоловъ (за исключеніемъ посл. ап. Павла къ евреямъ, которое Косой, подобно западнымъ протестантамъ, не признавалъ подлиннымъ) и нѣкоторыхъ отцовъ церкви (Постническую книгу Василия Великаго, Маргаритъ Іоанна Златоуста и слова Григорія Богослова) онъ считаетъ необходимымъ для своихъ послѣдователей.

Но всѣ эти источники у Косаго получили соответствующее его взгляду толкованіе. Онъ дѣйствуетъ противъ врага его оружіемъ. Никонъ Черногорецъ говоритъ только, что чудеса бывають и отъ дѣйствія дьявола, для оболъщенія людей, а Косой распространяетъ его предостереженіе на чудеса вообще. Опора восточнаго монашества, Василій Великій, такъ ратующій въ своей Постнической книгѣ противъ введенія человѣческихъ преданій, служитъ Косому главнымъ оружіемъ противъ монашества, какъ преданія, изобрѣтеннаго людьми. Максимъ Грекъ и Вассіанъ представляютъ въ своихъ сочиненіяхъ недостатки монастырей и незаконность монастырскихъ имуществъ, а Θεодосій Косой на этомъ основаніи отвергаетъ значеніе представителей русскаго монашества. Его ученики также отзывались съ уваженіемъ о сочиненіяхъ этихъ двухъ писателей, почему ихъ влияніе, какъ матеріала, несомнѣнно отразилось на Θεодосіѣ Косомъ. Какъ видно, вопросъ о монашествѣ близко затрогивалъ Зиновія, и потому онъ съ особенною подробностью заботится защитить его значеніе. Половина большаго труда Зиновія, направленаго противъ ереси Косаго (Истины показаніе 2), посвящена возстановленію авторитета Постнической книги Василия Великаго. Ученикъ Максима Грека, даже пострадавшій за свои отношенія къ нему, опровергаетъ отзывы Максима и Вассіана о современномъ монашествѣ тѣмъ, что они не знали хорошо его жизни, жива преимущественно при дворѣ, и для большей убѣдительности рисуетъ

1) Истины показаніе, гл. 46.

2) Помѣщено въ Правосл. соб. 1864 и 1865 гг.

идеальную сторону монашеской жизни,¹⁾ а въ противоположность ей привольную жизнь Вассіана въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ онъ получалъ содержаніе отъ княжескаго стола. Зиновій отступился при этомъ и отъ другаго пункта Максима Грека—отрицанія монастырскихъ имущества. Поричая богатства русскихъ монастырей, Максимъ ставитъ въ примѣръ имъ даже монаховъ картезіанскихъ, жившихъ подаяніемъ и трудомъ. Зиновій оспариваетъ это тѣмъ, что сборъ подаянія нисколько нелучше пожертвованій на монастырь, но послѣднее тѣмъ удобнѣе, что не утруждаетъ мірянъ посѣщеніемъ просителей, а существованіе общаго имущества нисколько не нарушаетъ монастырскаго устава²⁾. Такъ впрочемъ говорилъ Зиновій, защищая существующій порядокъ отъ нападеній еретиковъ, съ которыми ему пришлось вести бесѣду; но въ другомъ сочиненіи онъ согласенъ съ Максимомъ Грекомъ,³⁾ и тѣмъ самымъ признаетъ, на сколько его сторона стояла выше интересовъ партіи. Современнѣе этимъ событіямъ мнѣніе Іосифа о монастырскихъ имуществахъ получило новую силу: на Стоглавомъ соборѣ этотъ вопросъ былъ утвержденъ на прежнихъ основаніяхъ и митр. Макарій отвѣчалъ Іоанну въ духѣ митр. Симона⁴⁾.

Ставши въ оппозицію къ существующему порядку, Феодосій не могъ обойти представителя господствовавшихъ воззрѣній. Онъ старается поддерживать довѣріе къ книгѣ Іосифа своею обвинительною діалектикою. Выходя изъ той мысли, что 7-й вселенскій соборъ запретилъ прибавлять что бы то ни было въ выработанному учению, Іосифъ называетъ книгу Іосифа забнопреступною, потому что она написана послѣ 7-го собора⁵⁾. Феодосій не могъ примириться съ мыслью Іосифа о преслѣдованіи еретиковъ; и потому въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекаетъ духовенство въ недостатокъ духа терпимости (что требуетъ ограниченія, стр. 496, 499).

Перебравшись въ Литву, Феодосій являлся и дѣятельно распространялъ тамъ свое учение. По одному источнику⁶⁾, вмѣстѣ съ нимъ

1) См. выше, стр. 126.

2) Повѣсть страшна, въ сочин. Макс. Грека, II.

3) Истинны показаніе, гл. 45.

4) Слово на память соловец. чудотвор. Правосл. соб. 1859, стр. 368, 471—473.

5) Матер. для Стогл. собора, Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, V.

6) Истинны показаніе гл. 45, ср. выше, стр. 269.

7) Wengerski, Systema Historiae Chronologicae. 262—263.

сѣжали въ Литву Ѳома и Артемій; а по другому содѣйствовали ему въ распространеніи ученія чернецъ Игнатій, тоже вступившій въ бракъ 1). Называемый въ первомъ источникѣ Артемій не могъ быть троицкій игуменъ, потому что Курбскій, лично знавшій его, говоритъ о немъ съ большою похвалою 2) и ясно отдѣляетъ отъ этихъ еретиковъ, въ которыхъ онъ отнесется крайне презрительно. Эти лица вѣроятно были Игнатій и Ѳома, упоминаемые въ дѣлѣ Башкина. Главными пунктами ихъ дѣятельности были Витебскъ и Полоцкъ. Курбскій намекаетъ, что Ѳеодосій перешелъ потомъ въ арианство; а Венгерскій называетъ Ѳому пасторомъ. Вѣрнѣе, что они сблизились съ соцініанами, такъ какъ въ ихъ ученіи было много общаго.

Хотя въ ближайшее время мы не встречаемъ уже подобнаго проявленія еретическаго движенія, но мнѣнія съ отрицательнымъ характеромъ продолжаютъ высказываться 3). Въ началѣ XVII вѣка принявъ польскаго элемента, еще болѣе способствовалъ броженію общества, которое поддерживалось политическими безпорядками и воцареніемъ самозванца. Такъ, служа при его дворѣ, князь Иванъ Хворостининъ, сблизился съ польскими панамъ и попами, отъ которыхъ досталъ разныхъ латинскихъ книгъ. Усвоивши себѣ ихъ образъ мыслей, онъ сталъ отрицать церковныя обряды, вѣчную жизнь, святыхъ, а своимъ людямъ запрещалъ ходить въ церковь. Конечно его наставниками были не католическіе священники. Въ послѣдствіи Хворостининъ хотѣлъ совсѣмъ переехать въ Литву, бранить Россію, и русскаго государя называлъ деспотомъ. За все это при Василіѣ Шуйскомъ онъ былъ сосланъ въ Волыцкіи монастырь; а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, послѣ временнаго освобожденія и вторичнаго уклоненія въ ересь — отправленъ въ Юриловъ монастырь, откуда снова освобожденъ въ 1632 г. 4).

Отрицательное направленіе въ религіозной жизни древней Россіи, болѣе двухъ столѣтій волновавшее русское общество, оставило послѣ себя глубокіе слѣды. Анти-іерархическое направленіе, возникшее въ

1) Курбскій, 267, 268.

2) Ibid., 256.

3) Соловьевъ, IX, 436. Монахъ (уставщикъ) Троицкой лавры Филаретъ не признавалъ Христа прежде вѣкъ рожденнымъ, а божество представлялъ челоукообразнымъ (какъ антропоморфаты).

4) Ibid., стр. IX, 457—459.

Новгородской области въ слѣдствіе политическихъ условий быта, въ XVII вѣкѣ развилось въ церковно-демократическія секты безпозитивныя, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовавшія въ предѣлахъ Новгородской области 1). Въ севѣ *субботниковъ* еще Дмитрій Ростовскій открывалъ черты, ясно напоминающія «жидовствующій» элементъ, входившій въ составъ новгородской ереси XV вѣка, и на этомъ основаніи первую считать продолженіемъ послѣдней 2). Справедлива также догадка, что *молokane* и *духоборцы* составляютъ продолженіе рационалистическаго движенія XV—XVII в. 3) Въ этому же направленію слѣдуетъ отнести и другія подходящія явленія (напр. *Селезневщину* и др.), которыя не имѣютъ ничего общаго съ *старобрядствомъ*, хотя нѣредко смѣшиваются съ его сектами подъ общимъ именемъ *раскола*. Послѣдній также успѣлъ высказаться въ разсмотрѣнную нами эпоху, но совершенно въ противоположныхъ явленіяхъ: въ привязанности къ бытѣ и исключительной обрядности (см. выше, стр. 371—374) 4).

Разсматривая отрицательное направленіе въ цѣломъ его составѣ, мы можемъ сдѣлать нѣсколько общихъ заключеній.

1) Въ первоначальномъ видѣ оно имѣло чисто мѣстный характеръ и возникло въ слѣдствіе современныхъ злоупотребленій.

2) Соціальныя черты этого движенія въ первый періодъ его развитія обусловливались политическимъ бытомъ Пскова и Новгорода, которые стремились подчинить ему и церковныя отношенія.

3) Выйдя изъ Пскова и Новгорода, — ересь сильно распространилась въ прилежащихъ мѣстностяхъ: оттого въ сѣверныхъ монастыряхъ замѣчается возбужденное религиозное движеніе. Въ Москвѣ же и другихъ городахъ еретическое ученіе сдѣлалось известнымъ вмѣстѣ съ переселеніемъ новгородцевъ и псковитянъ внутрь государства.

4) Вначалѣ скептическое ученіе развилось изъ анти-сирархическихъ стремленій; но потомъ въ составъ его вошли другіе элементы путемъ книжнымъ и въ слѣдствіе усиленія книжной дѣятельности съ исхода XIV вѣка. Новгородская ересь не носитъ на себѣ признаковъ

1) Устройств. Новгород. іерар. Прав. соб. 1863. I, 201.

2) Розыскъ о Брянской вѣрѣ, III, гл. 18.

3) Ливановъ, *Молokane* и *Духоборцы*, Вѣстн. Европы, 1868, октябрь, 696.

4) Замѣчательно, что «строгое ученіе Іосифа сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась нововведеніямъ Никона». Хрущовъ, стр. VII.

одного, определенного влияния, а представляет соединение нескольких влияний, которые нашли себе готовую почву в социальных условиях. С другой стороны, возбуждение религиозных вопросов оказало значительное влияние на развитие письменности.

5) Иудейский элемент в ереси «жидовствующих» в тесном смысле слова имел ограниченное влияние, а приписываемое ему значение в истории новгородской ереси объясняется его образовательной стороной. Представители этого направления по всей вероятности образовались под влиянием того умственного движения, которое замечается в то время в среде караятов и вышло из Константинополя.

6) В умственном и религиозном отношении новгородскую ересь (в полном ее развитии) можно рассматривать, как протест против современных недостатков в религиозной жизни и преобладания в обществе формального понимания религии. Одновременно с этим рационалистическим направлением развивается другое, которое стремится в то же время путем радикальных реформ, но не выходит за пределы догматического учения. К этому направлению относятся: Нил Сорский, Вассиан, Косой, Максим Грек, Балкин, Артемий и другие члены этого кружка. Сходство в некоторых мнѣніях этого направления с предшлущим заставило в то время предполагать, что между ними существовало известное отношение; темъ болѣе, что ихъ тѣсно связывало мѣстное происхождение (Заволжская пустыня). Приведенные нами доводы не допускаютъ такого заключенія, но нельзя отвергать, чтобы современное отрицательное движение не произвело на некоторыхъ послѣдователей Нила своего влияния, которое могло отразиться на нихъ въ положительномъ видѣ. Отчасти это влияние, отчасти ихъ общія стремленія были причинами, что въ ихъ общественной деятельности и мнѣніяхъ было много общаго. Изъ кружка Максима Грека и Вассиана вышелъ князь Курбскій, который примѣнилъ свою деятельность въ политическимъ вопросамъ и враждебно отнесся къ политической деятельности Иосифлянъ.

6) Учение Теодосія Косаго представляетъ намъ крайнее развитіе обоихъ направленій (съ одной стороны на немъ видно влияние учения новгородскихъ еретиковъ; съ другой — Максима Грека и Вассиана), съ присоединеніемъ новыхъ элементовъ, проявившихся въ Россіи (подъ влияниемъ реформаторнаго движенія въ соседней Литвѣ и Ливоніи).

8) Въ историческомъ отношеніи еретическое направленіе составля-

еть рядъ ученій, преемственно развивавшихся въ теченіи двухъ столѣтій и отразившихся въ послѣдующіе вѣка въ отрицательныхъ сѣткахъ раскола.

9) Но скептическое направленіе XV и XVI вв. въ свою очередь вызываетъ реакцію, представителемъ которой былъ Іосифъ Волоколамскій. Онъ представляетъ намъ рѣзко обозначенный типъ съ строго-опредѣленными религіозными, политическими, социальными понятіями и съ непреклонными стремленіями приложить ихъ въ дѣлу. Онъ сумѣлъ воспитать въ своихъ началахъ множество учениковъ, которые поддерживали ихъ господственное значеніе въ теченіе всего XVI вѣка. Говоря точнѣе, это была своего рода школа, строго охранявшая свои принципы. Вотъ почему ученики Іосифа такъ дорожили своимъ именемъ «іосифляне», которое было усвоено въ такомъ видѣ только за ихъ монастыремъ и которое было такъ ненавистно ихъ противникамъ.

10) Борьба «іосифлянъ» съ предъидущими направленіями впервые выставила на обсужденіе принципъ вѣротерпимости. Въ концѣ концовъ восторжествовало мнѣніе Іосифа, которое было примѣнено къ дѣлу на основаніи «градскихъ законовъ», а Уложеніе вполнѣ усвоило этотъ принципъ. «Долго перевѣсъ оставался за іосифлянами и *никонианцы*, въ своихъ преслѣдованіяхъ раскола, пронизались чисто іосифовскою нетерпимостью»¹⁾. Но современные изслѣдователи, касающіеся этого предмета, заявляютъ свои симпатіи въ пользу послѣдователей Нила Сорскаго, «въ надеждѣ, что наконецъ вѣсы вполнѣ склонятся на сторону направленія старцевъ заволжскихъ»²⁾,

Въ борьбѣ Іосифа съ ересью ясно выразилось значеніе гражданской власти по византійскому праву; въ противоположность римской системѣ, Іосифъ не могъ достигнуть цѣли, пока не успѣлъ склонить на свою сторону Іоанна III и Василія Іоанновича, хотя инициатива самаго дѣла все-таки остается за нимъ. Въ такомъ же видѣ представляются намъ эти отношенія и въ XVII в., когда возникъ вопросъ о мѣрахъ противъ раскола³⁾, а потому эти отношенія заслуживаютъ вниманія, чтобы прослѣдить ихъ исторически.

¹⁾ Журн. минист. нар. просв. 1868, февр. О направ. Іос. Волок. профес. Миллера, 545.

²⁾ Ibid. 545, и Хрущовъ въ Изслѣд. о соч. Іосифа Волоколамскаго, 1868. Такой же взглядъ провели мы въ соч. «Русскіе общест. дѣят. XVI вѣка». Киевъ. 1866.

³⁾ См. выше, стр. 312—313.

Не смотря на преобладающее значеніе духовенства въ государственной организаціи древней Россіи, какъ образующаго элемента ¹⁾, оно было поставлено здѣсь въ условія, подходящія къ его положенію въ Византійской имперіи. Содѣйствуя утвержденію политическаго порядка, духовенство исполнѣ подчинялось ему. Русскіе князья на первыхъ порахъ стремятся освободить церковныя дѣла отъ внѣшняго вмѣшательства; но въ замѣнъ подчиненія ихъ влиянію константинопольскаго патріарха стараются установить зависимыя отношенія духовенства къ себѣ. Византійскія преданія о преобладающемъ значеніи свѣтскаго авторитета оказали въ этомъ случаѣ значительную долю влиянія. Разсмотрѣвши въ своемъ мѣстѣ подробно, какъ греческое и русское духовенство содѣйствовали возвышенію авторитета московскаго князя, здѣсь достаточно будетъ объяснить тѣ уклоненія, какія существовали въ нашей исторіи, въ противоположность господствовавшему порядку.

Изъ древняго періода мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ подобнаго уклоненія, но они объясняются въ извѣстной степени покровительствомъ свѣтской власти. Стремясь къ образованію самостоятельнаго княжества на сѣверѣ, Андрей Боголюбскій хотѣлъ учредить во Владимірѣ особую митрополию и имѣлъ въ виду на нее своего любимца — суздальскаго игумена Теодора. Эти хлопоты не удалась въ Константинополь; но Теодоръ былъ посвященъ въ епископы ростовскіе. Поставленный патріархомъ, онъ не хотѣлъ признавать кievскаго митрополита, не смотря на всѣ увѣщанія Андрея принять благословеніе у послѣдняго, и самовольно возложилъ на себя бѣлый клобукъ. Тогда митрополитъ Константинъ запретилъ духовенству признавать Теодора епископомъ, и дѣйствительно оно перестало относиться къ нему. Честолюбивый Теодоръ не могъ снести такой неудачи и принялся жестоко преслѣдовать своихъ противниковъ: онъ отлучилъ духовныхъ лицъ, заперъ церкви во Владимірѣ и даже грабилъ гражданъ. Лѣтописецъ рассказываетъ о неимовѣрныхъ казняхъ, которымъ подвергались враги Теодора. Андрей сначала сдерживалъ своего любимца; но тотъ и не думалъ уступать. Въ припадѣхъ неистовства, Теодоръ сталъ хулить Иисуса Христа, Богородицу и святыхъ. Наконецъ Андрей отослалъ его въ Кіевъ и предалъ суду митрополита. На

¹⁾ См. выше, стр. 299—300.

первый разъ Теодоръ былъ лишенъ сана и сосланъ на Песій островъ; но и тамъ продолжалъ держаться своей ереси. Тогда его судили вторично, и на этотъ разъ, по приговору митрополита, отрѣзали ему языкъ и правую руку, выкололи глаза и наконецъ отсѣкли голову. Конечно всѣ поступки Теодора и даже его наказаніе характеризуютъ жестокость того времени (второй половины XII вѣка); но едвали Теодоръ могъ совершить ихъ въ нормальномъ состояніи и въ такомъ видѣ, какъ представляетъ лѣтописецъ¹⁾. Несомнѣнно, однако, что въ его жестокостяхъ, судя по его приговору, есть извѣстная доля правды. Оскорбленный неудачею въ своихъ планахъ, онъ могъ впасть въ болѣзненное разстройство, хотя едвали онъ могъ-бы дѣйствовать такъ самостоятельно, еслибы не опирался на расположеніе Андрея Боголюбскаго.

Точно также при Дмитріѣ Донскомъ заявилъ себя рѣзкими поступками избранный имъ въ митрополиты—Митяй (Михайлъ). Не будучи еще посвященъ въ этотъ санъ, онъ присвоилъ себѣ всѣ его регалии, звалъ на судъ духовныхъ и, зная ихъ нерасположеніе къ себѣ, жестоко каралъ за это; особенно же гордо обходился онъ съ епископами, будучи самъ только архимандритомъ. Митяю все сходило, благодаря расположенію къ нему вел. князя, но смерть помѣшала ему вполнѣ утвердиться²⁾. Нѣсколько примѣровъ подобной же уступчивости предста-

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 152; II, 102—103; IV, 12 «Однихъ онъ велѣлъ распинать, другимъ отсѣкать руки и ноги, третьимъ выжигать глаза, четвертыхъ варить въ котлахъ или ссылать въ заточеніе».

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 28—31; Никон. лѣт. IV 66—67. Митяй первоначально былъ коломенскимъ священникомъ и; вмѣстѣ съ тѣмъ духовникомъ Дмитрія Донскаго и важнѣйшихъ бояръ. Видный собой, искусный въ книгахъ и бойкій на словахъ—онъ сумѣлъ поправиться вел. князю, и потому когда открылось мѣсто архимандрита Спасскаго монастыря—Дмитрій велѣлъ постричь его въ монахи и въ тотъ же день сдѣлать его архимандритомъ послѣдняго. Передъ смертію митр. Алексѣя, вел. князь упрасивалъ его благословить Митяя въ будущемъ митрополиты, но тотъ не согласился. Тогда Дмитрій рѣшился самъ провести своего любимца. По смерти митр. Алексѣя, онъ назначилъ на его мѣсто Митяя, а тотъ убѣдилъ князя созвать для своего поставленія русскихъ епископовъ, опасаясь, что его не посвятятъ въ Константинополь. Противъ Митяя дѣйствовали два лица—Сергій Радонежскій, сносившійся по этому поводу съ митр. Кипріаномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и Дмитрій архіеп. суздальскій, домогавшійся митрополіи черезъ патр. константинопольскаго. Но Кипріана не пропустили въ Москву (за что онъ отлучилъ всѣхъ своихъ противниковъ. См. его посл.

вляеть намъ Іоаннъ III, извѣстный довольно самостоятельнымъ характеромъ. Узнавши, что легать, провожавшій цесарю Софію въ Москву, будетъ имѣть торжественный въѣздъ съ латинскимъ крестомъ впереди, митр. Филиппъ I явился къ вел. князю и настойчиво объявилъ ему, что этого быть не можетъ; что легать не долженъ даже приближаться къ Москвѣ въ такомъ видѣ; «а если ты допустишь это, желая почтить его, заключить митрополитъ, то я отецъ твой, въ то время, какъ онъ въѣдетъ въ городъ въ однѣ ворота, выѣду въ другія изъ города; потому что не достойно того ни видѣть, ни слышать». И великій князь запретилъ въѣзжать легату съ крестомъ¹⁾. Но эта уступчивость можетъ объясняться общимъ нерасположеніемъ къ иновѣрцамъ, доходившимъ даже при дворѣ до того, что московскіе государи, послѣ допущенія иностранныхъ пословъ къ русѣ, обыкновенно обмывали ее, чтобы очиститься отъ прикосновенія еретиковъ²⁾. Съ болѣе определеннымъ характеромъ представляются отношенія Іоанна къ митр. Геронтію. Во время освященія Успенскаго собора, митрополитъ ходилъ въ крестномъ ходѣ противъ солнца, что возбудило споры въ обществѣ. Одни стояли на сторонѣ митрополита; другіе говорили, что слѣдуетъ, напротивъ, ходить по-солнцу. Іоаннъ принялъ сторону послѣднихъ и заявилъ свое негодование Геронтію, опасаясь, что за его отступленіе послѣдуетъ гнѣвъ божій на Москву. Оскорбленный Геронтій выѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, заявивъ, что если вел. князь не ударитъ ему челомъ, онъ оставитъ митрополію и станеть жить простымъ монахомъ. Между тѣмъ было построено много новыхъ церквей, которыя оставались безъ освященія. Оторону митрополита держали духовенство, монахи и народъ, а за вел. князя стояли только — ростовскій архіепископъ Іоасафъ (изъ князей Оболенскихъ) и чудовскій архимандритъ Геннадій (изъ бояръ Гонзовыхъ). Видя на своей сторонѣ меньшинство, Іоаннъ послалъ къ митрополиту своего сына съ просьбою возвратиться. Геронтій не согласился. Тогда поѣхалъ къ нему самъ Іоаннъ, призналъ себя виновнымъ и общалъ во всемъ повиноваться митрополиту, и тотъ возвратился въ

къ Сергію и его племяннику Теодору, Прав. соб. II, 75—106), а узнавши о побѣгѣ Діонисія, вел. князь немедленно отправилъ къ Константинолю и Митяю съ огромною свитою, самъ проводивъ его до Оки, но смерть помѣшала Митяю достигнуть цѣли. Онъ скончался не доѣзжая Константинополя и былъ похороненъ въ Галатѣ.

¹⁾ Полн. соб. рус. лѣт. VI, 192; Никон. VI, 50.

²⁾ Герберштейнъ.

Москву. Въ другой разъ (въ 1482) между ними возникло столбованіе оная по поводу религіознаго вопроса. Въ этотъ годъ крещенскій сочельникъ пришелся въ воскресенье, въ слѣдствіе чего чудовскій архим. Геннадій разрѣшилъ своей братіи вкусить пищу до освященія воды. Геронтій увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе святыхъ и своего сана, потому что Геннадій поступилъ такъ безъ благословенія митрополита. Но когда Геронтій велѣлъ привести къ себѣ Геннадія, тотъ убѣжалъ къ вел. князю. Тогда митр. обратился съ жалобою къ Іоанну и вел. князь отдалъ Геннадія на его судъ; митрополитъ посадилъ его въ ледникъ, и едва удалось вел. князю съ боярами выпросить виновному прощеніе. Конечно Геронтій дѣйствовалъ здѣсь противъ Геннадія подъ вліяніемъ предыдущаго случая. Но и здѣсь, очевидно, Іоаннъ уступилъ митрополиту потому, что самый вопросъ былъ чисто религіознаго содержанія. Однако эти столбованія все-таки не нравились вел. князю, и потому, когда митрополитъ, по случаю болѣзни, заявилъ желаніе оставить свой престолъ и удалился въ Симоновъ монастырь, Іоаннъ постѣпилъ назначить на его мѣсто Паисія (Ярославова), игумена Троицкой лавры. Вѣроятно удаленіе Геронтія не было искреннимъ, потому что, лишь только онъ оправился отъ болѣзни, какъ снова заявилъ свои права на митрополию. Великій князь старался отговорить его; но Геронтій не соглашался и нѣсколько разъ убѣгалъ въ Москву, хотя его каждый разъ перехватывали на дорогѣ. Наконецъ, опасаясь соблазна, Іоаннъ снова принялъ Геронтія, а Паисій, болѣе расположенный къ пустынямъ, охотно отказался отъ предложенной чести. За то, когда Іоаннъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ—онъ дѣйствовалъ рѣшительно. Гораздо прежде разсказанныхъ событій (1478), Іоаннъ рѣшилъ споръ между митр. Геронтиемъ и ростов. архіеп. Вассіаномъ. Монахи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нежелая быть подъ властью послѣдняго, просили своего удѣльнаго князя, Михаила Андреевича верейскаго, взять ихъ въ свое вѣдѣніе. Князь обратился съ просьбою объ этомъ къ митрополиту, и тотъ далъ надлежащую грамоту. Сначала Вассіанъ просилъ митрополита не вступаться въ его область, а когда тотъ не послушалъ, то онъ обратился на судъ къ вел. князю. Іоаннъ совѣтовалъ Геронтію отступить отъ неправильнаго дѣла. Геронтій стоялъ на своемъ. Тогда вел. князь велѣлъ съѣзжаться въ Москву духовному собору. «Митрополитъ, говоритъ Соловьевъ, испугался соборнаго суда и просилъ Іоанна потушить дѣло.» Іоаннъ уничтожилъ его грамоту и монастырь попрежнему подлежалъ вѣдѣнію архіеп. ро-

словскаго ¹⁾. Послабленіе еретикамъ со стороны Геронтія, Іосифъ Волоколамскій прямо объясняетъ тѣмъ, что онъ «боялся державнаго.»

Будучи образовательною силою въ древней Россіи, духовенство проводило въ общество идею о высокомъ значеніи своей дѣятельности. «Церей, говорится въ одномъ древнемъ правилѣ, не бойся и не стыдись передъ лицомъ сильнаго человѣка—будеть-ли это царь или князь, судья или воинъ, потому что ты поставленъ отъ Бога» ²⁾. Только при независимомъ положеніи оно могло выступать съ смѣлыми обличеніями и защитою слабыхъ передъ сильными. Вотъ почему въ обществѣ замѣтно расположеніе въ пользу такого значенія духовенства ³⁾.

Церковные писатели отмѣчаютъ двѣ эпохи въ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной въ древней Россіи: до утвержденія господства Московскаго княжества и со времени его утвержденія (именно съ Іоанна III). До тѣхъ поръ разьединенность Россіи и непосредственная зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха придавали ея представителю значительную самостоятельность ⁴⁾. Дѣйствительно, лица, прибывшія изъ Византіи, отличались болѣе независимымъ характеромъ, надѣясь всегда найти поддержку въ Константинополѣ. Митр. Кипріанъ, оскорбленный вел. княземъ (Димитріемъ Донскимъ), который не хотѣлъ признавать его назначенія и не принялъ его въ Москву, проводитъ идею о независимости епископовъ отъ воли вел. князя, который не долженъ ни назначать, ни судить ихъ. Кипріанъ ставитъ ихъ въ непосредственную зависимость отъ собора и патріарха ⁵⁾. Митр. Фотій вставилъ Василія Дмитріевича возвратить всѣ земли, принад-

¹⁾ Соловьевъ, V, 262—265.

²⁾ Правило о покаяніи, изъ Сборн. XV или XVI в. Прав. соб. 1860, I, 354.

³⁾ Посл. опального къ митр. Макарію, Прав. соб. 1863, III, 408—420.

⁴⁾ Свщ. Никольскій, въ Журн. мин. нар. просв. 1868, февр. 331.

⁵⁾ Кипріану приписываютъ знаменитый отвѣтъ Димитрію Донскому, когда тотъ рѣшился сразиться съ Мамаемъ. «Господь велѣлъ христіанамъ, говоритъ онъ, поступать по евангельскому слову: будьте мудры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби. Змѣиная мудрость состоитъ въ томъ, что когда начнутъ змѣю бить—она отдаетъ тѣло на язвы и побои, а голову укрываетъ, сколько есть силы. Вотъ такъ и христіанинъ: если случится, что его стануть гнать и мучить, долженъ все отдавать—и золото, и серебро, и имущество, и честь, и славу, а голову свою укрывать. Голова же Христосъ и вѣра христіанская. Требуешь у насъ имущества, золота, серебра, чести и славы—все отда-

лежавшія митрополиту, но присвоенныя вел. князюмъ ¹⁾. Максимъ Грекъ, защищая права константинопольскаго патріарха, проводитъ мысль о преобладающемъ значеніи его власти ²⁾.

Но, вмѣстѣ съ развитіемъ Московскаго государства, политическая дѣятельность духовенства значительно суживается. Современники Василія Іоанновича жалуются, что митр. пересталъ печаловаться о преслѣдуемыхъ ³⁾; Максимъ Грекъ и Курбскій говорятъ о времени Іоанна Грознаго, что нѣтъ болѣе Самуила, Нафана, Іліи, Елисея, Амвросія, Василія В., І. Златоуста, которые обличали-бы неправду и удерживали гнѣвъ царей ⁴⁾. Со времени избранія митрополитовъ въ Россіи, они становятся въ зависимое положеніе отъ лицъ, стоящихъ въ главѣ управленія, и выборъ ихъ нерѣдко происходитъ подъ вліяніемъ борьбы придворныхъ партій ⁵⁾, съ паденіемъ которыхъ они принуждены были уступать свое мѣсто другимъ (Даніилъ, Іоасафъ, Германъ, Діонисій). XVI столѣтіе наполнено подобными примѣрами: въ девяти лицъ, бывшихъ митрополитами при Іоаннѣ Грозномъ, одинъ Макарій могъ устоять нетронутымъ—и во время боярщины, и въ самостоятельное правленіе Іоанна Грознаго, двадцать лѣтъ управляя церковными дѣлами (1548—63); но современники, говоритъ Карамзинъ, упрекали его въ изліяніемъ

вайте, а когда вѣру хотятъ отнять—стойте за нее крѣпко. Такъ и ты, господинъ, сколько можешь собратъ золота и серебра, пошли къ Мамаю, исправься передъ нимъ и укроти его ярость». Но, принимая во вниманіе, что Кипріанъ утвердился митрополитомъ въ Москвѣ только въ 1381 г., въ которые заподозрѣваютъ эти отношенія. Костомаровъ же по этому самому приписываетъ отвѣтъ какому-нибудь другому духовному лицу (Моногр. III, 20). Вѣрнѣе, что Кипріанъ отвѣчалъ такъ по поводу нашествія Тохтамыша (1382), когда онъ навлекъ на себя даже гнѣвъ вел. князя, за оставленіе столицы.

¹⁾ Рукопис. посл. Фотія въ житіи у Филар. и Никонов. лѣт. V, 53, 54, 72. Въ обращеніи къ духовенству Фотійъ говоритъ: »елико отстоять небо отъ земли; толико отстоять нашъ санъ паче всякаго великаго сава мірскаго«. Прав. соб. 1861, II, 315.

²⁾ По этому поводу Максимъ писалъ: »Святительство вѣнчаетъ и утверждаетъ царей, а не царство святителей... Ибо больше есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благословляется«. Сочин., III, 155.

³⁾ Акты экспед. I, № 172.

⁴⁾ Соч. Макс. Грека, II, 319; Посл. Курбскаго, Прав. соб. 1868, II, 307.

⁵⁾ Журн. мин. нар. просв. 1868, февр. 332.

честности и робости духа ¹⁾. Въ такихъ же условіяхъ стояли и другія высшія лица, что церковные писатели считаютъ причиною ограниченнаго круга дѣятельности духовенства и его слова, которое значительно ослабло въ сравненіи съ древнимъ періодомъ ²⁾. Новгород. архіеп. Феодосій въ посланіи къ Іоанну Грозному уже не рѣшается поучать царя; но пишетъ ему, какъ ученикъ — учителю; какъ рабъ государю, живущему въ рукахъ силу, и страшному для другихъ своимъ царскимъ ономъ ³⁾. Только изъ глубины пустынь, гдѣ нечего было терять ⁴⁾, или отъ опальныхъ слышится иногда смѣлая рѣчь ⁵⁾.

Воспитаніе наложило на Іоанна Грознаго тяжелую руку. Онъ самъ объясняетъ намъ свой характеръ впечатлѣніями дѣтства. Но если вольно вліяніемъ пророческихъ отношеній Шуйскихъ въ памяти его отца, Іоаннъ могъ развить въ себѣ чувство негодованія во всему, что хоть сколько нибудь понижаю ему преемственность на его значеніе; то Сильвестръ, овладѣвшій совѣстью Іоанна въ самую критическую минуту и на долго удержавшій за собою это вліяніе, долженъ былъ оставить въ памяти Іоанна также глубокіе слѣды. Сомнительно, чтобы онъ впервые прибылъ въ Москву во время страшнаго пожара (1547); его внезапное появленіе передъ царемъ въ то время, когда послѣдній трепеталъ отъ страха, вѣроятно было обдуманнѣе планомъ, чтобы подѣйствовать на впечатлительную натуру Іоанна, успѣвшаго заявить себя пренебреженіемъ обязанностей. Сильвестръ былъ родомъ новгородецъ ⁶⁾, и вѣроятно прибылъ въ Москву за долго до настоящаго событія. Есть основаніе предполагать, что Сильвестръ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ митрополиту Макарію, бывшему новгородскому архіепископу. Макарій могъ сблизиться съ Сильвестромъ въ Новгородѣ, во время составленія Честіи-Мишей, такъ какъ Сильвестръ былъ извѣстенъ начитанностью и любовью къ книгамъ (онъ занимался списываніемъ житій, а въ Курьеловомъ монастырѣ хранится много книгъ, принадлежавшихъ ему; меж-

¹⁾ Карамзинъ, IX, 27.

²⁾ Русская пропов. въ XV и XVI вв. въ Журн. мин. нар. проsv. 1868, февр. 331—336.

³⁾ Акты истор. I, № 41.

⁴⁾ Жур. мин. нар. проsv. ib. 336.

⁵⁾ См. Максима Грека: поучительныя главы къ Вас. Іоан. и Іоан. Грозному, а также о ест. Россіи въ нравл. бояр. Соч. II, 157, 346, 319. Нашего изслѣд. «Максимъ Грекъ» гл. X.

⁶⁾ Царствешная книга, 342.

ду прочимъ онъ собиралъ даже греческія рукописи ¹⁾. Вѣроятно, въ скоромъ времени, послѣ возведенія Макарія въ митрополиты, Сильвестръ былъ переведенъ въ Москву, и теперъ рѣшились воспользоваться имъ, какъ энергическимъ и внижнымъ человѣкомъ. Съ сильными угрозами явился Сильвестръ передъ Іоанномъ и старался смирить его, указывая на бѣдствіе Москвы, какъ на гнѣвъ божій, и подтверждая свое посланничество разказами о разныхъ явленіяхъ, которыя побудили его на этотъ подвигъ ²⁾. Іоаннъ смягчился—и принесъ публичное покаяніе, принявъ на себя причину всѣхъ бѣдствій, а Сильвестръ сдѣлался вліятельнымъ лицомъ. Домострой вполне характеризуетъ намъ его автора. Какъ Іоаннъ, начитавшись произведеній тогдашней литературы, усвоилъ себѣ самыя крайнія черты своей власти, такъ Сильвестръ, одинъ изъ представителей тогдашней книжности, воспользовался ею для утвержденія взглядовъ въ пользу преобладающаго значенія своего положенія. Педантическій въ мелочахъ домашней жизни, суровый наставникъ въ отношеніи къ дѣтямъ, требовательный въ исполненіи религиозной внѣшности, даже въ ущербъ духу религіи, и наконецъ строго охраняющій свои права, Сильвестръ не могъ измѣниться въ своемъ новомъ положеніи. Онъ сдѣлался самовластнымъ распорядителемъ при дворѣ. По его желанію дѣйствовали всѣ лица, стоявшія во главѣ управленія, какъ гражданскія, такъ и духовныя, и никто не рѣшался противодѣйствовать ему; даже митрополитъ подчинялся его волѣ; однимъ словомъ, ему не доставало только соответствующаго духовнаго или гражданского сана, чтобы стать на вершинѣ іерархической лѣстницы государственнаго управленія. Хотя вмѣстѣ съ Сильвестромъ былъ приближенъ къ престолу и Адашевъ; но современники приписываютъ инициативу во всѣхъ дѣлахъ Сильвестру. Въ союзѣ съ митрополитомъ и Адашевымъ онъ замѣнилъ прежнихъ совѣтниковъ новыми и принялся за перевоспитаніе Іоанна ³⁾.

¹⁾ Погодинъ, Іоаннъ Грозный, въ Арх. истор. практ. свѣд. о Рос. Калачова, 1859, V, 15, 16.

²⁾ Рассказывая объ этомъ, Курбскій прибавляетъ о послѣднихъ: «незнаю, истинныя ли они были или только придуманы, чтобы напугать его (Іоанна), какъ часто и отцы повелѣваютъ своимъ слугамъ пугать дѣтей выдуманнми страшилищами, чтобы удержать ихъ отъ дурныхъ игръ и злыхъ сверстниковъ. Думаю, что такъ поступилъ и Сильвестръ». Исторія Іоанна, стр. 9.

³⁾ Курбскій, 9—11; Царствен. книга, 342.

Сильвестръ подчинилъ его тому строгому надзору, поборникомъ котораго онъ представляется намъ въ своемъ Домостроѣ. Онъ опредѣлилъ для царя количество пищи, одежду, часы сна, время отношеній къ женѣ. Онъ зорко слѣдилъ за жизнью Іоанна и сурово каралъ его за уклоненіе отъ своихъ требованій («поричая словами какъ бритвою и удерживая плоть, какъ бы крѣпкою уздою и браздами»). А когда не дѣйствовали убѣжденія, Сильвестръ прибѣгалъ къ обычнымъ своимъ приемамъ: «если Іоаннъ не послушаетъ совѣта, его запугиваютъ разореніемъ царства и погибелью души; случится въ царскомъ семействѣ какое-нибудь бѣдствіе, на него указываютъ, какъ на наказаніе божіе за непослушаніе»¹⁾. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Іоаннъ тогда не былъ ребенкомъ. Сильвестру пришлось имѣть дѣло съ возрастомъ, когда уже выработывается характеръ (Іоаннъ род. 1530, а Сильвестръ вступилъ въ управленіе въ 1547). До сихъ поръ Іоаннъ пользовался полною свободою, и потому въ немъ успѣли уже развиться влеченія, чуждыя всякой стѣснительности. Сильвестръ подчинилъ его дисциплинарнымъ правиламъ, но въ то время, какъ весь день Іоанна былъ расположенъ въ строгомъ порядкѣ, самъ онъ, «плѣненный властью», распоряжался всѣми дѣлами, не позволялъ Іоанну вмѣшиваться въ нихъ, раздавалъ должности по своему выбору и видимо стремился составить вокругъ себя политическую партію. Когда Іоаннъ задумалъ предпринять войну противъ Ливоніи—сторона Сильвестра подвергла этотъ планъ порицанію и настаивала на войнѣ противъ Крыма. При томъ взглядѣ на права власти, какой уже сталъ слагаться у Іоанна въ ту пору, такой способъ дѣйствія могъ только развить въ немъ всѣ трезнія черты характера, а, при постоянномъ надзорѣ, къ нимъ неминуемо должны были прибавиться еще новыя качества: подозрительность и скрытность, въ послѣдствіи такъ легко разрывавшія всѣ лучшія отношенія Іоанна. Время правленія Сильвестра оставило въ Іоаннѣ непріятныя воспоминанія. Онъ не могъ примириться съ воспитательною системою Сильвестра, направленною противъ человеческой природы («я человекъ, а быть выше человеческого естества—это фарисейство; вы же наложили на меня бремя фарисейскихъ обмываній, сами не исполняя ихъ») и враждебно отнесся ко всей его дѣятельности. Въ его дѣйствіяхъ Іоаннъ ничего не видитъ вромѣ

¹⁾ Курбскій, Ист. Іоанна, 79, 2-е посл. къ Іоанну, 230, и 1-й отвѣтъ Іоанна.

разсчитаннаго властолюбія и прямо нападаетъ на большое мѣсто его педагогички, — которая состояла «въ запугиваньи совѣсти дѣтскими страшиллицами» 1). Во время болѣзни Іоанна (1553) Сильвестръ показатъ, что онъ далеко не стоитъ за интересы его семейства. Когда зашелъ вопросъ о престолонаслѣдіи на случай смерти Іоанна, Сильвестръ заявилъ свои симпатіи въ пользу неспособнаго двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича. Карамзинъ справедливо видитъ въ этомъ опасеніе Сильвестра потерять свое положеніе и стремленіе его сохранить значеніе за своею партіею 2). Но Іоаннъ выздоровѣлъ. Послѣ своей болѣзни онъ видимо сталъ охладѣвать къ Сильвестру и значительно стѣснилъ его общественную дѣятельность 3), а въ 1560, въ слѣдствіе подозрѣній, возникшихъ противъ его партіи, по случаю смерти супруги Іоанна — Анастасіи, Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь 4).

Отъ негодованія противъ лица Іоаннъ перенесъ свою антипатію на всю систему. Враждебный лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія въ предъидущую эпоху, Іоаннъ въ послѣдствіи отрицательно отнесся ко всякаго рода совѣтникамъ. Сильвестръ не выдѣлялся изъ ихъ среды, а, напротивъ, былъ ихъ руководителемъ, и потому онъ и все напоминающее его вліаніе должно было подвергнуться тойже участи. «Священство (намекъ на Сильвестра), говоритъ Іоаннъ, не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; дѣло монаховъ — молчаніе; иное правленіе святителей и иное царей. Когда Богъ освободилъ израильтянъ изъ плѣна — развѣ онъ поставилъ во главѣ ихъ священника или многихъ совѣтниковъ? Нѣтъ, онъ поставилъ имъ одного Моисея какъ бы царя, Аарону же вручилъ священство, не дозволивъ ему вмѣшиваться въ гражданскія дѣла; но когда Ааронъ отступилъ отъ этого, то и народъ отпалъ отъ Бога. Видишь, священникамъ не слѣдуетъ брать на себя царскихъ дѣлъ. Точно также — Даанъ и Авиронъ вздумали восхитить себѣ власть — и сами погибли, и какое бѣдствіе навели на весь Израиль! Послѣ того судьей израильтянъ былъ Іисусъ Навинъ, а священникомъ Елеазаръ. Пока управляли ими судьи — какія побѣды одержали они надъ врагами! Но когда

1) Первый отвѣтъ Іоанна Курбскому, въ изд. Устрялова.

2) Карамзинъ, VIII, 127.

3) Изъ дѣла Башкина и Висковатова видно, что Сильвестръ принужденъ былъ оправдываться въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него.

4) Курбскій, Истор. Іоанна.

Нѣтъ жрець вѣлѣтъ на себя священство и царство — неправдыяе терпѣли поражение до вояренія Давида. Или ти (Іоаннъ обращается къ Курбскому) хочешь того же, что случилось съ Греціей, подчинившейся игу турокъ? Отсюда Іоаннъ дѣлаетъ общее заключеніе: «Нѣтъ царства, которое не разорилось-бы, будучи въ обладаніи поповъ» (Слѣвестръ)¹⁾. И какъ онъ не щадилъ никого изъ членовъ боярскаго синклита, кто казался ему враждебнымъ его власти, такъ точно онъ не допускалъ вмѣшательства духовенства, по древнему обычаю, въ политическія дѣла.

По смерти митр. Макарія (1563) Іоанну трудно было примириться съ его преемниками. Ближайшій выборъ очевидно основывался на личныхъ отношеніяхъ Іоанна: на мѣсто Макарія былъ избранъ царскій духовникъ Аванасій; но черезъ два года онъ удался въ Чудовскій монастырь (1566). Это было начало эпохи опричнины; Іоанну не нравилось частое ходатайство митрополита за опальныхъ — и онъ публично высказалъ ему свое неудовольствіе²⁾. Слѣдующій выборъ палъ на казанскаго архіеп. Германа. Іоаннъ могъ руководствоваться въ этомъ случаѣ политической традиціею; потому что Германъ былъ «іосифлянинъ». Но онъ ошибся. Едва Германъ переселился въ митрополитскія палаты, какъ въ одной изъ бесѣдъ съ царемъ высказалъ свое неудовольствіе на настоящій порядокъ, причемъ упомянулъ о будущемъ возмездіи и страшномъ судѣ. Іоаннъ рѣшилъ удалить еще непосвященнаго митрополита³⁾, который прожилъ въ своихъ палатахъ всего нѣсколько дней. Быть можетъ надѣясь на большую уступчивость строгаго отшельника, Іоаннъ вызвалъ въ Москву игумена Соловецкаго монастыря Филиппа, происходившаго изъ извѣстнаго рода Колычевыхъ, и объявилъ

¹⁾ Первый отвѣтъ Курбскому, стр. 163, 171, 172, 176.

²⁾ Карамзинъ, IX, 43.

³⁾ Курбскій говоритъ, что Германъ чрезъ два дня былъ найденъ мертвымъ, по по другимъ извѣстіямъ онъ упоминается вмѣстѣ съ митр. Филиппомъ и участвовалъ въ его посвященіи (житіе Фил. и Германа, Карамзинъ, IX пр. 170, 174, 177). Хотя въ записи митр. Филиппа, написанной до посвященія, въ числѣ епископовъ нѣтъ имени Германа (Собр. госуд. грам. I, 557), Курбскій дѣлаетъ слѣдующую оговорку о немъ: «Германъ, происходившій изъ знаменитаго рода Полевыхъ, былъ мужъ разумный, святой, свѣдущій въ св. писаніи и отчасти былъ причастенъ къ ученію Максима философа (Грека). И хотя онъ происходилъ изъ іосифлянскои чегы (т. е. монаховъ), но совершенно былъ чуждъ ихъ лукаваго обычая и лицемѣрія» (Исторія Іоанна, 121—123).

ему свое желаніе видѣть его митрополитомъ. На пути въ Москву, передъ Новгородомъ, Филиппа окружила толпа мужчинъ и женщинъ разныхъ званій и просила его заступиться за нихъ; а между тѣмъ въ Москвѣ господствовала опричнина. Филиппъ согласился на желаніе царя, но требовалъ уничтоженія послѣдней. Іоаннъ и новые его совѣтники не согласились на это и убѣждали Филиппа уступить требованіямъ царя, съ условіемъ не мѣшаться въ царскія дѣла; но съ правомъ усмирять гнѣвъ Іоанна. Въ своей рѣчи послѣ посвященія, Филиппъ говорилъ о правдѣ, необходимой для правителей; о лстецахъ, отвращающихъ мысль царя отъ познанія истины, заключивъ ее словами: «какъ исчезаетъ богатство, такъ и власть пройдетъ.» При такихъ условіяхъ столкновенія между Іоанномъ и Филиппомъ были неминуемы. Въ это время опричнина дѣйствовала въ полномъ разгарѣ, а преслѣдуемые обращались къ Филиппу. Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ послѣднимъ; но встрѣчи происходили въ церкви. Филиппъ не хотѣлъ благословить царя и только говорилъ ему о напрасномъ кровопролитіи, о правдѣ, существующей даже въ языческихъ царствахъ. Іоаннъ пылалъ гнѣвомъ: «Только молчи, одно тебѣ говорю — молчи, отецъ святой! отвѣчалъ онъ на эти упреки; молчи и благослови насъ!» Филиппъ: «Наше молчаніе — грѣхъ и смерть для души твоей». Іоаннъ: «Близніи мои возстали на меня, придумываютъ какъ бы сдѣлать мнѣ зло — какое тебѣ дѣло до нашихъ совѣтовъ?» — Филиппъ: «Я пастирь стада Христова». Іоаннъ: «Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше оставь митрополию!» Филиппъ: «Я не просилъ, не искалъ черезъ другихъ, не дѣйствовалъ подвучомъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни? Послѣ этого участь его была рѣшена. Враги Филиппа, при содѣйствіи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ (епис. новгородскаго Пимена, суздальскаго Пафнутія, рязанскаго Филоея, духовника Іоанна — Евстаѳія, игумена Соловец. м. — Паисія), составили обвинительный актъ, который послужилъ основаніемъ для рѣшенія суда. 8 ноября 1568 г. опричники вывели Филиппа съ безчестіемъ изъ Успенскаго собора и препроводили въ заключеніе въ тверской — Отрочъ монастырь. Въ 1569 г., на походѣ въ Новгородъ, Іоаннъ засылалъ къ Филиппу за благословеніемъ любимца своего Малюту Скуратова. Филиппъ не далъ ему благословенія, а опричникъ задушилъ его ¹⁾).

¹⁾ Жизнь Филиппа, въ Душеполезн. Чтеніи, 1861 іюнь; Курбскій, Исторія Іоанна, 108, 109, 117—121. Карамзинъ, IX, 54—63, примѣч. 171—205. Соловьевъ, VI, 227—229.

Послѣ борьбы съ Германомъ и Филиппомъ Иоанну оставалось избирать изъ нихъ мѣсто таинхъ лицъ, которыя отличались слабостью характера (Кирилль) ¹⁾, или совершенною преданностью его волѣ (Антоній) ²⁾. Эти лица оставались на своемъ мѣстѣ до конца жизни. При послѣднемъ изъ нихъ, Иоаннъ, не стѣснялся каноническими постановленіями, вступилъ въ четвертый, пятый и шестой бракъ, причемъ въ первомъ случаѣ было сдѣлано строгое предостереженіе, какъ и по поводу развода Василия, чтобы никто изъ гражданъ не слѣдовалъ примѣру царя ³⁾. Точно также Иоаннъ не стѣснялся и въ приговорахъ надъ высшими духовными лицами ⁴⁾.

При Иоаннѣ IV юридическія права духовенства были значительно ограничены. Мы видѣли, чѣмъ разрѣшился вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ на Столбовомъ соборѣ (1554); но въ то время Иоаннъ не могъ еще дѣйствовать вполне самостоятельно, находясь подъ вліяніемъ Силвестра; и потому уступилъ Макарію. Въ другомъ видѣ представляется это дѣло въ послѣдующую эпоху его царствованія. Паденіе монастырской земли онъ самъ объясняетъ тѣмъ, что въ монастыряхъ скопились огромныя богатства ⁵⁾, и потому во все время своего правленія онъ былъ весьма умѣренъ на повемельные надѣлы монастырей. Кромѣ того будучи вѣрнѣе своей системѣ, Иоаннъ старался положить ограниченіе развитію монастырской территоріи вообще. Въ 1572 г. по приказу государя, митрополитъ, духовный соборъ в бояре опредѣлили: въ большіе монастыри вотчинъ не давать, а если будутъ къмъ нибудь записаны, то возвращать ихъ родственникамъ, чтобы не было убытка въ службѣ. Бѣдные монастыри имѣли право приобрѣтать вотчины, но только съ

¹⁾ Карамзинъ, IX, 63, 64. Изъ троицкихъ архимандритовъ.

²⁾ Ibid. 115. Антоній былъ архіеписк. помоцкимъ.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Новгород архіеп. Пименъ былъ утопленъ въ рѣкѣ, а его преемникъ, Леонидъ, затравленъ собаками въ медвѣжьей шкурѣ. (Курбскій, Ист. Иоанна, 123). Во Исковѣ, подъ вліяніемъ указанныхъ выше условий, видно стремленіе подчинить духовенство общимъ наказаніямъ. Такъ однажды вѣче приговорило поповъ къ тѣлесному наказанію, но потомъ отпустило ихъ. Въ московскій періодъ исторіи, уже въ слѣдствіе другихъ причинъ, замѣчается подобное же явленіе: въ 1488 г. были кнутомъ чудовскаго архимандрита, князя Ухтомскаго и Хомутова, за сдѣланную ими подложную записку въ пользу монастыря, на землю умершаго князя Андрея Васильевича. П. С. Р. Л. VI, 238.

⁵⁾ Посл. въ Кирил. мон. Агты Истор. I, № 204, и посл. къ Гурію,

докладомъ каждый разъ государю ¹⁾. Въ 1580 г., опять при непосредственномъ участіи государя, былъ повторенъ приговоръ, чтобы на поминъ по душѣ ни въ какомъ случаѣ вотчинъ въ монастыри не записывать, а возвращать ихъ даже дальнимъ родственникамъ, замѣнивъ пожертвованіе земли деньгами, по ея стоимости. А если не оказалось бы и дальнихъ родственниковъ, то земля отписывалась на государя, за которую удалялись въ монастырь деньги изъ казны. Отъ сихъ поръ ни митрополитъ, ни епископы, ни монастыри не должны были покупать землю или брать ихъ въ закладъ; въ противномъ случаѣ онѣ отбирались въ казну ²⁾. Въ слѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Литвою, Ливоніей и татарами, Іоаннъ нуждался въ громаднхъ средствахъ, и потому онъ рѣшился воспользоваться монастырскими богатствами. Собрать духовенство, онъ потребовалъ отъ него подробнаго инвентаря и пожертвованій. Духovenство сначала медлило; но Іоаннъ достигъ цѣль свою настойчивостью. Говорятъ, что такимъ образомъ онъ собралъ до 300,000 ф. стерлинговъ, не считая недвижимой собственности ³⁾. Въ царствованіе Іоанна духовенство было ограничено и въ отношеніи своихъ судебныхъ правъ—постановленіемъ, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ при епископскихъ боярахъ и судьяхъ, кромѣ поповскихъ старостъ, находились старосты свѣтскіе, цѣловальники и земскій дьякъ, по иваначенію государя: они должны были слѣдить за злоупотребленіями лицъ, которымъ вѣрялась судебная власть надъ духовенствомъ, о чемъ царскіе чиновники обязаны были прямо извѣщать государя ⁴⁾.

Но, по смерти Іоанна, порядокъ нѣсколько измѣняется. Третій Римъ, по духовному значенію, давно нуждающійся въ санѣ, равномъ первымъ двумъ. Хотя русская митрополія уже пользовалась независимымъ положеніемъ отъ константинопольскихъ патріарховъ; но послѣдніе

архіеп. вазарданъ Здѣсь Іоаннъ говоритъ: «Только помни, что я часто говорилъ, когда ты былъ игуменомъ: не хорошо обогащать монастыри, сверхъ мѣры и давать имъ большія вотчины; онѣ чрезъ это опустошаются и бѣдятся, праздность же на всякое зло влечетъ, а если бѣдные, то трудятся, вавъ бы добыть хлѣбъ и одежду, и другое не пойдетъ въ голову».

¹⁾ Дополнит. стат. въ Судебнику, Ав. истор., I, № 154, ст. XIX, стр. 270.

²⁾ Акты экспед. I, № 308, и Собр. госуд. грам., I, № 200, 202.

³⁾ Горсей, о Московіи.

⁴⁾ Акты истор. I, № 155; Ак. экспед. I, № 231.

не могли примѣряться съ этою мыслию. Мы видѣли, что въ XVI вѣкѣ явился въ Россію даже защитникъ древнихъ правъ константинопольскихъ патриарховъ на русскую церковь. Правда, Максимъ Грекъ пострадалъ за эту мысль; но его мнѣніе нашло себѣ сочувствіе въ обществѣ. Его ученикъ—Курбскій, по поводу осужденія митр. Филиппа, возражаетъ такъ: »Дерзнуть на святителя (Іоаннъ), онъ не сообщитъ объ этомъ патриарху константинопольскому, *подъ судомъ котораго состоятъ русскіе митрополиты*; почему, въ случаѣ обвиненія въ чемъ нибудь, они должны давать отвѣтъ только передъ нимъ; и даже не *испросилъ* у патриарха—экзарха, для суда надъ епископомъ. Онъ по забылъ недавнюю исторію о св. Петрѣ (митрополитѣ) по поводу клеветы на него тверскаго епископа (Андрея): тогда русскіе князья не рѣшились ни разбирать, ни судить епископовъ; а послали къ патриарху съ просьбою прислать въ Россію экзарха, какъ написано объ этомъ въ русской лѣтописи. Развѣ это не примѣръ тебѣ (къ Іоанну), о звѣрь вровопійственный, (отношенія Курбскаго къ Іоанну слишкомъ извѣстны, и потому мы не станемъ здѣсь объяснять его выраженія), если бы ты хотѣлъ быть христіаниномъ? ¹⁾

Курбскій ссылается здѣсь на древнюю лѣтопись, какъ будто ему неизвѣстно было, что столѣтіе спустя Россія освободилась наконецъ отъ неприятной политической и церковной опеки. Это объясняется только тѣмъ, что Курбскій вполнѣ усвоилъ себя взглядъ своего наставника, а московское правительство по прежнему продолжало, въ важныхъ случаяхъ, совѣщаться съ константинопольскимъ патриархомъ (напр. въ принятіи царскаго титула и при вѣнчаніи). Русская іерархія хлопотала уничтожить даже мысль о прежнемъ подчиненіи, проводя въ общество идею, что патриархи находятся теперь подъ властью нечестивыхъ турокъ; но въ то же время вѣроятно, что послѣдователями Максима въ этомъ вопросѣ былъ не одинъ Курбскій. Бѣдственное положеніе константинопольскихъ патриарховъ заставляло ихъ хлопотать даже на Западѣ о сверженіи турецкаго ига. Они жаловались на свое положеніе въ Москвѣ, и безпрестанно испрашивали себѣ оттуда милостыню ²⁾. Но примѣръ Максима Грека показываетъ, что при

¹⁾ Исторія Іоанна, 118.

²⁾ При Феодорѣ Іоанновичѣ отправлено было въ Константинополь; на поминъ по душѣ Іоанна IV,—1000 руб.; на востокъ 1436 руб.

всемъ томъ возможны были даже завлеченіи государственнаго отношенія къ въ Россіи. Единственный выходъ изъ такого положенія представлялся въ учрежденіи патриаршества. При Иоаннѣ Грозномъ планъ этотъ былъ неосуществимъ, при известномъ взглядѣ Иоанна на свою власть. Но правленіе Федора Ивановича, болѣе склоннаго къ бесѣдамъ съ монахами, пѣвели съ боярскою думою (Карамзинъ) — благопріятствовало этой мысли. Приѣздъ двухъ патриарховъ (1586 — Иоакима антиохійскаго и Іереми константинопольскаго — въ 1588) ускориъ дѣло. Современники приписывали инициативу въ дѣлѣ самому Федору; но есть также основаніе предполагать, что его поддерживалъ въ этой мысли митр. Діонисій, котораго они представляютъ «мудрымъ грамматикомъ и строгимъ охранителемъ своей власти (онъ, при встрѣчѣ патр. Иоакима, не подошелъ къ его благословенію, а самъ первый благословилъ патриарха ¹⁾). Конечно ему ближе всего было занять мѣсто патриарха; но Борисъ Годуновъ, опасаясь его вліянія на царя, и недовольный имъ за сочувствіе Шуйскимъ, — свергъ его съ престола ²⁾ и избралъ на его мѣсто расположеннаго къ себѣ ростовскаго архіеп. Това ³⁾. Между тѣмъ восточные патриархи прислали свое согласіе на предложеніе Федора о патриаршествѣ и неожиданно прибылъ въ Москву константинопольскій патр. Іеремія, недовольный султаномъ за свое низложеніе (потомъ опять возведенный на престолъ). Но русскимъ извѣстіямъ, Іеремія имѣлъ тайное совѣщаніе съ Борисомъ Годуновымъ, а изъ современнаго иностраннаго источника видно, что онъ хлопоталъ о союзѣ съ европейскими державами противъ турокъ и самъ хотѣлъ остаться патриархомъ въ Москвѣ ⁴⁾. Эти два пункта вѣроятно имѣютъ тѣсную связь между собою; можетъ быть неожиданное появленіе патриарха въ Россіи объясняется его политическими цѣлями, которыя были возбуждены стараніями русскаго правительства о патриаршествѣ: въ своей бесѣдѣ

Патр. Іеремія, на поддержку патриаршества, просилъ прислать 6000 золотыхъ; но ему послали множество шѣховъ и жемчужина; росс. въ 1593 на восточные патриархаты отправлено болѣе 6,000 золотыхъ ренгерскихъ. Соловьевъ, VII, 403, 409, пр. 122, 123.

¹⁾ Карамзинъ, X, пр. 107.

²⁾ Ibid. X, 47.

³⁾ Костомаровъ, Смутное время. I, 38. Борисъ сблизился съ нимъ, когда онъ былъ еще еп. коломенскимъ.

⁴⁾ Fletcher, II, 87—91.

ст. Голговыми патриархи много говорили о безотличности престола, но
 кн. а. в. Россіи, онъ вѣдѣть именно: христіанства иудейскаго религія
 Византія (см. выше стр. 364). Конечно, тамъ патриарха оставя въ
 Москвѣ, не могло дограваться Голговы, который голговы это мѣсто
 для Иова, не дѣясь, пады въ пену, опору для своихъ дѣл. Потому
 подъ предлогомъ затрудненія въ сношеніяхъ съ патриархомъ, вѣкомъ
 и невозможности удейти изъ Москвы, Иова — Иереміи предлагавали
 триархство съ условиемъ, чтобы онъ поселился въ Владимирѣ. Ясно, что
 въ званіе патриарха, предназначался Иовъ, много ему тамъ прощало
 бы удачаться изъ Москвы, если бы, избравъ въ епархію а. новоброуль изъ
 остальныхъ двухъ кандидатовъ. Дѣйствительно, Иеремія делався въ
 патриархство въ Россіи, не желая жеза, влади отиваря а. Бюрок
 набралъ на это мѣсто Иова.

Новый санъ представителя русскаго духовенства доживавши
 возвысилъ его въ глазахъ народа. Теперь на дѣлѣ осуществилъ меч
 ты русскаго патриотства, о насѣдованіи Москвитин олатическаго и ре
 лигіознаго значенія Византія. Политическія обязательства еще болѣе
 содѣйствовать возвышенію духовнаго представителя. Иову отшизасъ
 быть рѣшителемъ избранія въ цари Бориса Годунова: смутное время,
 наступившее междуцарствіе, поставило во владѣ дѣлехъ отица па
 триарха — Гермогена. При Михаилѣ Федоровичѣ избраніе въ патриархи
 его отица митр. Филарета, содѣйствовало расширенію правъ патриарха
 Филаретъ получилъ титулъ «Великаго государя» и былъ названъ *симво*
симво, почему принималъ постоянное участіе въ дѣлахъ поместна
 скихъ и присутствовалъ на аудиенціяхъ иностранныхъ пословъ. Его
 придворный штатъ, по своему блеску, соответствовалъ царскому, онъ
 владѣлъ несудимою грамотою, въ силу которой всѣ лица, входящія
 въ составъ патриаршей области, были освобождены отъ всякихъ казен
 ныхъ повинностей и подлежали вѣдѣнію только приказа Большаго Двор
 ца; а для церковныхъ дѣлъ былъ учрежденъ Патриаршій разрядъ¹⁾.
 Такимъ образомъ дѣятельность патриарха включала совершенно спе
 ціальнаго характера. Но патр. Филаретъ, уже въ силу семейныхъ ин
 тересовъ, долженъ былъ заботиться объ утвержденіи правъ светской
 власти. Дѣйствительно, ему приписываютъ возведеніе на престолъ не
 зависимаго положенія ея и устраненіе остатковъ вслѣхъ стѣснитель

¹⁾ Патр. Филаретъ, въ Чтен. Моск. общ. истор. 1847, III.

иных формъ, сохранившихся еще отъ старины). При всемъ томъ, значеніе духовнаго представителя должно было высоко подняться въ глазахъ общества. Властествовавшій Алексѣй Михайловичъ передъ патр. Писаревымъ кланялся до земли¹⁾. Его письмо (къ митр. повтор. Никону) о смерти патріарха въсильно характеризуетъ эти отношенія. Съ тѣхъ поръ, пишетъ царь, все перевинилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ, худо безъ пастыря дѣтямъ жить. Когда доложитъ царю и его приближеннымъ о смерти патріарха, то, говоритъ онъ, на насъ такой страхъ и ужасъ напалъ, едва пять моли (это было въ церкви), и то со слезами, а въ соборѣ, у пѣвчихъ и властей, со страха и ужаса, ноги подломались, ибо кто преставился? какъ овцы безъ пастуха не знаютъ куда дѣваться, такъ и мы гонимы, грѣшныи; не знаемъ, куда головы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а нечего итъ. И погрѣшили мы его въ великую субботу, надъ сѣвнись отъ начала. Господь сильно опасался, что его смѣнитъ царь за церковныя безпорядки. Алексѣй Михайловичъ увѣряетъ Никона (будущ. патр. патріарха), что и на умъ у него этого не было, и даже подумать объ этомъ было для него странно; проси святой владыка, прибавляетъ онъ, если бы и грѣшествомъ дерзали, то какъ ивъ оставитъ его безъ казеннаго собора (для Никона это было важно). Датье Алексѣй Михайловичъ расказываетъ, что онъ самъ раздавалъ деньги его людямъ и заискивалъ имъ помилиться объ умершемъ. Это письмо наполнено намъ древніи отношенія свѣтскихъ правителей къ духовенству. Это письмо, говоритъ Соловьевъ, лучше всего объясняетъ явленіе Никона, ибо одного характера несвѣднито недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній; въ какія онъ поставилъ себя въ государю и государству; фунда, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, перепослѣ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, укоренявшаяся преимущественно въ слѣдствіи характера/западныхъ вождей, несвѣдннхъ съ государственными преданіями Византіи, которыя, при

1) Strahlenberg, Котошиминъ. В. 78. Во время торжественнаго шествія, изображавшаго входъ І. Христа въ Іерусалимъ — патріархъ возсѣдалъ на ослѣ, а царь вѣлъ его за руку. Государь обнимовалъ плечами патріарха въ руку, а онъ государя въ голову, обнявъ ее своими руками. Выходы патріарховъ, въ Чтен. Моск. общ. истощ. 1860, книга II.

всей религиозности императоровъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно представителей церкви¹⁾.

Между тѣмъ, привилегіи духовенства все болѣе казались обременительными для образовавшагося государства, и потому московскіе правители постоянно обращали свое вниманіе на этотъ предметъ. Іоаннъ III и IV въ монастырскихъ имуществѣхъ видѣли ущербъ службѣ, и потому они дѣйствовали въ этомъ вопросѣ въ пользу служилого сословія. Въ первый годъ царствованія (1584) Федора Іоанновича была сдѣлана попытка уничтожить тарханы, принадлежавшія духовенству, опять въ силу того, что оно не платило никакихъ податей, а всѣ повинности падали на служилое сословіе. Это было тѣмъ чувствительнѣе, что крестьяне охотно переходили на земли, пользовавшіяся льготами. Впрочемъ распоряженіе о тарханахъ просуществовало всего три мѣсяца²⁾, вѣроятно по услужливости Федора передъ духовенствомъ. Въ XVII в. вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ становится вполне на государственную почву. Димитрій Самозванецъ велѣлъ осмотрѣть монастыри и сдѣлать о нихъ всѣхъ ихъ доходовъ и вотчинъ, съ дѣлюю воспользоваться этими богатствами для военныхъ предпріятій и другихъ потребностей государства, предоставивъ монахамъ самое умѣренное содержаніе³⁾. Намѣреніе его не успѣло осуществиться, а только ускорило его паденіе⁴⁾. Шуйскій же, напротивъ, какъ оправдываясь на силу духовенства, подтвердилъ всѣ прѣжня его права и давалъ новыя жалованья грамоты⁵⁾. При такомъ колебаніи этого вопроса вполне естественно, что духовенство заботилось предотвратить его исходъ, что видно изъ послѣдующихъ договоровъ съ Владиславомъ и Земскою Думою, временно управлявшею Россіею: они обязывались не прикасаться къ царевиннымъ землямъ, а послѣдняя должна была даже возвратить все, отнятое въ предъидущее время⁶⁾. Но смутное

1) Соловьевъ, X, 206—211. Акты экспедиціи, IV, № 57. Въ XVII в. высказывается мысль, что «патріархъ есть второй царь, перваго царя большій».

2) Соловьевъ, VII, 395.

3) Объ этомъ говорятъ: Беръ (Буссовъ), Гревенбрухъ и авторъ *Legende de la vie et de la mort de Démétrius*.

4) См. нашу статью: Кто былъ первый самозванецъ? по поводу соч. Бостомарова.

5) Милютинъ, О недавн. имущ. духовенства въ Россіи. Чтен. Моск. общ. истор. 1864, II, 471.

6) Акты экспед. II, № 165; Карамзинъ, XII, стр. 793.

время и безъ того тяжело отразилось на монастырскомъ благосостояніи: въ эту эпоху монастыри служили стратегическими пунктами для русскихъ войскъ и потому безпрестанно подвергались осадамъ со стороны враговъ¹⁾. После смутнаго времени оставались въ нихъ военные отряды и склады оружія. Монастыри обязаны были доставлять правительству людей, хлеба и деньги²⁾. Такое участіе ихъ въ большомъ разореніи государства и значительныя бѣдствія, испытанныя ими, были причиною, что при Михаилѣ Федоровичѣ вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ не подвинулся далеко, хотя и при немъ былъ подтвержденъ указъ Іоанна IV о заимѣ пожертвованныхъ вотчинъ деньгами и изданъ постановленіе объ уничтоженіи сроковъ для суда лицъ, подверженныхъ духовенству, и о правахъ подвергать ихъ суду не въ Патриаршемъ приказѣ, а въ тѣхъ приказахъ, которымъ подсудны дѣла (1642 г.), замѣчательно, что это распоряженіе было вызвано жалобой дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ на притѣсненія, которыя они терпѣли отъ духовенства и высшаго дворянства, преимущественно въ дѣлахъ о бѣдныхъ крестьянахъ³⁾. Подобныя столкновенія были неминуемы уже по тому самому, что монастырскія вотчины лежали, предположно и были расфраны во всѣхъ концахъ государства⁴⁾.

1) Именно монастыри: Троицкая лавра, Волоколамскій, Симоновскій, Даниловскій, Новодѣвичій, Хутынский, Колязинскій, Пафнутаевъ, Коломовъ, Лукицкій, Лаврентьевъ, Тихвинскій, Милутинь, *ibid.* примѣч. 336.

2) *ibid.* прим. 330, 331, 332. Борисъ Годуновъ взялъ въ Троицкаго м. 15,400 руб. Дим. Самозванецъ 30,000 руб., но о немъ замѣчено: «по своему злomu еретическому праву». Василий Шуйскій взялъ 18,355 р., 1000; и 900 р., причѣмъ прибавлено: «хотя онъ и благочестивый былъ царь, но дѣйствовалъ такъ, подстрекаемый нѣкоторыми небогатыми Бога». Наконецъ онъ забралъ серебряныя и золотыя сосуды. Сказ. объ осадѣ Троиц. лавры, Авраам. Палицына. 197—201.

3) Максимовичъ, Указат. законовъ, I, № 139; Акты истор. III, № 92.

4) Вотчины Троицкой лавры лежали въ уѣздахъ: Московскомъ, Неревскомъ, Вологодскомъ, Дмитровскомъ, Гороховскомъ, Комаровскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ, Балахновскомъ, Муромскомъ, Юрьевскомъ, Нижегородскомъ, Казанскомъ, Свияжскомъ, Алаторскомъ, Арамасскомъ, Двинскомъ, Старшскомъ, Верейскомъ, Боровскомъ, Тарусскомъ, Арславскомъ, Коломенскомъ, Мало-арславскомъ, Давыдовскомъ, Серпейскомъ, Клинскомъ, Новосильскомъ, Новоторжскомъ, Бѣлгородскомъ, Угличскомъ, Кашиинскомъ, Новгородскомъ. (Жалованная грамота Елизаветы, Чтен. Моск. общ. исторіи, 1865, IV). Но такъ обширны были вотчины самаго богатаго монастыря. Возьмемъ для подтвержденія тойже мысли одинъ изъ незначительныхъ монастырей XVII в. — Обнорскій. (Валетод.

отъ другой стороны, государственныя повинности монастырей со-
ставляли весьма незначительный процентъ сравнительно съ ихъ доходами.
Богатыя ирмирка Сызоневского монастыря доставляла казнѣ только 38
рѣ ежегоднаго дохода²⁾; а Коловельскій монастырь, добывавшій ежегодно
100,000 пуд. одной сохи, за всѣ уголья и промыслы платилъ въ казну
550 руб.³⁾. Общій государственный доходъ съ монастырей въ XVII в.
равнялся немного болѣе 20,000 р.⁴⁾ Правда, въ важныхъ случаяхъ,
правительство прямо обращаеся въ монастыри и браго у нихъ значи-
тельныя суммы на pokrytie экстренныхъ расходовъ. Такъ въ смутное
время были взяты суммы изъ всѣхъ монастырей; Алексѣй Михайловичъ
любилъ пріобрѣтать туда къ займамъ и возвращать займѣе, какъ гово-
рителъ; а (Губертъ Салопас⁵⁾). Однако это были случайныя средства, которые
никогда не шли въ расчетъ постоянныхъ расходовъ — и въ этомъ стол-
бищѣ земныя государственныя интереса съ интересами богатаго купчи-
нника, съ территорией среднихъ числами въ 1/3 всего государства, поль-
зувалась притомъ чрезвычайными льготами, которыми облажало множе-
ство людей на его земли, выключая главный стимуль къ ограниченно
его правъ съ стороны государства.

Въ началѣ царствованія Алексѣя была поднята новая протестъ
отъ служилыхъ людей, купцовъ и выборныхъ всей земли о возвраще-
нии вотчинъ, пріобрѣтенныхъ духовенству послѣ закрѣпительнаго
указа 1580 г. съ тѣмъ, чтобы онѣ были розданы служилымъ людям.
Правду сказать было сдѣлано распоряженіе собрать свѣдѣнія о такихъ
вотчинахъ, но дальнѣйшихъ его результатовъ не видно. За тѣмъ въ цар-
ствованіе Алексѣя Михайловича были сдѣланы другія, важныя ограниченія
дворянскихъ привилегій. Какъ высшему духовенству, такъ и монастырямъ
безусловно запрещено было пріобрѣтати, покупать и брать въ заемъ
какъ родовыя, такъ и пріобрѣтенныя вотчины, поступающія въ монашес-
кую дича дась, права владѣть своими вотчинами и записывать ихъ на
монашескія імя. Они могли владѣть до сихъ поръ на основаніи запреще-

губер.). Его вотчины были раскинуты въ уѣздахъ Вологодскомъ, Яро-
славскомъ, Подольскомъ, Боготровскомъ, Вязозерскомъ, Истринскомъ,
Химскомъ, Монастыр. уездъ, Горшкова, 661. 1) Акты о монастыр-
ныхъ вѣщахъ (I М. 427). 2) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 3) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 4) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 5) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 6) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 7) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 8) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 9) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 10) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 11) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 12) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 13) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 14) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 15) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 16) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 17) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 18) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 19) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 20) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 21) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 22) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 23) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 24) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 25) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 26) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 27) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 28) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 29) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 30) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 31) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 32) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 33) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 34) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 35) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 36) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 37) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 38) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 39) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 40) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 41) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 42) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 43) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 44) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 45) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 46) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 47) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 48) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 49) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 50) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 51) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 52) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 53) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 54) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 55) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 56) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 57) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 58) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 59) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 60) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 61) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 62) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 63) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 64) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 65) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 66) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 67) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 68) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 69) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 70) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 71) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 72) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 73) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 74) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 75) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 76) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 77) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 78) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 79) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 80) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 81) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 82) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 83) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 84) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 85) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 86) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 87) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 88) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 89) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 90) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 91) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 92) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 93) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 94) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 95) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 96) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 97) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 98) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 99) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427). 100) О монастырскихъ вѣщахъ (I М. 427).

было держатъ промышленныя заведенія; у высшей іерархіи синодальных делъ были отобраны въ казну всѣ слободы; dissolvedныя ремесленниками и торговыми людьми, но принадлежаща государству и ихъ землѣ; посадскіе люди были возведены изъ долга записочному духовенству, а также избѣгающе чрезъ то общинахъ повинностей въ грамотахъ, выдаваемыхъ ими. А черкѣ привилегія духовенства была значительно ограничена. Одѣ стала выдавать прямыя подати отъ монастырскихъ крестьянъ; духовныя лица занимались торговлею; обитатели были платитъ къбыловскій въ 1672 г. были приняты съ саратовъ, отъ свободнаго духовенства отъ поместныхъ оброзовъ по привилегіямъ, и торговлѣ¹⁾.

Съ теченіемъ времени въ отношеніи монашескаго имущества произошло доведеніе къ выкупъ духовенства, который оно приобщило въ россійскіе государствія съ болѣе или мене широкою правдою; стали обращиваться крайняя затрудненны въ долгахъ по духовному звѣсающему въ особности въ общему суду. Нѣкоторые монастыри по своему особому самостоятельному суду, другіе были ограничены въ своемъ суду въ разѣломъ, суммъ, а другіе продолжали старкающему суду, утвердивъ непосредственному суду Большому Двору. Къ началу снудъ монашескаго судились однолично монастырскими патальствомъ, другія съ выборными. Монашескыя дѣла, какъ и прежде, дѣлались наказы, свами восмираль, вводили большое разнообразіе въ отношеніи къ суду дѣламъ и судимымъ. Для постороннихъ и новыхъ делъ не было; да и въ старыя обременительны. Нѣкоторые монастырскія привилегіи они оброчались съ жалобою къ какому-нибудь высшему мѣсту, или отказывали. Тому мѣсту, куда жалоба была послана, не дали, где слѣдуетъ суду; и тогда приходилось вести дѣло въ мѣстѣ, куда была послана жалоба; особенно эта была неудобно было, если монастырь не принадлежалъ непосредственно подчиненности Большому Двору, или Монашескому приказу. Поэтому монастырское управленіе всегда попрежнему управляло дѣлами, ему подчиненнымъ. Въ полемъ достоинно, следовательно, жалобы со стороны студентскаго сословія, посадскихъ людей и другихъ мѣсть на судебныя привилегіи духовенства, а около половины XVII в. созрѣла уже мысль о необходимости равнаго суда для всѣхъ

¹⁾ Милотинъ, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства, Трои. Моск. общ. истор. 1861, II, стр. 483—501.

социальной и лицъ. Такъ образовалась оппозиція государства противъ исключительныхъ правъ духовенства¹⁾.

Уложение, въ законодательномъ отношеніи, представляетъ дальнѣйшее развитіе московской централизаціи. Имѣя въ виду установить - равный судъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, оно не исключило въ этомъ случаѣ и нравъ духовенства, которое было подчинено вѣдѣнію Монастырскаго приказа²⁾, гдѣ засѣдали рядомъ съ духовными и свѣтскія лица (своиначій и два дьяка)³⁾. Этотъ существенно избѣгался характеръ церковнаго суда, который становился въ зависимость отъ государя. Съ другой стороны, вышняя іерархія и привилегированные монастыри прежде принадлежали непосредственному суду верховной власти; теперь они подчинялись Монастырскому приказу наравнѣ съ своими крестьянами. Кроме того, снова подтверждено было право вести процессъ съ духовными лицами въ тѣхъ приказахъ, которымъ подлежали разсмотрѣніемъ дѣла⁴⁾. Есть также основаніе предполагать, что не только крестьяне, но и высшія духовныя лица подлежали суду воеводъ въ дѣлахъ, не превышающихъ 60 р. Прежде, при столкновеніи лицъ духовнаго вѣдомства съ другими, назначался судъ съѣзданный; но по Уложению такая дѣла подлежали разсмотрѣнію воеводъ, т. е. духовенство лишалось въ нихъ права представительства⁵⁾.

Впрочемъ Уложение не провело уравниенія правъ до воида. Патриаршая область по-прежнему непосредственно подчинялась суду патриарха; но во-вторыхъ на лицъ, составляющихъ патриаршій судъ, предоставлялось право апелляціи въ царю и Божьей думѣ, а виновные подлежали наказанію, назначеннымъ по Уложению и для остальныхъ судебныхъ мѣстъ. Постепенно духовныя лица были вытѣснены даже изъ Монастырскаго приказа, и онъ принялъ вполнѣ свѣтскій характеръ⁶⁾. Частыя жалобы въ XVI и XVII вв. на безобразную жизнь низшаго духовенства постоянно вызвали расхоридительныя мѣры по этому предмету; но въ XVII в. и надворъ за его жизнью поручался воеводамъ, которые постепенно присвоиваютъ себѣ право вѣщательства

1) Герлаховъ, Монастырскій приказъ, 56—55.

2) Уложение, XIII, стр. I.

3) Батошникъ, гл. VII.

4) Уложение, XII, ст. 2.

5) Герлаховъ, 73, ср. Уложение, XII, ст. 8.

6) Акты экспед. IV, № 145, 176.

въ церковныхъ распоряженіи и судѣ епископовъ, назначаютъ къ монастырскимъ села священниковъ, а въ монастыри должностныхъ лицъ¹⁾.

Ограниченіе сословныхъ правъ духовенства, впервые такъ широко поставленное, какъ новая мысль, не могло быть проведено вполне систематически. Тотъ же Алексѣй Михайловичъ дѣлалъ исключенія и въ пользу монастырскихъ имуществъ, и въ пользу духовнаго суда. Трудно также допустить, чтобы всѣ эти распоряженія, при глубокомъ уваженіи царя къ духовенству, исходили непосредственно отъ его воли. Современники вообще придаютъ большое значеніе вліянію на него окружающихъ лицъ²⁾; а патріархъ Никонъ, врагъ Уложенія, всѣ постановленія послѣдняго, направленные противъ духовенства, приписываетъ одному изъ составителей его — Никитѣ Ивановичу Одоевскому; человѣку по его словамъ, гордому и чуть не отступнику отъ правилъ религіи³⁾.

Въ такую эпоху, среди борьбы двухъ стремленій, въ большомъ количествѣ появляются «правила объ обидящихъ церкви божіи», «посланія о вольностяхъ церковныхъ», «о неприкосновенности церковныхъ имуществъ», новые списки уставовъ древнихъ князей, заключающихъ въ себѣ привилегіи духовенства⁴⁾.

Пока патріархомъ былъ Іосифъ, опасавшійся сѣщенія за церковныя безпорядки, и такимъ образомъ признававшій верховность надъ собою свѣтской власти, — Алексѣй Михайловичъ въ своихъ постановленіяхъ, могъ дѣйствовать рѣшительно; но уже въ это время симпатіи его склонились въ другому человѣку, который иначе посмотрѣлъ на значеніе своего сана и его правъ. Это былъ — Никонъ.

Въ 1665 г. въ селѣ Вельмановѣ, въ 90 верст. отъ Нижняго-Новгорода, у крестьянина Мины родился сынъ, названный Никитою. Несомнѣнно, что семейныя обстоятельства, среди которыхъ прошло дѣт-

¹⁾ Акты экзед. III, № 207; IV, № 115; Акты историч., III, № 162, 223; Дополн. II, № 84.

²⁾ Коллинсъ, 13.

³⁾ Мифніа Никона объ Уложеніи въ Ватлѣ русъ и славян. архіепокопін. II

⁴⁾ Правосл. соб. 1861, стр. 457; «Правила, объ обидящихъ церкви божіи»; Обзоръ Кормч. книги, пр. 215—216; Чтен. Моск. об. ист. 1847, N III; О Кормчей, стр. 124. Опис. синод. архива № 1—18. «Есть много въ рукописяхъ и рукописныхъ Кормчихъ разныхъ указаваній и сочиненій отъ ХХІ и ХХІІ в. объ этомъ предметѣ. Кормч. код. 48, пр. 17

ство будущаго патріарха Никона, имѣли громадное вліяніе на образованіе его характера. Въ скоромъ времени онъ лишился матери, а отецъ его женился вторично на вдовѣ. Дѣтство прошло для Никиты самымъ безотраднымъ образомъ. Между тѣмъ какъ матица заботилась о своихъ дѣтяхъ, его нерѣдко оставляла безъ куска хлѣба и била до крови. Однажды она умышленно заложила его дровами въ печь, куда онъ спрятался отъ холода; въ другой разъ пыталась отравить его мышьякомъ. Такое обращеніе не могло развить въ дитяти мягкости, не говоря уже объ остальной обстановкѣ тогдашней крестьянской семьи. Лучшее, что могъ сдѣлать для Никиты отецъ—это отдать его научиться грамотѣ, и онъ скоро изучилъ священное писаніе. Грамотность въ то время была лучшимъ средствомъ для простаго человѣка выйти въ люди; а возвращеніе домой не представляло для Никиты привлекательной будущности. Характеръ книгъ давно расположилъ его въ монастырской жизни, и Никита, не задумавшись, тайно удалился въ Желтоводскій монастырь. Здѣсь впервые мельнула у него мысль о предстоящемъ величіи: и монахи, и колдуны (татарини, а по другимъ мордвини) предсказывали ему быть царемъ или патріархомъ. Однако, отецъ, узнавши гдѣ онъ находится, вызвалъ его, подъ предлогомъ своей болѣзни, домой и убѣдилъ Никиту остаться съ нимъ до смерти, а потомъ родственники уговорили его жениться и принять мѣсто священника. Въ это время Никитѣ было всего 20 лѣтъ, что поазываетъ на сколько цѣнили въ немъ начитанность. Молва о достоинствахъ Никиты быстро распространилась, и московскіе вунцы, бывавшіе на нижегородской ярмаркѣ, переезжали его въ Москву. Но здѣсь его постигло новое бѣдствіе: трое сыновей его вскорѣ умерли. Тогда Никита рѣшился выполнить давно задуманное намѣреніе—на всегда поселиться въ монастырь. Въ тотъ вѣкъ нерѣдко случалось, что мужья оставляли женъ и принимали монашество; и Никита уговорилъ свою жену разойтись: она постриглась въ одномъ изъ московскихъ монастырей, а онъ на этотъ разъ удалился на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ, гдѣ принялъ имя Никона. Тамъ онъ прочитывалъ, въ сутки весь псалтырь и какъ во 1000 поклоновъ; но его біографы разсказываютъ еще о сильной борьбѣ его съ бѣсами, которые не давали Никону покоя, почему онъ каждый день святилъ воду и кропилъ ею свою келью и вкругъ нея. Мы не знаемъ духъ какой страсти смущалъ тогда Никона, но и въ послѣдствіи въ немъ сохранилась наклонность къ

видѣніямъ, которыя всегда имѣли тѣсную связь съ его психологическимъ состояніемъ и политическими взглядами.

Отсюда вмѣстѣ съ своимъ настоятелемъ, Флаваромъ Анзерскимъ, Никонъ ходилъ въ Москву для собранія подааній на постройку на-мешной церкви. Имъ удалось собрать 500 руб., но эти деньги три го-да пролежали въ монастырской казнѣ, а церковь все еще не строи-лась. Никонъ сталъ напоминать о нихъ своему начальнику, что послу-жило предлогомъ въ разрыву между ними, и Никонъ принужденъ былъ удалиться въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ въ скоромъ времени (1643 г.) имъ его встрѣчаетъ игуменомъ. Спустя три года онъ долженъ былъ от-правиться по монастырскимъ дѣламъ въ Москву, и теперь впервые имѣлъ случай представиться молодому царю — Алексѣю Михайловичу. Слухъ о прежднихъ подвигахъ Никона, его величественный видъ и энергическая рѣчь должны были произвести потрясающее впечатлѣніе на религіознаго и легко поддававагося вліянію Алексѣя. Никонъ остался въ Москвѣ, будучи назначенъ архимандритомъ Новоспаскаго монастыря. Съ тѣхъ поръ онъ все болѣе приобрѣталъ вліяніе на царя: каждую пятницу Ни-конъ обязанъ былъ являться къ заутренѣ въ придворную церковь, послѣ которой обыкновенно имѣлъ бесѣду съ царемъ. Какъ ни любилъ Никонъ по временамъ предаваться аскетическимъ упражненіямъ, но онъ не былъ созданъ для мустыжъ: отъ душевнательныхъ бесѣдъ съ ца-ремъ онъ скоро перешелъ въ гражданской дѣятельности. Получивъ аудіенціей, онъ сталъ ходатайствовать передъ царемъ за близкихъ, вдовъ и сиротъ. Это понравилось Алексѣю Михайловичу, и онъ разре-шилъ Никону принимать отъ нихъ челобитныя. Съ тѣхъ поръ мосто-ырскій, въ которомъ жилъ Никонъ, и дворецъ, по которой онъ проходилъ въ дворецъ — были усѣяны просителями. Никонъ охотно принималъ жалобы и сообщалъ ихъ царю; который немедленно послѣ заутрени давалъ на нихъ свое рѣшеніе. Такимъ образомъ личные бесѣды съ царемъ и гражданская дѣятельность Никона въ дѣло закрѣпили между ними тѣсную дружбу. Никонъ быстро повышался по іерархической дѣланицѣ: не спрошено и трѣхъ лѣтъ (1648), какъ Никонъ былъ посвященъ ми-трополитомъ въ Новгородъ (48 лѣтъ), это давало ему первое мѣсто послѣ патриарха. А когда онъ прибылъ въ Новгородъ, онъ вслѣдствіе быв-шаго новгородскаго митр. Авнонъ, удаленнаго отъ управленія мито-старости лѣтъ, то послѣдній, при встрѣчѣ съ нимъ, открыто сказавъ, что онъ будетъ патриархомъ. Факты были ясны.

Имя Новгородъ Никонъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Во время голода онъ открылъ трапезу на 300 человекъ; по воскресеньямъ велѣлъ раздавать деньги всѣмъ нуждающимся; вновь устроилъ 4 бога-дѣльни, посѣщалъ темницы, причѣмъ расспрашивалъ о преступленіяхъ, и, пользуясь царскимъ указомъ, нередко освобождалъ заключенныхъ. Мало того: ему порученъ былъ даже надзоръ за воеводами и гражданскими управленіемъ. Особенное же вниманіе Никонъ обращалъ на церковные беспорядки: онъ уничтожилъ двуязычное чтеніе во время служения и ввелъ яртесное пѣніе, по образцу преческому и кіевскому. Это очень понравилось царю, который старался завести такой порядокъ и въ своей церкви, но встрѣтилъ неудовольствіе со стороны патр. Іосифа. Кромѣ того, Никонъ имѣлъ обычай обращаться къ народу съ поученіемъ и такъ сильно дѣйствовалъ на слушателей своею рѣчью, что каждый праздникъ къ нему стекалось множество ихъ, даже въ дальнихъ мѣстахъ. На зиму онъ обыкновенно отправлялся въ Москву, гдѣ докладывалъ царю объ управленіи, по прежнему велѣ съ нимъ дружескія бесѣды и имѣлъ постоянное служеніе во дворцѣ. Неудовольствіе на патріарха Іосифа за церковные беспорядки невольно сильною симпатіею Алексѣя Михайловича въ пользу Никона, готовало принять на себя реформу въ церкви. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, которое окончательно закрѣпило между ними существующія отношенія ¹⁾).

Въ 1650 году вспыхнулъ бунтъ во Нсковѣ и Новгородѣ. Причиной его было—повелѣніе выдать изъ новосивскихъ житницъ нвѣдскому правительству 11,000 четвертей хлѣба, за перебѣжчиковъ изъ прежнихъ русскихъ областей, уступленныхъ Шведомъ. Нѣвоинные увидѣли въ этомъ угонденіи плинцалъ и пресѣніе потребностей города, нуждающагося въ хлѣбѣ. Огонь дурные слухи распространились въ Новгородъ, гдѣ стали поговаривать даже о новомъ нападѣніи шведовъ. Ко всему этому присоединилось общее въ то время нерасположеніе къ администраціи. Ея злоупотребленія вызвали мщеніе со стороны представителей этого двѣдѣнія. Воеводы принуждены были исхитить зацѣты у духовной власти; шведскіе агенты воспользовались возстаніемъ и старались уговорить оставшихъ Новгородъ и Нсковѣ какъ будто посредомъ дрѣвнѣя зосѣдѣнія объ ответственности духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ: повелѣ-

¹⁾ Жизнь Никона, Щуцерина; Патр. Никонъ, въ Чтен. Моск. общ. ист. 1847, N V; Соловьевъ, X, 167—169.

снаго архієпископа Макарія псковитяна посадили на цѣпь, а новгородцамъ избіи митрополита Никона, когда онъ вадумалъ усмирить волненіе увѣщаніями. Впрочемъ послѣднее обстоятельство такъ же объясняется тѣмъ, что противъ Никона возмущены были лица, служившія при митрополитскомъ дворѣ, и духовенство, съ которыми онъ обращался крайне сурово. Во все время волненія Никонъ принималъ дѣятельное участіе въ его усмиреніи не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ: о всемъ немедленно извѣщалъ въ Москву, выставляя на видъ свои распоряженія; а гражданской власти какъ будто и не было слышно въ Новгородѣ. Даже, когда прислана была коммиссія изъ Москвы для разбора дѣла, Никонъ хлопоталъ о смягченіи наказаній и бралъ на себя отступленія отъ данной инструкціи. Волненіе было подавлено; но страданіе Никона не могло быть забыто. Извѣщая царя объ этомъ событіи, Никонъ старается подѣйствовать на его религіозное чувство. Онъ рассказываетъ, что на канунѣ (18 марта) случившагося съ нимъ происшествія, въ то время, какъ онъ послѣ заутрени въ соборѣ читалъ псалмы, ему показался надъ образомъ Спаса золотой вѣнецъ, который мало-по-малу перелетѣлъ по воздуху къ нему и остановился на его головѣ; «и я обѣими руками осязалъ его на своей головѣ, заключаетъ Никонъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ. Съ этого времени я сталъ ожидать инаго посѣщенія» (19 марта его постигла печальная катастрофа, о которой онъ передаетъ въ томъ же письмѣ).

Въ 1651 г., послѣ усмиренія Новгорода, Никонъ снова былъ въ Москвѣ. На этотъ разъ онъ устроилъ тамъ большое религіозное торжество. Онъ уговорилъ Алексѣя Михайловича перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена—изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Юва—изъ Старицы и мощи митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря. Но за мощами Филиппа отправился самъ Никонъ. «Торжество это, говоритъ Соловьевъ, имѣло не одно религіозное значеніе: Филиппъ погубъ въ слѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною; онъ былъ низвергнутъ царемъ Юанномъ за смѣлые увѣщанія, умерщвленъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Но свѣтская власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ своемъ грѣхѣ, и этимъ покаяніемъ не отказалась отъ возможности повторять когда-либо подобный поступокъ относительно власти церковной. Никонъ, пользуясь религіозностью и мягкостью молодого царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжественное покаяніе. Онъ сумѣлъ примѣръ въ пре-

даніяхъ византійскихъ, какъ императоръ Феодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью святому, и Никонъ повезъ въ Соловецкій монастырь грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу. Въ ней царь обращается къ Филиппу съ слѣдующими словами: »Молю тебя и желаю, чтобы ты пришелъ сюда разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя Іоанна, совершенное противъ тебя безрассудно, по зависти и безпредѣльному гнѣву. Хотя я не виновать въ досадѣ, причиненной тебѣ; однако гробъ прадѣда моего постоянно убѣждаетъ меня и возбуждаетъ во мнѣ жалость, что въ слѣдствіе твоего изгнанія и до сихъ поръ царствующій гробъ лишенъ твоей святительской паствы. И потому я преклоняю предъ тобою санъ царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, чтобы ты своимъ пришествіемъ къ намъ отпустилъ ему согрѣшеніе; пусть упразднится то поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятся, что ты примирился съ нимъ; онъ раскаялся тогда въ своемъ гнѣвѣ, а ты, ради его покаянія и по нашему прошенію, приходи къ намъ, св. владыка!»¹⁾

Въ это время Никонъ располагалъ уже полнымъ вліаніемъ на царя. Алексѣй Михайловичъ считалъ необходимымъ о всемъ сообщать ему; извиняется передъ нимъ, когда его требованія не могутъ быть скоро удовлетворены, и передаетъ ему, подъ условіемъ тайны, жалобы бояръ, недовольныхъ жестокимъ обращеніемъ его задушевнаго друга. Въ своихъ письмахъ онъ величаетъ Никона »великимъ святителемъ и солнцемъ, освѣщающимъ всю вселенную«. И вотъ, когда умеръ патриархъ Іосифъ, уже никто не сомнѣвался, что новый выборъ падеть на того же Никона. Конечно боярамъ не могло нравиться его совѣстничество при дворѣ, это было известно Никону, и онъ повелъ дѣло такъ, что сразу устранилъ ихъ вліаніе. Въ іюль 1652 г. онъ прибылъ въ Москву для избранія патриарха, и хотя былъ избранъ, но отречеся дѣла того, говоритъ Соловьевъ, чтобы быть избраннымъ »на всей своей волѣ«. Въ Успенскомъ соборѣ, при монахѣ св. Филиппа, царь »простершися на землѣ« и произвавъ слезъ со всѣми орудьями, умоляетъ Никона не отречеся. Тогда онъ, обратясь къ царю, боярамъ и народу, спростидь »будутъ ли считать его, какъ начальника архипастыря и отна-
~~дѣла... ..~~
 е. в. в. Шушенгитъ, св. в. в. Никонъ, Соловецк., и Холмск. 1652-1653;
 Собр. г. оуд. грам. Ц. в. № 140

дадутъ ли ему устроить церковь по его намѣренію, и будутъ-ли послушны ему *eo vobis?* Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ, и Никонъ согласился¹⁾. Въ послѣдствіи онъ припомнилъ это обѣщаніе.

Слѣдуетъ думать, что на первыхъ порахъ Алексѣй Михайловичъ исполнѣ уступалъ его требованіямъ; по крайней мѣрѣ Никонъ говоритъ, что такъ было до окончанія войны съ Польшею²⁾. Притомъ обстоятельства сложились такъ, что въ скоромъ времени послѣ посвященія Никона въ патриархи (25 іюля 1652 г.), Алексѣй Михайловичъ самъ выступилъ въ походъ (1654 г. 18 мая), въ которомъ находился до ноября 1655 г., предоставивъ Никону высшій надзоръ за управленіемъ. Уже въ это время онъ носилъ титулъ великаго государя, а тонъ его грамотъ ясно указываетъ на двоевластіе³⁾. Отправляясь въ походъ, царь подчинилъ Никону своего намѣстника и бояръ, которые безъ него не могли рѣшить ни одного дѣла и должны были каждое утро являться къ нему съ докладами. По словамъ очевидца, арабскаго писателя Павла Алепскаго, онъ имѣлъ семь палатъ, въ которыхъ сидѣли семь судей, съ множествомъ дьяковъ, и куда въ назначенный часъ сходились бояре; если же кто опаздывалъ, тотъ подвергался замѣчаніямъ⁴⁾. Въ отсутствіи царя Никонъ сумѣлъ оказать важную услугу его семейству. Въ это время въ окрестностяхъ Москвы свирѣпствовала моровая язва, поглотившая множество жертвъ. Въ виду опасности, Никонъ перевезъ царскую фамилію въ Вязьму, поставилъ по дорогамъ заставы и для очищенія воздуха велѣлъ разводить костры. Здѣсь всталъ Алексѣй Михайловичъ свое семейство, возвращаясь изъ счастливаго похода и глубоко благодарилъ Никона за его заботы, а возвратясь въ Москву, пожертвовалъ для его монастыря (Иверскаго) много вотчинъ. Въ порывѣ благодарности, Алексѣй Михайловичъ до того предался излишней своимъ чувствъ въ патриарху, что предложилъ ему произнести взаимную клятву—не оставлять другъ друга до самой смерти. При этомъ замѣтимъ, что Никонъ обыкновенно бывалъ крестнымъ отцомъ у дѣтей Алексѣя⁵⁾.

¹⁾ Соловьевъ, X, 205—214. Посланіе Никона констан. пат. Діонисію, Записки рус. и славян. археологій, II, 511—513.

²⁾ Посланіе къ констант. патр. Діонисію, *ibid*, 513. Пушерины говорять, что безъ его совѣта царь ничего не начиналъ; стр. 49.

³⁾ Акты экспедиціи, IV, № 71.

⁴⁾ Патр. Никонъ, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, N V, 33.

⁵⁾ *Ibid*. 31.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ судьбѣ «временныхъ людей», зенить ихъ величія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлъ, съ котораго начинается ихъ паденіе.

Еще въ бытность Никона митрополитомъ, его подчиненные выражались, что лучше жить въ Провой землѣ, за Сибирью, нежели служить подъ его вѣдомствомъ ¹⁾. Его самовластное отношеніе въ боярамъ, подчиненнымъ его вѣдѣнію на время отсутствія царя изъ Москвы, должно было посѣять между ними много враждебныхъ чувствъ; между тѣмъ, во время похода Алексѣя Михайловича, его окружали лица, которыя въ послѣдствіи заявили себѣ какъ враги Никона, или ихъ родственники (Трубецкой, Милославскіе, Одоевскій, Василій Стрѣшневъ и др.). Они естественно разоблачали царю другія черты характера патріарха, а не тѣ, какия тотъ привыкъ замѣчать или хотѣлъ видѣть въ немъ. Вотъ почему самъ Никонъ, въ перемѣнѣ къ себѣ Алексѣя, большое значеніе приписываетъ польскому походу. Не менѣе бояръ, если не болѣе, противъ Никона было возбуждено и духовенство, которое жаловалось, что оны поработили себѣ архіереевъ, называя ихъ не братьями, а сыновьями, и проклинають ихъ; наконецъ сильно преслѣдуютъ игуменовъ и священниковъ ²⁾. Въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ Никонъ задумалъ исправленіе книгъ, которое должно было задѣть вѣрованія людей, установившіяся въ нами и которыя во многихъ случаяхъ съ трудомъ могли понять, почему новая форма выраженія или знакъ лучше прежнихъ; а Никону не доставало на столько мягкости, чтобы отнестись къ нимъ снисходительно ³⁾. Известно, что противники исправленій Никона составляли довольно сильную фалангу; и нашли себѣ сочувствіе не только въ низшемъ духовенствѣ; но и въ высшемъ ⁴⁾, и въ средѣ бояръ. Притомъ и самъ царь, подъ влияніемъ новыхъ совѣтниковъ и счастливыхъ обстоятельствъ, могъ приобрести и другіе

¹⁾ Соловьевъ, X, 211.

²⁾ Обличеніе на патр. Никона, поданное Алексѣю Мих. Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, V, 173, 75.

³⁾ Между тѣмъ и патр. Іосифъ, и Никонъ (въ началѣ патріаршества) крестились двумя церквями. Соловьевъ, XI, 282.

⁴⁾ Такъ Никонъ отрѣшилъ безъ суда отъ должности—Павла, еп. коломенскаго, за сопротивленіе исправленію книгъ; между Никонимъ и чудов. архим. Іоакимомъ возникла открытая вражда. Бояринъ-архимандритъ не могъ примириться съ строгостью патріарха, вышедшаго изъ крестьянъ; а послѣдній преслѣдовалъ Іоакима за осужденіе своего сана. Чтен. Моск. общ. истор. 1847 N V, 34.

взгляды на свои прежнія отношенія. Походъ, дѣятельность речиска и полная самостоятельность во главѣ полкомъ, говоритъ Соловьевъ, развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, было пережито много, явились новыя привычки, новыя взгляды. «Великій государь» возвращается въ Москву и встаетъ тамъ другаго «великаго государя», который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполне относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренню пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностью пребывать впередъ, прибрѣтать вліяніе, власть, не дава ему нравственною твердостью умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда нигдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастье равнудало его совѣщенію, и неприятели стороны его характера выступили рѣшимо наружу,.... а глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ, подражавшихъ ему—легко отуманили Никона, заставили его дѣйствительно считать себя владыкою во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами»¹⁾.

Пока Никонъ управлялъ государствомъ—онъ не чувствовалъ надъ собою власти, и царь, въ своемъ отсутствіи, среди военныхъ дѣлъ, не могъ тяготиться совѣстничествомъ другаго государя. Заботы Никона о его семействѣ и порядкахъ въ гражданскихъ дѣлахъ, которыми онъ заботился въ отсутствіи царя, должны были благопріятно поддѣйствовать на послѣдняго при первой встрѣчѣ. Уступчивый, легко поддававшійся вліянію, Алексѣй Михайловичъ могъ на время возобновить возбужденія бояръ, окружавшихъ его въ походѣ. Ему трудно было расстаться съ своимъ «особеннымъ» другомъ. Но вѣсело наступило благопріятное время для враговъ Никона, чтобы дѣйствовать въ вредномъ духѣ. Никонъ занялся устройствомъ своихъ монастырей—Иверскаго и Крестнаго и приступилъ къ постройкѣ новаго монастыря въ Воскресенскомъ селѣ, по плану Иерусалима, въ слѣдствіе чего на долго отлучался изъ Москвы (разъ на годъ и въ другой разъ около года²⁾). Отсутствіе патріарха пріучило царя обходиться безъ его непосредственнаго вліянія, а для недоброжелателей Никона—это было весьма выгодное обстоя-

1) Соловьевъ, XI, 274—275.

2) Шустеринъ, 56, 60.

тательство. Но Никонъ конечно не думалъ уступить своего прежняго значенія. Вскорѣ Алексѣй Михайловичъ испыталъ на себѣ его господственное отношеніе. Одинъ изъ дворянъ, осужденный на смерть за убійство, прибѣгнулъ къ защитѣ царскаго духовника, который вступился за виновнаго; но получивъ отказъ въ своемъ ходатайствѣ, лишивъ царя причастія, Алексѣй Михайловичъ обратился съ жалобою къ патриарху; однако Никонъ поддержалъ духовника ¹⁾.

Защитники Никона стараются доказать, что его паденіе было слѣдствіемъ явныхъ столкновеній ²⁾—обыкновенный приемъ, когда не хотятъ выдвинуть въ общія историческія причины, слишкомъ говоряція противъ защищаемаго лица.

И такъ, представителемъ какихъ интересовъ явился Никонъ въ борьбѣ съ противоположною стороною? Онъ самъ и его биографъ, говорящій съ его словъ, заявляютъ, что причиною бѣдствій, постигшихъ патриарха, былъ разладъ съ наступившимъ порядкомъ. Въ чемъ же состоялъ прежній и новый порядокъ въ отношеніи Никона? Первоначально царь слушалъ его во *всемъ*; безъ его совѣта *ничего* не дѣлалось; а свѣтская власть не вмешивалась въ духовныя дѣла, которыя, до послѣдняго причетника, подлежали суду Патриаршаго приказа. И такъ, преобладаніе Никона въ дѣлахъ свѣтскихъ и невмѣшательство гражданской власти въ духовныя дѣла—вогъ идеаль, отъ котораго отступилъ новый порядокъ вещей, совершенно сразившій патриарха, который не ожидалъ такого исхода желѣ первыхъ годовъ независимаго положенія. Конечно нельзя допустить, чтобы Уложеніе, старавшееся подвести духовенство подъ общій уровень гражданскихъ правъ, перестало дѣйствовать, когда Никонъ сдѣлался патриархомъ ³⁾. Вѣрнѣе, что Алексѣй Михайловичъ въ этомъ случаѣ дѣлалъ уступки Никону, а въ его отсутствіе послѣдній дошелъ до совершеннаго игнорирования существующихъ положеній. По возвращеніи изъ похода царь убѣдился, что другой «великій государь» превысилъ свою власть; послышался жалобы съ разныхъ сторонъ, а мы видѣли, что бояре и служилые люди настаивали на уничтоженіи привилегій духовенства. Началась стѣпенія ра-

¹⁾ Патр. Никонъ, Чтен. Моск. общ. истор. 1847, V, 34.

²⁾ Субботинъ, дѣло Никона; Судъ надъ патр. Никонѣмъ, въ Прав. соб. 1868, II.

³⁾ Патриархъ Іосифъ и Никонъ подписали Уложеніе; но Никонъ въ послѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ это сдѣлалъ по принужденію. Значитъ и онъ молчалъ пока еще не былъ патриархомъ.

спораженій Никона; а онъ самъ говоритъ, что онъ много разъ >доучалъ< царю, чтобы тотъ >искоренилъ проклятую книгу< (Уложение) — и напрасно — очевидно, что корень зла заключался въ его политическихъ тенденціяхъ ¹⁾. Посмотримъ, какъ формулировалъ ихъ Никонъ.

>Гражданское законодательство, по мнѣнію Никона, должно согласоваться съ божественными законами; потому что судъ въ своемъ началѣ есть судъ божій, а не царскій: онъ преданъ людямъ не человекомъ, но самимъ Богомъ, и ложныхъ законодателей всегда постигаетъ кара свыше (примѣры изъ свянц. писанія). Правда, цари нерѣдко преслѣдовали посланниковъ божіихъ (Иродъ — Иоанна предтечу, Неронъ — ап. Петра и Павла); но за то ихъ царства погibli и запустили! И равнѣ не сбылось тоже самое на насъ? всѣ города Московскаго государства постигла моровая язва; сердце царя смутилось; царское семейство не знало, куда бѣжать. Господь обратилъ Москву и окрестные города въ пустыню; души грѣшниковъ погibli; адъ отверзъ свои уста; множество славныхъ, богатыхъ и видныхъ приняли смерть. Такъ поступилъ Богъ мести за неправду и беззаконіе! (разумѣется Уложение и новыя порядки). За тѣмъ, обращаясь къ Уложенію, Никонъ разбираетъ сравнительно наказанія за религиозныя и гражданскія преступленія. Здѣсь естественно всего было-бы ожидать отъ него грознаго приговора жестокомъ наказаніемъ вообще (сожженіе, смертная казнь), но онъ находитъ только въ высшей степени оскорбительнымъ подводить подъ общій уровень преступленія политическія и религиозныя. >Если, заключаетъ Никонъ, даже тѣ, которые сдѣлаютъ на грамотахъ подлогъ въ царскомъ имени, заслуживаютъ смерти; то какого наказанія достойны тѣ, которые, подобно Денницѣ, оскорбляютъ божественную власть, божіе достоинствѣ (ограниченіе монастырскихъ имуществъ) и божій судъ (подчиненіе духовенства гражданскому суду), принадлежацій тѣмъ, кто получилъ власть взятъ и разрѣшать на землѣ и на небѣ. Божіе

¹⁾ Посланіе Никона конст. патр. Діонисію, 517—519; Шустеринъ, 49, 62—65. Послѣдній говоритъ, что Никонъ не допускалъ судить духовныхъ въ другихъ приказахъ; слѣдовательно столновенія происходили постоянно; а Никонъ объясняетъ, что онъ оставилъ патриаршество потому, что царь пересталъ его слушать. См. въ Запис. рус. и слав. археол. II, 482, 483. Прежде царь не рѣшался прикоснуться и къ причетнику, а теперь стѣснялъ дѣятельность патриарха. Посл. къ Алекс. Мих. у Субботина; Дѣло Никона, прилож. I.

слово непогрѣшимо: навѣтъ судомъ судите, такимъ и васъ будутъ судить, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ отмѣрятъ¹⁾. И такъ, нападѣи Никона на Уложеніе сводится въ двумъ основнымъ мыслямъ: отношенію свѣтскаго суда въ духовному и вопросу о церковныхъ имуществвахъ.

Во взглядѣ Никона представленіе о духовенствѣ сливается съ понятіемъ о церкви; и потому духовенство должно занимать въ жизни преобладающее значеніе на столько, на сколько церковь является руководителницею высшихъ интересовъ челоука. Оно должно быть поставлено внѣ государственной зависимости. Подчиненіе духовенства вѣдѣнію разныхъ приказовъ, смотря по вѣнчанію судебного иска, есть дѣло, противное евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ правиламъ, потому что духовныя лица должны быть наставниками, которымъ обязаны всѣ повиноваться. Они не могутъ подлежать и суду Монастырскаго приказа; такъ какъ тамъ засѣдаютъ свѣтскія лица. Равный судъ, объявленный Уложеніемъ, ведетъ къ тому, что духовенство должно подлежать и тѣмъ наказаніямъ, которыя опредѣлены для остальныхъ, т. е. кнуту и смертной казни; но за такой судъ каждый изъ подсудимыхъ—будетъ-ли это патриархъ, митрополитъ, архіепископъ, епископъ игумень, священникъ и до послѣдняго причетника, долженъ попать законъ, какъ древніе мученики, храбро и мужественно боротившіеся противъ языческаго закона. Гдѣ написано, чтобы царямъ, князьямъ, боярамъ, дьякамъ, судьямъ—судить патриарха, митрополитовъ, епископовъ игуменовъ, поповъ и причетниковъ? Богъ грозно караетъ за посягательство на духовный чинъ: Саулъ, за принесеніе жертвы, погубилъ царство; Иосіа, повадивъ въ храмъ, получилъ проказу; Мануйль Комненъ былъ остановленъ отъ вмѣшательства въ духовный судъ страшнымъ видѣніемъ. Царь имѣетъ власть надъ мірскими людьми; а духовные подлежатъ суду божію, который долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ патриарха. И всякій мірянинъ, который ввергнетъ епископа въ темницу, или бьетъ его, или вымышляетъ на него вину, будетъ отлученъ²⁾.

1) Мысли патр. Никона объ Уложеніи, Запис. рус. и слав. архивол. II, 426—439.

2) Мысли объ Уложеніи, 439—460, и посланіе Никона въ Алексѣю Михайловичу, у Субботина, Дѣло Никона, прилож. I, 8.

Но, охраняя духовное управление от вышательства светской власти, Никонъ защищаетъ и политическое значеніе духовенства. Онъ заявляетъ негодованіе, что дворець сдѣлался недоступнымъ для послѣднiго; между тѣмъ какъ онъ легко доступенъ дѣловымъ людямъ, даже иностранцамъ. Обличительная рѣчь духовенства стѣснена, потому что Уложеніе строго преслѣдуетъ всякое безчестіе ¹⁾. Другая сторона политическаго значенія духовенства заключалась въ его имущественныхъ отношеніяхъ къ государству. Но они были значительно пожелоблены финансовымъ кризисомъ страны. Потребность въ людяхъ и средствахъ во время польско-войны заставила и Алексѣя Михайловича прибѣгать къ налогу на вотчины духовенства, и Никонъ дѣлалъ отъ своего имени распоряженія о высылкѣ изъ монастырскихъ сель—людей, подводъ, провiанта. Но онъ съосиля это пока былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ эпоху разрыва онъ посмотрѣлъ на это иначе. Въ тайномъ письмѣ воест. патр. Діонисію Никонъ жалуется, что, по повелѣнію государя, изъ монастырскихъ и епископскихъ имѣній берутъ на службу людей, хлѣбъ и деньги; а въ посланіи къ Алексѣю Михайловичу онъ грозитъ уже гнѣвомъ божіимъ и всѣми его послѣдствіями за прикосновенія къ церковнымъ имуществамъ, изъ чего ясно, замѣчаетъ онъ, что, въ глазахъ правительства духовенство оказалось ничѣмъ не лучше крестьянъ и воиновъ, и вѣроятно въ скоромъ времени даже епископы будутъ ходить на войну, подобно латинскому духовенству. Особенно же Никонъ видитъ отступленіе отъ божественныхъ правилъ въ отнятiи отъ духовенства права приобрѣтать вновь вотчины по завѣщанію и въ конфискаціи у патриарха, епископовъ и монастырей — посаженыхъ людей и слободъ, населенныхъ ремесленными и торговыми людьми, хотя это было сдѣлано въ видахъ интересовъ государства. «Священническая часть говоритъ Никонъ, — больша часть, и потому отнятiе у духовенства пожертвованныхъ вещей и имуществъ — равняется похищенію наследства божіа. За вышательство Диеана и Авирона въ дѣла, селенія ихъ позрала земля, потому что они не принадлежали къ левитамъ; царь Юссія простеръ руку на кивотъ завѣта — и былъ пораженъ свыше. Такъ бывають и се всѣми, кто посягаетъ на принадлежность церкви: патриаршыхъ епископскихъ и монастырскихъ слободъ мало взяли, а больше погубили своего; взяли тысячи, а погубили тѣмы, то отъ междуусобій и мора,

¹ Записки рус и слав. археологiи, II, 449, 459.

то, отъ войнъ и другихъ бѣдствій! Царь можетъ входить въ алтарь, когда онъ приноситъ дары Богу, а нашъ царь не только не дѣлаетъ этого, но даже отнимаетъ у церкви ей принадлежащее. Никонъ оскорбляется, что въ великіе праздники патріархъ обязанъ подносить царю подарки и желаетъ бы, чтобы это было наоборотъ, забывая, что приобретенныя имъ такимъ путемъ богатства (по возвращеніи Алекс. Мих. изъ польскаго похода онъ получилъ богатые вотчины и 6,000 крестьянъ) далеко превосходятъ его праздничные подарки ¹⁾. Потеравъ прежнее расположеніе Алексѣя Михайловича, Никонъ чувствуетъ, что его авторитетъ уже недостаточенъ для убѣжденія, и потому рассказываетъ царю, какъ явился ему св. Петръ митр. московскій и повелѣлъ напоминать царю, что онъ, прикасаясь къ церковнымъ имуществамъ, оскорбляетъ царвоу, за что уже достигалъ Россію два раза морь и еще грозить пожаръ царскому двору. «Ради неправды и разоренія имущества царство переходитъ изъ плѣна въ плѣнъ», заключаетъ Никонъ свое посланіе ²⁾.

Послѣ всего сказаннаго рѣшается вопросъ: въ какія отношенія хотѣлъ стать Никонъ къ государству и какъ понималъ онъ свое назначеніе? Онъ говоритъ, что въ настоящее время, вопреки божественнымъ законамъ, царство возобладало надъ церковью. Это видно изъ печатныхъ денегъ (1663), гдѣ изображенъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями; надъ которымъ воссѣдаетъ царь на конѣ; а вокругъ расположены стихи изъ ветхаго завѣта о царѣ, которые Никонъ относитъ къ самому Иисусу Хр., и потому считаетъ оскорбительнымъ помѣщать ихъ въ такомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что изображеніе креста находится внизу, поперечное орломъ и вонемъ. «Вотъ до какого времени дожили мы! восклицаетъ онъ. Уже сбылось писаніе: промѣняли славу божію на славу человека, четвероногихъ животныхъ и птицъ». «Но не надѣйтесь на вѣздъ и сыновъ человеческихъ, потому что въ нихъ нѣтъ спасенія. Намъ слѣдуетъ опасаться тѣхъ, которые превозносятся и гордятся славою міра, и какъ боги прославляются безумными людьми, съ радостію внимаютъ словамъ; ты Богъ земной; насъ же священное писаніе учитъ, что есть только одинъ Богъ—на небѣ и на землѣ. Царь Навуходоносоръ, насладився такимъ величіемъ, лишился царства; Богъ

¹⁾ Ibid. стр. 450—455, 480, 527, 548.

²⁾ Ibid. 551, 553.

послалъ прор. Иезикииля къ тирскому князю сказать, чтобы онъ не вознеслся какъ Богъ, а помнилъ, что онъ человекъ. Такъ, нѣкогда Денница хотѣлъ поставить престолъ свой выше престола Бога, и обратился въ тьму. Царь долженъ быть покровителемъ церкви, а не судьей священнаго чина, потому что Господь повелѣлъ царямъ — повиноваться своимъ наставникамъ, а не обладать ими. Царь помазанникъ божій, но онъ помазанъ на царство архіереемъ. Если же и ему, по великой гордости, кажется, что священство меньше царства, то онъ узнаетъ различіе ихъ, когда мы будемъ призваны на судъ Христа. Я принадлежу Богу и пари не боюсь; потому что у меня есть единый царь — Иисусъ Христосъ. Если хотятъ убить меня, пусть убиваютъ, смерть — приобретение. Когда въра христіанская стала разношатаея и архіерейство приобрѣло достоящую честь у царей благочестивыхъ, тогда и въ царства возвысились надъ нечестивыми; но тогда распространилась злая гордость и измѣнилась архіерейская честь, увы! тогда царства пали, какъ видно изъ исторіи Греція и другихъ государствъ: ¹⁾. Очевидно, что Никонъ объясняетъ и взаимныя отношенія церкви и государства, и даже исторію государствъ, на основаніи своего положенія, и вездѣ старается провести свое преобладающее значеніе. Но всего болѣе оскорбляло Никона замѣчаніе Стрѣшнева, что государь вручилъ ему, Никону, надзоръ за судомъ въ церковныхъ дѣлахъ и даровалъ ему много привилегій. Въ сознаніи своей независимости, Никонъ вполнѣ определенно высказываетъ взглядъ на взаимныя отношенія свѣтской и духовной власти, который совершенно расходится съ политическою системою Византіа, утверждаемою въ Россіи предъидущею исторіей. Ты говоришь, пишетъ Никонъ, что онъ намъ поручилъ надзоръ надъ церковными судомъ; это скверная хула и превосходить гордость Денницы: не отъ царей исходитъ власть священства; но отъ священства помазываются на царство; много разъ доказано, что священство выше царства. Какими привилегіями подарилъ насъ царь? Мы не знаемъ другаго законодателя, кромѣ Хри-

¹⁾ Ibid.; стр. 460, 461—465, 469; 471—474; 476; 479, 483, 484, 492—499; 553, 572. На вопросъ Одоевского — зачѣмъ Никонъ даетъ цѣловать свою руку по-царски? — онъ отвѣчалъ: «Да почто царь поповы руки цѣлуешь, которые намъ посвящены, и, во благословенію приходя, самъ главу свою преклоняетъ. Мы тому чудимся, почто царь архіереемъ и іереомъ нудитъ руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей».

ста. Не давали онъ (царь) намъ нравъ, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконны. Какія же его дѣла? Церковью обладаетъ, священными вещами обогачается и питается, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники побораются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ; онъ владѣетъ судомъ и пошаннами. Всемогуцій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтити двумъ свѣтиламъ — *солнцу и лунѣ* ¹⁾, и крестъ нѣкъ показавъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть ата надъ душами; царская — надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на неприятелей вѣры православной; архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій; это обяваны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ мірянцахъ для внѣшней обороны; въ этомъ власть духовная и свѣтская не являе другъ друга; но каждая происходитъ отъ Бога. ²⁾

Такимъ образомъ политическія тенденціи Никона не подлежатъ сомнѣнію. Какъ ни старается онъ прикрыть ихъ духовными интересами, но вопросъ объ отношеніяхъ духовной и дѣйствительной власти слышится въ каждомъ его словѣ. Особляясь внѣшнимъ свѣтской власти въ церковныя и внѣшнія, изощренными налогами на духовенство и подчиненіемъ его въ гражданскихъ дѣлахъ свѣтскому суду, Никонъ постоянно отстаивалъ свои права. Но его управление духовнымъ ведомствомъ, къ сожалѣнію, насколько не было лучше тѣхъ темныхъ сторонъ гражданскаго управленія, противъ которыхъ онъ вооружается. Это было большое мѣсто, которымъ воспользовались его противники. Въ то время, когда уже готова была разразиться сильная борьба между патриархомъ и царемъ, высшее духовенство подало послѣднему челобитную на Никона.

¹⁾ Ср. письмо Григорія VII къ Вильгельму Завоевателю (Epist. VII, 25). Laurent, Histoire du droit des gens et des relations internationales, VI, pag. 171—172.

²⁾ Мнѣніе Никона: объ Уложеніи, въ Запис. рус. и слав. археол. II, Соловьевъ, XI, 320—321. Считаю долгомъ замѣтить, что въ нашей исторической литературѣ уже существуетъ взглядъ на Никона взглядъ научный — это въ Исторіи г. Соловьева, который рассмотрѣлъ его дѣятельность со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, и потому мы въ значительной степени придерживаемся взгляда высказаннаго почтеннымъ профессоромъ.

Она живо рисуетъ передъ нами взаимныя отношенія подчиненныхъ и ихъ владыки. Въ ней духовенство жалуется, что поставленіе въ священники обыкновенно обходится отъ 15 — 30 недѣль времени и въ 5—6 руб. деньгами; не считая того, что пріѣзжіе издалека должны проживаться въ Москвѣ; другихъ зовутъ въ слушанію слова патріарха изо-дня-въ-день въ теченіе двухъ недѣль, стоятъ они понапрасну съ ранняго утра до 5 или 6 часовъ вечера и за тѣмъ расходятся по домамъ. При прежнихъ патріархахъ, *кромя Іосифа*, ставленники ночевали въ патріаршемъ дворѣ безденежно и поджидали выхода патріарха въ крестной комнатѣ; а теперь и въ сѣняхъ не велятъ стоять, даже зимою мучатся на крыльцѣ. Дворъ патріарха—недоступенъ, священникъ не можетъ получить благословенія; между тѣмъ разныя женщины имѣютъ свободный входъ во всякое время. Патріаршая область тянется на 800 верстъ отъ Москвы, а потому, при прежнихъ патріархахъ, священники могли посвящаться у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ запретилъ это, желая собрать себѣ имѣніе; и теперь такъ остается. Переходныхъ грамотъ Іосифъ не велѣлъ выдавать по городамъ, кромѣ Москвы, желая обогатить своего дьява Ивана Ковошилова и подъячихъ. Переходная обходилась обыкновенно 6—15 р. и отъ 20—30 недѣль времени; а многіе по нѣскольکو разъ пріѣзжали въ Москву, и Никонъ всего этого держится. И при Никонѣ Ковошиловъ игралъ прежнюю роль: «за всякое дѣло нужно было заплатить ему 5, 6 р., женѣ поднести подарки, а людямъ его раздать до рубля; иначе и на дворъ не пустятъ». Этого мало. «Никонъ велѣлъ переписать по городамъ и уѣздамъ весь причтъ и наложилъ на него опредѣленную дань. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Повелѣвъ въ 1655 г. собрать по всему государству съ церковей лошадей, Никонъ предоставилъ ихъ царю для военной нужды, и тутъ 400 или 500 лошадей разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь-ли, государь, заключаютъ просители, что онъ возлюбилъ стоять высоко и ѣздить широко. Этотъ патріархъ управляетъ вмѣсто евангелія бердышами, вмѣсто креста—топорками»¹⁾. Какая тебѣ честь, владыка святой, говорилъ Нероновъ Никону, что всякому ты страшенъ, и, другъ другу грозя, го-

¹⁾ Соловевъ, XI, 289—292. Довѣренность Никона къ Ковошилову видна изъ описи его казны; Временникъ, XV. Между тѣмъ богатства Никона были таковы, что онъ могъ-бы иначе относиться къ своимъ подчиненнымъ, ср. выше 432—433.

воротятъ: знаете-ли кто онъ, лютый звѣрь. левъ, медвѣдь или волкъ? Дивлюсь я: царской власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ, а твои посланники пуще царскихъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить; у нихъ затвержено: знаете-ли патріарха? Не знаю какой образъ или званіе ты принялъ¹⁾. И Никонъ въ послѣдствіи сознавался, что онъ наказывалъ подчиненныхъ собственноручно. Такимъ образомъ отправление духовнаго суда ничѣмъ не разнилось отъ свѣтскаго, тѣмъ болѣе, что составъ ихъ былъ совершенно одинаковъ; такъ какъ духовные сановники поручали свое управленіе свѣтскимъ чиновникамъ, которыхъ у Никона было «великое множество»²⁾, и которые, при его недоступности, пользовались огромнымъ значеніемъ. Отсюда ясно, что Никонъ стоялъ вовсе не за форму суда, а за извѣстный принципъ.

Жалобы недовольныхъ произвели свое дѣйствіе на Алексѣя Михайловича. Въ послѣдствіи, когда было перехвачено письмо Никона къ конст. патріарху, наполненное жалобами на царя, Алексѣй Михайловичъ, прочитавши о налогахъ, которыми обремененъ народъ, замѣтилъ на полѣ собственноручно: «а у него и льготно, да что пользы въ томъ?»³⁾ Онъ ясно увидѣлъ, какъ мало разницы въ духѣ управленія между его собственнымъ другомъ и безпечнымъ Іосифомъ. Но у послѣдняго существовало по крайней мѣрѣ сознаніе своихъ недостатковъ, а у Никона онъ видѣлъ одну непреклонную гордость.

Алексѣй Михайловичъ не былъ склоненъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а потому предпочелъ уклоняться отъ Никона: онъ пересталъ съ нимъ видѣться и даже избѣгалъ обычныхъ въ большіе праздники выходовъ въ соборъ. Конечно это натанутое отношеніе не могло продолжаться долго. Никонъ не думалъ уступать, а царь заявлялъ свое недовольствіе черезъ другихъ, враговъ патріарха, которые при этомъ не забывали и собственныхъ обидъ⁴⁾ Но замѣчательно, что первое открытое заявленіе Никону о его дѣйствіяхъ имѣетъ чисто политическій характеръ. 10 іюля 1658 г. царь приказалъ князю Ромодановскому ска-

1) Соловьевъ, XI, 293.

2) Свидѣтельство Павла Алепскаго, Истор. рус. церкви, Филарета, пер. IV, стр. 13.

3) Соловьевъ, XI, 354.

4) Бояринъ Стрѣшневъ назвалъ свою собаку Никономъ и научилъ ее благословлять по-патріаршески. Посл. Никона къ конст. патр. Діонисію.

зять Никону въ соборѣ: »зачѣмъ онъ называется *великимъ государемъ*. Никонъ ссылаясь на жалованную грамоту Алексѣя Михайловича, но Ромодановскій на это отвѣчалъ: »царь почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты не понялъ этого; теперь царь велѣлъ мнѣ сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ онъ не будетъ«¹⁾. Этимъ ясно говорилось, что Никонъ болѣе не нуженъ. Но онъ рѣшился оставить свое мѣсто такъ же торжественно, какъ принималъ его. Отслуживъ обѣдню, онъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой обличалъ неблагодарность общества въ его трудамъ и отрелся отъ званія патріарха съ проклятіемъ на себя, если даже подумаетъ остаться въ немъ. Въ одеждѣ простаго монаха, но въ архіерейской мантии, вышелъ Никонъ изъ собора, сопровождаемый по городу рыдающимъ народомъ. Но эта сцена ничего не помогла; онъ не добился свиданія съ царемъ и вскорѣ отправился въ свой Воскресенскій монастырь. Съ этихъ поръ около девяти лѣтъ, между Москвою и Воскресенскимъ монастыремъ, разыгрывалась драма, далеко непривлекательнаго свойства. Мы не станемъ подробно слѣдить за ея ходомъ, тѣмъ болѣе, что все это было уже изложено въ существующихъ изслѣдованіяхъ²⁾, а каснемся только общаго характера ея, на сколько это необходимо для нашей цѣли.

Пока патріаршія дѣла поручены были крутицкому митрополиту Питириму. Но теперь и обнаружилось, что Никонъ вовсе не думалъ отказываться отъ своихъ правъ. Онъ не признавалъ лицъ посвященныхъ безъ его участія³⁾, а совершеніе торжественнаго шествія въ недѣлю Ваий, въ которомъ обязанность патріарха исполнялъ Питиримъ, называлъ прелюбодѣйствомъ церкви, хотя и самъ совершалъ его въ Новгородѣ, будучи митрополитомъ. Онъ соглашался оставить патріаршество и предлагалъ избрать на свое мѣсто другаго; но въ то же время признавалъ это избраніе безъ своего участія незаконнымъ и грозилъ отлученіемъ будущему патріарху—очевидное желаніе помѣшать избранію или имѣть вліяніе на самый выборъ. Трудно сказать, къ какимъ результатамъ привело-бы подобное двоевластіе въ духовномъ мірѣ; но ясно что здѣсь столкновенія были неизбежны.

¹⁾ Посл. Никона конст. патр. Діонісію, Запис. рус. и слав. археол. II, 515.

²⁾ Указываемъ по противоположности взглядовъ на соч. Соловьева и Субботина.

³⁾ Никонъ особенно возмущало посвященіе духовныхъ лицъ по повелѣнію царя, вслѣдствіе чего въ ставленыхъ грамотахъ писалось: по волѣ св. Духа и указу царя.

Въ слѣдствіе этого духовный соборъ 1660 постановилъ отрѣшить Никона не только отъ патріаршества, но и отъ священства, и избрать другаго патріарха. Однако это рѣшеніе вызвало возраженіе со стороны защитниковъ Никона, которые увидѣли въ немъ посягательство на каноническія постановленія (Епифаній Славенцикій)¹⁾. Вопросъ еще болѣе затруднился. Что же дѣлалъ Никонъ въ Воскресенскомъ монастырѣ? Тамъ онъ усилилъ свои аскетическіе подвиги, участвовалъ въ простыхъ работахъ и въ то же время велъ соблазнительные процессы съ своими сосѣдями за земли и монастырскія угодія (дѣло Бабарыкина и Сытина), при чемъ жестоко наказывалъ крестьянъ своихъ противниковъ. Наконецъ неудовлетворенный рѣшеніемъ дѣла, онъ проклялъ своихъ обидчиковъ, торжественно прочитавъ приличныя на этотъ случай молитвы, въ слѣдствіе чего одинъ изъ нихъ (Бабарыкинъ) сообщилъ въ Москву, что Никонъ проклинаетъ самого царя, а это послужило предлогомъ къ новому процессу²⁾.

Между тѣмъ прибылъ въ Москву ученый грекъ (митрополитъ), Паисій Лигаридъ, вызванный въ Россію Никономъ, но уже заставшій его во враждѣ съ царемъ. Сначала онъ старался примирить ихъ, убѣждая Никона покориться царской власти. Въ противоположность его взгляду на значеніе патріарха, Паисій проводитъ мысль о безусловномъ преимуществѣ свѣтской власти передъ духовною: «Долженъ быть одинъ царь, говоритъ онъ въ письмѣ къ Никону, какъ и одинъ Богъ, и какъ одно солнце между планетами»³⁾. На вопросы Стрѣшнева объ отношеніи патріарха къ царю и дѣйствіяхъ Никона, онъ высказался съ осужденіемъ къ послѣднему и вполнѣ оправдалъ дѣйствія свѣтской власти. Эрудиція искуснаго грека, незабывавшаго при этомъ и своихъ выгодъ, много помогла ускоренію дѣла. При его содѣйствіи, были отправлены письма къ восточнымъ патріархамъ за разрѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые были выставлены дѣломъ Никона. И здѣсь Никонъ потерпѣлъ осужденіе. Видя полную неудачу, онъ старался быть осторожнѣе и пытался возвратить свое прежнее положеніе. Онъ про-

¹⁾ Замѣчательно, что Епифанію возражали греческіе архіереи. Суботинъ, Дѣло Никона, см. приложен. II.

²⁾ Соловьевъ, XI, гл. IV; Суботинъ, Дѣло Никона; Патр. Никонъ въ Чтен. Моск. общ. ист. 1846, № V; Запис. рус. и славян археол. II.

³⁾ Соловьевъ, XI, 316.

силъ своихъ сторонниковъ извѣщать его о всемъ, что касалось его, особенно же объ отношеніяхъ къ нему царя. Алексѣй Михайловичъ не переставалъ по временамъ выражать свое сожалѣніе о Никонѣ; эти толки были извѣстны при дворѣ, и вотъ, въ то время (1664), когда дѣло Никона принимало рѣшительный поворотъ, бояринъ Зюбинъ сообщилъ ему, что теперь самое благоприятное время для примиренія съ царемъ и совѣтовалъ ему немедленно явиться въ Москву. Въ надеждѣ на успѣхъ, Никонъ старался придать своему появленію торжественный видъ. Ночью съ 17 на 18 декабря, во время заутрени, явился онъ въ Успенскій соборъ, какъ патріархъ; остановилъ служеніе; заставилъ совершить себѣ прѣвѣтствіе и всѣмъ далъ благословеніе. Для большаго успѣха Никонъ привезъ съ собою письмо къ царю, гдѣ объяснялъ, что на канунѣ своего пріѣзда въ Москву, онъ видѣлъ сонъ, въ которомъ всѣ московскіе святители предстали передъ нимъ и призывали его на престолъ. Тогда онъ рѣшился возвратиться въ Москву. Однако Никонъ ошибся въ своихъ расчетахъ; дѣло заняло уже слишкомъ далеко: ему приказано было возвратиться въ Воскресенскій монастырь. Послѣ этого ему оставалось только удалиться. Но Никонъ не могъ снести подобнаго поруганія. Уѣжая изъ Москвы, онъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, и, указавъ на стоящую надъ Москвою помету, погрозилъ бѣдствіемъ за свое гоненіе. Кромѣ того, Никонъ захватилъ съ собою посохъ митр. Петра, какъ будто съ цѣлью воспользоваться этою принадлежностью русскихъ іерарховъ для своихъ вѣдъ. Но на дорогѣ его настигли посланные изъ Москвы и заставили возвратить ея священную принадлежность.

Для Никона оставалась одна надежда—защита патріарховъ. Онъ самъ поставилъ вопросъ такъ, что его могутъ судить только патріархи и признавалъ въ этомъ случаѣ верховный авторитетъ константинопольскаго патріарха. Воспользовавшись случаемъ, въ 1655 г. онъ послалъ къ нимъ свои грамоты съ изложеніемъ всего дѣла, конечно съ своей точки зрѣнія. Но эти грамоты были перехвачены. Никонъ смотрѣлъ на себя, какъ на жертву свѣтской власти: передъ нимъ постоянно носились образы Іоанна Златоуста, Аванасія В., Василія В. и митрополита Филиппа, потерпѣвшихъ гоненіе отъ свѣтской власти. «Уже собранъ предъ Господомъ, говоритъ онъ, многочисленный ликъ, злопобудившихъ жестокою смертію и мученіями за обличеніе несправедливыхъ дѣлъ царскихъ».

Наконецъ соборъ противъ Никона состоялся въ 1666 г., когда прибылъ въ Москву патриархи александрийскій и антиохійскій; но только послѣ представленія ими полномочій отъ патр. константинопольскаго и іерусалимскаго — Никонъ призналъ соборъ дѣйствительнымъ ¹⁾. Всѣ предыдущія обстоятельства послужили основаніемъ для осужденія Никона; онъ былъ лишенъ сана и, въ званіи простаго монаха, сосланъ въ Оерапонтовъ монастырь. И здѣсь Никонъ не оставилъ своихъ привычекъ: обвужавшіе Никона величали его патриархомъ; говорили, что ему быть напою; онъ самъ подчасъ толковалъ о своихъ связяхъ съ казаками, которые готовы были возвратить ему патриаршество ²⁾; а на стульяхъ собственнаго издѣлія вырѣзывалъ: «сей стулъ сдѣланъ смиреннымъ Никономъ, патриархомъ, въ заточеніи, за слово божіе и св. церковь». Подобныя же надписи встрѣчались и по дорогамъ на крестахъ. Вскорѣ послѣ заточенія между царемъ и Никономъ завязалась постоянная переписка: первый заботился улучшить бытъ своего «особеннаго» друга, исполнялъ малѣйшія его жалобы на недостатки; а Никонъ требовалъ увеличить содержаніе, жаловался на своихъ окружающихъ и, для большаго возвышенія своего положенія въ глазахъ царя на переборъ судьбъ, — рассказывалъ о своихъ исцѣленіяхъ, которыя даровалъ ему Богъ въ награду за потерянное патриаршество. Алексѣй Михайловичъ видимо тревожился мыслию объ осужденіи Никона, и потому въ завѣщаніи испрашивалъ себѣ у него прощенія, причемъ величалъ его своимъ отцомъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ. Но Никонъ въ отвѣтъ на это напомнилъ о будущемъ судѣ и не далъ письменнаго прощенія. Въ началѣ царство-

1) Узнавши (1665) рѣшительное намѣреніе царя покончить дѣло судомъ, Никонъ хотѣлъ предотвратить его предложеніемъ — сохранить за нимъ патриаршество, второе мѣсто въ русской іерархіи, независимое управленіе тремя монастырями (Иверскимъ, Крестнымъ, Воскресенскимъ) и другими мелкими пустынями, построенными имъ, съ самостоятельнымъ судомъ и привилегіями. Соборъ отказалъ. Субботинъ, прилож. III и IV.

2) Никонъ постоянно надѣялся на поддержку народа. Есть извѣстіе, что еще въ 1659 г. онъ, пріѣхавъ въ Москву, устроилъ общую трапезу и возбуждалъ негодованіе въ народѣ, указывая на тягости польской войны. Ему приказано было выѣхать изъ Москвы. Weslawski, p. 105. Во время пребыванія Никона въ Оерапонтовомъ монастырѣ, царь упрекалъ его за сношенія съ казаками Стеньки Разина, которые хотѣли его освободить. Соловьевъ, XI, 388—89.

ванія Феодора Алексѣевича участь Никона была нѣсколько отягчена: тогда открылось жестокое обращеніе Никона съ обрुжавшими его людьми; онъ забралъ въ свои руки управленіе монастыремъ, преслѣдовалъ монаховъ и собственноручно наказывалъ ихъ; принималъ къ себѣ, подъ предлогомъ леченія, подозрительныхъ лицъ и женщинъ. Это были жестокія вспышки крайняго негодованія Никона, долго надѣявшагося на полное всепрощеніе.* Вмѣсто этого его перевели подъ строгій надзоръ въ Кирилловъ монастырь.

Однако почитатели Никона (особенно тетка новаго царя — Татьяна Михайловна), воспользовавшись перемѣною правительства, принялись хлопотать о прощеніи его. Феодоръ Алексѣевичъ соглашался перевести его въ Воскресенскій м., но онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ патр. Іоакимѣ, — личномъ врагѣ Никона, и духовномъ соборѣ. Іоакимъ опасался соперничества Никона; тѣмъ болѣе, что недовольные настоящимъ патріархомъ (во главѣ которыхъ стоялъ Симеонъ Полоцкій) угваривали царя образовать въ Россіи четыре патріаршества; Іоакима послать патріархомъ въ Новгородъ, а Никона сдѣлать папою въ Москвѣ. Такіе слухи ходили тогда въ обществѣ. — Между тѣмъ стало извѣстно, что Никонъ близокъ къ смерти; онъ просилъ монаховъ Воскресенскаго м. похлопотать за него передъ царемъ, хотя и въ этомъ письмѣ по прежнему называетъ себя патріархомъ. Только теперь Никону разрѣшили возвратиться въ его монастырь; но онъ умеръ на пути, 17 августа 1681 года. Тѣло его перевезли въ Воскресенскій м. и похоронили съ большимъ торжествомъ ¹⁾.

Наши изслѣдователи называютъ Никона «послѣднею жертвою борьбы духовной власти съ свѣтскою въ Россіи» ²⁾; но вопросы, поднятые Никонѣмъ, продолжаютъ высказываться и въ послѣдующее время (Феодосій новгородскій, Арсеній Мацѣевичъ), и даже отзываются въ мнѣніяхъ архим. Фотія ³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, XI, гл. IV; XIII, 244—248, пр. 190; стр. 331—333. Судъ надъ Никонѣмъ, въ Прав. соб. 1863., III; извѣстіе о папствѣ у Татищева, I, 573, и Соловьева, XIII, 332.

²⁾ Патр. Никонъ, въ Чтен. Моск. общ. исторія, 1847, N V, стр. 45.

³⁾ Дѣло Феодосія въ Русск. Архивѣ (1864 г. 160—207); объ Арсеніи Мацѣевичѣ, Чтен. Моск. общ. истор. (1862, II, III, 1864, IV). Записки Фотія, Чтен. Моск. общ. истор. 1868, I, Русскій Архивъ, 1863, 1869. Ср. интересный рассказъ Петра В. о Никонѣ, съ примѣч. Алксѣева, Рус. Арх. 1863.

Медленность въ рѣшеніи дѣла Никона во многомъ зависѣла отъ личнаго характера Алексѣя Михайловича. Соловьевъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ они помѣнялись ролями Исанна Грознаго и Филиппа. Но если въ исторіи многое объясняется параллелями, то можно сказать, что, по *характеру* лицъ, эта борьба напоминаетъ собою другую борьбу — изъ исторіи Запада, въ которой принимали участіе — Григорій VII и Генрихъ IV. Непреклонному Григорію соответствуетъ гордый Никонъ; а уступчивому Генриху IV — «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ, какъ называлъ его самъ Никонъ. Но въ исходѣ борьбы высказалась вся разница тѣхъ политическихъ условій, среди которыхъ дѣйствовали представители одной и другой стороны ¹⁾.

Въ дѣлѣ Никона разрѣшился важный вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти, впервые поставленный такъ опредѣленно въ Россіи. Въ своихъ отвѣтахъ восточные патріархи, согласно съ Номоканономъ, опредѣлили, что патріархъ долженъ подчиняться своему государю, какъ намѣстнику божию и обладающему высшимъ достоинствомъ; онъ не долженъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла; въ противномъ случаѣ онъ подлежитъ лишенію своего сана и недостойнъ даже имени христіанина ²⁾. Въ этомъ ясно выразилась разница отношеній двухъ сторонъ по римской и византійской системѣ. Но на соборѣ (1667 г.), составлявшемъ продолженіе собора, созваннаго по поводу дѣла Никона, была восстановлена независимость духовнаго суда, существовавшая до Уложенія, въ которому по прежнему отошли и всѣ гражданскія дѣла, подлежавшія вѣдѣнію духовнаго суда ³⁾.

Исслѣдованіе разсмотрѣннаго нами вопроса приводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, въ слѣдствіе слабости политической власти, раздѣленія Россіи на отдѣльныя княжества и непосредственной зависимости церкви отъ константинопольскаго патріарха, представители ея пользовались значительною независимостью и вліаніемъ на ходъ политическихъ дѣлъ. (Эпоха татарскаго ига содѣйствовала тому же, такъ какъ ханы покровительствовали церкви и ду-

¹⁾ См. выше, стр. 261—273.

²⁾ Собр. государ. грам. IV, 89—90; Вѣстн. Европы, 1821, № 18, стр. 121; Калачовъ, О Боричей, стр. 96—97.

³⁾ Соборъ 1666—67 г. въ Прав. соб. 1863, III, 217—233.

ховенству, которое поэтому пользовалось большим уважением у князей, см. стр. 320).

2) Съ образованіемъ Московскаго государства замѣтно постепенное ограниченіе политическихъ и гражданскихъ правъ духовенства, которое возмъщается въ слѣдствіе усилившейся свѣтской власти и потребностей государства. Но духовенство старается сохранить за собою нравственное вліяніе въ прежнемъ видѣ: борьба митр. Филиппа съ Иваномъ Грознымъ основывается именно на нравственныхъ мотивахъ (печалование), хотя касается и политическихъ вопросовъ.

3) Ослабленіе политическаго строя Московскаго государства, наступившее по смерти Іоанна Грознаго и продолжавшееся до конца смутнаго времени, и возвышеніе духовнаго авторитета въ этотъ періодъ (патріаршество), когда представитель духовенства необходимо долженъ былъ стать во главѣ общественнаго движенія, способствовали его политическому возвышенію. Никонъ старался удержать за собою это положеніе даже тогда, когда государство приобрѣло прежнее значеніе.

4) Но установленіе государственнаго порядка, нарушеннаго смутнымъ временемъ, и экономическія потребности страны были направлены противъ всякихъ привилегій и требовали громаднхъ финансовыхъ средствъ. Отсюда возникаютъ болѣе широкія заявленія о необходимости ограниченія правъ духовнаго суда и церковныхъ имуществъ, которыя проникли и въ современное законодательство. Но при взглядѣ Никона на свою власть новая борьба приняла вполне политическій характеръ; хотя, въ слѣдствіе политическаго преобладанія государства, она окончилась въ пользу послѣдняго; а самый вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти въ Россіи былъ рѣшенъ въ духѣ византійской системы.

Г л а в а X.

Разсмотрѣвши главныя стороны культурнаго вліянія Византіи на Россію, мы замѣчаемъ, что оно проявилось въ сферѣ религіознаго установленія нравственныхъ началъ въ русскомъ обществѣ и въ политической системѣ, въ которыхъ также преобладаетъ религіозная основа.

Нельзя однако сказать въ такомъ обширномъ смыслѣ объ образовательномъ вліяніи Византіи въ научномъ отношеніи, а потому, въ заключеніе, вамъ необходимо изслѣдовать причины, почему эта сторона культуры менѣе другихъ оказала вліяніе на бытіе Россіи (и наконецъ сдѣлать общій очеркъ научныхъ понятій, происходившихъ въ Россіи подъ вліяніемъ византійской образованности).

Было время когда причина такого состоянія образованности тогдашней Россіи объяснялась двоякимъ категорически категоричнымъ образомъ. Но въ настоящее время взглядъ на вліяніе татарскаго низа значительно измѣнился. Современные изслѣдователи говорятъ: татары укрѣпили Россію, издали и не старались помѣшать существующаго порядка; они охотились интересъ, нуждой, веліи и покровительствовали русскому духовенству, которое такимъ образомъ имѣло полную возможность содѣйствовать развитію близости, какъ сословіе, стоявшее во главѣ общества ²⁾. Слѣдовательно причины вѣкаго уресса научнаго образованія въ тогдашнюю эпоху лежали гораздо глубже. Но своему географическому положенію Россія должна была прійти въ ближайшія отношенія къ Византійской имперіи, съ которою связи у нея существовали еще до введенія христіанства. Въ научномъ отношеніи это могло бы имѣть важныя результаты уже потому, что западная Европа, включая

¹⁾ Сдѣлаемъ небольшую оговорку: подъ словомъ научныя понятія, наука, въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ не науку въ смыслѣ системы, какой тогда и не было у насъ, а въ историческомъ отношеніи, куда входятъ общія понятія о мірѣ (физическомъ и нравственномъ) въ ихъ историческомъ развитіи.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Макарій, Исторія русской церкви. Судя по тому какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ два съ половиною столѣтія до монголовъ, думаемъ, говорить пр. Макарій, что оно едва ли подвинулось бы впередъ и въ два послѣдовавшія столѣтія, при прежнихъ условіяхъ нашего отечества, хотя бы монголы къ намъ не приходили, и явилось бы въ такомъ же или подобномъ видѣ, въ какомъ явилось при монголахъ. . . . Монголы отнюдь не препятствовали духовенству, особенно въ монастыряхъ, занимаясь науками, если бы сами русскіе того хотѣли. Но видно русскіе еще не чувствовали потребности въ высшемъ образованіи. Они свободно продолжали идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли ихъ предки, довольствовались тѣми же первоначальными школами, какія существовали и прежде, и не простирали въ этомъ отношеніи своихъ желаній далѣе, какъ только, чтобы умѣть свободно читать и понимать священныя книги. V, 258.

восточна Италия; до XI вѣка находимся на значительно высшей степені развитія¹⁾. Но Россія пришла въ отношенія къ Византіи уже въ то время, когда научныя цѣли не составляли тамъ главнаго интереса для общества. Впрочемъ причины этого явленія слѣдуетъ искать не въ однихъ современныхъ обстоятельствахъ Византіи. Съ паденіемъ древняго духа, оживившаго греческую науку, она должна была утратить свободу изслѣдованій — главнѣйшее условіе для прогрессивнаго развитія всякой науки. Закрытіе императорами древнихъ школъ образовало глубокую пропасть между древнею и византійскою наукою, что должно было отразиться на ея дальнѣйшемъ существованіи. Съ вторженіемъ въ науку восточныхъ идей (съ александрійскаго періода²⁾) она усвоила чуждыя духу изслѣдованія; потому что самое знаніе стало казаться «сперваосотвѣтственнымъ». Современники ученаго патр. Фотія приписывали его ученость таланту еврейскаго мата, который облегчилъ ему знакомство съ языческою мудростію, а самъ Фотій прослылъ у нихъ преподавателемъ и чародѣемъ. Также участь постигла архіепископа Феодора Сантаверна, ученость котораго Симеонъ Логоветъ и Левъ Грамматикъ соединяютъ съ вызваніемъ чужихъ умершихъ³⁾. Появленіе множества лѣтописцевъ носивъ прагматическую исторію Фукидида, обращающаго вниманіе на внутреннюю связь событій и причины явленій, — свидѣлствуетъ объ упадкѣ греческой историографіи. Соотвѣтственно духу времени она въ значительной степени усвоила легендарный характеръ. Гео гій Аларкель серьезно разсказывалъ о чудодѣяніяхъ Аполлонія Тіанскаго; Исидоръ Григора о вліяніи бракуловъ на общественныя и политическія событія. И это не единственные примѣры. Философія испытала особенно неблагоприятныя условія; послѣ того такъ она подверглась спеціальному запрещенію въ школахъ; а это должно было отразиться на всемъ ходѣ византійской мысли. Древній изслѣдователь обратился въ комментатора и собирателя того, что уже было высказано нѣскольکو вѣкомъ назадъ. Съ другой стороны непрерывная борьба политическихъ и релігіозныхъ партій заставляла греческихъ ученыхъ увлекаться по-

1) Паламъ, I, 5—9.

2) Этотъ терминъ мы употребляемъ въ смыслѣ болѣе точнаго опредѣленія времени, хотя вполне признаемъ за этимъ періодомъ тѣ научныя результаты, которые составляли дальнѣйшее движеніе науки.

3) Theoph. Conf. pag. 60, 683; Chrolog. 259.

лемкою, или совсѣмъ оставлять страну, и исторіи европейской литературы отмѣчаютъ, со времени раздѣленія церквей до XIV в., нѣсколько переселеній ученыхъ грековъ на Западъ, которые стали извѣстны тамъ, какъ преподаватели греческой литературы. Ихъ вліяніе проникло даже въ западные монастыри, въ которыхъ съ этого времени стали заниматься греческимъ языкомъ и чтеніемъ греческихъ авторовъ. Мы не говоримъ уже о значительномъ приливѣ туда грековъ въ эпоху возрожденія ¹⁾.

Какъ же отразилось все это на Византіи? — Уже въ XII в. мы встрѣчаемъ извѣстія о крайнемъ упадкѣ науки, даже и въ Константинополѣ (Анна Комненъ и Евстацій; выше, стр. 45), а это была эпоха когда Россія вошла въ ближайшія отношенія къ Византіи и подвинулась ея образовательному вліянію. Здѣсь заключается главнѣйшая причина слабости научнаго вліянія послѣдней на Россію. Пр. Филаретъ справедливо говоритъ: «Въ Греціи, куда естественно было для Россіи обратиться съ вниманіемъ, представителей образованности было тогда немного: въ ней были проповѣдники, но очень скудные, и тѣхъ было мало; были историки, но съ сухимъ перечнемъ лѣтъ и дѣлъ неважныхъ; были жизнеописатели, но съ пыльнымъ многословіемъ и безъ силы въ мысляхъ; толкователей же писанія, не было, не было и строгихъ догматиковъ, исключая долемиковъ съ Западомъ. Такого было время! Слѣдуя за наставниками, въ Россіи избирали тѣмъ предметы для умствѣнныхъ занятій, какіе были, избираемы послѣдними ²⁾. Поэтому мысль Кириѣвскаго, что «вся мудрость человѣческая истощена въ твореніяхъ отцовъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной» (которые, какъ обыкновенно полагаютъ, по своему образованію, уступаютъ древнимъ) — представляется намъ дикимъ нарядомъ.

Дальнѣйшее развитіе древней науки возможно было тамъ, гдѣ хранились ея памятники, а именно на востокѣ — въ Византійской имперіи, и на западѣ — преимущественно въ Италіи и нѣмцахъ, гдѣ удержались еще остатки римской образованности (напр. въ Галліи); Россія сама по себѣ не имѣла такой связи съ культурою древняго міра; по этому ея наука могла быть только перенесенною изъ-внѣ; и конечно ни-

¹⁾ Галламъ, I, 70—76, 82, 124.

²⁾ Филаретъ, Исторія русской церкви, пер. I, 40.

книжка въ этомъ дѣлѣ должна была исходить оттуда, откуда дѣлались общае направленные шаги. Возможность приобретения изъ Византии памятниковъ монастырской образованности показываетъ, что возможно было приобретение и научныхъ произведеній. Но монастыри, занятые о развитіи своей письменности, руководились въ этомъ случаѣ только собственными потребностями и не шли въ виду распространенія общепросвѣдательскихъ сочиненій. Монастыри же византийскіе, служащіе для русскихъ источникомъ, откуда почерпались письменныя памятники, въ XII в. уже не въ состояніи были пользоваться научнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ ихъ стѣнахъ (стр. 45); а въ началу XV в. наука въ Византии совершенно угасла (Максимъ Грекъ)¹⁾. Между тѣмъ это былъ періодъ непосредственной зависимости Россіи отъ Византии. Во главѣ русской іерархіи стояли по преимуществу греки; первыми занявшие себя довольно самостоятельнымъ характеромъ; а константинопольскіе патріархи внимательно наблюдали за ходомъ дѣлъ въ Россіи и не упускали случая заявить о своихъ правахъ, когда они нарушались. Конечно этимъ представителямъ русскаго духовенства, которае вообще пользовалось обширными привилегіями въ древній періодъ, ближе всего было озабочиться распространеніемъ образованности въ Россіи. Вотъ почему пр. Макарій, вспоминая правъ, когда совершавшая дѣятельность константинопольскихъ патріарховъ относительно Россіи, говорить: «Имъ слѣдовало бы постоянно и настоятельно внушать князьямъ и представителямъ русской церкви, чтобы они заводили училища и заботились о распространеніи просвѣщенія... Между тѣмъ въ продолженіе четырехъ съ половиною вѣковъ мы не видимъ ничего подобнаго со стороны константинопольскихъ патріарховъ. И по происшествіи такого длиннаго періода, въ который Россія находилась подъ ихъ преобладающимъ вліяніемъ и руководствомъ, она осталась почти на той же степени духовнаго развитія, на какую вступила еще въ первое столѣтіе послѣ принятія христіанства»²⁾. Слѣдовательно второю важною причиною недостатка научнаго образованія въ ту эпоху, было то, что образованность распространялась въ Россіи исключительно посредствомъ монастырей и должна была служить только ихъ цѣлямъ. Весьма естественно, что русскіе монастыри искали на Востокъ такихъ

1) Соч. Макс. Грека, I, 368.

2) Макарій, V, 286—287.

вспомогательное образование, вторые относились къ слову быту; в шестидесяти монастырях, имѣя мы видѣли, въ это время уже украсили свое образовательное значеніе.

1) Какимъ путемъ древнее русское общество знакомило себя съ важными вопросами? Основаніемъ для теоретическихъ понятій системы логики, грамматика и философія служили сочиненія Іоанна Дамаскина — Боголюбива, Грамматика и Диалектика, переведенныя еще въ X в., Іоанномъ, епископомъ болгарскимъ, Іоанномъ Дамаскинымъ (подвизавшимся въ мѣст. св. Софьи, вблизи Іерусалима); авторъ VIII вѣка, извѣстный тѣмъ, что онъ старался философію сдѣлать достоинствомъ теологическаго образованія. Въ Россіи это Боголюбиве сохранило за собою, по крайней мѣрѣ до XVIII в., и потому въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ новые переводы этого сочиненія (Курбскаго, Евфимія Славенскаго; въ XVIII в. оно было снова переведено). Оно служило въ Россіи главнымъ руководствомъ для изложенія догматовъ въ борьбѣ съ ересями (Іосифъ Волоколамскій, Зиновій Отецскій, Максимъ Грекъ). Другой трудъ Іоанна Дамаскина — Грамматика — названъ философскою книгою; потому что, какъ у грековъ, такъ и у византийцевъ, она входила въ составъ философскаго образованія. Впрочемъ переводъ Іоанна, епископа болгарскаго, не есть буквальный; а представляетъ примѣненіе греческой грамматики къ славянскому языку, хотя вліяніе греческаго элемента въ славянскомъ переводѣ сильно опускается, какъ въ переводѣ греческаго построенія рѣчи, такъ и въ сохраненіи *млема*. Грамматика Дамаскина называется также несамостоятельною книгою, потому что дѣлится на 8 частей, рѣчи, которыя въ ней перечисляются такъ: имя, рѣчь, причастіе, разлугіе (дѣль), множественіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ¹⁾ — сохранявшіяся до новаго времени, съ исключеніемъ члена и переименованіемъ рѣчи (*срѣмѣ*) въ глаголъ. Эта грамматика была единственнымъ руководствомъ въ Россіи, по языку до XVI в.; когда явилась славянская грамматика Лавренція Зизанія. Въ сборникѣ Святослава (XI в.) заимствованномъ изъ болгарскаго подлинника, помѣщена одна статья, относящаяся, по своему содержанию, къ реторикѣ. Это — соч. Георгія хорватскаго о философіи и о наукахъ.

1) Это раздѣленіе частей рѣчи удержано и Максимомъ Грекомъ въ его грамматической статьѣ, очевидно подъ вліяніемъ грамматики Дамаскина; см. наше изслѣд. > Максимъ Грекъ, I, 123. Грамматика Дамаскина встрѣчается и въ Четырехъ-Миней (6 восьмидесяти частями).

играмы, которые идутъ въ такомъ порядкѣ: насловіе (аллегорія), пере-
водъ (метафора), прежжданіе, совокупленіе, мелочный, отступленіе,
округленіе, недостатокъ, лихорѣе (характеризмъ, сарказмъ), притча,
воруганіе (иронія), вѣдь, поэмное. Но вся эта статья отличается
крайнюю темнотю въ изложеніи, что показываетъ какъ мало перевод-
чикъ былъ знакомъ съ вчерашнимъ языкомъ. Третье сочиненіе Иова
Дамаскина. Диалектика была названа авторомъ для Востока, епископа
майумскаго. Въ своемъ предисловіи, онъ прямо объявляетъ, что его фи-
лософія представляетъ собственнаго собраніе истиннѣйшихъ мудре-
цовъ, изъ которыхъ онъ заимствуетъ, подобно Григорію богослову, то,
что не противорѣчитъ логикѣ, и отвергаетъ все, противное ей и чуждое
нечкое сагаинской прелести. Диалектика Дамаскина составлена по въ
вліяніемъ разныхъ философскихъ системъ и особенно дѣятельнѣйши
Ари-
стотеля. Но опредѣленіе философіи развито у него по понятіямъ, обра-
зовавшимся въ восточномъ духу. Философія, по словамъ Дамаскина,
есть познаніе вещей божественныхъ, т. е. вѣчныхъ, вѣданныхъ и не-
виданныхъ; она приближаетъ человека къ Богу; она высшая мудрость и
искусство въ искусствѣ; истинная же мудрость есть Богъ, и потому
любовь къ Богу — есть истинная философія. Философія, по Дамаскину,
раздѣляется на двѣ части: теоретическую и практическую. Въ составъ
первой входятъ наука о Богѣ и природѣ; а вторая подраздѣляется на
этику, экономіку (домостроительство) и политику. За тѣмъ слѣдуютъ
разсужденія о разумѣ и мыслѣ; о существенномъ и случайномъ, о ро-
дахъ и видахъ; о следствіи и различіи, о количествѣ и качествѣ и т.
п. предметахъ диалектическаго ученія, между которыми однако нѣтъ
никакой связи и послѣдовательности. Все сочиненіе раздѣлено въ под-
линникѣ на 68 главъ, а въ переводѣ на 70. Вотъ отрывокъ изъ труда
Иова Дамаскина, опредѣляющій намъ его направленіе. Нѣтъ ничего
выня разума, говоритъ онъ, потому что разумъ — свѣтъ души, а нера-
зуміе — тьма. Какъ лишнее свѣта производитъ тьму, такъ и лишнее ра-
зума потемняетъ смыслъ. Безсмысленность свойственна животнымъ; че-
ловѣкъ же безъ разума немыслимъ. Но разумъ не развивается самъ со-
бою, а требуетъ наставленія. Приступимъ же къ истинному учителю
истины — Христу, въ которомъ заключаются всѣ тайны разума. Прибли-
зившись же къ двери мудрости, не удовольствуемся этимъ, но, съ на-
деждою на успѣхъ, будемъ толковать въ нее. Поэтому слѣдуетъ чи-
тать не одинъ или два раза, но много разъ, чтобы достигнуть собро-

вѣща разума». Иоаннъ Дамаскинъ, совѣтуетъ обращаться за этимъ не только къ священному писанію, но и къ явнымъ писателямъ: «Апостолъ говоритъ: все испытывая, набирайте лучшее. И такъ слѣдуетъ изучать и сочиненія явческихъ писателей съ такою цѣлью, что и въ нихъ можетъ найтись что-нибудь хорошее и душеполезное. Царствъ (богословію), предлично имѣть въ услуженіи рабынь; такъ и мы, взявъ на помощь рабовъ (святскія науки), позаимствуемся у нихъ истинными словами, и строго разобравъ ихъ, отвергнемъ нечестіе, заключающееся въ нихъ, чтобы мудрыми словами не прельстить неразумныхъ. Ибо, хотя истина и не требуетъ пестрыхъ украшеній; но они необходимы для возраженій противъ тѣхъ, кто опирается на ложномъ разумѣ. Они должны служить намъ началомъ, какъ азбука. Истину же должно изслѣдовать не тщеславясь, а съ смиреніемъ». Эти мысли послужили основаніемъ для взглядовъ русскихъ книжниковъ на философію, и потому нередко встрѣчаются въ тогдашнихъ сборникахъ. Переводчикъ Діалектики Иоанна Дамаскина, сравнительно съ подлинникомъ, сдѣлалъ только измѣненіе въ порядкѣ изложенія: у автора прежде всего излагаются мнѣнія древнихъ греческихъ философовъ, потомъ ученіе еретиковъ и наконецъ догматическое ученіе; у переводчика наоборотъ: ученіе догматическое предшествуетъ мнѣніямъ еретиковъ, для того, чтобы истинное ученіе усвоилось тверже еретическаго. Рядомъ съ Діалектикою Иоанна Дамаскина въ спискахъ ея всегда помѣщается слѣдующее мнѣніе о философіи, приписываемое св. Кириллу, основателю славянской письменности. Спрощенный схоластикомъ логогетомъ Варсакіемъ—что такое философія? онъ отвѣчалъ: «философія есть—страхъ божій, добродѣтельная жизнь, избѣжаніе грѣха, удаленіе отъ міра, познаніе божественныхъ и человѣческихъ вещей; она учитъ, какъ человѣкъ долженъ своими дѣлами приближаться къ Богу». И это изреченіе о философіи нередко встрѣчается въ древнихъ памятникахъ русской письменности. Вообще Діалектика Иоанна Дамаскина въ древнихъ бібліотекахъ сохранилась во многихъ спискахъ ¹⁾.

Въ XVI в. авторитетъ Иоанна Дамаскина былъ утвердленъ въ Россіи Максимомъ Грекомъ и его ученикомъ—княземъ Бурбскимъ, кото-

¹⁾ Калайдовичъ, Иоаннъ, яз. болгарскій, приложения. Діалектика, въ рукоп. Казан. дух. акад. Прав. соб. 1860, I, 187—198.

рый снова перевелъ на русскій языкъ Богословіе и Діалектику. Свой взглядъ на философію и другія науки Максимъ Грекъ развиваетъ вполне по Дамаскину. Философія, говоритъ онъ, священна потому, что она трактуетъ о Богѣ, его правдѣ и промыслѣ, и устанавливаетъ нравственныя понятія въ обществѣ; но она ниже богословія, такъ какъ не обладаетъ боговдохновеніемъ. Изъ философіи слѣдуетъ заимствовать только то, что способствуетъ развитію благочестія. Самый разумъ есть отрасль вѣры. Признавая свѣтскія науки полезными для человѣческой жизни, Максимъ Грекъ прибавляетъ при этомъ, что въ нихъ скрывается такъ много вредныхъ и ложныхъ мыслей, что если даже представить по одной на каждый случай, то пришлось-бы исписать цѣлую книгу. Онъ недопускаетъ разсужденій о природѣ, если только они противорѣчатъ священному писанію; а потому, заключаетъ онъ, «крѣпко держись книги Дамаскина и будешь великій богословъ и *естествооподъ*». Взглядъ Максима Грека тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ воспитывался въ Италіи въ эпоху возрожденія. Увлеченный на первыхъ порахъ отрицательною стороною этой эпохи, онъ, подъ вліяніемъ реформы Іеронима Савонаролы и чтенія аскетическихъ произведеній на Афонѣ, измѣнилъ свой взглядъ и сдѣлался врагомъ того движенія, которое во имя древней науки, и преимущественно подъ знаменемъ Аристотеля, вело борьбу съ средневѣковою религіею. Вотъ почему его порицаніе древнихъ философовъ постоянно связывается съ результатами итальянскаго скептицизма. Но при этомъ Максимъ Грекъ дѣлаетъ нѣкоторое исключеніе въ пользу Платона, какъ наиболѣе приближающагося по своимъ взглядамъ къ христіанскому идеалу ¹⁾. Такой взглядъ на Платона высказали и

¹⁾ Подробнѣе въ нашемъ изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, 92 — 99. Платона онъ обыкновенно называетъ первымъ, верховнымъ философомъ, разумъ котораго просвѣтился высшею мудростію. Сочин. I, 354; II, 06. А свои возраженія противъ Стагирита (Аристотеля) Максимъ подкрѣпляетъ тѣмъ, что на Западѣ его ученіемъ злобно раздирали рыву церкви, истванную изъ небснаго богословія. (I, 249). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, возражая противъ астрологіи, Максимъ Грекъ опирается на Сократа, Платона, Аристотеля, которыхъ называетъ лучшими и наиболѣе истинными философами. (I, 417). Въ славянскомъ переводѣ хроникъ Іоанна Малалы встрѣчается особая статья «о еллинскомъ философѣ Платонѣ, который назвалъ божество—Тройцею» (Оболенскій, Лѣтоп. Переясл. сузд. предисл. LXVI). Платоновская тройца раздѣляется такъ: добро, являющееся (матерія) и идея.

дѣиоторые изъ древнихъ отцовъ церкви; а его учене о трехчастномъ составѣ души, путемъ церковной литературы, перешло даже въ Россію и господствовало въ продолженіе древней эпохи¹⁾. Въ Сборникѣ Святослава помѣщены двѣ статьи діалектическаго содержанія — это отрывки изъ Максима исповѣдника и Теодора, пресвитера раннскаго (*Theodorusraithnensis, ó τῆς Ραίδου Fabr. Bibl. græc. IX, p. 232*) о естествѣ, о различіи, о соединеніи, о противорѣчій и т. п. вопросахъ.

Изъ трудовъ Іоанна экзарха болгарскаго, въ древнюю эпоху еще извѣстныхъ былъ «Настодневъ», заключающій въ себѣ объясненіе на пер-

¹⁾ По Платону душа состоитъ изъ трехъ частей: разумной или божественной силы, которая противопоставляется неразумной и смертной, состоящей изъ двухъ частей: силы пожеланій (*ἐπιθυμία*) и посредствующей между первыми двумя — силы невольнаго влеченія сердца (*θυμὸς*). Ихъ отношенія къ жизни подробно развиты Платономъ въ Республикѣ (IV, 436). Митр. Никифоръ въ посл. къ Владимиру Мономаху дѣлаетъ такое же раздѣленіе души: въ ней три части, говоритъ онъ, — разумъ (словесное), чувство (яростное) и воля (желанное). Разумъ выше другихъ, имъ мы отличаемся отъ животныхъ. Затѣмъ онъ примѣняетъ эти силы къ религіозной жизни. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ око, и наполняя собою все тѣло, которымъ она управляетъ посредствомъ пяти чувствъ, какъ слугъ своихъ (Макарій, II, 157—159), которыхъ онъ разсматриваетъ съ нравственной стороны. О трехчастномъ составѣ души упоминается въ прощальной грамотѣ митр. Виприана (Степенная книга, I, 562). Въ Четви-Манеяхъ Макарія помѣщена отдельная статья о томъ же предметѣ (см. Оглавл. въ Четв. Моск. общ. истор. 1847, № IV, стр. 35). Объ отношеніи души къ тѣлу существовалъ такой взглядъ: «такъ какъ душа управляетъ тѣломъ, то смерть происходитъ въ слѣдствіе удаленія души изъ тѣла, а не въ слѣдствіе разрушенія человѣческаго организма (на основаніи Аванасія александрійскаго, Временникъ, № XVI, Иносъ сказаніе о самоубицахъ, 5). Въ Пчелѣ проводится идея Пинегора и Платона о предсуществованіи души. Отъ XIV вѣка встрѣчается въ славянскомъ переводѣ соч. Михаила Псалла Дюитра (Зерцало), о спираиіи души съ тѣломъ (Снегиревъ, Памятн. Москов. древ. опис. Чудов. м. IV, 149; Четви-Маней, оглавл. 30) Псалль считается послѣдователемъ Платона и Аристотеля; но согласно съ духомъ того времени, былъ склоненъ къ энциклопедическимъ построеніямъ. Такъ въ соч. о душѣ онъ начинается съ богословскихъ предметовъ, потомъ переходитъ къ философическимъ и оканчиваетъ физическими и астрономическими. Добродѣтели Псалль раздѣляетъ на физическія, нравственныя, политическія, очистительныя, теоретическія и теургическія (Schöfl, III, 420), какъ видно, вполнѣ слѣдуя восточной философіи (выше, стр. 14).

вня главы книги Бытія, составленный впрочем на основаніи бесѣдъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Северіана и древнихъ писателей. Въ немъ приводятся мѣста изъ Аристотеля и Платона и мнѣнія Фалеса, Парменида, Демокрита, Діогена и др. Но самое изложеніе ихъ мнѣній имѣетъ обличительный характеръ. Такъ, объясняя первыя слова книги Бытія: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю», онъ замѣчаетъ: «Греческіе философы много толковали о природѣ, но въ нихъ ни одно слово не можетъ устоять прочно, не нарушая самое себя; мнѣнія позднѣйшихъ писателей уничтожаютъ предъидущихъ; такъ что не зачѣмъ даже трудиться опровергать ихъ». Изложивъ различныя мнѣнія философовъ о происхожденіи міра, Іоаннъ говоритъ: «все это похоже на басни, потому что они не съужьли дойти до мысли, что Богъ сотворилъ небо и землю» и, за тѣмъ обращаясь къ нимъ, возражаетъ такъ: «зачѣмъ же вы—Парменидъ, Фалесъ, Демокритъ и Діогенъ понапрасну расточаете ваши слова, утверждая, что начало всему — воздухъ, вода и огонь? когда тутъ же вы опровергаете другъ друга своими противорѣчіями?». Особенно же авторъ нападаетъ на Аристотеля потому что его ученіе противорѣчитъ даже ученію его наставника Платона. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, твои слова, Аристотель, подобны морской пѣнѣ, которая, какъ бы плотно ни сложилась, расплывется». Разсматривая сказанія Моисея о сотвореніи міра, онъ входитъ въ подробности о четырехъ стихіяхъ, о предметахъ и явленіяхъ разныхъ царствъ природы. Многія изреченія изъ этой энциклопедіи міроздачія перешли въ русскіе афоризмы иностранныхъ названій того времени, съ указаніемъ на Шестодневъ, какъ ихъ источникъ¹⁾. Подробнѣе мы коснемся его ниже.

Такую же энциклопедію изреченій по вопросамъ нравственнымъ представляла Пчела. Они расположены по главамъ, въ такомъ порядкѣ: глава 1—о житейской добродѣтели и о злобѣ; глава 2—о мудрости; глава 3—о чистотѣ и цѣломудріи; глава 4—о мужествѣ и крѣпости; глава 5—о правдѣ; глава 6—о дружбѣ; глава 7—о милостыни; глава 8—о благодати; глава 9—о власти; глава 10—о лжи; глава 12—о богатствѣ и бѣдности; глава 14—о молитвѣ; глава 16—о наказаніи; глава 17—объ обученіи дѣтей; глава 18—о богатствѣ; глава 24—о страхѣ;

¹⁾ Прав. соб. 1860, I, Объ источник. свѣд. по разнымъ наукамъ въ древн. врем. Россіи, 199—203.

гл. 26—о грѣхѣ; гл. 29—о снахъ; гл. 34—о тщеславіи; гл. 37—о красотѣ; гл. 38—о судьяхъ; гл. 39—о славѣ; гл. 41—о промыслѣ; гл. 42—о смиреніи; гл. 43—о врачахъ; гл. 46—о душѣ; гл. 51—о законѣ; гл. 55—объ обычаяхъ и о нравахъ; гл. 63—о самолюбіи; гл. 68—о женахъ (см. выше, стр. 251—253); гл. 70—о старости и юности; гл. 71—о терпѣніи. Самый порядокъ этихъ главъ показываетъ, какъ мало было между ними внутренней связи; но это еще болѣе подтверждается порядкомъ изреченій въ каждой отдѣльной главѣ. Нельзя не согласиться, что подобная отрывочность была болѣе доступна для простаго пониманія, но едвали это было лучше въ интересахъ развитія. Преобладаніе отрывочнаго изученія фактовъ и мнѣній весьма рельефно отразилось въ ту эпоху въ изложеніи мыслей и ихъ литературной обработкѣ. Заимствуемъ изъ Пчелы нѣсколько примѣровъ, представляющихъ изреченія древнихъ мужей. Глава о мужествѣ, Сократъ: »Истинная сила заключается въ совершенствѣ ума, и только съ нимъ она приноситъ пользу человѣку; безъ ума сила ведетъ къ вреду;« Аристотель: »тотъ наиболѣе мужественъ, кто побуждаетъ не воинствъ, а собственныя желанія«. О правдѣ, Платонъ: »тотъ честенъ, кто не совершилъ неправды; но гораздо честнѣе тотъ, кто не далъ другому совершить ея«. Агезилай: »мужество бесполезно, если нѣтъ правды;« Эпиктетъ: »если хочешь справедливо судить о вѣдущихъ тяжбу, то забудь подсудимыхъ, и только помни о предметѣ распри;« Пифагоръ: »обидчикъ болѣе страдаетъ отъ угрызенія совѣсти, нежели отъ ранъ, нанесенныхъ ему за обиду«. О дружбѣ, Діодоръ: »Въ царствованіе Діонисія новаго въ Сиракузахъ одинъ пифагореецъ былъ осужденъ на смерть за посягательство на царя. Желая распорядиться о своемъ имѣніи, обвиненный просилъ отпустить его на время, съ тѣмъ, что онъ дастъ за себя въ поручители одного изъ друзей. Царь дозволилъ; но всѣ удивились, что человѣкъ рѣшился принять на себя подобное поручительство, полагая, что виновный не возвратится на мѣсто казни. Однако они ошиблись, и царь отпустилъ обоихъ«. Плутархъ: »никогда не ищи друга, который не можетъ принести тебѣ пользы;« »все новое—лучше; но дружба—старая«. Сократъ: »ни съ кѣмъ не заводи дружбы, не испытывай, какъ онъ вѣдь ее съ другими;« »сколько у кого друзей—столько глазъ;« Аристотель: »болѣе достойно пріобрѣсть богатство для друга, нежели друга ради богатства;« Катонъ: »золото искушается огнемъ; а дружба временемъ;« »лучшій другъ, который не оставляетъ и въ бѣдствіи«.

Въ порядкѣ изложенія каждой статьи въ Пчелѣ сперва помѣщаются изреченія изъ свѣщ. писанія, потомъ изъ отцовъ церкви и наконецъ изъ древнихъ писателей. Изъ послѣднихъ здѣсь мы встрѣчаемъ имена: Плутарха, Филона, Исократа, Демокрита, Мосха, Діогена, Менайдра, Эпихарма, Геродота, Эврипида, Пифагора, Демосфена, Сократа, Исеиофонта, Гиперида, Аристотеля, Діодора, Эпиктета, Кагона, Епиккура, Лукіана, Либанія, Питтака, Віаса ¹⁾ Судя по множеству рукописей, Пчела была любимымъ чтеніемъ русскихъ въ теченіе XIV—XVIII в. Отсюда ростовскій архіепископъ Васіанъ Рыло заимствовалъ въ свое посланіе къ Іоанну III (написанное по поводу нашествія Ахмата на Россію) изреченіе Демокрита о необходимости для князя разсудительности въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, мужества противъ враговъ и любви къ дружинѣ, защищающей отечество.

Въ связи съ сборникомъ, заключающимъ въ себѣ вопросы, по преимуществу нравственнаго содержанія, слѣдуетъ упомянуть о переводѣ сочиненія стоическаго философа Эпиктета (Епихридіопъ), примѣннаго втрочемъ въ монастырской жизни ²⁾.

Столь же важное мѣсто въ ознакомленіи русскихъ съ разными предметами знанія въ древнюю эпоху занимаютъ такъ-называемые алфавиты иностранныхъ рѣчей. Это—своего рода энциклопедическіе лексиконы того времени. Первоначально они имѣли цѣлью знакомить только съ иностранными названіями ³⁾; но постепенно въ составъ ихъ стали входить и отдѣльныя статьи, какъ религіозныя (напр. ѿ вѣрѣ, о Новатѣ и др.), такъ и общаго содержанія ⁴⁾. Изъ послѣднихъ встрѣчаются: сказаніе о стоическихъ философахъ (изъ Діонисія Ареопагита), объ Исократѣ и Гераклитѣ; о происхожденіи еллиновъ и греческихъ городахъ, объ Аписѣ, Афродитѣ, Деметрѣ, о додонскомъ прорицалищѣ; объ Озирисѣ и Изидѣ, о Гераклѣ и гераклидахъ, объ Ифигеніи, о драгоценныхъ камняхъ; о животныхъ; о семи планетахъ (изъ Космы

1) Пчела, Временникъ, № 25.

2) Опис. руз. Синол. библ. II, № 154. 100 главъ.

3) Но знаніе въ языкахъ было крайне скудно. Составители лексиконовъ говорятъ о языкахъ: еврейскомъ и жидовскомъ, греческомъ и еллинскомъ, латинскомъ и римскомъ, свхайтскомъ, скинскомъ и т. п. Сахаровъ, XIII.

4) Калайдовичъ, Іоаннъ, экзархъ болгарскій, прилож. XII, XIII, Сказанія Сахарова, II; Опис. Румянц. музея, 169.

Индикоплеза); о музыкѣ; о метрахъ и астротихъ; общія замѣчанія о нѣкоторыхъ книгахъ религіознаго и историческаго содержанія. Впрочемъ болѣе подробныя алфавиты появляются уже въ XVII вѣкѣ ¹⁾.

Въ XVI вѣ. является въ Россіи Максимъ Грекъ, дѣятельность котораго, въ обширномъ смыслѣ слова, была посвящена нравственнымъ и литературнымъ вопросамъ того времени. Но, касаясь того или другаго изъ нихъ, онъ въ своихъ поученіяхъ весьма часто обращается къ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ во время своего пребыванія въ Италіи. Сюда относятся его рассказы о городахъ Италіи (Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Феррарѣ, Падуѣ), въ которыхъ особенно проявлялось литературное движеніе эпохи возрожденія; борьба послѣдователей Аристотеля и Платона; подраженіе языческимъ правамъ и нападеніе на средневѣковую теологію. Лично знавшій извѣстнаго венеціанскаго типографа Алдо Мануччи, преподавателя философіи и греческаго языка Ласкариса и религіознаго реформатора Иеронима Савонаролу, онъ знакомъ въ своихъ сочиненіяхъ съ ихъ дѣятельностью. Со словъ Іоанна Ласкариса, Максимъ передаетъ о важномъ значеніи въ то время Париза въ образовательномъ отношеніи, куда стекались молодые люди со всѣхъ концовъ Европы. Будучи свидѣтелемъ реформы Иеронима Савонаролы, Максимъ представляетъ его борьбу съ нравственнымъ состояніемъ Флоренціи и ея результаты. Кроме того, въ сочиненіяхъ Максима Грека; мы встрѣчаемъ ссылки на Гомера, Гезіода, Пиндара, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура (второго онъ особенно не долюбляетъ), Діогора, Фукидида, Плутарха, Менандра ²⁾.

Таковы образцы, хотя въ отрывочномъ видѣ, русскіе были знакомы въ то время съ именами главныхъ представителей древней науки и нѣкоторые изъ мнѣній; но отсюда еще далеко до знакомства съ ихъ системами и ученіемъ. Притомъ постоянное сопоставленіе мнѣній древнихъ писателей съ опроверженіями церковныхъ писателей, придавало этимъ мнѣніямъ особенный колоритъ и нерѣдко имъ сообщало даже другой смыслъ, а потому къ нимъ относились довольно скептически ³⁾. Незнакомство же съ подлиннымъ текстомъ и недостатокъ

¹⁾ Прав. еоб. 1860, I, 227—235.

²⁾ См. наше изслѣд. «Максимъ Грекъ», I, 79—82. Въ сочинен. Максима Грека встрѣчаются рассказы о Мемфисѣ, мавзолеѣ, волюсѣ родосскомъ, египетскихъ пирамидахъ, о сивиллахъ, о Троѣ и т. п.

³⁾ Бояринъ Михайль Тучковъ, въ біографіи Михаила Клопскаго, говоритъ: «Слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о паденіи Трои.

критики были причиною, что нередко древнимъ авторамъ приписывали такія изреченія, которыхъ вовсе у нихъ не находится 1).

Переходную ступень отъ нравственныхъ сочиненій къ историческимъ занимають произведенія повѣствовательнаго характера. Они распространялись въ Россію тѣмъ же путемъ: или непосредственно изъ Византіи или посредствомъ южныхъ славянъ. Мы каснемся ихъ только мимоходомъ, настолько это необходимо для общей характеристики разсматриваемаго нами въ этой главѣ отношенія Византіи къ Россіи. Прежде другихъ обращаетъ здѣсь на себя вниманіе — «Александрия», приписываемая псевдо-Каллисмену и заключающая въ себѣ описаніе подвиговъ Александра Македонскаго. Этотъ герой многихъ вѣковъ въ окончательномъ видѣ романическаго повѣствованія сдѣлался странствователемъ по всемъ чудеснымъ странамъ, какія были извѣстны на Востокѣ отъ времени Гомера до среднихъ вѣковъ. Настоящее повѣствованіе представляетъ въ себѣ романическую этнографію и романическое описаніе природы: здѣсь можно встрѣтить людей съ собачьими головами, людей съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ротомъ на груди, одноногихъ, циклоповъ, великановъ и пигмеевъ; и столь же уродливыхъ животныхъ; путь представляется устланымъ драгоценными камнями; герой совершаетъ воздушное путешествіе на грифахъ, разговариваетъ

Въ этой книгѣ сплетены многія похвалы единамъ, отъ Омира и Овидія. Только одной воинственной храбрости обязаны они такою похвалою, что память о нихъ не изгладилась въ теченіи многихъ лѣтъ. Но хотя Периклессъ и храбръ, однако въ глубину нечестія былъ погруженъ и тварь почиталъ болѣе ивора. Ахиллесъ и сыновья троянскаго царя также были едина, и расхвалены единами, удостоились таковой побѣдной славы. Тѣмъ болѣе мы должны почитать и восхвалять святыхъ и великихъ чудотворцевъ, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую приобрѣли благодать отъ Бога, что не только люди, но и самыя ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. И мы ли не будемъ повѣствовать о нихъ чудесахъ? Буслаевъ, II, 241.

1) Такъ, въ Ипатьевской лѣтописи (стр. 173), по поводу коварства Изяслава, лѣтописецъ восклицаетъ: «о лествъ зла есть, якоже Омуръ пишетъ, до обличенія слада есть; обличена же зла есть; кто въ ней ходитъ кониць золь приметъ». Этого нѣтъ ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ. Приписываніе этихъ словъ Гомеру понятно; если имѣть въ виду, что знакомство съ древними писателями доставалось въ Россію изъ вторыхъ, а нередко и десятыхъ рукъ. Ср. Пыпинъ, Очер. литер. исторія повѣстей и сказ. русск., 50, 51.

съ птицами и деревьями и посвщает морское царство. Достигнув солнечнаго города (Геллополя), онъ встрѣчаетъ нечистыхъ народовъ, которыхъ заключаетъ въ сѣверныхъ горахъ. Разсказъ объ этомъ подвигѣ Александра повторяется потомъ у Меводія Цатарскаго и черезъ него переходитъ въ разные сборники и лѣтописи. Разказы псевдо-Каллисена объ Александрѣ пашли себѣ мѣсто въ византійскихъ хроникахъ Мчаллы и Амартола, которыя также были извѣстны въ Россіи. Съ подвигами Александра русскіе познакомились очень рано (Даніилъ Заточникъ, XII в.), а въ одной изъ русскихъ лѣтописей помѣщена даже самая повѣсть—Александрія ¹⁾. Въ русской редакціи, какъ и византійской, замѣтно измѣненіе настоящаго характера Александра: дѣятельность его передѣлана на христіанскій ладъ; онъ дѣйствуетъ по высшему предопредѣленію; сознаетъ суетность своей власти; его жертвоприношенія и пребываніе въ Иерусалимѣ носятъ на себѣ явные христіанскія черты, а его бесѣды съ браминами проникнуты даже аскетизмомъ ²⁾.

Изъ хроники Мчаллы досталось въ Россію отдѣльное сказаніе о троянской войнѣ, которое онъ приписываетъ Диктееу. Переводъ этого отрывка относится къ X в. и составляетъ такимъ образомъ древнѣйшій источникъ, изъ котораго русскіе познакомились съ преданіями о Трое. Въ немъ подробно излагаются причины троянской войны, ходъ ея, участіе въ ней боговъ, судьба ея героевъ, съ мелочнымъ описаніемъ ихъ наружности, и возвращеніе ихъ изъ подъ Троя; причемъ передаются разсказы объ Оронтѣ, Эгестѣ и Клитемнестрѣ. Въ заключеніе авторъ говоритъ о Гомерѣ и Виргиліѣ, описавшихъ троянскую войну и упоминаетъ о нѣкоторыхъ трагикахъ, воспользовавшихся троянскими сказаніями для своихъ произведеній ³⁾. Этотъ источникъ служилъ главнымъ матеріаломъ для афанасіевъ въ объясненіи греческой мифологіи ⁴⁾.

Попытка представить библейскія сказанія въ формѣ историческаго изложенія выразилась въ такъ-называемой Палей (*Παλαιά* ветхая, т. е. из

¹⁾ Именно въ синодальной Псевдавской лѣтописи. Карамзинъ, V, пр. 427.

²⁾ Пыпинъ, Очеркъ литер. исторіи повѣстей русскихъ, 29—49.

³⁾ Калайдовичъ, Іоаннъ экз. болг. 178—186. Прилож. X.

⁴⁾ Въ древнюю эпоху были извѣстны еще восточныя сказанія: о Синагрипѣ (изъ 1001 ночи), о Варлаамѣ и Иосафѣ, общераспространенное въ средніе вѣка и на Западѣ, о Индіи богатой или разсказъ о царствѣ священника Іоанна. См. подроб. у Пыпина, въ Истор. рус. повѣстей, 83, 84, 89, 99, 100, 124.

лагающая ветхий заветъ); но библейскія сказанія перемѣшаны въ не съ сказаніями, заимствованными изъ апокрифическихъ книгъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ она оканчивается смертью Саула; въ другихъ представляетъ полную исторію ветхаго завета; за тѣмъ перечисляются цари вавилонскіе, персидскіе, египетскіе и римскіе до Тиберія; наконецъ греческіе императоры до паденія Византійской имперіи; такъ что здѣсь Палея уже сливается съ хронографомъ ¹⁾. Изъ Палеи заимствована древнѣйшій лѣтописецемъ библейская часть его исторіи, отличающаяся подробностями, какихъ нѣтъ въ самой библии ²⁾. Иосифъ Волоколамскій изъ Палеи заимствовалъ для своего Просвѣтителя эпические рассказы о библейскихъ временахъ. Вообще, при рѣдкости полного состава библии и благодаря подробностямъ о библейскихъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ умалчивается священное писаніе, Палея должна была пользоваться значительнымъ авторитетомъ, и потому, не смотря на нѣкоторыя апокрифическія сказанія, вошедшія въ составъ ея, въ индексахъ она помѣщалась въ числѣ дозволенныхъ книгъ, даже на ряду съ ветхозаветными ³⁾. Больше подробнымъ матеріаломъ для ознакомленія съ исторіею іудеевъ служило счищеніе Иосифа Флавія (Иудейскія древности), которымъ также пользовался Иосифъ Волоколамскій въ своей борьбѣ съ ересью жидовствующихъ (вонецъ только какъ источникомъ).

Изученіе исторіи восточныхъ народовъ, Греціи, Рима и Византіи, удовлетворялось посредствомъ византійскихъ лѣтописей и хронографовъ. Уже въ X в. появился на славянскомъ языкѣ переводъ хроникъ Іоанна Малалы и Георгія Амартола, сдѣланный болгарскимъ монахомъ Григоріемъ ⁴⁾.

Іоаннъ Малала (Malela, Maleles), родомъ изъ Антиохіи, жилъ въ IX в. и написалъ хронику отъ Адама до 566 г., часть которой сохранилась въ подлинникѣ. Славянскій переводъ важенъ потому, что въ немъ находится начало хронографа, утраченное въ греческомъ текстѣ. Основаніемъ для Малалы служили повѣствованія Моисея, Африкана, Евсевія, Павзанія, Дидима, Теофила, Климента, Діодора, Доминика, Евстація и многихъ другихъ историковъ и хронографовъ, извлеченія

¹⁾ Опис. Румянц. музея, № 297.

²⁾ Сухомлиновъ, О древн. рус. глѣт. 54—64.

³⁾ Калайдовичъ, Іоаннъ, экз. болгар. 208.

⁴⁾ Палаузовъ, Въвѣ болгар. ц. Симеона, 112—116.

изъ которыхъ тѣмъ важнѣе, что нѣкоторые изъ нихъ утратились или дошли до насъ не въ полномъ видѣ. Изложеніе хроногра[фа Малала идетъ въ такомъ порядкѣ: 1) библейскія сказанія о первоначальной исторіи человѣческаго рода (сотвореніе Адама, о раѣ, изгнаніе Адама и Евы, о Каинѣ и Авелѣ, о Сноѣ, о Гигантахъ, о потопѣ, Ноѣ и его потомкахъ, о столпотвореніи вавилонскомъ; о Нимвродѣ и построеніи Вавилона; о Фулѣ, съ внесеніемъ сказанія объ отвѣтѣ, данномъ ему египетскимъ богомъ (солнцемъ), что міромъ управляетъ Троица — Богъ, Слово и Духъ, — которое, судя по христіанскому элементу, заимствовано изъ церковнаго источника). 2) Исторія Египта, какъ удѣла Хама. Она начинается съ Сезостриса, въ царствованіе котораго жилъ мудрый Гермесь, учившій о троичности божества. О Финикии и Гераклѣ тирскомъ, открывшемъ употребленіе пурпуровой краски; о Кадмѣ; объ Эдипѣ и Локастѣ. Этимъ оканчивается 2-я книга греческаго текста. 3) За тѣмъ въ славянскомъ переводѣ непосредственно слѣдуетъ 4-я книга (3-я опущена), которая начинается Кевропсомъ и учрежденіемъ брака въ Аоніахъ. Рассказывая объ Орееѣ, Малала цитируетъ нѣкоторые изъ его стиховъ (о невѣдѣніи человѣка) и тутъ же замѣчаетъ (ссылаясь на хронографъ Тимоея), что онъ, за много вѣковъ до рождества Христова, высказалъ мысль о единосущной Троицѣ. Далѣе излагается Аргонатовъ походъ, сказаніе о Федрѣ и Ипполитѣ; троянская война (съ замѣчаніемъ, что нѣкоторые эпизоды ея были воспѣты драматическими писателями, особенно Эврипидомъ) 4). Идетъ изложеніе начальной персидской и македонской исторіи, послѣ которой перечисляются нѣкоторые изъ греческихъ философовъ и писателей (Софокль, Гераклидъ, Эврипидъ, Геродотъ, Сократъ и «великій» Пифагоръ). 5) За тѣмъ Малала переходитъ къ римской исторіи, которую начинаетъ съ Энея, и тутъ же слѣдуетъ обличительная статья (изъ книги Кирилла александрійскаго на Юліана Отступника) противъ греческихъ философовъ и писателей (Аристотеля, Ксенофонта, Эскина), прельстившихъ людей своими баснями о бѣгахъ, и похвала Платону, выразившему мысль о троичности божества. 6) Отсюда Малала снова возвращается въ Македонію и излагаетъ дѣянія Александра Македонскаго, причемъ слѣдуетъ большая вставка, заключающая въ себѣ «Александрію». Рассказъ объ Александрѣ оканчивается раздѣленіемъ его царства на отдѣльныя части, послѣ котораго идетъ изложеніе событій въ правленіе Птолемея и Антиоха; іудейская война; борьба римлянъ съ Пирромъ; о Тиграпѣ, царѣ армян-

скомъ и походѣ Помпея великаго (магна) на Арменію, Близію, Сирию до завѣщанія Антіохомъ своихъ владѣній Риму. При этомъ Малала упоминаетъ о Цицеронѣ и Саллюстіѣ, какъ римскихъ мудрецахъ. 7) Дальнѣйшее изложеніе римской исторіи составляетъ разсказъ о первомъ и второмъ триумvirатѣ (при чемъ о Юліѣ Цезарѣ замѣчено, что онъ родился не естественнымъ образомъ, а былъ вынутъ уже по смерти матери, отчего и названъ кесаремъ, т. е. вывороткомъ), о юліанскомъ календарѣ; о борьбѣ Августа съ Клеопатрою, о благовѣщеніи Богородицы и рождествѣ І. Христа (при чемъ замѣчено, что на вопросы Августа Пифія уже не дала надлежащихъ отвѣтовъ, отказавшись тѣмъ, что одинъ отрокъ изъ іудеевъ, т. е. І. Христосъ, повелѣлъ ей отправиться въ адъ), о смерти Августа (о которомъ замѣчено, что онъ умеръ дѣвственникомъ, какъ царь и жрецъ), о Тибериѣ и распятіи Іисуса, о сошествіи св. Духа; о судьбѣ христіанской церкви до импер. Вителія, на чемъ прекращается славянскій текстъ (10-я книга подлинника), но по отрывкамъ въ Ипатьевской лѣтописи видно, что существовалъ переводъ и остальныхъ книгъ ¹⁾. Въ славянской рукописи хроники Малалы заключается списокъ византійскихъ императоровъ отъ Константина В. до совмѣстнаго правленія Александра, Льва и Константина, съ обозначеніемъ времени ихъ царствованія. По мѣстамъ встрѣчаются вставки отъ переводчика: такъ сюда внесена повѣсть объ Александрѣ (Александрія) и особенно много выдержекъ изъ Іудейскихъ древностей Іосифа Флавія. Хроника Малалы также служила однимъ изъ пособій для русскихъ лѣтописцевъ: изъ нея древній лѣтописецъ заимствовалъ разсказъ о столпотвореніи вавилонскомъ; а Ипатьевскій лѣтописецъ о языческой мифологіи, въ которой впрочемъ греческія названія боговъ, согласно съ славянскимъ переводомъ, передаются по славянски (Сварогъ, Дажьдъ-богъ) ²⁾.

Гораздо большее значеніе въ развитіи историческихъ понятій въ Россіи имѣлъ монахъ Георгій Амартолъ, т. е. грѣшникъ, какъ онъ себя называетъ, писавшій въ половинѣ IX вѣка.

Хроника его, начинаясь, по обыкновенію византійцевъ, отъ сотворенія міра, заключаетъ въ себѣ исторію библейскую, вавилонскую,

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. II, 170; ср. Lib. XVII, pag. 418, ed. Вон.

²⁾ См. Подробно у Оболенскаго, въ предисл. къ лѣтоп. Переясл. суздальскаго, Временникъ, N IX.

римскую и византийскую, до 842 года. В первой части Георгій говоритъ объ Адамѣ, Свѣѣ, Кроноѣ, Семирамидѣ, до Александра Македонскаго, о подвигахъ котораго онъ распространяется болѣе всего, въ особенностяхъ о походѣ его на Іудею и отношеніяхъ къ еврейскому народу. Здѣсь даже одежда первосвященника, встрѣчнаго Александра, описывается съ мелкими подробностями. Второй отдѣлъ хроникъ занимается библейскою исторіею, которая однако значительно отстаетъ отъ текста библіи, представляя дополненія изъ Юсіфа Флавія и апокрифовъ. При случаѣ авторъ сообщаетъ свидѣнія о языческихъ богахъ и герояхъ, о времени жизни и дѣятельности замѣчательныхъ лицъ языческаго міра. Такъ, у него говорится о Прометѣѣ, Поссидонѣ, Аполлонѣ, Аоніѣ, Артемидѣ, Орѣѣ, о Гомерѣ, какъ творцѣ героическаго эпоса, и Гезіодѣ; о Зенонѣ—авторѣ діалектики и Кораксѣ—составителѣ реторики; о Ликургѣ и Солонѣ, какъ законодателяхъ; о философахъ—Анаксагорѣ, Платонѣ и Аристотелѣ. О Платонѣ Амартоль отзывался съ болѣею похвалою. По его словамъ ученіе Платона отличается возвышенностью и чистотою, такъ какъ онъ училъ, что душа бессмертна, будучи образомъ божіимъ; что она должна владѣть надъ страстями. Иной взглядъ высказалъ Амартоль на Аристотеля, который, по его словамъ, отступилъ отъ своего учителя, Платона; за что Амартоль обзываетъ его блудникомъ и приписываетъ ему вредное вліяніе на народную нравственность. Въ связи съ исторіею евреевъ у Амартола идетъ краткое обзорѣніе исторіи Египта, Вавилона и Персіи. Римская исторія начинается у него Юліемъ Цезаремъ и оканчивается Константиномъ В. Лѣтописецъ мало говоритъ объ Августѣ, Неронѣ и Клавдіѣ; но подробно распространяется о дѣятельности апостоловъ и ихъ копчинѣ, и посвящаетъ особую статью происхожденію монашества. Обращеніе Константина В. въ христіанство представляется только чудеснымъ актомъ. Описаніе же событій, непосредственно слѣдовавшихъ за Константиномъ, носятъ церковный характеръ. Отъ сихъ поръ трудъ Амартола обращается въ церковную хроникъ, въ которой на первомъ планѣ являюся вселенскіе соборы и ихъ борьба съ ересями.

Основная мысль автора проходитъ чрезъ весь трудъ. Въ предисловіи онъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашества, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборцевъ и другими ей подобными. Обличая еретиковъ,

онъ не видѣть ихъ въ своихъ выраженіяхъ. Съ другой стороны, Амартоль хотѣлъ выставить заслуги монашества и защитить его отъ со-временныхъ нападений. Поэтому онъ подробно говоритъ о чудесахъ совершенныхъ святыми отшельниками; о значеніи монашеской жизни, и даже когда касается исторіи Индіи, то преимущественно обращаетъ вниманіе на ея благонравіе (женщины живутъ по одну сторону рѣки, а мужчины по другую) и аскетическую жизнь брамминовъ, почему, замѣчаетъ онъ, страна пользуется совершеннымъ счастьемъ. Заявивъ свои симпатіи къ Индіи, Георгій Амартоль врандечно относится къ жителямъ, за ихъ противоположныя качества. Самый предѣлъ его исторіи—(до Михаила III.) избранъ, такъ эпоха *возстановленія монашескаго сословія и иконопочитанія*. Этотъ способъ возобновленія православія—былъ не только концомъ, но и цѣлью написанія исторіи. Георгіемъ вѣдѣемъ¹⁾. Поучительный элементъ преобладаетъ во всей его хроникѣ. Излагая предшествующія событія, летописецъ постоянно обращается къ настоящимъ и даетъ своимъ современникамъ уроки морали, строго придерживаясь священнаго писанія. Наконецъ, значительная часть хроникъ Георгія Амартола наполнена разсказами о потрясающихъ явленіяхъ природы и физическихъ бѣдствіяхъ (землетрясенія, морь, воздушныя явленія); обыкновенно постигающихъ міръ за грѣхи людей. При этомъ фантазія летописца теряетъ иногда всюю границу и доходитъ до явнаго парадокса (разсказъ о рожденіи ребенка съ рыбьимъ хвостомъ, при импер. Мавриціѣ, о предсказаніяхъ чарошницъ, о чудесной соборѣ; о мекѣ, вышедшей изъ земли, которой человѣческимъ голосомъ предсказалъ нашествіе на Палестину аравитинъ²⁾).

Хроника Амартола имѣла большое вліяніе, какъ на византійскую, такъ и на русскую историографію. Константины Нордирородный и Глики дѣлали изъ него обширныя извлеченія; Кедринъ (писавшій до 1057 г.) представляетъ по большей части сокращенія изъ Георгія и его продолжателей; Левъ Грамматикъ (до 948 г.), Юлій Полидевкъ и Фе-

¹⁾ Гл. ССХLII, ССХLVIII, ССЛXII, по изд. Муральта.

²⁾ Сухомяновъ, О древн. рус. лѣт. 85—106; Строевъ, о византійск. источникѣ Нестора, Труды общ. исторіи и древн. ч. IV, кн. I, 167—168. О хроникѣ Амартола, Учен. запис. Казан. универс. 1843, II, III; Michal, Essai de Chronographie Byzantine; préface, XIX—XXIII. Хронографъ Г. Амарт. изд. Муральтомъ въ Учен. зап. Ак. наукъ, II отд. кн. VI.

одосій Мелитинскій просто выписывали изъ Георгія; у нихъ нѣтъ ничего особеннаго, сравнительно съ послѣднимъ, только все излагается въ болѣе краткомъ видѣ ¹⁾. При сличеніи древней русской лѣтописи съ хронографомъ Амартола оказывается, что послѣдній служилъ руководителемъ для русскаго лѣтописца ²⁾. Кромѣ церковныхъ событій, изъ него перешю въ русскую лѣтопись описаніе быта ассирійцевъ и вавилонянъ; рассказъ объ амазонкахъ и языческихъ обычаяхъ елиновъ; объ Аполлоніѣ Тіавскомъ; о явленіи звѣзды въ видѣ копья; о чудесныхъ знаменіяхъ; о дитяти, родившемся съ рыбьимъ хвостомъ, о шестивогомъ псѣ и т. п. ³⁾. Сравненіе Александра Македонскаго съ леопардомъ, сдѣланное Георгіемъ Амартоломъ, соответствуетъ въ русской лѣтописи сравненію съ леопардомъ Святослава ⁴⁾; отзывъ русскаго лѣтописца о смерти Святополка («злѣ испроверже животь свой») соответствуетъ ⁵⁾ подобнымъ же выраженіямъ Амартола о Домиціанѣ и Юліанѣ Отступникѣ. Но сличеніе лѣтописныхъ выраженій съ славянскими переводомъ и греческимъ текстомъ показываетъ, что основаніемъ для русскаго лѣтописца служилъ славянской переводъ ⁶⁾. Духъ и направленіе хронографа Георгія Амартола были причиною, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ древней Россіи, образованность которой была по преимуществу монастырская. Хроника Амартола въ древнихъ монастырскихъ бібліотекахъ встрѣчается весьма часто, притомъ чаще другихъ историческихъ сочиненій и иногда во многихъ экземплярахъ (въ Бѣлозерскомъ монастырѣ въ 5 экз.) ⁷⁾ Амартоль служилъ историческимъ матеріаломъ для Іосифа Волоколамскаго при составленіи его Просвѣтителя. Отсюда Іосифъ заимствовалъ объясненіе сна Навуходоносора о царствахъ, седмицъ прор. Даниила и перечисленіе царей отъ ассирійскаго ц. Оглагоелассара до Августа римскаго ⁸⁾. Но въ выборѣ источника Іосифомъ руководила не одна исто-

¹⁾ Мурачьтъ, въ предисл. къ Хронографу Георгія Амартола

²⁾ Сухомлиновъ, 85—106.

³⁾ Полн. собр. русс. лѣт. I, 6—8, 39, 71.

⁴⁾ Ibid. 27.

⁵⁾ Ibid. 63.

⁶⁾ Сухомлиновъ, 103.

⁷⁾ Опись книгъ степен. монаст., Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № VI. Въ Россіи Хронографъ Амартола былъ извѣстенъ подъ именемъ Крипицы.

⁸⁾ Разборъ Просвѣтителя, въ Прав. соб. 1859, III; О научн. свѣд. въ древ. Рос. Прав. соб. 1860, I.

рическая сторона: у Амартола помещена апологія монашества; направленная противъ современныхъ скептиковъ, которая очень нравилась русскимъ книжникамъ и потому нерѣдко встрѣчается въ видѣ отдѣльной статьи ¹⁾. Она послужила Іосифу важнымъ пособіемъ при составленіи 11 слова Просвѣтителя, также посвященнаго защитѣ монашества. Въ этомъ случаѣ побужденія Іосифа, защищавшаго монашество отъ жидовствующихъ, вполне совпали съ симпатіями Амартола, боравшагося съ столь же горячими противниками монастырей въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за иконоборческую.

Отъ половины XV в. сохранился списокъ славянскаго перевода Паралипоменона Зонары; но переводъ его относится къ болѣе древнему періоду. Онъ былъ отысканъ Стефаномъ, деспотомъ сербскимъ, и переписанъ, по его приказанію, въ Хиландарской лаврѣ, монахомъ Григоріемъ, въ 1208 году, слѣдовательно существовалъ еще до того времени. Іоаннъ Зонара былъ начальникомъ императорской стражи и первымъ секретаремъ, а потомъ монахомъ на Афонѣ. Его лѣтопись (*Χρόνικον*, изд. Verel. 1729 и Воннае, 1841—44) была написана по просьбѣ его близкихъ друзей, желавшихъ имѣть обстоятельное изложеніе событий, чуждое витіеватости и многословія тогдашнихъ историковъ. Она заключаетъ въ себѣ событія отъ сотворенія міра до смерти императора Алексія I (1118 г.). Въ исторіи древнихъ временъ Зонара пользовался повѣствованіями Ксенофонта, Евтропія, Діона Кассія и др.; о современныхъ событіяхъ онъ говоритъ какъ свидѣтель, что придаетъ большее значеніе его повѣствованію. Но, въ изложеніи событий по другимъ источникамъ, Зонара сумѣлъ связать ихъ въ одно цѣлое и придать имъ строгое единство, чѣмъ онъ выдается съ средѣ византійскихъ историковъ ²⁾. Къ сожалѣнію переписчикъ значительно измѣнилъ подлинный переводъ, сдѣлавъ сокращенія и дополненія, руководствуясь въ этомъ случаѣ лѣтописью монаха Георгія. Взглядъ же переписчика выразился въ его предисловіи. Сравнивая Стефана сербскаго съ Птоломеемъ, онъ говоритъ, что въ ихъ отношеніи къ наукѣ есть большая

¹⁾ О Клавдіи царѣ и постническомъ боголюбивомъ жителствѣ. Сухомлиновъ, 96. *Χρόνικον*, гл. OXVIII, *Περὶ ἀσκητικῆς ζωῆς*, 242—248.

²⁾ Schöll, III, 247—248. Паралипоменъ Зонары, въ Чтен. Моск. общ. истор. 1847, N I, предисл. и введеніе, 1—10.

разнице: первый главным образом заботился, чтобы посредством книг доставить пользу душѣ, привести ее къ боговѣданію и улучшить нравы людей, а второй написал много книгъ для славы и удивленія передъ людьми; намъ же слѣдуетъ, заимствуя переписчикъ, просвѣщаться не отъ книгъ и писаній, а благодатию св. Духа ¹⁾).

Переводъ Паралипомена Зонары былъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ представлялъ систематическое изложене исторіи до времени его автора. Въ переводѣ въ началѣ идетъ подробная статья о персидскомъ царствѣ, куда входятъ: первоначальная исторія Мидіи и Персіи, воспитаніе у персовъ, исторія Кира и Персіи до столѣтвенія ея съ Александріемъ Македонскимъ. На описаніе персидскаго воспитанія и исторіи Кира замѣтно больше вліяніе Кирендіи Ксенофона ²⁾. Вторая статья посвящена столь же подробному изложенію событій изъ исторіи Александра Македонскаго, чуждыхъ сказочныхъ преувеличеній преемниковъ Александра и представляющихъ извлеченіе изъ историковъ того времени, изложенное въ опредѣленномъ порядкѣ до смерти Александра Македонскаго (воспитаніе Александра подъ руководствомъ Аристотеля, отношенія его къ Греціи и особенно къ Аѳинамъ, походъ въ Азію, борьба съ Даріемъ, походъ въ Египетъ, повлоченіе храму Амона, и основаніе Александріи, окончательное покореніе Персіи, походы въ Индію и ея покореніе). По мѣстамъ вставлены эпизоды, характеризующіе личность Александра (о Буцефалѣ и Диогенѣ, о доверіи Александра къ врачу Филиппу, отношенія къ семейству Дарія, покровительство иноземнымъ обычаямъ и религіямъ, дружбу съ Клитомъ). По смерти Александра Зонара рассказываетъ вкратцѣ исторію раздѣленія его монархіи; останавливается на правленіи Птоломеевъ, при которыхъ былъ совершонъ переводъ Библии на греческій языкъ и основана знаменитая бібліотека въ Александріи (Зонара повѣствуетъ, что тогда въ ней было болѣе 200,000 книгъ). Эта статья въ переводѣ оканчивается исторією Іудей до столѣтвенія ея съ Римомъ. Въ третьемъ отдѣлѣ идетъ исторія Рима отъ Энея до раздѣленія на Восточную и Западную имперіи, а потомъ спеціально излагается исторія Византіи до Льва Армянина (основаніе Рима, періодъ царей, основаніе вале-

¹⁾ Предис. переписчика въ Паралип. Зонары.

²⁾ Ср. Паралип. Зонары стат. о Кирѣ персидскомъ и Кирендіи, вн. I—III.

даря Нумою Помпиіемъ, заведеніе Сивиллинныхъ книгъ при Тарквиніѣ старшемъ, уничтоженіе царской власти, принесеніе законовъ изъ Греціи, самое краткое описаніе послѣдующаго періода до христіанской эпохи). Появленіе христіанства отвлекаетъ разсказъ, представленный переписчикомъ Григоріемъ, на событія по преимуществу церковныя; здѣсь его занимають: подробное перечисленіе епископовъ въ разныхъ областяхъ; страданія мучениковъ въ слѣдствіе гоненій императоровъ; чудесныя знаменія христіанской эпохи; полемика съ противниками господствующаго ученія (противъ Оригена за его мысль о неравенствѣ лицъ св. Троицы и мнѣніе противъ вѣчности мукъ, какъ несогласныхъ съ милосердіемъ божіимъ; противъ императора Валентиніана, арианина; противъ Несторія, Евтихія, иконоборцевъ и т. п.). Послѣдній отдѣлъ посвященъ времени отъ Льва Армянина; но сосредоточивается главнымъ образомъ на вопросѣ объ иконоборствѣ¹⁾. Такимъ образомъ передѣлка Григоріемъ монаха сильно отразилась на одномъ изъ лучшихъ византійскихъ историковъ, бывшемъ въ употребленіи въ древней Россіи. Впрочемъ, судя по количеству списковъ, Зонара далеко не имѣлъ такого обширнаго вліянія, какъ Георгій Амартолъ. Изъ Паралипомена Зонари въ Степенную книгу и Никоновскую лѣтопись перешло замѣчаніе о Русахъ евксинопонтскихъ, называемыхъ Куманами, которые нападали на Константинополь подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, и о которыхъ такъ долго сомнѣвались изслѣдователи русской исторіи, начиная съ Шлецера²⁾.

Въ древній періодъ въ Россіи были извѣстны еще двѣ цѣльныя лѣтописи: Манассіи и Нивифора, патріарха константинопольскаго. Первая изъ нихъ въ подлинникѣ представляетъ описаніе событій отъ сотворенія міра до 1081 г. (авторъ жилъ въ XII в.) въ такъ - называемыхъ политическихъ стихахъ; отчего весь разсказъ вышелъ крайне напыщенъ и витіеватъ. Придерживаясь библейскихъ сказаній, авторъ излагаетъ по нимъ первоначальную исторію человѣческаго рода и древнихъ патріарховъ; исторію египтянъ, вавилонянъ, ассирянъ и персовъ до Александра Македонскаго (pag. 1—15). Далѣе слѣдуетъ небольшая вставка

¹⁾ Свѣдѣній о западной исторіи у Зонары весьма мало. Между прочимъ разсказывается объ отношеніяхъ Карла V, къ римскому престолу и коронованіи его въ Римѣ. 97.

²⁾ См. предисл. Бодянскаго къ Паралипомену Зонары, стр. IV.

объ образованіи еврейскаго царства (16—19) и за тѣмъ разсказъ переходитъ къ троянской войнѣ и ея послѣдствіямъ до переселенія Энея въ Италію, на чемъ авторъ останавливается очень подробно, какъ на событіяхъ, удовлетворявшихъ его поэтическому настроенію (20—26). Переселеніе Энея даетъ ему поводъ перейти къ римской исторіи. Периодъ царей и республики Манассія излагаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ до Августа (27—31); гораздо долѣе онъ останавливается на периодѣ императоровъ (31—40, до Константина В.). Остальная часть составляетъ исторію Византіи и оканчивается царствованіемъ Никифора Ботаниата (31—113)¹⁾. Но и здѣсь разсказъ Манассіи до того кратокъ, что не идетъ далѣе перечисленія царствованій и изложенія самыхъ общихъ событій, при томъ по преимуществу относящихся къ исторіи восточной церкви.

Славянскій переводъ лѣтописи Манассіи имѣетъ важное отличіе отъ подлинника, потому что болгарскій переводчикъ ея внесъ по мѣстамъ событія, относящіяся къ исторіи болгаръ. При царствованіи Анастасія онъ упоминаетъ о появленіи болгаръ въ предѣлахъ Восточной имперіи; въ царствованіе Константина Погоната—о занятіи ими Мизіи; въ царствованіе Льва Исаврянина—объ участіи ихъ въ истребленіи сарацинъ, сдѣлавшихъ нападеніе на Константинополь; при Никифорѣ (IX в.)—о страшномъ пораженіи грековъ, нанесенномъ болгарами подъ предводительствомъ Крума; въ правленіе Михаила Рангавейя и Льва Армянина—о новомъ пораженіи ихъ. За тѣмъ идетъ нѣсколько замѣтокъ о введеніи христіанства у болгаръ при Михаилѣ, сынѣ Теофила; объ отношеніяхъ болгарскаго ц. Симеона къ Византіи; наконецъ о подчиненіи Болгаріи греческимъ императорамъ при Василіѣ Пафлагонянинѣ²⁾.

Однако, не смотря на краткость византійскихъ событій, изложенныхъ въ лѣтописи Манассіи, она служила для русскихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ однимъ изъ матеріаловъ: такъ, въ Никоновской лѣтописи нѣкоторыя мѣста, касающіяся византійской исторіи, дѣлякомъ заимствованы изъ лѣтописи Манассіи³⁾.

¹⁾ Constantini Manassis, Breviarium historicum, Venetis, 1729; Вон. 1837.

²⁾ О переводѣ лѣтоп. Манассіи, Черткова, Руск. историч. сборн. Погодина, XI, 29—160.

³⁾ Русская лѣт. по Никонов. списку, I, 18—23. Параллельныя мѣста приведены у Черткова, *ibid.* 28—35.

Другой трудъ, принадлежащій константинопольскому патр. Никифору (нач. IX в.), относится въ области хронологіи (*Breviarium chronographicum*) и объѣмаетъ время отъ Адама до императора Михаила (нач. IX в.). Въ немъ перечисляются іудейскіе патриархи, судьи, первосвященники и цари; персидскіе и египетскіе цари; римскіе императоры; епископы и патриархи римскіе, александрійскіе, константинопольскіе, іерусалимскіе и антиохійскіе. Этотъ лѣтописецъ былъ переведенъ на славянскій языкъ и встрѣчается въ древнихъ библіотекахъ во многихъ спискахъ. Древнѣйшій изъ нихъ помѣщенъ въ синодальной Кормчей 1282 г. съ прибавленіемъ русскихъ событій, который Шлецеръ напечаталъ при Никоновской лѣтописи¹⁾. Вообще хронографъ Георгія Амартола и *Breviarium* пат. Никифора служили хронологическими источниками для русскихъ лѣтописцевъ²⁾.

Стремленіе познакомить читателей съ общенсторическими событіями въ болѣе широкихъ размѣрахъ выразилось въ составныхъ хронографахъ, представляющихъ изложеніе событій по нѣсколькимъ источникамъ. Въ этомъ случаѣ можно отличить двоякій составъ хронографовъ: одни изъ нихъ составлены по источникамъ византійскимъ; другіе по западнымъ, перешедшимъ въ Россію черезъ Польшу въ XVII в. Первые изъ нихъ встрѣчаются уже въ XV в., а въ XVII—общее количество хронографовъ достигаетъ значительной цифры: Строевъ насчитываетъ ихъ до 60 списковъ³⁾.

Первое мѣсто между ними занимаетъ «Еллинскій и Римскій лѣтописецъ». Этотъ хронографъ открывается статьею Епифанія кирскаго о шести дняхъ творенія, и за тѣмъ переходитъ къ изложенію событій по матеріаламъ историческимъ. Событія отъ Адама до смерти Ноя изложены по лѣт. Иоанна Малалы и Георгія Амартола. О столпотвореніи вавилонскомъ, о Кроноѣ, какъ сынѣ Ноя, и о борьбѣ Кроноса съ Зевсомъ; правленіе Нина (сына Крона) и Семирамиды, о Зороастрѣ и событія до Авраама—по лѣт. Иоанна Малалы. Событія еврейской исторіи (до періода царей включительно) по библейскому тексту съ прибавленіемъ подробностей изъ Псалти. Разсказъ о вавилонскомъ и персидскомъ цар-

¹⁾ *Breviarium* помѣщ. въ VI т. *Corpus scrip. Bysant.* и другихъ изд. Schöll, III, 256—257; Русск. Достопамят. I, с. 21; Никон. лѣт. I, 6—18.

²⁾ Строевъ, о византійск. источникѣ Нестора, 172.

³⁾ Строевъ, Труды. общ. исторіи, IV, 120.

стихъ придерживается Малала, послѣ чего слѣдуетъ известная «Александрія», которая оказывается заимствованною изъ Малалы, хотя идогматическою сообразно съ вѣдомъ составителю. Но за «Александрію» все-таки помѣщенъ историческій рассказъ о походахъ Александра Македонскаго, составленный по лѣтописямъ Малалы и Амартола. Исторія Рима и Византіи излагается по тѣмъ же источникамъ. Сюда входятъ событія: римской исторіи отъ времени триумвировъ до раздѣленія имперіи на Восточную и Западную. Порядокъ изложенія идетъ по царствованіямъ. Послѣ раздѣленія имперіи составитель слѣдуетъ преимущественно за событіями Восточной имперіи. Въ царствованіе Валентиніана упоминается о нашествіи Аттилы на Восточную и Западную имперіи. Говоря о смерти послѣдняго, хронографъ ссылается на рассказъ Цриска (утраченный), согласно съ Малалою. Рассказъ Малалы прекращается на Юстиніанѣ, а потому далѣе составитель ведетъ свой рассказъ по Георгію Амартолу и оканчиваетъ его на императорѣ Романѣ (988 г.). Впрочемъ въ настоящемъ спискѣ Еллинскаго и Римскаго хронографа далеко не видно опредѣленной системы въ порядкѣ изложенія и самаго простаго распредѣленія фактовъ (рассказъ объ Александрѣ Македонскомъ прерывается вставкою изъ римской исторіи періода императоровъ; событія одного царствованія приписываются другому) ¹⁾.

Другая редакція того же хронографа отличается передѣлкою второй части его, начиная отъ «Александріи». Въ этой редакціи выпущены всѣ рассказы греческой мифологіи, помѣщенные въ первой половинѣ, и замѣнены библейскими книгами. Только небольшое число статей Еллинскаго лѣтописца, чисто историческаго содержанія, удостоилось мѣста на ряду съ свящ. писаніемъ. Этотъ хронографъ излагаетъ первоначально событія по библейскимъ книгамъ до IV книги царствъ включительно. За тѣмъ идетъ подробная исторія вавилонскаго царства отъ Навуходоносора по лѣтописямъ Малалы и Амартола; наконецъ, слѣдуя тѣмъ же источникамъ, излагается исторія Рима и Византіи, но съ внесеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей: о началѣ византійскаго царства, которое ведется отъ Александра Македонскаго; о взятіи Іерусалима Титомъ, — рассказъ, приближающійся къ изложенію Іосифа Флавія (*De bello iudaeico*); повѣсть о пострѣеніи Софійскаго собора въ Константинополѣ;

¹⁾ А. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ русской редакціи, 3—72.

обширное сказаніе объ отдѣленіи латинъ отъ греческой церкви; отрывокъ изъ лѣтописи патр. Никифора, обнимающій время отъ импер. Никифора Фоки до Алексѣя Дуки Мурцуфла; завоеваніе Константинополя латинами (1204). Наконецъ идетъ перечень императоровъ отъ Алексѣя Ангела до Мануила Палеолога. По мѣстамъ въ этомъ хронографѣ вставлены событія изъ русской лѣтописи, имѣющія отношенія къ Византіи: о нападеніи Аскольда и Дира на Константинополь и о походѣ Олега. Списокъ этого хронографа принадлежалъ Кассіану, еп. рязанскому (защищавшему на соборѣ 1551 сторонниковъ Башкина) и былъ подаренъ имъ въ 1557 г. въ бібліотеку Кирилловскаго монастыря. По своему происхожденію этотъ хронографъ принадлежитъ XV в., а вторая редакція XVI вѣку ¹⁾.

Хронографъ, такъ называемой, древней редакціи (нач. XVI в) представляетъ болѣе разнообразія по своему составу и источникамъ. Рассказы о первыхъ дняхъ творенія заимствованы изъ Елифанія и стихотворной хроники Манассія; паденіе Сатаны изъ Палаи; за тѣмъ рядъ статей изъ неизвѣстнаго источника: о четырехъ моряхъ, о теплыхъ водахъ, объ облавахъ, о 12 вѣтрахъ, о громѣ и молніи. Событія отъ Адама до Авраама изложены по лѣт. Манассія и Георгія Амартола; главы же съ 7—66, т. е. отъ Авраама до іудейскихъ царей—представляютъ сокращеніе библейскихъ книгъ, по мѣстамъ дополненныхъ рассказами изъ Палаи, Амартола и Манассія. Исторія Персіи излагается по лѣтоп. Манассія и Зонары (выписка изъ Ксенофонта о персидскомъ воспитаніи и Кирѣ); о лидійскомъ царствѣ—заимствовано изъ Манассія, снова о Кирѣ—изъ Малалы, пасхальнаго хронографа и Зонары, а остальная исторія Персіи по лѣтоп. Зонары и Амартола. Исторія царствъ, происшедшихъ изъ монархіи Александра Македонскаго,—по лѣтоп. Зонары, Малалы и Манассія. Исторія Рима отъ начала до Юлія Цезаря по лѣт. Манассія, а объ Августѣ—по хроногр. Малалы. За тѣмъ составитель переходитъ къ исторіи новаго завѣта, которую излагаетъ, руководствуясь житіемъ Богородицы Елифанія, лѣт. Манассія, Малалы, Амартола и соч. Іосифа Флавія, съ прибавленіемъ апокрифическихъ сказаній (до воскресенія І. Христа и о дѣятельности апостоловъ). Исторія Византіи излагается весьма подробно до Алексѣя Комнена, преимущественно по

¹⁾ Ibid. 72—95.

лѣт. Манассія и Амортала, съ заимствованіемъ нѣкоторыхъ подробностей изъ Зонары; но съ прекращеніемъ Манассія, какъ руководящаго источника, идетъ только перечень императоровъ (до паденія Восточной имперіи), съ показаніемъ числа лѣтъ правленія и съ отмѣткою, кто изъ нихъ православенъ, а кто еретикъ. Этотъ взглядъ остается преобладающимъ и во всемъ изложеніи византійской исторіи: составитель хронографа по преимуществу распространяется о соборахъ восточной церкви и ересьяхъ (особенно иконоборческой и латинской), о монашеской жизни и чудесахъ (здѣсь помѣщенъ рассказъ объ исцѣленіи импер. Теофила отъ образа Богородицы и прощеніи, объявленномъ Теофилу, какъ еретикъ: видѣніе импер. Теодоры, явленіе ангела патриарху, заглаженіе имени Теофила въ спискѣ еретиковъ и гласъ къ народу свыше). Дѣятельность Магомета излагается по лѣт. Амартала и Манассія и также рассматривается какъ ересь. Хронографъ древней редакціи отличается значительною полнотою, сравнительно съ другими. Въ соответствующихъ мѣстахъ его внесены событія русской, болгарской и сербской исторіи. Отсюда же византійскія, болгарскія и сербскія событія перенесли въ Никоновскую и Воскресенскую лѣтописи. Впрочемъ хронологическая часть хронографа крайне сбивчива и запутана ¹⁾. Въ слѣдствіе религіозной связи и близкихъ отношеній Византіи къ Россіи, ея исторіи обращала на себя особенное вниманіе русскихъ книжниковъ. Поэтому, одновременно съ появленіемъ въ Россіи византійскихъ лѣтописей является цѣлый цѣль сказаній, относящихся спеціально къ главнымъ эпохамъ исторіи Константинополя. Таковы сказанія: 1) Объ основаніи Цареграда; 2) Объ осадѣ Константинополя персами (при Иракліѣ и Константиѣ Брадатомъ; въ обоихъ случаяхъ успѣхъ грековъ приписывается чуду и покровительству Богородицы); 3) О взятіи Константинополя крестоносцами; 4) О взятіи Цареграда Амуратомъ, и 5) О завоеваніи Константинополя Магометомъ II ²⁾. Эти повѣсти пользовались въ Россіи на столько популярностью и значеніемъ, что заносились даже и въ русскіе хронографы, и въ лѣтописи ³⁾, такъ какъ по своему ха-

¹⁾ Ibid. 95—215. Тамъ же указаны и заимствованія русскихъ лѣтописей. Далѣе слѣдуетъ хронографъ особаго устава, 215—226.

²⁾ Срезневскій: Повѣсти объ основаніи Константинополя и о взятіи турками въ 1453 г; въ Учен. зап. Импер. Ак. наукъ, II отд. вѣста I. Всѣ пять сказаній изданы Яковлевымъ. Спб. 1868.

³⁾ О взятіи крестоносцами—въ Новгор. лѣт. (Полн. соб. рус. лѣт.

рактору онѣ стоять на исторической почвѣ; почему полагають, что нѣкоторые изъ нихъ (напр. завоеваніе Константинополя престолосцами и Магометомъ II) появились современно событіямъ и были составлены на основаніи историческихъ данныхъ.

Вотъ кругъ общесторическихъ свѣдѣній древней Россіи. Изъ разобранныхъ нами матеріаловъ видно, что они доставались посредствомъ византійскихъ источниковъ, по преимуществу удовлетворявшихъ церковной потребности. Даже тѣ источники, которые отличались болѣе широкимъ взглядомъ на ходъ событій (Зонара), передѣлывались, сообразно съ монастырскими потребностями. Кругъ историческихъ народовъ, съ которыми считали необходимымъ познакомить читателя, опредѣлялся библейскими данными (сюда входила исторія евреевъ, ассириянъ, вавилонянъ, египтянъ, грековъ и римлянъ по отношенію къ іудеямъ) и національными интересами Византіи, которые, подъ перомъ монастырскихъ историковъ, сводились на церковные вопросы. Самая оцѣнка дѣятельности историческихъ лицъ основывалась на отношеніи ихъ къ послѣднимъ. Изложеніе исторіи древняго міра имѣло обличительный характеръ, а симпатіи автора къ представителямъ древняго общества нерѣдко опредѣлялись современными понятіями.

Вполнѣ ясно, что характеръ источниковъ долженъ былъ отразиться на историческихъ понятіяхъ общества. Знакомство съ общею исторіею ограничивалось кругомъ народовъ, входившихъ въ составъ византійскихъ хроникъ. Свѣдѣнія же о государствахъ западной Европы были довольно скудны. Паденіе Рима Іосифъ Волоколамскій относитъ только къ X вѣку ¹⁾. Открытіе Америки въ древнихъ космографіяхъ приписывается «шпанскимъ и французскимъ нѣмцамъ» ²⁾. Общая точка зрѣнія на событія опредѣлялась указаннымъ характеромъ историческаго матеріала и положеніемъ того или другаго лица. Въ глазахъ обличителя жидовствующихъ (Іосифа) еретики были причиною паденія царствъ: армянскаго, египскаго и римскаго ³⁾. Митрополитъ Филиппъ I, убѣждая новгородцевъ покориться московскому князю и не вступать въ союзъ съ Лич-

III, 26—29), въ Тверск. (XV, 294—301), въ Воскресен. (VII, 109—112); Хронографъ древн. редак. у Попова, 92; О началѣ Константинополя и взятія его Магометомъ II, въ Воскрес. лѣтоп. (Поли. соб. рус. лѣт. VIII, 125, 128).

¹⁾ Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго, слово 2-е.

²⁾ Сухоминовъ, о языкозн. въ древ. Россіи, Учен. зап. Ак. наукъ, II отд. кн. I, 188. ³⁾ Просвѣтитель, слово 16-е.

вою (латинскою), указываетъ на примѣръ Константинополя, который до тѣхъ поръ стоялъ непоколебимо, пока не отступилъ отъ православія (унія) ¹⁾. Даже физическія явленія объяснялись съ извѣстною тенденціей. По словамъ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, когда умеръ въ Черниговѣ митр. Константинъ (грекъ, см. выше стр. 286), то по его завѣщанію, тѣло его было выброшено въ поле, гдѣ пролежало три или четыре дня. Тогда черниговскій князь послалъ въ великому князю за совѣтомъ какъ поступить, при чемъ эти источники прибавляютъ, что въ то время, какъ въ Черниговѣ стояла прекрасная погода, въ Кіевѣ и въ окрестности его была странная буря, солнце помрачилось, земля тряслась, отъ ударовъ грома люди падали на землю и семь человекъ лишились жизни; Мстиславъ Изяславичъ, врагъ Константина, находившійся въ то время въ Кіевѣ, до какой степени былъ пораженъ ужасомъ, что сталъ каяться въ своемъ гнѣвѣ на бывшаго митрополита, а вел. князь Мстиславъ даже устроилъ по церквамъ всеобщія бдѣнія ²⁾. Конечно, здѣсь поражаетъ соединеніе двухъ другъ отъ друга независимыхъ фактовъ, но въ древнихъ лѣтописяхъ даже нѣтъ такихъ подробностей ³⁾. Онѣ становятся понятными, если вспомнить, что та часть Степенной книги, о которой идетъ рѣчь, писана митр. Кипріяномъ, а Никоновская лѣтопись составлена подъ вліяніемъ патр. Никона (см. гл. IX).

Историческія понятія общества въ значительной степени зависятъ отъ существующихъ понятій о мірѣ и его законахъ. Посмотримъ на эту область знанія въ древнюю эпоху Россіи.

Источниками въ этомъ случаѣ служили отчасти тѣ сочиненія, которыя касались міроустройства; отчасти творенія, посвященныя специально этому предмету, а именно: Шестодневъ въ своемъ прототипѣ и въ редакціи Іоанна, эвзарка болгарскаго; толкованія Епифанія кипрскаго на книгу Бытія; толкованіе Афанасія александрійскаго на псалтирь; книга «Небеса» Іоанна Дамаскина, Палая; Христіанская топографія Космы Индикоплова; сочиненіе Георгія Писиды о шести дняхъ творенія и рядъ апокрифическихъ статей, въ которыхъ излагаются теоріи міра. Мы огранчимся здѣсь тѣми источниками, которые специально относятся къ разсматриваемому предмету — Шестодневъ Іоанна имѣетъ цѣлью объяснить порядокъ творенія міра, главнымъ образомъ придерживаясь

¹⁾ См. выше, стр. 328.

²⁾ Степен. книга, I, 309—311; Никон. лѣт. II, 166.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 49; II, 85—86; III, 13; Татищевъ, III, 117—119.

библейскаго изложенія; но въ то же время въ немъ проводятся общіе взгляды на міръ и его устройство и разбираются мнѣнія древнихъ писателей. Еретики и языческіе мудрецы говорятъ, замѣчаетъ авторъ Шестоднева, что небо и земля вѣчно существуютъ, какъ и Богъ; основаніемъ же нашей книги служатъ — Моисей и пророки. Впрочемъ греческіе философы различно понимаютъ отношеніе міра къ Богу: одни считаютъ міръ соединеннымъ съ Богомъ, какъ тѣнь съ тѣломъ и лучи съ солнцемъ. Другіе предполагаютъ его совершенно независимымъ отъ Бога, а нѣкоторые приписываютъ міру даже матеріальное происхожденіе, считая основаніемъ его — огонь, воду, хаосъ. Но никто изъ нихъ не сумѣлъ сказать: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Всякая вещь имѣетъ начало и потому не слѣдуетъ думать, что міръ безначаленъ, руководствуясь тѣмъ, что все движется вокругъ. Дѣйствительно трудно знать, гдѣ начало круга, но очертившій его знаетъ это. Міръ пройдетъ и окончитъ свое существованіе. Моисей не сказалъ, что земля была прежде всего, а сказалъ сотворилъ Богъ небо и землю. Но происхожденіе содержащаго предполагаетъ и содержимое. Въ писаніи говорится: тьма была надъ бездною, бездна — это масса воды. Еще говорится: духъ божій носился надъ водою — это не Духъ св., а воздухъ. Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ — и былъ — это огонь: молнія, солнце, луна, звѣзды и огненная сила въ земныхъ вѣщахъ. Такъ произошли четыре стихіи міра. Но въ писаніи говорится, что тьма стояла надъ водами: могъ-ли Богъ быть творцомъ тьмы? нѣтъ. Мнѣ кажется: когда вода плавала по землѣ, то надъ нею отъ воды образовались облака, которые покрыли землю тьмою. Какая же разница между воздухомъ и вѣтромъ? это одно и то же, потому что вѣтеръ зависитъ отъ движенія воздуха. Почему Богъ создалъ прежде всего свѣтъ и наконецъ человѣка? потому что, въ писаніи сказано, человѣкъ есть свѣтъ міру, т. е. совершеннѣйшій свѣтъ. Одни изъ философовъ полагаютъ, что небо состоитъ изъ особаго вещества, отдѣльнаго отъ стихій; другіе же признаютъ его состоящимъ изъ четырехъ стихій; но въ такомъ случаѣ онѣ, по своей противоположности, должны были-бы отдѣлиться другъ отъ друга. Лучше сказать: Богъ сотворилъ небо и землю¹⁾. По представленію Іоанна Дамаскина, вокругъ земли обтекаетъ океанъ, изъ котораго по-

¹⁾ Калайдовичъ, Іоаннъ, экз. болгар. прилож. V.

лучаютъ воду моря. Эта вода, какъ стоячая, имѣетъ горькій вкусъ; но, въ слѣдствіе вліянія солнца, подымается вверхъ, омыщается и обращается въ облака, изъ которыхъ дѣлается уже въ видѣ дождя, дѣлается таиннымъ образомъ сладкою. Притомъ чрезъ всю землю проходитъ множество скважинъ, въ которыя вода влівается непосредственно изъ океана и образуетъ водные ключи и жиры, которые бывають различнаго свойства (горькіе, соленые,) смотря по мѣсту, гдѣ они протекають. Горячіе источники образуются въ слѣдствіе накопленія огромной массы воды, которая отъ тѣсноты возгорается ¹⁾).

Попытка представить полную систему міра, на основаніи господствовавшихъ воззрѣній, выразилась въ соч. Космы Индикоплова. Это былъ египетскій монахъ (кон. VI в.), прозванный такъ за свое странствование въ Индію. Въ своемъ богословско-географическомъ сочиненіи онъ выступилъ жаркимъ противникомъ системы Птолемея. Трактатъ Индикоплова (написанный на греческомъ яз.) носитъ заглавіе: *χριστιανική γεωγραφία* (*Christianopocia geografia de mundo sive Topographia christiana*). А въ славянскомъ переводѣ: Книга, написанная Косма Индикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній, благодѣтельнымъ и повсюду славимымъ дѣрѣ Космою къ хотѣющимъ христіанствовать, съ 44 раскрасченными картинками (нач. XVI в.), на 272 листахъ ²⁾). Брѣмѣ того Косма еще издалъ описаніе земли и астрономическія таблицы, конечно придерживаясь основаній, изложенныхъ въ послѣдствіи въ настоящемъ трудѣ, но они не дошли до насъ. Въ своей топографіи Косма упоминаетъ или цитируетъ отрывки слѣдующихъ писателей: Амфилоія, Аппія, Аполлонія (Моло), Архимеда, Аристотеля, Аванасія, Василія В., Херемона, Дія, Эфора, Епифанія, Евлида, Евдоксія Книдскаго, Евсевія Цанфила, Григорія Назіанзина, Гиперида, Гомера, Іоанна Хризостома, Іосифа, Иринея, Лизимаха, Манеѳо, Менандра, Оригена, Патрикія математика, Филона, Платона, Прокла, Птолемея, Пивагора, Питей Масильскаго, Северіана, Собрата, Стефана математика, Феодосія, Теофила и Тимофея александрійскихъ, Ксенофана. Эти писатели раздѣляются у Космы на два лагеря, изъ которыхъ одинъ служитъ предметомъ нападенія для другаго.

¹⁾ Небеса, Дамаскина, у Калайдовича, 40—42.

²⁾ Опис. рукоп. Додстаго, Отдѣл. I, № 51.

Всё сочинение Индикоплова состоитъ изъ 12 книгъ: 1-я направлена противъ шаровидности земли, что онъ признаетъ ересью; во 2-й онъ излагаетъ свою систему; въ 3-й и 4-й представляетъ тексты священнаго писанія; въ 5-й предлагаетъ описаніе скинии и всѣхъ украшеній іудейскаго первосвященника; въ 6-й трактуетъ о величинѣ солнца; въ 7-й о небесной тверди; въ 8-й разбираетъ гѣневъ Тезекіла и разсуждаетъ о возвратномъ движеніи солнца; 9-я занимается теченіемъ звѣздъ; въ 10-й представлены тексты изъ отцовъ церкви; въ 11-й помѣщено описаніе острова Тапробана (Цейлона) и животныхъ Индіи; въ 12-й авторъ собираетъ всѣ свои доказательства; но она не кончена 7).

Разсказъ Космы, какъ очевидца, объ Египтѣ, Аравіи, Персіи и Индіи и ихъ торговыхъ отношеній, оцененъ по достоинству такими писателями, какъ Геренъ, Нибуръ, Неандеръ и Риттеръ. Онъ важенъ, какъ источникъ, служащій связью между писателями временъ Александра, Птоломея и арабскими историками VII вѣка 8). Но въ космографіи и зоологіи Косма представляетъ шагъ назадъ послѣ писателей древней эпохи 9).

Сочиненіе Космы Индикопло ванаправлено противъ тѣхъ, которые осмѣливаются схоластическими умозаключеніями понять фигуру и положеніе міра; которые доказываютъ сферическое и кругообразное движеніе неба и хотятъ по геометрическимъ вычисленіямъ, на основаніи затмѣній солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли. Они и сами блуждаютъ, говоритъ Косма, и другихъ вводятъ въ заблужденіе. Какъ несчастны тѣ, продолжаетъ онъ, которые принимаютъ за истину, что небо имѣетъ сферическій видъ и насмѣхаются надъ нашими мнѣніями, какъ надъ пустыми баснями... Какой Сократъ; какой Пифагоръ, какой Аристотель, какой изъ философовъ древности окажется на столько ученыхъ, чтобы возвѣститъ міру вполне полезное?... Развѣ могутъ они

1) Соч. Космы Индикоплова помѣщено въ *Collectio nova Patrum et scriptorum Graecorum*, ed. Montfaucon, Parisii, 1707, tom. II, p. 113—345.

2) Замѣтка Дестуниса, въ *Этногр. сборн.* V, смѣсь, 25—26, и статья Кюльба, *Чтен. Моск. общ. ист.* 1864, кн. III.

3) Впрочемъ и какъ путешественникъ онъ требуетъ критики. Такъ онъ разсказываетъ будто бы на Черномъ морѣ онъ видѣлъ слѣды фараоновой колесницы, слѣд. насколько не отличается отъ простодушныхъ русскихъ путешественниковъ.

сообщить свою мудрость иначе, какъ только посредствомъ измѣрительныхъ инструментовъ и продолжительныхъ изслѣдованій. Конечно они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ эллипсахъ, но отъ этого міру мало пользы. Отъ подобныхъ знаній скорѣе рождается гордость. А еслибы они не говорили объ этомъ, то для нихъ не произошло-бы никакого вреда. Въ самомъ дѣлѣ, какой мальчишъ, какая старуха, какой поселянинъ или варваръ не можетъ приобрести физическихъ познаній? Я говорю объ астрономіи, геометріи, медицинѣ и другихъ наукахъ..... Какой народъ, вѣрующій въ Христа, не можетъ напередъ опредѣлить времени пасхи? ¹⁾

Опровергая древнія системы міра, Косма предлагаетъ въ замѣнъ ихъ противоположную, о которой онъ говоритъ: *»Non ex me, neque ex mea opinione, sed ex Divinis institutus sum Scripturis«* ²⁾. Какъ же пользуется этимъ матеріаломъ Индикопловъ? Образныя выраженія сваяч. писанія, вовсе немѣющія догматическаго значенія, онъ полагаетъ въ основаніе своей системы. *»Моисей, говоритъ онъ, описывая форму престола въ св. святыхъ (Tabernaculum), приказалъ сдѣлать его по подобію земли, вдвое болѣе въ длину нежели въ ширину. Такимъ образомъ, если мы говоримъ, что земля болѣе растянута въ длину, то этимъ самымъ уже заявляемъ, что мы вѣримъ въ священное писаніе.«* Текстъ: *»Не говори въ сердцахъ своихъ: кто взойдетъ на небо, чтобы низвести съ неба Бога? или: кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести его оттуда;«* Косма объясняетъ: *»Отсюда слѣдуетъ, что существуетъ несомнѣнно земля за океаномъ, котораго однако переплыть нельзя.«* ³⁾. Когда говорится: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, то этимъ самымъ выражено, что въ нихъ за-

¹⁾ Montfaucon, 115—117; 179—180.

²⁾ Ibid. p. 125.

³⁾ Ibid. 137. По мнѣнію Іоанна Дамаскина, океанъ между двумя землями имѣетъ назначеніе предохранить материкъ отъ огня небесныхъ свѣтилъ, которыя могли-бы пожечь его. Калайдовичъ, 42. По той же причинѣ въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ Азимитомъ разсказывается, что немедленно по восхожденіи солнца огненные птицы (фениксы) пролетаютъ передъ солнцемъ и окунаютъ свои крылья по двѣсти разъ въ океанъ и кропятъ солнце, чтобы оно не пожгло міръ. Но отъ солнечнаго огня у нихъ сгораютъ перья, почему онѣ, по захожденіи солнца, купаются въ океанѣ и опять обновляются. А пѣтухъ подаетъ имъ вѣсть о восходѣ и заходѣ солнца. Журн. мин. нар. проsv. 1863, іюнь, 56.

ключается все. Земля поддерживается на собственномъ фундаментѣ, потому что сказано: ты утвердилъ землю на ея основаніи. Допустить плоскость земли, Индикопловъ долженъ былъ отвергнуть и антиподы. Что касается антиподовъ, говоритъ онъ, то подобныхъ басенъ не слѣдуетъ не только говорить, но и слушать. О распространеніи человеческого рода сказано: даю тебѣ власть наступать на скорпіона и змѣю. А наступать значитъ ходить по комъ нибудь; слѣдовательно если по комъ нибудь ходимъ, то тотъ, кто ходитъ вверхъ ногами—находится подъ тѣмъ, кто сверху. Между тѣмъ, по ученію философовъ, сферическая фигура не имѣетъ ни верху, ни низу, изъ чего слѣдуетъ, что ни мы не ходимъ по другимъ, ни по насъ никто не ходитъ; ясно, что эти ученые заблуждаются¹⁾.

Вотъ полная система міра по Индикоплову. Обитаемая земля представляетъ четверугольную плоскость, имѣющую протяженіе въ длину (съ востока на западъ) вдвое болѣе, нежели въ ширину (съ сѣвера на югъ). Вокругъ нея обтекаетъ океанъ, который образуетъ четыре входа въ землю, именно: Средиземное и Каспійское моря, Аравійскій и Персидскій заливы. За Океаномъ во всѣ стороны тянется твердая земля, куда люди не могутъ достигнуть, хотя нѣкогда жили тамъ. На восточной сторонѣ ея расположенъ рай, изъ котораго изливаются четыре рѣки, орошающія Эдемъ и появляющіяся на обитаемой землѣ посредствомъ подземныхъ каналовъ (такими рѣками считались: Гангъ, Ниль, Тигръ и Евфратъ). По изгнаніи изъ рая, Адамъ жилъ на берегу океана и только Ной первый высадился съ своимъ ковчегомъ на нашей землѣ. На крайнихъ предѣлахъ недостижимой земли со всѣхъ четырехъ сторонъ подымается громадная стѣна, которая вверху закругляется и образуетъ небесный сводъ. Тамъ, гдѣ стѣна начинается закругляясь, растянута на подобіе скатерти твердь, и отдѣляется отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и святые. По небу совершаютъ свое движеніе небесныя свѣтила; но не вокругъ земли, такъ какъ она сливается съ небомъ, а вокругъ конической горы, которая находится на сѣверѣ, и отъ которой зависятъ перемѣны дня и ночи (смъ выше, стр. 41). Всюду солнце находится выше, отчего бываютъ короткія ночи, а зимою наоборотъ (потому что солнце долѣе находится за болѣе широ-

¹⁾ Ibid. 157.

кою частью конусообразной горы). Когда гора бывает между мѣсяцемъ, то происходятъ лунныя затмѣнія, и т. п. По мнѣнію Индикоплова солнце составляетъ $\frac{1}{8}$ всей земли, чѣмъ онъ объясняетъ расхожденіе солнечныхъ лучей ¹⁾. Какой же законъ управляетъ всѣми перемѣнами въ порядкѣ міра? По мнѣнію Индикоплова, каждая планета, звѣзды и облака управляются особыми разумными силами, которыя даютъ имъ направленіе. Такъ, когда долженъ оросить землю дождь, эти силы набираютъ воду изъ морей въ облака, а изъ нихъ выпускаютъ ее на землю ²⁾.

Ученіе объ управляющихъ міромъ духахъ было извѣстно въ Россіи еще въ XI в., изъ сочиненія Епифанія кипрскаго, гдѣ подробно развивается мысль, что духи приставлены управлять стихіями и явленіями природы; по Епифанію, есть духи облаковъ, мглы, осеней, весны, лѣта, вѣтра, ночи, свѣта и дня. Это мѣсто цитируется уже древнимъ лѣтописцемъ, и на основаніи его послѣдній объясняетъ всѣ небесныя явленія ³⁾. Но по Епифанію были также особые гении народовъ, завѣдывавшіе ихъ жизнію ⁴⁾. Въ русскихъ сборникахъ встрѣчаются выписки изъ того же Епифанія, гдѣ происхожденіе дождя объясняется тѣмъ, что ангелы собираютъ морскую воду посредствомъ трубъ, находящихся въ облакахъ, изъ которыхъ потомъ они изливаютъ ее на землю; отъ шума же, происходящаго при накачиваніи воды, — бываетъ громъ ⁵⁾. Въ одномъ изъ апокрифовъ, извѣстныхъ въ древней Россіи, объясняется, какъ 300 ангеловъ вращаютъ солнце по небесному пути ⁶⁾. Это міросозерцаніе оставалось на одной степени развитія въ теченіе многихъ вѣковъ. Такъ въ XVI в. монахъ Псегово-печерскаго монастыря Филофей, въ своемъ посланіи къ псковскому намѣстнику Мунехану,

¹⁾ Ibid. *ibid.* II, IV, V—VII; IX, XII.

²⁾ *ib.* p. 150, 161—311. Взглядъ Индикоплова на устройство земли удержался въ Византіи до поздняго времени. Въ половинѣ XIII в. монахъ Никифоръ Блеммидъ написалъ нѣсколько сочиненій по этому предмету (Ободрѣніе географіи—это передѣла Діонисія Перисгета; Землеописаніе; законъ—О небѣ, землѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; о времени и дняхъ), въ которыхъ онъ разсматриваетъ землю, какъ плоскость. Schöll, III, 330.

³⁾ *Ипол.* соб. рус. лѣт. I, 121.

⁴⁾ *Advers. haeres.* I, Lib. II, pag. 456—457.

⁵⁾ Шаповъ, Очерки міросозерц. I, p. 6, 7.

⁶⁾ Шаповъ, Русск. расколъ, 449.

опровергали значеніе астрологіи тѣмъ, что свѣтила небесныя—неодушевленные предметы, не болѣе какъ огонь, которыми управляютъ разумныя силы, вращающія ихъ по собственной волѣ, почему движеніе свѣтилъ не можетъ быть извѣстно человѣку ¹⁾. Послѣ этого понятно, почему въ обществѣ существовало такое довѣріе въ разныя сказанія въ родѣ того, что солнце не заходило во всю недѣлю послѣ воскресенія Иисуса Хр., о грамотѣ, сосланной съ неба (противъ которыхъ возражалъ Максимъ Грекъ), о прахѣ, спадшемъ съ неба, которые встрѣчаются даже въ сборникахъ, претендовавшихъ на серьезность ²⁾.

Сочиненіе Космы Индикоплова пользовалось въ Россіи огромною популярностью. Списки его встрѣчаются на пространствахъ XV—XVII вв. и были извѣстны даже въ Сибири. Судя по описаніямъ монастырскихъ библиотекъ, почти каждая изъ нихъ имѣла это сочиненіе и нередко въ нѣсколькихъ спискахъ. Важность его очевидна изъ того, что въ 1542 г., по повелѣнію Макарія, оно было списано для его Четив-Миней ³⁾.

Въ этому же направленію слѣдуетъ отнести другое космографическое сочиненіе—Георгія Писиды *Εξάμερον η του κοσμογραφια*, написанное въ видѣ поэмы, въ стихахъ ⁴⁾. На славянскій языкъ оно было переведено въ 1384 г. Димитріемъ Зоографомъ, о чемъ записано въ русской летописи ⁵⁾. Вообще эта напищенная поэма отличается мистическимъ характеромъ и переполнена множествомъ восточныхъ сказаній о мірѣ и всѣхъ царствахъ природы. Вотъ нѣсколько указаній

¹⁾ Поедъ Филозенъ, Прав. соб. 1861, I, 88, 89, 96.

²⁾ Сказаніе о солнцѣ дождично въ Златой Цѣпи; Четив. Моск. общ. исторіи, 1846, II. О прахѣ въ Чет. Мин. Макарія, см. оглавленіе стр. 13; о грамотѣ и т. п. см. въ нашемъ изслѣд. Максимъ Грекъ, гл. VI.

³⁾ См. прежнія описанія библиотекъ выше. Царскій, № 216; Толстой, отд. I; № 51; Этногр. сборн. V, смѣсь, 25—26; Бушмевъ, I, 617, II, 325.

⁴⁾ Георгій Писидъ, писатель VII в., былъ діакономъ и архивариусомъ константинопольской церкви. Кромѣ означеннаго сочиненія онъ написалъ въ стихахъ (13 пѣсень) о войнѣ Ираклія съ персами и объ аверской войнѣ. Schön, III, 78. Въ парижскому изданію *Εξάμερον* приложена еще поэма De vanitate vitae. 1585.

⁵⁾ Татищевъ, IV, 313.

на ея содержаніе: De admirabilitate Dei operumque ejus (Iob, 42, Rom. 1); De caelo et caelestibus globis, in genere. De situ orbis terrarum; De angelorum figuris et hymnis; De sole et ejus proprietatibus (psal. 18); Luna, quae radijs solis accendatur; Elementorum 4 vinculum; De ventis et Dei miraculis; противъ силлогизмовъ Аристотеля (pag. 20—21); Via quae ducit ad Theognosiam; De procreatione hominis et fabrica corporis humani; Corporis cum spiritu proelium a demone est. Draconis Satanæ ministri illecebrae; Martyrum et sanctorum lucta cum principe tenebrarum; Divinae naturae cum abysso et solari lumine comparatio; De materia adversus eos qui negat eam a Deo creatam; Discordia concors; Dei cum architecto comparatio; Hierarchia caelestis; Precatoriopis, S. Trinitatis misterium explicans; Miraculorum Ghristi suma ¹⁾.

И у Писиды, подобно Индикоплову, замѣтно стремленіе противопоставлять однихъ писателей другимъ и смѣшивать вопросы естественнаго міра съ вопросами не только религіозными, но и догматическими. Переводъ его поэмы также не составляетъ рѣдкости въ древнихъ русскихъ бібліотекахъ и также внесенъ въ составъ Четвѣй-Миней Матарія ²⁾. Этого мало. Въ древнихъ индеесахъ сочиненія Индикоплова и Писиды помѣщены въ числѣ дозволенныхъ книгъ, на ряду съ каноническими, конечно благодаря ихъ содержанію.

Другой обширный источникъ для исторіи понятій о мірѣ въ древней Россіи представляютъ апокрифы. Черезъ нихъ стали извѣстны у насъ мнѣнія Аристотеля и Птолемея въ передѣланномъ на византійскій ладъ видѣ; съ присоединеніемъ къ нимъ понятій манихеевъ и гностиковъ, въ сильной степени отличающихся восточнымъ колоритомъ. По ученію Аристотеля, міръ измѣняемый, зѣирный и неподвижный, окружающій землю, состоитъ изъ 7 отдѣльныхъ круговъ или сферъ зѣира, представляющихъ кристаллическіе пустые шары, на которыхъ утверждены звѣзды и планеты. Крайняя окружность есть кристаллическая сворлупа со всѣми неподвижными звѣздами, небесная твердь, быстро вращаемая вѣчнымъ двигателемъ въ 24 часа около центра. Эта восьмая сфера неподвижныхъ звѣздъ движеть около земнаго шара всѣ звѣзды и планеты, утвержденныя на 7 отдѣльныхъ сферахъ или кристаллическихъ кругахъ.

¹⁾ Opus sex dierum, seu mundi opificium, Georgiae Pisidae, Lutetiae, 1595

²⁾ См. Опис. означенныхъ бібліотекъ и оглавл. Чет. Миней, стр. 60.

Общій двигатель этихъ сферъ—совершенный разумъ или божество. Но когда замѣчено было Гиппархомъ (150 до Р. Х.) предвареніе равенствъ, а Птоломеемъ дѣйствительное движеніе планетъ, а не простое кругообразное, то принуждены были раздѣлить восьмую сферу неподвижныхъ звѣздъ и окружили ее девятою — *сферою знаковъ*. Такимъ образомъ вмѣсто 7 небесныхъ сводовъ, стали считать 9. За тѣмъ, не находя возможности объяснить пустое пространство между планетами и ихъ сферами, прибѣгли въ ученію объ астральныхъ духахъ. Чтобы планета не упала съ небснаго свода придали ей духовнаго путеводаго, откуда распространилась вѣра въ одушевленность планетъ. Въ теченіе трехъ столѣтій по Р. Х. въ аристотелевское міросоверпаніе все болѣе проникало ученіе объ астральныхъ духахъ, ангелахъ солнца, звѣздъ и т. д. Уже Филонъ высказалъ мысль объ одушевленности звѣздъ, движущихся по собственному усмотрѣнію ¹⁾. Съ Востока искаженное ученіе Аристотеля о 7 сферахъ перешло въ Византию, а черезъ нее въ Россію, посредствомъ апокрифовъ.

Въ сказаніи о началѣ міра, находящемся въ одной рукописи, принадлежащей профес. Григоровичу, высказывается мысль, что «Господь своимъ словомъ сотворилъ семь небесъ и хрустальное небо» ²⁾. Въ апокрифѣ «О небесахъ» — видна смѣсь аристотелевской и птоломеевской системъ съ послѣдующими измѣненіями. «Небо, говорится тамъ, — одно по существу, но по числу ихъ — девять. Семь небесъ сотворены по образу семи *откоговъ* (существованія міра). На первомъ изъ нихъ луна; на второмъ — Гермесъ (планета); на третьемъ — Афродита; на четвертомъ — солнце; на пятомъ — Арисъ (Марсъ); на шестомъ — Зевсъ; на седьмомъ — Кронъ. Выше седьмага неба помѣщены другія звѣзды — 12 числомъ, а именно: овецъ, юнецъ, близнецы, ракъ, левъ, двѣа, ярець, (телець), скорпионъ, стрѣлецъ, воверогъ, водолей, рыбы» ³⁾. Изъ этого

¹⁾ Шлейденъ, Этюды, 224 — 226. Въ первые вѣка христіанской эры евреи принимали вокругъ неподвижно стоящей посрединѣ земли — 7 небесныхъ сводовъ: изъ нихъ второй, *Ракіа*, заключалъ утвержденныя въ немъ солнце, луну и звѣзды; въ третьемъ сводѣ — *Шагакимъ* — облака; а въ шестомъ сводѣ — *Макомъ* (пребываніе) — снѣгъ, градъ, роса, дождь и т. п. Согаръ Бешалогъ принимаетъ 8 сферъ, изъ которыхъ послѣдняя надъ 7-ю — *Аработъ* — это *primum mobile* Аристотеля. Gröner, Geschichte d. Urchristenthums, Abtheil. II, 37.

²⁾ Буслаевъ, Историч. очерки словеса. I, 615.

³⁾ Памятн. старин. литер. III, 156.

видно, что въ древней Россіи были извѣстны восточныя свѣдѣнія о дѣленіи эллиптики и 12-ти знакахъ зодіака ¹⁾. Въ древнихъ памятникахъ русской письменности астрономическія и астрологическія свѣдѣнія обыкновенно приписываются восточнымъ народамъ: Овѣи или Фнохъ считаются первыми наблюдателями; вавилоняне — звѣздочетцами; халдеи — великими. Отъ нихъ эти свѣдѣнія перенли къ египтянамъ, а отъ послѣднихъ къ грекамъ ²⁾. Въ русскихъ «звѣздочетцахъ», «аристотелевыхъ врачахъ», «астрологіяхъ» (обыкновенно относимыхъ къ апокрифамъ и потому запрещенныхъ индексомъ, какъ волшебныя книги); приписывается большое значеніе знакамъ зодіака и планетамъ въ отношеніи къ жизни общества и явленіямъ природы. Смотря потому, какой знакъ и какая планета господствуетъ въ данное время на небѣ — предсказываются войны, жатва, голодъ, зной, стужа, характеръ новорожденнаго и т. п. Здѣсь все зависитъ отъ того, завѣдуетъ ли временемъ суровый Марсъ, или мягкая Афродита, теплый Овѣи, или жестокий скорпионъ, вмѣстѣ ли находятся знаки зодіака (миръ) или ровно война и т. п. ³⁾. Духоборцы, сохранившіе остатки древняго міросозерцанія, отвергая астрономическое значеніе 7 небесъ, понимаютъ ихъ мистическо-символическими. Семь небесъ означаютъ у нихъ семь евангельскихъ добродѣтелей, такимъ образомъ: первое небо есть смиреніе; второе — разумніе; третье — воздержаніе; четвертое — братолюбіе; пятое — милосердіе; шестое — совѣтъ; седьмое — любовь ⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ апокрифахъ отравлялись черты гностическаго и божомильскаго ученія. Въ бесѣдѣ трехъ святителей (Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста), представляется борьба двухъ началъ — добраго (Бога) и злаго (Сатаны) до паденія Адама. До созданія міра Богъ жилъ въ трехъ каморахъ — Отецъ, Сынъ и св. Духъ отдѣльно въ каждой (по ученію мнѣхеевъ Троица живетъ въ трехъ отдѣлахъ воздуха: Отецъ въ высшемъ свѣтѣ; Христосъ въ видимомъ свѣтѣ, какъ сия едина; Духъ св. въ чистѣйшемъ эфирѣ). Происхожденіе ангеловъ и свѣ-

1) Шаповъ, Очер. міросозерц. Журн. мин. нар. просв. 1863, июль, 53.

2) Наше изслѣд. Максимъ Грекъ, II, гл. VII.

3) Тихонравовъ, Памят. отречен. литер. Астрологія, Звѣздочетствъ о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ и т. п.

4) Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, IV, смѣсь, 14.

тилъ свѣбвается съ отдѣльными частями божества: ангелы произошли отъ духа и отъ свѣта; солнце—отъ одежды Бога; луна—отъ воздуха и отъ престола божія. Человѣкъ также имѣетъ пантеистическое происхожденіе: онъ созданъ изъ земли (тѣло), моря (кровь), солнца (глазъ), камня (кости), облака (мысли), огня (тѣло), вѣтра (дыханіе), свѣта (свѣтъ), а Богъ вдохнулъ духъ. Имя Адама заимствовано отъ четырехъ странъ свѣта. Земля создана ангеламъ, которые, по повелѣнію Бога, сорвали морскую гѣбу и сбили изъ нея землю (по Сатурнину и гностикамъ существуютъ ангелы міротворители и міродержители). Земля, поддерживаемая 30 китами, плаваетъ по морю (Океанъ Индикоплова), для котораго поддерживается 7000 столбовъ (мистическія 7000 лѣтъ?). Здѣсь адъ, въ которомъ связанъ антихристъ, а подъ нимъ горитъ неугасаемый огонь. Въ царствѣ тѣмъ летаютъ крылатые люди, никогда не умирающіе. По этому апокрифу на землѣ 14 великихъ горъ; 12 великихъ морей; 30 великихъ рѣкъ, изъ которыхъ 4 вытекаютъ изъ рая; 72 острова, на которыхъ живутъ 72 народа, различныя по язву, и т. д. По другому еписку Бесѣды (професъ Григоровича) Савасѣ первоначально жили въ трехъ каморахъ (въ воздухѣ) и отпрыгнувъ отъ своего сердца — Синаи а изъ усть—св. Душа (какъ у гностиковъ и богомиловъ). За тѣмъ они создали хрустальное небо на желѣзныхъ столбахъ и насадилъ на востокѣ рай. Громъ—это гласъ господень; молнія—слово господне ¹⁾ Богъ

1) Въ другомъ мѣстѣ тойже бесѣды молнія и громъ объясняются такъ: «Ангель господень, летая по небу, бьетъ крыльями и гонитъ дьявола; отчего происходитъ шумъ. Когда идетъ дождь, въ то время дьяволъ стоитъ; а когда блещетъ молнія, то ангель смотритъ съ гнѣвомъ на дьявола». Въ Бесѣдѣ Парагюта съ Азимитомъ «десять ангеловъ, радуясь о славѣ божіей, трепещутъ крыльями, отчего облака несутся по воздуху, гремятъ и дождятъ, а отъ ангельской силы исходятъ огонь и молнія съ великимъ громомъ на проклятаго змѣя (Щаповъ, міросозерц. I, 8; Булаевъ, I; 501). Но въ книгѣ церковныхъ правилъ, принадлежавшей Кириллу Бѣлозерскому, встрѣчается нѣсколько выписокъ изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ океанѣ, о моряхъ, о четырехъ стихіяхъ, о землетрясеніяхъ, объ облакахъ, объ устройствѣ земли. Громъ и молнія здѣсь объясняются столбновеніемъ двухъ другъ противъ друга идущихъ облаковъ. Громъ бываетъ прежде молніи; хотя мы видимъ молнію прежде, нежели слышимъ громъ; потому что зрѣніе болѣе совершенное чувство, нежели слухъ. О падающихъ звѣздахъ замѣчено: одни думаютъ, что дѣйствительно падаютъ звѣзды; другіе же полагаютъ, что это мытарства. Но ни то ни

представляется здѣсь творцомъ ангеловъ; а Сатана—темныхъ духовъ, отъ крившихъ борьбу съ царствомъ свѣта, во главѣ котораго стоитъ архъ Михаилъ. Послѣдній поразилъ враждебное царство, и темные духи, въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей, сошли на землю, какъ бы въ видѣ капель дождя. Въ другомъ апокрифѣ прибавляется, что, при своемъ паденіи, нѣкоторые изъ духовъ задержались въ воздухѣ, другіе пали на землю, и съ тѣхъ поръ творятъ они вредъ людямъ, преобразуясь во всевозможныя формы¹⁾. Мы уже упоминали, что одновременно съ появленіемъ христіанства въ Россіи, по Черному морю и въ предѣлахъ Болгаріи появились секты павликіанъ и богомилловъ, составившихъ отрядъ манихеевъ, гностиковъ и мессалианъ (Импер. Цимисій переселилъ на границу Болгаріи цѣлую колонію павликіанъ; а въ первой половинѣ XII в. въ Меглинѣ почти всѣ жители приняли ученіе павликіанъ)²⁾. Изъ свидѣтельствъ же Тертуліана и патр. Фотія извѣстно, что апокрифы по большей части были сочинены гностиками³⁾. Болгарскіе сектанты увеличили количество апокрифовъ (Еремія), и уже въ XII—XIV вѣкахъ въ Россіи появляются обличеніи въ чтеніи апокрифическихъ произведеній греческаго и болгарскаго происхожденія (Авраамій обвинялся за чтеніе апокрифа «Глубина»; обличеніи митр. Кипріана противъ духовенства). Такимъ образомъ чрезъ переводную литературу, отчасти непосредственно шедшую изъ Византіи, отчасти отъ южныхъ славянъ, въ русскомъ обществѣ стали слагаться понятія о мірѣ въ духѣ восточныхъ воззрѣній⁴⁾.

Въ народномъ міросозерцаніи система духовъ, управляющихъ міромъ, смѣшалась съ христіанскими понятіями о непосредственной зависимости человѣка отъ высшей силы, постоянно проявляющей на немъ свое дѣйствіе. Русскіе книжники создали цѣлый міръ небывалыхъ анге-

другое не заслуживаетъ вѣроятія. Вѣрнѣе—это отдѣленіе небеснаго огня, который, падая внизъ, рассыпается и снова сливается въ воздухѣ. Звѣзды же никогда не падаютъ (Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. мон. стр. 24).

1) Шаповъ, Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересами въ древнихъ рус. сказан. о мірѣ. Прав. соб. 1861, I, 249—265.

2) Zonar, loc. cit. Никон. лѣт. II, 45, Кириллова книга.

3) Tertul. De praeser. haeret. и Фотій, Codex. 179, у Шапова, Смѣсь христ. съ язич. 279.

4) Ibid. 280—283. Житіе Авраамія Смол. въ Прав. соб. 1858 г.

ловъ, которымъ принесли вліяніе на всѣ обстоятельства человѣческой жизни: такъ, они предполагали существованіе особаго яггела для жути, особаго надъ морями и рѣками; надъ ночью тьмою; надъ здоровьемъ; надъ домомъ, пищею и питьемъ. Эта статья соответствуетъ апокрифической книгѣ (4-й) Эздры ¹⁾. Пророкъ Илія, на основаніи своихъ качествъ сталъ спеціальнымъ распорядителемъ грома и дождя, замѣнивъ языческаго Перуна; Георгій (по переводу) покровителемъ земледѣлія; Наумъ (по словопроизводству) грамотности; Зосима и Саватій, основатели пчеловодства на сѣверѣ, — покровителями пчеловодства, и т. д. Въ народномъ быту постоянно высказывается дуалистическій взглядъ на міръ. Почетныя животныя и предметы считаются произведенными отъ Бога, а вредныя — отъ дьявола. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преобладаетъ понятіе о Савооѣ, какъ старшемъ Богѣ, и Исусѣ Христѣ, какъ младшемъ Богѣ (Въ селѣ Павловѣ, Нижегород. губер.) Гностико-богомилскій дуализмъ и до сихъ поръ составляетъ принадлежность нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ. Такъ *блугны* (появившіяся въ пол. XVIII в) весь міръ раздѣляютъ на два царства: божіе и сатанино, которыя разграничиваются какъ въ нравственномъ, такъ и въ пространственномъ отношеніяхъ ²⁾ Мистическія представленія Востока о мірѣ въ народныхъ сказаніяхъ искусно смѣшались съ идеологическими представленіями славянскаго язычества: напр. отвѣты, помѣщенные въ Голубиной книгѣ, о происхожденіи міра, представляютъ полную систему пантеистическихъ воззрѣній, по которымъ каждая часть міра прорастаетъ изъ отдѣльной части божества, вутемъ эманациі.

Смѣшеніе народныхъ воззрѣній на міръ съ восточно-византійскими постоянно замѣчается въ памятникахъ древней русской письменности. Міръ, согласно съ Дамаскинымъ, унобляется яйцу, въ которомъ сворлуна соответствуетъ — *небу*, плева — *облакамъ*; бѣлокъ — *водѣ*; желтокъ — *землѣ* и т. п. Его раздѣляли на міръ невидимый (ангелы и свѣтовидные духи), міръ видимый (небо и земля) и міръ будущій (по рукоп. Григоровича). На вопросъ: что держитъ землю? дается отвѣтъ: глубокая вода. Что держитъ воду? Великій камень. Что держитъ камень? Четыре золотые вѣта. Что держитъ золотыхъ вѣтовъ? Рѣка огненная. А что держитъ ее? Другой огонь,

¹⁾ Шаповъ, Истор. очерки міросозерц. I, 9, 14, 45 — 49; 63; см. народный календарь, ib. въ приложеніи.

²⁾ Смѣсь христ. съ языч. и ересями, 266—268.

второй дощень пожесть все. Что же держит тот огонь? Железный дубь, который посажен прежде всего и корни которого поддерживаются ризкою Божією. Въ греческой космогоніи дубу соответствует *дерево ясеня* ¹⁾. Известно, что мифіе объ основаніи земли на китахъ, отъ движенія которыхъ зависитъ кончина міра, сдѣлалось народнымъ вѣрованіемъ. Затмѣніе солнца и луны объяснялось похищеніемъ ихъ волшебниками—злыми существами, жившими въ воздухѣ ²⁾. Въ средѣ книжниковъ мифіе о стационарномъ положеніи земли сохранялось даже въ половинѣ XVIII в. Въ одной прописи того времени на вопросъ: что такое значить—два стоятъ, два идутъ и два проходятъ? дается отвѣтъ: два стоятъ—небо и земля; два идутъ—солнце и луна, и два проходятъ—день и ночь ³⁾.

Историки, слѣдящіе за развитіемъ понятій о системѣ міра, подраздѣляютъ ихъ исторію на четыре періода, болѣе или менѣе продолжительные, чрезъ которые проходила человѣческое міросозерцаніе: 1) ступень антропоцентрическихъ понятій; 2) теорія геоцентрическая; 3) теорія гелиоцентрическая, и 4) эллиническая теорія планетъ ⁴⁾. Въ разсматриваемую нами эпоху, подъ вліяніемъ указанныхъ источниковъ, въ Россіи (какъ и въ средніе вѣка на Западѣ) господствовали антропоцентрическія и геоцентрическія представленія. Въ одномъ сборникѣ, принадлежащемъ професс. Григоровичу, эти понятія развиваются такъ: «Меловитъ: есть второй міръ, въ маломъ видѣ: въ немъ есть небо, земля, и что на небѣ, и что на землѣ, видимое и невидимое: отъ пупа до головы—какъ небо; отъ пупа внизъ, какъ бы земля; потому что земля имѣетъ производящую силу. Въ верхней части, какъ и на небѣ, существуютъ свѣтила—солнце, луна, молнія,—такъ и у человѣка—глаза, дыханіе и мгновеніе ока, напоминающее молнію, а болѣе всего—умъ, всевидящій и все-созерцающій» ⁵⁾. Въ другомъ древнемъ памятникѣ, по слову изложенія творенія міра; авторъ обращается къ предназначенію природы. «Все это, говоритъ онъ, создано для работи человеку: земля

¹⁾ Шаповъ, Очер. міросозерц. II, 14, 15, 22, 30.

²⁾ Ib. Журн. мн. нар. просв. 1863, ч. CXIX, 13, 14.

³⁾ Ib. II, 14.

⁴⁾ Уэвелль, Исторія индукт. наукъ, I; Дрәперъ, Исторія умствен. развитія Европы.

⁵⁾ Шаповъ, II, 19, примѣч.

двѣтъ. Люди; солнца — согрѣваетъ землю и раздѣляетъ время; луна и звѣзды — оторошать ночью; даютъ свѣтъ людямъ и освѣщаютъ путь странствующимъ по морямъ и рѣкамъ; море и рѣки служатъ человеку, облегчая путь и доставляя рыбу; огонь — согрѣваетъ тѣло и готовитъ пищу, и т. д. При этомъ авторъ ссылается на извѣстную намъ Псалму 1). Въ апокрифѣ «Слово о видѣніи св. Павла» солнце, мѣсяць, звѣзды, моря, рѣки и земля представляютъ жалобы Творцу на человека, съ готовностью уничтожить его за всё злодѣяніе; но получаютъ отказъ въ ожиданіи его покаянія 2). Въ другомъ апокрифѣ (взрѣхъ людей, Богородица грозитъ испосать съ неба камяд и жолнію и уничтожить все жьтѣу 3). Отсюда прямой переходъ къ объясненію небесныхъ явленій (затмѣнія; кометы и т. п.), казавъ предвѣстниковъ попятяческихъ событий и бѣдствій страды; а такъ появлянію обыкновенно принимается официально предвѣстными гдѣ данной мѣстности, хотя бы они выходили за ея границы. Вотъ почему эти явленія обыкновенно производятъ потрясающее впечатлѣніе на общество и оно именуется какижъ-то мистическимъ тономъ 4).

Въ такую эпоху противоположная точка зрѣнія кажется не только ошибочною, но и вредною. Предугадываніе затмѣній и астрономическія наблюденія представляются волшебствомъ 5). Математическія книги (въ которыхъ относили тогда — арифметику, музыку, геометрію и астрономію) причисляются къ отреченнымъ, и потому запрещаются 6). Звѣздочество приравнивается къ блуду, волшебнымъ ристаніямъ и волшебованію 7). Въ XVI в. появляется въ Россіи переводъ извѣстнаго на Западѣ Луцидаріуса. Въ немъ рядомъ съ религиозными вопросами идетъ трактатъ о вопросахъ космографическаго и физическаго содержанія; средневѣковыя представленія о мірѣ помѣщены въ связи съ мнѣніями древнихъ писателей. При всѣхъ недостаткахъ, свойственныхъ средневѣковому сборнику, Луцидаріусъ старается объяснить многія явленія природы физическимъ путемъ. Переводчикъ (Георгій) представилъ свой трудъ Максиму Греку, который нашелъ въ немъ ма-

1) Прав. соб. 1838, январь, 141—168.

2) Шаповъ, II, 26—27.

3) Ib. I, 38—40.

4) Акты историч. IV, 330—332.

5) Олсфрій; кн. III, гл. 31.

6) Забѣлнть, Характеръ древней рус. образованности.

7) Шаповъ, Жур. инд. нар. просв. 1863, г. СХVII.

тонскія и аристотелескія мнѣнія. Ему не понравилась толка Луцидаріуса о происхожденіи міра, о хаосѣ и особенно о движеніи неба, которое, по понятіямъ Максима Грека, есть *кома* или шатеръ, раскинутый надъ землею и опирающійся на ея бока. Въ Луцидаріусѣ онъ увидѣлъ латинское произведеніе, а латини, по его мнѣнію, слѣдѣномъ прельстились *слишнимъ* ученіемъ, почему онъ совѣтуетъ остерегаться ихъ какъ огненной гангрены, а въ замѣнъ подобныхъ произведеній предлагать читать соч. Іоанна Дамаскина, отъ которыхъ можно стать не только великимъ богословомъ, но и *естествовѣдомъ*; намъ же извѣстно, что для Максима Грека служилъ авторитетомъ и знаменитый Косма Индикополовъ ¹⁾. Если такъ думалъ Максимъ Грекъ, одинъ изъ учениковъ эпохи возрожденія, правда счумѣвший потомъ отвязаться отъ нея, то нѣтъ ничего страннаго, если нѣсколько позже раскольникамъ казалась грѣхомъ почитать землю за кругъ или шаръ. Имъ очень не нравилось, что Алексѣй Михайловичъ былъ расположенъ къ астрономамъ и астрологамъ. Они требовали удаленія послѣднихъ и писали царю такъ: «Царю благородный! Ты имѣешь у себя мудрыхъ философовъ, рассуждающихъ о небѣ и землѣ и измѣряющихъ аршиномъ хвосты звѣздъ: изъ Іисусъ Хр. называетъ лицемѣрами, потому что времени они не узнаютъ. И этихъ людей, государь, ты держишь въ чести, питаешь ихъ вкусными яствами и хочешь ихъ баснями мирно утвердить свою власть. Да не будетъ этого!» ²⁾. Въ умственной сферѣ расколъ былъ протестомъ противъ того меньшинства, которое уклонилось отъ прежняго пути.

Удаляясь на сѣверо-востокъ, славяно-русское племя все болѣе удалялось отъ центровъ образованнаго міра и вступало въ предѣлы инородческихъ поселеній, стоявшихъ на болѣе низкой степени развитія, въ слѣдствіе естественныхъ условій страны. Это необходимо должно было отразиться на понятіяхъ пришлаго племени. Пока сѣверо-восточная Россія представляла разрозненныя части, борившіяся за преобладаніе и независимость другъ отъ друга, сознаніе новыхъ потребностей не выступало наружу. Паденіе Византіи грозило прекращеніемъ и того слабого вліянія образовательнаго элемента (въ науч-

¹⁾ Подробнѣе въ нашемъ изсл. Максимъ Грекъ, 140—147, 222. Соч. Максима Грека, I, 348.

²⁾ Щаповъ, Журн. мин. нар. просв. CXVIII, 65.

ломъ смыслѣ), какое существовало до сихъ поръ. Но съ объединеніемъ отдѣльныхъ частей въ политическое цѣлое—Московское государство неожиданно очутилось на границахъ Ливоніи и Литвы. Неопредѣленность границъ, религіозныя антипатіи и политическое соперничество естественно ведутъ въ постояннымъ столкновеніямъ въ этихъ предѣлахъ. Отношенія Польши и Ливоніи къ западной Европѣ вызываютъ посредничество со стороны западныхъ державъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи, а это ведетъ къ необходимости частыхъ дипломатическихъ сношеній съ западною Европою. Военное искусство москвитянъ, удовлетворявшее въ борьбѣ съ татарами, оказывается недостаточнымъ въ борьбѣ съ болѣе искусными соседями ¹⁾—является необходимость въ реформѣ военнаго искусства. Обширность потребностей новаго государства диктуетъ дѣло

Между тѣмъ какъ мистическое настроеніе общества привело его въ XV и XVI вв. къ мысли о кончинѣ міра, государственные дѣятели повидимому заботились объ упроченіи политическаго могущества. При Іоаннѣ III Москва обновилась и обстроилась. Женившись на Софіи Палеологъ, Іоаннъ вызываетъ изъ Италіи художниковъ и мастеровъ. Въ 1472 г. онъ приступилъ къ постройкѣ обветшалаго Успенскаго собора; но стѣны обрушились—и Іоаннъ поручилъ постройку Аристотелю Флорентини, выѣхавшему вмѣстѣ съ сыномъ и ученикомъ изъ Белоніи. Тотъ же Аристотель строилъ мостъ передъ Новгородомъ (когда Іоаннъ рѣшился на всегда закрѣпить его за собою) и ходилъ съ пушками подъ Тверь. На монетахъ того времени видна надпись Aristoteles. Въ 1494 г. пріѣхали изъ Италіи Алевизъ стѣнной и Петръ пушечный мастеръ; въ 1504 г. Антонъ, Маркъ и Петръ Фрязины занялись устройствомъ каменной стѣны, укрѣпленій и подземнаго хода. Въ 1487 г. венеціанецъ Маркъ построилъ Грановитую палату, предназначенную для пріемовъ, а въ 1498 г. Алевизъ—дворецъ. Въ слѣдствіе завязавшихся отношеній съ Германіей—Іоаннъ просилъ у Максимилиана прислать ему литейщиковъ, каменщиковъ, пушкарей, рудокоповъ, лесарей; но въ числѣ ихъ въ Москвѣ встрѣчается и органичный мастеръ. При Василю Іоанновичу Фрязины продолжали строить церкви и заниматься

¹⁾ Въ полѣ русскіе обыкновенно терпѣли пораженія. Соловьевъ, VI, 349, 350.

укрѣпленіемъ Москвы, по при немъ встрѣчаются уже два мѣнара — нѣмцы ¹⁾. Дѣятельность Іоанна Грознаго въ этомъ отношеніи представляетъ самую оживленную картину заботъ и стараній царя, посвященныхъ въ пользу практическихъ интересовъ и потребностей страны. Каждое заключеніе торговаго или мирнаго трактата у него обыкновенно соединялось съ условіемъ содѣйствія военному, промышленному или горному дѣлу страны. Изъ Англій онъ выписываетъ въ огромномъ количествѣ мастеровъ и рудокоповъ. Отдавши Ливонію Магнусу обязываетъ его пропускать изъ за-границы художниковъ и солдатъ. Заключая перемиріе съ Швеціею—требуетъ отъ короля 200. воиновъ, вооруженныхъ по нѣмецки и свободнаго пропуски изъ-за-границы военныхъ снарядовъ ²⁾. При царѣ Ѳеодорѣ, наемныхъ иностранцевъ въ войскѣ насчитываютъ уже 4,300 чел., въ числѣ которыхъ были: голландцы, шотландцы, датчане и шведы ³⁾. Борисъ Годуновъ оказывалъ покровительство ливонцамъ, переселившимся въ Россію въ слѣдствіе войны съ Польшею, и даже даровалъ имъ свободное богослуженіе ⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ вызовъ иностранцевъ въ Россію принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ: золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ, живописцевъ, кожевниковъ, корабельщиковъ, рудокоповъ, литейщиковъ, монетчиковъ. При ихъ участіи открываются казатныя фабрики и заводы желѣзныя и стекляныя. Въ 1631 г. для войны съ Польшею полковнику Лесли поручено было нанять въ Швеціи, Голландіи, Даніи и Англій 5000 солдатъ со всѣми принадлежностями ⁵⁾. По словамъ Олеарія, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Москвѣ постоянно жило до 1000 протестантскихъ семействъ. А немного спустя Алексѣй Михайловичъ приглашалъ уже Олеарія остаться при дворѣ въ качествѣ астронома, что очень не понравилось многимъ тогда въ Москвѣ, которые видѣли въ Олеаріѣ волшебника.

Но одного вызова иностранцевъ было недостаточно, и потому правительство озаботилось переводомъ на русскій языкъ иностраннаго военнаго устава и составленіемъ торговаго устава, по образцу западныхъ

¹⁾ Соловьевъ, V, 255—261, 471.

²⁾ Ibid. VI, 180, 276, 346.

³⁾ Fletcher, II, 8.

⁴⁾ Беръ, 22—28.

⁵⁾ Соловьевъ, IX, 409, 418, 422, 424; X, 350; XII, 282.

державъ, съ тѣмъ, чтобы оградить торговые интересы Россіи отъ весьма тяжелыхъ привилегій иностранныхъ компаній ¹⁾.

Столкновеніе съ новымъ элементомъ не замедлило отразиться на нравахъ общества. Василій Іоанновичъ изъ угожденія къ молодой жепѣ (Еленѣ Глинской) сталъ брить бороду ²⁾, что, при тогдашнихъ понятіяхъ общества, считалось почти святотатствомъ ³⁾. Въ обличеніяхъ митр. Данила мы встрѣчаемъ цѣлыя тирады, направленныя противъ молодыхъ щеголей, которые, по обыкновенному ходу вещей, прежде всего заботились объ измѣненіи своей вѣншности, т. е. брили бороды и усы, носили блестящее платье и вышитые шелкомъ сапоги; надѣвали дорогіе перстни на руки и умащали себя благовонными травами ⁴⁾. Нѣсколько позже Барберини выписывалъ изъ-за границы въ Моевву въ большомъ количествѣ разныя воды душистыхъ и хорошихъ сортовъ, а для умыванія рубъ самыя лучшія мыла. Иностранные писатели начала XVII в. говорятъ уже о чрзвѣрномъ вторженіи иностранныхъ обычаевъ въ русское общество, которые могли, даже по ихъ заключенію, привести къ неблагопріятнымъ результатамъ въ дальнѣйшемъ развитіи этой безусловной раздражительности ⁵⁾, которая еще далека отъ самоусовершенствованія. Конечно, такое направленіе общества не могло нравиться охранительной партіи. Извѣстный Берсень-Беклемишевъ, въ тайной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, сильно порицалъ наступившій порядокъ вещей, высказывая мнѣніе, что та земля не долго стоитъ, которая перемѣняетъ свои обычаи ⁶⁾. А когда подобные возгласы оказались напрасными, то защитники старины обратились съ своими настояніями къ патріарху, упрекая его за невниманіе словами: «Отецъ святой! зачѣмъ ты молчишь, видя все это»? Но, замѣчаетъ авторъ этого извѣстія, «дѣлатель изнемогъ, видя сѣмена лукавствія, сѣмья въ виноградѣ Христовомъ, и, только къ единому Господу Богу взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами» ⁷⁾. Впрочемъ, въ видахъ огражденія отъ

¹⁾ Ibid. VIII, 326; XIII, 116—126.

²⁾ Герберштейнъ.

³⁾ Буслаевъ, Очерки, стат. Древнерусская борода.

⁴⁾ Бѣляевъ, Митр. Данилъ въ Чтен. о яз. и словесн. 1856—57, 111—115.

⁵⁾ ерѣ.

⁶⁾ Акты экспед. I, № 172.

⁷⁾ Изъ житія патр. Іова, Соловьевъ, VII.

крайняго увлеченія иноземнымъ вліяніемъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ былъ поданъ проектъ, затруднявшій доступъ иностраннымъ купцамъ внутрь страны и выѣздъ русскимъ за границу ¹⁾. Смутное же время, въ слѣдствіе посягательства Польши на самостоятельность Россіи, возбудило политическія и религіозныя антипатіи въ ней, и потому въ послѣдующее время всѣми мѣрами старались заградить доступъ католикамъ въ Москву, такъ что иностранцы были вызываемы исключительно изъ протестантскихъ государствъ ²⁾.

Послѣ паденія Византіи образовательное вліяніе Запада настолько становится очевиднымъ, что латинскій языкъ беретъ верхъ надъ греческимъ даже въ религіозной сферѣ. При составленіи полнаго списка Библии, Геннадій пользуется латинскимъ текстомъ и латинскими переводчиками (Веніаминъ); Максимъ Грекъ переводитъ съ греческаго на латинскій; а его помощники уже на русскій. Безъ сомнѣнія распространеніе латинскаго языка совершается посредствомъ дипломатическихъ сношеній. Правда и въ XVI, и въ XVII вв. являются въ Россіи греки, которые принимаютъ участіе въ образовательномъ движеніи того времени (Максимъ Грекъ, Арсеній Грекъ, Паисій Лигаридъ, братья Лихуды), но это были уже латинизированные греки, т. е. прошедшіе латинскую школу въ западныхъ училищахъ и университетахъ, хотя и сохранявшие болѣе или менѣе ученіе восточной церкви. Такъ, постепенно открывается путь латинскому языку въ Россію, который, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, получаетъ преобладающее значеніе въ сравненіи съ греческимъ (о южной Россіи скажемъ ниже).

Образовательное движеніе болѣе всего обнаруживается въ той средѣ, которая ближе стояла къ его источнику, именно среди пословъ. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранными посланцами или посѣщая иностранные дворы—русскіе послы скорѣе, другихъ, могли поддаться ихъ вліянію. Къ такимъ лицамъ, какъ мы видѣли, принадлежали—Ѳеодоръ Курицынъ и Вассіанъ Патрикѣевъ, извѣстные по своему времени образованіемъ. Сюда же слѣдуетъ присоединить и двухъ помощниковъ Максима Грека—Димитрія Герасимова и Власія. Первый изъ нихъ учился въ Ливоніи, хорошо зналъ латинскій и нѣмецкій языки и былъ посломъ при дворахъ: шведскомъ, датскомъ, прусскомъ, импер. Максимилиана и папы. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ передалъ многое о

¹⁾ Fletcher, I, 141.

²⁾ Оларій, кн. III, гл. 31.

Россіи Іовію, который записалъ это въ своемъ сочиненіи: *De legationibus Basilii magno principis Moscoviae* ¹⁾ Власій былъ посредникомъ съ Герберштейномъ и участвовалъ въ посольствѣ въ Карлу V и въ Данию. Съ его словъ писать о Россіи Іоаннъ Фабръ ²⁾. Одновременно съ ними принадлежалъ въ посольству бояринъ Ѳеодоръ Карповъ. При Іоаннѣ III и Василіѣ Іоанновичѣ въ Москвѣ распространилась наклонность къ изученію астрологій, которую особенно пропагандировалъ врач послѣднѣго Николай Люевъ (или Булевъ), и Ѳеодоръ Карповъ пристрастился къ занятіямъ ею. Мы не должны принимать здѣсь астрологическія занятія исключительно въ дурномъ смыслѣ; такъ какъ въ то время астрологія была тѣсно связана съ астрономіею. О Карповѣ мы знаемъ только, что онъ увлекался стройнымъ порядкомъ природы и правильностью ея явленій, которыя казались ему доступны предугадыванью; но Максимъ Грекъ не совѣтовалъ ему слишкомъ увлекаться красотой природы, чтобы не поколебать вѣры. Изъ посланія Максима къ Карпову видно, что послѣдній упрекалъ его за строгій приговоръ свѣтскимъ («виѣшнимъ») наукамъ, чѣмъ вызвалъ его на длинное объясненіе ³⁾. Изъ Посольскаго приказа вышли Григорій Котошихинъ, оставившій намъ безпристрастное описаніе Московскаго государства (О Россіи въ царст. Алексѣя Михайловича), Матвѣевъ и Ординъ-Нащокинъ, невѣстные дѣятели времени Алексѣя Михайловича ⁴⁾. Наконецъ члены Посольскаго приказа являются участниками въ образовательной реформѣ Петра Великаго. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить все значеніе того вліянія, о которомъ мы говоримъ.

Но вліяніе западной образованности возникло изъ практическихъ потребностей страны, и потому дѣятельное участіе въ ея судьбѣ при-

¹⁾ О Герасимовѣ у Іовія, 13, 14, Карамзинъ, VII, 86; IV, пр. 360; VIII, 15.

²⁾ Карамзинъ, VII, 125, и Аделунгъ въ *Обз. путешеств. по Россіи*.

³⁾ *Посл. Карпову* въ сочин. Макс. Грека, I.

⁴⁾ Вотъ примѣръ, какъ распространялись научныя свѣдѣнія среди пословъ. Олеарій рассказываетъ, что во время путешествія голштинскаго посольства въ Персію, сопровождавшій его русскій посолъ Романчиковъ такъ пристрастился къ занятіямъ математикою, что безпрестанно бесѣдовалъ о ней съ послами, занимая въ каждомъ городѣ примѣненіемъ астрологій и дѣлалъ математическія выкладки. Бромъ того онъ изучилъ хорошо латинскій языкъ. Но, узнавъ о неудовольствіи на него царя за дѣйствія въ Персіи, Романчиковъ отравился.

нимаетъ правительство. Склонный къ книжности, Иоаннъ Грозный не могъ остаться равнодушнымъ къ образованію. По его желанію было переведено на русскій яз. сочиненіе Светонія о римскихъ цезаряхъ; Иоаннъ хотѣлъ имѣть и переводъ Тита Ливія; но не могъ склонить на такой трудъ проживавшихъ въ Москвѣ иностранцевъ. Въ 1547 г. Иоаннъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитте для приглашенія ученыхъ и ремесленниковъ. Съ разрѣшенія Карла V онъ избралъ ихъ 123 человекъ, но они, по настоянію ливонцевъ, не были пропущены черезъ границу, а одинъ изъ желавшихъ проникнуть въ Россію былъ даже казненъ смертію. Ливонцы опасались политическаго возвышенія Россіи и успѣли этимъ занугать Карла V. Въ другой разъ, узнавши о намѣреніи одного изъ пушечныхъ мастеровъ переѣхать въ Россію, дерптскій епископъ сослалъ его подальше. Сигизмундъ-Августъ убѣждалъ Елисавету англійскую не вступать въ тѣсный союзъ съ Россіею и не содѣйствовать ей въ военномъ искусствѣ, потому что слабость ея, по словамъ короля, заключалась въ недостаткѣ образованія ¹⁾. Этотъ мотивъ вполне понятенъ въ устахъ опасавшагося сосѣда. Но были и другія препятствія для новаго движенія.

Видя крайнюю неисправность въ перепискѣ книгъ, изъ которыхъ въ половинѣ XVI в. только весьма небольшая часть оказалась годными въ употребленію ²⁾, Иоаннъ Грозный задумалъ устроить типографію (1533 г.), въ которой занимались уже русскіе мастера, выучившіеся своему мастерству у нѣмцевъ. Въ 1564 г. была напечатана первая книга — Дѣянія апостоловъ, а 1565 г. Часословъ; но въ слѣдъ за тѣмъ мастера должны были бѣжать въ Литву, какъ обвиненные въ ереси, и домъ былъ сожженъ. Они объясняли свою неудачу гоненіемъ начальниковъ, духовенства и учителей, вѣроятно книжниковъ, опасавшихся въ печатаніи подрыва своему ремеслу ³⁾. Эта сторона, по словамъ Курбскаго, всѣми мѣрами старалась отклонить молодыхъ людей, желавшихъ учиться отъ чтенія книгъ: «не читайте многихъ книгъ, говорили консерваторы, вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а этотъ въ ересь впалъ» ⁴⁾. Коллинсъ говоритъ,

¹⁾ Соловьевъ, VI, 147, 283.

²⁾ См. наше изслѣд. Максимъ Грекъ, гл. I.

³⁾ Соловьевъ, VII, 243, 244. Флетчеръ говоритъ, что въ этомъ об-
винували тогда духовенство, II, 90.

⁴⁾ Опис. Рум. музея, 5b7.

будто-бы въ 1560 г. царь устроилъ въ Москвѣ училище латинскаго языка, но оно скоро было уничтожено, по прояскамъ той же партіи «силою и оружіемъ» (vi et armis) ¹⁾; что вполне понятно, такъ какъ латинскій языкъ, будучи языкомъ враждебной религіи, въ средѣ большинства пользовался особенною неблагосклюбною ²⁾.

Борисъ Годуновъ шелъ по слѣдамъ Іоанна Грознаго. Желая обзавестись свѣдущими людьми, онъ въ 1598 г. предложилъ Боярской думѣ вызвать ученыхъ изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи и Англіи, а для изученія разныхъ языковъ учредить школы; но духовенство не согласилось на его предложеніе, заявивъ, что въ Россіи до сихъ поръ, не смотря на ея обширное пространство, господствовало единоувѣріе и единоправіе; а если настанетъ равноязычіе, то поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе ³⁾. Но все-таки онъ послалъ за границу 18 молодыхъ людей для ознакомленія съ науками, по 6 человекъ во Францію, Англію и Любекъ. Такъ говоритъ Беръ (Буссовъ); но изъ дѣлъ Московскаго архива видно, что въ Любекъ было отправлено 5 человекъ, а въ Англію 4 ⁴⁾. Изъ письма же Лонціуса извѣстно, что Борисъ намѣревался даже основать университетъ ⁵⁾. Дмитрій Самозванецъ хотѣлъ вызвать изъ заграничи ученыхъ людей, для преподаванія наукъ и разрѣшить русскимъ безпрепятственно путешествовать за границу, а также имѣлъ въ виду основать университетъ ⁶⁾. Однимъ словомъ, измѣненіе въ направленіи общества стало несомнѣннымъ.

Но въ то же время идетъ ожесточенная борьба стараго порядка съ новымъ. Современники говорятъ, что желавшіе заниматься науками должны были дѣлать это тайкомъ, боясь обвиненій въ чародѣйствѣ ⁷⁾ — мотивъ противъ науки чисто средневѣковаго характера. Когда патриархъ Никонъ приобрѣлъ черезъ Арсенія Грена до 1000 книгъ греческихъ и лагидскихъ, въ числѣ которыхъ были Гомеръ, Гезіодъ, Геродотъ,

1) Коллинсъ, О состояніи Россіи, стр. I.

2) Маржеретъ, 260.

3) Беръ, 18. Извѣстіе Бера принимаютъ Соловьевъ и Карамзинъ.

4) Карамзинъ, XI пр. 126.

5) Ib. пр. 125.

6) Беръ, 49; Маржеретъ, 314, 315; Бареццо-Барецци, 18.

7) Коллинсъ, стр. 1. Дневникъ Маскѣвича, 55; Олсариѣ, III, 25; Crull, 143.

Софосль, Аувидидъ, Демосаентъ и т. п., то представители раскола (за-
вопили, что въ русской землѣ совершился развратъ «противными дѣла-
ми и нововводными догматами»¹⁾. Съ другой стороны, любываніе
за брадичю смѣялись надъ невѣжествомъ своихъ, москвитянъ²⁾. Оче-
видно, что при такомъ антагонизмѣ двухъ сторонъ менальные факты
пренебреженія интересами страны были вполне естественны. Говорятъ,
что лѣзь лицъ, отправленныхъ Борисомъ за границу, возвратился только
одинъ; остальные пустились въ свѣтъ и не хотѣли знать своего отече-
ства³⁾. Сынъ Ордина-Нащокина, воспитывавшійся у иностранцевъ
наслушавшись ихъ разсказовъ о западной Европѣ, сбѣжалъ за границу.
XVII вѣкъ—это вѣкъ борьбы двухъ направленій, которая ведется во
имя самыхъ задушевныхъ интересовъ и стремленій, и потому отличается
полнымъ драматизмомъ.

Между тѣмъ, какъ на сѣверѣ, образовывалось Московское госу-
дарство, южная Россія подчинилась Польшѣ, и долго еще находилась
въ такомъ же положеніи по образованію, какъ и сѣверная. Но, возник-
нувшій религиозный антагонизмъ въ польскомъ государствѣ, заставилъ тамъ
обратить вниманіе на то орудіе, которымъ дѣйствовала католическая
пропаганда въ свою пользу. Отсюда образованность южной Россіи при-
обрѣтаетъ характеръ богословско-схоластическій. Полемика становится
главною цѣлью южно-русской школы. Съ другой стороны, греки, послѣ
паденія Византіи, ищутъ образованности въ западныхъ университетахъ,
но преимущественно католическихъ, гдѣ прибрѣтаютъ тотъ же языкъ.
Въ видахъ чистоты вѣры, московское правительство обращается за со-
дѣйствіемъ къ тѣмъ и другимъ. Но, прибывъ въ Москву, эти лица,
посылаемые на полемику, не могутъ позабыть ея и только усиливаютъ
тотъ религиозный антагонизмъ, который проявился въ Москвѣ подъ
вліяніемъ столкновенія стараго порядка съ новымъ. Въ Москвѣ откры-
вается обширная богословская полемика въ то время, когда, въ науч-
ныхъ интересахъ, менѣе всего ея слѣдовало бы желать. И вотъ пред-
ставители старой партіи отворачиваются отъ этихъ посредниковъ науки
и объявляютъ греческихъ и южно-русскихъ ученыхъ еретиками. Въ мо-
сковскія школы вносятся средневѣковая схоластика, и наука отходитъ
на второй планъ. Такъ было до реформы Петра В. Но объ этихъ пе-

¹⁾ Шаповъ, Русскій расколъ, 147.

²⁾ Маршаретъ, 314.

³⁾ Беръ, 18.

реходах русской культуры мы будем говорить въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, а теперь спѣшимъ сдѣлать общее заключеніе настоящей главы, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ заключеніемъ и всего предыдущаго изслѣдованія.

Малый объемъ научнаго вліанія Византіи на Россію, по нашему мнѣнію, происходилъ отъ слѣдующихъ общихъ причинъ:

1) Въ то время, когда Россія подчинилась вліанію Византіи, образованность послѣдней находилась уже въ упадкѣ.

2) Не имѣя исторической связи съ древнею культурою, русское общество не могло воспользоваться ею при ограниченномъ знаніи греческаго языка.

3) Въ разсматриваемую эпоху въ Византіи преобладало теологическое образованіе, которое шло чрезъ монастыри, сдѣлавшіяся какъ для южныхъ славянъ, такъ и для Россіи, единственными центрами образованности, и потому отсюда доставались источники по преимуществу имѣвшіе значеніе для монастырской жизни; русскіе же монастыри, не имѣя и той связи съ научнымъ образованіемъ, какая существовала въ византійскихъ, конечно заботились о распространеніи книжнаго матеріала, удовлетворявшаго только ихъ потребностямъ.

Что же касается научнаго значенія источниковъ, доставшихся изъ Византіи въ Россію, то о нихъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе:

1) Такъ какъ общенсторическія свѣдѣнія почерпались изъ источниковъ исключительно византійской эпохи, то они ограничивались кругомъ народовъ, важныхъ въ библейскомъ отношеніи, или близкихъ къ Византіи, по своей исторической связи. Поэтому общенсторическія свѣдѣнія въ данную эпоху ограничивались преимущественно Востокомъ.

2) При узкомъ объемѣ школьнаго обученія (см. главу I) всѣ свѣдѣнія имѣли отрывочный характеръ, такъ какъ все зависѣло отъ личной начитанности каждаго, а при недостаткѣ критики легко воспринимались самыя противорѣчивыя взгляды.

3) Обличительный характеръ источниковъ въ дальнѣйшемъ ходѣ древней образованности долженъ былъ отразиться скептическимъ отношеніемъ къ тѣмъ вопросамъ, которые собственно составляли содержание матеріала, имѣвшаго въ виду объясненіе того или другаго научнаго предмета.

Въ слѣдствіе же продолжительнаго изолированнаго положенія сѣверо-восточной Россіи, состояніе ея культуры должно было пострадать еще.

какъ отъ удаленія отъ центровъ образованности, такъ и отъ естественныхъ и этнографическихъ условій страны. Поворотъ въ направленіи отъ Востока въ Западъ, надвигается только съ образованіемъ Московскаго государства. А такъ какъ потребности образованности, возникають изъ практическихъ интересовъ, то во главѣ этого движенія становится правительство. Однако на первыхъ порахъ сильная реакція старой партіи составляетъ его дѣлатъ уступки.

Но на горизонтѣ видѣется уже величавая личность, преобразователю Россіи, который вперве далъ наукѣ въ Россіи права гражданства. Впослѣдствіи посвятивъ себя на служеніе обществу, строго преслѣдуя цѣли задуманной реформы, глубоко уважая знаніе, какъ образовательную силу, во всеобщее уваженіе, и никогда не знавъ въ себѣ духа реакціи, Петръ В. совершаетъ готъ громадный переворотъ въ обществѣ, который, по всей справедливости, называется его именемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Значеніе научнаго образованія. Его отношеніе къ исторіи. Положеніе историка. Зависимость науки отъ общественныхъ условій. Важность направленія школы и характеръ школы древней Россіи. Его результаты. Неизмѣняемость требованій въ теченіе древняго періода. Зависимость такого состоянія образованности отъ положенія науки въ Византіи (стр. 1—11). Вырожденіе древней науки. Вліяніе восточныхъ идей на всѣ отрасли знанія. Столкновеніе философіи послѣдняго періода съ христіанствомъ. Вторженіе философскихъ системъ въ область послѣдняго: въ слѣдствіе чего появляется рядъ ересей съ отвлеченнымъ характеромъ. Антагонизмъ общества на Востоку и въ Византіи. Закрытіе языческихъ школъ (11 — 27). Аскетическая реакція языческой нравственности. Образованіе монастырской системы. Обширность монастырей и основныя правила ихъ жизни. Ихъ отношеніе къ обществу. Борьба съ представителями языческой мудрости (27—37). Остатки древней образованности въ Византіи и характеръ ея школы. Научныя мнѣнія. Полемическое направленіе общества. Политическія условія Византіи неблагопріятствуютъ развитію науки. Въ XII вѣкѣ обнаруживаются всѣ признаки ея упадка. Порта языка. Исчезновеніе памятниковъ древней литературы послѣ завоеванія Константинополя латинами и турками. (37—46). Одновременное распространеніе въ высшемъ обществѣ суевѣрій. Апокрифы. Ихъ связь съ еретическимъ движеніемъ Востока. Мысль о концѣ міра и ея отношеніе къ судьбѣ Константинополя. Результаты всего предыдущаго. (46—52).

Глава II. Образовательное вліяніе Византіи на Россію. Греческій и восточно-славянскій элементъ въ русской іерархіи. Степень распространенности греческаго языка въ Россіи въ древнѣйшій періодъ. Библиотека (вначалѣ Великовнуческой библиотеки въ Москвѣ. Переводная литература) церковнаго характера. Вліяніе ея на обществен-

ную жизнь (52 — 68). Значение Востока в древней культуре России. Содержание записок русских путешественников. Распространение монашества в России. Два типа монастырей: общежительные и скитские. Общий характер их уставов. (68 — 76). Влияние Афонской горы. Полный представитель его — Ниль Сорский. Его психологическая теория и учение его о сита. Афонские выходы в России. Общественное значение Максима Грека и его школа. Основные мысли его учения. Различие между общежительным и скитским направлением в общественных вопросах (76 — 92). Культурное значение монастырей. Образец постепенного развития монастыря — Печерский монастырь. Отношения к монастырям русских князей. Политические и местные условия северо-восточной России благоприятствуют распространению там пустынножительства. (92 — 102).

Глава III. Монастырская колонизация. Древнейшая эпоха. Колонизация новгородских и псковских монастырей. Влияние на колонизацию севера Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Заселение Вологодского края, Костромской области, Поволжья и области Тверской. Распространение и количество монастырей по векам. (102 — 119). Мотивы, побуждавшие к отшельничеству и происхождение отшельников. Образцы аскетизма и уважение к ним общества. (119 — 126). Обширность монастырей сравнительно с населенностью городов. Отзыв Флетчера. Необходимость наделя возникающего монастыря землей. Столкновение его с соседними владениями и крестьянами. Мотивы к обогащению монастырей. Примеры постепенного распространения территории монастыря. Пространство всей монастырской территории в XVI и XVII вв. Количество монастырских крестьян. Населенность монастырских вотчин сравнительно с остальными. Причины их большой населенности. Это имеет отношение к прикреплению крестьян. Значение монастырей в заселении северо-восточной России. Примеры обширного заселения. (126 — 147). Удобство для жизни мест, избранных отшельниками. Обработка почвы и другие занятия в монастырях. Освоенных на месте пустынь. Разные промыслы. Урбанизация монастырей и их стратегическое значение. Промышленное значение монастырей. Их торговые права: ярмарочные, торговые дворы. Отзывы иностранцев о монастырской торговле. (147 — 158). Доходы

монастырей и стоимость недвижимой собственности. Значение монастырей, как благотворительных заведений (158—166).

Глава IV. Постепенное заселение сѣверо-восточной Россіи славяно-русскимъ племенемъ. Главныя направленія и причины колонизаціи этого края. Отзывъ Герберштейна о результатахъ ея. (166—171). Различіе въ направленіи гражданской и монастырской колонизаціи. Миссіонерское значеніе монастырей. Распространеніе христіанства въ Ростовско-Суздальской области; среди Мери, Вятчей, Карель, Лопарей; въ Великой Пермь, Казанской области и Сибири до конца XVII вѣка. Общіе результаты. (171—210). Реакція языческаго міра. Мнѣнія изслѣдователей о различіи религиозныхъ понятій въ южной и сѣверной Россіи. Вліяніе климатическихъ и этнографическихъ условій. Характеристика религіи сѣверной Азіи и Финской мифологіи. Смыслъ населенія, обычаевъ и понятій на сѣверъ и востокъ Россіи. Отраженіе этого порядка на русскою колонизацію. Преобладаніе суевѣрій въ народномъ міросозерцаніи. Въ древнюю эпоху оно распространяется на весь слой русскаго общества и подготавливаетъ почву для раскола. (210—225).

Глава V. Образовательное значеніе монастырей. Обширность и составъ монастырскихъ библиотекъ. Сравненіе ихъ съ библиотеками западныхъ монастырей. Процентъ общеобразовательныхъ сочиненій. Безусловное преобладаніе аскетическихъ произведеній. Результаты этого явленія въ общественной жизни. Количество писателей по положенію въ обществѣ и вліяніе монастырскихъ идеаловъ на характеръ письменности. Подражательность византійскимъ образцамъ. Четивныиъ Макарія—представляютъ полное выраженіе этой образованности: (225—237). Преобладаніе въ тогдашней книжности нравственныхъ вопросовъ. Воспитательное значеніе монастырей. Характеръ образованности въ монастыряхъ. Царскія и частныя библиотеки составляются по примѣру монастырскихъ. Отношеніе монастыря къ обществу и его идеалы. Взглядъ общества на монастырь. Монастыри становятся убожищами отъ общественныхъ бѣдствій и политическыхъ преслѣдованій. Принципъ рабства въ монастыряхъ. (237—246). Борьба аскетическихъ идеаловъ съ остатками язычества. Семейные идеалы. Взглядъ на женщину византійскихъ источниковъ. Вліяніе ихъ на русскіе памятники. Неразвитость женскаго типа. Положеніе женщины въ обществѣ. Порядокъ домашней жизни и ея

обстановка, Основанія домашней педагогика. Переходъ къ полнги-
ческому строю жизни (246—264).

Глава VI. Взаимныя отношенія церкви и государства въ средніе вѣка.
Развитіе римской и византійской системы. Причины для различія.
Очеркъ отношеній свѣтской и духовной власти въ Византіи. Пре-
обладаніе свѣтскаго авторитета. Сочувствіе этому русскихъ князей
(264—273). Борьба византійскаго и римскаго вліянія въ Россіи.
Церковная полемика и ея историческое значеніе. Столкновеніе
русскаго населенія съ враждебными религіями и результаты его.
Церковная зависимость Россіи отъ Византіи и попытки къ освобож-
денію. Политика константинопольскаго правительства и мнѣніе
о ней въ Россіи. Греческая партія въ русской іерархіи. Причины
неудачи въ освобожденіи отъ церковной зависимости въ древнѣйшій
періодъ заключаются въ политическихъ обстоятельствахъ Россіи.
(273—288). Взглядъ константинопольской іерархіи на церковное
единство въ Россіи. При всемъ томъ политическія условія ведутъ
къ церковному раздѣленію послѣдней. Взглядъ константинопольскихъ
патріарховъ на назначеніе митрополитовъ въ Россію изъ Констан-
тинополя. Въ эпоху упадка Византіи выступаетъ финансовый мо-
тивъ въ сохраненіи вліянія ея на Россію, что отражается и въ
назначеніи митрополитовъ. Дѣло Исидора служитъ предлогомъ къ
окончательному отдѣленію русской церкви отъ константинополь-
скаго патріарха. Обязательство епископовъ не принимать митропо-
литовъ изъ Константинополя. (288—293). Состояніе константино-
польскаго патріаршества подъ властью турокъ. Возникновеніе мысли
о прежнемъ вліяніи на Россію. Дѣятельность Максима Грека по
тому вопросу. Его неудача (293—296). Въ періодъ зависимости
Россіи отъ Византіи въ русское общество проникаютъ политическія
понятія послѣдней; но патріархи стараются установить зависимое
отношеніе Россіи къ императорамъ. Проводникомъ византійской
культуры служитъ духовенство. Сфера его дѣятельности. Обшир-
ность его юридическихъ правъ. Нравственное и матеріальное же-
гущество. Его вліяніе на измѣненіе юридическаго быта страны.
Распространеніе въ Россіи юридическихъ памятниковъ Византіи.
Отличіе восточной юриспруденціи отъ западной. Отъ каноническихъ
постановленій вліяніе византійской юриспруденціи распростра-
няется на свѣтское законодательство. Борьба мѣстныхъ областей

съ византийскими понятиями. Утверждение юридических понятий Византии въ русскомъ обществѣ. (296—313).

Глава VII. Распространение политическихъ понятий Византии въ Россіи.

Взглядъ на значеніе свѣтской власти греческой и русской іерархіи.

Онѣ приобретаетъ значеніе по мѣрѣ развитія политическаго быта страны. Разнообразіе послѣдняго по мѣстнымъ условіямъ. Причины, содѣйствовавшія возвышенію сѣверо-восточной Россіи. Значеніе духовнаго центра, при политической разъединенности Россіи. Соединеніе интересовъ духовенства съ политикою московскихъ князей.

(313—320). Совмѣстное ихъ дѣйствіе въ пользу возвышенія Московскаго княжества. Территориальная зависимость духовенства отъ свѣтской власти — одна изъ причинъ содѣйствія его послѣдней въ установленіи единой державы. Монастыри дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Стремленіе ихъ къ непосредственной зависимости отъ московскаго князя. Вліяніе послѣдняго на выборъ лицъ высшей іерархіи. Повровительство московскихъ князей монастырямъ. Посѣщеніе послѣднихъ и расположеніе къ ихъ представителямъ. Троицкія походы. Примѣры дѣятельности монастырей въ пользу власти.

(320—336). Политическая традиція монастырей въ пользу Москвы идетъ отъ Сергія Радонежскаго и полного развитія достигаетъ въ лицѣ Іосифа Санина (Волоколамскаго). Волоколамскій монастырь представляетъ типъ общежительнаго монастыря въ эпоху образованія Московскаго государства. Іосифъ сознаетъ значеніе власти въ своей борьбѣ съ Серафіономъ архіеп. новгородскимъ. Теоретическое развитіе Іосифомъ идеи свѣтской власти. Взглядъ современниковъ на дѣятельность Іосифа. Его значеніе у Василя Іоанновича. Іосифъ завѣщаетъ свой монастырь великому князю. (336—352). Преемникъ Іосифа Даниилъ слѣдуетъ его примѣру. Избраніе Даниила въ митрополиты и его содѣйствіе вел. князю. Близость учениковъ Іосифа къ послѣднему. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при

Федорѣ Чланиновичѣ рязан. еписк. Леонидѣ (іосифлянина) съ ростов. архіеп. Евкимѣмъ. Совѣтъ Бассіана Топоркова (іосифлянина) Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ «іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360). Примѣвнѣе господствующихъ понатій къ действительности. Отношеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

къ послѣднему. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при Федорѣ Чланиновичѣ рязан. еписк. Леонидѣ (іосифлянина) съ ростов. архіеп. Евкимѣмъ. Совѣтъ Бассіана Топоркова (іосифлянина) Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ «іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360). Примѣвнѣе господствующихъ понатій къ действительности. Отношеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

къ послѣднему. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при Федорѣ Чланиновичѣ рязан. еписк. Леонидѣ (іосифлянина) съ ростов. архіеп. Евкимѣмъ. Совѣтъ Бассіана Топоркова (іосифлянина) Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ «іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360). Примѣвнѣе господствующихъ понатій къ действительности. Отношеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

къ послѣднему. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при Федорѣ Чланиновичѣ рязан. еписк. Леонидѣ (іосифлянина) съ ростов. архіеп. Евкимѣмъ. Совѣтъ Бассіана Топоркова (іосифлянина) Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ «іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360). Примѣвнѣе господствующихъ понатій къ действительности. Отношеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

къ послѣднему. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при Федорѣ Чланиновичѣ рязан. еписк. Леонидѣ (іосифлянина) съ ростов. архіеп. Евкимѣмъ. Совѣтъ Бассіана Топоркова (іосифлянина) Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ «іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360). Примѣвнѣе господствующихъ понатій къ действительности. Отношеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

къ послѣднему. Политическое значеніе партіи «іосифлянъ». Она сохраняетъ за собою вліяніе въ теченіе XVI вѣка. Процессъ при Федорѣ Чланиновичѣ рязан. еписк. Леонидѣ (іосифлянина) съ ростов. архіеп. Евкимѣмъ. Совѣтъ Бассіана Топоркова (іосифлянина) Іоанну Грозному. Причина негодованія кн. Курбскаго противъ «іосифлянъ». Вліяніе мнѣній Курбскаго на общество. (352—360). Примѣвнѣе господствующихъ понатій къ действительности. Отношеніе московскихъ государей къ обществу и взглядъ послѣдняго

на ихъ власть. Теорія власти, изложенная Иоанномъ Брознымъ. Политическія преданія Византіи (Софія Палеологъ). Вѣгидь современниковъ на этотъ порядокъ. Измѣненіе придворнаго порядка. Москва — третій Римъ. Царское вѣнчаніе и титуль. Олассенія русскіихъ книжниковъ. Проектъ придворнаго штата по образцу Византіи. (360—365). Общія выводы изъ предъидущаго. (366—370).

Глава VIII. Оппозиція существующему порядку. Характеръ религіозности древней Россіи. Признаки раскола. Однообразное содержаніе литературныхъ памятниковъ въ теченіе продолжительнаго періода. Противоположное направленіе возникаетъ въ Новгородской области. Причины появленія и характеръ ереси стригольниковъ. Условія новгородскаго быта благоприятствуютъ этому движению. Характеръ церкви въ Новгородѣ и Псковѣ. Тамъ стремятся подчинить ее политическому быту. Столкновенія новгородскаго архіепископа съ московскимъ митрополитомъ. Посредничество константинопольскихъ патріарховъ. Взаимныя отношенія Пскова и Новгорода приводятъ къ политическому и церковному разрыву. Политическій бытъ Пскова и отсутствіе іерархической власти благоприятствуютъ образованію анти-іерархическаго движенія и демократическому устройству церковнаго управленія. Это отражается и въ позднѣйшую эпоху. Постоянное препятствіе со стороны новгородскаго архіепископа. Но и въ Новгородѣ, при существованіи іерархической власти, взглядъ на нее значительно разнится отъ каноническаго. (370—389). Дальнѣйшее развитіе ученія стригольниковъ — «новгородская ересь» (жидовствующихъ). Ихъ связь. Причины анти-іерархическаго движенія въ низшемъ духовенствѣ. Вопросъ о вдовихъ священникахъ. Сравненіе быта бѣлаго и чернаго духовенства въ древнюю эпоху. Свѣтскій характеръ духовнаго управленія. Протестъ Григорія Сурепицы. Распространеніе византійскихъ обличительныхъ догматовъ, касающихся церковной жизни въ слѣдствіе усилившейся съ исхода XIV в. книжности въ Россіи. Еретическія апокрифы. «Новгородская ересь» представляетъ смѣсь ученій, возникшихъ на новѣ существующихъ отношеній и подъ влияніемъ тогдашней книжности. Иудейскій элементъ въ ереси. Его образовательное значеніе и связь съ умственнымъ движениемъ въ еврейскомъ мірѣ. Происхожденіе Схарія. Дѣятельность его кружка въ Новгородѣ и Москвѣ. Астрологія и математическія книги. Въ слѣдствіе разнообразія мнѣній

и обличения ереси не имѣютъ однообразной системы. Рационалистическіе результаты еретическаго движенія. Положительное вліяніе ереси. Поворотъ Новгородца усиливаетъ религиозное броженіе. Недовольство архіепископами, назначаемыми изъ Москвы. Розыскъ Геннадіи. Несочувствіе имъ Іоанна III. Рѣшеніе собора 1490 г. Толкъ о кончинѣ мѣра (1492) (389—411). Геннадій вызываетъ на борьбу Іосифа Волоколамскаго. Характеристика послѣдняго. Борьба придворныхъ партій. Торжество Василія Іоанновича. Вызовъ Іосифа на соборъ о вдовыхъ полахъ (1503). Бесѣды его съ Іоанномъ III о еретикахъ. Колебаніе Іоанна. Вопросъ о казни еретиковъ, Іосифъ достигаетъ цѣли чрезъ Василія Іоанновича (соборъ 1504). Возраженіе послѣдователей Нила Сорскаго. Вопросъ о покаявшихся еретикахъ вводитъ на вопросъ о терпимости. Согласіе въ немъ послѣдователей Нила (всепрощеніе) съ мнѣніемъ еретиковъ (терпимость). Способъ защиты казни Іосифомъ. Полное торжество его мнѣній при Василѣ Іоанновичѣ. Заступничество Вассіана Патрикѣева (ученика Нила) за еретиковъ. Дѣятельность учениковъ Іосифа. Его борьба съ Вассіаномъ. Характеристика послѣдняго. Непримируемая вражда двухъ направленій. Причины ихъ разногласія по вопросу о преслѣдованіи еретиковъ. (411—426). Вопросъ о реформѣ монастырей. Вліяніе политическихъ причинъ на упадокъ монастырской жизни. Онъ преимущественно замѣчается въ городскихъ монастыряхъ. Матеріальное положеніе монастырей (съ конца XV—XVIII в.) Положеніе монастырскихъ крестьянъ въ эту эпоху. Средства къ управленію монастырской жизни. Взглядъ на этотъ вопросъ Нила Сорскаго и Іосифа Санина (монастырскія имущества). Отношеніе къ нимъ власти. Рѣшеніе собора 1503 г. (426—436). Литературное развитіе вопроса о церковныхъ имуществахъ при Василѣ Іоанновичѣ: борьба Вассіана съ Іосифомъ. Максимъ Грекъ. Защита мнѣній Іосифа его ученикомъ мѣтр. Даниломъ. Оужденіе Максима Грека въ Вассіана. Замѣчаніе современника объ этой борьбѣ. (436—441). Дальнѣйшее ея развитіе. Остатки новгородской ереси. Распространеніе реформаціонныхъ идей изъ Польши и Ливоніи. Дѣло Башкина, Артемія и ихъ соучастниковъ (борьба противъ рабства, преобладающаго формальной стороны религіи и преслѣдованія еретиковъ). Это общество непосредственно примыкаетъ къ послѣдователямъ Нила Сорскаго. Новое столкновеніе преданій Нила съ стремленіями іосиф-

флянтъ. Торжество послѣднихъ. (441—449). Вопросъ о церковныхъ изображеніяхъ (дѣло Висковатова). Крайнее развитіе предыдущихъ ученій—Феодосій Косой. Его возраженія противъ направленія Іосифа. Приливъ польскаго элемента при Дмитріѣ Самозванцѣ содѣлываетъ религиозному броженію: князь Иванъ Хворостинъ. Отраженіе преданій Іосифа въ приговорѣ послѣдняго. Дальнѣйшее развитіе скептическаго направленія общества въ отрицательныхъ сектахъ: раскола. (449—455) Выводы (455—457). Религиозное движеніе выставляется на видъ вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти въ Россіи. (457).

Глава IX. Политическое положеніе духовенства въ древней Россіи. Два періода въ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной. Значеніе въ этомъ случаѣ политическаго возвышенія Москвы и непосредственной зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. Измѣненіе въ отношеніяхъ дѣлается вполне яснымъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Вліяніе воспитанія на характеръ послѣдняго. Опека Сильвестра поселяетъ въ немъ негодованіе къ дѣлой системѣ. Іоаннъ формулируетъ свѣтскую власть, какъ независимую отъ вліянія духовной. Частныя смѣны митрополитовъ. Борьба Іоанна съ митр. Германомъ и Филиппомъ. Произвольные браки. Приговоры надъ высшими духовными лицами. Ограниченіе судебныхъ и имущественныхъ правъ духовенства въ эпоху самостоятельнаго правленія Іоанна. (458—471). Мысль объ учрежденіи патріаршества по смерти Іоанна. Прежнія притязанія константинопольскихъ патріарховъ и царствованіе Федора Іоанновича благоприятствуютъ этому. Участие патріарховъ въ политическихъ дѣлахъ смутнаго времени возвышаетъ ихъ значеніе. Привилегіи патр. Филарета. Отношенія Алексѣя Михайловича къ патр. Іосифу. Но обширныя привилегіи духовенства и высшаго сословія вызываютъ, какъ со стороны правительства, такъ и въ заявленіяхъ общества—потребность ихъ ограниченія. Развѣтвіе этого вопроса въ періодъ отъ Іоанна III до Алексѣя Михайловича исключительно. Это стремленіе выражается въ Уложеніи. Отношенія наступившему порядку. Патр. Никонъ (471—481). Характеристика Никона. Его сближеніе съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Участие въ усмиреніи бунта въ Новгородѣ. Значеніе перенесенія мощей митр. Филиппа и грамота, составленная по этому поводу, отъ имени Алексѣя Михайловича. Избраніе Никона въ патріархи. Никонъ, первый

государь. Его управление государством во время отсутствия царя въ польскомъ походѣ. Столкновение съ боярами. Заботы о царскомъ семействѣ во время моровой язвы. Возвышеніе власти Никона и неудовольствіе духовенства. Негодованіе на Никона за исправленіе книгъ. Отсутствие его изъ Москвы во время постройки Воскресенскаго монастыря. Столкновение Никона съ царемъ. Онъ заявляетъ притязаніе на уничтоженіе Уложения. Недовольство Никона на стѣсненіе церковнаго суда и ограниченіе церковныхъ имуществъ. Онъ проводитъ идею независимости духовнаго вѣдомства отъ государства. Мнѣніе Никона объ отношеніяхъ церкви и государства. Теорія духовной власти, по взгляду Никона. (481—496). Но формы духовнаго суда вообще и управленіе Никона въ частности не разнятся отъ свѣтскаго управленія и суда. Челобитныя царю на Никона. Политическій мотивъ въ разрывѣ царя съ Никономъ (1658). Полное развитіе характера Никона во время отршенія его отъ дѣлъ. Онъ старается удержать власть за собою. Пребываніе его въ Воскресенскомъ м. Взглядъ греческихъ епископовъ на дѣло Никона. Попытка Никона возвратитъ прежнее положеніе. Обращеніе къ патриархамъ. Взглядъ Никона на свою участь. Соборъ 1666 г.; лишеніе Никона патриаршества и заточеніе. Взаимныя отношенія Алексѣя Михайловича и Никона во время заточенія послѣдняго. Никоноцъ не признаетъ отршенія. Дальнѣйшая судьба Никона и его мнѣній. Причина медленности въ исходѣ дѣла Никона. Характеръ отвѣтовъ восточныхъ патриарховъ объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти совершенно противоположенъ римской теоріи. Ограниченіе правъ свѣтскаго суда въ церковныхъ дѣлахъ (496—504). Выводы (504—505).

Глава X. (Заключительная). Объемъ образовательнаго вліянія Византіи на Россію. Причины слабости научнаго вліянія (505—510). Источники свѣдѣній по разнымъ предметамъ, заимствованные изъ Византіи. Основаніемъ въ научныхъ понятіяхъ служатъ сочиненія Іоанна Дамаскина. Знакомство съ теоріей языка; философскими понятіями и нравственными вопросами. Общій характеръ ихъ. Отношеніе византійскихъ источниковъ къ мнѣніямъ древнихъ. Имена древнихъ писателей, извѣстныхъ тогда въ Россіи. Понятія о разныхъ предметахъ древней образованности. Максимъ Грекъ укрѣпляетъ византійскій взглядъ на древнюю культуру. Его отношеніе къ эпохѣ

возрожденія и научныя свѣдѣнія, заключающіяся въ его сочиненіяхъ. Сопоставленіе мнѣній древнихъ писателей съ обличеніями византійскихъ писателей. Вліяніе послѣднихъ на русское общество. Степень критики. (510—519). Переходъ къ исторіи. Сочиненія повѣствовательнаго характера. Историческое изложеніе ветхаго завета (Палея). Общенсторическія сочиненія: хроники Іоанна Малаля и Георгія Амартола; Парадипоменонъ Зонары; лѣтописи Манассія и патр. Никифора. Составные хронографы. Сказанія о Константинополѣ. Общій характеръ историческихъ свѣдѣній. Историко-теоретическія воззрѣнія (519—536). Космографическія свѣдѣнія по византійскимъ источникамъ: соч. І. Дамаскина, Космы Индикоплова, Георгія Писиды; ученіе объ астральныхъ духахъ; видоизмѣненныя системы Аристотеля и Птолемея по апокрифамъ; восточныя представленія о мірѣ. Результаты. Отношеніе въ противоположнымъ воззрѣніямъ. Продолжительность средневѣковаго періода. Расколъ. (536 — 552). Признаки измѣненія этого порядка. Поворотъ отъ Востока на Западъ. Иностраннй элементъ. Столкновеніе стараго порядка съ новымъ. Сфера вліянія послѣдняго. Его практическій характеръ. Значеніе Посольскаго приказа. Препятствія новому направленію. Антогонизмъ. Греки и южно-русы въ Москвѣ. Причина ихъ неудачъ. Значеніе Петра В. въ научномъ отношеніи. (552—561). Общее заключеніе (561—562).

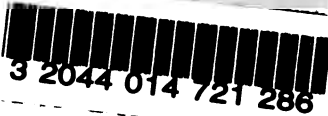
ВАЖНѢЙШАЯ ОПЕЧАТКА.

СТРАН.	ОТЪ	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
21	20	ПОТЛОЩЕНО	ПОТЛОЩЕНО
22	24	И ПОТОМУ И	И ПОТОМУ
23	20	СОЗДАНЫМИ НАМЪ ПРОТИВЪ СОЗДАНЫМИ НАМЪ	СОЗДАНЫМИ НАМЪ
23	21	ВЫЗВАВШАЯ НАКОНЕЦЪ	ВЫЗВАВШАЯ
43	1	ВОЛЪ	ВОЛЪ
45	27	И РАДИ ИМЕНА	И РАДИ ИМЕНА
51	6	ПРЕДЪ	ПРЕДЪ
60	12	(1908 г.)	(1908 г.)
63	33	ОНИ	ОНИ
85	16	ОНИ	ОНИ
119	13	ПОБУЖДЕНІЙ	ПОБУЖДЕНІЙ
135	29	1873	1872
137	25	ПОКОЖЕННЫМИ	ПОКОЖЕННЫМИ
138	25	ПОСТЫРАМИ	ПОСТЫРАМИ
143	25	1581	1580
144	29	САМЫ	САМЫ
148	24	ОБИТЕЛИ	ОБИТЕЛИ
151	17	МОСКОВСКАГО	МОСКОВСКАГО
151	27	СТРЕЛЬЦОВЪ	СТРЕЛЬЦОВЪ
152	9	ПУТЕЙ СООБЩЕНІЕ	СООБЩЕНІЙ
155	3	ОНИ	ОНИ
169	8	БОЛЪ	БОЛЪ
171	31	ЗАПЕЧАТЛѢВАЯ	ЗАПЕЧАТЛѢВАЯ
172	13	ОТЪСЯ	ОТЪСЯ
177	26	ОНИ	ОНИ
179	4	ФИНЕВІЯ	ФИНЕВІЯ
185	примѣч. 1	ОНИ	ОНИ
187	11	ЕМУ	НА НЕМЪ

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
187	39	осносятся	относятся
188	21	которой	который
192	13	рускіе	русскіе
195	4	прдпріятіе	предпріятіе
196	9	такъ	съ тѣмъ
198	20	причистую	пречистую
201	6	земль	области
203	9	Седмязерную	Семи-озерную
204	18	нигородцами	нигородцами
208	30	митр.	архіеп.
222	28	Манассія	Манассія
232	17	Манассія	Манассія
238	36	45, 45	45, 46
238	20	Варсонофія	Варсонофн
244	20	бросить	бросить
252	22	Іоанъ	Іоаннъ
256	14	мѣне	мѣне
276	2	дѣла X	дѣла X
284	7	смоленскій	(смоленскій)
287	1	мѣне	мѣнѣ
289	24	Исидора	Исидора)
304	прим. 1, стр. 4	всего территорія	всѣ территоріи
311	прим. 1 стр. 9	Поединки	поединки
312	5	о возстановленіи	о безусловномъ возста-
			новленіи
312	15	объ этомъ	о нихъ
313	16	были	были
351	15	въ Волокаламскаго	въ Волока-Дамскаго
371	38	гиневеѣ	гиневеѣ
389	30	1490	1485
392	23	дѣйствительности	дѣйствительности
400	16	его	его
406	12	признали	признавали
409	13	пытокъ	пытокъ
411	24	мѣнають	мѣнають
428	7	домли	дома

СТРАН. СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛЕДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
441 24	благоченіе	благочиніе
446 3	третьихъ	третьихъ
441 14	безпристрасно	безпристрастно
458 15	ву-	ув-
459 32	будуще	будущіе
472 1	примѣрится	примирился
472 22	себя	себѣ
472 32	въ Москвѣ	и въ Москвѣ
486 10	гробъ	градъ
486 15	рассваялся	рассваялся
507 23	разсказывалъ	разсказываетъ
513 29	06	206

279 305 3315 320 327
328

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

~~WIDENER~~
~~BOOK DATE~~
~~APR 10 1968~~
~~WIDENER~~
~~LIBRARY~~
~~JUL 8 1968~~
~~7743~~
~~CANCELLED~~
~~JUN 10 1968~~

CANCELLED
WIDENER